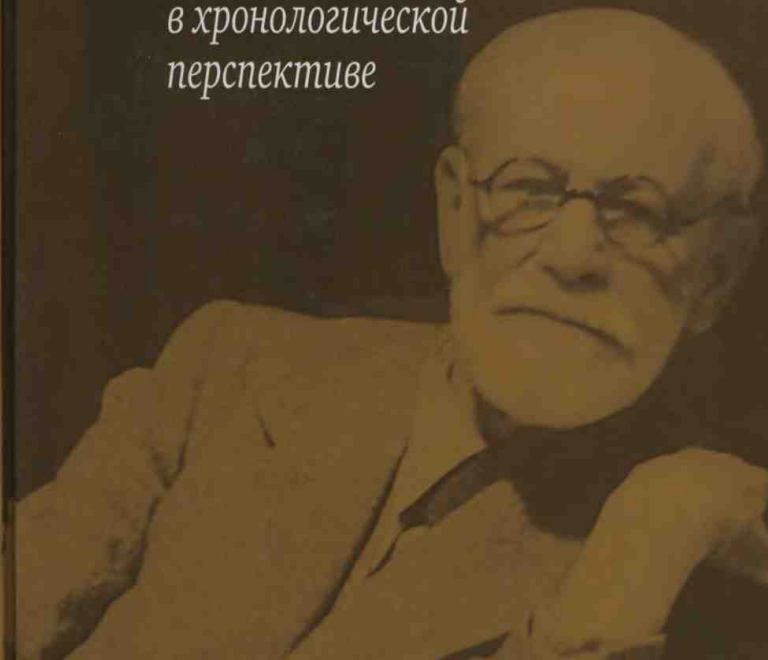
Библиотека психоанализа

Жан-Мишель Кинодо

Читая Фрейда

Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе

Ж.-М. Кинодо Читая Фрейда

COGITO CENTRE

Библиотека психоанализа

ЧИТАЯ ФРЕЙДА

JEAN-MICHEL QUINODOZ

LIRE FREUD

Découverte chronologique de l'œvre de Freud

Presses Universitaires de France

Жан-Мишель Кинодо

ЧИТАЯ ФРЕЙДА

Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе

Москва
Когито-Центр
2012

УДК 159.9
ББК 88
К 41

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Перевод с французского
О. Я. Журавлева
Научный редактор
Н. И. Кигай

Кинодо Ж.-М.

К 41 Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе / Пер. с фр. – М.: «Когито-Центр», 2012. – 416 с. (Библиотека психоанализа)

ISBN 2 13 053423 6 (фр.)
ISBN 978-5-89353-352-1 (рус.)

УДК 159.9
ББК 88

В основу данной книги положен опыт проведения семинара по изучению трудов Зигмунда Фрейда, организованного Жан-Мишелем Кинодо в 1998 году в рамках подготовки специалистов в Психоаналитическом центре им. Раймона де Соссюра (Женева). Каждая глава книги посвящена отдельному произведению Фрейда, причем хронологический принцип изложения позволяет читателю представить ход мысли основателя психоанализа, а системность подачи материала формирует целостное впечатление об изучаемой работе. Помимо обсуждения самого изучаемого произведения, дается краткая информация о социально-исторических условиях его написания, излагаются соответствующие по времени факты жизни самого Фрейда, значимых для психоанализа фигур и наиболее известных пациентов, выделяются основные понятия, введенные Фрейдом в данной работе, а также прослеживается судьба этих понятий в хронологической перспективе и в трудах постфрейдистов. Отдельное место в книге уделено изложению принципов активного изучения творчества Фрейда.

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication du Ministère français des Affaires étrangères et européennes
Ouvrage publié avec le concours du Ministère français chargé de la culture – Centre National du Livre

Публикация книги поддержана издательскими программами Министерства иностранных и европейских дел Франции и Министерства культуры Франции – Национального центра книги

© Presses Universitaires de France, 2004
© Когито-Центр, 2012

ISBN 2 13 053423 6 (фр.)
ISBN 978-5-89353-352-1 (рус.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию ⁂ 7

Объяснительная записка ⁂ 9

Читая Фрейда ⁂ 11

Хронологическая таблица ⁂ 18

I
ОТКРЫТИЕ ПСИХОАНАЛИЗА (1895–1910)

Исследование истерии, З. Фрейд, Й. Брейер (1895d) ⁂ 25

Письма к Вильгельму Флиссу (1887–1904) ⁂ 41

«Проект научной психологии» (1950c [1895]) ⁂ 47

«Защитные психоневрозы» (1894a), «Об основании для выделения в неврастении определенного симптомокомплекса в качестве самостоятельного „невроза тревоги“» (1895b), «Еще несколько замечаний о защитных психоневрозах» (1896b), «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898a), «О покрывающих воспоминаниях» (1899a) ⁂ 55

Толкование сновидений (1900a), *О сновидении* (1901a) ⁂ 62

Психопатология обыденной жизни (1901b) ⁂ 74

Остроумие и его отношение к бессознательному (1905c) ⁂ 81

Три очерка по теории сексуальности (1905d) ⁂ 91

«Фрагмент анализа случая истерии» (случай Доры) (1905e) ⁂ 103

Бред и грезы в «Градиве» В. Йенсена (1907a) ⁂ 114

«Анализ фобии пятилетнего мальчика» (случай Маленького Ганса) (1909b) ⁂ 121

«Заметки о случае обсессивного невроза» (случай Человека с крысами) (1909d) ⁂ 135

Воспоминание детства Леонардо да Винчи (1910c) ⁂ 144

II
ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ (1911–1920)

«Психоаналитические заметки об автобиографически описанном случае паранойи (Dementia paranoides)» (случай президента Шребера) (1911c) ⁂ 153

Заметки о психоаналитической технике (1904–1919) ⁂ 163

Тотем и табу (1912–1913a) ⁂ 182

«Введение в нарциссизм» (1914c) ⁂ 192

Метапсихология (1915–1917)
(*Лекции по введению в психоанализ,* 1916–1917) ⁂ 203

«Из истории детского невроза» (случай Человека с волками) (1918b) ⁂ 234

Жуткое (1919h) ⁂ 247

«Ребенка бьют» (1919e),
«О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920a) ⁂ 254

III
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (1920–1939)

По ту сторону принципа удовольствия (1920g) ⁂ 275

Психология масс и анализ Я (1921c) ⁂ 288

Я и Оно (1923b) ⁂ 301

«Экономическая проблема мазохизма» (1924c) ⁂ 313

Торможение, симптом и тревога (1926d) ⁂ 320

Будущее одной иллюзии (1927c) (*К вопросу о неврачебном анализе,* 1926e) ⁂ 333

Неудовлетворенность культурой (1930a),
Новый цикл лекций по введению в психоанализ (1933a) ⁂ 344

Отрицание реальности и расщепление Я (1924–1938)
(*Очерк о психоанализе,* 1940a [1938]) ⁂ 355

«Анализ конечный и бесконечный» (1937c),
(«Конструкция в анализе», 1937d) ⁂ 370

Человек Моисей и монотеистическая религия (1939a) ⁂ 383

Читать Фрейда сегодня? ⁂ 396

Литература ⁂ 398

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я очень рад, что моя книга «Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе» должна появиться на русском языке: растущий интерес к психоанализу в России известен мне не понаслышке. Работа в издании «The International Journal of Psychoanalysis» позволила мне завязать в последние годы немало знакомств с русскими коллегами, многие из которых стали моими друзьями. Я также участвовал в организации трех конференций «Аналитик за работой», проводившихся в Москве в 2004, 2007 и 2010 гг. под эгидой Московского психоаналитического общества и под патронажем «The International Journal of Psychoanalysis». При проведении этих конференций был заметен энтузиазм участников, их искреннее увлечение психоанализом, выводившее наше общение на тот качественный уровень, который сам по себе ясно свидетельствовал о постоянном углублении их психоаналитического опыта.

Помимо этого, в качестве главного редактора журнала «New Annuals of The International Journal of Psychoanalysis» я принимал участие в создании русского «Ежегодника», первый том которого вышел в мае 2010 г. (Москва, «Новое литературное обозрение»). Этот «Ежегодник» обязан своим появлением настойчивости Игоря Кадырова (ответственного редактора), Натальи Кигай (секретаря) и членов редколлегии, любезно согласившихся осуществить перевод. Уточню: «Ежегодники» представляют собой подборки статей, опубликованных ранее в «The International Journal of Psychoanalysis» – издании, пользующемся большим авторитетом в среде психоаналитиков: с их помощью те наши коллеги, для которых английский не является родным языком, получают прямой доступ к важнейшим статьям и благодаря этому могут ближе познакомиться с различными подходами к психоанализу, существующими в настоящее время. «Ежегодники» позволяют ускорить обмен идеями между различными психоаналитическими сообществами. Помимо русского издания, есть ежегодники на французском, итальянском, немецком и турецком языках, а в Латинской Америке – на испанском и португальском.

Но вернемся к книге. «Читая Фрейда» – это результат моего более чем двадцатилетнего опыта руководства семинаром по изучению трудов Фрейда в хронологической перспективе, проводившимся в рамках общего курса обучения будущих психоаналитиков в Женеве. Этот опыт показал мне, как важно уметь излагать идеи Фрейда как можно более понятным языком в том порядке, в каком они появляются в его текстах – то же относится и к текстам других авторов, написанным позднее, которые дополняют их, составляя вместе с ними основу современного психоанализа. В каждой главе читатель найдет фрагменты текста, поясняющие различные аспекты трудов Фрейда в свете его биографии, эволюции основных понятий психоанализа и дополнений послефрейдовской эпохи. Книга «Читая Фрейда» не призвана

заменить собой самостоятельное изучение комментируемых источников: напротив, ее следует рассматривать как приглашение к такому изучению.

Успех книги объясняется, очевидно, сочетанием многоуровневого подхода к анализу наследия Фрейда в целом и хронологического принципа в изложении его идей с систематическим разбором отдельных трудов в клиническом и дидактическом аспекте. Таким образом, она предназначена для всех, кто хотел бы узнать больше о Фрейде и о психоанализе. В настоящее время книга переведена уже более чем на десять языков; особенно популярна она среди руководителей семинаров, которые часто включают ее в список рекомендованной литературы.

В заключение я хотел бы сердечно поблагодарить переводчицу О. Я. Журавлеву, а также редактировавшую перевод Наталью Кигай и издателя книги В. Белопольского (издательство «Когито-Центр», Москва).

Жан-Мишель Кинодо

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Заголовки

Книги: *курсивом,* например:
Психопатология обыденной жизни или *ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ*

Статьи: прямым шрифтом, в кавычках, например:
«Введение в нарциссизм» или «ВВЕДЕНИЕ В НАРЦИССИЗМ»

Библиографические сведения

Указывается дата первого издания изучаемого произведения согласно хронологии, опубликованной в Freud-Bibliographiemit Werkkonkordanz (I. Meyer-Palmedo et G. Fichtner, S. Fischer Verlag, 1989) и в Standard Edition, например: *Психопатология обыденной жизни* (1901в).

В случае, когда дата публикации не соответствует дате создания, я указывал дату публикации, а затем в квадратных скобках дату создания, например: *Краткий курс психоанализа* (1940a [1939]).

Цитаты: Ссылки на произведения Фрейда

Ссылки, как правило, содержат две цифры: (p. 235 [132]), где первая цифра – p. 235 – отсылает к странице одного из современных переводов текстов Фрейда, а вторая цифра – [132] – к вышедшим на сегодняшний день томам Œuvres complètes de Freud, Psychanalyse [OCF. P.].

Материал, заключенный в рамки

Биографии и история

Сведения о личной жизни Фрейда, имеющие отношение к созданию изучаемого произведения, а также биографии некоторых его учеников, помещенные в контекст эпохи.

Постфрейдисты

Основные работы постфрейдистов, опирающиеся на изучаемое произведение.

Хронология понятий

Перечень основных понятий, введенных Фрейдом, показывающий очередность их появления в его произведениях и воссоздающий историю идей.

Эволюция понятий

Изучение эволюции некоторых основных понятий, которые Фрейд развивал и углублял в течение десятилетий, например эдипова комплекса или переноса.

ЧИТАЯ ФРЕЙДА

Результат индивидуальной и коллективной работы

«Читая Фрейда» – результат долгого труда, индивидуального и коллективного, который занял гораздо больше времени, чем те два года кропотливой работы, что потребовались мне для написания этой книги. Произведение основано, прежде всего, на опыте моей личной встречи с психоанализом и на моем многолетнем опыте частнопрактикующего психоаналитика, лечащего пациентов классическим образом, на кушетке, и, как правило, с частотой четыре сеанса в неделю. В то же время «Читая Фрейда» представляет собой итог работы семинара по хронологическому изучению трудов Фрейда, который начался в 1988 г. в рамках подготовки будущих психоаналитиков в Психоаналитическом центре им. Раймона де Соссюра в Женеве и который я продолжаю вести и в настоящий момент. Поскольку этот семинар определил и содержание, и форму моего труда, мне показалось важным рассказать об этом групповом опыте перед тем, как представить само произведение.

Разные способы чтения Фрейда

Есть несколько способов читать Фрейда: каждый из них имеет свои недостатки и достоинства, но все они дополняют друг друга. Можно читать Фрейда избирательно, выбирая отдельную книгу или статью, или, определив тему, прочитать те произведения, которые к ней относятся. Избирательное чтение имеет то преимущество, что позволяет изучить произведение детально, задержаться на нем, тем более что тексты Фрейда особенно располагают к «талмудическому» чтению, т. е. к анализу смысла каждой фразы и даже каждого слова, сопоставлению их с другими текстами. Однако при таком типе чтения потребуется много лет, чтобы прочитать все 24 тома психоаналитических трудов Фрейда, не считая его допсихоаналитических трудов и переписки, которая также занимает множество томов.

Можно также читать Фрейда в хронологическом порядке, т. е. последовательно изучать его основные психоаналитические работы, начиная с *Исследования истерии,* опубликованного в 1895 г., и заканчивая *Очерком о психоанализе,* написанным в 1939 г., за год до его смерти. Чтение произведений Фрейда в порядке их появления на свет, не задерживаясь на каждом в особенности, позволяет читателю понять развитие его мысли в течение

десятилетий. Для того чтобы хронологическое чтение было действительно продуктивным, мне кажется важным с самого начала ограничить его по времени, даже если такой подход не позволит подвергнуть каждое произведение детальному анализу, какого оно заслуживает. Речь идет о том, чтобы читатель не потерял целостную картину, поскольку такой общий обзор творчества Фрейда дает нам возможность заметить, что часто разные течения психоанализа отдают предпочтение одним его аспектам перед другими. Отметим также, что эта фокусировка имеет тенденцию усиливаться по мере того, как она передается из поколения в поколение, рискуя все более оттеснить в тень другие аспекты творчества Фрейда, ничуть не менее ценные.

Как бы мы ни читали Фрейда – избирательно или в хронологическом порядке, эти два типа чтения не противостоят, а дополняют друг друга, поскольку каждый из них по-своему показывает, как Фрейд постоянно пересматривает свою точку зрения, использует свои сомнения и делает выводы из клинического опыта, чтобы непрерывно углублять свои открытия. Конечно, можно в одиночку броситься в подобное предприятие, но это потребует много времени и упорства, пока читатель, совершив полный обзор, не получит общую картину эволюции мысли Фрейда, поэтому, как мне кажется, такой опыт оказывает особенно стимулирующее действие при групповом чтении.

Семинар по хронологическому изучению творчества Фрейда

Одновременно хронологический и системный подход

Это приключение началось в 1988 г., когда в группе кандидатов нашего общества зародилась идея подобного семинара и шли поиски обучающих психоаналитиков, согласных вести семинар по хронологическому изучению творчества Фрейда. Меня привлекла эта идея. Я подумал, что если стану ведущим такого семинара, то сам многому научусь, поскольку до этого читал Фрейда хотя и прилежно, но избирательно и бессистемно. Однако обычная форма проведения подобных семинаров, при которой каждый участник в свободной форме излагает свои соображения, основанные на индивидуальном чтении, мне не подходила. Тогда мне пришло в голову предложить, чтобы каждый участник внес свой вклад в освещение изучаемого произведения под различными углами зрения – в свете биографии, истории идей, постфрейдистских разработок и т. д. Я считал, что такой метод работы, благодаря двойному подходу (хронологическому, нелинейному, и системному изучению), позволит сделать изучение творчества Фрейда более полным. Такой проект мне понравился, и я счел, что стоит воплотить его в жизнь при условии, что все заинтересованные участники согласятся принять предложенный мной метод работы.

Важность организации семинара

Постепенно я осознал важность определенных рамок, в которых проходит семинар по хронологическому чтению, поняв, что от них в большой степени зависит его успех. Например, я считаю важным на первом же заседании информировать участников семинара о программе предстоящих трех лет работы, чтобы они имели возможность составить представление о ее будущем объеме и трудоемкости. Я разделил основные произведения Фрейда на три периода, с тем чтобы читать их в течение трех лет, и такого же плана работы я придерживался в этой книге. Семинар проходит раз в две недели, что составляет примерно пятнадцать семинаров в год, каждое заседание длится полтора часа. Количество участников, как правило, от 16 до 18 человек, семинар проходит в закрытой группе: начав работу, мы не принимаем новичков. На предварительном заседании участники знакомятся с программой, что позволяет им принять поставленную перед ними задачу, оценить возможность приложить необходимые усилия к достижению цели и получить от этого удовольствие.

Активное участие каждого

Не менее важно, чтобы каждый участник чувствовал, что это не лекционный курс, семинар создается лично им, а моя работа ограничивается ролью проводника в этом трехлетнем путешествии. Такое участие предполагает одновременно индивидуальную работу и коллективное обсуждение. По ходу дела я заметил, что чем более активное участие в построении семинара требуется от каждого, тем больше участники заинтересованы и тем больше пользы из него извлекают. Об этом свидетельствует небольшое количество пропусков и то, что в случае вынужденного отсутствия участники всегда предупреждают меня и сами находят себе замену, так что их часть работы оказывается сделанной.

Индивидуальная работа включает следующую деятельность:

- *Чтение выбранного произведения.* Предполагается, что каждый перед заседанием прочитал произведение, указанное в программе, и предлагает собственные вопросы в ходе дискуссии.
- *Свободный выбор перевода.* Каждый волен выбрать текст на том языке, на каком желает, и в переводе, который предпочитает. Некоторые читают текст в оригинале, на немецком языке, большая часть участников использует один из существующих французских переводов, остальные – английский, итальянский или испанский тексты. Разнообразие переводов позволяет выявить всю сложность проблем, стоящих перед переводчиками Фрейда.
- *Написание текста рубрики.* Все участники по очереди составляют короткий текст, не больше страницы (около 300 слов), относящийся к одной из следующих рубрик:

1) *Биографии и история* – краткий очерк жизни Фрейда в период создания изучаемого текста, воссоздающий исторический контекст, в котором появилась данная работа.
2) *Хронология понятий* – выделение в изучаемом произведении понятий, введенных Фрейдом, по мере их появления для воссоздания истории идей.
3) *Постфрейдисты* – подборка основных постфрейдистских работ, опирающихся на изучаемое произведение, в их исторической и интернациональной перспективе.
4) *Протоколы семинара* – резюме обсуждения, которое раздают всем участникам семинара на следующем заседании.

Сообщение о результатах индивидуальной работы происходит во время заседания семинара. Последнее, как правило, начинается с кратких сообщений и раздачи текстов разных рубрик. Первым делом один из участников вслух зачитывает рубрику, посвященную биографии Фрейда, за этим следует короткое обсуждение. Затем, после того как другой участник прочтет рубрику, посвященную понятиям Фрейда, открывается общая дискуссия. Она длится около сорока пяти минут и обычно бывает очень оживленной. Если возникают трудности с началом дискуссии, я прошу каждого из участников по кругу задать вопрос, появившийся у него в процессе чтения текста, чтобы дать импульс общему обсуждению. В последней части семинара третий участник зачитывает рубрику, посвященную вкладу постфрейдистов, за этим следует обмен мнениями и возобновление общей дискуссии. В другой работе я описал в деталях течение одного заседания семинара, посвященного тексту Фрейда «Ребенка бьют» (Кинодо, 1997). Парадоксальным образом короткое время, выделенное на каждое заседание, становится стимулирующим фактором, поскольку каждый вынужден продумать заранее и представить в сжатом виде соображения, которыми хочет поделиться с группой.

Высокие требования: динамический фактор

Я понимаю, что много требую от участников семинара, вынуждая их не только прочесть большинство произведений Фрейда, но и высказать публично свои размышления на эту тему, а также провести необходимые исследования, чтобы написать одну из рубрик. Подготовка к заседаниям требует больших затрат времени, по необходимости отнимаемого у профессиональной, обычно и без того очень насыщенной, а также частной, семейной жизни. Это усилие возможно, только если встречи позволяют испытать и разделить общее удовольствие. Чтобы лучше познакомиться в неформальной обстановке, мы предлагаем в конце каждого года собраться на вечеринке-фуршете, куда можно прийти с супругом или партнером.

Требование активного участия каждого стало решающим фактором динамики, складывающейся в процессе работы. Подобное «сверхучастие» в построении семинара создает дружеский порыв на то ограниченное время, что мы проводим вместе, зная, что расстанемся по истечении трех лет. В конечном счете семинар приносит нечто большее, чем умножение знания,

поскольку общая работа позволяет каждому участнику научиться слушать себя, слушать то, что пытается выразить другой, а также развиваться в контакте с другими. Это путь, позволяющий не только изучить творчество Фрейда, но и научиться ценить разнообразие точек зрения.

Я получил подтверждение той стимулирующей роли, которую играют для плодотворной работы группы относительно высокие требования, после того как временно отказался от них на втором трехгодичном цикле обучения, когда первый трехгодичный цикл был успешно завершен и набрались новые слушатели. На первом заседании второго цикла семинара один из участников яростно раскритиковал предложенный мной способ работы и отказался участвовать в этом, как он выразился, «марафоне». В то время я еще не был убежден в обоснованности своих требований и поставил вопрос на голосование. Сопротивление одного получило поддержку других, и я нехотя принял отказ участников от индивидуальной работы по написанию текстов по рубрикам; единственный письменный текст, который мне удалось получить от них,– «Протоколы семинара». Тем не менее я продолжал вести семинар. В течение последующих трех лет больше всего страдала общая дискуссия, так как часто требовалось слишком много времени, чтобы ее инициировать. Даже если каждый участник внимательно изучал тексты Фрейда, я чувствовал, что членам группы не хватает навыка структурирования мыслей, который постепенно вырабатывается именно благодаря тем индивидуальным усилиям, что требуются для написания текста по рубрикам и его публичного представления. Сегодня, по прошествии времени, я бы ни за что не уступил, как это сделал тогда из-за недостатка опыта.

Читая Фрейда: инструкция

Безумное предприятие?

Долгое время идея написать книгу, обобщающую все творчество Фрейда, не приходила мне в голову, настолько непомерным казался мне этот труд. К тому же я не представлял себе, каким образом подход, составлявший сущность моего семинара,– параллельный хронологический и системный подход к текстам Фрейда – мог быть воплощен в письменном виде. Но однажды у меня появилась мысль использовать одновременно различные шрифты, графику, разбивку по страницам и цвет, чтобы визуально организовать эту комбинацию системного подхода и хронологического взгляда на творчество Фрейда.

Схема построения каждой главы

Я построил книгу «Читая Фрейда» согласно плану программы трехгодичного семинара, так что каждая глава соотносится с заседанием, посвященным изучению того или иного произведения.

Название главы

Каждая глава, как правило, носит название одного из произведений Фрейда. Чтобы показать, идет ли речь о книге или о статье, я указываю названия статей в кавычках. После имени Фрейда указывается дата первой публикации изучаемого произведения согласно хронологии, опубликованной в *Freud-Bibliographiemit Werkkonkordanz* (I. Meyer-Palmedo et G. Fichtner, S. Fischer Verlag, 1989) и в *Standard Edition*. Когда дата публикации не соответствует дате написания, я следую правилу указывать сначала первую и помещать дату написания в квадратные скобки, например: *Очерк о психоанализе* (1940a [1939]). Обращаю внимание читателя на то, что французские переводчики *Œuvres complètes de Freud, Psychanalyse* придерживались обратного порядка, что не соответствует принятому хронологическому порядку.

Введение

Каждая глава имеет содержательный подзаголовок и введение, которое кратко представляет изучаемое произведение. Моей целью было дать представление о содержании главы и кратко определить положение изучаемого произведения среди других трудов Фрейда.

Биографии и история

Этот раздел рассказывает о событиях частной жизни Фрейда, имеющих отношение к изучаемому произведению, а также об историческом контексте. Я упоминаю основные обстоятельства, повлиявшие на написание произведения. В эту же рубрику включены краткие биографии самых важных современников Фрейда, ставших его последователями, и биографии его примечательных пациентов.

Изучение произведения

Ссылки. Для каждого изучаемого произведения я чаще всего давал ссылки на два текста из числа переводов, доступных на французском языке. Первый текст, на который я ссылаюсь, – тот, по которому я привожу цитаты из работ Фрейда, набранные курсивом: речь идет о переводах, вышедших в «Библиотеке психоанализа» (Presses Universitaires de France), в серии «Знание о бессознательном» и Folio, Essais (Gallimard), а также в Petite Bibliothèque Payot. В том случае, когда изучаемый текст содержится в одном из уже вышедших томов *Œuvres complètes, Psychanalyse,* я ссылаюсь на него тоже, помещая вторую ссылку в квадратные скобки.

Таким образом, в сноске указаны обычно две цифры – (235 [132]): первая – p. 235 – отсылает к соответствующей странице одного из текущих переводов Фрейда, вторая – [132] – к *Œuvres complètes de Freud, Psychanalyse.*

Читатель найдет в библиографии ссылки на тома *Sigmund Freud, Gesammelte Werke* (Frankfurt am Mein: Fischer Verlag) и *The Standard Edition of*

The Complete Psychological Works of Sigmund Freud (London, The Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis).

Какими изданиями следует пользоваться?

Существует множество переводов каждого произведения, доступных на французском языке в разных изданиях разных лет. Более того, в данный момент в Presses Universitaires de France издается *Полное собрание сочинений* Фрейда, из которого на настоящий момент вышло чуть более половины томов. Оказавшись перед трудным выбором, какими изданиями пользоваться, я доверился своему опыту ведущего семинара, обратив внимание на то, что участники предпочитают использовать карманные издания и издания в мягких обложках отчасти из соображений экономии, отчасти потому, что они переведены более доступным языком.

Как выделить основную нить произведения

Как представить произведение, избежав и упрощения при кратком его пересказе, и излишнего энциклопедизма, т. е. не утомляя читателя обилием цитат? Столкнувшись с этой проблемой, я решил представить каждое произведение таким образом, чтобы разбудить любопытство читателя, вызвать в нем желание самостоятельно прочесть полный текст в оригинале или в переводе. Кроме того, я старался передать основное содержание простым и по возможности обыденным языком. Читая Фрейда в оригинале, я наслаждаюсь простотой немецкого языка, которым он пользуется; поскольку Фрейд предпочитал обыденные выражения, я старался писать в том же духе.

Изучая тексты Фрейда, мы видим в них непрерывное развитие мысли: Фрейд оставляет предыдущую идею ради новой, затем снова возвращается к первой, даже вступая в противоречие с самим собой. Чтение оригинального текста открывает нам, до какой степени произведение Фрейда стимулирует наши собственные размышления и вызывает новые, представляя собой по-настоящему «открытое», в понимании У. Эко, произведение, как показал А. Ферро (Ferro, 2000). Фрейд пишет в стиле исследователя, который открывает незнакомый пейзаж, записывает свои путевые впечатления, делает эскиз в записной книжке, а иногда задерживается надолго, чтобы установить мольберт и создать шедевр.

Важность клинического подхода

Когда я писал эту книгу, то отдавал предпочтение клиническому подходу как в моем собственном прочтении Фрейда, так и представляя другие точки зрения. Я считаю важным подчеркнуть, что психоанализ – это не только теория и метод познания человеческой психики, но, прежде всего, – клини-

ЗИГМУНД ФРЕЙД (1856–1939) ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ФАКТЫ БИОГРАФИИ ФРЕЙДА	ПУБЛИКАЦИИ
1856: родился 6 мая 1856 г. во Фрайберге (ныне Пршибор, Чехия) 1860: прибытие семьи Фрейдов в Вену 1873: начинает изучать медицину 1876–1882: становится ассистентом в Институте психологии в Вене (у проф.Э. Брюкке)	Публикация об открытии тестикул у угря (1877)
1880: знакомство с доктором Йозефом Брейером 1881: становится доктором медицины; Й. Брейер лечит Анну О... 1882: помолвка с Мартой Бернайс 1883–1884: исследование свойств кокаина 1885: становится приват-доцентом; стажировка у Жан-Мартена Шарко в больнице Сальпетриер, Париж 1886: открывает частную практику в Вене; женитьба на Марте Бернайс 1887: рождение дочери Матильды; знакомство с Вильгельмом Флиссом, Берлин 1888: 1889: рождение сына Мартина; пребывание у Ипполита Мари Бернхайма в Нанси	Публикации о кокаине (1884) *Письма к Вильгельму Флиссу* (1887–1902) 1877–1883: Публикации о нервных клетках рыб 1888–1893: Различные статьи о гипнозе
1890–1891: переезд в Вену, на Берггассе, 19; рождение сына Оливера 1892: рождение сына Эрнеста 1893: рождение дочери Софии 1894: 1895: рождение дочери Анны; основополагающее сновидение («Об инъекции Ирме») 1896: смерть отца – Якоба Фрейда; разрыв с Брейером 1897: начало самоанализа 1896–1902: разочарование в теории соблазнения 1898: царь Эдип, Гамлет 1899:	«К вопросу о трактовке афазии» (1891в) «Детские церебральные параличи» (1891с) «Предварительное сообщение» (Фрейд и Брейер, 1893) «Защитные психоневрозы» (1894а) Исследование истерии (1895d) – «Невроз тревоги» (1895в) «Проект научной психологии» (1950с [1895]) «Еще несколько замечаний о защитных психоневрозах» (1896в) «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898а) «О покрывающих воспоминаниях»(1899а)
1900: лечение Доры (Ида Бауэр) 1901: первое путешествие с братом Александром в Рим 1902: основание общества «Психоаналитические научные среды»; знакомство со В. Штекелем и А. Адлером 1903: получает звание экстраординарного профессора медицинского факультета в Вене 1904: начало международного признания 1905: знакомство с О. Ранком 1906: 1907: знакомство с К.Г. Юнгом, К. Абрахамом, М. Эйтингоном	*Толкование сновидений* (1900а) *О сновидении* (1901а) *Психопатология обыденной жизни* (1901в) *Остроумие и его отношение к бессознательному* (1905с) *Три очерка по теории сексуальности* (1905d) «Фрагмент анализа случая истерии» (случай Доры) (1905е) *Бред и грезы в «Градиве» В. Иенсена* (1907а)

1908: знакомство с Ш. Ференци, Е. Джонсом, Г. Заксом, П. Федерном 1909: образовано Венское психоаналитическое общество; знакомство с пастором О. Пфистером	«Анализ фобии пятилетнего мальчика» (случай Маленького Ганса) (1909b) «Заметки о случае обсессивного невроза» (случай Человека с крысами) (1909d)
1910: основание Международной психоаналитической ассоциации (IPA) 1911: конфликт в Венском обществе; отступничество А. Адлера 1912: образование «Тайного комитета»; отступничество Штекеля 1913: встреча с Лу Андреа Саломе; разрыв с Юнгом 1914: начало Первой мировой войны; мобилизация сыновей Мартина и Эрнста 1915: анализ Ференци у Фрейда (три периода, 1914–1916) 1916: мобилизация сына Оливера 1917: 1918: окончание войны; первый анализ Анны Фрейд у отца 1919: самоубийство В. Тауска; смерть мецената А. фон Фрейнда	*Воспоминание детства Леонардо да Винчи* (1910c) «Психоаналитические заметки об автобиографически описанном случае паранойи» (случай президента Шребера) (1911c) «Записки о психоаналитической технике» (1904–1919) *Тотем и табу* (1912–1913a) «Введение в нарциссизм» (1914c) Метапсихология (1915–1917) *Лекции по введению в психоанализ* (1916–1917) «Из истории детского невроза» (случай Человека с волками) (1918b) *Жуткое* (1919h) «Ребенка бьют» (1919e) «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920a)
1920: смерть дочери Софии; Э. Джонс основывает Международный журнал психоанализа (The International Journal of Psychoanalysis) 1921: 1922: 1923: первая операция по поводу рака 1924: Ранк опубликовал книгу *Травма рождения* 1925: смерть Абрахама; смерть Брейера 1926: 70-летие Фрейда; отступничество Ранка; приезд в Лондон М. Кляйн 1927: Конгресс в Инсбруке 1928: 1929: начало Великой депрессии	*По ту сторону принципа удовольствия* (1920g) *Психология масс и анализ Я* (1921c) *Я и Оно* (1923b) «Экономическая проблема мазохизма» (1924c) *Торможение, симптом и тревога* (1926d) *К вопросу о неврачебном анализе* (1926e) *Будущее одной иллюзии* (1927c)
1930: смерть матери Фрейда в возрасте 95 лет; Фрейд получает премию Гёте 1931: подъем антисемитизма в Австрии и Германии 1932: Конгресс в Висбадене 1933: смерть Ференци; приход к власти Гитлера 1934: 1935: 1936: 80-летие Фрейда; встреча с Р. Ролланом 1937: смерть Лу Андреа Саломе 1938: уезжает из Вены в Лондон с помощью Э. Джонса и Марии Бонапарт 1939: смерть в Лондоне 23 сентября 1939 г. в возрасте 83 лет	*Неудовлетворенность культурой* (1930a) *Новый цикл лекций по введению в психоанализ* (1933a) *Отрицание реальности и расщепление Я* (1924–1938) «Анализ конечный и бесконечный» (1937c) «Конструкция в анализе» (1937d) *Человек Моисей и монотеистическая религия* (1939a) *Очерк о психоанализе* (1940a [1938])

ческий и технический подход, позволяющий многим пациентам разобраться со своими бессознательными конфликтами, которые не удается разрешить никакими иными средствами даже в наши дни.

Хронология понятий

В конце каждой главы я перечисляю основные понятия, которые впервые были введены в изучаемом произведении и которым Фрейд придал статус подлинного психоаналитических понятий.

Но данный метод – представлять понятие в соответствии с конкретным периодом эволюции Фрейда – создает определенные проблемы. С одной стороны, подобная попытка точно установить время появления данного понятия у Фрейда часто выглядит надуманной. Действительно, перечитывая произведения Фрейда, мы замечаем, что он описывал явления, связанные с тем или иным психоаналитическим понятием, несколько раз в разные периоды, и лишь позднее этот феномен приобретал у него статус понятия. Например, термин «перенос» появляется уже в *Исследовании истерии* в 1895 г., но лишь десять лет спустя, в 1905 г., Фрейд даст ему определение в качестве психоаналитического понятия, описывая случай *Доры*.

Эволюция понятий

Некоторые основные понятия Фрейд развивал в течение многих десятилетий. Именно по этой причине я посвятил отдельный раздел самым важным из них, таким как «эдипов комплекс», «перенос» и некоторые другие.

Постфрейдисты

В этой рубрике я коснулся основных этапов развития, которое получили мысли Фрейда как у его непосредственных учеников, так и у основных наследовавших ему психоаналитиков вплоть до наших дней. Чтобы читатель не потерялся в большом количестве библиографических ссылок, я ограничил свой выбор самыми важными открытиями, лишь мельком упомянув некоторые другие заинтересовавшие меня факты. Постфрейдистское развитие психоанализа показывает, как психоаналитические понятия, намеченные Фрейдом, были затем подхвачены тем или иным течением мысли и обогащены новаторскими разработками. Верный этому духу, я отдал предпочтение интернациональному подходу, чтобы подчеркнуть разнообразие современных течений среди психоаналитиков, принадлежащих к основанной Фрейдом *Международной психоаналитической ассоциации*.

Благодарности

В первую очередь я хотел бы поблагодарить участников «Семинара хронологического чтения произведений Фрейда». Их активное участие в дискуссиях и личные материалы, собиравшиеся с 1988 г., составили часть базы для написания текстов по рубрикам «Биографии и история» и «Постфрейдисты». Я постарался перечислить их имена в приложении, чтобы выразить им мою благодарность. Кроме того, я благодарю Ханну Сигал, Андре Хайналя, Огюстена Жанно, Кристофа Херинга, Хуана Манцано и Пако Паласио, которые взяли на себя труд прокомментировать мою рукопись, а также Мод Штрухен, которая занималась библиографией.

Наконец, я посвящаю мою книгу «Читая Фрейда» Даниэль Кинодо, которая первая вдохновила меня на это приключение.

В заключение я желаю читателям доброго пути и напоминаю им, что чтение путеводителя никогда не заменит путешествия!

Жан-Мишель Кинодо
Колони (Женева), октябрь 2003

I

ОТКРЫТИЕ ПСИХОАНАЛИЗА

(1895–1910)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТЕРИИ
S. FREUD, J. BREUER (1895d)

Главное открытие: истерические симптомы имеют смысл

Мы начнем с *Исследования истерии* – основополагающего психоаналитического труда, в котором Фрейд и Брейер представляют свои достижения в лечении истерических симптомов и свои первые гипотезы. В конце XIX в. истерия была очень распространенным расстройством, и все задавались вопросом, какое происхождение она имеет: органическое или психическое. Врачи были сбиты с толку невозможностью найти истинную причину заболевания. Действительно, истерическая конверсия стала вызовом медицинской науке, так как ее симптомы нельзя было связать ни с какими локализуемыми анатомическими повреждениями, к тому же они появлялись и исчезали совершенно неожиданно. Невозможность понять эти симптомы, часто кажущиеся нарочитыми, раздражала врачей, так что от таких больных (а чаще всего ими становились женщины) в конце концов отказывались, рассматривая их как сумасшедших или симулянток.

В 1882 г. Фрейд, воодушевленный успехом своего венского коллеги Брейера, в свою очередь заинтересовался применением внушения и гипноза при лечении больных, страдающих симптомами, которые относили к истерии. В *Исследовании истерии* – труде, который стал итогом более чем десятилетней клинической работы, – оба исследователя в деталях описывают лечение пяти пациенток, затем каждый из них посвящает теоретическую главу своим гипотезам. Глава, написанная Фрейдом и озаглавленная «Психотерапия истерии», вошла в историю не оттого, что явилась первым текстом такого рода, но, прежде всего, потому что в ней Фрейд заложил клинические и теоретические основы новой дисциплины – психоанализа, восходящего к катартическому методу. Открытый Брейером «катартический метод», использовавшийся между 1880 и 1895 гг., стал формой психотерапии, позволявшей больному воскресить в памяти травматические события, происходившие в момент появления первых истерических симптомов. Брейер, а затем и Фрейд заметили, что эти симптомы исчезали по мере того, как пациентке удавалось воскресить воспоминание и заново глубоко пережить чувства, первоначально связанные с этими событиями. Фрейд рассказывает, что поначалу он, как и Брейер, прибегал к гипнозу и внушению, чтобы помочь больной вызвать эти патогенные воспоминания. Но вскоре он отказался от этой техники в пользу одного радикального изменения: Фрейд заметил, что, если попросить пациента свободно

говорить обо всем, что приходит в голову, – так называемый метод свободных ассоциаций, – спонтанное течение мысли последнего позволяло не только добраться до патогенных воспоминаний, ранее вытесненных, но проследить и преодолеть сопротивления, препятствующие пациенту обнаружить эти воспоминания. Этот новый технический подход повлек за собой все более и более ясное понимание той роли, которую играют сопротивление, перенос, символика речи, а также психическая проработка. Эти элементы, свойственные любому психоаналитическому лечению, были намечены Фрейдом в четвертой главе Исследования истерии. Что касается понятия отреагирования (l'abréaction), то оно постепенно было оставлено; тем не менее представление об эмоциональной разрядке остается неотделимым элементом психоанализа.

Можно ли сказать, что эти гипотезы, представленные в 1895 г., на сегодняшний день устарели? Тем, кто выдвигает подобное предположение, я сказал бы о психоанализе то же, что и о других великих открытиях: в конце XIX в. одновременно с психоанализом появилось множество изобретений, в дальнейшем они были усовершенствованы, но на данный момент никакое новое революционное открытие не смогло их заменить. Начинать работу с изучения такого основополагающего психоаналитического труда, как *Исследование истерии,* интересно именно потому, что сегодня этот терапевтический подход ничуть не потерял значения в своей области.

Биографии и история

Жизнь Фрейда до публикации *Исследования истерии* в 1895 г.

В 1895 г. Фрейду 39 лет: он женат, произвел на свет шестерых детей и уже имеет за плечами заметную медицинскую карьеру исследователя-невропатолога и практикующего невролога. Он родился в 1856 г. во Фрайберге (Моравия) в еврейской семье; хотя Фрейд называл себя либералом и атеистом, он сохранил эмоциональную связь с иудаизмом. В его семье сложились непростые отношения между поколениями. В возрасте 40 лет отец Фрейда Якоб женился во второй раз на двадцатилетней девушке Амалии Натансон – ровеснице двух его сыновей от первого брака. Это смущало юного Фрейда, который впоследствии воображал себя скорее ребенком юной пары – матери и одного из своих сводных братьев, чем сыном своего пожилого отца. Старший из восьмерых детей, Фрейд остался любимцем матери, что, без сомнения, способствовало укреплению его веры в свой успех. В 1860 г. семья Фрейда поселилась в Вене. Зигмунд изучал медицину и работал с известными профессорами, например с физиологом врачом-позитивистом Эрнстом Брюкке. Именно Брюкке познакомил Фрейда с Й. Брейером – физиологом и видным венским практикующим врачом, который интересовался лечением истерии и был на четырнадцать лет старше Фрейда.

Новаторский подход Фрейда к науке уже проявился в разных исследованиях, принесших ему известность. Так, благодаря первопроходческой

работе, посвященной теме морфологического и физиологического единства клеток и нервных волокон, Фрейд стал непризнанным первооткрывателем нейронной теории, позднее, в 1891 г., разработанной Генрихом Вильгельмом Вальдейером. Что касается публикаций Фрейда об афазии и полиомиелите, появившихся в 1891 г., их ценность признается и сегодня, в особенности его функциональная концепция афазии, опровергавшая принятую в то время теорию кортикальной локализации. Фрейд изучал и фармакологические свойства кокаина, ставя опыты на самом себе, но позже славу этого открытия присвоил один из его коллег. В 1885 г. Фрейд получил почетное звание приват-доцента.

В 1882 г. Зигмунд влюбился в Марту Бернайс. Ему было 26 лет, ей – двадцать. Их помолвка продлилась четыре года, в течение которых они почти ежедневно обменивались письмами. В этой переписке Фрейд часто показывает себя как тревожный, страстный и тиранический жених, а Марта – как надежная и сдержанная невеста, «нормальная» женщина, как позднее скажет о ней очень ценивший ее Э. Джонс. Они поженились в 1886 г., вскоре после открытия Фрейдом частной практики. У них родилось шестеро детей. В 1891 г. семья Фрейда переехала на новую квартиру в Вене (улица Берггассе, 19), где они жили до 1938 г., когда вынуждены были бежать от преследования нацистов в Лондон.

Фрейд и Брейер: плодотворное сотрудничество

Слушая своего венского друга и коллегу Йозефа Брейера, который в 1882 г. рассказал ему об успехах, достигнутых им в лечении истерических симптомов юной пациентки Анны О., Фрейд впервые обратил внимание на возможности, которые открывал гипноз в лечении больных истерией. Брейер сыграл определяющую роль в возникновении психоанализа. Врач, еврей по происхождению, он был известным физиологом и блестящим специалистом по внутренним болезням, человеком большой культуры. Он являлся также другом и семейным врачом многих влиятельных представителей венского общества, таких как философ Франц Брентано и композитор Иоганн Брамс. Фрейд познакомился с Брейером при посредничестве своего учителя Эрнста Брюкке, под руководством которого проводил исследования по нейрофизиологии с 1876 по 1882 г. После открытия собственной частной практики Фрейд применял технику Брейера в лечении многих пациенток и с большим удовольствием обнаружил, что наблюдения Брейера подтвердились и в этих случаях. Однако Фрейд, чей исследовательский ум всегда стремился к новым открытиям, вскоре стал искать свой собственный путь.

Фрейд учится у предшественников: Шарко и Бернхейма

Желая расширить свои познания, Фрейд решил пройти стажировку: в 1885–1886 гг. в Париже у Шарко, затем в 1889 г. в Нанси у Бернхейма. В течение нескольких месяцев он обучался у Шарко, прославившегося исследованиями, призванными разрешить проблему, которую представляла для медицины

истерия. Отвергая античные и средневековые теории, объяснявшие истерию возбуждением или стимуляцией матки, Шарко придал этому заболеванию статус определенной нозологической единицы и сделал ее предметом своих исследований. Он классифицировал истерию как одну из функциональных нервных болезней, или неврозов, чтобы отделить ее от психиатрических заболеваний органического происхождения. Он установил это различие, когда заметил, что распространение истерических параличей было случайным и отличалось от распространения, которое наблюдается при корешковом поражении. Используя гипнотическое внушение, чтобы воспроизвести истерические симптомы, а затем заставить их исчезнуть, Шарко показал, что истерические расстройства имеют психическую, а не органическую природу. Он выдвинул гипотезу о «динамическом повреждении мозга» травматического характера, которое могло являться причиной истерии как у женщин, так и у мужчин.

Однако Шарко использовал гипнотическое внушение прежде всего в целях демонстрации, а не в качестве лечения. Поэтому в 1889 г. Фрейд решил отправиться к Бернхайму в Нанси, чтобы усовершенствовать свою технику. Бернхайм показал, что гипноз – это внушение, которое производится, прежде всего, при помощи слов, а не магнетизмом взгляда. Он использовал этот подход в качестве психотерапевтической техники, и Фрейд стал применять ее после своего возвращения в Вену.

«Исследование истерии»: пятнадцатилетний труд

Фрейд потратил многие годы, чтобы убедить Брейера объединить в работе клинические наблюдения, которые они осуществляли с 1881 г., а также их гипотезы по теме истерии. Они начали с публикации промежуточных выводов о результатах применения катартического метода в «Предварительном сообщении» (1893), которое в 1895 г. вошло в «Исследование истерии» как первая глава.

Однако со времени публикации «Исследования истерии» завершилось сотрудничество двух авторов, и начиная с 1896 г. Фрейд, разочарованный отсутствием честолюбия у Брейера, продолжал свои исследования в одиночестве. Одной из причин их взаимного отчуждения стало то, что Брейер не признавал важности сексуальных факторов в происхождении истерии, в то время как Фрейд все больше их выделял. Тем не менее Брейер продолжал издали интересоваться развитием идей Фрейда. Последний с удивлением узнал об этом после смерти Брейера в 1925 г., когда сын Йозефа Роберт, отвечая на письмо с выражениями соболезнования, заверил Фрейда, что отец всегда с интересом относился к его трудам (Hirschmuller, 1978).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *S. Freud et J. Breuer* (1895d). Études sur l'hystérie, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1956.

• «ПСИХИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ИСТЕРИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ» З. ФРЕЙДА И Й. БРЕЙЕРА

Вступительная глава воспроизводит текст «Предварительного сообщения», уже опубликованного в 1893 г., где авторы последовательно описали свои клинические действия и сообщили о своих первых гипотезах. Они объявляют, что, как правило, случайное наблюдение позволяет открыть причину или, точнее, событие, которое в первый раз в далеком прошлом вызвало истерический симптом. Эта причина ускользает при простом клиническом осмотре, а сам больной не сохраняет воспоминаний об этом событии. Для пробуждения у пациента воспоминаний о том времени, когда симптом появился впервые, обычно необходима помощь гипноза: *«Только тогда удается установить самым четким и убедительным образом отношение, о котором идет речь»* (p. 1). Чаще всего события, которые позднее вызывают более или менее серьезные патологические проявления, происходят в детстве.

Наблюдения показывают, что, с точки зрения патогенеза, существует аналогия между истерией и травматическим неврозом, так как причиной возникновения истерических симптомов можно считать *психическую травму.* Впоследствии психическая травма и воспоминание о ней *«действуют как инородное тело, которое еще долго после своего вторжения продолжает играть активную роль»* (p. 4). По мнению авторов, исчезновение симптомов после возвращения травматического воспоминания подтверждает эту гипотезу. Я предоставляю слово Фрейду и Брейеру, чтобы описать этот новый терапевтический метод: *«К нашему огромному изумлению мы обнаружили, что каждый из истерических симптомов немедленно и безвозвратно исчезал, когда удавалось вытащить на свет воспоминание о происшествии, которое послужило толчком к началу заболевания и вызвало чувства, связанные с этим происшествием. Симптомы исчезали после того, как больной очень детально описывал то, что произошло, и давал этой эмоции вербальное выражение»* (p. 4). Однако, уточняют Фрейд и Брейер, чтобы возвращение этого воспоминания повлекло за собой терапевтический эффект, необходимо, чтобы пациент пережил первоначальное чувство: *«Воспоминание, лишенное всякой аффективной нагрузки, почти всегда совершенно бесполезно»* (p. 4). Эти повторяющиеся наблюдения привели Фрейда и Брейера к знаменитому с тех пор утверждению: *«Больной истерией страдает, прежде всего, от воспоминаний»* (p. 5).

Речь играет определяющую роль в *«катартическом»* действии, считают авторы, так как стирание патогенного воспоминания предполагает реакцию эмоциональной разрядки, будь то слезы или месть: *«Человек находит замену действию в речи, и благодаря этой замене аффект может быть „отреагирован" почти так же эффективно. Иногда возможности облечь в слова может быть достаточно: например, жалоба или исповедь дают возможность раскрыть секрет, выматывающий душу, приносят облегчение. Когда подобного отреагирования в речи, в действии или (в самых легких случаях) в слезах не происходит, аффект, связанный с воспоминанием, сохраняется»* (p. 6).

Кроме того, Фрейд и Брейер замечают, что память больного не сохраняет никаких следов первоначальных событий и что чаще всего речь идет о болез-

ненных воспоминаниях, которые «*...больной хотел бы сдержать, подавить, вытеснить из сознания*» (p. 7). Авторы объясняют появление истерических симптомов «*диссоциацией сознания*», т. е. «*двойным сознанием*», связанным с наличием «*гипноидного состояния*», которое составляет основополагающий феномен истерии. Коротко говоря, истерические симптомы являются результатом серьезной травмы (аналогичной той, что происходит при травматическом неврозе), вызывающей мучительное подавление (в последнем определенную роль играет сексуальный аффект), результатом ее становится «диссоциация» групп патогенных представлений. Как действует терапевтическое вмешательство? – в заключение спрашивают Фрейд и Брейер. «*Оно позволяет устранить влияние, которое имели „неотреагированные" аффекты, давая больному возможность выразить словами застывший аффект; воспоминание может быть включено в ассоциативный ряд, позволяющий вновь ввести его в сознание (под легким гипнозом), или устранено медицинским внушением, как это происходит при сомнамбулизме, сопровождающемся амнезией*» (p. 13).

• «ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ»: ПЯТЬ УСПЕХОВ КАТАРТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Далее авторы представляют отчет о пяти клинических наблюдениях, из которых лишь первое составлено Брейером, а в остальных четырех речь идет о пациентках Фрейда. Вот в общих чертах краткий экскурс, в котором мы хотели бы показать основные этапы, пройденные Брейером и Фрейдом в их важном исследовании.

• «Анна О...» Й. Брейера: первый случай

Когда Й. Брейер познакомился с Анной О... – ее настоящее имя – Берта Паппенгейм, молодой пациентке был 21 год и она страдала от нервного кашля и множества других истерических симптомов: частой смены настроения, нарушения зрения, правостороннего паралича, кратковременных угнетений сознания («абсансов»), сопровождавшихся галлюцинациями, различных нарушений речи и т. д. Часто и подолгу беседуя с больной, Брейер заметил, что некоторые симптомы исчезали после того, как молодая женщина подробно рассказывала ему о воспоминании, связанном с моментом их первого появления, в то же время вновь интенсивно переживая те же чувства, которые она испытала тогда. Случайно сделав это наблюдение, Брейер повторил опыт с другими симптомами, теперь уже более систематически, и точно установил, что когда он расспрашивал Анну О... об обстоятельствах первого появления симптомов, они исчезали по мере того, как пациентка ему отвечала. Вот что пишет Брейер: «*Был рассмотрен отдельно каждый из симптомов этой сложной клинической картины; все травмирующие случаи были извлечены на свет в порядке, обратном их возникновению, начиная со дня, предшествующего обострению заболевания, и заканчивая днем перво-*

го появления симптомов. Как только причина была названа, симптомы исчезали навсегда» (p. 25). Кроме того, Брейер наблюдал этот феномен, когда больная находилась в состоянии измененного сознания, близком к самогипнозу, в трансе, который он назвал *гипноидным состоянием*. Позднее Брейер улучшил свою технику и сам гипнотизировал пациентку, чтобы не ждать, пока она войдет в состояние самогипноза, что позволяло выиграть время. Сама Анна О... назвала эту лечебную процедуру *talking cure* (лечение словом), а восстановление воспоминаний, связанных с появлением симптомов, позволявшее их отреагировать, обозначила термином *chimney sweeping* (прочистка дымохода).

Затем Брейер приводит длинный список симптомов, исчезнувших благодаря этому, как он выражается, *очищающему повествованию* (p. 25–26), и иллюстрирует его множеством примеров. Самым крупным терапевтическим успехом явилось, без сомнения, исчезновение паралича правой руки у Анны О... Когда пациентка сидела у постели тяжелобольного отца, у нее случилось нечто вроде галлюцинации, во время которой она увидела змею, ползущую к отцу, чтобы укусить его, и в то же время заметила, что не может пошевелить как бы одеревеневшей правой рукой, которой опиралась о спинку стула. После этого первого эпизода мучительная галлюцинация неоднократно повторялась, сопровождаясь параличом правой руки и потерей способности говорить на любом языке, кроме английского. Брейер рассказывает, что к моменту завершения лечения Анна О... дала ему полное описание обстоятельств, при которых возникла галлюцинация со змеей. Как только она смогла вспомнить, что пережила той драматической ночью у постели больного отца, правосторонний паралич исчез и она снова обрела возможность говорить на немецком языке: *«Сразу после своего рассказа она заговорила по-немецки и избавилась от многочисленных нарушений, которые преследовали ее до этого. Потом она отправилась в путешествие, но прошло еще много времени до того, как она смогла полностью восстановить психическое равновесие. С тех пор она совершенно здорова»* (p. 30).

Постфрейдисты

Чем закончилось лечение Анны О...?

Брейер закончил свой отчет на довольно оптимистической ноте, объявив, что пациентке потребовалось некоторое время для полного восстановления психического равновесия, но что с тех пор она *«совершенно здорова»* (p. 30), однако в свете последних исследований это оказалось не совсем точно. Со своей стороны, Фрейд давал различные версии того, как закончился анализ Анны О... Много лет спустя он заявил, что лечение было прервано, поскольку Брейер не смог вынести любовный перенос своей пациентки и спасся бегством: *«Как сделал бы любой врач на его месте, если он не психоаналитик: Брейер пришел в ужас и передал свою пациентку коллеге»* (письмо Стефану Цвейгу от 2 июня 1932 г.). В биографии Фрейда (1953–1957) Джонс воспроизводит одну из этих версий: как он рассказывает, в последний день лечения Брейер был вызван к постели Анны О... и застал ее в истерическом

припадке, разыгрывающей рождение ребенка, отцом которого, по ее заявлению, являлся Брейер. Брейер спасся бегством и в тот же день вместе с женой отправился в Венецию, где, видимо, была зачата их дочь.

На самом деле, более поздние исторические изыскания показали, что широко распространенная версия Джонса была выдумкой Фрейда и не соответствует действительности. Так, Хиршмюллер (1978) доказал, что Брейер продолжал наблюдать свою пациентку и после окончания катартического лечения. В действительности некоторые проявления болезни Анны О... сохранились, более того, она страдала от невралгии тройничного нерва, которую Брейер лечил морфием, что вызвало наркотическую зависимость. В июле 1882 г. Брейер отправил пациентку для продолжения лечения к Людвигу Бинсвангеру – директору санатория в Кройцлингене, и к тому времени, как она покинула санаторий в октябре того же года, ее состояние улучшилось. Потом Анна О... жила в Вене, где еще несколько раз обращалась за врачебной помощью, затем переехала во Франкфурт. В Германии она вела активный образ жизни, стала известна как писательница и занималась общественной деятельностью. В свете новых данных Р. Бриттон пересмотрел этот основополагающий случай и выдвинул серию убедительных гипотез о природе истерического конфликта.

Некоторые хулители психоанализа использовали тот факт, что пациенты, описанные в *Исследовании истерии,* не были полностью избавлены от своих симптомов, для того, чтобы оспорить его действенность, обвиняя Фрейда и Брейера в мистификации, а Анну О... – в симуляции. Конечно, охваченные энтузиазмом, Брейер и Фрейд несколько приукрасили описания приводимых клинических случаев, так как одной из целей их публикации было показать, что в своих исследованиях они опередили Пьера Жане. Тем не менее не должно случиться так, что за деревьями не станет видно леса: каким бы относительным ни был успех данного лечения, случай Анны О... останется в анналах как первый триумф так называемого катартического метода, подтолкнувший Фрейда к открытию психоанализа.

- **«Эмми фон Н...» З. Фрейда: Фрейд впервые использует катартический метод**

Так же как открытие катартического метода возводят к лечению Анны О..., описанному Брейером, именно к случаю «Эмми фон Н...», описанному Фрейдом, восходит его отказ от использования гипноза в пользу метода свободных ассоциаций. Речь шла о женщине (чье настоящее имя было Фанни Мозер) 41 года, вдове богатого промышленника, от которого она имела двух дочерей. Женщина страдала серьезной фобией животных. Во время лечения, которое началось 1 мая 1889 г. и продлилось шесть недель, Фрейд вел с ней беседы с целью добиться катарсиса, сопровождая их массажем и сеансами гипноза, чтобы помочь восстановить память. Однако во время бесед с пациенткой Фрейд заметил, что Эмми достаточно было спонтанно говорить с ним, чтобы у нее появились значимые воспоминания, и что катартический эффект достигался просто за счет спонтанной словесной разрядки: *«Все происходит*

так, как если бы она усвоила мой метод; она, по всей видимости, использует эту беседу, при ее кажущейся бессвязности, вместо гипноза» (p. 42). Несколько дней спустя пациентка, раздраженная вопросами Фрейда, попросила его не прерывать ее без конца, а *«дать ей возможность высказаться»* (p. 48). Фрейд согласился на это и обнаружил, что добивается от пациентки желаемых воспоминаний, даже не прибегая к гипнозу, который он, тем не менее, продолжал использовать. Пациентка же постоянно просила Фрейда не дотрагиваться до нее, когда она охвачена ужасом, излагая свои воспоминания: *«Оставайтесь на месте! Не говорите ничего! Не трогайте меня!»* Затем она успокаивалась. Фрейд заключает, что в случае «Эмми фон Н...» речь шла не столько о конверсионной истерии, сколько об истерических психических симптомах, включающих тревогу, депрессию и фобии. По поводу происхождения этой истерии Фрейд счел, что подавление сексуального элемента играло здесь определяющую роль, так как подобное подавление было *«более чем что-либо другое способно нанести травму»* (p. 80).

- **«Мисс Люси Р...» З. Фрейда: Фрейд постепенно оставляет гипноз ради внушения**

В декабре 1892 г. Фрейд начал продлившееся затем девять недель лечение молодой английской гувернантки, которая страдала от потери обоняния и от обонятельных галлюцинаций: ее преследовал запах гари – эти нарушения были расценены как истерические симптомы. После безуспешной попытки применить к ней гипноз Фрейд отказался от него и применил так называемый метод *свободных ассоциаций,* лишь иногда помогая себе легким нажатием на лоб пациентки, когда появление воспоминаний затягивалось: *«Я нажимал рукой на лоб пациентки или обхватывал ее голову двумя руками, говоря: „Под давлением моих рук вы будете вспоминать. В тот момент, когда давление прекратится, вы увидите перед собой нечто и вам в голову придет идея, которую надо ухватить, – это та идея, которую мы ищем. Ну что же? Что вы увидели или подумали?“»* (p. 86). Это лечение подтвердило гипотезу, согласно которой именно воспоминание о некоем происшествии, забытом, но в точности хранящемся в глубине памяти, лежит в основе патогенного эффекта истерических симптомов. Речь идет о психическом конфликте, чаще всего сексуальной природы, и патогенный эффект обязан своим появлением тому, что невыносимая мысль *«вытеснена из сознания и не может включиться в свободные ассоциации»* (p. 91). В этом случае симптомы исчезли после того, как Фрейд обнаружил, что «Мисс Люси Р...» тайно влюблена в своего хозяина, и сама она призналась, что подавила эту безнадежную любовь.

- **«Катарина...» З. Фрейда: Рассказ о короткой психоаналитической терапии**

В этом отчете Фрейд предлагает блестящую краткую демонстрацию той роли, которую играют сексуальные травмы в возникновении истерических

симптомов. Лечение проходило в форме длившейся несколько часов беседы между Фрейдом и девушкой 18 лет, которой он дал импровизированную консультацию во время прогулки, находясь на отдыхе в горах в августе 1893 г. Катарина была дочерью хозяйки трактира; зная, что Фрейд – врач, она спросила, не может ли он помочь ей справиться с симптомами удушья, сопровождавшимися галлюцинациями какого-то ужасного лица. Во время разговора, подробно записанного Фрейдом, Катарина вспомнила, что ее симптомы появились за два года до того, когда она стала свидетельницей полового акта между ее «дядей» и кузиной Франциской, увиденное глубоко шокировало ее. Это воспоминание напомнило Катарине, что «дядя» неоднократно пытался соблазнить и ее, когда ей было 14 лет. Фрейд замечает, что после своего рассказа девушка испытала облегчение, так как, по его словам, истерия была «*по большей части отреагирована*» (p. 104). Фрейд видит в этом подтверждение своего тезиса: «*Тревога, от которой страдает Катарина во время своих приступов, имеет истерическую природу, то есть это повторение тревоги, появлявшейся во время каждого случая сексуальной травмы*» (p. 106). В примечании, добавленном в 1924 г., Фрейд признается, что речь шла не о «*дяде*» девушки, а о ее собственном отце (p. 106, прим. 1).

- **«Элизабет фон Р...» З. Фрейда: Первый полный анализ случая истерии**

Четвертый описанный Фрейдом случай – лечение 24-летней девушки венгерского происхождения «*Элизабет фон Р...*» (настоящее ее имя – Илона Вайс), которое продолжалось с осени 1892 г. по июль 1903 г. В течение двух лет молодая женщина страдала от сильных болей в ногах и от не поддающихся классификации двигательных нарушений, которые впервые обнаружились, когда она ухаживала за больным отцом. Вскоре после смерти отца сестра пациентки также заболела и умерла, и эти две смерти сыграли определяющую роль в образовании ее симптомов. Как пишет Фрейд, лечение проходило в три этапа. На первом этапе главной проблемой стала невозможность установить связь между симптоматикой пациентки и причинами, вызвавшими ее. Пациентка оказалась невосприимчивой к гипнозу, и Фрейд довольствовался тем, что уложил ее на кушетку с закрытыми глазами, предоставив ей свободу движения в любом направлении. Несмотря на все усилия Фрейда, ожидаемого терапевтического эффекта добиться не удалось. Тогда он прибегнул к процедуре давления рукой на лоб и попросил пациентку говорить обо всем, что приходит ей в голову. Первой мыслью Элизабет фон Р... было воспоминание о молодом человеке, в которого она была влюблена, когда ее отец был болен. Но из-за тяжелого состояния отца она решительно отказалась от своей любви. Кроме того, она вспомнила, что боли в ногах появились в момент возникновения этого внутреннего конфликта, – механизм, характерный, по мнению Фрейда, для истерической конверсии. Воспоминание об этой любовной неудаче привело к тому, что пациентка сама обнаружила мотив своей первой конверсии. «*Больная очень удивила меня, сообщив,*

что она понимает теперь, по какой причине боли всегда начинаются в определенном месте на правом бедре и бывают там особенно сильны. Это именно то место, куда ее отец каждое утро укладывал свою сильно распухшую ногу, когда она меняла ему повязку (p. 117). После этой фазы *отреагирования* состояние пациентки улучшилось. Фрейд уверовал в процедуру нажатия рукой на лоб пациентки, чтобы вызывать появление мыслей и образов, и без колебаний проявлял настойчивость, когда пациентка под действием сопротивления уверяла его, что ни о чем не думает. *«Во время этой мучительной работы я научился придавать большое значение сопротивлению, доказательства которого больная предъявляла во время попыток вернуть свои воспоминания»* (p. 122).

Необходимо было пройти третью фазу лечения, чтобы добиться полного исчезновения симптомов. Непредвиденный эпизод помог Фрейду раскрыть *секрет,* который стал причиной болей. Во время одного из сеансов пациентка попросила его закончить встречу раньше, потому что услышала в смежной комнате голос звавшего ее зятя. После этого перерыва она вновь почувствовала сильные боли в ногах, что позволило Фрейду дойти до конца в решении этой загадки. Появление зятя напомнило пациентке, что боли начались после смерти сестры: когда она вошла в комнату, где лежала покойная, ее посетила постыдная мысль, что кончина сестры освободила зятя и что он теперь мог бы жениться на ней самой! Однако любовь к мужу сестры противоречила ее моральным устоям, поэтому она *вытеснила* из своего сознания эту невыносимую мысль. Так был сформирован механизм конверсии: *«...она обрекла себя на боли при помощи удачной конверсии психического страдания в соматическое»* (p. 124). Это осознание принесло окончательное выздоровление, в чем Фрейд смог убедиться годом позже, когда увидел бывшую пациентку танцующей на балу. Успех лечения не помешал Элизабет фон Р... глубоко обидеться на Фрейда, раскрывшего ее секрет.

• «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ» Й. БРЕЙЕРА

В теоретической главе Брейер развивает некоторые гипотезы, которые наметил в *Предварительном сообщении.* Его вклад в основном состоит в описании «гипноидного состояния» и диссоциации психики, происходящей из наличия бессознательных представлений, которые не могут стать сознательными и приобретают, таким образом, патогенный характер. Он утверждает, что истерические расстройства появляются у особенно возбудимых и имеющих склонность к самогипнозу людей (которых он называет *гипноидными*), что облегчает внушение. Он утверждает также, что такие пациенты имеют предрасположенность к отказу признавать и распознавать сексуальное, особенно в случаях истерической конверсии: *«Большая часть этих вытесненных и конвертированных представлений имеет сексуальный характер»* (p. 199). Однако в то время как Брейер довольствовался применением открытого им катартического метода, не пытаясь его усовершенствовать, Фрейд в последней главе описывает, каким образом он его развил, что сообщает работе Брейера скорее историческую, нежели теоретическую ценность.

- **«ПСИХОТЕРАПИЯ ИСТЕРИИ» З. ФРЕЙДА**

- **От гипноза к свободной ассоциации**

Отталкиваясь от своей терапевтической практики, Фрейд показывает, что был вынужден постепенно изменить свою катартическую технику, чтобы прийти к использованию оригинального, отличного от подхода Брейера терапевтического подхода, и подробно рассматривает его преимущества и недостатки. Изучая эту основополагающую главу, мы видим, как под пером Фрейда вырисовываются все более точные контуры того, что станет психоаналитическим методом с уже намеченными основными принципами: в этом тексте 1895 г. представлены новые понятия – «бессознательное», «сопротивление», «защиты», «перенос» и многие другие.

Вначале Фрейд рассказывает, что трудности и ограничения, с которыми он встретился, применяя катартический метод, подтолкнули его к поиску более эффективных способов выявления патогенных воспоминаний и к использованию новой техники, вскоре заменившей прежнюю. На самом деле катартический метод в том виде, в котором он применялся, занимал очень много времени и требовал от пациента полного доверия к врачу, чтобы гипноз удался. Но не все пациенты проявляли подобное доверие в равной степени. Фрейд не пал духом и преодолел это препятствие, найдя способ, позволявший пациентам восстановить патогенные воспоминания без помощи гипноза. Это одна из его гениальных идей. Он заметил, что, если уложить пациента и попросить его закрыть глаза и сосредоточиться, тому удавалось настойчивыми повторениями усилия вызвать новые воспоминания. Но поскольку эта процедура по-прежнему требовала от него больших усилий, а результаты запаздывали, Фрейд предположил, что это может быть знаком *сопротивления,* которое оказывает сам пациент. Врач должен был преодолеть эти новые препятствия, задерживающие появление представлений.

Именно так Фрейд открыл роль, которую играют *сопротивление* и *защиты* – психические механизмы, препятствующие патогенным представлениям достигнуть Я (p. 217). Он понял, что целью их было *«выбросить из сознания и из памяти»* под воздействием силы, которую он назвал *цензурой,* неприемлемые идеи: *«Это была психическая сила, отвращение, которое испытывало Я, она первоначально вызывала вытеснение патогенной идеи из ассоциативного ряда, а потом противилась ее возвращению в память»* (p. 217). По мнению Фрейда, патогенное представление должно было подвергнуться изгнанию из сознания в иную часть психики, этот процесс он и назвал *«вытеснением»* (p. 217). Но, если неликвидированная эмоция выходит за пределы того, что пациент способен вынести, психическая энергия *конвертируется* в соматическую и создает *истерический симптом* в соответствии с механизмом конверсии.

Подход Фрейда в то время был основан на неотступном давлении на пациентов, чтобы заставить их преодолеть свое сопротивление. Он дополнил его, добавив технический момент – надавливание на лоб пациентки, чтобы облегчить появление патогенных воспоминаний. Однако немного позднее,

открыв метод свободных ассоциаций, он отказался и от этого технического жеста. Открытие свободных ассоциаций происходило постепенно между 1892 и 1898 гг. – более точную дату установить невозможно, но Фрейд упоминает о них уже в случае «Эмми фон Н...», когда он постепенно дает место спонтанному самовыражению своей пациентки.

Исследование истерии, благодаря особому вкладу Фрейда, наполнено клиническими, техническими и теоретическими замечаниями, открывшими новые пути и заложившими фундамент, на котором вскоре возник психоанализ. Среди новых понятий, введенных здесь впервые, три заслуживают особого рассмотрения: это сексуальность, символизм и перенос.

• Роль сексуальности

Хотя Фрейд очень рано установил, что травмы сексуального характера регулярно возникают в рассказах об обстоятельствах появления первых истерических симптомов, вначале он проявлял скепсис, не усматривая здесь причинно-следственной связи: *«Недавний ученик Шарко, я краснел при мысли о связи между истерией и сексуальностью, примерно так же, как это обычно делают мои пациентки»* (p. 208–209). Но, будучи вынужден констатировать, что в рассказах его пациенток постоянно фигурируют травмы сексуального характера, он признал очевидность того, что сексуальный фактор играет решающую роль в появлении их симптоматики. Позднее он установил, что этот фактор имеет отношение не только к истерии, но и ко всем психоневрозам вообще. Поэтому он назвал их *«сексуальными неврозами»*.

Хотя Фрейд относительно мало говорит об этом в *Исследовании истерии,* он несколько раз представлял эту революционную точку зрения в различных статьях того же периода, где повторял, что в случаях невроза и в особенности в случае истерии первичная травма всегда связана с реально пережитым сексуальным опытом раннего детства, до наступления полового созревания. Как говорит нам Фрейд, этот опыт, представлял ли он собою простое заигрывание или же более или менее полный половой акт, *«должен быть квалифицирован как сексуальное насилие в самом узком значении этого термина»* (1897b, [p. 209]). Введя понятие *реальной* сексуальной травмы, имевшей место в раннем детстве, Фрейд тем самым выдвинул гипотезу, которой придерживался недолгое время между 1895 и 1897 гг. Как замечает Р. Уолхейм (1971, p. 38), говоря таким образом о реальной сексуальной травме, Фрейд никак не затрагивает тему детской сексуальности, т. е. то, что ребенку свойственны сексуальные влечения. Но вскоре новые клинические наблюдения заставили Фрейда изменить свои взгляды. На протяжении этого периода у него появляются сомнения в реальности описываемой сцены соблазнения: не является ли она скорее плодом воображения, чем реальным опытом? С этого момента он приходит к выводу, что определяющий травматический фактор больше зависит от *фантазии* и от *влечения,* чем от *реальности* сцены соблазнения. Позднее мы еще вернемся к этому вопросу.

• Символы и истерические симптомы

Фрейд также заметил, что существует символический детерминизм в форме, которую принимают симптомы, и особенно этот механизм символизации выражен в случае конверсии. Фрейд приводит различные примеры этой *символической детерминации,* такие как пронизывающая боль во лбу пациентки между глаз, которая исчезла, как только больная вспомнила о «пронзительном» взгляде своей бабушки, который, по ее словам, «*проникал глубоко в ее мозг*» (p. 144). Со своей стороны, Брейер также замечает, что часто речь идет о «*смешной игре слов, об ассоциациях по созвучию, которые связывают аффект и рефлекс*» (p. 166). Наконец, Фрейд упоминает возможность того, что истерия придает «*примитивный вербальный смысл*» своим ощущениям и иннервациям, поскольку «*кажется, что когда-то все это имело буквальный смысл*» (p. 145). Однако в этот период он еще очень далек от понятия «*мнесический символ*», к которому обратится позднее.

• Черновой набросок определения понятия «перенос»

Мы с удивлением видим, что уже в своих первых работах об истерии Фрейд описал феномен переноса, употребляя именно такой термин. Он начинает разговор на эту тему издалека, упоминая о необходимости установить доверительные отношения с пациентом. Так, описывая катартическую процедуру, он подчеркивает, что для успеха гипноза от пациента требуется величайшее доверие к врачу и даже «*полное слияние*» (p. 218). Затем, говоря о способе устранения сопротивления, Фрейд подчеркивает ведущую роль, которую играют личные качества терапевта, так как «*во многих случаях только они способны подавить сопротивление*» (p. 229).

Фрейд прямо обращается к понятию переноса, вникая в причины сопротивления пациента, особенно в тех случаях, когда процедура давления на лоб не помогала. Первоначально он видит два препятствия для осознания сопротивлений: это, во-первых, личная неприязнь к врачу, которую легко уничтожить; во-вторых, страх пациента слишком привязаться к своему терапевту, преодолеть который значительно труднее. Позднее Фрейд добавляет еще одно препятствие осознанию пациенткой сопротивления, которое возникает, «*когда больная боится перенести на личность врача те мучительные представления, которые родились из содержания анализа. Это явление постоянно присутствует в некоторых случаях анализа. Перенос на врача происходит из-за ложных ассоциаций*» (p. 245). Фрейд приводит короткий пример: пациентка страстно желала, чтобы ее обнял и поцеловал ее знакомый. В конце сеанса она охвачена таким же желанием, чтобы ее обнял и поцеловал Фрейд, и это приводит ее в ужас. Когда она сообщила Фрейду о природе своего сопротивления, его удалось преодолеть, и они смогли продолжить работу. Фрейд определяет этот феномен как *мезальянс* или *ложную связь*. «*С тех пор, как я знаю об этом, каждый раз, когда я оказываюсь таким образом вовлечен в ситуацию, я могу утверждать существование переноса и ложной связи. Странная вещь, но больные в этой ситуации всегда поддаются на обман*» (p. 245–246).

Постфрейдисты

Взгляд на истерию сто лет спустя

Как же смотрят на истерию современные психоаналитики? Может быть, ее больше не существует? Умеем ли мы сегодня ее диагностировать? Эти вопросы были поставлены Э. Нерсесяном (Нью-Йорк) перед участниками круглого стола под названием «Истерия сто лет спустя», проходившего в рамках Международного психоаналитического конгресса в Сан-Франциско в 1995 г. Как видно из отчета Ж.-М. Ту (1996), во время дебатов были представлены главные современные позиции по этому вопросу; мы приводим их краткое содержание.

Сегодня большинство психоаналитиков согласно с тем, что истерия опирается на широкий спектр патологий, от неврозов до психозов, затрагивая также тяжелые *пограничные* состояния и случаи патологического нарциссизма. Тем не менее, с точки зрения терапевтического подхода, можно выделить две основные тенденции, одной из которых придерживаются французские психоаналитики, а другой – последователи британской школы.

По мнению Жаннин Шассге-Смиржель (Париж), главное – чтобы психоаналитик не упускал из виду сексуальный аспект истерии и не ограничивался мыслью о том, что истерия основывается исключительно на архаической прегенитальной патологии. Конечно, она признает, что психоаналитика, когда он работает с пациентами такого типа, часто сбивает с толку обилие клинических феноменов, вызывающих в памяти разнообразные ранние нарушения. Однако, по ее мнению, не следует преуменьшать роль, которую играет интерпретация эдипальных конфликтов и чувства вины, вызванного деструктивными нападками на мать. Если сфокусировать внимание только на архаических объектах, велик риск того, что представление об истерии как о клинической категории, тесно связанной с половой идентичностью и эдипальной фазой, окажется размыто. Жаннин Шассге-Смиржель прибавляет, что она не одинока в своих опасениях, поскольку и другие психоаналитики Французской школы, например А. Грин и Ж. Лапланш, также выражали подобное беспокойство. К тому же Ж. Шассге-Смиржель полагает, что истерия принадлежит к «материнскому царству», поскольку, в первую очередь, касается матки и беременности, будь то в реальной жизни или в фантазиях. Поэтому она настаивает на биологическом факторе истерии: его не следует недооценивать, поскольку речь идет о психической патологии, местом действия которой является тело. Настаивая на роли телесного аспекта, Ж. Шассге-Смиржель отмежевывается от тех психоаналитиков, которые отдают первенство речи и языку, а не телу.

Совершенно иную теоретическую и клиническую позицию излагает Эрик Бренман (Лондон), представитель Британской школы. Он выдвигает идею о том, что очень рано в ходе установления первых объектных отношений ребенок усваивает примитивные защиты против тревоги, которые определят его способ управления тревогой, когда он станет взрослым. Конечно, Бренман признает, что сексуальность играет основную роль в истерии; однако, по его мнению, первостепенное значение имеет та непрерывная

борьба, которую больной истерией ведет с архаическими тревогами. Он описывает, как такие пациенты воздействуют в переносе на психическую реальность психоаналитика и как они защищаются от архаической тревоги, которая воспринимается ими одновременно как катастрофически угрожающая и как ничего не значащая. У них часто наблюдаются расщепления, которые определяют их психические состояния и распространяются на все уровни их психической жизни. Например, истерические пациенты стремятся установить отношения с идеализированным объектом, но как только контакт установлен, они сразу разочаровываются, поэтому они постоянно переходят от одного крайнего состояния к другому. По мнению Бренмана, истерия связана, прежде всего, с серьезными психотическими нарушениями. Тем не менее возможности психоанализа выдерживать и прорабатывать психотические тревоги очень выросли за последние сто лет, так что в распоряжении таких пациентов имеются сегодня лучшие средства преодолеть свои тревоги и противостоять превратностям существования.

Рубин боится красного

Такое название выбрала для своей статьи Жаклин Шеффер (1986), чтобы описать отношение истерика к сексуальности; метафора навеяна определением, которое дает рубину минералог: «*Рубин – это камень, который боится красного. Этот камень абсорбирует все другие цвета призмы и сохраняет их для себя. Он отбрасывает красный, и это то, что он позволяет нам увидеть*» (p. 925). По словам Жаклин Шеффер, так же как и рубин, истерия «*переливается разными цветами*». «*Как лучше представить себе то, что позволяет нам увидеть истерик: его ужас перед красным, то есть перед сексуальностью, выставление своей травмы напоказ? <…> Хитрость Я состоит в том, чтобы выдвинуть вперед, показать самое угрожающее и находящееся под угрозой, то, что чужеродно и вызывает ненависть, то, что причиняет боль, и нападать на то, что нападает. Существует ли что-то ценное, такое, что, как в случае с рубином, надо сохранить, хорошенько спрятав?*» (p. 925).

Хронология понятий

Отреагирование – цензура – конверсия – защита – фантазия – бессознательное – свободные ассоциации – катартический метод – вытеснение – сопротивление – травма – реальная сексуальная травма.

ПИСЬМА К ВИЛЬГЕЛЬМУ ФЛИССУ
S. FREUD (1950a [1887–1902], 1985c [1887–1904])

Свидетельство о первых исследованиях и самоанализе

Письма, которые Фрейд написал своему другу Вильгельму Флиссу за 17 лет (с 1887 по 1904 г.), представляют собой драгоценный источник информации: мы не только многое узнаем о его повседневной частной и профессиональной жизни, но и наблюдаем эволюцию его мысли и процесс самоанализа в этот особенно плодотворный период. От обширной интенсивной переписки сохранилась только часть, выкупленная у одного венского антиквара Марией Бонапарт в 1936 г. В 1950 г. Мария Бонапарт совместно с Анной Фрейд и Эрнстом Крисом опубликовали под заглавием *Рождение психоанализа* тщательно отобранные отрывки из 168 писем (всего их было 284) и до того не опубликованную рукопись «Наброски научной психологии», которую сам Фрейд публиковать не хотел. Полностью эти письма были изданы лишь в 1985 г., после смерти Анны Фрейд, когда вышел срок их конфиденциальности.

Биографии и история

Страстная дружба Фрейда и Флисса

Фрейд познакомился с Флиссом в 1887 г. благодаря Брейеру. Флисс – практиковавший в Берлине врач-отоларинголог – с увлечением использовал и выдвигал смелые биологические и математические теории и был полностью уверен в своих гипотезах. В этот период Фрейд, придерживающийся своей теории сексуальной этиологии неврозов, оказался в стороне от Венского медицинского сообщества и нашел в лице Флисса сочувствующего и внушающего доверие собеседника. Дружба с Флиссом постепенно заменила ему дружбу с Брейером, и Флисс на долгие годы стал самым близким доверенным лицом Фрейда. Помимо переписки, друзья эпизодически встречались на конгрессах, где сопоставляли свои гипотезы и вырабатывали новые теории. Так, Фрейд превратил «бесконечно дорогого Вильгельма» в активного свидетеля своих научных изысканий и открытий этого периода, начиная с подготовки рукописи «Исследование истерии» вплоть до публикации «Толкования сновидений» в 1900 г. После 1897 г. очарование начало меркнуть, Фрейд все меньше идеализировал своего друга, стал менее зависим от интенсивных отношений с ним и позднее признал гомосексуальный оттенок этой дружбы. По мере продвижения самоанализа Фрейд обнаружил ненависть по отношению к отцу и одновременно – скрытую ненависть к Флиссу. Друзья поссорились во время одного из последних «конгрессов» в 1900 г., когда Фрейд

раскритиковал теорию периодичности Флисса, а Флисс упрекнул Фрейда в том, что тот всего лишь приписывает больным свои собственные мысли. Их отношения испортились, переписка стала редкой, и в 1906 г. произошел окончательный разрыв. После этого Фрейд уничтожил все письма Флисса, но впоследствии признал, что обязан Флиссу понятием бисексуальности.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1950a [1887–1902]). La naissance de la psychanalyse, Lettres à Fliess, Notes et plans (1887–1902), trad. A. Berman. Paris: PUF, 1956.

На первый взгляд, знакомство с письмами Фрейда к Флиссу представляет ограниченный интерес, но для читателя, уже освоившего фрейдовские концепции, они становятся увлекательным источником информации. В них можно увидеть зарождение вопросов, которые ставит перед собой Фрейд и которые касаются не только истерии, но и психоневрозов, паранойи и депрессии (которую он называет меланхолией). Следуя шаг за шагом за рассказом о его повседневных занятиях, за комментариями по поводу пациентов, которых он лечит, или описанием семейных забот, можно неожиданно наткнуться на одно из его решающих прозрений, например, здесь он впервые упоминает о существовании эдипова комплекса. Предоставляя читателю самостоятельно изучить эту переписку, все же остановлюсь на трех основных моментах: на открытии Фрейдом роли фантазий о соблазнении, на его интуитивном открытии в ходе самоанализа эдипова комплекса и на отказе от выстраивания теории, которая дала бы «научную» основу психоанализу.

• Реальное соблазнение и фантазии о соблазнении

Как мы видели в предыдущей главе, выслушивая рассказы своих пациенток, вспоминающих реальные сцены соблазнения, имевшие место в детстве в момент возникновения первых истерических симптомов, Фрейд счел причиной заболевания реальное соблазнение ребенка взрослым человеком из близкого окружения. Эта гипотеза, названная им «теорией соблазнения», появилась у Фрейда в 1893 г., и он придерживался ее до 1897 г. Постепенно Фрейд расширил сферу применения гипотезы и объяснял с ее помощью не только собственно истерию, но и возникновение всех психоневрозов вообще. Однако, по мысли Фрейда, эта теория должна была не просто установить причинно-следственную связь между реальным соблазнением и симптомами, но, прежде всего, объяснить механизм вытеснения, как справедливо отмечают Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис (1967). В этот период Фрейд высказывает мысль о том, что процесс вытеснения проходит в два этапа, разделенные периодом полового созревания: на первом этапе ребенок не способен испытать сексуальное возбуждение, поскольку еще не достиг достаточной половой зрелости, и поэтому сцена не вытеснена; на втором этапе, который

Фрейд помещает в постпубертатный период, некое новое событие пробуждает старое воспоминание, и оно оказывает гораздо более серьезное травматическое воздействие, чем первоначальное происшествие, по причине недавно наступившей половой зрелости, и именно тогда воспоминание подвергается вытеснению в «отсроченном действии»[1] – это понятие станет впоследствии центральным для психоанализа. Однако по мере клинических исследований Фрейд начал сомневаться в достоверности сцен соблазнения, о которых рассказывали пациентки, и объявил своему другу Вильгельму в знаменитом письме от 21 сентября 1897 г.: *«Я хочу немедленно сообщить тебе большой секрет, который постепенно открылся мне в эти последние месяцы. Я больше не верю в мою невротику»* (p. 190). Фрейд приводит различные аргументы в поддержку новой точки зрения. Прежде всего, он сомневается, что развратные действия по отношению к детям происходят так часто; затем он прямо постулирует, что решающую роль играет не реально пережитое, а фантазия о соблазнении: *«Найти решение всегда возможно, его дает нам тот факт, что сексуальная фантазия всегда разыгрывается вокруг родителей»* (p. 191); наконец он приходит к заключению, что трудно отделить реальность от фантазии: *«<...> в бессознательном не существует „показателя реальности", и, значит, невозможно отличить друг от друга реальный факт и аффективно насыщенный вымысел»* (p. 191).

- **Роль инфантильной сексуальности**

Как получилось, что Фрейд отвел фантазиям решающую роль по сравнению с реальными событиями вплоть до того, что отказался от большей части своих первоначальных гипотез? Слушая пациентов, рассказывавших ему свои воспоминания и сны, и анализируя собственные, Фрейд обнаружил, что у детей, как и у взрослых, появляются возбуждение, ощущения и мысли сексуального содержания и что им часто трудно провести различие между реальностью и фантазией: *«Итак, за этими фантазиями встает во всей своей полноте сексуальная жизнь ребенка»* (Фрейд, 1914d, p. 275). Вопреки принятому вплоть до того момента мнению эта область, считал Фрейд, принадлежит не только подросткам и взрослым. Однако, несмотря на то, что открытие значения инфантильной сексуальности в этиологии неврозов привело Фрейда к отказу от первоначальной теории, следует уточнить, что Фрейд в течение всей своей жизни продолжал утверждать, что реально пережитые ребенком сцены соблазнения играют патогенную роль и что вызванный ими невроз не может быть приписан исключительно фантазиям. В настоящий момент этот вопрос по-прежнему не решен, так как в большинстве случаев как самому пациенту, так и психоаналитику трудно отделить реальность от вымысла.

Что подразумевают под «инфантильной сексуальностью»? Это понятие стоит уточнить сразу, так как его часто толкуют превратно. На самом де-

1 Nachträglichkeit (*нем.*), après-coup (*фр.*), deferred action (*англ.*) – последействие, отсроченное действие. – *Прим. ред.*

ле то, что психоаналитики понимают под инфантильной сексуальностью, включает не только разнообразные эротические действия, которые можно наблюдать у детей, а также мысли и желания, которые они выражают с самого раннего возраста; то, что понимают под инфантильной сексуальностью, обозначает в то же время совокупность процессов психических и телесных изменений, которые происходят вплоть до наступления полового созревания и юношеского возраста. Этот процесс начинается с первых чувственных ощущений младенца, который сосет материнскую грудь во время кормления, и продолжается, формируясь поэтапно, пока не завершится характеризующей взросление генитальной зрелостью и становлением личности мужчины или женщины. Именно совокупность этих процессов, в ходе которых сексуальность играет решающую организующую роль, и называют инфантильной сексуальностью, т. е. понятие сексуальности имеет здесь очень широкий смысл. Несколько лет спустя Фрейд обобщит размышления, намеченные им в письмах к своему другу Флиссу, в работе *Три очерка по теории сексуальности* (1905d).

• Самоанализ и открытие эдипова комплекса

Вскоре после смерти отца в 1896 г. Фрейд предпринял собственный анализ, который продолжался приблизительно по 1899 г. *Самоанализ,* как он называет это в письмах к Флиссу, основывался главным образом на исследовании собственных снов; именно с их помощью Фрейд пришел к пониманию как роли сновидений в психической жизни вообще, так и того значения, которое имела сексуальность в его собственном детстве. *«Я открыл, что между двумя и двумя с половиной годами мое либидо проснулось и было направлено* ***на мать****. Мы с матерью совершили путешествие из Лейпцига в Вену, и в это время я, без сомнения, мог видеть ее обнаженной, так как мы спали в одной комнате»* (p. 194). В этом же письме он продолжает: *«Все заставляет меня поверить, что рождение брата, который младше меня на год, вызвало во мне злые помыслы и настоящую детскую ревность, а его смерть (последовавшая несколько месяцев спустя) оставила во мне чувство вины»* (p. 194).

Неделю спустя Фрейд впервые упоминает в связи с самоанализом то, что опишет более 10 лет спустя как *эдипов комплекс* (1910h, p. 52): *«В данный момент мой самоанализ является для меня самым важным и, видимо, будет иметь самое большое значение, если мне удастся его завершить. <…> Я нашел в себе, как и у всех остальных, чувства любви к матери и ревности к отцу. Чувства, которые, как я думаю, являются общими для всех маленьких детей <…> Если это действительно так, то, несмотря на все рациональные рассуждения тех, кто выступает против гипотезы о неумолимой неизбежности, становится понятным захватывающий эффект* ***Царя Эдипа****»* (p. 198). В этом письме Фрейд говорит только о позитивной форме эдипова комплекса, которая возникает у мальчика, желающего занять место своего отца рядом с матерью. Впоследствии он опишет также позитивный эдипов комплекс у девочки, желающей занять место своей матери рядом с отцом,

а еще позднее – негативную форму эдипова комплекса как у мальчика, так и у девочки. Открытие, что у одной и той же личности одновременно существует позитивный эдипов комплекс, являющийся причиной идентификации с родителем того же пола, и негативный эдипов комплекс, являющийся причиной идентификации с родителем противоположного пола, позволит Фрейду в работе *Я и Оно* (1923b) применить, на уровне фантазии, позаимствованное у Флисса понятие психологической бисексуальности. Именно Флисс привлек внимание Фрейда к той роли, которую играет бисексуальность в мужской и женской идентификации не только на анатомическом и биологическом, но и на психологическом уровне.

Хотя самоанализ и помог Фрейду преодолеть решающие этапы в самопознании и углубить исследования функционирования человеческой психики, он обнаружил, что такой тип интроспекции наталкивается на внутренние ограничения, которые он не может преодолеть. Он признал, что будущему психоаналитику, прежде всего, необходимо прибегнуть к помощи другого психоаналитика, чтобы преодолеть у себя бессознательное сопротивление и выработать перенос. Наконец, Фрейд заявляет, что после окончания анализа каждый психоаналитик должен продолжать его, занимаясь самоанализом в течение всей жизни.

- **Рукописи, прилагавшиеся к письмам**

Фрейд сопровождает многие письма дополнительными текстами, озаглавленными «*Рукопись*» с прибавлением какой-либо прописной буквы. В этих коротких сообщениях он формулирует свои первые теоретические предположения на темы, которые станет развивать позднее, иногда спустя десятилетия. Например, «*Рукопись E*» (p. 80) посвящена происхождению тревоги. Фрейд объясняет возникновение тревоги накоплением физического сексуального напряжения, которое не достигает разрядки. Это его первая теория тревоги, но уже в ней Фрейд рассматривает механизм, при котором психика оказывается не способна *связать* тревогу, если тревога чрезмерна (как он покажет в 1926 г. в работе *Торможение, симптом и тревога*). «*Рукопись G*» посвящена меланхолии; в ней Фрейд постулирует, что переживание горя, связанное с потерей объекта, можно объяснить «*потерей либидо*» (p. 93). По его мнению, «***стремление**, как мы могли бы сказать, **реализуется в психическом** <…>*» (p. 97), механизм этого процесса, аналогичного «*внутреннему кровоизлиянию*», Фрейд рассмотрит более подробно в «Печали и меланхолии» в 1917 г. «*Рукопись H*» посвящена изучению проекции как защиты.

Постфрейдисты

Споры вокруг фрейдовой теории соблазнения

В 1984 г. Джеффри Мэссон получил доступ к Архиву Фрейда и после публикации в 1985 г. полного собрания сохранившихся писем к Флиссу опубликовал

работу «Атака на истину: почему Фрейд упразднил теорию соблазнения»[1] – полемический текст о так называемых «истинных» причинах, по которым Фрейд отказался от теории соблазнения. По мнению Мэссона, единственной целью, которой добивался Фрейд, отказываясь от теории реального соблазнения, было сокрытие истины. Выдвижение теории о фантазии соблазнения, по его мнению, было призвано защитить отцов от справедливых обвинений дочерей.

Спасительное разъяснение

В своем критическом отзыве на провокационное выступление Мэссона Чарльз Хенли (Hanly, 1986) показывает, что аргументы автора тенденциозны и что, кроме того, Фрейд никогда не отказывался полностью от своей теории соблазнения; он обращался к ней до последних дней своей жизни, подчеркивая, как трудно зачастую отличить реальность от фантазии.

В этом отзыве Ч. Хенли представил разъяснение, отражающее точку зрения большинства сегодняшних психоаналитиков: 1) особенно интенсивная детская фантазия может оказать на психическое развитие влияние, сравнимое с влиянием реального опыта; 2) реальный опыт может оказать незначительное влияние или не оказать его вовсе в момент его переживания (как правило, до начала полового созревания), но приобрести мощный эффект последействия в подростковые годы, вследствие сексуального развития; 3) в процессе анализа иногда бывает сложно понять, соответствует ли реконструкция, созданная на основе ассоциативного материала и переноса, фантазии, имеющей под собой серьезные основания, или же мы имеем дело с детским галлюцинаторным опытом; 4) аналитик иногда вполне уверен, будто фрагменты сцен, остатки снов и т. п. соответствуют реальному опыту, в то время как на деле они восходят к галлюцинациям или к защитам против опасных детских желаний; 5) возможно, что пациентка, захваченная всемогущими детскими желаниями и агрессивными фантазиями, имеет еще и реальный опыт патогенного соблазнения; 6) задача аналитика – помочь пациенту установить различие между фантазией и тем, что реально происходило в прошлом.

Хронология понятий

Тревога – самоанализ – бисексуальность – психическая бисексуальность – эдипов комплекс – фантазии о соблазнении – меланхолия (депрессия) – реальное соблазнение – теория соблазнения.

1 Jeffrey Moussaieff Masson.The Assaulton Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1984.

«ПРОЕКТ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ» S. FREUD (1950c [1895])

Попытка создания психоанализа на основе поддающихся измерению научных данных

Среди писем, посланных Фрейдом своему другу В. Флиссу, была найдена неизданная рукопись. В ней Фрейд выражал намерение «*включить психологию в список естественных наук*» (1950a [1887–1902], p. 315) – эта высокая цель стала с тех пор его постоянной заботой. «Проект» не относится к числу основополагающих текстов, но он интересен по двум существенным причинам. Во-первых, в нем читатель видит, в стадии зарождения, новые фундаментальные интуитивные открытия, касающиеся функционирования психики, оригинальные гипотезы, которые лягут в основу последующих важных психоаналитических разработок. Во-вторых, работа над «Проектом» помогла Фрейду понять, что попытки подвести под психоанализ научную базу ведут в тупик, именно по этой причине он так и не захотел опубликовать его. Но эта рукопись стала важным этапом в развитии идей Фрейда, поскольку, отказавшись идти по намеченному в ней пути, он проявил гениальность и сумел отыскать для психоанализа свою собственную нишу.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1950a [1887–1902]). La naissance de la psychanalyse, Lettres à Fliess, Notes et plans (1887–1902), trad. A. Berman. Paris: PUF, 1956.

• Гениальные интуитивные открытия в неоконченной работе

В «Проекте научной психологии» Фрейд сопоставляет сведения, взятые из нейропсихологии (сюда можно отнести открытые в 1892 г. нейроны и синаптическую передачу) и клинические наблюдения, почерпнутые из его недавнего опыта лечения истерии, выводя из этого сопоставления смелые гипотезы. С точки зрения истории развития идей Фрейда, эта оставшаяся незавершенной рукопись представляет особый интерес. Несмотря на то, что местами текст кажется неясным и утратившим актуальность, читатель с удовольствием обнаруживает в нем фундаментальные интуитивные открытия, за сто лет не потерявшие своего значения.

- **В поисках интегрированной модели функционирования психики**

Намереваясь создать интегрированную модель, основанную на измеряемых данных функционирования психики, и все еще находясь под сильным влиянием своей научно-исследовательской подготовки, Фрейд принимает за отправную точку знания о нейронах и нервных импульсах, накопленные нейропсихологией того времени. Предложенная в «Проекте научной психологии» концепция основана на понятии количества энергии, циркулирующей в нейронных цепях, и Фрейд пытается сформулировать в соответствующих терминах свои психологические наблюдения. Он полагает, что в случае патологии некоторое количество физической энергии, циркулирующей в организме, может выбрать тот или иной путь разрядки, психический или соматический, в зависимости от степени сопротивления или усиления при передаче нервного импульса в цепи. Эта гипотеза могла бы объяснить истерическую конверсию и обсессивно-компульсивные действия как результат телесной разрядки ставшего неуправляемым чрезмерного количества возбуждения.

Затем Фрейд постулирует наличие эквивалентности между физиологическими и психологическими феноменами. Так, на физиологическом уровне он называет фундаментальным принципом функционирования нейронов *принцип инертности* – нейроны стремятся избавиться от излишка энергии, которая становится таким образом *свободной энергией.* Перенесенный на уровень психического аппарата, принцип инертности связывается с понятием психического *первичного процесса,* характеризующегося свободным и ничем не сдерживаемым течением психической энергии. Но психический аппарат не мог бы функционировать только по принципу разрядки, необходимо, чтобы он мог выдерживать некоторое количество возбуждения. Поэтому Фрейд постулирует существование системы, регулирующей психику, способной сопротивляться разрядке излишков психической энергии и имеющей свойство трансформировать «первичные процессы» во «вторичные». Эта регулирующая система в целом подчиняется *«принципу постоянства»*, лежащему в основе управления *«вторичными процессами»*. «Вторичные процессы» характеризуются своей способностью связывать энергию и сдерживать *«первичные процессы»*. Так, именно *«вторичный процесс»* помогает психике больного истерией выдерживать эмоциональную нагрузку благодаря вновь обретенной способности восстанавливать и облекать в слова травмирующее воспоминание, что позволяет избытку возбуждения избежать пути соматической конверсии и образования симптома. Понятия «первичный процесс» и «вторичный процесс», введенные в 1895 г., останутся основными понятиями фрейдовской концепции функционирования психики.

- **Первые предположения о функционировании Я**

Какую роль играет личность во всех этих процессах? Фрейд предлагает термином Я называть инстанцию, которая функционирует одновременно на двух уровнях: с одной стороны, Я функционирует на физиологическом

уровне в виде группы постоянно вовлеченных нейронов, которая удерживает *энергию связанной,* с другой стороны, Я функционирует на психологическом уровне как инстанция, предназначенная для установления господства вторичных процессов над первичными. Другая важная функция Я состоит в *тестировании реальности,* которое позволяет личности отличить восприятие внешнего мира от галлюцинации или воспоминания, имеющих внутреннее происхождение. Но понятие Я, о котором Фрейд говорит в 1895 г. в *Исследовании истерии,* – это понятие сознательного Я; оно еще не имеет того значения, какое приобретет позже в работе *Я и Оно* (1923b), где будет выдвинут постулат о бессознательных взаимодействиях Я, Оно и Сверх-Я в рамках психического аппарата.

- **«Опыт удовлетворения» крупным планом**

Задержим ненадолго внимание на особом моменте, который Фрейд описывает как *опыт удовлетворения:* это позволит нам шаг за шагом проследить за его научными продвижениями. Что такое *опыт удовлетворения?* Фрейд подразумевает под этим сложный процесс, который начинается с внутреннего напряжения, вызванного инстинктивной потребностью, такой, например, как голод у ребенка (или сексуальное желание у взрослого). Он начинает с того, что описывает эти процессы в терминах напряжения и разрядки так, как они протекают в рефлекторной дуге, и утверждает, что нейрофизиологические феномены имеют свой эквивалент на психическом уровне. По мере того как потребность возрастает, физическое и психическое напряжение увеличивается, что ведет к ожиданию разрядки, приносящей удовлетворение. В то же время удовлетворение не может быть получено без вмешательства другого человека, которого младенец привлекает своими криками. *«Это вмешательство требует, чтобы во внешнем мире произошли некие изменения, например появление пищи или сексуального объекта...»* (p. 336). После того как этот другой человек произвел специфическое действие, путь разрядки обретает особенную важность на двух уровнях: с одной стороны, субъект на психическом уровне устанавливает связь между устранением неудовольствия и вмешательством определенного лица, и у него появляется чувство *«взаимопонимания»* (p. 336); с другой стороны, субъект на телесном уровне создает образ того, что требуется для устранения неудовольствия: формирует моторный образ удовлетворения. *«Таким образом, удовлетворение приводит к установлению связи между двумя мнемоническими образами...»* (p. 338), т. е. между образом объекта влечения и образом рефлекторного движения. В то же время, *«как только вновь появляется состояние напряжения или желания, заряд смещается на эти воспоминания и реактивирует их. Очень возможно, что именно мысленный образ объекта активируется первым»* (p. 338).

Фрейд называет такой процесс *«достижением удовлетворения»;* этот опыт играет определяющую роль в становлении способности личности управлять своими инстинктивными потребностями. Именно на этом уровне, по мнению Фрейда, вмешивается Я, задача которого – следить за тем, что-

бы избавиться от напряжения, стараясь получить удовлетворение, и в то же время при помощи механизмов торможения препятствовать повторению болезненных опытов и аффектов.

- **Связи между удовольствием/неудовольствием, аффектами, Я и объектами**

Фрейд дополняет свою точку зрения, рассматривая *опыт боли:* он показывает, что рост напряжения потребности, вызывающий неудовольствие, не только вызывает в памяти образ человека, некогда принесшего удовлетворение, но и порождает враждебные чувства к тому, кто воспринимается как фрустрирующий и *причиняющий боль* (p. 339). Таким же образом, добавляет Фрейд, когда удовлетворение наступает, удовольствие связывается с образом человека, который стал источником удовлетворения: «*Появление объекта, пришедшего на смену ненавистному объекту, может служить сигналом того, что мучительный опыт завершен и система ψ, наученная биологическим опытом, старается воспроизвести состояние, которое положило конец мучительной ситуации*» (p. 340). Выявляя связь между агрессивными и аффективными чувствами по отношению к лицу, которому приписывают фрустрацию или удовлетворение, Фрейд вводит в отношения с объектом аффективное измерение, дополняющее принцип удовольствия/неудовольствия.

Коротко говоря, Фрейд показывает здесь, что с самого начала жизни опыт страдания и опыт удовлетворения не переживаются по отдельности, а тесно связаны с вмешательством объекта и определяют первоначальное деление между негативными и позитивными аффектами. В 1915 г. в работе «Влечения и их судьба» Фрейд вернется к идее о том, что с самого начала существует фундаментальное разделение аффектов, введя понятие «наслаждающееся Я», и продолжит свои исследования смены любви и ненависти в зависимости от ощущений удовольствия и неудовольствия в контексте объектных отношений.

- **Понятие отсроченного действия и «proton-pseudos»**

Упомянем в заключение о том, что понятие *отсроченного действия* Фрейд вводит в «Проект научной психологии», когда задается вопросом, почему при истерии вытеснение касается главным образом сексуальности. Приводя как клинический пример случай Эммы, он показывает, что вытеснение осуществляется в два этапа. Первый этап – это результат сцены сексуального соблазнения в детстве: в возрасте 8 лет Эмма подверглась сексуальным прикосновениям в бакалейной лавочке, но это событие еще не имело для ребенка травмирующего сексуального значения. Второй этап наступил позднее, поскольку сексуальное возбуждение, ставшее возможным вследствие полового созревания, будит воспоминание о первом событии, которое теперь приобретает травмирующее сексуальное значение и вызывает смятение:

пять лет спустя, в 13 лет, Эмма обратилась в бегство при виде улыбки, которой обменялись два продавца в магазинчике. Я, неспособное защищаться от таких невыносимых аффектов, прибегает к вытеснению. Таким образом, именно второе событие определяет патогенный характер первого, и Фрейд называет этот феномен *отсроченным действием: «Мы не можем не заметить, что вытесненное воспоминание становится травмой лишь в* ***отсроченном*** *действии. Причина подобного положения вещей лежит в запаздывании зрелости по сравнению с общим развитием личности»* (p. 366). Он называет то, что пациентка не осознает сексуальной природы первой травмы, *«первой ложью истерической личности»* и использует термин *proton-pseudos,* который означает не «первоначальная ложь», как его иногда понимают, а скорее имеет смысл «первоначальная ошибка».

- **Пример научного подхода Фрейда**

Чтение «Проекта научной психологии» позволяет нам подробно ознакомиться со строгим научным подходом, руководствуясь которым Фрейд строит обобщающие гипотезы на основании данных нейропсихологических и психологических наблюдений. Впоследствии мы обнаружим ту же научную установку во всем его творчестве, в особенности в «Метапсихологии» (1915–1917), но с одним отличием: после работы над «Проектом научной психологии» Фрейд окончательно отказывается от мысли обосновать психоанализ при помощи нейропсихологии, и именно это смелое решение позволяет ему, как отметил А. Грин (Green, 1992), создать собственное поле психоанализа. Что касается неразрывной связи между телом и психикой, Фрейд продолжал придерживаться этого мнения, но уже под другим углом зрения.

Постфрейдисты

Современные научные модели и психоанализ

Что произойдет, если сто лет спустя после написания «Проекта научной психологии» психоаналитики станут использовать научные модели конца XX в., чтобы предпринять попытку, аналогичную той, что предпринял Фрейд в 1895 г.? Некоторые современные психоаналитики, не колеблясь, воспроизвели этот опыт. Вот что они рассказывают об этом.

Благодаря двойному образованию нейропсихолога и психоаналитика М. Солмс обладает квалификацией, оптимально подходящей для углубленного изучения связей между психоанализом и нейронаукой (Solms, Kaplan-Solms, 2000). Его исследования, основанные на использовании психоанализа в качестве метода обследования пациентов с нейроанатомическими нарушениями, позволили ему рассматривать психические феномены на уровне функциональной системы, локализованной в совокупности церебральных анатомических структур. Заметные труды М. Солмса не отдают нейроанатомическим моделям предпочтения перед психологическими в противоположность многим другим современным исследованиям, которые стремят-

ся сблизить психоанализ и науки о нервной системе, рискуя, что каждая из дисциплин потеряет свою специфику.

Преимущество исследований, проведенных М. Солмсом, заключается в том, что он не пытается представить психику как нечто «материальное», поскольку психика в них не сводится к функционированию мозга, как показывает Ж. Руаф (Roiphe, 1995). На самом деле, для Солмса нейроны не более реальны, чем мысли и ощущения, и, как следствие, понятие бессознательного выходит за пределы картезианского дуализма «тело – дух». К примеру, для Солмса, как и для Фрейда, сознание – орган чувств, представляющий две плоскости восприятия, из которых одна обращена во внешний мир, другая – во внутренний. Если исходить из модели Фрейда, наше субъективное сознание создано бессознательной психикой в результате процесса, аналогичного процессу восприятия объектов внешнего мира, *«вещей, которые находятся во внешнем мире»* (Фрейд, 1915e). В построениях Солмса две плоскости восприятия фиксируют непознаваемую реальность, которая располагается ниже порога осознанного восприятия, двумя *качественно различными*, но *иерархически эквивалентными* способами. Другими словами, то, как мы воспринимаем как нашу субъективную психическую реальность, т. е. наше сознание, коррелирует с восприятием нами своего физического тела, как если бы мы увидели его извне. Таким образом, существуют два типа восприятий, которые достигают нашего сознания: первые происходят от конкретных внешних объектов, включая тела других, – они составляют восприятие внешней реальности; вторые происходят из внутреннего субъективного опыта, включая психику других, и составляют восприятие психической реальности. Таким образом, оригинальные исследования Солмса следуют в направлении психоаналитической концепции, объединяющей психическое и телесное, задавая тем самым многообещающие перспективы.

Со своей стороны, Ж. Пражье и С. Фор-Пражье (1990) выбрали другой подход. Отказавшись от моделей классической физики, эти авторы опирались на недавние достижения физики и биологии, чтобы предложить «новые метафоры», способные дать отчет о функционировании психики, как ее понимает психоанализ. Например, Ж. Пражье и С. Фор-Пражье предложили ряд показательных параллелей между феноменами, связанными с появлением «нового» в эволюции биологической системы, которая самоорганизуется поступательно, с одной стороны, и внезапным появлением «нового», которое возникает в свободных ассоциациях в психоанализе, с другой стороны. Таким же образом авторы предложили установить параллели между непредсказуемым характером тех явлений, которые мы наблюдаем в сложных системах, и непредсказуемой природой психических явлений. Действительно, в сложных системах, где количество переменных очень высоко – именно так обстоит дело в человеческой психике, – классический линейный детерминизм не работает, и детерминистская теория хаоса показала, что в системах, называемых сложными, любое предвидение быстро оказывается ложным, что доказывает неизбежное появление неучтенных мелких явлений [p. 45].

Если применить эти новые теории, например, к ситуации, возникшей вследствие психической травмы, становится понятным, почему невозможно

предвидеть, будет ли травма иметь долговременные последствия для психики или очень незначительные последствия, или не будет иметь их вовсе. Это можно узнать лишь aposteriori. Без сомнения, из осторожности Ж. Пражье и С. Фор-Пражье рассматривали свои сравнения в качестве *метафор,* помещая их строго в лингвистический контекст, что, по моему мнению, умаляет их ценность. Я думаю, что эти сравнения выявляют, скорее, «аналоговые модели», и, при учете того факта, что психическое функционирование основано на биофизиологическом функционировании, можно обратиться к понятию *анаклизиса,* введенному Фрейдом в 1905 г. (Quinodoz, 1997a). Эта точка зрения совпадает с концепцией, объединяющей психе и сому, недавно выдвинутой М. Солмсом.

Заменил ли психоанализ науки, изучающие нервную систему?

Фрейд все свою жизнь придерживался мысли о том, что в более или менее близком будущем прогресс в биологии и науках, изучающих нервную систему, позволит лучше понять функционирование психики, как его понимает психоанализ, и преуспеть там, где сам он потерпел неудачу в своем «Проекте научной психологии»: «*Без сомнения, однажды возникнет некий „биоанализ“...*» – заявляет он (1913c, p. 313). Он говорит также о наступлении эры психотропного лечения: «*Будем надеяться, что будущее научит нас прямо воздействовать на количество энергии и на ее распределение в психическом аппарате при помощи неких химических веществ*» (1940a [1938], p. 51).

Как же обстоят дела через сто лет после появления «Проекта»? Открытие в 1950-х годах психотропных препаратов и энтузиазм, который сопровождал прогресс исследований в биологии и науках, изучающих нервную систему, определенно способствовали снижению интереса к психоанализу, которое мы наблюдаем в настоящий момент в мире. После того как психоанализ завоевал ведущее место среди психотерапевтических методов и в сфере университетского образования, особенно в США, он был подвергнут все увеличивающемуся давлению. Не только изменившееся общее умонастроение, требующее применения все более и более ускоренных методов лечения и оценок, основанных на измеряемых данных, но и давление социального, экономического и политического порядка объединенными усилиями насаждают медикаментозное лечение в ущерб психотерапевтическим подходам. К этим факторам присоединяются обещания ученых, заявляющих, что современные исследования в области мозга и памяти уже готовы окончательно похоронить методы, основанные на психоаналитических отношениях, несмотря на то, что вышеупомянутые исследования еще очень далеки от применения в клинической практике.

В 1998 г. Нэнси Андреассен, ученый с мировым именем, забила тревогу, чтобы обратить внимание на серьезную нехватку психотерапевтов, с которой столкнулось сегодня население США, внезапно обнаружившее, что медикаментозные методы лечения тоже имеют свои ограничения: «*...мы должны сделать серьезный вклад в воспитание нового поколения подлинных специалистов в науке и искусстве психопатологии. Если этого не произойдет, мы, ученые, привыкшие иметь дело с высокими технологиями, спустя де-*

сять лет однажды можем проснуться и обнаружить, что „пришла весна, но птицы не поют"[1]. Применение технологии без сопровождения специалистов, имеющих специальный опыт в психопатологии, – это непродуктивное и, возможно, бесплодное занятие для одиночек» (1998, p. 1659).

Хронология понятий

Последействие – испытание реальности – опыт удовлетворения – научные модели – первичный процесс, вторичный процесс – принцип постоянства – принцип инерции – «proton-pseudos» – наука.

1 В романе Рейчел Карсон «Безмолвная весна» (1962) рассказано о том, как однажды весенним утром человечество просыпается и не слышит пения птиц: они исчезли с лица Земли.

«ЗАЩИТНЫЕ ПСИХОНЕВРОЗЫ»
S. FREUD (1894a)

«ОБ ОСНОВАНИИ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ В НЕВРАСТЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО СИМПТОМОКОМПЛЕКСА В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО „НЕВРОЗА ТРЕВОГИ“»
S. FREUD (1895b)

«ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАЩИТНЫХ ПСИХОНЕВРОЗАХ»
S. FREUD (1896b)

«СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЭТИОЛОГИИ НЕВРОЗОВ»
S. FREUD (1898a)

«О ПОКРЫВАЮЩИХ ВОСПОМИНАНИЯХ»
S. FREUD (1899a)

Новый взгляд на психопатологию

Между 1895 и 1899 гг. Фрейд в различных статьях уточняет некоторые понятия, уже представленные им начерно в работах по истерии: первая и третья статьи появляются друг за другом и блестяще демонстрируют, как Фрейд эволюционирует в ходе поисков механизма, порождающего истерические симптомы, фобии и обсессии; во второй статье он впервые выделяет как специфическое расстройство *невроз тревоги* – то, что сегодня называют *панической атакой,* – отделяя его от неврастении; четвертая статья призвана убедить Венское медицинское сообщество в обоснованности гипотезы Фрейда о *сексуальной этиологии неврозов;* наконец, пятая статья вводит понятие покрывающих воспоминаний, т. е. детских воспоминаний, которые кажутся банальными, но за которыми прячутся другие воспоминания, вытесненные и сохраняющие свое патогенное влияние в бессознательном.

Изучая произведения

«ЗАЩИТНЫЕ ПСИХОНЕВРОЗЫ» (1894a)

«ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАЩИТНЫХ ПСИХОНЕВРОЗАХ» (1896b)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* Les psychonévroses de défense (1894a); Nouvelles remarques sur les psychonévroses de défence (1896b) // Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche. Paris: PUF, 1973. P. 1–14, 61–81 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., III, 1–18, 121–146].

В статье, опубликованной в 1894 г., Фрейд выявляет сразу большую часть механизмов, лежащих в основе истерических симптомов, фобий и обсессий: он дополняет свои соображения в статье 1896 г. и завершает их в главе под названием «Вытеснение» в «Метапсихологии» (1915d).

- **Истерические симптомы: соматическая конверсия психической энергии**

В работе «Защитные психоневрозы» (1894a) Фрейд берет в качестве модели истерию и идет дальше, чем его предшественники, которые остановились на том, что рассматривали состояние диссоциации у больных истерией как первопричину симптомов; Жанэ называет это *расщеплением сознания,* а Брейер *гипноидным состоянием.* Фрейд выдвигает свои собственные гипотезы и доказывает, что диссоциация не является спонтанной и что пациент активно, *усилием воли* вызывает это состояние диссоциации психики. Истерическая диссоциация может проявиться у человека, который до того был *психически здоров* (p. 3 [5]), и возникает, когда человек неожиданно сталкивается с невыносимыми *представлениями,* вызывающими мучительные *аффекты,* которые он хотел бы *забыть: «Человек решил забыть об этом, поскольку он не в силах при помощи работы мысли разрешить непримиримое противоречие между этим представлением и собственным Я»* (p. 3 [5]). Каким образом Я удается *забыть* эти невыносимые представления? На этот вопрос Фрейд отвечает, что Я, которому не удается уничтожить силу этих представлений, стремится уменьшить ее в целях своей защиты; отсюда название *защитный психоневроз.* Остаточное возбуждение проявляется тогда в форме патологических симптомов, в случае истерии это возбуждение преобразуется в соматический симптом: *«Накопленное возбуждение переносится в тело. Я предложил бы называть этот процесс конверсией»* (p. 4 [7]).

Таким образом, Фрейд показывает, что симптомы психоневрозов являются выражением некоего расстройства на психическом уровне и что они не проистекают из личного или наследственного «вырождения», как считалось до того момента. Его гипотеза объясняет также обратимость этого процесса и эффекта терапии: *«Действие катартического метода Брейера заключается в том, чтобы специально вызвать возвращение этого телес-*

ного возбуждения в психическое, добиться того, чтобы противоречие было разрешено силой работы мысли и чтобы произошла словесная разрядка возбуждения» (p. 5 [8]).

- **Превращение патогенных мыслей в фобии, обсессии и галлюцинации**

Затем Фрейд исследует свою гипотезу, касающуюся образования фобий и обсессий, а также галлюцинаторного психоза. При фобиях и обсессиях склонность к соматической конверсии, характерная для истерии, отсутствует, таким образом, ослабленное представление продолжает существовать в области психики в форме навязчивых мыслей, которые заменяют патогенные мысли: *«Ослабленное представление остается в сознании, в стороне от всех ассоциаций, **но его аффект, оставшись на свободе, привязывается к другим представлениям; эти представления, сами по себе безобидные, после такого „ложного объединения" превращаются в навязчивые представления»*** (p. 6 [9]). Что же касается галлюцинаторного психоза, он подчиняется тому же механизму, что и психоневрозы, но в этом случае диссоциация сопровождается значительно более энергичным и действенным типом защиты: *«Она состоит в том, что Я отбрасывает („verwirft") невыносимое представление („unerträglich") в то же время, что и его аффект, и ведет себя так, как если бы это представление никогда не достигало Я. **Но в тот момент, когда это происходит, личность впадает в психоз, который нельзя классифицировать только как „галлюцинаторное смешение"»*** (p. 12 [15]). Мы можем отметить, что Фрейд в своих исследованиях с самого начала рассматривает механизмы невроза и психоза параллельно, как будет делать и в дальнейшем.

Здесь напрашиваются два замечания. С одной стороны, Фрейд говорит об *усилии воли,* которое прикладывает пациент чтобы *забыть, подавить* или *вытеснить* неприемлемые представления. Он интуитивно понимает, что этот процесс протекает вне сознания пациента, в то же время он не говорит еще собственно о процессе вытеснения: *«...происходящие при этом процессы разворачиваются бессознательно»* (p. 7 [4]). Только в статье 1896 г. Фрейд введет понятие вытеснения. С другой стороны, Фрейд заявляет, что вынужден прибегнуть к *психологическим абстракциям* для того, чтобы в общих чертах дать отчет о своих наблюдениях. Этот подход он позднее определит как «метапсихологический».

- **Роль последействия**

В «Новых замечаниях о психоневрозах защиты», появившихся в 1896 г., Фрейд дополняет свои прежние взгляды. Он возвращается к гипотезе, представленной в опубликованном годом раньше *Исследовании истерии* (1895d), согласно которой патогенные истерические представления связаны с сексуальной травмой, восходящей к детству. Он добавляет, что ядро истерии воз-

никает, когда человек *забывает* травматический опыт, *вытесняя* его с помощью бессознательного механизма. Но факт травмы сам по себе, по мнению Фрейда, еще не объясняет вытеснения, и он вводит процесс, проходящий в два этапа, который называет *последействием* (n. 2, p. 65 [128]) – это понятие уже упоминалось в «Проекте». Образование обсессий также происходит через процесс вытеснения, за которым следует возвращение вытесненного, а затем через создание компромиссных представлений. В заключение он применяет свои взгляды к случаю хронической паранойи, которую рассматривает как *«психоз защиты»* и которая подчиняется тем же механизмам, что и *защитные психоневрозы*.

Через 20 лет в статье «Вытеснение» (1915d) Фрейд уточнит, что понятие *вытеснение* применяется только по отношению к представлению, в то время как понятие *подавление* относится к аффекту.

«ОБ ОСНОВАНИИ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ В НЕВРАСТЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО СИМПТОМОКОМПЛЕКСА В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО „НЕВРОЗА ТРЕВОГИ“» (1895в)

Страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1895b). Qu'il est justifié de séparer de la neurasthénie un complexe symptomatique sous le nom de «névrose d'angoisse» // Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche. Paris: PUF, 1973, p. 15–38 [Страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: OCF. P., III, 29–58].

Синдром, известный под названием «неврастения», появился в 1880-е годы для обозначения расстройства, которое характеризовалось усталостью *нервного* происхождения и самыми разными симптомами. Первый принципиальный вклад Фрейда в исследование этого заболевания касается происхождения неврастении: он утверждает, что у истока неврастении, как и других расстройств, называемых «нервными», всегда обнаруживается та или иная сексуальная проблема. Его второй принципиальный вклад состоит в том, что Фрейд объединяет под названием «невроз тревоги» группу симптомов, заслуживающих особого места в области неврастении, поскольку эта нозологическая группа вмещала слишком большое разнообразие клинических категорий. При неврозе тревоги главным симптомом является тревога и ее соматические эквиваленты, т. е. дрожь, сердцебиение, удушье и т. д., и в первую очередь головокружение, которое Фрейд считает основным эквивалентом тревоги: *«**Головокружение** занимает среди всех симптомов невроза тревоги особое место; в самых легких проявлениях его называют „дурнота“; в более серьезных проявлениях этот приступ головокружения, с тревогой или без нее, относится к самым серьезным симптомам невроза»* (1895, p. 20 [36–37]). В тот период, когда Фрейд объединял эти различные симптомы под одним названием, он считал, что симптомы невроза тревоги и подобные ему, включая головокружение в разных формах, имеют непсихологическое происхождение (Quinodoz, 1994). Фрейд считал тогда, что проявления тревоги лишь высвобождают некую психическую энергию, недоступную для символического осмысления и для анализа, в противоположность ис-

терии, при которой психическая энергия может быть преобразована в соматический симптом (паралич и т. д.), но этот процесс обратим, если символическое значение энергии станет доступно сознанию и поддастся анализу.

Что может быть причиной возникновения невроза тревоги? Наблюдая своих пациентов, Фрейд заметил, что симптомы тревоги сопровождались у них понижением либидо, и приписал причину возникновения невроза этого типа чрезмерному накоплению неудовлетворенного сексуального возбуждения, как, например, при прерванном половом акте – чисто физическом напряжении, которое предположительно напрямую трансформируется в тревогу из-за невозможности проработать его на физическом уровне. Этой теории, известной под названием «первой теории тревоги», Фрейд придерживался до тех пор, пока 30 лет спустя не заменил ее своей «второй теорией тревоги». Действительно, начиная с 1926 г. он станет утверждать, что тревога вызывается в основном страхом потери и сепарации от объекта, помещая отныне причины ее возникновения на уровень психики.

«СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЭТИОЛОГИИ НЕВРОЗОВ» (1898a)

Страницы указаны по изданию: *Freud S.* (1898a). La sexualité dans l'étiologie des névroses // Résultats, idées, problèmes I, trad. J. Altounian et coll. Paris: PUF, 1984, p. 75–97 [страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: OCF. P., III, 215–240].

В этой статье (ставшей основой доклада, скандализировавшего Венское медицинское сообщество) Фрейд впервые утверждает существование автономной детской сексуальности, объединив все идеи, выдвинутые им за предыдущий год. Начиная с 1897 г. Фрейд пересмотрел свою теорию соблазнения после того, как написал Флиссу, что признает ее ошибочной (*«Я больше не верю в мою* ***невротику****»,* письмо от 21 сентября 1897 г.) и что то, что он принимал за сексуальное соблазнение ребенка взрослым, на самом деле было лишь выражением детских фантазий, вызванных инцестуозными желаниями ребенка по отношению к родителям. Уверенный в своих открытиях, Фрейд посчитал важным донести до сведения своих коллег-медиков, что этиология психоневрозов основывается не только на таких провоцирующих факторах, как реальное сексуальное насилие, но и на опыте фантазирования, связанном с силой влечений, возникающих в детстве и в период полового созревания. В этом же докладе он вводит понятие *последействия,* обозначающее, что патогенное влияние травмирующего события, произошедшего в детстве, может проявиться не в тот момент, когда оно произошло, но ретроспективно (задним числом), во время вступления в следующую фазу сексуального развития (половое созревание, подростковый период).

Фрейд доложил эту работу в 1898 г. в Венском медицинском колледже; доклад шокировал его коллег, несмотря на абсолютно научную строгость, с которой он представил свою точку зрения, проиллюстрировав ее примерами из клинической практики. Еще в 1896 г. Крафft-Эбинг, будучи экспертом по сексуальным психопатологиям, назвал эти идеи «научными сказками». Фрейд, ожидавший после своего доклада официального признания

своих открытий, был крайне разочарован и укрепился в своем пессимизме. Враждебность, которую вызвали идеи Фрейда, помимо всего прочего, стала причиной отсрочки его назначения на должность профессора университета.

«О ПОКРЫВАЮЩИХ ВОСПОМИНАНИЯХ» (1899a)

Страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1899a). Sur les souvenirs-écran // Névrose, psychose et perversion, trad. D. Berger et coll. Paris: PUF, 1973, p. 113–132 [страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: OCF. P., III, 253–276].

Покрывающее воспоминание – новое понятие: под ним подразумевается детское воспоминание, которое запечатлелось в памяти с особой силой, несмотря на свое, казалось бы, незначительное содержание. Как объяснить этот парадокс? Взяв в качестве примера воспоминание, приписанное одному из пациентов (на самом деле это был автобиографический эпизод), Фрейд тщательно анализирует такое покрывающее воспоминание, проработка которого позволила ему избавиться от кратковременной фобии. В эпизоде, произошедшем за городом, принимал участие герой воспоминания в возрасте 2–3 лет, другие дети того же возраста и красивая двоюродная сестричка. Это сцена оставалась для юноши ничего не значащим эпизодом до того момента, когда воспоминание о влюбленности в некую девушку уже в возрасте 17 лет придало новый смысл детскому переживанию и вызвало множество других, вытесненных до той поры воспоминаний, описанных с несомненным литературным талантом. Восстановление в памяти бессознательного патогенного заряда, содержавшегося в этих вытесненных воспоминаниях, позволило вылечить фобию. Этот клинический случай, изложенный как художественное произведение, убедительно показывает также, что покрывающее воспоминание является следствием *компромисса* между двумя психическими силами, одна из которых сохраняет в памяти банальное воспоминание, а другая приводит в действие сопротивление, которое скрывает бессознательное патогенное значение. Эти две противоборствующие силы не уничтожают друг друга, но приводят к компромиссу, который сгущает два воспоминания, и это сгущение играет с многозначностью слов: *«Именно словесное выражение, без сомнения, устанавливает связь между покрывающим воспоминанием и тем, что оно покрывает»*, – замечает Фрейд (p. 129 [272]). Таким же образом он опишет впоследствии тот же феномен в оговорках или ошибочных действиях.

Позднее Фрейд еще раз подчеркнет важность покрывающего воспоминания, сгущающего многочисленные моменты детства, реальные и воображаемые: *«Покрывающие воспоминания содержат не только некоторые важные моменты жизни ребенка, а действительно все важное. Их надо только уметь истолковать при помощи анализа. Они также точно представляют забытые годы детства, как явное содержание снов представляет скрытые в них мысли»* (Фрейд, 1914g, p. 107).

Понятие покрывающего воспоминания имеет первостепенное значение, потому что оно заставляет пересмотреть вопрос о важности детских

воспоминаний, которые не следует понимать буквально. По поводу этого уточнения Фрейд заключает: *«Наши детские воспоминания представляют нам наши ранние годы не такими, как они были на самом деле, но такими, какими они являются нам, когда мы возвращаемся к ним в более поздние периоды…»* (1899a, p. 132 [276]). Иначе говоря, добавляет он, остроумно играя словами, не слишком ли мы доверяем нашим воспоминаниям, т. е. не являются ли сознательные воспоминания, которые остались у нас «о» детстве, скорее воспоминаниями «на тему» нашего детства, подвергающимися впоследствии постоянному редактированию?

Хронология понятий

Аффект – последействие – компромисс – невроз – невроз тревоги – первая теория тревоги – психоневроз – вытеснение – представление – детская сексуальность – покрывающее воспоминание – травма – головокружение.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ
S. FREUD (1900a)

О СНОВИДЕНИИ
S. FREUD (1901a)

«Толкование сновидений – царский путь к познанию бессознательного психической жизни»
Freud (1900a, p. 517 [663])

В *Толковании сновидений* Фрейд выдвинул новаторские идеи, которые не только произвели переворот в существовавшем на тот момент понимании сновидений, но и по-новому осветили функционирование мысли и речи. В своей работе Фрейд отстаивает тезис, что сновидение – это организованная психическая деятельность, которая отличается от психической деятельности в период бодрствования и подчиняется собственным законам, оспаривая таким образом как популярные представления, так и научные воззрения своего времени. С одной стороны, он отмежевался от классических популярных методов, которые использовались для толкования сновидений со времен античности и представляли собой расшифровку по символическим культурным кодам с целью предсказания будущего. С другой стороны, он оспорил мнение ученых своей эпохи, не придававших сновидению никакого психологического значения и видевших в нем лишь неорганизованную продукцию, вызванную психическими *стимулами*, – мнение, которого придерживаются некоторые ученые и в наши дни.

В *Толковании сновидений* Фрейд выдвигает еще одну новаторскую точку зрения, показывая, что сновидение – это собственная продукция сновидца, оно не навязано ему извне и не имеет никакого постороннего источника. Люди на самом деле долгое время верили, что сновидение – это благосклонное или враждебное послание, адресованное сновидцу высшими силами – богами или демонами. Но психоаналитический метод свободных ассоциаций привел Фрейда к открытию цели и значения сновидений, так что он смог выдвинуть следующее часто цитируемое утверждение: *«Толкование сновидения – это царский путь к познанию бессознательного психической жизни»* (1900a, p. 517 [663]). Этот фундаментальный труд, который Фрейд, по словам его биографа Е. Джонса, на протяжении всей жизни считал своим самым важным творением, далеко не исчерпывается объяснением ночного сновидения. На самом деле в *Толковании сновидений* Фрейд выдвинул общую концепцию

функционирования психики, нормальной и патологической, заложив тем самым основы психоанализа в различных его аспектах: клиническом, техническом и теоретическом.

Сегодня, больше столетия спустя, концепция онирической жизни, выдвинутая Фрейдом в 1900 г., по-прежнему остается незаменимым ориентиром в области психоанализа. С 1900 г. и до сегодняшнего дня постфрейдистское развитие психоанализа, а также научный прогресс в разных областях, особенно в науках о нервной системе, расширили наше знание механизмов, участвующих в формировании сновидений, но никакая другая теория не заменила фрейдовское толкование сновидений в области психоанализа. А если бы это произошло, психоаналитики узнали бы об этом первыми, не правда ли?

Биографии и история

«Книга века»

Сначала изучение собственных снов

Видимо, Фрейд интересовался своими сновидениями с детства, и в письме к невесте, Марте Бернайс, от 18 июля 1883 г. он упоминает дневник с записями, куда систематически заносит размышления на эту тему. Но начало его научного интереса к сновидениям относится к тому моменту, когда он применил метод свободных ассоциаций к больным истерией пациенткам, поскольку этот подход позволил ему открыть существование тесных связей между сновидениями, фантазиями и симптомами. Фрейд также установил сходство между своими собственными сновидениями и сновидениями пациентов, определив таким образом важную роль, которую онирическая жизнь играет не только в психопатологии, но и в нормальной психической деятельности. В июле 1895 г. он в первый раз провел полный анализ одного из своих сновидений – «укол, сделанный Ирме», – основополагающий сон, который он подробно исследует в «Толковании сновидений». Окрыленный новыми перспективами, связанными с изучением сновидений и недавним открытием нейронов, Фрейд сделал попытку обобщить их и в 1895 г. погрузился в написание труда под названием «Проект научной психологии». Однако, почувствовав, что этот подход ведет в тупик, он оставил замысел создания общей теории психики на основании поддающихся измерению количественных данных и отказался от публикации этой рукописи. Решительно отвернувшись от нейропсихологии, он обратился к точке зрения, помещавшей психические феномены в поле субъективного опыта, которое и стало полем психоанализа. Именно поэтому рождение психоанализа относят к периоду с 1896 по 1899 г., на который пришлись самоанализ Фрейда и создание им «Толкования сновидений».

Смерть отца Фрейда и начало самоанализа

Хотя Фрейд много размышляет о сновидениях уже в 1895 г., непосредственная работа над этим произведением заняла почти четыре года. После смерти своего отца Якоба Фрейда в 1896 г. Фрейд предпринимает системати-

ческое исследование, анализируя, в частности, свои собственные сны, – эта проработка стала основой для его самоанализа. Действительно, тема смерти отца и многочисленные, связанные с ним воспоминания постоянно возникали в его сновидениях в течение последующих месяцев. Это был сложный период, и можно думать, что Фрейд предпринял свой труд не только в научных интересах, но и пытаясь преодолеть внутренний кризис, в который погрузила его глубокая скорбь. Тем не менее это был плодотворный период, поскольку именно с помощью самоанализа и толкования своих сновидений Фрейд открыл специфическую для психоанализа технику интерпретации.

Его отношения с Флиссом также играли в эти годы важную роль. С одной стороны, письма, которые Фрейд регулярно писал своему другу, составили a posteriori драгоценное свидетельство этапов, которые он прошел в своем самоанализе: так, например, в одном из писем он объявляет, что нашел подтверждение тому, что сновидение стремится к осуществлению желания: «Позавчера один сон предоставил мне забавное подтверждение той мысли, что целью сновидения является осуществление желания» (Фрейд Флиссу 23.09.1895). Но Флисс стал не только важным свидетелем, он был еще и собеседником, на которого Фрейд мог проецировать свои фантазии и аффекты переноса. Между тем эти бессознательные отношения переноса и контрпереноса, которые разыгрывались без ведома обоих, хотя Фрейд и догадывался о них интуитивно, неизбежно вели в тупик, поскольку обстоятельства не позволяли проанализировать и проработать их с помощью другого психоаналитика. В этом, без сомнения, одна из причин разрыва между Фрейдом и Флиссом, который произошел вскоре после завершения периода самоанализа.

Толкование сновидений (1900a)

Фрейд закончил работу над этим трудом в сентябре 1899 г. У него были периоды застоя и взлеты, как в августе 1899 г., когда он за две недели написал знаменитую седьмую главу, посвященную психологии сновидения. Труд появился 4 сентября 1899 г., но по воле издателя был датирован 1900 г. Фрейд многого ждал от этой публикации, в частности признания значения его открытий, но за 8 лет было продано только 600 экземпляров первого тиража книги. Постепенно успех пришел, и изучение сновидений продолжало интересовать Фрейда в течение всей его жизни. Так, он вносил многочисленные поправки во все восемь вышедших при его жизни изданий этой работы на немецком языке (последнее увидело свет в 1930 г.

Полное издание шедевра, который представляет собой «Толкование сновидений», насчитывает 700 страниц. Фрейд анализирует здесь около 200 сновидений, 47 из которых его собственные, остальные принадлежат людям из его окружения и коллегам. Однако, хотя количество сновидений и разнообразие изложенных в этом объемном труде гипотез делают его незаменимым и в наши дни, эти же качества определяют его труднодоступность для неискушенного читателя. Впечатление, которое «Толкование сновидений» производит на неофита, нельзя описать лучше, чем это сделал Д. Анзьё.

«„Толкование сновидений“ – книга вдохновенная, – пишет он, – полная порыва, отважная, но трудная для восприятия из-за оригинальности мыслей, которые она содержит, сложности ее архитектуры, из-за строгости и разнообразия теоретических выкладок, новизны понятий, изобилия примеров, лаконичности и сжатости исследования или, наоборот, из-за их рассеяния по разным главам, из-за запутанных самонаблюдений Фрейда и его наблюдений за сновидческой жизнью других, из-за неопределенности избранного автором литературного жанра: научный трактат, интимный дневник, исповедь, сонник, фантастическое путешествие, поиск инициации, этюд о человеческой природе и, наконец, широкая аллегорическая фреска бессознательного» (1988a, p. 10).

О сновидении (1901a)

С целью сделать более доступными публике новаторские идеи, содержащиеся в «Толковании сновидений», издатель попросил Фрейда написать резюме книги. Фрейд, хотя и не без колебаний, согласился и написал «О сновидении» – короткую научно-популярную работу, выдержанную в доступном стиле, близком к разговорному, которая приглашала читателя к поиску смысла сновидений по образу детективного расследования. Фрейд добавил туда несколько новых сновидений, из которых самое известное – «Праздничный стол», а также сон, обнаруживающий его бессознательную враждебность к Флиссу, предвещая, таким образом, близкий разрыв с другом.

Как справедливо указывает Д. Анзьё, проблема стиля психоаналитического письма возникает уже в двух первых работах Фрейда, поскольку эти два таких разных текста показывают: психоаналитическое письмо впоследствии будет непрестанно колебаться между двумя полюсами. А именно полюсом вдохновения, как «Толкование сновидений» – «открытое», в понимании Умберто Эко, произведение, написанное в «барочном» стиле, – и дидактическим полюсом, как мы это наблюдаем в работе «О сновидении» – изложении образовательного назначения, написанном в «классическом» стиле (Anzieu, 1988a, p. 34).

Изучая произведение

Неопытному читателю я советую начать с чтения *О сновидении* (1901a), а не приступать сразу к *Толкованию сновидений* (1900a), хотя это нарушает хронологию. Прочитав *О сновидении,* читатель будет более уверенно ориентироваться в таком пространном и сложном произведении, как *Толковании сновидений.*

О СНОВИДЕНИИ (1901a)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1901a). Sur le rêve, préface de D. Anzieu, trad. C. Heim. Paris: Gallimard, 1988.

- **Смысл сновидений сообщают свободные ассоциации сновидца**

Фрейд напоминает, что сновидение лишь с недавних пор рассматривается как продукт психики сновидца и не считается более благожелательным или враждебным посланием *«высших сил, демонов или богов»*, как в мифологические времена (p. 45). И все же, говорит Фрейд, многие современные ученые продолжают думать, что сновидение имеет исключительно биологическую функцию и что его содержание не имеет никакого психологического значения.

Действительно, если мы пытаемся понять содержание одного отдельно взятого сна, мы редко находим в нем смысл, продолжает Фрейд. Но все меняется, если применить новый метод исследования, который он недавно предложил и назвал «методом свободных ассоциаций». Этот метод позволил ему обнаружить, что сновидения имеют смысл, таким же образом, как он открыл, что истерические симптомы, фобии, обсессии или бред имеют смысл и поддаются интерпретации.

В работе *О сновидении* Фрейд детально анализирует сон *«Праздничный стол»*, приснившийся ему в октябре 1990 г. Для начала он пересказывает свой сон так, как запомнил его: женщина сидит рядом с ним и фамильярно кладет руку на его колено; сновидец отбрасывает руку соседки, которая заявляет, что у него прекрасные глаза. Проснувшись, Фрейд очень удивлен, поскольку сон кажется ему темным и абсурдным, к тому же он уже давно не встречал эту женщину. Тогда он старается ухватить мысли, которые спонтанно приходят ему в голову, когда он вспоминает каждую деталь сна, отдаваясь своим свободным ассоциациям: *«Праздничный стол… задолжать деньги… делать это ради Ваших прекрасных глаз… получить бесплатно…* и т. д.». На основании этих многочисленных рассеянных фрагментов Фрейд устанавливает связи между образами, мыслями и воспоминаниями, которые сцепляются друг с другом последовательно и обретают для него смысл. Так, шаг за шагом читатель приглашается разделить со сновидцем убеждение, что этот сон, на первый взгляд такой непонятный, в конце концов имеет содержание и что только ассоциации сновидца помогают нам раскрыть этот смысл: *«Следом за ассоциациями, которые появились рядом с независимыми одиночными элементами сна, вырванными из контекста, у меня появилась серия мыслей и воспоминаний, которые я должен признать в качестве ценного выражения моей психической жизни»* (p. 57). Однако Фрейд не идет до конца в своей демонстрации и отмечает, что каждый раз, когда он анализирует один из своих снов, у него возникают интимные мысли, в которых трудно признаться даже самому себе. Ни одно сновидение не избегает этого явления, добавляет он, именно поэтому, рассказывая сновидение, будь то свое собственное или чужое, он вынужден уважать его конфиденциальный характер.

- **Манифестное (явное) и латентное (скрытое) содержание сновидения**

Затем Фрейд вводит различие между *манифестным содержанием сновидения*, т. е. сновидением, как его пересказывает сновидец, смысл которого,

как правило, неясен, и *латентным содержанием сновидения,* значение которого проявляется во всей своей ясности не ранее, чем сновидение будет расшифровано в свете свободных ассоциаций пациента. Манифестное и латентное содержание тесно связаны между собой скрытым значением, которое выявляется в процессе анализа. Фрейд задается вопросом о природе психического процесса, который трансформирует латентное содержание в манифестное и искажает его до неузнаваемости, так же как и об обратной операции, которую осуществляет анализ сновидения, расшифровывая манифестный смысл, чтобы открыть за ним смысл латентный. Фрейд называет *работой сновидения* совокупность психических операций, которые превращают латентное содержание в манифестное с целью сделать его неузнаваемым, а *«работой анализа»* – обратную операцию, которая направлена на поиски скрытого смысла, исходя из явного содержания: *«Задача толкования сновидения – открыть то, что работа сновидения замаскировала»* (p. 60).

- **Сновидение – осуществление бессознательного желания**

Второй центральный тезис Фрейда содержится в уже выдвинутом в «Толковании сновидений» утверждении: *«Сновидение – это (замаскированное) осуществление (вытесненного) желания»* (1900a, p. 145 [196]). С этой точки зрения, существуют прозрачные сны, в которых осуществление желания проявляется ясно, как будто оно уже произошло, это свойственно детям, реже бывает у взрослых. Фрейд приводит примеры, ставшие с тех пор классическими: маленькой девочке снится клубника, в которой ей отказали накануне, маленькому мальчику снится сон про корзинку с вишней: *«Накануне он получил в подарок от своего дяди корзину вишни, из которой ему, разумеется, дали съесть только часть. Он просыпается и радостно объявляет: „Герман съел все вишни“»* (1901a, p. 66). Но чаще всего содержание сновидений бессвязно и кажется лишенным смысла, осуществление желания замаскировано: в этом случае *работа сновидения* изменила мысли сновидения таким образом, что исполнение желания не возникает в пересказе сновидения и требуется работа анализа, чтобы произвести обратную операцию и обнаружить его смысл.

- **Механизмы, задействованные в формировании сновидения**

Какие средства использует работа сновидения, чтобы замаскировать исполнение желания, чтобы оно не проявилось в манифестном содержании сна? Согласно Фрейду, сновидение использует в этих целях следующие пять основных механизмов.

Сгущение. Сгущение объединяет в одном элементе несколько элементов – образов, мыслей и т. д., – относящихся к разным цепочкам ассоциаций. Анализ сновидения выявляет феномен *«сжатия»* или «сгущения», которое произвела работа сна, чтобы соединить разрозненные фрагменты в единое целое: *«Если взять случайный пример и сопоставить количество элементов*

репрезентации или важность представлений, к чему и ведет анализ, когда мы отмечаем фантазии или мысли, следы которых мы находим в сновидении, не подлежит сомнению, что работа сновидения произвела заметное сжатие или ***сгущение***» (p. 77). При детальном анализе сновидения видно, что процесс сгущения осуществляется для каждого элемента сновидения таким образом, что каждый элемент в отдельности восходит в свою очередь к ряду элементов, которые могут относиться к разным областям, и это означает, что каждый элемент сновидения *сверхдетерминирован.* Таков механизм сжатия, который затрудняет понимание манифестного текста сновидения. Сгущение составляет один из основных механизмов работы сновидения, но его же мы обнаруживаем при формировании симптомов, оговорок и острот. В последних сгущение устанавливает кратчайшие пути между разными мыслями, приводя к неожиданным сближениям, например, играет на сходстве слов, создавая «*промежуточные мысли, часто очень остроумные*» (p. 77).

Смещение. Благодаря механизму смещения работа сновидения заменяет самые значимые мысли сновидения второстепенными, таким образом, важное содержание сновидения перемещается со своей центральной позиции, маскируя осуществление желания. Например, впечатление, что то или иное сновидение передает элемент первостепенного значения, может быть заменено противоположным впечатлением, таким как безразличие. Механизмы сгущения и смещения могут комбинироваться, чтобы образовать компромисс, который Фрейд иллюстрирует приведенным здесь сновидением об «*уколе, сделанном Ирме*». В этом сновидении речь шла об инъекции *пропилена,* он установил значимое сближение между *амиленом* и воспоминанием о *Пропилеях,* которые Фрейд видел в музее. Этот пример разъясняет образование *компромисса,* который представляет собой термин *пропилен* – плод сгущения и смещения.

Процесс наглядного изображения, или репрезентация («*Darstellbarkeit*»). Имеется в виду операция, при помощи которой работа сновидения превращает мысли сновидца в образы, прежде всего визуальные. Фрейд так описывает этот процесс: «*Представим себе, например, что нас попросили заменить несколько фраз политической статьи или выступления адвоката в суде на серию рисунков; при этом мы без труда поймем, какие изменения производит работа сна, чтобы преобразить содержание сновидения*» (p. 92). Фрейд упоминает разные способы, которые использует работа сновидения, чтобы преобразовать мысли в визуальную форму выражения, свойственную сновидению.

Вторичная обработка. Вторичная обработка состоит в том, чтобы представить содержание сна в форме связного и понятного сценария. Речь идет о механизме, который сопровождает формирование сновидения на каждом этапе, но действие этого процесса более очевидно в состоянии бодрствования, когда сновидец старается вспомнить, что ему приснилось, или рассказывает свой сон. Действительно, по мере того как мы пытаемся вспомнить свой сон, мы склонны искажать его содержание, чтобы придать ему бóльшую последовательность и создать рациональный фасад. Но искажение, которое является следствием вторичной обработки, небезобидно, поскольку, в конце концов, мы обнаруживаем в нем сценарий, несущий на себе след осуществления вытесненного желания, истинного мотива сновидения.

Драматизация. Наконец, в 1901 г. Фрейд добавляет механизм *драматизации,* который состоит в превращении мысли в ситуацию, эта процедура аналогична работе режиссера, когда он преобразует письменный текст в театральное представление.

- **Дневные остатки**

Кроме того, формирование сновидения отвечает еще одному основному принципу, согласно которому сценарий сновидения всегда монтируется вокруг событий, произошедших накануне. Фрейд называет это *restes diurnes* (дневные остатки): *«Если мы прибегнем к анализу, то можно показать, что каждое сновидение без всяких исключений привязано к впечатлению предыдущих дней – можно сказать точнее: последнего дня перед сновидением»* (p. 86). Эти дневные остатки более или менее тесно связаны с бессознательным желанием, которое осуществляется в сновидении.

- **Роль цензуры**

Для Фрейда главной причиной искажения в сновидении является *цензура.* Он напоминает, что речь идет об особой инстанции на границе между сознанием и бессознательным, которая пропускает только то, что ей приятно, и задерживает остальное: то, что оказывается таким образом отклонено цензурой, находится в состоянии *вытеснения* и составляет *вытесненное.* В некоторых состояниях, например во сне, цензура ослабевает таким образом, что вытесненное может проникнуть в сознание в форме сновидения. Однако поскольку даже во сне цензура не устранена полностью, вытесненное должно претерпеть изменения, чтобы не столкнуться с ней, и это приводит к формированию *компромисса.* Процесс вытеснения, сопровождаемый ослаблением цензуры и формированием компромисса, не является особенностью сновидения, он также часто встречается во многих психопатологических ситуациях, где мы обнаруживаем действие сгущения и смещения.

Кроме всего прочего, вторжение бессознательных желаний, не подвергшихся цензуре, может разбудить спящего, следовательно, успешное сновидение является еще и осуществлением желания поспать. Поэтому Фрейд считает одной из функций сновидения сохранение сонного состояния: *«Сновидение охраняет сон, а не нарушает его»* (p. 125).

- **Цензура сновидения связана с вытесненными детскими сексуальными желаниями**

Если углубить анализ сновидений, продолжает Фрейд, то часто можно обнаружить, что их латентное содержание выявляет осуществление эротических желаний. Это наблюдение подтверждает роль, которую играет цензура,

направленная на сексуальное содержание, конкретнее, на вытесненные детские сексуальные желания. По мнению Фрейда, именно вытесненные сексуальные желания, берущие свое начало в детской сексуальности, *«дают самые мощные и многочисленные импульсы для формирования сновидения»* (p. 134). Несмотря на ту роль, которую играет сексуальность, очень редко случается, чтобы в явном содержании сновидения проявилось как таковое осуществление желания сексуального характера: как правило, оно замаскировано, и только работа анализа может его раскрыть. В работе *О сновидении* Фрейд не говорит об эдиповом комплексе, хотя и упоминал его уже годом раньше в *Толковании сновидений* в связи с типичными сновидениями *«о смерти близких людей»* (1900a, p. 229 [303]).

- **Роль символов в сновидении**

Создание символов играет главную роль в формировании сновидения, поскольку символ позволяет сновидцу обойти цензуру, делая сексуальные представления невнятными. С этой точки зрения, Фрейд различает два типа символов: с одной стороны, универсальные символы, которые используются при «разгадывании» снов с древних времен, а с другой – индивидуальные символы, относящиеся к собственной символике сновидца, как ее выявляет Фрейд. Фрейд описывает большое количество универсальных символов, которые можно толковать почти однозначно: *«Большинство символов сновидения служит для изображения людей, частей тела и деятельности, привлекающей эротический интерес; гениталии могут быть представлены особенно большим количеством символов, часто вызывающих удивление, так как самые различные предметы могут быть использованы, чтобы символически указать на половые органы»* (p. 136). На первый взгляд можно подумать, что достаточно хорошо знать универсальную символику, чтобы интерпретировать сновидение, не прибегая к ассоциациям сновидца. Однако этого недостаточно, как Фрейд уже заявил в *Толковании сновидений*, поскольку, если психоаналитик хочет избежать произвольных интерпретаций, важно использовать двойной подход и учитывать одновременно и универсальную символику, и свободные ассоциации сновидца: *«Поэтому мы вынуждены комбинировать две техники: мы опираемся на ассоциации сновидца и дополняем недостающее за счет знаний символов, накопленных интерпретатором. Осторожная критика символических значений и внимательное изучение их места в сновидении позволяют нам избежать обвинения в фантазировании и в произвольном толковании сновидения»* (1900a, p. 303 [398]).

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ (1900a)

В учебных целях я изменил хронологический порядок этих двух произведений и в первую очередь представил короткую работу *О сновидении* (1901a), чтобы она послужила вступлением к изучению *Толкования сновидений* (1900a). За неимением места я представляю лишь план этого труда.

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* L'interprétation des rêves, trad. I. Meyerson, rev. D. Berger. Paris: PUF, 1967 [страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: OCF. P., IV, 756 p.].

- **Произведение в трех частях**

Глава I, которая составляет первую часть, посвящена обзору основных научных трудов о сновидении, существовавших на тот момент. Это тщательная компиляция, которую Фрейд проделал неохотно, но которая позволила ему показать, что его предшественникам не удалось открыть прежде него тайну значения сновидений.

Вторая часть включает главы со второй по шестую. В главе II Фрейд вначале описывает метод толкования сновидений, который он применил в ходе самоанализа и в качестве иллюстрации к своим тезисам детально анализирует свое знаменитое с тех пор сновидение «*Укол, сделанный Ирме*». Интерпретируя это сновидение, Фрейд применяет следующую процедуру, которую он использует и при анализе множества других сновидений, приведенных в книге: вначале он тщательно записывает материал сновидения так, как он его запомнил при пробуждении; потом раскладывает его на несколько элементов; приводит ассоциации, свободно возникающие по поводу каждого фрагмента сна, и записывает их; исходя из этого, он устанавливает связи между разными цепочками, которые могут стать возможными интерпретациями сна. В главе III Фрейд рассматривает свой центральный тезис, согласно которому сновидение выражает осуществление неудовлетворенного желания. Однако очень часто осуществление желания не проявляется как таковое в содержании сна, поскольку подверглось искажениям. Только работа анализа позволяет обнаружить осуществление желания. Затем в главе V Фрейд изучает источники сновидения, чтобы понять, сможет ли содержание сна разрешить не разрешенные до этого момента загадки. В главе VI он показывает, как работа сновидения осуществляется при помощи механизмов сгущения, смещения, инверсии, репрезентации, вторичной обработки, а также посредством представления через символы.

Третья часть – знаменитая глава VII – представляет собой отдельное эссе, в котором Фрейд создает общую концепцию психического аппарата и его функционирования. Цель этого смелого проекта – объяснить функционирование психики, нормальное и патологическое, исходя из клинических наблюдений над сновидениями и неврозами. Здесь Фрейд проявил себя вновь как ученый, но это уже новый Фрейд, который решительно покинул нейрофизиологическую почву «Проекта научной психологии», чтобы предложить космическую модель психического аппарата. Первый раз он определяет *бессознательное, предсознательное и сознание* как особые места (*topos,* по-гречески), где локализованы психические феномены, то, что сейчас называют его «первой топикой», или первым топографическим делением психического аппарата. Между бессознательным и предсознательным действует *цензура,* предшественник понятия Сверх-Я, которая

контролирует продвижение между бессознательным, предсознательным и сознанием. В числе основных гипотез, которые Фрейд выдвигает в этой центральной главе, уже предвещающей «Метапсихологию», он развивает идеи о противопоставлении *первичных* и *вторичных процессов,* а также о понятии *вытеснения,* которое впервые появилось в *Исследовании истерии.* При регрессии желания, вытесненные в бессознательное, присоединяются к *вытесненным сценам детства,* и поэтому содержание этих последних может вновь появиться в сновидениях, когда цензура ослаблена, или в форме *компромисса* при формировании невротических симптомов.

- **Эволюция концепций Фрейда о сновидении после 1900 г.**

Фрейд останется верен своей теории сновидений в том виде, в каком он сформулировал ее в 1900 г., и, в отличие от многих других своих теорий, лишь незначительно модифицирует ее впоследствии. Одним из основных изменений, которые он внесет в *Толкование сновидений* после введения второй топики в 1923 г., стала замена понятия *цензуры* сновидения понятием *Сверх-Я,* и с этих пор он будет полагать роль сновидения в том, чтобы примирить между собой требования Оно и Сверх-Я (Freud, 1933a, [1932]). В то же время, хотя после 1920 г. Фрейд выдвинул свою вторую теорию влечений, он не стал развивать мысль о том, что работа сновидения имеет целью не только примирить запретное желание со Сверх-Я или с Я, но и найти компромисс или решение основного конфликта между влечением к жизни влечением к смерти, как это утверждается сегодня (Segal, 1991; Quinodoz, 2001).

Постфрейдисты

Психоаналитическое изучение самоанализа Фрейда

В своем труде, озаглавленном *Самоанализ Фрейда и открытие психоанализа,* Д. Анзьё (Anzieu, 1988b) применил оригинальный ход мысли, использовав психоаналитический подход для изучения условий творческой работы, которая привела Фрейда к открытию психоанализа между 1895 и 1902 гг. Анзьё опирался на многочисленные документы, предоставленные самим Фрейдом, в которых он иногда эксплицитно, а иногда безотчетно воспроизводит богатую продукцию бессознательного, поддающуюся анализу: сновидения, воспоминания детства, ошибочные действия, забывания или оговорки. В результате скрупулезного исследования Анзьё удалось датировать большинство снов Фрейда, упомянутых в *Толковании сновидений,* и изучить их в хронологическом порядке в свете многочисленных документов самоанализа. Эта работа позволила Анзьё показать внутреннюю жизнь Фрейда в те решающие годы, когда он последовательно открыл смысл сновидений, эдипов комплекс, фантазию первичной сцены и страх кастрации (Anzieu, 1959, 1988b).

Толкование сновидений в современной клинической практике

Толкование сновидений породило и до сих пор порождает многочисленные психоаналитические и непсихоаналитические публикации исследователей Фрейда; их число слишком велико, чтобы я мог упомянуть о них здесь. Однако, несмотря на все их богатство и разнообразие, постфрейдистские работы о сновидениях так и не смогли отодвинуть на второй план фундаментальный труд Фрейда. А. Грин отмечает: *«Из всех открытий Фрейда сновидение, видимо, то, в которое психоаналитики, продолжившие работу после Толкования сновидений, смогли сделать наименьший вклад»* (1972, p. 179). Действительно, когда будущим психоаналитикам преподают технику интерпретации, то именно к этому труду обращаются в первую очередь, и не столько по историческим причинам, сколько потому, что и в наши дни это по-прежнему единственная работа, в которой представлен общий подход к этому вопросу. Однако из числа общих трудов я упомянул бы работу Э. Шарп (E. Sharpe. «Dream Analysis»), которая представляет собой введение в интерпретацию сновидений в психоаналитическом лечении и отнюдь не потеряла своей актуальности, хотя была опубликована в 1937 г. Труды общего значения редки, постфрейдистские разработки в области интерпретации сновидений по большей части касаются отдельных аспектов ее теории и техники и выходят в виде журнальных статей. Однако наиболее значительные статьи были собраны в нескольких коллективных изданиях: «Essential Papers on Dreams» (Lansky, 1992), «The Dream Discourse Today» (Flanders, 1993), «Dreaming and Thinking» (Perelberg, 2000). Эти подборки текстов отражают точки зрения психоаналитиков, принадлежащих к разным современным течениям психоанализа.

Тем не менее надо признать, что если мы бросим ретроспективный взгляд на всю совокупность постфрейдистских работ о сновидении, мы обнаружим, что за последние три-четыре десятилетия в области анализа сновидений было сделано относительно мало. Согласно Фландерсу, это произошло из-за постепенного изменения техники: в 1920–1930-е годы первые психоаналитики отдавали предпочтение анализу сновидений, в то время как начиная с 1950-х годов все большее значение придавалось анализу переноса. Фландерс изящно подводит итог этой эволюции: *«Перенос стал царским путем к пониманию эмоциональной и психической жизни пациента»* (1993, p. 13). Он с радостью констатирует, что, несмотря на сокращение количества теоретических публикаций, посвященных сновидениям, анализ сновидений полностью сохранил свое значение в психоаналитической практике, о чем свидетельствует тот факт, что большинство клинических случаев, публикующихся сегодня, иллюстрируются анализом одного или нескольких сновидений пациентов.

Хронология понятий

Цензура – компромисс – сгущение – манифестное содержание, латентное содержание – смещение – драматизация – вторичная обработка – репрезентация – дневной остаток – сверхдетерминированность – символика сновидения – работа анализа – работа сновидения.

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ
S. FREUD (1901b)

Ошибочные действия: проявления бессознательного в повседневной жизни нормального человека

Создавая этот труд, Фрейд стремится познакомить широкую публику с существованием бессознательного, как оно дает себя знать через «осечки» вытеснения, которые представляют собой «ошибочные действия». Что такое ошибочное действие? Это невольное проявление бессознательного, которое случается в жизни каждого нормального человека, а не только невротика. Фрейд подчеркивает, что для того, чтобы попасть в эту категорию, проявления такого рода не должны превышать «*то, что мы называем границами нормального состояния*», должны «*иметь характер временного нарушения*», это «*действия, которые ранее выполнялись правильно*» (p. 275). В немецком языке понятие «ошибочного действия» имеет более широкий смысл, чем во французском; оно включает обширный диапазон безобидных с виду явлений, например, досадные жесты [gestes malencontreux], оговорки, забывания, отрицания или недоразумения, и не ограничивается моторными действиями, такими как потеря или поломка ценного предмета, как это предполагает словоупотребление во французском языке. Более того, в немецком языке все слова, обозначающие эти осечки бессознательного, имеют приставку «Ver-», что позволяет объединить их в одно целое: «*das Vergessen* (*забывание*), *das Versprechen* (*оговорка*), *das Verlesen* (*ошибка при чтении*), *das Verschreiben* (*описка*), *das Vergreifen* (*ошибочное действие*), *das Verlieren* (*потеря предмета*)» (Laplanche, Pontalis, 1967, p. 6).

В *Психопатологии обыденной жизни* Фрейд описывает разные формы ошибочных действий и иллюстрирует их многочисленными примерами. Несмотря на их разнообразие, все эти явления подчиняются общему психическому механизму, аналогичному тому, который определяет сновидение: они являются явным выражением желания, которое было до этого вытеснено в бессознательное, – желания, которое может быть обнаружено при помощи свободных ассоциаций. Успех *Психопатологии обыденной жизни* далеко превзошел ожидания Фрейда, и идеи, представленные им в этом труде, без сомнения, и сегодня являются наиболее известными психоаналитическими концепциями. Кто в наши дни не улыбался над оговоркой или ошибочным действием, демонстрируя мгновенное понимание, что подобная «случайность» выдает чье-то тайное намерение, являясь прямым выражением его бессознательного?

Биографии и история

Самый популярный и самый читаемый труд Фрейда

В 1899 г., завершив работу над «Толкованием сновидений», Фрейд начал сбор материалов, на основании которых создал три работы, распространившие его открытия в области сновидения на смежные области: «Психопатологию обыденной жизни» (1901b), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905c) и «Три очерка по теории сексуальности» (1905b). Самоанализ позволил ему преодолеть свои личные запреты и достичь улучшения эмоционального равновесия. Фрейд начал систематически анализировать свои собственные ошибочные действия, т. е. свои забывания и оговорки, так же, как он анализировал свои сновидения. В письме к В. Флиссу от 26 августа 1898 г. Фрейд в первый раз упоминает об «осечках» бессознательного, рассказывая, как забыл имя поэта Джулиуса Мозена; в письме от 26 сентября 1898 г. он приводит в пример забывание имени Синьорелли, которое заместили в его памяти имена Боттичелли и Больтраффио, – случай, который займет важное место в первой главе «Психопатологии обыденной жизни». Помимо того, что этот труд изобилует личными анекдотами из семейной и профессиональной жизни Фрейда, его написание, по всей видимости, тесно связано с ухудшением отношений с Флиссом, с которым Фрейд рвет в 1902 г., полностью признавая, однако, роль, которую Флисс играл в его жизни до того момента: «В этой книге есть масса вещей, которые касаются тебя, очевидных вещей, для которых ты предоставил мне материл, и скрытых вещей, мотивация которых тебя убила» (Фрейд Флиссу, письмо от 7 августа 1901, p. 297).

«Психопатология обыденной жизни» появилась в 1901 г. в форме отдельных статей, позднее, в 1904 г., статьи были собраны в книгу. Идеи, которые Фрейд развивает здесь, были резко раскритикованы психологами, но это не помешало им стремительно завоевать публику, таким образом «Психопатология обыденной жизни» изначально оказала значительно большее влияние на популяризацию психоанализа, чем «Толкование сновидений». При жизни Фрейда труд выдержал десять изданий и постоянно обогащался как дополнениями самого автора, так и благодаря вкладу его учеников. В то время как издание 1904 г. содержало 66 примеров ошибочных действий, 49 из которых наблюдал сам Фрейд, актуальное издание 1924 г. содержит 300 примеров, из которых половина была представлена другими наблюдателями, что в четыре раза увеличило первоначальный объем произведения. В 1909 г. во время плавания в США Фрейд получил подтверждение популярности своей книги, с радостным удивлением увидев одного из стюардов на корабле погруженным в чтение «Психопатологии обыденной жизни».

Изучая произведение

Указанные страницы относятся к изданию: *Freud S.* (1901b). Psychopathogie de la vie quotidienne, trad. S. Jankélévitch. Paris: Payot, 1922, 1967, 298 p.

- **Первый пример: забытое имя Синьорелли**

Вступительная глава посвящена детальному изучению забывания имени собственного, имени художника Синьорелли, автора фрески *Страшного суда* в соборе Орвието, – забывания, которое ранее уже стало предметом краткой публикации (1898в). Фрейд сообщает, что однажды в разговоре он не смог вспомнить имя Синьорелли и что вместо него ему пришли на ум имена двух других художников, Боттичелли и Больтраффио, которые он опознал как неверные. Следуя ходу своих воспоминаний и ассоциаций, связанных с этими именами, в соответствии с процедурой, применяемой при анализе сновидения, Фрейд смог обнаружить мотив вытеснения в этом забывании. В результате ряда умозаключений имя *Бот*тичелли в конце концов привело ему на память *Бос*нию, а имя Боль*траффио* напомнило город *Трафой* – два географических пункта, тесно связанных с мучительными воспоминаниями, имеющими отношение к сексуальности и смерти. Тогда он осознал, что сексуальность и смерть – главные темы фрески *Страшного суда* Синьорелли! Таким образом, забывание имени Синьорелли стало результатом компромисса, который позволил частично забыть неприятное воспоминание, однако не полностью, поскольку оно появилось замаскированным в именах Боттичелли и Больтраффио: «*Замещающие имена, в свою очередь, уже не кажутся мне произвольными, как до объяснения, – заключает Фрейд. – Они уведомляют меня (в результате известного рода компромисса) как о том, что я забыл, так и о том, что я хотел вспомнить, и показывают мне, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось полным успехом, но и не стало полным провалом*» (p. 11).

- **Систематическое изучение различных форм ошибочных действий**

После главы, посвященной забыванию имен собственных, Фрейд рассматривает другие формы забывания, такие как забывание иностранных слов, забывание названий и словосочетаний, забывание впечатлений и намерений. Затем он вновь возвращается к вопросу о воспоминаниях детства и «покрывающих воспоминаниях», формирование которых похоже на формирование ошибочных действий: когда содержание детского воспоминания сталкивается с сопротивлениями, оно вытесняется и не появляется как таковое, а только в замещающей форме покрывающего воспоминания, лишенного огорчающих аффектов. Пятая глава посвящена тщательному изучению оговорок – хорошо известного явления, при котором одно слово употребляется вместо другого. Приведем один из многочисленных примеров, взятый из статьи, появившейся в венской газете *Neue Freie Presse*. Газета сообщила об оговорке председателя австрийской Палаты депутатов, который торжественно «*открыл*» заседание, объявив его «*закрытым*»: «*Общий смех, последовавший за этим объявлением, сразу же обратил его внимание на ошибку, и он исправил ее. Наиболее вероятное объяснение в данном случае, – добавляет Фрейд, – могло бы быть таково: в глубине души председатель хотел иметь уже возможность закрыть это заседание, от которого он не ждал ничего хорошего*» (p. 71–72).

В следующих главах Фрейд последовательно изучает ошибки при чтении и описки, недоразумения и неловкости, симптоматические действия, а также сочетания нескольких ошибочных действий. Заключительная глава посвящена детерминизму, вере в случай и суевериям. Фрейд развивает мысль о том, что ошибочные действия происходят не случайно и не по невнимательности, как об этом склонен думать человек, совершающий их, а являются результатом вмешательства вытесненной идеи, нарушающей речь или действия, с которыми указанное лицо обычно хорошо справляется. Эта точка зрения приводит Фрейда к заключению, что существуют два типа случайностей: «внешняя» случайность, причины которой не связаны с психологией, и «внутренняя случайность», в которой психический детерминизм играет главную роль в той мере, в которой ошибочное действие является продуктом *бессознательного* намерения, замещающего намерение *сознательное*.

- **Как формируется ошибочное действие?**

Несмотря на свое бесконечное разнообразие, ошибочные действия основываются на общем механизме: все они являются выражением желания, вытесненного в бессознательное, доступ к которому возможен благодаря работе анализа. По Фрейду, ошибочное действие – результат компромисса между *сознательным* намерением субъекта – в приведенном выше примере, «*открыть* сессию» Парламента было сознательным намерением председателя палаты депутатов – и связанным с ним *бессознательным* желанием – «*закрыть* заседание», которое невольно проявилось в его речи. С этой точки зрения, всякое ошибочное действие имеет две грани, как отмечают Лапланш и Понталис: «*...ясно, что так называемое ошибочное действие в другом плане представляет собой действие удавшееся: бессознательное желание осуществляется через него часто очень явным образом*» (1967, p. 6).

Таким образом, в формировании ошибочного действия участвуют те же механизмы, которые определяют формирование сновидений и симптомов – механизмы, описанные Фрейдом в *Толковании сновидений:* сгущение, смещение, замещение или обращение в противоположное. Следовательно, как и при анализе сновидения или симптома, скрытый смысл ошибочного действия можно понять, прибегнув к свободным ассоциациям. Что же касается связи между подразумевавшимся словом и словом, возникшим в результате замещения, она устанавливается по-разному, например по смежности: *закрыть* сессию вместо того, чтобы *открыть* ее; или по созвучию – имя *Синьорелли* имеет фонетическое сходство с именами *Боттичелли* и *Босния, Больтраффио* и *Трафой*. Эта связь также может быть установлена на основании ассоциаций, отсылающих к личной истории субъекта.

- **Каковы источники ошибочных действий?**

Согласно Фрейду, наш разум непрерывно полон мыслей и ассоциаций, которые мы, как правило, не осознаем и которые образуют нарушающие ком-

плексы. Этим комплексам суждено быть вытесненными в бессознательное, но они могут внезапно прорваться в форме ошибочных действий. Внутреннее сопротивление противится их прояснению, и, если вытесненные мысли иногда очевидны для интерпретации, чаще всего они подлежат дешифровке только при условии подробного анализа. Добавим также, что, хотя ошибочное действие часто выдает нас, Фрейд приводит разные примеры, как оно может оказаться полезным: *«Этот пример описывает один из тех случаев, не очень частых, впрочем, когда забывание встает на службу нашей осторожности в тот момент, когда мы готовы поддаться импульсивному желанию. Тогда ошибочное действие выполняет полезную функцию. Опомнившись, мы ценим это внутреннее движение, которое, в то время как мы были захвачены желанием, могло проявиться только в форме оговорки, забывчивости или психического бессилия»* (p. 27).

В заключение Фрейд показывает, что существует преемственность между явлениями, которые мы наблюдаем в нормальной психической жизни и в психопатологии: *«Если мы поставим их* [*ошибочные действия*] *на одну доску с проявлениями психоневроза и с невротическими симптомами, то сообщим смысл и основание двум весьма распространенным утверждениям: что между нормальным нервным состоянием и аномальным нервным функционированием не существует четкой границы и что все мы немного невротичны»* (p. 320).

Я думаю, что идеи и особенно многочисленные примеры, приведенные в *Психопатологии обыденной жизни,* не следует пересказывать далее. Таким образом, я оставляю читателю удовольствие ознакомиться с ними самостоятельно.

Постфрейдисты

Ошибочные действия и отношения переноса

Являются ли забывания, оговорки и другие формы ошибочных действий всего лишь проявлениями обычной жизни нормальной личности, или же они обнаруживаются в психоаналитическом лечении невротиков? Хотя Фрейд в заключительной части своего труда сопоставил ошибочные действия с невротическими расстройствами, он прямо не говорит о том, как интерпретирует их в психоаналитической ситуации. Однако он затрагивает этот вопрос косвенно, указывая на сходство между механизмом формирования ошибочных действий и механизмом формирования сновидений. Таким образом, показывая, что ошибочные действия являются выражением вытесненного бессознательного желания и что работа анализа позволяет обнаружить их латентное значение, Фрейд открывает путь к интерпретации ошибочных действий в отношениях переноса наравне с интерпретацией сновидений и симптомов.

В настоящее время практикующие психоаналитики уделяют большое внимание интерпретации ошибочных действий, которые возникают в отношениях переноса и контрпереноса, проявляются ли они в форме «осечек» в поведении пациента, забывания, оговорок или ошибок. Ошибочные дейст-

вия пациента часто очень наглядно раскрывают его вытесненное бессознательное желание, а иногда и вытесненное желание терапевта, раскрывая разные аспекты его контрпереноса. Обычно ошибочные действия в прямом смысле слова обозначают термином «отыгрывание внутри сессии» (*acting in*), если они происходят во время сессии, например, если пациент приходит с опозданием или засыпает на кушетке, и «отыгрывание вне сессии» (*acting out*), если они происходят вне сессии, в том случае, когда их можно рассматривать как смещения, связанные с переносом. Страх сепарации и потери объекта составляет одну из наиболее частых первопричин ошибочных действий, совершаемых в рамках отношений между анализандом и аналитиком (Quinodoz, 1991). Случается, например, что пациент пропускает сессию после того, как он был взволнован, сам того не осознавая, аффективной реакцией в отношениях с аналитиком: когда смысл этого ошибочного действия выявлен, он может обнаружить различные подавленные чувства, например неприязнь к аналитику, вызванную разочарованием, которая может проявиться в форме опоздания на сессию. Только ассоциации, предоставленные пациентом, способны пролить свет на настоящие причины ошибочного действия. Мы должны это учитывать, если желаем избежать произвольных и неправильных интерпретаций. Что же касается оговорок в ходе анализа, важность которых особо подчеркивал Лакан, то они в особенности проясняют отношения между структурой речи и структурой бессознательного и представляют собой одну из возможностей получить информацию о текущем состоянии бессознательного переноса.

Должен ли психоанализ быть уделом лишь тех, кому доступен символический смысл?

Осознание бессознательного значения ошибочного действия или оговорки доступно не каждому: на самом деле ошибочное действие или оговорка имеет смысл главным образом для окружения человека и вовсе не обязательно – для него самого, в соответствии с самим определением бессознательного: бессознательное – это то, что ускользает от сознания субъекта. Часто лишь после долгой работы анализа человеку постепенно удается постичь ускользающее от него значение ошибочного действия или вырвавшейся у него оговорки и связать их с эмоциями, возникающими в отношениях с аналитиком.

Возможность осознать значение ошибочного действия или любой другой продукции бессознательного частично зависит от силы, с которой сопротивление препятствует осознанию этих симптоматических действий, но частично и от способности человека постичь символический смысл собственных слов или симптоматических действий. Действительно, эта способность к постижению символического смысла у людей существенно различается, что ставит вопрос о пригодности человека к анализу, т. е. оценке, в какой мере человек будет поддаваться работе интерпретации и – что еще важнее – интерпретации отношений переноса. Позиции психоаналитиков по этому поводу различны: некоторые из них, особенно во Франции, считают психоаналитическое лечение исключительно уделом тех, кто изначально хорошо знает символический смысл своей речи, т. е. для предста-

вителей невротического типа личности (Gibeault, 2000). Наоборот, другие психоаналитики, например принадлежащие к кляйнианскому направлению, считают, что существует два уровня символизации: примитивный уровень, на котором преобладает конкретное мышление и психика функционирует в «символическом равновесии», и более развитый уровень, на котором преобладает способность символической репрезентации и который соответствует невротической организации. С точки зрения последних, происходит постоянное перемещение с примитивного уровня на развитый уровень символизации и обратно, таким образом, открывается множество возможностей для психоаналитического лечения не только невротичных пациентов, но и *пограничных* пациентов и психотиков, не считая примитивной части функционирования, которую мы встречаем у каждого индивида, невротичного и нормального (Jackson et Williams, 1994).

Хронология понятий

Ошибочные действия – сгущение – смещение – оговорки – забывание имен – замещение.

ОСТРОУМИЕ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ S. FREUD (1905c)

Что именно в остроте вызывает смех?

Фрейд коллекционировал остроты – по-немецки *Witz*, – а также еврейские анекдоты: у него было тонкое чувство юмора. Неудивительно, что он захотел обнаружить скрытые пружины смеха. В этой работе он систематически рассматривает огромное разнообразие форм комического, которые попадают под общее понятие остроумия, и выдвигает гипотезу, что остроумие выявляет влияние бессознательного, которое исподволь руководит словом и речью. Механизмы, производящие комический эффект, имеют значительное сходство с психической работой, которая осуществляется в сновидении: мы наблюдаем здесь *сгущение*, что означает выразить многое, сказав мало; здесь же мы снова встречаем процесс *смещения*, позволяющий обойти запреты, которые цензура накладывает на вытесненное содержание агрессивного или сексуального характера, позволяя ему вернуться в другой форме; наконец, мы узнаем здесь и процедуру *наглядного изображения* [*figuration*], которая изменяет форму слов, создавая двусмысленности или игру слов, или трансформирует мысль, порождая нонсенс или заменяя мысль на противоположную. Но в отличие от сновидения, которое Фрейд рассматривает как асоциальный продукт психики, остроумие представляет собой наиболее социальную форму психической деятельности: это усовершенствованная игра, цель которой – получить выигрыш, удовольствие, таким образом, здесь мы не находим механизма регрессии, как в сновидении. Конечно, и в сновидении существует поиск удовольствия, но там оно возникает в процессе регрессии к галлюцинаторному удовлетворению, чтобы избежать неудовольствия.

Биографии и история

Сходство между сновидениями, ошибочными действиями и остроумием

Фрейд – обладатель тонкого чувства юмора

Возможно, именно Флисс побудил своего друга к этому труду, поскольку, прочитав «Толкование сновидений», присланное ему Фрейдом в гранках, он заметил, что в сновидениях очень часто встречается игра слов. Фрейд ему ответил: «Все сновидцы – невыносимые шутники по необходимости, поскольку они находятся в затруднении, и прямой путь для них закрыт. <…> Характер

забавного всех бессознательных процессов тесно связан с теорией остроумия и комического» (Фрейд Флиссу, письмо от 11 сентября 1899, p. 263). В «Исследовании истерии» Фрейд впервые показал роль символизации и полисемии на примере сновидения фрау Сесиль М... (1895d, p. 145, n. 1), и в «Толковании сновидений» он приводит тому многочисленные примеры. Публикация в 1898 г. работы Теодора Липпса «Komik und Humor» также повлияла на решение Фрейда взяться за перо. Работа над этим произведением, постоянно увеличивающимся в объеме и по многим причинам трудоемким, отняла у него много времени, тем более что одновременно с «Остроумием» он писал «Три очерка по теории сексуальности», выделив каждой работе отдельное место на рабочем столе. Оба труда вышли в свет одновременно в 1905 г.

Однако интерес Фрейда к остроумию был не только научным, поскольку он сам обладал тонким чувством юмора: его переписка изобилует забавными анекдотами. Многие современники отмечали его способность найти смешную сторону почти в любой ситуации. В 1938 г., когда Фрейд покидал Австрию, чтобы искать убежища в Лондоне, подписывая по требованию нацистских властей декларацию, удостоверяющую, что он не подвергался преследованиям, Фрейд сопроводил ее комментарием, свидетельствующим о его чувстве юмора: «От всего сердца могу рекомендовать Гестапо каждому».

«Witz» с трудом поддается переводу

«Остроумие и его отношение к бессознательному» представляет гораздо большие трудности для перевода, чем все остальные труды Фрейда, и этим отчасти объясняется тот факт, что это произведение – одно из наименее известных в аудитории, не владеющей немецким языком. Уже сам термин «Witz» – чье произношение в немецком языке созвучно с «Blitz» (молния) – не имеет соответствия в большинстве других языков. На французский, например, оно было переведено как «mot d'esprit» (острота), Переводчик Д. Мессье пишет: «Этот термин может обозначать как остроту, так и остроумие, то есть способность „быть остроумным“» (1988, p. 423). Напротив, переводчики «Полного собрания сочинений» считают предыдущий перевод некорректным и предпочитают термин «trait d'esprit» (острота) – перевод слова «Witz», предложенный Лаканом, – так как в слове «Witz» нет части со значением «слово», и «mot d'esprit» (букв. остроумное слово) таким образом можно спутать с немецким «Wortwitz» (игра слов) и «Gedankenwitz» (игра ума) (Bourguignon et al., 1989, p. 150). Кроме того, как перевести смешную игру слов в немецком языке, если соответствующих слов не существует в других языках? Именно это делает большую часть труда непереводимой. Большинство переводчиков предпочли внести необходимые разъяснения в сносках, пытаясь сделать как можно более доступными мысли Фрейда, столь выразительные в немецком оригинале.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1905c). Le mor d'esprit et sa relation à l'inconscient, trad. D. Messier. Paris, 1988, 442 p.

Это произведение делится на три части: первая посвящена технике остроумия, т. е. разным приемам, которые использует психика, чтобы произвести комический эффект; вторая часть рассматривает побудительные мотивы остроумия, в частности роль, которую играет удовольствие с точки зрения психической экономии; третья часть изучает отношения между остроумием и сновидением в свете понятия «исполнение желания»; завершается труд коротким очерком о разных родах комического.

• ТЕХНИКИ, НА КОТОРЫХ ОСНОВАН КОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ОСТРОТ

Комический эффект остроты достигается, по мнению Фрейда, за счет двух различных техник: первая основывается на *словах* как таковых и зависит от вербального выражения; вторая основана на *мысли,* которая содержится в остроте, и от вербального выражения не зависит.

• Техники, основанные на игре слов

В том, что касается острот, основанных на игре слов, Фрейд выделяет три различных способа, построенных на общей технике – *сгущении* – механизме, характерном для работы сновидения.

Первый способ состоит в *сгущении двух слов или двух фрагментов слов,* при котором рождается неологизм, бессмысленный на первый взгляд. Но это смешанное слово получает смешной для слушателей смысл. Например, Фрейд приводит остроту, обыгрывающую термин *фамиллионерно* – необычное слово, которое произносит некий персонаж в романе Гейне. В этом романе автор создает образ человека из народа, кичащегося отношениями, которые он поддерживает с богатым бароном Ротшильдом. Хвастаясь перед поэтом своим престижным знакомством, человек из народа заявляет: *«...я сидел рядом с Соломоном Ротшильдом, и он обращался со мной совершенно как с ровней, совершенно* ***фамиллионерно»*** (p. 56). В этом примере комический эффект создается благодаря слову, которое формирует высказывание: используется техника *контаминации* двух слов – «фамильярно» и «миллионер», в которых нет ничего смешного, если взять их по отдельности. Потом эти слова претерпевают *сгущение,* образуя смешанное слово, чтобы создать неологизм – *«фамиллионерно».* Это слово непонятно само по себе, но слушатели, знающие контекст, мгновенно схватывают его смысл, что вызывает взрыв смеха. Фрейд приводит и другие примеры смешного, связанного с техникой сгущения с последующим образованием замещающего понятия, скажем, слово *«Клеопольд»,* которое он разбирает так: *«Злые языки Европы окрестили, говорят, однажды некоего монарха по имени* ***Леопольд Клеопольдом*** *из-за его тогдашних отношений с дамой по имени* ***Клео...»*** (p. 64).

Второй способ заключается в *использовании единственного слова, которому придается двойное значение.* Фрейд приводит пример, основанный на созвучии фамилии «*Rousseau*» и слов «*roux*» (рыжий) и «*sot*» (дурак). Хозяйка дома пошутила следующим образом, столкнувшись с полным отсутст-

вием воспитания у приглашенного в гости молодого человека. Обратившись к этому невеже, который носил имя своего предка Жан-Жака Руссо и был рыжеволосым, она с юмором сказала: *«Меня познакомили с рыжим и глупым юношей, а вовсе не с* ***Руссо****»* (p. 79). Здесь техника остроумия состоит в том, что одно и то же слово – *Руссо* – используется дважды: сперва целиком, а затем разделенным на слоги, как в шараде.

Третий способ, используемый для создания острот, состоит в упоминании *двусмысленности* или *нескольких смыслов* одного и того же слова, как это делается в *игре слов*. Игра слов – идеальный случай многократного использования одного и того же материала: «...здесь *над словом не производят никаких насильственных манипуляций, оно не расчленяется на части, составляющие его <...> именно благодаря слову как оно есть и его точному положению в структуре фразы удается, при определенном стечении обстоятельств, выразить двойной смысл»* (p. 91). Фрейд иллюстрирует эту технику примером: *«Одним из первых действий Наполеона III после его прихода к власти явилась, говорят, конфискация имущества Орлеанского дома. В эту эпоху бытовала превосходная игра слов:* ***„C'est le premier vol de l'aigle“»***[1] (p. 91).

По Фрейду, образование сгущения происходит при всех трех способах по закону экономии средств, как это видно в приведенном выше примере: *«„Vol“,* – говорит нам Фрейд, – *означает как „полет“, так и „грабеж“. Не произошли ли при этом сгущение и экономия? Разумеется: ведь вся вторая мысль опущена, и при этом без всякой замены»* (p. 100). Фрейд подводит итог: *«Все эти техники подчиняются тенденции к концентрации («zusammendrängende Tendenz»), или, точнее, тенденции к экономии»* (p. 100), иначе говоря, экономии выразительных средств.

Что касается каламбуров, это, без сомнения, самый распространенный вид остроумия, но они составляют «самую низшую разновидность остроумия, основанную на словах (*Wortwitze*), *«вероятно, потому, что они – „самые дешевые“ и могут быть созданы без особого труда»* (p. 104).

• Техники, основанные на мысли

Продолжая подробное исследование различных техник, Фрейд рассматривает остроты, основанные на *мысли,* т. е. обусловленные не словом как таковым, а ходом мысли и не зависящие от вербального выражения. В этих случаях *работа остроумия,* как он называет ее по аналогии с работой сна, пользуется ходом мыслей, отклоняющимся от нормальной рассудочной деятельности, как техническим средством, чтобы произвести остроумное выражение. Фрейд называет несколько способов, например: *смещение,* которое использует логику, чтобы скрыть ошибку в рассуждениях; или другую процедуру, которая использует *бессмыслицу,* чтобы создать остроту. Что превращает бессмыслицу в остроту? Фрейд остроумно отвечает, что *«в такой остроумной бессмыслице скрывается смысл, и именно этот смысл в бес-*

1 «Это первый полет орла». Острота основана на двойном значении французского слова «vol» (полет и грабеж); Орленком же называли Наполеона III. – *Прим. ред.*

смыслице превращает бессмыслицу в остроту» (p. 123). Итак, здесь техника заключается в том, чтобы сказать глупость, бессмыслицу, значение которой подчеркивает другую глупость, другую бессмыслицу.

• Безобидные и тенденциозные остроты

В зависимости от разных реакций, которые остроты вызывают у слушателей, их можно разделить на *безобидные* и *тенденциозные.* Смысл безобидной остроты в ней самой, она не преследует никакой особой цели. Напротив, тенденциозная острота имеет умысел и подчиняется разным побудительным причинам, таким как враждебность (агрессия, сатира, цинизм), сквернословие (стремится к обнажению), непристойность, подчеркивающая сексуальное, и скептицизм, который, с точки зрения Фрейда, является худшим из мотивов.

• ОСТРОТЫ КАК ИСТОЧНИК УДОВОЛЬСТВИЯ И КАК СОЦИАЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Во второй части работы Фрейд задается вопросом о роли, которую в механизме остроумия играет удовольствие. Механизмы, обеспечивающие эффект удовольствия, проще обнаружить в тенденциозных остротах, чем в безобидных, поскольку в первых удовлетворяется некое стремление, а удовлетворение – это источник удовольствия. Но это стремление сталкивается с препятствиями, которые острота позволяет обойти, будь то внешние препятствия (страх перед лицом, в которое метит скрытое оскорбление) или внутренние препятствия, связанные с воспитанием. В двух случаях употребления тенденциозных острот они доставляют удовольствие, потому что выигрыш удовольствия соответствует *«экономии, полученной на издержках торможения или подавления»* (p. 226). В безобидных остротах техника остроумия сама по себе является источником удовольствия, как при игре слов.

Тенденциозное остроумие имеет социальное значение, которым не обладает безобидное, поскольку требует участия трех лиц: первого, которое острит; второго, выступающего как объект враждебной или сексуальной агрессии; наконец, третьего, которое слышит остроту и получает удовольствие, согласно замыслу. Почему присутствие третьего лица необходимо? По Фрейду, острота направлена на то, чтобы доставить удовольствие одновременно своему автору и третьему лицу, которое ее слышит: *«Таким образом, острота – это плутовка, служанка двух господ»* (p. 282). Но удовольствие автора – тайное, поскольку обычно автор остроты смеется над ней не сам, а как бы *рикошетом,* через человека, которого он рассмешил (p. 283).

• ОСТРОУМИЕ, СНОВИДЕНИЕ И РАЗНООБРАЗИЕ КОМИЧЕСКОГО

В третьей части Фрейд сравнивает сновидение и остроту и заканчивает свой труд очерком о комическом, юморе и остроумии.

- **Сновидение, острота и возвращение к детскому бессознательному**

Вначале Фрейд сравнивает сновидение и остроумие, стараясь установить сходства и различия. Сновидение – это, прежде всего, выражение осуществления желания с целью избежать неудовольствия, в то время как острота служит для получения удовольствия. Это удовольствие достигается сновидением не только за счет различных техник, но и через возвращение к детскому бессознательному, которое является его первоначальным источником. В период, когда ребенок овладевает речью, можно наблюдать, как он играет со словами и соединяет их, не заботясь о смысле, получая удовольствие в основном от их звучания. Это удовольствие постепенно становится ему недоступным из-за появления внутреннего критика – цензуры, допускающей только словосочетания, имеющие смысл. Позднее взрослый будет использовать это обращение к игре словами, чтобы вернуть детское удовольствие и обойти цензуру, бунтуя против ограничений мысли и реальности.

- **Разнообразие комического**

Фрейд продолжает свои размышления, изучая разные формы комического – такие, как имитация, пародия, карикатура и т. д. Он видит источник удовольствия от некоторых форм комического в сравнении собственного Я с другим человеком. Труд заканчивается очерком, посвященным юмору, который Фрейд отделяет от иронии; этот текст получит продолжение 20 годами позже в короткой статье под названием «Юмор» (1927d), в которой Фрейд введет понятие Сверх-Я.

Постфрейдисты

Лакан: остроумие и «вспышки» осознания

«Возвращение» к первым работам Фрейда

В начале 1950-х годов Жак Лакан призвал психоаналитиков *вернуться к Фрейду*. Что означало это возвращение к Фрейду? На самом деле речь шла не о всех сочинениях Фрейда, а только о его первых теоретических работах, в которых он говорит о бессознательном в связи с речью: *Толкование сновидений, Психопатология обыденной жизни, Остроумие и его отношении к бессознательному*. Эти три труда, написанные почти одновременно между 1900 и 1905 гг., уделяют особенное внимание речи как скрытому выражению бессознательного, и именно в этой трилогии Лакан почерпнул свои основные понятия, в частности понятие остроумия, которому он придаст *«статус истинного психоаналитического концепта»* (Roudinesco, Plon, 1997).

Деятельность Лакана разворачивалась в несколько этапов. В 1953 г. он начинает свой доклад на римском конгрессе[1] с призыва вернуться к смыслу.

1 Название конгресса – «Fonction et champ de la parole et du langage». – *Прим. ред.*

«Смысл возвращения к Фрейду – это возвращение к смыслу Фрейда», – заявил он, остроумно играя словами (1955, p. 405). Подчеркивая важность смысла, Лакан стремился восстановить психоаналитический опыт бессознательного в его оригинальном, чисто фрейдистском значении, как он его понимал, поскольку полагал, что его современники пренебрегают *смыслом слова* (1953, p. 243).

Бессознательное, структурированное как язык

Начиная с 1956 г. Лакан сосредоточился на символическом измерении опыта бессознательного, опираясь на достижения лингвистики, особенно на различение понятий «означаемое» и «означающее», введенных швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Это позволило Лакану выявить *«главенство означающего над означаемым»* – таково было, с его точки зрения, одно из существенных заключений, вытекающих из работы Фрейда *Толкование сновидений*. Действительно, применение метода свободных ассоциаций все ближе и ближе подводит к мысленным цепочкам, которые, в свою очередь, ведут к речевым цепочкам, – техника, позволяющая найти след утерянного означающего: *«За этим словом – вся структура языка, которую аналитический опыт открывает в бессознательном»* (Lacan, 1957, p. 494–495). Под этим структуральным углом зрения Лакан пересмотрел понятие сгущения, общее для сновидения и для остроты, которую он переводит как *«остроумное замечание»* [или остроумная мысль, trait d'esprit], и пришел к выводу, что острота есть означающее, которое разоблачает при помощи языковой игры бессознательную истину, которую субъект старался скрыть.

В результате пересмотра понятий сгущения и смещения Лакан выдвинул свое знаменитое предположение, будто *«бессознательное структурировано как язык»*. В этом предположении содержится в сжатом виде главная гипотеза Лакана, согласно которой механизмы формирования бессознательного в точности соответствуют механизмам формирования смысла в языке, как отмечает Жоэль Дор: *«Можно даже считать эту гипотезу основной в теоретических разработках Лакана, хотя бы потому, что это предположение воплощает смысл возвращения к Фрейду, к которому Лакан не прекращал призывать с самого начала своей работы»* (Dor, 1985, p. 17).

Расхождения во взглядах на технику, теорию и обучение

Психоаналитические труды Лакана, особенно те, которые имеют отношение к проблемам языка, вызывали – и сегодня по-прежнему вызывают – интерес, выходящий далеко за пределы психоаналитических кругов. В то же время очень рано проявились расхождения по основным вопросам между Лаканом и его коллегами, принадлежащими к Международной психоаналитической ассоциации (МПА). В 1953 г. эти противоречия привели к расколу, и в 1964 г. Лакан «в одиночку» основал Французскую школу психоанализа. Он принял решение распустить ее незадолго до своей смерти в 1980 г. С тех пор движение лаканистов раздроблено на многочисленные группы.

Я думаю, что, с точки зрения техники, «возвращение» к Фрейду, провозглашенное Лаканом в 1953 г., сконцентрировало внимание на неврозе и на вербальной коммуникации, что противоречило более поздним трудам Фрейда, написанным после 1915 г., в которых Фрейд исследует возможность психоаналитического лечения пациентов с расстройствами вербальной коммуникации и символизации, таких как депрессивные больные и психотики (Quinodoz, 2000, 2002).

Кроме того, Лакан уделял все больше и больше внимания исключительно словам анализанда, учитывая в основном «вспышки»[1] осознания символического смысла речи субъекта, которые он называет *«значимыми прорывами бессознательного»*. Помимо риска злоупотребления игрой слов и переоценки ее значения в интерпретации, эта техника привела Лакана к сокращению длительности сессий и недооценке того обстоятельства, что для проработки переноса и контрпереноса нужно время. Однако по этому принципиальному вопросу я думаю, что осознание смысла не дано каждому изначально, наоборот, это медленный процесс, который происходит постепенно и чаще всего требует всей строгости классических психоаналитических рамок, чтобы развиваться в соответствующем ритме, которого необходимо придерживаться до самого конца.

Технические вопросы, связанные с практикой укороченных сессий, – далеко не единственное расхождение между лаканистами и психоаналитиками, принадлежащими к Международной психоаналитической Ассоциации. Как указывал недавно Д. Видлоше[2] (Widlöcher, 2003), непреодолимые противоречия существуют и по множеству других вопросов, особенно по вопросу об использовании контрпереноса, которое решительно отвергал Лакан и до сих пор отрицают его последователи (Duparc, 2001).

Что касается профессионального обучения будущих психоаналитиков, Лакан был резко против такой его организации, какая была принята в МПА, особенно он оспаривал «предварительный отбор» и предварительный личный (так называемый «обучающий») анализ. Он считал, что поэтапное прохождение курса, как и иерархическая организация Ассоциации, держит его коллег в состоянии постоянной зависимости. Когда в 1964 г. он основал собственную школу, то установил принцип, согласно которому школа не давала разрешения на работу и не накладывала запрета, а ответственность за результат анализа полностью лежал на самом психоаналитике; таков смысл его формулировки *«психоаналитик сам себя допускает к работе»*. Такой отказ от какой бы то ни было сторонней оценки привел к появлению большого количества людей, которые называли себя «психоаналитиками», ссылаясь на Лакана, притом что никто не знал, где и чему они учились.

---

1 Немецкий язык допускает забавную игру слов, сближая слова «Blitz» (вспышка) и «Witz» (игра слов); это сгущение и смещение не имеют соответствия во французском языке для выражения момента «Einfall», как называл его Фрейд (в английском «insight»). – *Прим. автора.*

2 Daniel Widlöcher – французский психоаналитик, с 2001 г. президент МПА. – *Прим. ред.*

Некоторые психоаналитики, принадлежащие к Лакановскому течению, хотели бы вернуться в Международную психоаналитическую ассоциацию, основанную Фрейдом. Однако технические и теоретические позиции, как мне кажется, слишком далеко развели тех и других.

Английская школа: от примитивного символизма к символической репрезентации

Распространение лечения за пределы невроза

Психоаналитики английской школы также рассматривали вопрос символизации, но под другим углом зрения, и это позволило проводить психоаналитическое лечение пациентов с трудностями вербальной коммуникации. Вербализация – это высокоразвитая форма символизации. Таким образом, психоаналитическое лечение может быть предоставлено не только невротическим пациентам, способным общаться между собой и с другими при помощи слов, но и тем пациентам, у которых преобладает конкретное мышление, но которые, тем не менее, могут развить свою функцию символизации и способность к вербальной коммуникации благодаря проработке.

С 1916 г. Э. Джонс изучал вопросы символизации, развивая точку зрения Фрейда, высказанную в *Толковании сновидений* (1900a). Джонс различал сознательную и бессознательную символизацию и рассматривал создание символа как результат интрапсихического конфликта, а сам символ представлял с его точки зрения вытесненное.

Немного позже М. Кляйн разработала новый подход к вопросу символизации, исходя из опыта своей работы с детьми и понимания игры во время сессии как символическое выражение бессознательных конфликтов. В статье «Значение символа для образования Я» (1930), материалом для которой стали наблюдения за Диком, мальчиком-аутистом четырех лет, М. Кляйн показывает, что образование символа может быть специфически заторможено и что действие этого торможения ведет к серьезным последствиям для будущего развития Я. Она приходит к выводу, что, если процесс символизации не происходит, развитие Я останавливается; причиной такого торможения она полагает чрезмерную тревогу, связанную с агрессивными фантазиями ребенка по отношению к телу матери и с растущим чувством вины.

Переход от примитивной к развитой символизации

Тот факт, что процесс формирования символа может быть заторможен в ходе детского развития, позволил Х. Сигал и У. Р. Биону пойти дальше в исследованиях, начатых М. Кляйн. Эти авторы не только установили различия между примитивной и развитой формами символизации, но и выявили переходные процессы между этими двумя формами символизации, опираясь на понятия «шизоидно-параноидной» и «депрессивной» позиций. Мы вернемся к более подробному рассмотрению их взглядов, обратившись к развитию идей Фрейда об особенностях языка шизофреника в «Бессознательном» (*Метапсихология,* 1915e).

Работы Сигал и Биона, а также труды Г. Розенфельда о нарциссическом переносе, легли в основу психоаналитического лечения психотических, нарциссических и *пограничных* пациентов, которых сегодня мы встречаем на наших кушетках чаще, чем невротиков.

Хронология понятий

Механизмы сновидения (сгущение, смещение, осуществление желания) в приложении к остроумию, к комическому и юмору.

ТРИ ОЧЕРКА ПО ТЕОРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ S. FREUD (1905d)

Открытие детской сексуальности: революция и скандал

Опубликованные в 1905 г. *Три очерка по теории сексуальности* часто рассматривают как самую важную работу Фрейда после *Толкования сновидений* (1900a) и его самое значительное произведение на тему сексуальности. В этом труде Фрейд открыто отвергает популярное мнение и характерные для того времени предрассудки о сексуальности: с одной стороны, он выводит понятие сексуальности за те узкие рамки, в которые оно было заключено общепринятым определением; с другой стороны, он относит возникновение сексуальности к раннему детству, т. е. к значительно более раннему периоду, чем было принято думать. Он показывает, что сексуальность возникает не в период полового созревания, а в самом раннем детстве и что она проходит этапы последовательного развития, чтобы достигнуть взрослой сексуальности. Кроме того, Фрейд показывает взаимосвязь между аномальными формами сексуальности и так называемой нормальной сексуальностью.

Очень простым языком, пользуясь обыденными словами, Фрейд формулирует ряд положений о сексуальности, от которых многие отшатнулись с негодованием. Однако в этой работе он не открывает ничего, что не было бы известно ранее, в частности, не сообщает ничего нового родителям, воспитателям и писателям, которые во все времена наблюдали и описывали проявления детской сексуальности. Описаниям сексуальности, которые Фрейд представляет в этой работе, далеко до непристойных сцен, описанных несколькими годами ранее в публикациях сексологов, на которых он ссылается: Р. Крафта-Эбинга или Хавелока Эллиса, однако их публикации не вызвали такого взрыва негодования. Читая *Три очерка,* которые, по словам Э. Джонса, сделали Фрейда *«повсеместно непопулярным»,* публика кричала о скандале. Эта работа надолго испортила отношения Фрейда с широкой аудиторией. С момента ее выхода в свет Фрейд заработал репутацию непристойного и опасного вольнодумца, тем более что в том же году он шокировал венскую медицинскую общественность, опубликовав случай *Доры* без согласия пациентки. Откуда такой всплеск недоброжелательства? Конечно, Фрейд, буржуазный врач и отец семейства, сильно рисковал, задевая общественную нравственность, когда не соглашался подвергнуть моральному осуждению перверсии. Но, глухой к критике, Фрейд был более чем когда-либо убежден, что научный подход восторжествует над обскурантизмом.

Биографии и история

Эпоха открытия детской сексуальности

Уже начиная с исследований 1890-х годов Фрейд предполагал, что коренящиеся в детстве факторы сексуального порядка могут лежать в основе возникновения истерических симптомов. Тогда он считал, что сексуальность преждевременно просыпается в ребенке только вследствие соблазнения взрослым. Однако после открытия в ходе самоанализа эдипова комплекса в 1897 г. он приходит к выводу, что сексуальные импульсы присутствуют у всех детей с очень раннего возраста и проявляются независимо от их стимуляции третьими лицами. В 1899 г. он объявляет Флиссу, что его следующая работа будет касаться теории сексуальности и что он ждет только, когда «озарение осветит уже собранный материал» (Фрейд Флиссу, письмо от 12 января 1900, № 126). Без всякого сомнения, Фрейд должен был преодолеть сильное внутреннее сопротивление, чтобы признать всеобщий характер детской сексуальности и осуществить замысел «Трех очерков», которые он писал одновременно с «Остроумием и его отношением к бессознательному», также опубликованным в 1905 г.

Это был очень продуктивный этап в его жизни, ознаменовавшийся окончательным разрывом с Флиссом. Частная практика занимала все время Фрейда, большинство его клиентов приезжало из Восточной Европы. В течение трех лет он продолжал читать лекции в Университете; Общество, собиравшееся по средам, расширилось. 1905 г. стал также годом его международного признания. Он начал путешествовать каждое лето по Италии и Греции в обществе свояченицы Минны Бернайс или брата Александра.

Фрейд – сторонник пансексуализма?

В «Трех очерках» Фрейд отводит главную роль детской сексуальности, в частности, он утверждает, что вытесненные влечения у невротиков имеют сексуальную природу и что сексуальность подростка и взрослого основана на детской сексуальности. Но он был неправильно понят и обвинен в «пансексуализме», т. е. в том, что он проповедует упрощенную теорию, которая все человеческие поступки объясняет сексом, понимая сексуальность в самом узком смысле этого слова. Хотя Фрейд выявил важность сексуальности в человеческой природе, он всегда защищался от обвинений в пансексуализме. В письме к женевскому профессору Э. Клапареду (Freud, 1921e) он протестует против упреков в пансексуализме, которыми его осыпали не только в связи теорией сексуальности, но и из-за его теории сновидений: «Я никогда не утверждал, что всякое сновидение имеет значение осуществления сексуального желания, напротив, я часто опровергал это. Но это ни к чему не привело, все по-прежнему это твердят» (письмо Фрейда Эдуарду Клапареду, 25 декабря 1920).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1905d). Trois essais sur la théorie sexuelle, trad. P. Koeppel. Paris: Gallimard, 1987.

Работа разделена на три части: первая посвящена перверсиям, известным под названием сексуальных извращений, вторая – детской сексуальности, и третья – изменениям, происходящим в период полового созревания.

• ПЕРВЫЙ ОЧЕРК: СЕКСУАЛЛЬНЫЕ ИЗВРАЩЕНИЯ

• Причина перверсий кроется в детстве

В первом очерке Фрейд критикует распространенные в обществе предрассудки и оспаривает преобладавшее среди ученых того времени мнение, согласно которому перверсии, такие как гомосексуальность, – результат вырождения или представляют собой конституциональный изъян. Фрейд предлагает искать истинную причину перверсий в детстве, т. е. на уровне психосексуального развития. Он начинает с обзора сексуальных отклонений, уже описанных сексологами того времени, среди которых Крафт-Эбинг и Хавелок Эллис, и рассматривает эти отклонения под неожиданным углом зрения, а именно в свете их отношений с общепринятой нормой, т. е. с так называемой «нормальной» сексуальностью.

Отталкиваясь от понятий *«влечение»* и *«объект»* – концептов, которые будут иметь решающее значение в психоанализе, – Фрейд различает разные виды перверсий: он выделяет *«сексуальные отклонения в отношении к сексуальному объекту»*, т. е. в отношении *лица,* вызывающего сексуальное влечение, и *«отклонения в отношении к сексуальной цели»*, т. е. в отношении *акта,* к которому толкает влечение. Уточним, что в психоанализе термин «объект» употребляется в его классическом для французского языка значении, чтобы обозначить «лицо», а не «вещь»; как говорят герои Корнеля: *«Вот объект моей страсти»* или *«единственный объект моей злобы»*.

• Роль бисексуальности

В том, что касается *«отклонений в отношении к сексуальному объекту»*, Фрейд относит к подобным перверсиям различные формы гомосексуальности, а также педофилию и зоофилию. Он считает, что эти перверсии являются благоприобретенными в ходе развития сексуальности человека, а не врожденными или конституциональными, как считалось до того момента. Но если гомосексуальность является результатом психосексуального развития индивида, то мы с полным правом можем задаться вопросом, какие же факторы приводят одних к выбору гомосексуального объекта, в то время как других подталкивает к выбору гетеросексуального объекта?

Фрейд разрешает этот вопрос, обратившись к понятию *бисексуальности,* общую предрасположенность к которой постулировал Флисс, исходя из эмбрионального развития человека. В то же время, если Флисс выявил биологическую бисексуальность, Фрейд первым применил это понятие на психологическом уровне, утверждая, что мужские и женские влечения с детства сосуществуют в каждом индивиде и окончательный выбор объекта зависит от того, какая из тенденций возобладает.

- **Частичные влечения**

Затем Фрейд приступает к исследованию вопроса об *«отклонениях по отношению к сексуальной цели»,* при которых сексуальное влечение распадается на различные составляющие, которые он называет *частичными влечениями:* источником частичных влечений является сексуальное возбуждение *эрогенной зоны,* таким образом, в основе перверсий лежит преобладание частичного влечения, коренящегося в детстве. Среди разных форм перверсий, связанных с частичными влечениями, одни используют в целях сексуального удовлетворения части тела или фетиши, замещающие те части тела, которые естественным образом предназначены для сексуального слияния. Другие формы перверсий состоят в фиксации на предварительных сексуальных целях, таких как эротические практики, связанные с оральной зоной (фелляция, куннилингус), прикосновение, разглядывание, а также садизм и мазохизм. В этих случаях, уточняет Фрейд, *«тенденция останавливаться на предварительных актах и превращать их в новые сексуальные цели может заменить нормальные цели»* (p. 66). Резюмируя его точку зрения, можно сказать, что при перверсиях сексуальное влечение разрывается на отдельные составляющие, так называемые «частичные влечения», в то время как при нормальной сексуальности частичные влечения объединяются и становятся на службу генитальной зрелости.

- **Перверсия, невроз и нормальность**

Фрейд пришел к двум выводам, которые особенно шокировали публику. Во-первых, он утверждает, что невротические симптомы появляются не только за счет нормальных сексуальных импульсов, но отчасти также и за счет аномальной сексуальности. Его знаменитая формула гласит: *«Невроз – негатив перверсии»* (p. 80). Эта метафора, заимствованная из фотографии, означает, что действия, которые перверты *совершают* в своих отклоняющихся сексуальных действиях, невротики *представляют* в своих фантазиях и сновидениях. Во-вторых, Фрейд сделал вывод о том, что предрасположенность к перверсиям не составляет исключения, она неразрывно связана с так называемой нормальной конституцией, зарождение которой мы наблюдаем в ребенке: *«Эта конституция, содержащая зачатки всех отклонений, может быть выявлена только у ребенка, хотя все эти влечения могут проявляться у него очень слабо»* (p. 89).

• ВТОРОЙ ОЧЕРК: ДЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

• Детская амнезия: забывание первых лет жизни

Во втором очерке Фрейд опровергает еще одно популярное убеждение, что в детстве сексуальное влечение отсутствует и появляется только в период полового созревания – существование детской сексуальности игнорировали и в научных исследованиях того времени. Фрейд связывает это отрицание с тем, что он называет *детской амнезией,* т. е. с фактом, что у взрослых обычно сохраняется очень мало или вовсе не сохраняется воспоминаний о первых годах жизни. Для Фрейда как детская амнезия, так и истерическая амнезия являются следствием вытеснения: как истерик вытесняет сексуальные импульсы, связанные с соблазнением, так и взрослый стремится изгнать из сознания начало своей детской сексуальной жизни.

По Фрейду, сексуальная жизнь детей становится заметной, когда они достигают возраста трех – четырех лет, но проявления сексуального влечения сталкиваются с внешними препятствиями, такими как воспитание (одним из факторов цивилизации), и с внутренними препятствиями, такими как отвращение, стыдливость и мораль, причем последние являются выражением вытеснения. Во время латентного периода можно наблюдать, как сила сексуального влечения отклоняется от сексуальных целей, чтобы устремиться к новым целям, приобретающим форму культурных достижений, благодаря процессу, который Фрейд назвал *сублимацией.* Но он признает, что иногда сексуальное влечение выходит на поверхность в течение латентного периода или эпизодически, или затягиваясь до наступления половой зрелости.

• Проявления детской сексуальности

Фрейд берет за образец проявлений детской сексуальности – *сосание,* которое появляется у младенца и может остаться в качестве привычки иногда на всю жизнь. По его мнению, ребенок, сосущий <палец>, пытается пережить уже знакомое удовольствие, которое связано с «*первой и самой жизненно необходимой деятельностью ребенка – сосанием материнской груди (или ее заменителей)*» (p. 105). Во время кормления губы ребенка становятся *эрогенной зоной,* которая дает ощущение удовольствия. Таким образом, «*сексуальная активность вначале опирается на жизненно важные функции*» (p. 105), и лишь позднее сексуальное удовлетворение отделяется от потребности в пище и становится независимым. Но, по мнению Фрейда, эта эрогенная способность не ограничивается только оральной зоной, она может закрепиться за любой областью тела, которая в этом случае будет обладать такой же возбудимостью, что и гениталии.

Отсюда следует, что сексуальные влечения в детстве носят в основном характер *мастурбации.* Фрейд относит к проявлениям детской сексуальности не только оральную мастурбационную активность, но и мастурбационные действия, связанные с анальной зоной (удовольствие, связанное с удержанием кала или опорожнением кишечника, и т. д.), так же как и уретральные

действия, связанные с удовольствием мочеиспускания (как у мальчиков, так и у девочек), и генитальную мастурбацию. Эти наблюдения привели Фрейда к выделению трех фаз детской мастурбации: первая – онанизм младенца во время кормления, вторая характерна для возраста трех – четырех лет, третья – подростковый онанизм, долгое время эта форма оставалась единственной, чье существование признавали.

• Полиморфно-перверсивная предрасположенность

Открытие, что эрогенные зоны начинают играть свою роль с очень раннего возраста, привело Фрейда к заключению, что у ребенка существует, как он это назвал, *полиморфно- перверсивная предрасположенность*. Что это такое? Выражение *перверсивная предрасположенность* означает, что различные части тела маленького ребенка с самого начала жизни обладают сильной чувствительностью и восприимчивостью к эротизации, пока эрогенные зоны еще не подчинены генитальной организации, предназначенной для консолидации сексуальности. Что касается термина *полиморфный,* он подчеркивает большое разнообразие эрогенных зон, которые могут преждевременно пробудиться для сексуального возбуждения. Существование полиморфно извращенной предрасположенности у маленького ребенка позволило Фрейду объяснить, что организованная перверсия, которая встречается у взрослого, происходит от устойчивости составляющей детской сексуальности, которая зафиксировалась на ранней стадии психосексуального развития.

Фрейдовское понятие *полиморфно-перверсивной предрасположенности* даже сегодня часто становится для многих источником возмущения, так как его неправильно понимают. На самом деле, тот факт, что ребенок получает сексуальное удовольствие от своих эрогенных зон, вовсе не означает, что ребенок «перверт» в том смысле, какой подразумевается у взрослых. Для Фрейда этот термин обозначает, что детская стадия полиморфно-перверсивной предрасположенности – это ранняя стадия психосексуального развития, еще не достигшего генитальной сексуальности, когда среди эрогенных зон еще не установлена иерархия, которая ставит их на службу продолжения рода. Все обстоит совсем иначе у взрослых, чьи перверсии принимают форму организованного поведения, при котором частичное удовлетворение достигается в ущерб развитию генитальной сексуальности индивида, а сексуальное удовольствие достигается с объектами того же пола, как при гомосексуализме, или требует особых условий, как при фетишизме. Тем не менее случается, что ребенок обнаруживает настоящую перверсивную фиксацию, но это бывает в исключительных случаях.

• Детские сексуальные теории

В числе проявлений детской сексуальности Фрейд называет сильное любопытство, которое проявляют дети, неустанно задавая вопросы о сексуальности. Откуда появляются дети? Как это делают папа с мамой? Эти вопросы,

повторяясь в самых разных формах, позволяют составить представление об особых теориях, которые дети могут создавать о сексуальности, таких, например, как уверенность, что причиной разницы полов является один орган: мальчики обладают пенисом, а девочки его были лишены. Другие детские сексуальные теории касаются того, что происходит при рождении ребенка (появляется ли ребенок через то же отверстие, что и испражнения? и т. д.) или о сексуальных отношениях родителей (зачатие через поцелуй, садистская концепция их отношений и т. д.). В то же время, какими бы ни были сознательные фантазии детей, они в основном отражают их бессознательную сексуальную организацию и их фантазии об отношениях с окружающими.

- **Стадии развития сексуальной организации**

В шести последующих изданиях Фрейд вводил все новые фундаментальные понятия, и работа, которая в 1905 г. содержала 80 страниц, насчитывала уже 120 к шестому и последнему изданию, которое вышло в 1925 г. и включало множество дополнений. В редакции 1915 г. Фрейд ввел понятие *последовательных стадий организации либидо,* каждая стадия соответствовала преобладанию определенной эрогенной зоны. Так, он описал оральную, садистически-анальную и генитальную стадии. Он также выдвинул идею о том, что либидо последовательно проходит стадии развития, каждая из которых соответствует ведущей эрогенной зоне. В 1923 г. он добавляет к ранее описанным стадиям *фаллическую стадию организации,* которую он помещает между анальной и генитальной стадиями, уточняя, что на фаллической стадии признается только один тип органа: пенис у мальчика и его эквивалент у девочки – клитор. Развитие сексуальности последовательно проходит прегенитальные стадии организации либидо – оральную, садистическо-анальную и фаллическую – до генитальной организации, которая устанавливается с половым созреванием. Хотя Фрейд описывает детское психосексуальное развитие в терминах эволюции, он уточняет, тем не менее, что этот процесс происходит не совсем линейно и существует множество наложений, каждая стадия оставляет после себя неизгладимый след.

- **ТРЕТИЙ ОЧЕРК: МЕТАМОРФОЗЫ ПУБЕРТАТНОГО ПЕРИОДА**

- **Детский аутоэротизм в противопоставлении постпубертатному выбору объекта**

В издании 1905 г. Фрейд резко противопоставляет функционирование детской сексуальности, которую он определяет как аутоэротическую, и функционирование постпубертатной сексуальности, которое сосредоточено на «выборе объекта», т. е. лица, избираемого в качестве объекта любви. Согласно мнению Фрейда в первой версии труда, ранняя стадия сексу-

альности не имеет другого объекта, кроме собственного тела, в то время как постпубертатная сексуальность должна быть основана на выборе объекта, т. е. на любимом и желанном человеке, поскольку индивид достиг физической и психической зрелости.

Однако уже в первом издании *Трех очерков по теории сексуальности* Фрейд описывает отношение к частичному объекту и отношение к целостному объекту. Так, когда в 1905 г. он утверждает, что «*сосание ребенком груди матери стало моделью всех любовных отношений*» (p. 165), и говорит по этому поводу, что «*эта сексуальная связь становится первой и самой важной из всех*» (p. 165), он размышляет именно о ранних отношениях с частичным объектом, так как материнская грудь воспринимается младенцем как заместитель матери. Фрейд также описывает, как младенец, отказавшись от груди – от отношений с частичным объектом, как мы сказали бы сегодня, – открывает личность матери в ее целостности: по Фрейду, этот переход осуществляется «*тогда, когда у ребенка появилась возможность получить общее представление о лице, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган*» (p. 165). Фрейд описывает, таким образом, переход от отношений с частичным объектом к отношениям с целостным объектом – понятие, которое он дополнит позже, введя в «Метапсихологии» в 1915 г. концепцию «частичного влечения».

• Роль аффектов в объектных отношениях

Замечено, что в ходе последовательных дополнений, вносимых в работу *Три очерка по теории сексуальности,* Фрейд смягчил оппозицию между детским аутоэротизмом и постпубертатным выбором объекта. Так, когда в 1915 г. он вводит понятие стадий либидо, он описывает для каждой из них соответствующий тип объектных отношений. Во время полового созревания происходит активная интеграция частичных влечений, которая приводит к выбору объекта – который мы бы назвали целостным, – характерного для генитальной стадии: «*Все сексуальные устремления направляются только на одно лицо, с которым хотят достичь цели*» (p. 130).

Позднее Фрейд будет все больше учитывать роль, которую играют в ходе развития чувства любви и ненависти в объектных отношениях. Так, начиная с «Динамики переноса» (1912b) он будет считать, что объектные отношения на прегенитальном уровне характеризует амбивалентность любви/ненависти. Фрейд также вводит противопоставление между *нежным течением,* характеризующим детские частичные влечения, с одной стороны, и *чувственным течением,* характерным для выбора объекта в период полового созревания, – с другой. Для того чтобы установилось чувственное течение в выборе объекта, ребенок должен из-за запрета на инцест отказаться от своих первых инцестуозных объектов, представленных отцом и матерью; таким образом он направляет свой выбор объекта на другие лица. В то же время каждый новый выбор объекта остается под влиянием ранних выборов, и таким образом сохраняется сходство между объектами желания, избираемыми начиная с постпубертатного периода и первым выбором объекта,

т. е. родителями. Иначе говоря, по мнению Фрейда, никто не избежит влияния первого детского выбора инцестуального объекта, которое сохранится на всю жизнь: «*Даже тот, кто счастливо избежал инцестуозной фиксации своего либидо, все же не свободен совершенно от ее влияния*» (1905d, p. 172). Впоследствии Фрейд покажет, что соединение нежного и чувственного течений происходит во время становления генитальной сексуальности, а при невротических расстройствах этим двум течениям так и не удается соединиться: «*...только соединение этих течений обеспечивает совершенно нормальное любовное поведение*» (1912d, p. 57).

Наконец, что касается любви к объекту, Фрейд также рассматривает ее в развитии, и, по его мнению, ребенок учится любить другого человека, основываясь на сексуальной любви, которую испытал к людям, ухаживавшим за ним с латентного периода. Подведем итог общего психосексуального развития ребенка: сексуальное влечение в основном прегенитальной природы устанавливается с частичными объектами и в процессе медленного развития достигает синтеза либидинальных и аффективных влечений в выборе объекта любви. Что касается понятия *выбор объекта*, Фрейд применяет его к объектным отношениям любви, которые относятся к личности, воспринимаемой как целостная. Этот тип отношений позволяет ввести другую пару противоположностей, любви и ненависти, как это покажет Фрейд в 1915 г. в работе «Влечения и их судьба»: «*Понятия любви и ненависти не должны быть использованы для отношений влечения к своим объектам, но сохранены для отношений к объектам целостного Я*» (1915c, p. 89, [p. 182]). Но он признает, что сексуальная зрелость, описанная подобным образом, редко достижима, и, по-прежнему утверждая, что детская сексуальность играет решающую роль в нормальном и патологическом развитии личности, заявляет: «*Все патологические трудности сексуальной жизни могут быть с полным правом определены как торможение в развитии*» (1905d, p. 144).

Эволюция понятий

Эдипов комплекс: последовательные этапы открытия

Хотя понятие эдипова комплекса еще не появляется как таковое в первом издании *Трех очерков по теории сексуальности* в 1905 г. – оно появится только в последующих дополнениях, – мы уже с этого момента проследим главные этапы его развития. Это понятие развивалось Фрейдом постепенно, он никогда не посвящал эдипову комплексу отдельную работу.

Эдипов комплекс – главное открытие Фрейда – появляется в процессе развития ребенка и является центральным организующим фактором психической жизни, вокруг которого структурируется сексуальная идентичность индивида. Для Фрейда этот комплекс универсален, как он подчеркивает в *Трех очерках*: «*Перед каждым человеческим существом стоит задача обуздать в себе эдипов комплекс*» (1905d, p. 170, note 3, 1920). Кроме того, эдипов комплекс касается не только нормального развития человека: он лежит в основе психопатологии, где образует *ядерный комплекс неврозов.*

Эдипов комплекс в простой (или позитивной) форме

В процессе самоанализа Фрейд пришел к признанию любви к своей матери и ревности к отцу, которые он испытывал в детстве, и связал этот конфликт чувств с мифом об Эдипе. *«Я нашел в себе, как и у всех других, чувства любви к своей матери и ревности к своему отцу. Чувства, как я думаю, общие для всех детей <...>, а если это так <...>, то понятен поразительный захватывающий эффект* ***„Царя Эдипа“****»* (Из письма Фрейда к Флиссу, письмо от 15 октября 1897 г.). Эта тема была снова поднята в *Толковании сновидений: «Эдип, который убивает своего отца и женится на матери, лишь осуществляет желания нашего детства»* (1900a, p. 229 [303]). На протяжении последующих лет Фрейд постоянно обращается к понятию эдипова комплекса в своих клинических работах, например в случае *«Доры»* в 1905 г. и в случае *«Маленького Ганса»* в 1909 г. Но только в 1910 г. в работе «Об особом типе выбора объекта у мужчины» (1910h) понятие *эдипова комплекса* появляется как таковое в первый раз, причем термин *комплекс* принадлежит Юнгу.

Вначале Фрейд открывает простую форму эдипова комплекса (называемую также позитивным или прямым эдиповым комплексом) и описывает эволюцию комплекса так, как она проходит в ходе психосексуального развития мальчика. Первым объектом его привязанности становится мать, которой он хочет обладать безраздельно, но между третьим и пятым годом жизни любовь мальчика к матери заставляет его вступить в соперничество с отцом, которого он начинает ненавидеть. Мальчик испытывает страх, что отец кастрирует его – лишит пениса – из-за инцестуальных чувств, которые он испытывает по отношению к матери, и из-за ненависти к отцу. Под влиянием ужаса, вызванного этой угрозой кастрации, мальчик в конце концов решает отказаться от осуществления своих инцестуозных сексуальных желаний по отношению к матери и вступает в латентный период.

Изначально Фрейд считал, что существует полная симметрия между психосексуальным развитием мальчика и девочки и что как мальчик влюбляется в мать и ненавидит отца, точно так же и девочка, влюбляясь в отца, начинает ненавидеть мать. Впоследствии, однако, он понял, что путь развития девочки отличается от пути развития мальчика.

В 1913 г. в работе *Тотем и Табу* Фрейд пытается объяснить универсальный характер эдипова комплекса, в частности ту структурирующую роль, которую он играет в становлении личности каждого индивида. В поисках ответа на этот вопрос он выдвигает гипотезу об убийстве отца в первобытном племени сыновьями, желавшими завоевать женщин. По мнению Фрейда, это первичное преступление будет передаваться из поколения в поколение путем филогенеза, и чувство вины за это первое убийство будет проявляться в каждом индивиде в форме эдипова комплекса.

Полная форма эдипова комплекса: позднее открытие

Много лет спустя, в *Я и Оно* (1923b), Фрейд добавил к понятию позитивного (или прямого) эдипова комплекса понятие негативного (или обратного) эдипова комплекса, основанное на присущей любому индивиду с детства бисексуальной физической и психической конституции. В то время как при позитивном эдиповом комплексе мальчик желает жениться на своей

матери и убить отца, при негативном, или обратном, эдиповом комплексе мальчик желает жениться на своем отце и устранить свою мать, которую он воспринимает как соперницу. В противоположность позитивной форме эдипова комплекса, при которой мальчик идентифицируется со своим соперником и хочет стать *таким, как* его отец, при негативной, или обратной, форме мальчик желает *быть* матерью, путем регрессии при идентификации, которая представляет собой, согласно Фрейду, самую раннюю форму любви к объекту. Пассивные женские желания, которые мальчик испытывает к своему отцу, приводят его к отказу от гетеросексуальных желаний по отношению к матери, а также к отказу от мужской идентификации с отцом-соперником, как показывает Фрейд в своем исследовании случая «Президента Шребера» в 1911 г. и в случае «Человека с волками» в 1918 г. По мнению Фрейда, обе формы эдипова комплекса сосуществуют в психике каждого индивида, таким образом, эдипов комплекс в его завершенном виде предполагает вовлеченность четырех лиц: с одной стороны, отца и матери, с другой стороны, предрасположенность ребенка (мальчика или девочки) к мужскому и женскому типу поведения одновременно, основанная на «психической бисексуальности», свойственной каждому человеческому существу. Соотношение между этими двумя тенденциями изменчиво, и сексуальная идентичность индивида зависит от преобладания одной из них над другой, причем так называемое нормальное психосексуальное развитие является результатом преобладания позитивной формы эдипова комплекса над негативной.

В 1923 г. в работе «О детской генитальной организации» (1923e) Фрейд добавляет четвертую догенитальную стадию – «фаллическую стадию», помимо оральной, анальной и генитальной стадий, которые он ввел в 1915 г. в дополнениях к *Трем очеркам*. С этого времени он будет утверждать, что психосексуальное развитие ребенка в основном сосредоточено на превосходстве пениса в качестве определяющий эрогенной зоны и на понятии эдипова комплеса на уровне объектных отношений. В этом же дополнении он уточняет, что эдипов комплекс достигает своего расцвета в возрасте от 3 до 5 лет, т. е. на фаллической стадии, когда сексуальное желание, направленное на родителя противоположного пола, самое живое, а страх кастрации самый интенсивный.

В 1924 г. в статье «Крушение эдипова комплекса» (1924d) Фрейд описывает, как Эдипов комплекс *распадается* или *исчезает*. Однако в противоречии с названием этой статьи исчезает только эдипальный конфликт, который мы во всей остроте наблюдаем у ребенка 3–5 лет. Но сама по себе эдипальная ситуация продолжает свое существование в бессознательном в качестве главного организатора психической жизни индивида, потеряв, как мы могли бы сказать, патогенный характер, связанный с понятием «*комплекс*».

В 1925 г. Фрейд возвращается к описанию психосексуального развития девочек в статье под названием «Некоторые психические последствия анатомических различий между полами» (1925j). За прошедший период он установил, что в начале жизни девочка и мальчик имеют один и тот же объект, т. е. мать, но последующее развитие девочки отличается от развития мальчика: она должна сменить объект и перейти от любви к матери к любви к отцу.

Тем не менее, как мы увидим далее, говоря о взглядах Фрейда на женственность, он был убежден, что психосексуальное развитие девочки происходит под влиянием ее зависти к пенису, которая позднее замещается желанием иметь ребенка от своего отца. Фрейд навсегда останется верен своей теории, известной теперь под названием «фаллический монизм», которую можно рассматривать как остаток привязанности к детской сексуальной теории. Наконец, в статье, озаглавленной «О женской сексуальности» (1931b), Фрейд подтвердит свое мнение об огромной важности ранней привязанности дочери к матери и вытекающей из нее трудности смены объекта для дочери, т. е. перехода от матери к отцу в ходе психосексуального развития.

Хронология понятий

Детская амнезия – аутоэротизм – бисексуальность – выбор объекта – эдипов комплекс – психосексуальное развитие (мальчика и девочки) – примыкание (анаклизис) – объект – целостный объект, частичный объект – перверсии – полиморфно-перверсивная предрасположенность – влечение – стадии развития: оральная, анальная, фаллическая, генитальная – детские сексуальные теории – эрогенная зона.

«ФРАГМЕНТ АНАЛИЗА ОДНОГО СЛУЧАЯ ИСТЕРИИ» (СЛУЧАЙ ДОРЫ) S. FREUD (1905e)

Открытие переноса

Рассказ о психоаналитическом лечении Доры представляет особый интерес, поскольку Фрейд здесь говорит об открытии переноса. Когда Фрейд начал свою работу с Дорой, он считал, что находит в случае этой пациентки подтверждение правильности своих взглядов на сексуальную природу появления истерических симптомов и на роль, которую играют сны в образовании симптомов. Для него было шоком оказаться беспомощным свидетелем ее досрочного ухода, всего лишь через одиннадцать недель после начала лечения. Но Фрейд сумел извлечь пользу из своего терапевтического поражения, сделав вывод, что незаметно для него возникло сопротивление, связанное с переносом. Не останавливаясь на этом, Фрейд приходит к заключению, что если бы он вовремя заметил это препятствие, он смог бы его интерпретировать и, без сомнения, избежать неожиданного окончания анализа пациенткой: *«Перенос, который должен быть самым большим препятствием в психоанализе, становится его самым могущественным средством, если удается его предугадать и донести его смысл до пациента»* (1905e, p. 88). Однако Фрейд не закончил на этом с Дорой, поскольку более 20 лет спустя внес значительную поправку в картину переноса, вчерне изложенную в 1905 г., поняв, что прерывание лечения произошло не только по причине отцовского переноса Доры, но и по причине материнского, т. е. стойкости сильной гомосексуальной привязанности девушки к своей матери.

Хотя Фрейд открыл перенос в 1905 г. во время лечения Доры, он развивал это понятие во всем своем творчестве в течение нескольких десятилетий. И наконец, надо отметить, что понятие контрпереноса, которое Фрейд упомянул лишь дважды, стало предметом серьезных исследований психоаналитиков-постфрейдистов, которые открыли новые перспективы в неразрывных отношениях, связывающих перенос и контрперенос.

Биографии и история

Гениальное извлечение пользы из терапевтического провала

В 1900 г. Фрейд только что опубликовал «Толкование сновидений» и начал писать «Психопатологию обыденной жизни», когда 18-летняя девушка Дора – ее настоящее имя Ида Бауэр – была направлена своим отцом к нему

на консультацию. Фрейд начал лечение в октябре 1900 г., однако Дора внезапно прервала его три месяца спустя. Вначале Фрейд был очень разочарован, но преодолел свою первую реакцию и уже через две недели записал свое основополагающее наблюдение о переносе.

Он написал Флиссу, что это короткое лечение дало ему возможность сделать два открытия: первое открытие касалось важной роли, которую играют эрогенные зоны, в частности оральная зона, которая стала причиной нервного кашля Доры; второе открытие касалось роли, которую сыграла психическая бисексуальность в конфликте Доры, раздираемой между влечением к мужчинам и влечением к женщинам. Это был первый случай, когда Фрейд применил в клинической практике понятие бисексуальности, которым был обязан Флиссу. Относительно же прерывания лечения Фрейд признался своему другу, что не справился с переносом, поскольку не смог вовремя его обнаружить и интерпретировать. Но выводы, которые он сумел сделать из этого провала, превратили это важнейшее наблюдение в один из главных его трудов о переносе. Из соображений конфиденциальности Фрейд отложил публикацию до 1905 г., но его противники все равно яростно упрекали его за публикацию случая без согласия пациентки.

Что стало с Дорой в последующие годы? В 1903 г. она вышла замуж за Эрнста Адлера и родила от него сына – Курта Герберта, который впоследствии стал директором оперы Сан-Франциско. В 1923 г. Дора страдала от приступов тревоги и от страха преследования со стороны мужчин, это привело ее на консультацию к психоаналитику Феликсу Дойчу, который узнал в ней бывшую пациентку Фрейда. До конца 1930-х годов она жила в Вене и стала близкой подругой Пеппины – она же «г-жа К...», о которой шла речь в Случае Доры! Чтобы избежать преследований нацистов, которые искали ее брата, известного своими марксистскими идеями политического деятеля и бывшего премьер-министра Австрии, Дора эмигрировала в США. Она умерла в Нью-Йорке в 1945 г.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1905e). Fragment d'une analyse d'hysterie (Dora), trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein // Cinq psychanalyses. Paris: PUF, 1954, p. 1–91.

• От реальной попытки соблазнения...

Дора пришла на консультацию к Фрейду вследствие любовной связи ее отца с мадам К... Интрига завязалась в Мерано – курортном городке, где встретились две венские супружеские пары из буржуазной среды: супруги Филип и Катерина Бауэр – родители Доры и супруги Ганс и Пеппина Зелланка – *они же* г-н К... и г-жа К... («К» от Зелланка). Коротко говоря, отец Доры вступил в связь с г-жой К..., а ее обманутый супруг в ярости попытался соблазнить Дору – дочь своего соперника. Она же была тайно влюблена в г-на К...,

так как он напоминал ей отца. Однажды, подкравшись к Доре, г-н К... сжал ее в объятьях и поцеловал в губы. Шокированная, она дала ему пощечину и оттолкнула. В ходе лечения Дора признается Фрейду, что явственно почувствовала сексуальное возбуждение при контакте с г-ном К... из-за *«его тела»* (1905e, p. 19), и это потрясло ее и наполнило стыдом. После этого происшествия Дора почувствовала отвращение к мужчинам и страх перед ними, что Фрейд рассматривал как характерные истерические симптомы. Вскоре после инцидента с г-ном К... Дора попыталась открыться отцу, но тот вместе с г-ном К... несправедливо осудил ее за то, что она якобы выдумала эту попытку совращения. Дора раньше срока уехала из курортного городка, никому не объясняя настоящую причину своего бегства. Видя, что Дора все больше страдает нервным расстройством и депрессией вплоть до угрозы самоубийства, семья отправила ее на консультацию к Фрейду.

- **...к бессознательной фантазии о соблазнении в переносе**

Записи сеансов с Дорой, сделанные Фрейдом, отражают интерес, который он испытывал к рассказу, так хорошо подтверждавшему его гипотезы о сексуальных истоках истерических симптомов, а также о роли сновидения как показателя бессознательных конфликтов. С нескрываемым энтузиазмом Фрейд приступает к детальному анализу невротической проблематики Доры, постепенно предлагая ей свои интерпретации. Желая поделиться с пациенткой своими умозаключениями, Фрейд разговаривает с Дорой с уверенностью, которая до тех пор не была ему свойственна, особенно если сравнивать это с осторожным, полным сомнений тоном, который мы наблюдали в *Исследовании истерии* в 1895 г.

В эпоху лечения Доры интерпретации Фрейда в основном были направлены на то, чтобы восстановить цепочку событий, которые привели к возникновению симптомов, основываясь на ассоциациях, снах и детских воспоминаниях, предоставленных пациентом. Именно так Фрейд поступает с Дорой, к примеру, когда анализирует ее первый сон, в котором она убегает из охваченного пожаром дома. Фрейд объясняет своей пациентке различные бессознательные аспекты ее фантазий, бегство Доры к отцу, когда она пугается человека, который ее соблазняет, а также влечение Доры к отцу, когда сновидение обнаруживает ее бессознательное желание заместить соблазнителя отцом. Так, шаг за шагом, Фрейд стремится привести Дору к осознанию бессознательных цепочек, которые лежат в основе ее симптомов. Но, погруженный в исследование воспоминаний Доры и в свою реконструкцию, он не заметил скрытых сопротивлений, которые его *объяснения* вызывали у пациентки. Наконец он понял, что недостаточно было сообщать Доре реконструированные им представления, необходимо было также говорить о чувствах, испытываемых ею в тот момент по отношению к нему самому.

Таким образом, Фрейд очень удивился, когда Дора прекратила сеансы всего через три месяца после начала лечения. Используя свои записи, он сразу начал писать рассказ об этом лечении и нашел в клиническом материале сеансов многочисленные признаки, предвещавшие этот разрыв. Например,

на основании запаха дыма, который появлялся в снах Доры, он обнаружил, что отец Доры, г-н К... и он сам были страстными курильщиками, и сделал из этого следующий вывод, а posteriori отнеся его к ускользнувшему от его внимания переносу: «*Если я соединяю, наконец, все признаки, которые делают вероятным ее перенос на меня, то, учитывая, что я тоже курильщик, я прихожу к мысли, что как-то раз на сеансе она, без сомнения, мечтала о моем поцелуе*» (p. 54). Фрейд упрекает себя за то, что не сумел вовремя проинтерпретировать этот перенос: «*Когда появился ее первый сон, в котором она предупреждала меня, что хочет покинуть анализ, как когда-то она покинула дом г-на К..., я должен был насторожиться и сказать ей: „Вы переносите свои чувства с г-на К... на меня. Заметили ли вы что-либо, что заставляет вас подозревать меня в злых намерениях, аналогичных намерениям г-на К... <...>?“*» (p. 88–89). Все указывает на то, что Дора бессознательно испытывала не только волнующие любовные и эротические чувства к Фрейду, похожие на те чувства, которые она испытывала к г-ну К..., но и желание отомстить Фрейду, подобное желанию отомстить своему соблазнителю.

- **Перенос: смещение образа из прошлого на психоаналитика**

Так Фрейд столкнулся с влиянием переноса, который можно определить как драму, разыгрывающуюся во время лечения, где главная роль принадлежит значимой для пациента фигуре из прошлого, которая в настоящем времени проецируется на личность психоаналитика. В случае Доры на Фрейда была перенесена даже не одна фигура из прошлого, а несколько, т. е. не только образ г-на К..., но и образ более раннего соблазнителя, отца Доры, в свою очередь замененного на г-на К... Таким образом, в ходе этого анализа реальное событие из недавнего прошлого Доры возвратило ее в далекое детство, к событиям, случившимся задолго до инцидента, послужившего причиной обращения к Фрейду, т. е. в ранние фантазии о соблазнении отцом. Это воображаемое событие, связанное с эдипальной ситуацией, имело в детстве Доры бесконечно большее значение для формирования ее психики, чем реальное происшествие с г-ном К...

- **Позднее дополнение: гомосексуальный перенос Доры**

Публикуя этот случай в 1905 г., Фрейд приписывал сопротивление Доры ее любовной привязанности и ее сексуальным желаниям по отношению к мужчинам, представленным г-ном К..., ее отцом и самим Фрейдом. В то время Фрейд рассматривал только гетеросексуальный аспект переноса и полагал, что Дора может видеть в нем только мужчину, т. е. заместителя г-на К... и отца. «*Вначале,* – пишет Фрейд, – *казалось ясным, что я заменял, в ее воображени, ее отца* <...>» (p. 88). Но в примечании, добавленном в 1923 г., т. е. спустя более 20 лет после окончания лечения, Фрейд признает, что он недооценил силу гомосексуальной привязанности Доры к г-же К...: «*Я упустил случай вовремя догадаться и сообщить больной, что ее гомосексуальная любовь*

(гинекофилия) к г-же К... <...> была ее самой сильной бессознательной психической тенденцией». Фрейд так заканчивает свое примечание: *«До того как я признал важность гомосексуальных тенденций у невротиков, я часто терпел поражение в лечении или впадал в полное замешательство»* (p. 90, note 1, добавлено в 1923 г.).

В заключение интересно отметить, что в 1905 г. при лечении Доры Фрейд представлял себя только в роли мужчины, заместителя г-на К... и отца пациентки. Но и когда в 1923 г. он выявил привязанность Доры к г-же К..., то все-таки не смог представить себя как женскую фигуру переноса, заместителя мадам К... или матери Доры. Кажется, Фрейд еще не воспринял в полном объеме тот факт, что аналитик, каким бы ни был его пол, может в переносе представлять как мужской, так и женский персонаж. Например, аналитик-мужчина может играть в переносе роль и мужчины, и женщины, и, наоборот, аналитик-женщина может по очереди представлять и мужчину, и женщину в разные моменты переноса. Этот объем отношений переноса и контрпереноса по-прежнему трудно понять молодому психоаналитику.

Эволюция понятий

Перенос в последующих работах Фрейда

Так же как понятие эдипова комплекса, понятие переноса складывалось в творчестве Фрейда поэтапно в течение нескольких десятилетий. Так, оно уже было представлено в 1895 г. в *Исследовании истерии,* но только после наблюдений за Дорой в 1905 г. перенос обретает в представлениях Фрейда свое настоящее значение. Позднее он дополнит свою точку зрения в нескольких небольших статьях, посвященных различным аспектам переноса. Я предлагаю проследить главные этапы в хронологическом порядке.

Случай Анны О... и предполагаемое бегство Брейера

Миф о возникновении переноса, без сомнения, зародился, когда Фрейд рассказывал спустя годы об условиях, при которых Брейер положил конец лечению Анны О... в 1881 г. Действительно, именно опираясь на рассказы Фрейда, все долгое время считали, что Брейер внезапно отказался лечить эту пациентку, потому что она влюбилась в него. Брейер, согласно Фрейду, будто бы обратился в бегство, столкнувшись с сексуальным характером переноса Анны О...: *«Придя в ужас, как и любой врач на его месте, если он не психоаналитик, Брейер передал свою пациентку коллеге»* (письмо Стефану Цвейгу от 2 июня 1932, 1987c [1908–1938]). Согласно последним историческим исследованиям, предполагаемое бегство Брейера, как о нем рассказывал Фрейд, соответствовало не столько реальным фактам, сколько воспоминаниям Фрейда, на которые повлияли конфликтные отношения, сложившиеся у него с бывшим коллегой из-за разницы во взглядах на роль сексуальности в этиологии истерии.

Когда в 1895 г. Фрейд впервые использовал в *Исследовании истерии* термин «перенос», он рассматривал его как одну из форм сопротивления среди прочих, не придавая ему того большого значения, которое он получит

в дальнейшем. В то время для Фрейда речь шла о незначительном феномене, который затрудняет установление доверительных отношений, необходимых для успешного хода лечения. Например, он упоминает о недовольстве или чрезмерной привязанности, которые пациент может испытывать, сам того не ведая, по отношению к своему врачу. Он советует вытащить на белый свет бессознательные мотивы этих сопротивлений, чтобы пациент смог их преодолеть, так же, как он поступал с любым симптомом.

Перенос, открытый после бегства Доры

Понятие переноса появляется в полном смысле этого слова в описании случая Доры в 1905 г., когда Фрейд понимает, что пациентка прервала лечения из-за любовных и эротических чувств, которые бессознательно переносила на него. Именно тогда Фрейд определяет перенос как смещение на личность аналитика чувств, желаний, фантазий и даже целых сценариев, которые воспроизводят опыты, уже пережитые ранее, главным образом в детстве, со значимыми тогда лицами. В то же время, хотя Фрейд заметил *a posteriori*, что перенос сыграл решающую роль в разрыве с Дорой, он тогда еще не рассматривал его как настоящую движущую силу в динамике психоаналитического процесса. Вот какое определение он дает переносу в тот момент: «*Что такое эти* ***переносы****? Это новые отпечатки или копии тех импульсов, влечений и фантазий, которые пробуждаются и осознаются при развертывании психоанализа, для них характерна замена ранее знакомой личности на личность врача. Иначе говоря, определенное количество предшествующих психических состояний возрождается, но не в качестве уже пережитого, а как относящееся к актуальным личным отношениям с психоаналитиком*» (p. 87). Фрейд добавляет некоторые уточнения, касающиеся природы переноса, объявляя, что «*невозможно избежать переноса*» и что он «*должен быть обнаружен без содействия пациента*» (p. 87).

Обращаясь к Фрейду, он сказал: «Мой капитан!»

В «Заметках об случае обсессивного невроза (случай Человека с крысами)» Фрейд дает прекрасный пример трансферентного смещения и переноса стереотипического характера: обсессии его пациента, известного под именем *Человек с крысами*, начались в армии в тот день, когда он услышал, как один капитан со смаком рассказывает о китайской пытке, при которой крысы вгрызаются в задний проход жертвы. Выслушав рассказ своего пациента, Фрейд, начиная уже со второго сеанса, принялся подробно объяснять ему, что эти симптомы имеют сексуальное происхождение, и тогда он услышал, как *Человек с крысами* несколько раз обратился к нему: «*Мой капитан!*»

Проекции на психоаналитика образов из детства

В «Динамике переноса» (1912b), в первой статье, полностью посвященной переносу, Фрейд употребляет термин *имаго* – понятие, предложенное Юнгом для обозначения внутренних образов из прошлого, которые представляют собой объект смещения на личность аналитика. Фрейд также принимает во внимание роль трансферентных аффектов любви и ненависти. (Их описал Ференци в 1909 г., после того как заметил, что пациенты склонны бессозна-

тельно заставлять врача играть роль родителя, внушающего одновременно любовь и страх.) Следовательно, недостаточно говорить просто о *переносе*, уточняет Фрейд, психоаналитик должен также отдавать себе отчет в аффективных качествах, которыми неизбежно обладает перенос: поэтому начиная с этого момента, он выделяет *позитивный* перенос, в котором преобладают нежные чувства, и *негативный* перенос с преобладанием враждебных чувств. По мнению Фрейда, нежные чувства, связанные с положительным переносом, всегда имеют эротическую основу, отчасти осознанную, отчасти и бессознательную, так как в детстве первые отношения всегда устанавливаются с сексуальными объектами. Следовательно, перенос на аналитика всегда имеет две составляющие, позитивную и негативную, и, когда он сопровождается вытесненными враждебными или эротическими чувствами, перенос превращается в сопротивление. Этот двойственный характер аффектов побудил Фрейда к принятию понятия *амбивалентности*, введенного Брейером в 1911 г. Конечно, уточняет он, амбивалентность может носить нормальный характер, но, если она чрезмерна, особенно при психозе, она может привести к негативному переносу на аналитика, который может помешать успеху лечения.

Перенос и повторение

В статье «Воспоминание, повторение и проработка» (1914g) Фрейд идет еще дальше. Он подчеркивает важность повторения переноса и констатирует, что чем сильнее сопротивление, тем более пациент стремится повторить свою проблематику действием вместо того, чтобы воспоминать: «*Например, пациент не говорит о том, что он проявлял дерзость и непокорство со своими родителями, но он так же ведет себя по отношению к своему аналитику. <...> Он больше не вспоминает о том, какой нестерпимый стыд охватывал его при некоторых сексуальных действиях, и не признается в том, как он боится этих воспоминаний, но он показывает, что стыдится того, что ему необходимо лечение, и требует держать его в тайне и т. д.*» (p. 109). В этой статье Фрейду лучше, чем прежде, удалось показать разницу между *переносами*, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни, особенно в любовных отношениях, и собственно *переносом*, который возникает при психоаналитическом лечении по отношению к личности аналитика: он называет этот последний тип переноса *неврозом переноса* и описывает его как *искусственную болезнь*, которая развивается в аналитической ситуации. Рамки психоанализа в том виде, который он рекомендовал, создают, по мнению Фрейда, условия безопасности, которые дают пациенту возможность отдаться свободному течению своих трансферентных фантазий; терапевтическая работа с ними дает возможность исцеления: «*Именно использование переноса дает возможность избавиться от автоматического повторения и превратить его в воспоминание*» (p. 113).

Любовь в переносе: форма упорного сопротивления

В другой статье о технике аналитической работы, «Заметки о любви в переносе» (1915a [1914]), Фрейд ставит вопрос о том, какого образа действий следует придерживаться, если пациентка влюбляется в аналитика. Прекращение лечения не может быть выходом из положения, поскольку, по его

мнению, в данном случае речь идет о феномене переноса, а значит, подобная ситуация неизбежно повторится и со следующим терапевтом и т. д. по причине феномена повторения. Врач не может также принимать эту любовь за настоящую, потому что *«в том, что касается анализа, удовлетворить потребность больной в любви было бы так же разрушительно и рискованно, как задушить ее»* (1915a, p. 124). Когда подобная ситуация возникает, Фрейд предостерегает терапевта и побуждает его опасаться возможного *«контрпереноса»* (p. 118). Другими словами, любовь, которую пациентка испытывает к терапевту, – это выражение сопротивления, которое противостоит развитию переноса, поэтому важно выявить ее бессознательные источники. По мнению Фрейда, состояние влюбленности – это не что иное, как повторение некоторых прошлых ситуаций и детских реакций, которые определяют его компульсивный патологический характер и делают его источником сопротивления, которое необходимо проанализировать. Аналитику, столкнувшемуся с любовью в переносе, важно занять сдержанную и отстраненную позицию: *«Аналитик ни в коем случае не может себе позволить уступить. Какое бы значение он ни придавал этой любви, он должен еще больше ценить возможность оказать помощь своей пациентке в один из самых решающих моментов ее жизни»* (p. 129). Только при этом условии, заключает Фрейд, аналитик позволяет пациентке *«добиться той внутренней свободы, которая отличает сознательную психическую деятельность <...> от бессознательной»* (p. 129).

Перенос, компульсивное повторение и влечение к смерти

В 1920 г., в работе *По ту сторону принципа удовольствия*, Фрейд констатирует, что у некоторых его пациентов перенос принимает непреодолимый характер повторений и вместо того, чтобы продвигаться вперед, они продолжают повторять свои неудачи или симптомы, неспособные к воспоминанию и проработке. Заметив, что поведение этих пациентов противоречит его первой теории влечений, согласно которой человеческая психика, прежде всего, стремится найти удовольствие и избежать неудовольствия, Фрейд пересматривает свою теорию. Он выдвигает гипотезу, согласно которой непреодолимая психическая сила постоянно толкает некоторых пациентов в повторяющиеся ситуации страданий и поражения, которые они не могут преодолеть. Чтобы отличать этот клинический феномен от простого *повторения*, он называет его *компульсивным повторением*, так как пациент оказывается не способен избежать силы компульсивного влечения, которое Фрейд называет *дьявольским*. Таким образом, Фрейд смело постулирует, что по ту сторону принципа удовольствия существует более глубокий конфликт – это конфликт между двумя группами влечений: влечением к жизни и влечением к смерти. Этот новый взгляд позволил ему установить различие между невротическими пациентами, демонстрирующими *невроз переноса* и подчиняющимися принципу удовольствия/неудовольствия, с одной стороны, и пациентами, страдающими от депрессии, от *нарциссического невроза*, перверсии или психоза, которые демонстрируют враждебный перенос, основанный на фундаментальном конфликте влечения к жизни и влечения к смерти, с другой стороны.

Контрперенос у Фрейда

Понятие контрпереноса очень редко появляется в работах Фрейда. В 1910 г. в работе «Что ждет в будущем психоаналитическую терапию?» он определяет его как *«влияние, которое пациент оказывает на бессознательные чувства своего аналитика»*, и для того, чтобы терапевт мог *«распознать своей контрперенос и овладеть им»*, он советует не только пройти предварительный анализ, но и продолжать самоанализ (1910d, p. 27). В письме к Л. Бисвангеру от 20 февраля 1913 г. Фрейд признает, что контрперенос можно считать *«одной из самых сложных технических проблем психоанализа»*. Он предостерегает аналитика от попытки немедленно сообщить пациенту о своих чувствах и советует прислушаться к своему контрпереносу, чтобы проработать его: *«То, что мы даем пациенту, ни в коем случае не должно быть непосредственным аффектом, но осознанным и проявляющимся по мере необходимости. В некоторые моменты можно дать пациенту очень много, но никогда не надо черпать это из собственного бессознательного. Для меня это закон. Таким образом, необходимо каждый раз распознавать свой контрперенос и преодолеть его»*. Наконец, в своей статье о любви в переносе, как мы видели, Фрейд также советует терапевту *«опасаться возможного появления контрпереноса»* (1915a [1914]).

С этих пор Фрейд больше ничего не говорил о контрпереносе, для него это явление останется в основном бессознательной реакцией психоаналитика на перенос пациента, т. е. реакцией, которая появляется в ответ на развертывание переноса, если она недостаточно проработана аналитиком. Более широкое развитие понятия контрпереноса, которое позднее станет главным инструментом проработки переноса в аналитических отношениях, принадлежит последователям Фрейда.

Постфрейдисты

Развитие понятия контрпереноса последователями Фрейда

Паула Хейманн и Генрих Ракер: новые перспективы

Начиная с 1950-х годов понятие контрпереноса активно разрабатывалось и в настоящий момент считается основным инструментом понимания при общении аналитика с пациентом. В первую очередь осознанием того, что реакции контрпереноса аналитика дают драгоценные сведения о переживаниях пациента, мы обязаны Пауле Хейманн из Лондона и Генриху Ракеру из Буэнос-Айреса. Заметим, что отправной точкой этого новаторского подхода стало, без сомнения, описание проективной идентификации, сделанное Мелани Кляйн в 1946 г., хотя сама она не использовала свое открытие так, как это стали делать впоследствии при анализе контрпереноса в ходе сессии.

В 1950 г. в статье «О контрпереносе» Паула Хейманн привлекла внимание к значимости эмоционального отклика аналитика на пациента, показав, что такой отклик может стать настоящим инструментом исследования

бессознательного пациента. Она провела различие между использованием контрпереноса в аналитической ситуации и бессознательной реакцией аналитика, связанной с его собственным неврозом. В то же время Ракер показал, что контрпереносные чувства, которые испытывает аналитик, могут стать точным показателем того, что происходит с пациентом. Ракер выделял два типа контрпереноса. Это «конкордантный, или согласующийся, контрперенос», который лежит в основе эмпатии, когда аналитик сознательно идентифицируется с некоторыми аспектами личности своего пациента, и «комплементарный, или дополняющий, контрперенос», представляющий собой реакцию, в момент которой аналитик бессознательно проецирует свои внутренние объекты на пациента, устанавливая, таким образом, перенос, направленный на пациента (1953). Отметим, что в указанное время важность контрпереноса отмечали многие психоаналитики, более или менее близкие к кляйнианскому направлению, среди которых Д. Винникотт (1947) и М. Литтл (1951). Стоит также упомянуть, что Мишель Нейро (1947) расширил понятие контрпереноса за пределы чувств психоаналитика, включив в это понятие всю совокупность его личных психоаналитических ориентиров и его личную метапсихологию.

«Нормальный» контрперенос и проективная идентификация: Уилфред Р. Бион

В конце 1950-х годов У. Бион внес вклад в расширение понятия контрпереноса: отталкиваясь от введенного им различия между патологической и нормальной формами проективной идентификации, он постулировал нормальную форму контрпереноса (1957). Его вклад позволил взглянуть на взаимообмен между пациентом и аналитиком в свете новых понятий, в частности в терминах «отношений содержащее – содержимое», в свете бо́льшей или меньшей способности выносить и перерабатывать тревогу. Отныне перенос и контрперенос будут рассматривать как нераздельное целое, которое можно воспринимать как «тотальную ситуацию» (Joseph, 1985).

Проективная контридентификация: Леон Гринберг

Опираясь на различия, установленные Ракером, и на работы Биона, Леон Гринберг (1962) внес свой оригинальный вклад в теорию, описав «Проективную контридентификацию» – специфический бессознательный ответ на проективную идентификацию пациента, при котором аналитик бессознательно идентифицируется с тем, что спроецировано на него. По мнению Гринберга, проективная контридентификация появляется независимо от внутренних конфликтов аналитика, и это то, что отличает ее от дополнительного [комплементарного] контрпереноса Ракера. Подвергаясь чрезмерной проективной идентификации, аналитик может «пассивно» уступить силе проекций пациента, убежденный в том, что это его, психоаналитика, фантазии. Но если аналитику удастся сдержать проецируемые на него эмоции, распознать их и идентифицировать как принадлежащие пациенту, проективная контридентификация может стать техническим инструментом, очень полезным для установления контакта с самыми глубокими уровнями фантазматического материала анализандов.

Развитие понятия контрпереноса во второй половине XX в. оказало большое влияние на технику современной аналитической работы не только кляйнианцев и посткляйнианцев, но и большинства психоаналитиков, принадлежащих к течениям, связанным с Международной психоаналитической ассоциацией. В то же время взгляды на использование контрпереноса в повседневной клинической практике зависят от личных предпочтений психоаналитика.

Крайние позиции по отношению к контрпереносу

Этот краткий обзор был бы неполон, если бы я не упомянул о том, что современные практикующие аналитики подчас занимают две противоположные позиции по отношению к контрпереносу.

Первая позиция предполагает технику, которая называется «контрпереносное самораскрытие» и заключается в том, что аналитик раскрывает свой собственный опыт перед пациентом, чтобы показать разницу между тем, что проживает аналитик, и тем, что проживает пациент. Как подчеркивает Купер (1998), эта техника может быть использована во благо, но может и во вред, если аналитик предварительно не проработал в анализе то, что раскрывает пациенту из своего контрпереноса. Некоторые североамериканские психоаналитики превратили использование «самораскрытия» в настоящую технику, но это предполагает иную концепцию взаимообмена между пациентом и аналитиком, нежели классическое применение понятия контрпереноса в психоаналитических отношениях.

Существует и другая позиция, противоположная вышеизложенной, но столь же крайняя по отношению к контрпереносу, – это полный отказ принимать его во внимание; подобной позиции придерживаются почти все последователи Лакана. С точки зрения последнего, контрперенос – это не единственное сопротивление лечению, но *последнее* сопротивление аналитика. В данном случае речь идет об одном из главных теоретических и технических различий между современными лакановскими психоаналитиками и психоаналитиками, принадлежащими к Международной психоаналитической ассоциации. Как сказал Ж. А. Мийе во время дебатов с Д. Видлоше (2003): «...если мы будем искать то, что разделяет лаканистов и остальных, мы обнаружим следующее: использование контрпереноса отсутствует в лакановской аналитической практике, эта тема не обсуждается, так же как практика коротких сеансов и лакановская доктрина бессознательного».

Хронология понятий

Перенос – гетеросексуальный перенос – гомосексуальный перенос – материнский перенос – отцовский перенос.

БРЕД И ГРЕЗЫ В «ГРАДИВЕ» В. ЙЕНСЕНА
S. FREUD (1907a)

Клиническое изучение психоза на примере персонажа романа

Речь идет о первом эссе Фрейда, посвященном изучению литературного произведения. За ним последуют другие, посвященные как литературе, так и пластическим искусствам, и это положит начало тому, что сегодня называют прикладным психоанализом. С помощью этой работы, опубликованной в 1907 г., Фрейд пытается расширить свою аудиторию в надежде встретить у нее более теплый прием, доказав, что такое литературное произведение, как *Градива,* подтверждает многие его клинические наблюдения. Новелла В. Йенсена особенно хорошо подходит для подобной демонстрации, поскольку о приключениях, которые герой новеллы, археолог Ханольд, переживает в своем бреду и в снах, можно читать так, будто речь идет о развитии клинического случая, когда психоаналитик работает с пациентом. Кроме того, поражает аналогия между поведением Ханольда на всем протяжении повествования и исследованием слоев подсознания, которое проделывает психоаналитик, чей труд Фрейд часто сравнивал с работой археолога.

В этом тексте мы обнаруживаем также дар клинического наблюдателя, который был особенно развит у Фрейда. В 1907 г. Фрейд описывает у Ханольда некоторые психопатологические феномены, такие как отрицание реальности и расщепление Я, еще не понимая, что эти механизмы специфичны для психоза и перверсии. Только 20 лет спустя Фрейд отнесет отрицание реальности и расщепление Я к числу защит, характерных для психоза, отличая их от вытеснения, которое он будет с этих пор относить исключительно к неврозу.

Биографии и история

Фрейд, Помпеи и «Градива»

Именно Карл Густав Юнг обратил внимание Фрейда на тот интерес, который может представлять для психоанализа новелла, опубликованная в 1903 г. Вильгельмом Йенсеном. Фрейд был воодушевлен чтением этой новеллы и написал свои комментарии в 1906 г. во время летнего отпуска. Работа была издана в 1907 г. Говоря о Градиве, надо помнить, что в 1902 г. Фрейд вместе с братом Александром (десятью годами его младше) посетил Помпеи и что он утверждал в конце жизни, будто прочитал больше книг по археологии, чем по психологии. В сентябре 1907 г., вскоре после публи-

кации этой книги, Фрейд отправился в Рим, где в музее Ватикана увидел барельеф, вдохновивший Йенсена на написание новеллы. Фрейд приобрел слепок с него, который повесил в своем кабинете у изножья дивана и который взял собой, когда эмигрировал в 1938 г. в Лондон. 1907 г. был особенно знаменательным в истории психоанализа, поскольку у Фрейда произошли три решающие встречи, одна из них – с Карлом Густавом Юнгом. Вторая встреча – с Максом Эйтингоном, который во время долгих прогулок с Фрейдом создал первый обучающий психоанализ. И наконец, третья встреча – с Карлом Абрахамом, который после трех лет работы у О. Блейлера в Цюрихе поселился в то время в Берлине.

Карл Густав Юнг (1875–1961)

Швейцарский психиатр Карл Густав Юнг стал основателем аналитической психологии. Родился Юнг в 1875 г. в Кесвиле в протестантской семье, его отец был пастором. В 1895 г. он начал обучаться медицине в Базеле, а в 1900 г. стал ассистентом Цюрихской психиатрической клиники, которой руководил Ойген Блейлер. Он очень рано заинтересовался спиритизмом и в 1902 г. опубликовал диссертацию под названием «Оккультные феномены (О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов)». В клинике Юнг составил психологический тест, основанный на словесных ассоциациях, он же ввел термин «комплекс», чтобы обозначить совокупность образов и фантазий, которые этот тест вызывал у подвергавшегося ему человека. Юнг использовал этот тест и при работе с пациентами-психотиками и опубликовал в 1907 г. работу «Психология шизофрении (dementia præcox)», которая стала классической. В этот период он вступил в переписку с Фрейдом, их первая встреча состоялась в феврале 1907 г.

Эти отношения с самого начала имели большое значение, поскольку в лице Юнга Фрейд обрел своего представителя в Бургольцли – клинике Блейлера в Цюрихе, одной из самых престижных психиатрических лечебниц той эпохи. К тому же сотрудничество с Юнгом, который принадлежал к швейцарской протестантской семье, делало очевидным неконфессиональный характер психоанализа. Фрейд писал Карлу Абрахаму о Юнге: «Только с его появлением психоанализ избежал опасности превратиться в дело одной лишь еврейской нации <...> нам необходимы товарищи арийцы». Фрейд питал живую симпатию к Юнгу, иногда называл его своим «сыном и наследником», уверенный, что Юнг способен стать его преемником. Не перенес ли он на Юнга частично идеализацию, которая до этого была направлена на Флисса? В 1909 г. вместе с Юнгом и Ференци Фрейд отправился в США по приглашению Университета Кларк. Сразу после этого Юнг был назначен первым президентом Международной психоаналитической ассоциации и стал главным редактором «Jahrbuch». В том же году он открыл частную практику в Кюсснахте, недалеко от Цюриха, где и провел всю оставшуюся жизнь.

Конфликт между Юнгом и Фрейдом обострился к 1912 г. Основная причина противоречий была в том, что Юнг отвергал теорию либидо, а также роль детской сексуальности, которую постулировал Фрейд. Вскоре после публикации своего труда «Либидо, его метаморфозы и символы» (1912), Юнг

окончательно расстался с психоаналитическим движением и оставил свой пост в Цюрихском университете. В этот период он прошел фазу декомпенсации, в ходе которой страдал от приступов тревоги и галлюцинаций. Затем посвятил себя углубленному самоанализу, который позже, в автобиографии, назвал «столкновением с бессознательным». Именно в этот период он выработал большинство понятий, которые относятся к его собственной концепции психической жизни: коллективное бессознательное, архетипы, индивидуация, юнгианское толкование сновидений, а также свой собственный терапевтический подход, который Юнг назвал «аналитической психологией».

С тех пор Юнг следовал своим путем и в постфрейдовский период постепенно стал главой собственной школы и приобрел широкую международную известность. В 1921 г. он опубликовал труд «Психологические типы», в котором предложил типологию психологического развития, основанную на концепции индивидуации. Взгляды Юнга на психологию разных народов привели к тому, что иногда он принимал расистские и даже антисемитские позиции и выказал двойственное отношение к идеологии национал-социализма. Во время войны 1939–1945 гг., часто удаляясь в башню, построенную по его распоряжению в Боллингене, Юнг посвящал себя психотерапевтической практике и писал множество работ. Его исследования касаются самых разных предметов, таких как алхимия, спиритизм, мистика – областей, которые он старался объяснить с помощью своей феноменологической концепции развития псюхе (души) путем индивидуации. Юнг умер в 1961 г. в Кюсснахте.

Каково положение Юнга и его творчества сегодня? По мнению Юджина Тэйлора (2002), Юнг представлялся историкам XX в. прежде всего учеником Фрейда, а теория Юнга – созданной в противоборстве с психоаналитической теорией. Однако последние исследователи истории глубинной психологии видят Юнга полноправным представителем течения «символической гипотезы», продолжающего трансцендентную психологию XIX в., и признают в то же время его долг перед Фрейдом. По мнению Тэйлора, его влияние сохраняет свое значение и в наши дни: «Растущий интерес к идеям Юнга внутри психотерапевтической контркультуры в странах Запада имеет самые древние корни. Тем не менее, признанные юнгианские аналитики продолжают связывать собственную идентичность с учением Фрейда и искать легитимизации в расширенном поле психологии и психиатрии, стараясь захватить и область психоанализа, в то время как у них есть собственное, но еще не востребованное ими наследство» (Taylor, 2002, p. 300).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1907a). Le délire et les rêdans «La Gradiva» de Jensen, trad. J. Bellemin-Noël. Paris: Gallimard, 1986. (Этот том состоит из двух частей: первая содержит оригинальный текст новеллы немецкого романиста Вильгельма Йенсена, озаглавленнной «Градива, помпейская фантазия»; вторая часть содержит комментарии Фрейда, озаглавленные «Бред и грезы в „Градиве“ Йенсена».)

- **Краткое содержание *Градивы***

Герой новеллы, Ханольд, археолог, страстно увлеченный своей работой и любитель путешествий, вел почти нормальную жизнь, хотя у него случались *«эпизодические приступы бреда»* (p. 214). Все свое детство Ханольд нежно любил маленькую девочку-соседку, Зоэ Бертганг (*«Bertgang»* значит по-немецки «идущая»). Но, став юношей, он, обеспокоенный своей развивающейся сексуальностью, отвернулся от этой девушки и от женщин вообще, вплоть до того, что игнорировал их существование. Между тем Ханольд увидел в музее античный барельеф, представляющий юную девушку, и был очарован ее грациозной походкой и изысканной постановкой ее стопы. Он приобрел и повесил у себя дома репродукцию, назвав эту девушку *«Градива»* (идущая). Чары загадочной юной римлянки воздействовали на него, все сильнее захватывая разум. Однажды ночью ему приснилось, что он находится в Помпеях незадолго до извержения Везувия и что он встречает Градиву: во сне он пытался предупредить ее об опасности, но тщетно. Проснувшись, движимый горячим бессознательным желанием, Ханольд отправился в Помпеи.

По прибытии на место среди руин застывшего под вулканической лавой города он встретил молодую женщину и принял ее за Градиву, на самом же деле это была не кто иная, как Зоэ – его соседка и подруга детства, тоже посетившая Помпеи. Романист талантливо описывает перипетии последовавших за тем встреч двух героев и искусно увлекает читателя, заставляя его разделить сомнения Ханольда и даже его бред: эта девушка, с которой он встречается мельком, на несколько мгновений, та ли она Градива, что жила две тысячи лет назад? Именно тогда начинается целительная роль Зоэ, *она же* Градива, как ее описывает Йенсен: действуя как терапевт, она частично входит в бред Ханольда, в то же время не обманывая его; она говорит с ним двусмысленно и осторожно, постепенно показывая ему его бредовые идеи, покуда он не отказывается от них. В конце концов герою удается распознать в Градиве личность Зоэ, в которую он и был, сам того не понимая, влюблен, отказавшись от идеи променять эту любовь на женщину с античного барельефа. В заключение повесть Йенсена удивляет нас, позволяя открыть один чрезвычайно значимый, с психоаналитической точки зрения, элемент: Ханольд, сам того не зная, был движим еще более ранним и более сокровенным детским желанием – отправиться на поиски матери, умершей, когда он был ребенком, как будто потерянное воспоминание о матери было скрыто под пеплом забвения в результате психологической катастрофы, сравнимой с извержением вулкана.

- **Вымышленные персонажи, рассматриваемые как клинические случаи**

В своем комментарии к рассказу Йенсена Фрейд изучает его вымышленные персонажи, как если бы это был клинический случай. Так, он показывает, что сновидения, фантазии и бред Ханольда могут быть изучены тем же психо-

аналитическим методом, что и сновидения и фантазии пациента в анализе. Например, когда Ханольду снится, что он встречает Градиву в Помпее, содержание его сна обнаруживает осуществление его вытесненного бессознательного желания вновь обрести любимую и желанную женщину, согласно теории, выдвинутой Фрейдом в *Толковании сновидений* (1900a). В то же время под воздействием вытеснения неприемлемых для его сознания сексуальных влечений Ханольд отворачивается от Зоэ, которую любит в реальной жизни, чтобы обратить свои чувства к мифической женской фигуре – Градиве. Затем возвращение его вытесненных сексуальных влечений приводит к тому, что Ханольд предпринимает бредовое путешествие в Помпеи, видит галлюцинации с появлением Градивы и не узнает Зоэ. Иначе говоря, тезис романиста поддерживает мнение Фрейда, так как демонстрирует, что именно вытеснение сексуальных влечений является причиной снов и бреда Ханольда. С другой стороны, Фрейд показывает, что сны, которые писатель приписывает своему герою, можно интерпретировать тем же способом, что и сны пациентов в психоанализе. Наконец, Фрейд указывает на сходство между терапевтической ролью психоаналитика и той ролью, которую у Йенсена играет Зоэ, поскольку именно она помогает Ханольду постепенно научиться отличать галлюцинацию от реальности и сознательно принять свое желание к самой Зоэ, живой женщине, чье имя означает «жизнь».

Эволюция понятий

Фрейд и художественное творчество

В 1907 г. Фрейд впервые изучает литературное произведение в свете психоанализа. Итак, остановимся на его отношениях с художественным творчеством. Произведения искусства, особенно литературные произведения, всегда привлекали особый интерес Фрейда и других психоаналитиков своей способностью пробуждать глубокие чувства зрителей или читателей. В некоторых литературных произведениях особые темы, например драма Эдипа у Софокла или драма Гамлета у Шекспира, обозначили параллели между событиями, происходящими с вымышленными персонажами, и конфликтами, которые наблюдаются у пациентов в психоанализе. Эти сближения позволили психоаналитикам, и в первую очередь Фрейду, анализировать жизнь литературных персонажей по аналогии с рассмотрением клинических случаев.

Фрейд ставит вопрос о том, что же толкает художника на создание произведения искусства и что обеспечивает эмоциональное воздействие последнего на зрителя или читателя. По мнению Фрейда, художник черпает творческое вдохновение в своем собственном бессознательном и проецирует внутренний мир своих фантазий на произведение: живописец – на холст, писатель – на своих персонажей: «*Писатель направляет свое внимание на бессознательное, он караулит его проявления и придает им артистическое выражение вместо того, чтобы вытеснять их сознательной критикой. Таким образом, он извлекает из самого себя и своего собственного опыта то, что мы узнаем от других: каким законам должна подчиняться*

деятельность бессознательного» (1907a, p. 243). Это позволяет подвергнуть анализу не только произведение, но и самого автора.

Что касается воздействия, которое литературное произведение или произведение искусства оказывает на читателя или зрителя, то, по мнению Фрейда, произведение воздействует путем идентификации. Эта идентификация, видимо, производится вытесненными желаниями художника, скрытыми в форме, которую автор дает произведению, а также в намерении художника пробудить в том, кто созерцает последнее, то же эмоциональное движение, которое вдохновило его (Freud, 1914d).

Вслед за Фрейдом многие психоаналитики внесли свой вклад в изучение произведений искусства. Из недавних работ стоит упомянуть работу Х. Сигал (Segal, 1991), которая пошла дальше, чем Фрейд: по ее мнению, художник посредством своего искусства не только стремится выразить бессознательное желание, он также ищет *фантазматическое решение* бессознательной проблемы и пытается через свое творение выразить *потребность в репарации,* которая одухотворяет его творческий порыв. Сигал проводит параллель между произведением искусства и сновидением; в то же время, в отличие от сновидений, произведения искусства имеют свойство *воплощаться* в материальной реальности, поэтому их эстетическое воздействие частично зависит от того, как художник использует конкретную материальную основу, чтобы символически выразить свои фантазии: *«...<художник –> это не просто мечтатель, он великолепный ремесленник. Ремесленник может не быть художником, но художник должен быть ремесленником»* (Segal, 1991, p. 176).

Постфрейдисты

В *Градиве* сочетаются невроз и психоз?

Работа *Бред и грезы в «Градиве» Йенсена* представляет интерес не только с точки зрения прикладного психоанализа литературного произведения, но и с клинической и теоретической точки зрения. Что касается клинического подхода, Фрейд с неподражаемым талантом наблюдателя описывает широкий спектр симптомов, которые он относит к невротическим, например отказ героя от женщин и эпизодический галлюцинаторный бред. В то же время, рассматривая галлюцинации Ханольда, Фрейд говорит только о «бреде», он не употребляет термин «психоз». Можно ли, тем не менее, говорить в данном случае о психозе?

Мнения психоаналитиков-постфрейдистов по этому вопросу расходятся. Те, кто придерживается точки зрения Фрейда, высказанной в его работе, относят бред Ханольда к временным непсихотическим нарушениям сознания, которые можно наблюдать у невротической личности (Jeanneau, 1990). По мнению других постфрейдистских психоаналитиков, которые читают *Градиву,* учитывая более поздние работы Фрейда об отрицании реальности и расщеплении Я, галлюцинации Ханольда принадлежат к той части его Я, которая отрицает невыносимую реальность, в то время как другая часть

Я ее принимает. С этой точки зрения, выздоровление наступает, когда эта последняя, принимающая реальность часть берет верх над отрицающей реальность частью Я. Так, по мнению Ф. Ладама (1991), бред и галлюцинации героя могут быть типичны для психопатологии, наблюдаемой у подростков, и сегодня мы говорили бы в этом случае о психотической декомпенсации, которая может иметь различный исход. В свою очередь, Д. Кинодо (Quinodoz, 2002) показала, что Фрейд имплицитно предлагает нам модель, обучающую психоаналитика, «как обращаться к „сумасшедшей" части наших пациентов, не выпуская из виду остальную их личность» (p. 60). По ее мнению, то, что Ханольд в одно и то же время бредит и ведет почти нормальный образ жизни, свидетельствует о расщеплении его Я, как это часто бывает в наши дни у пациентов, которых она называет «гетерогенными». Сосуществование в одной личности части, охваченной бредом, и другой, отдающей себе отчет в реальности, требует со стороны психоаналитика особого технического подхода. Так, хотя в новелле Йенсена Зоэ не обманута бредом Ханольда, она воздерживается от прямого разговора на эту тему: она ведет *двусмысленную беседу,* которая может быть воспринята и как его часть, находящаяся в бреду, и как его часть, укорененная в реальности.

Если мы перечитаем тексты Фрейда в свете его работ последнего периода, то сможем убедиться, что в большинстве описанных им клинических случаев встречается это сближение механизмов, характерных для психоза, и механизмов, свойственных неврозу, еще не концептуализированное, начиная с *Исследования истерии* и до случая *Человека с волками* в 1918 г. В *Очерке о психоанализе* (1940a [1939]) Фрейд показывает, что часть Я, которая отрицает реальность, и часть, которая ее принимает, в различных пропорциях встречаются не только при психозе, но и при неврозе, и даже у нормального индивида.

Наконец, некоторые комментарии обращают наше внимание на проблематику фетишизма, которая, как показал Ж. Бельман-Ноэль (1983), постоянно присутствует в текстах Фрейда: от фетишизации ноги до фетишизации походки Градивы.

Хронология понятий

Галлюцинаторный бред – галлюцинация – невроз – прикладной психоанализ литературного произведения – психоз.

«АНАЛИЗ ФОБИИ ПЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА» (СЛУЧАЙ МАЛЕНЬКОГО ГАНСА) S. FREUD (1909b)

Первый детский психоанализ

Работа представляет собой отчет о первом случае детского психоанализа. Отец ребенка, Макс Граф, сам проводил лечение «маленького Ганса» (Герберта Графа), подобная практика не была редкостью в то время. Анализ проходил с января по май 1908 г. и супервизировался Фрейдом на основе записей, которые отец регулярно вел и пересылал ему. Лично Фрейд вмешался в анализ только один раз, в ходе решающего разговора с отцом и ребенком. Фрейд составил отчет об этом лечении, который опубликовал в 1909 г. с разрешения отца мальчика в новом психоаналитическом издании – в «Jahrbuch für psychoanalystische und psychopathologische Forschungen» (Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований), решение о его создании было принято годом раньше, на Первом психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге (1908). Этот недолговечный журнал появился накануне Первой мировой войны.

Чему нас учит знакомство с этим случаем? В первую очередь, случай «маленького Ганса» дал Фрейду столь необходимое доказательство его гипотез, касающихся существования детской сексуальности вообще; во-вторых, излечение фобии стало мастерской демонстрацией терапевтических возможностей психоанализа не только для взрослых, но и для детей.

Биографии и история

«Маленький Ганс»: карьера блестящего директора оперы

Родители маленького Ганса и Фрейд были хорошо знакомы. Мать мальчика, Ольга Граф, несколькими годами раньше проходила анализ у Фрейда. Отец Ганса, Макс Граф, композитор и музыкальный критик, познакомился с Фрейдом в 1900 г., глубоко увлекся открытиями психоанализа и регулярно принимал участие в проходивших по средам собраниях Психоаналитического общества, вплоть до 1913 г. Начиная с 1906 г., когда Гансу не было еще и трех лет, Макс Граф регулярно передавал Фрейду записи своих наблюдений за сыном, которые стал вести в ответ на просьбу Фрейда ко всем близким ученикам записывать все, что касается детской сексуальности: это требовалось, чтобы подтвердить гипотезы, выдвинутые в 1905 г. в «Трех очерках

по теории сексуальности». Фрейд воспользовался некоторыми наблюдениями отца маленького Ганса в двух своих статьях: «К вопросу о сексуальном просвещении детей» (1907c) и «О сексуальных теориях инфантильности» (1908c). Что касается случая «маленького Ганса», опубликованного в 1909 г., тут мы находим отчет о работе интерпретации и проведенной проработке, которая привела к частичному разрешению глубинных конфликтов, лежащих в основе фобического симптома.

Позднее Фрейд потерял из виду и ребенка, и его родителей, но в послесловии к изданию 1922 г. писал, что в том же году к нему пришел молодой человек, который представился как описанный им некогда маленький Ганс. Фрейд был счастлив убедиться, что ребенок, которому «предсказывали все несчастья» (p. 198 [129]), прекрасно себя чувствует и больше не имеет никаких отклонений. Он узнал также, что родители молодого человека развелись и каждый из них вновь вступил в брак. И наконец, Фрейд с удивлением установил, что молодой человек не сохранил никаких воспоминаний о собственном психоаналитическом лечении.

Впоследствии Герберт Граф, чьим крестным отцом был композитор Густав Малер, стал известным оперным режиссером-постановщиком. Среди прочего он руководил Метрополитен Оперой в Нью-Йорке, позднее вернулся в Европу и закончил свою карьеру директором женевского Гранд-театра, он умер в Женеве в 1973 г. Ему сопутствовал блестящий профессиональный успех, но его супружеская жизнь была отмечена разочарованиями, которые в 1970 г. заставили его возобновить анализ у женевского психоаналитика Хуго Солмса. Герберт Граф опубликовал четыре интервью с журналистом Ф. Риццо, вышедших под названием «Воспоминания человека-невидимки» (1972), в которых публично признавал, что был «маленьким Гансом». Однако, в отличие от отца, Макса Графа, он не интересовался психоанализом, Максу Графу мы обязаны посмертной публикацией статьи Фрейда «Психопатические персонажи на сцене» (1942a [1905–1906]), рукопись которой автор подарил ему в 1906 г.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1909b). Analyse de la phobie d'un garçon de cinq ans (Le petit Hans) // Cinq psychanalises, trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein. Paris: PUF, 1954, p. 93–198 [страницы, указанные квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., IX, p. 1–130].

- **Важность признания сексуальности у маленького ребенка**

Отчет Фрейда состоит из двух частей: он открывается коротким введением, в котором собраны наблюдения, сделанные отцом «маленького Ганса», когда тот был в возрасте от 3 до 5 лет, т. е. в период, предшествующий появлению фобии; вторая часть содержит рассказ о ходе лечения, сопровождаемый комментариями Фрейда.

Прямые высказывания мальчика на сексуальные темы, дословно записанные его отцом, показали, что «маленького Ганса» весьма занимали загадки сексуальности во всех ее формах. Одновременно то, что наблюдалось у этого ребенка, можно было отнести к любому ребенку младшего возраста, речь не шла о случае патологии. Таким образом, наблюдения, сделанные отцом Ганса, подтверждали высказанные Фрейдом в *Трех очерках по теории сексуальности* гипотезы о существовании детской сексуальности, которые он выдвинул, опираясь в основном на воспоминания взрослых пациентов в ходе их анализа.

- **Ранние проявления детской сексуальности у «маленького Ганса»**

Вначале Фред находит в записях, сделанных отцом Ганса, подтверждение живого интереса мальчика к собственному телу, особенно к пенису, который он называет «*пипика*». Этот орган становится для него предметом неизбывного любопытства и источником удовольствия и тревоги, он постоянно задает вопросы о нем окружающим: «*Папа, а у тебя тоже есть „пипика?“*» – спрашивает он у отца, который отвечает утвердительно. Однако ответы, которые он получает, зачастую неоднозначны, особенно если вопросы касаются его матери и маленьких девочек. Однажды он наблюдает, как мать раздевается; она спрашивает его: «*Что ты так смотришь?*» – «*Я только смотрю, есть ли у тебя тоже пипика?*» – «*Конечно, – отвечает мать, – разве ты этого не знал?*» (1909b, p. 96 [8]). Допустим, своим двусмысленным ответом мать Ганса хотела сказать всего лишь, что у нее есть орган для мочеиспускания, или она намекала, что у нее тоже есть пенис? По мнению Фрейда, именно вторая версия имеет наибольшее значение в представлении маленького мальчика, и эта мысль порождает в его уме *детскую сексуальную теорию*, согласно которой у женщин, так же как и у мужчин, есть пенис. Фрейд поражен важностью этого убеждения для маленького мальчика – убеждения, которое может быть подкреплено словами матери, несмотря на противоречащие ему заявления отца, повторяющего, что у девочек нет пениса. Вот отрывок из подобного диалога между отцом и сыном:

«В следующее воскресенье, 15 марта, – записывает отец, – *Ганс обещал поехать со мной в Лайн. Сначала он упирается, но потом идет со мной. <…> По дороге я ему объясняю, что у его сестры нет такой пипики, как у него. У девочек и у женщин нет пипики – у мамы ее нет, и у Ханны нет и т. д.*

Ганс: А у тебя есть пипика?

Я (отец)*: Конечно. А ты как думал?*

Ганс (после паузы)*: Как же девочки делают пипи, если у них нет „пипики“?*

Я: У них нет такой „пипики“, как у тебя. Разве ты не видел, когда купали Ханну?» (p. 112 [27]).

Здесь же Фрейд выражает удивление, что дети зачастую имеют ошибочное восприятие на этот счет и что они не придают значения тому, что видят, – например, что у девочки нет «пипики», – и это приводит ребенка к переживанию первого страха кастрации. Отец рассказывает, что однажды мать застала Ганса, когда ему было три с половиной года, держащим руку

на пенисе: «*Если ты будешь так делать, – сказала она ему, – я позову доктора А..., который отрежет тебе пипику. Чем же ты тогда будешь делать пипи?*» – «*Попой!*», – ответил ребенок (p. 95 [7]). Фрейд считает, что именно из-за подобной угрозы мальчик приобретает «комплекс кастрации», который затем играл решающую роль в появлении невроза.

Наблюдая за развитием событий, мы не перестаем удивляться настойчивости вопросов Ганса и его упорному стремлению установить истину, в особенности когда отец или мать дают не удовлетворяющие его ответы. Например, рождение сестры Ханны в октябре 1906 г., когда Гансу было три с половиной года, стало очень большим событием в его жизни.

«*14 апреля. Тема, касающаяся Ханы, находится на переднем плане,* – записывает для Фрейда отец мальчика. – *Он, как мы помним из прежних записей, испытывал огромную антипатию к новорожденному ребенку, отнявшему у него часть родительской любви; эта антипатия не исчезла полностью еще и теперь и только отчасти сверхкомпенсирована чрезмерной нежностью. Он уже часто высказывался, что аист не должен больше приносить детей, что мы должны дать аисту денег, чтобы тот не приносил больше детей из* ***большого сундука****, в котором находятся дети*» (p. 140 [60]). Ганс понял, что Ханна находилась там и что она вышла оттуда, как «*люмпф*» (придуманный им термин для обозначения испражнений). В течение месяцев, последовавших за рождением сестры, Ганс не только выказывает ревность, но и выражает несколько раз пожелания ей смерти, при этом открыто заявляя о любви к ней.

- **Эдипальная ситуация и конфликт амбивалентности по отношению к отцу**

Фрейд ликует, увидев, как подтверждаются «*самым очевидным образом*» все те идеи, которые он выдвинул в *Толковании сновидений* и в *Трех очерках по теории сексуальности*: «*Он действительно маленький Эдип, который хотел бы „устранить" своего отца, избавиться от него, чтобы остаться одному со своей красивой матерью, чтобы спать рядом с ней*» (p. 178 [98]). Пристрастие Ганса спать рядом с матерью и получать от нее *маленькие ласки* появилось в течение летнего отдыха во время отлучек его отца; и маленький мальчик выражал желание, чтобы отец *уехал* и *отсутствовал и дальше*, и даже объявил, что хотел бы, чтобы отец *умер*. По мнению Фрейда, этот пожелание смерти отцу можно найти у каждого маленького мальчика, оно является частью нормальной эдипальной ситуации; но когда оно обостряется, это желание может стать источником симптомов, как в случае Ганса. Таким образом, конфликт амбивалентности любви/ненависти становится центральным в эдипальной ситуации: «*То, что он теперь должен был ненавидеть как конкурента того самого отца, которого любил с давних пор и которого должен был продолжать любить дальше; что тот был для него образцом, его первым товарищем по играм и вместе с тем его воспитателем в первые годы жизни, – все это создало первый, поначалу неразрешимый эмоциональный конфликт*» (p. 188 [117–118]).

Фрейд также отмечает, что в детстве Ганс был одинаково нежен как с девочками, так и с мальчиками и что он «*гомосексуален, как и все дети, полностью в соответствии с фактом, который нельзя упускать из виду, что* ***он знает только один вид гениталий****, такие гениталии, как у него*» (p. 171 [97]). В этом тексте, как и в последующих своих работах, Фрейд отводит пенису центральное место в психосексуальном развитии как мальчиков, так и девочек; в то же время он допускает мысль, что мальчик может предполагать существование вагины: «*Основываясь на своих ощущениях от пениса, он был на пути к тому, чтобы постулировать вагину, но он все не мог разрешить загадку, потому что в его представлениях не существовало ничего похожего на то, что требовал его пенис; более того, на пути решения стояла убежденность в том, что мама владеет такой же „пипикой", как у него*» (с. 189 [118]). Хотя в этом тексте Фрейд неоднократно упоминает о фантазиях, специфически соединенных с женской сексуальностью, он не связывает их явным образом с определенной концепцией женской сексуальности, подобной мужской сексуальности: эта задача ляжет на плечи его последователей, особенно женщин-психоаналитиков. Собственно концепция Фрейда о сексуальности навсегда останется «фаллоцентрической», т. е. основанной на идее, что разница между полами в основном определяется наличием или отсутствием пениса. По моему мнению, эта концепция равнозначна устойчивости у Фрейда детской сексуальной теории по вопросу различия полов, как мы видели выше.

- **Процесс излечения детской фобии с помощью психоанализа**

Причиной анализа маленького Ганса стало появление серьезной фобии: ребенок начал отказываться выходить из дома и гулять по улицам из страха быть укушенным или опрокинутым лошадью. Фрейд рассматривает образование этого фобического симптома как результат компромисса: по его мнению, страх Ганса быть укушенным лошадью был результатом смещения на это животное бессознательной тревоги быть кастрированным отцом. Но откуда происходит сам страх кастрации? Клинический материал показывает, что страх Ганса основан на невозможности для него разрешить эдипальный конфликт: с одной стороны, Ганс испытывал сильную инцестуозную привязанность к матери, вплоть до того, что выражал желание лечь рядом с ней и устранить своего отца – невыносимое для ребенка желание; с другой стороны, маленький мальчик испытывал сильную привязанность к своему отцу и в то же время ненавидел его как соперника, который стоял на его пути к матери, что также было невыносимо. По мнению Фрейда, это соединение инцестуозного стремления Ганса к матери и чувства вины за свою ненависть к любимому отцу вызвало у ребенка страх быть наказанным кастрацией за запретные желания.

Но разве не наблюдаем мы при ближайшем рассмотрении аналогичную эдипальную ситуацию у любого маленького мальчика? Что позволяет нам отличить нормальную эдипальную ситуацию от патологической, обычный страх кастрации от страха кастрации, который провоцирует фобический симптом? Конечно, можно думать, что рождение маленькой сестренки, ко-

гда Гансу было три с половиной года, усилило в нем эдипальный конфликт, тем самым увеличив его ревность к сестре и обиду на родителей, которые произвели ее на свет.

По мнению Фрейда, патогенный фактор, вызвавший фобию, следует искать не в том, что Ганс желал смерти сестре, потому что эти желания он высказывал открыто. Настоящую причину фобии следует искать в том, что Ганс желал смерти отцу, поскольку эти мысли были вытеснены в бессознательное. Чувствовать подобную ненависть к любимому отцу было недопустимо для сознания ребенка, поэтому агрессивные импульсы по отношению к нему были вытеснены и страх быть кастрированным отцом был смещен на страх быть укушенным или сбитым лошадью. Этот симптоматический компромисс позволил маленькому Гансу сохранить сознательную любовь к отцу и избежать невыносимого чувства ненависти к нему, но сама ситуация завела его в тупик, из которого он не мог выбраться.

После того как обсуждение достигло этой критической точки, лечение застопорилось, поэтому Фрейд решил вмешаться. Во время приема, на котором присутствовали отец и сын, он обратил внимание на то, что детали внешнего вида лошадей, так пугавшие маленького Ганса, без сомнения, напоминали ему пенсне и усы отца, и он рассказал об этом открытии мальчику. Это был поворотный момент, который показал дорогу к выздоровлению. Фрейд вмешался и дал свою интерпретацию переноса маленького мальчика на отца. Это объяснение позволило ребенку осознать причины, по которым он перенес на животных и свое желание смерти отца, и свой страх быть кастрированным отцом.

Добавим, что анализ этого детского случая позволил Фрейду показать, что нет существенной разницы между патологическими проявлениями детской сексуальности и ее нормальными проявлениями. Например, страх кастрации, так же как и инцестуозные либидиальные или агрессивные влечения, присутствует и у ребенка, страдающего от специфической фобии, и у ребенка, чье развитие можно считать нормальным. Различие между нормой и патологией определяется, прежде всего, количественным фактором: когда внутренняя ситуация вызывает чрезмерную тревогу, которую невозможно переработать, это вызывает появление симптомообразующего компромисса. Наконец, Фрейд рассматривает этот детский невроз как модель, которая может быть обобщена, поскольку показывает, что невроз взрослого человека тесно связан с детским комплексом, который мы можем увидеть в фобии маленького Ганса. В 1927 г. в работе *Торможение, симптом и тревога* Фрейд пересмотрит случай маленького Ганса после того, как переработает свою теорию тревоги в свете введения понятия Сверх-Я, которое еще не было сформулировано им в 1909 г.

Постфрейдисты

Активные и пассивные тенденции «маленького Ганса», пересмотренные задним числом

Случай «маленького Ганса» вызвал множество комментариев, некоторые из них я хотел бы рассмотреть. Многие психоаналитики справедливо от-

метили, что Фрейд в своих интерпретациях принимал во внимание только фантазии, связанные с желанием маленького Ганса идентифицироваться с отцом, став мужем матери и заняв место отца, таким образом отдавая предпочтение прямому или позитивному эдипову комплексу и не учитывая обратного, или негативного, эдипова комплекса. Но, по мнению Силверман (Silverman, 1980) и Франуель (Frankiel, 1991), некоторые элементы в отчете Фрейда показывают, что Ганс был также одержим желанием идентифицироваться с матерью и занять ее место: например, отчет выявляет эротизированную привязанность сына к отцу, его желание родить от отца детей, как мать, т. е. его идентификацию с беременной матерью и в то же время его ярость и чувство соперничества с ней. Можно задаться вопросом, почему Фрейд не воспользовался этим материалом, несмотря на то, что уже начинал понимать всю важность бисексуальности и необходимость для ликвидации невроза интерпретировать не только желания и защиты, связанные с прямым эдиповым комплексом, но и те, которые связаны с обратным, или негативным, эдиповым комплексом. Чтобы понять причину подобного уклонения, отметим, что в эпоху лечения «маленького Ганса» Фрейд использовал понятие конституциональной бисексуальности и что он еще не ввел понятие психической бисексуальности, которое появится лишь в 1923 г., в то же время, что и понятие негативного, или обратного, эдипова комплекса. Можно также предположить, что Фрейд мало говорил о конфликте маленького мальчика с матерью из соображений конфиденциальности, поскольку мать Ганса ранее была в анализе у Фрейда. Наконец, часто отмечают, что Фрейд мастерски описывает клинические феномены, которые лишь позднее будут концептуализированы самим Фрейдом или его последователями. Именно поэтому современные читатели перечитывают работы Фрейда всегда с новым интересом.

П. Махони (Mahony, 1993), в течение двух лет тщательно изучавший наблюдения Макса Графа над сыном, первым поставил вопрос о том, какие неизбежные искажения повлекла за собой запись данного клинического материала. Он считает, что эта запись сыграла определяющую, относящуюся к переносу роль в лечении маленького мальчика и что решительный поворот в лечении произошел в тот момент, когда сам «маленький Ганс» стал принимать активное участие в написании отчетов, а именно стал диктовать отцу то, что хотел бы передать Фрейду: «*Если я напишу все профессору, не правда ли, что моя „глупость" пройдет быстрее?*» (Фрейд, 1909b, p. 135). Обыгрывая многозначность слов, П. Махони дает своей статье название «The dictator and his cure»[1], чтобы в сжатом виде подчеркнуть властную решимость маленького мальчика и его активное участие в работе над отчетами, которые стали «*его собственной деятельностью*» (Mahony, 1993, p. 1250).

1 «Диктатор и его исцеление» или «Диктующий и его исцеление». – *Прим. ред.*

Биографии и история

Первые детские психоаналитики

Гермина Гуг-Гельмут (1871–1924)[1]

Гермина Гуг-Гельмут мало известна в наши дни, хотя она стала первым в истории детским психоаналитиком. В 1910 г., пройдя анализ у Исидора Айзека Садгера[2], она решила оставить работу учителя и полностью посвятить себя детскому психоанализу. В 1913 г. она была принята в члены Венского психоаналитического общества и участвовала в его собраниях по средам. Она опубликовала множество статей, в которых возводила начало интеллектуального и аффективного развития ребенка, так же как и его первые сексуальные переживания и мастурбацию, уже к первым неделям его жизни. Гермина Гуг-Гельмут первой из психоаналитиков обратила внимание на то, какой огромный интерес для анализа представляют детские игры. Она использовала наблюдение за играми только в целях изучения развития детей; использование игры в собственно терапевтической технике стала развивать позднее Мелани Кляйн, а затем Анна Фрейд. В 1920 г. на конгрессе в Гааге Гермина Гуг-Гельмут настаивала на том, что при проведении детского анализа необходимо учитывать «педагогический» и «воспитательный» моменты (C. and P. Geissmann, 1992). Гермина Гуг-Гельмут погибла в 1924 г.: она была убита собственным племянником Рольфом, которого мальчиком взяла к себе в анализ из-за нарушений поведения. Это убийство было использовано противниками психоанализа, чтобы публично объявить о риске, которому психоанализ подвергает детей и подростков[3].

Мелани Кляйн (1882–1960)

Потери, скорбь и депрессия

Мелани Кляйн родилась в Вене в 1882 г. Она рано столкнулась с горем, еще в возрасте четырех лет потеряв старшую сестру. У нее были заостренно амбивалентные отношения с матерью, которую она описывала впоследствии как властную и бесцеремонную. У Мелани случались периоды глубокой депрессии. В 1902 г. в возрасте 20 лет она потеряла еще и горячо любимого брата Эммануэля. Через год, в 1903 г., она вышла замуж за инженера Артура Кляйна, от которого у нее было трое детей: Мелитта, родившаяся в 1904 г.; Ганс, 1907 г. рождения; и Эрик, который появился на свет в 1914 г., через год

1 Полное имя: Hermine von Hug-Hellmuth-Hug von Hugenstein; родилась в Вене, физик по образованию, работала преподавателем в гимназиях; затем стала психоаналитиком.

2 Isidor Isaak Sadger (1867–1942) – венский врач и психоаналитик. – *Прим. ред.*

3 Гермина Гуг-Гельмут предвидела подобный конец и оставила текст, в котором просила в случае трагического исхода не упоминать ее имени в связи с психоаналитическим движением, чтобы его не компрометировать. Имя ее оказалось предано забвению на долгие годы. – *Прим. ред.*

после смерти матери Мелани. В 1914 г. Мелани Кляйн прошла свой первый анализ у Шандора Ференци в Будапеште, и именно он пробудил ее интерес к ранним фантазиям и детскому психоанализу. В 1919 г. она представила сообщение под названием «Развитие ребенка» (Кляйн, 1921), где излагала свои первые наблюдения за маленьким ребенком, которым был ее собственный сын Эрик, и стала членом Венгерской психоаналитической ассоциации. В том же году Мелани Кляйн вследствие политических волнений и возросшего антисемитизма покинула Венгрию и поселилась с детьми в Берлине, в то время как ее муж переехал в Швецию. Они развелись в 1923 г.

Техника детского психоанализа

Именно в Берлине Мелани Кляйн стала применять свою технику наблюдения за детьми со строго психоаналитической точки зрения, так названную ею. Она начала свой второй анализ у Карла Абрахама, чьи взгляды оказали на нее сильное влияние: впоследствии она всегда ссылалась на него и утверждала, что ее творчество является развитием его взглядов (Segal, 1979). Но ее анализ был прерван из-за смерти Карла Абрахама в декабре 1925 г. В том же году она получила приглашение прочитать курс лекций в Лондоне, где нашла полную поддержку своим взглядам, какой больше не встречала в Берлине после смерти Абрахама. Приглашенная Джонсом на постоянное жительство в Англию, она покинула Берлин в сентябре 1926 г. и немного позже приняла решение переехать в Лондон окончательно. В 1932 г. Мелани Кляйн опубликовала «Детский психоанализ» – труд, в котором представляла свои новые взгляды по поводу раннего развития девочки и мальчика.

Конфликты с Анной Фрейд

По приезде Мелани Кляйн была благожелательно принята британскими коллегами. Однако к 1927 г. Анна Фрейд выработала собственную концепцию детского анализа и стала подвергать теорию Мелани Кляйн все более язвительной критике (Grosskurth, 1986). Тем не менее коллеги из Британского психоаналитического общества считали Мелани Кляйн ведущим ученым и новатором, она имела очень большое влияние на их методы работы (Hinshelwood, 2002). Мелани Кляйн как раз начала работу над своей ключевой статьей о депрессии, завершенной в 1935 г., когда в результате несчастного случая в горах в апреле 1934 г. в возрасте 26 лет погиб ее сын Ганс. Это был особенно тяжелый для Мелани Кляйн год, когда она подверглась нападкам со стороны Э. Гловера – аналитика ее собственной дочери Мелитты Шмидеберг и самой Мелитты. Последняя, помимо прочего, обвиняла мать в том, что та стала причиной «самоубийства» ее брата, хотя в действительности речь шла о несчастном случае. Но еще более сильная оппозиция сформировалась после 1938 г., когда в Лондон, спасаясь от нацистов, вместе с отцом прибыла Анна Фрейд. С целью сравнения теоретических позиций обеих сторон и для уточнения их концепций Британское общество организовало в 1943 г., в самый разгар войны, ряд конференций, известных под названием «Большой научный спор» и давших начало примечательным трудам (King, Steiner, 1991). Вследствие достигнутого джентльменского соглашения внутри Британского общества образовались три психоаналитические группы.

Одну возглавила Анна Фрейд, другую – Мелани Кляйн, третью группу составило большинство членов Общества, не принявших ни одной из сторон, – это так называемая «Middle Group», которая после смерти Мелани Кляйн была переименована в «Независимую группу». Эти три отдельные группы существуют и сегодня, но научные разногласия между их членами сгладились (King, Steiner, 1991).

Новаторская техника анализа посредством игры

Мелани Кляйн стала создателем нового метода детского психоанализа. В техническом плане это, прежде всего, техника игры, которую она разработала на основе детского анализа, и не только в целях наблюдения. «Гениальность идеи Кляйн состояла в том, что она заметила: самый естественный способ выражения для ребенка – это игра; игра может быть, следовательно, использована как средство общения с ребенком. Для ребенка игра – это не просто игра, это еще и работа. Это не только способ исследования и освоения внешнего мира, но и способ выразить и проработать фантазии, средство исследования и освоения страхов. В игре ребенок разыгрывает свои бессознательные фантазии и таким образом прорабатывает и интегрирует свои конфликты» (Segal, 1979, p. 32). Другими словами, детская игра проявляет те же фантазии, что и сновидение, но в отличие от последнего игра – уже испытание реальностью.

Кроме того, Мелани Кляйн считала, что ребенок осуществляет мгновенный и очень мощный перенос на психоаналитика и что необходимо наравне с позитивным интерпретировать негативный перенос. Это мнение противоречит точке зрения Анны Фрейд, полагавшей, что начинать следует с подготовки ребенка к анализу путем создания терапевтической связи. Помимо этого, Мелани Кляйн утверждала, что воспитательным методам, которые проповедовали Гермина Гуг-Гельмут и Анна Фрейд, не место в детском психоанализе, что они могут только помешать ему. По ее мнению, истинная психоаналитическая ситуация может быть создана только аналитическими средствами. Постепенно, с 1919 по 1923 г., Мелани Кляйн будет уточнять специфические рамки детского анализа, включающие строгое расписание и наличие у каждого ребенка коробки с игрушками: домиками, фигурками различных персонажей обоих полов и разных размеров, животными, пластилином, карандашами, веревочками и ножницами. С точки зрения Винникотта, этот набор послужил «самому ощутимому прогрессу в данной области» (Segal, 1979, p. 38).

В теоретическом плане опыт, приобретенный Мелани Кляйн в области детского анализа, позволил ей выдвинуть гипотезы, которые значительно расширили наши знания, в частности, о том, что касается ранних стадий детского развития. С этой точки зрения, можно сказать, что если Фрейд открыл ребенка во взрослом, то именно Мелани Кляйн открыла в ребенке младенца.

Сопоставление взглядов З. Фрейда и М. Кляйн

По большинству вопросов Мелани Кляйн стоит на фрейдистских позициях, в полном согласии с основными психоаналитическими постулатами,

выдвинутыми Фрейдом, такими как существование бессознательного, роль детской сексуальности, эдипов комплекс, перенос, и с другим основными пунктами. В то же время ее точка зрения по некоторым вопросам отличается от мнения Фрейда и выводы, к которым она приходит, долго отвергались. Однако сегодня многие психоаналитики признают большую часть выдвинутых ею гипотез.

Вот несколько моментов, которые отличают позицию М. Кляйн от позиции Фрейда. Например, она очень рано постулировала, что объект известен ребенку с самого начала жизни, ставя тем самым под вопрос позицию Фрейда, который полагал, что грудной младенец открывает для себя существование объекта значительно позже (гипотеза о первичном нарциссизме). Мелани Кляйн также показала, что эдипов комплекс, возникает значительно раньше, чем об этом думал Фрейд, и что существует «ранний эдипов комплекс» (1928). По ее мнению, в основе этого архаического комплекса лежат не только генитальные, но и оральные и анальные импульсы, и образуется он по отношению к частичным объектам, а не к целостным. Таким образом, М. Кляйн сделала ранний эдипов комплекс важным компонентом своей теории архаических объектных отношений. Кроме того, Кляйн дала более полное, чем у Фрейда, описание психосексуального развития мальчика и девочки. Она придает большее, чем он, значение фиксации мальчика на матери, такую фиксацию Фрейд видит только у девочки. Ее концепция женской сексуальности также отличается от концепции Фрейда, поскольку для нее женская сексуальность не является лишь «кастрированным» эквивалентом мужской сексуальности, это специфическая сексуальность, основанная на том, что уже в самом раннем возрасте представители обоих полов знают о существовании вагины. Кляйн также описывает фундаментальную тревогу маленькой девочки, ее страх быть вскрытой и опустошенной, страх проникновения внутрь ее тела (1932).

М. Кляйн постулировала также существование раннего, чрезвычайно сурового Сверх-Я, чье образование предшествует эдипову комплексу, а не следует за ним, как постулировал Фрейд. В одной из заметок 1930 г. Фрейд явно ссылается на точку зрения Кляйн: «Опыт показывает нам, что суровость Сверх-Я у ребенка вовсе не зависит от строгости обращения с ним» (Freud, 1930a [1929], p. 98, n. 1). Позднее это привело к утверждению таких оригинальных понятий, как депрессивная позиция (1935, 1940), а потом и параноидно-шизоидная позиция, и проективная идентификация (1946); чтобы понять и принять эти понятия, потребовалось некоторое время.

Наконец отметим, что М. Кляйн разделяла гипотезы Фрейда о существовании влечения к смерти и внесла важный вклад в разработку этой идеи, когда предложила свое понятие «первичной зависти», более ранней, чем ревность (Кляйн, 1957). Понятие зависти позволяет применить в клинической практике определение важности, присущей последствиям конфликта влечения к жизни – влечения к смерти. Это понятие оставалось, по существу, теоретическим до того, как получило развитие в работах кляйнианцев и посткляйнианцев.

Анна Фрейд (1895–1982)

Анализ у собственного отца

Анна Фрейд, третья дочь Зигмунда и Марты Фрейд и самая младшая из шестерых детей, стала одним из основателей детского психоанализа. С отроческих лет она живо интересовалась психоанализом, но вначале получила педагогическое образование и до 1920 г. работала воспитательницей. В период полового созревания Анна начала страдать фантазиями о порке, и этот симптом стал одной из главных причин прохождения ею первого анализа (с 1918 по 1922 г.), за ним последовал второй анализ (1924). Она проходила анализ у своего отца – подобная практика в ту эпоху не была чем-то исключительным, поскольку еще не были оценены ее отрицательные последствия для отношений переноса и контрпереноса. В 1922 г. Анна Фрейд представила доклад – автобиографические клинические заметки о фантазиях порки и была в возрасте 27 лет принята в Венское психоаналитическое общество.

Детский психоанализ в понимании Анны Фрейд

В 1925 г. в Вене Анна Фрейд открыла семинар, посвященный детскому психоанализу. Через два года она представила свои личные взгляды в работе под названием Психоаналитическое лечение детей (1927). Говоря о технике, она рекомендовала использовать детские сновидения и рисунки, а также игру, но в основном в целях наблюдения. Она считала также, что аналитик должен сочетать воспитательный подход с психоаналитическим; этот взгляд она оставила, когда открыла роль, которую играют защитные механизмы, что позволило ей интерпретировать первые проявления сопротивления у ребенка. В этой же работе Анна Фрейд формулирует свою первую критику позиции Мелани Кляйн. В тот период разногласия между ними в основном касались переноса, чье появление Кляйн относила к самому раннему периоду жизни, а Анна Фрейд – к более позднему. Другие разногласия касались игры, а также природы Сверх-Я, которую Кляйн полагала жестокой и примитивной, а Анна Фрейд считала, что Сверх-Я у ребенка еще не может быть интегрировано в связи с незрелостью Я.

К концу 1920-х годов Анна Фрейд начала интересоваться процессами созревания Я и проблемами адаптации, она сотрудничала с одним из основателей эго-психологии Хайнцем Хартманном до тех пор, пока он не эмигрировал из Вены в Соединенные Штаты. В то же время не следует забывать, что Анна Фрейд всегда соблюдала дистанцию по отношению к эго-психологии и что в своей терапевтической работе она использовала как первую топику, так и вторую, в своем выборе руководствуясь тем, что считала лучшим для пациента.

Я и механизмы защиты

Чтобы понять вклад, внесенный Анной Фрейд в психоанализ, важно иметь в виду некоторые аспекты ее личности, сильно повлиявшие на ее профессиональную жизнь. В творчестве Анны Фрейд проявились, с одной стороны, ее сильная идентификация с отцом, от которой она так и не смогла

избавиться, а с другой – ее способность развивать собственные, совершенно оригинальные идеи (Sandler, 1996).

В работе «Я и механизмы защиты» (1936) Анна Фрейд рассматривает, каким образом Я вступает во взаимодействие с Оно, Сверх-Я и с внешней реальностью. Она показывает, что при патологии чрезмерное действие защит может вызвать обеднение Я и исказить восприятие реальности. Помимо уже известных механизмов защиты, Анна Фрейд описала две новые формы: «идентификацию с агрессором», сочетающую в себе идентификацию и проекцию, и «альтруистическое подчинение», при котором субъект отказывается от собственных желаний и проживает их посредством другого. В этой же работе Анна Фрейд устанавливает различие между так называемыми примитивными защитами и развитыми защитами, требующими более высокого уровня зрелости Я.

Непосредственное наблюдение за ребенком

Начиная с самых первых своих работ Анна Фрейд придавала большое значение непосредственному наблюдению за ребенком постольку, поскольку последнее осуществляется глазами психоаналитика. Она считала, что такой тип наблюдения позволит лучше понять не только то, что переживает ребенок с первых дней жизни, но то, что результаты этих наблюдений помогут лучше разобраться в психоаналитической теории и практике.

К тому же ее деятельность по расширению поля психоанализа привела к созданию различных психоаналитических учреждений, в которых проводились как исследования, так и лечение. Так, в 1925 г. Анна Фрейд создала в Вене вместе Дороти Берлингем, остававшейся рядом с ней на протяжении всей ее жизни, учреждение для неблагополучных малолетних детей. В 1923 г. двое детей Дороти стали первыми пациентами Анны Фрейд – первыми «случаями» ее детского анализа. В Лондоне, куда вместе со всей семьей Фрейда Анна переехала в 1938 г., они с Берлингем открыли приют-ясли для детей, разлученных с родителями во время войны. В то же время, что и Джон Боулби, Анна Фрейд много занималась влиянием, которое оказывает на ребенка разлука с матерью, и после войны боролась за то, чтобы родители могли посещать маленьких детей в больнице, а матери самых маленьких могли бы находиться в больнице вместе с ними. Справедливо будет предположить, что ярко выраженная склонность Анны Фрейд заниматься заброшенными и покинутыми детьми имеет отношение к ее собственным чувствам младшего ребенка в семье, заброшенного взрослыми. Возможно, именно с этим связано ее стремление к профилактической работе в семьях и в ближайшем окружении детей.

Понятие «линии развития»

Теоретический и технический подход Анны Фрейд укоренен в концепции, в основе которой лежит понятие развития, но в более широком смысле, чем предполагала классическая теория. Действительно, долгое время понятие развития было тесно связано с понятием «стадий развития либидо», описанных Фрейдом в 1905 г. Постепенно появилась насущная необходимость включить в теорию детского развития самые важные понятия агрессии,

объектных отношений и отношений между Я, Оно и Сверх-Я. Ввиду этого Анна Фрейд предложила в работе «Нормальное и патологическое в ребенке» (1965) оригинальное понятие «линий развития». Это понятие основано на идее о том, что человек, имеющий психоаналитическое образование, может на основании тщательных наблюдений за поведением ребенка сделать правильные выводы о функционировании его внутреннего мира.

Исходя из понятия линий развития, Анна Фрейд старалась свести в единую картину все сложные феномены, одновременно возникающие в ходе развития ребенка и подростка до наступления зрелости. В числе таких направлений исследования линий развития можно привести в пример изучение эволюции разных типов тревоги в зависимости от возраста, изучение трансформаций, связанных с модификациями телесных функций – питанием, приучением к опрятности и т.д., а также изучение перехода от полной зависимости новорожденного к достижению автономии. Анна Фрейд настаивала на необходимости комплексного изучения индивидуального развития, главная идея психоаналитической работы состояла для нее в том, чтобы помочь ребенку восстановить нормальное развитие личности.

Обучение будущих детских психоаналитиков

В конце Второй мировой войны многие сотрудники приюта-яслей для детей, разлученных с родителями, захотели получить более основательное образование, чтобы стать детскими психотерапевтами. С этой целью в 1947 г. Анна Фрейд создала свой собственный образовательный курс. В 1952 г. она открыла Хэмстедскую детскую клинику – учебный центр, известный сегодня под названием «Центр Анны Фрейд». В этом учреждении осуществляется наблюдение за детьми не старше пяти лет, что является частью подготовки будущих «психоаналитически подготовленных детских психотерапевтов». В 1970 г. Британское психоаналитическое общество признало образование, которое дает «Центр Анны Фрейд», и сегодня он открыт для кандидатов, желающих стать детскими психоаналитиками.

Хронология понятий

Страх кастрации – детское любопытство – детский невроз – детская фобия – детский психоанализ.

«ЗАМЕТКИ О СЛУЧАЕ ОБСЕССИВНОГО НЕВРОЗА» (СЛУЧАЙ ЧЕЛОВЕКА С КРЫСАМИ) S. FREUD (1909d)

Обсессивные симптомы тоже имеют смысл и могут быть вылечены при помощи психоанализа

Психоаналитическое лечение Эрнста Ланцера, прозванного «Человек с крысами», стало для Фрейда подтверждением того, что серьезные обсессивные симптомы могут быть вылечены при помощи психоанализа с использованием той же процедуры, которая с успехом применялась при лечении истерии. Обсессивный невроз, или «болезнь сомнения», как его еще называют, характеризуется серьезными компульсивными расстройствами, налагающими значительные ограничения на жизнедеятельность человека: навязчивые мысли и руминации, компульсивное совершение нежелаемых действий, различные ритуалы, чтобы бороться с этими навязчивыми мыслями и действиями, и т. д. Например, Эрнста Ланцера приводила в ужас навязчивая мысль, что его отец подвергнется пытке с крысами – отсюда и прозвище, которое ему дал Фрейд. Поскольку симптомы обсессивного невроза лишают человека трудоспособности, до того времени их обычно расценивали как признак вырождения или органической слабости психики. Но успех, достигнутый Фрейдом в этом случае, позволил ему доказать, что обсессивный невроз – это болезнь психического происхождения и что он, так же как истерия, основан на бессознательных конфликтах сексуального и чувственного характера; к тому же, если с помощью анализа удается осознать воспоминание о значимых конфликтах, имевших место в детстве, тем самым удается устранить симптомы. Кроме того, это лечение позволило Фрейду выявить решающую роль анального эротизма в обсессивном неврозе, а также роль конфликта любви – ненависти, который после 1912 г. Фрейд называл «конфликтом амбивалентности».

Многие психоаналитики комментировали этот клинический случай, особенно после того, как стало доступно полное собрание клинических записей Фрейда. С этого момента появилась возможность ближе познакомиться с техникой Фрейда, понять ее сильные и слабые стороны в свете современного опыта.

Биографии и история

Эрнст Ланцер, или «Человек с крысами»

Эрнст Ланзер, 29-летний юрист, обратился за консультацией к Фрейду, поскольку страдал разнообразными обсессиями, вызывавшими серьезные сложности в его жизни. Ему потребовалось 10 лет, чтобы закончить обучение на факультете права в Вене, у него возникали большие трудности в профессиональной сфере; что касается личной жизни, он постоянно вынашивал мысль о браке. Эрнст Ланцер безуспешно консультировался у многих известных психиатров, а 1 октября 1907 г. начал проходить анализ у Фрейда. Последний сразу понял, какой научный интерес он может извлечь из работы с этим пациентом, которого считал одаренным. К тому же, по-видимому, Фрейд испытывал к нему большую симпатию и однажды даже пригласил на семейный обед – факт необычный и идущий вразрез с этическими принципами, которые он сам проповедовал. По ходу этого лечения Фрейд сделал четыре доклада об эволюции своего пациента на заседаниях собиравшегося по средам Венского психоаналитического общества. В 1908 г. Фрейд также сделал примечательный доклад, посвященный этому случаю, на 1-м Международном психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге. Эрнст Джонс, впоследствии его биограф, впервые увидевший Фрейда именно на этом конгрессе, рассказывал об огромном впечатлении, которое произвел на него этот мастерский доклад.

Кроме описания самого лечения, опубликованного Фрейдом в 1909 г., у нас имеются его ежедневные рукописные записи об этом случае, что является исключением, поскольку Фрейд имел обыкновение их уничтожать. Эти драгоценные записи обнаруживают литературный талант Фрейда, который выводит читателя за рамки собственно текста и заставляет почувствовать страхи Человека с крысами и эмпатию Фрейда по отношению к своему пациенту. Эти записи были частично опубликованы в 1955 г. в английском Стандартном издании (Freud S. 1909d, «Addendum: Original Record of the case», SE, X, p. 253–318), полный немецкий текст и французский перевод были опубликованы в 1974 г. Э. Р. Хавелка (E. R. Hawelka).

По всей видимости, Фрейд остался доволен полученными терапевтическими результатами: после проведенного лечения его пациент смог найти работу, хотя до консультации у Фрейда он был нетрудоспособен в течение многих месяцев. В августе 1914 г. Эрнст Ланцер был призван в армию, попал в плен к русским и погиб в ноябре 1914 г., вскоре после начала Первой мировой войны.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1909d). «Remarques sur un cas névrose obsessionnelle (l'Homme aux rats)», trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein // Cinq psychanalyses. Paris: PUF, 1954, p. 199–261 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., IX, 131–214].

- **Впечатляющая серия навязчивостей**

Придя на консультацию к Фрейду, Эрнст Ланцер описал ему впечатляющий ряд обсессивных симптомов, которые постепенно усугублялись, пока в последние два месяца не привели его к потере трудоспособности: безотчетный страх, что что-то может произойти с его любимым отцом или с его любимой *дамой,* страх поддаться невыносимому желанию перерезать себе горло бритвой, абсурдные запреты, которые все больше и больше захватывали его разум, полностью парализуя мысли и действия.

Фрейд с самого начала побуждал Эрнста Ланцера следовать правилу свободных ассоциаций, которое и сегодня остается фундаментальным правилом психоанализа: «*На следующий день он согласился соблюдать единственное условие, какого требовало от него наше лечение: высказывать все, что приходит ему в голову, даже если это мучительно для него, даже если мысль кажется ему* ***незначительной, бессмысленной или не имеющей отношения к делу****. Я оставил за ним выбор темы, с которой он хотел бы начать*» (p. 203 [139]). Действуя подобным образом, Фрейд уже на первом сеансе сумел избавить пациента от обсессивных образов голых женщин и от мысли о том, что его отец или его *дама* умирают. Пациент спонтанно заговорил с Фрейдом о том, что такой навязчивый вуайеризм впервые появился в возрасте 6–7 лет, когда красивая гувернантка брала его к себе в постель и позволяла себя ласкать. Этот ранний сексуальный опыт, сопровождавшийся сильным возбуждением и невыносимым чувством вины, стал причиной возникновения у маленького мальчика неразрешимого психического конфликта: «*Таким образом, мы видим эротическое влечение и движение протеста против него; желание (еще ненавязчивое) и боязнь (уже имеющую навязчивый характер); мучительный аффект и тенденцию к защитным действиям. Это полный список признаков невроза*» (p. 205 [142]).

- **Великая одержимость крысами**

Но именно анализ великой одержимости крысами позволил Фрейду продвинуться вперед в понимании истинных причин появления этого невроза и дал возможность устранить симптомы. Эти симптомы появились совсем незадолго до того, в августе, когда пациент, находясь на службе в армии, услышал, как один капитан рассказывает о жестокой восточной пытке: к ягодицам приговоренного прикрепляли горшок с крысами, которые прогрызали себе путь в задний проход. С того момента, как пациент услышал этот рассказ, на него нагоняла ужас навязчивая идея, будто этому наказанию подвергнут его отца, а потом его даму. Чтобы прогнать невыносимую мысль, он повторял некий жест, сопровождая его заклинанием: «Что это тебе приходит в голову?» При этом Фрейд заметил, что во всех наиболее важных местах рассказа лицо пациента принимало странное выражение, которое «*можно было понять как выражение ужаса от удовольствия, которого он в себе не подозревал*» (p. 207 [146]).

Этот рассказ стал отправной точкой детального анализа многочисленных навязчивых мыслей и действий, от которых страдал пациент, с систематическим использованием метода свободных ассоциаций. В итоге тщательной деконденсации всех симптомов Фрейду удалось шаг за шагом ликвидировать все навязчивые идеи и навязчивые действия своего пациента.

- **Безжалостная битва между любовью и ненавистью и анальный эротизм**

При анализе Человека с крысами Фрейд сосредоточился в своих интерпретациях на реконструкции двух основных конфликтов: с одной стороны, трехстороннего конфликта между пациентом, его отцом и его дамой – конфликта, который Фрейд рассматривал в основном с точки зрения эдипальных отношений пациента с его отцом; с другой стороны, конфликта между любовью и ненавистью, поскольку обсессии явились результатом потери аффективного равновесия, поскольку ненависть стала сильнее любви: «*Этого влюбленного борьба между любовью и ненавистью, которые он испытывал к одной и той же личности, привела в бешенство*» (p. 223 [164]). К тому же эдипальный конфликт и конфликт «любовь–ненависть» тесно переплелись, образовав почти нераспутываемый клубок, что характеризует обсессивный невроз и его симптомы.

В своем отчете об этом лечении Фрейд делает нас свидетелями сложного пути, которым он следует, чтобы распутать этот клубок. Терпеливо исследуя одну за другой каждую обсессивную идею, каждое навязчивое действие, он старается понять их значение, часто абсурдное, на первый взгляд, и сделать их смысл понятным для пациента. Затем он старается определить место каждого элемента в пространной системе значений, которая расширяется по мере продвижения анализа, создавая полную картину психопатологии. Фрейд прибегает, в первую очередь, к реконструкции на основании свободных ассоциаций пациента, стараясь убедить его в ценности своих открытий, создавая терапевтический альянс, который имеет очень большое значение для успеха лечения. В то же время он мало использует перенос, хотя и отмечает несколько раз его элементы, например, когда пациенту приснился сон о дочери Фрейда, или когда ему снилось, что он оскорбляет Фрейда, или когда на сессии во время объяснений свойств переноса он обращался к Фрейду: «*Мой капитан!*»

- **Интерпретация симптомов и компульсивных действий**

Каким образом Фрейд анализировал навязчивые мысли и действия своего пациента? Возьмем один пример: пациент компульсивно убирает камень с дороги, по которой должна проехать его дама, чтобы защитить ее, а потом опять кладет его на дорогу. По мнению Фрейда, компульсивное действие убрать, а потом опять положить камень на дорогу – очень значимый

с символической точки зрения факт, поскольку своими противоречивыми действиями пациент выражает сомнение в любви, которую питает к своей подруге: убрать камень с дороги, чтобы позаботиться о ней, – это поступок, основанный на любви, а положить камень обратно – поступок, основанный на ненависти, так как он восстанавливает препятствие, о которое может пораниться его дама. Таким образом, он дает клиническое описание явления, которое позднее получит название «ретроактивное аннулирование», т. е. последовательность двух компульсивных действий, при которой одно действие отменяет другое.

По мнению Фрейда, настоящее значение этих действий состоит в том, что в обсессивном симптоме противопоставляются две противоположные тенденции: любовь и ненависть – так, что обе тенденции одновременно находят свое выражение. Но составляющая ненависти ускользает от сознания пациента, который оправдывает свои действия рационализацией, т. е. правдоподобными оправданиями, призванными скрыть ненависть, чтобы она оставалась вытесненной в бессознательное. По словам Фрейда, этот тип неврозов характеризуется тем, что *«любовь не смогла погасить ненависть, а лишь оттеснила ее в бессознательное, а в бессознательном, защищенная от уничтожения под воздействием сознания, ненависть может сохраняться и даже усиливаться»* (p. 254 [206]).

Хотя тема анального эротизма постоянно присутствует в этом случае, Фрейд только упоминает о ней, он еще не придает ей того значения, которое придаст впоследствии в связи с обсессивным неврозом. Например, он говорит об этом, разъясняя одержимость крысами, которая вызвала у пациента воспоминание о сильном эротическом удовольствии в детские годы; оно сохранялось в течение нескольких лет из-за раздражения ректальной зоны глистами. Фрейд упоминает также о многочисленных символических связях, существующих между деньгами и анальным эротизмом и обусловливающих особые черты характера обсессивных невротиков, например: компульсивную чистоплотность, связанную с навязчивым страхом перед заражением, эквивалентность денег и экскрементов, эквивалентность детей и крыс, а также детское сексуальное поверие, будто младенцы появляются на свет через задний проход.

- **Близость невротических и психотических элементов**

Когда в случае «Человека с крысами» Фрейд ставит диагноз, он говорит о *неврозе,* но можно заметить, что он неоднократно отмечает признаки, по моему мнению, скорее относящиеся к психозу, чем к неврозу, которые, тем не менее, сосуществуют с невротическими элементами. Например, когда пациент воображает, будто родители читают его мысли, Фрейд задается вопросом, не идет ли речь о бредовой идее: *«Более того, имеется еще и нечто другое, своего рода бредовое образование необычного содержания: родители знали его мысли, поскольку он их высказывал, сам того не слыша»* (p. 205 [143]). Он также использует термин *бред,* когда описывает компульсивное поведение пациента, который ночью прерывает свою работу и открыва-

ет дверь в ожидании прихода отца, хотя и знает, что отец умер девять лет назад. Убеждения такого типа представляют собой отрицание реальности, характерное для психотического мышления. Но Фрейд размышляет, рассматривать ли подобное компульсивное действие пациента *«как бред, выходящий за рамки невроза навязчивых состояний»*, или как убеждение, связанное с детской манией, *«всемогуществом мыслей»* (p. 251 [201]), на присутствие которого у «Человека с крысами» он обратил внимание. Фрейд описывает «высокий уровень суеверия», наблюдаемый у Эрнста Ланцера, а также его веру в предсказания и в вещие сны, параллельно отмечая, что тот не полностью охвачен суевериями. *«Тем не менее его суеверие было суеверием образованного человека, и он обходился без полной чепухи»* (p. 248 [198]). Иначе говоря, Фрейд отмечает, что его пациент не только одновременно *и верит, и не верит* в суеверия, но также *и верит, и не верит* в смерть отца.

Эволюция понятий

Взгляд Фрейда на обсессивный невроз: тридцать лет исследований

В 1895–1896 гг. Фрейд первым выделил обсессивный невроз как специфическую психопатологию. Но и в 1909 г., во время работы с Эрнстом Ланцером – «Человеком с крысами», его точка зрения на это заболевание была еще неполной. Фрейду потребовалось 30 лет исследований, чтобы составить полную картину этого заболевания. Вот краткий обзор основных этапов его работы.

В 1895 г. в письме к Флиссу Фрейд впервые формулирует предположение, что в основе навязчивых идей и действий его пациентов следует искать детские сексуальные травмы: *«Открывал ли я тебе уже устно или письменно большой клинический секрет? Истерия является следствием сексуального шока досексуального <периода>, а обсессивный невроз – следствием сексуального сладострастия досексуального периода, позднее трансформировавшегося в чувство вины»* (Фрейд Флиссу, письмо от 15 октября 1895 г., p. 113). В серии статей, опубликованных между 1895 и 1896 гг., Фрейд выдвигает гипотезы о механизме, действующем при обсессиях, прежде всего показывает его психическое происхождение (1984). Вскоре он объединяет под названием обсессивного невроза специфический комплекс симптомов (навязчивые действия и мысли, патологические сомнения и т. д.), которые до того относили к разным патологиям: от умственной деградации до психастении (1895c, 1895h, 1896b). Вводя понятие «обсессивный невроз», Фрейд порывает с психиатрической традицией своего времени. Он видит причину этого синдрома в интрапсихических конфликтах, так же как в случае истерии – другой большой клинической категории, на психическое происхождение которой он также указал первым.

Когда в 1905 г. в *Трех очерках по теории сексуальности* (1905d) Фрейд ввел революционное понятие детской сексуальности, он коснулся роли,

которую играет анальный эротизм в детской мастурбации, а также роли анального садизма, доминирующего в догенитальной организации. И тот, и другой тесно связаны с конфликтом любви – ненависти, который позднее будет описан как «конфликт амбивалентности».

Анализ Эрнста Ланцера, «Человека с крысами», проходивший в 1907 и 1908 гг., позволил Фрейду подтвердить справедливость его гипотезы об особой значимости конфликта любви – ненависти в психогенезе обсессивных симптомов, открывшей новые терапевтические возможности (1909d). В рассказе об этом лечении он описывает роль, которую сыграл анальный эротизм в появлении симптомов и формировании характера его пациента. В двух работах того же периода Фрейд развивает темы, связанные с обсессивным неврозом: с одной стороны, в работе «Компульсивные действия и религиозные практики» (1907b) он устанавливает связь между компульсией при обсессивном неврозе и религиозной практикой. И то, и другое может обретать символическое значение защитного церемониала в борьбе с бессознательным чувством вины. С другой стороны, в работе «Характер и анальный эротизм» (1908b) Фрейд устанавливает связь между анальным эротизмом, возникающим в тот период детства, когда телесные функции, связанные с анальной зоной, очень сильно эротизированы, и типическими чертами характера, встречающимися у взрослого, страдающего обсессивным неврозом: потребность в порядке, педантичность, упрямство или жадность, связанная с удерживанием экскрементов.

В 1913 г. в дополнениях к работе *Три очерка по теории сексуальности* (1905d) Фрейд вводит новую стадию развития, которую называет «анальной стадией», где преобладают анальный эротизм и садистские импульсы. Он поместил эту стадию между оральной и фаллической: по мнению Фрейда, анальная стадия – это точка фиксации или регрессии, характерная для обсессивного невроза.

В 1917 г. в работе «О превращении влечений, в частности анальной эротике» (1916–1917e) Фрейд задается вопросом о том, что случается с влечениями, связанными с анальным эротизмом, когда устанавливается примат генитальной организации. К примеру, интерес к деньгам является, с его точки зрения, результатом прегенитального интереса к экскрементам, в то же время желание иметь ребенка и зависть к пенису тоже берут свое начало в анальной эротике: на символическом уровне пациент бессознательно устанавливает равенство трех понятий: экскременты = ребенок = пенис, таким этот «*общий символ*» (p. 111 [61]) сохраняется в психике на генитальной стадии.

Наконец, в 1923 г. (1923b) Фрейд вводит понятие Сверх-Я, которое в своей примитивной форме проявляет крайнюю суровость по отношению к Я, и подробно описывает глубокое и сильное чувство вины, наблюдаемое у многих пациентов, особенно у страдающих обсессивными симптомами. Они чувствуют себя будто раздавленными грузом самообвинений и потребностью понести наказание. Фрейд дополнил свои взгляды в 1924 г., выработав понятие эрогенного мазохизма и связав его с фундаментальным конфликтом между влечением к жизни и влечением к смерти.

Постфрейдисты

Невроз или психоз? Невроз и психоз?

Так же как в случае с «бредом» Ханольда, героя *Градивы* (1907a), встает вопрос: о неврозе или психозе свидетельствует симптоматология Эрнста Ланцера? Но в данном случае речь идет о настоящем пациенте, а не о психоанализе в приложении к литературному произведению. Я уже обращал ваше внимание в моих комментариях по поводу *Градивы*, что некоторые психоаналитики рассматривают подобные проявления как временное помутнение сознания, а не как психоз, их можно наблюдать у пациента-невротика. Другие, напротив, считают, что Фрейд описывает в случае «Человека с крысами» механизмы, характерные для невроза, которые накладываются на механизмы, характерные для психоза, такие как отрицание реальности, идеализация и всемогущество мысли. По моему мнению, действительно, клинический материал, описанный Фрейдом в случае Эрнста Ланцера, позволяет выделить наложение этих двух типов механизмов; и то же самое происходит во многих других случаях, описанных Фрейдом, начиная с *Исследование истерии* (1895d) и заканчивая работой «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920a). Признаки подобной дифференциации можно найти уже в «Формулировке двух принципов психического процесса» (1911b), где он проводит различие между принципом удовольствия и принципом реальности, и в его последних работах, таких как «Фетишизм» (1927e) и *Очерк о психоанализе* (1940a [1938]), где Фрейд делает акцент на отрицании реальности и на расщеплении Я. Именно на основании работ Фрейда последнего периода М. Кляйн и У. Р. Бион постулировали различия, позволяющие дифференцировать механизмы защиты, характерные для невроза, и механизмы защиты, свойственные психозу.

Техника Фрейда при лечении «Человека с крысами»: критические замечания и комментарии

Как отметили К. Блекер и Р. Абрахам (1982), действующие лица большинства опубликованных случаев Фрейда – мужчины, зато в его рабочих записях он говорит в основном о женщинах. Эти авторы считают, что описанный Фрейдом у его пациента конфликт амбивалентности по отношению к отцу отсылает к конфликту амбивалентности по отношению к матери, в котором он мало отдавал себе отчет во время лечения. По их мнению, некоторые контрпереносные действия Фрейда могли бы стать показателем важной роли, которую, видимо, играл этот проигнорированный материнский перенос, например приглашение Фрейдом «Человека с крысами» на семейный обед – материнский по существу жест, связанный с оральностью.

П. Махони (1986, 2002) отмечает, что, несмотря на очевидные недочеты, которые можно обнаружить, изучая этот случай постфактум, это был терапевтический успех: *«В то же время, – говорит он, – проявляя настойчивость, пренебрегая всеми возможными трансферентными реакциями, особенно негативными, оставляя при лечении в стороне роль женщин и упирая*

в основном на эдипальные отношения между пациентом и его отцом, ему [Фрейду] действительно удается получить терапевтические результаты хорошего качества» (2002, p. 1435).

Изучая подход и приемы, использованные Фрейдом при лечении этого пациента в 1907 г., С. Д. Липтон (Lipton, 1977) констатирует, что Фрейд избрал так называемую «классическую» технику, которую применял следующие 30 лет и которую заново обосновал в своих технических работах 1912–1914 гг. По мнению Липтона, можно считать, что «классическая» техника Фрейда имплицитно подразумевала наличие двух разных элементов. С одной стороны, это инструментальный подход внутри аналитической ситуации, а с другой стороны, личные отношения между аналитиком и пациентом – внешний по отношению к аналитической ситуации элемент. Что касается «современной» техники, которую используют постфрейдистские аналитики в наши дни, она, по мнению Липтона, отличается от «классической» техники интенсивным использованием переноса контрпереноса, тогда как «классическая» техника допускает возможность личных отношений между пациентом и аналитиком. Говоря здесь о «современной» технике, Липтон эксплицитно ссылается на течение психоанализа, связанное с эгопсихологией, а имплицитно еще и на кляйнианское и посткляйнианское направление.

Хронология понятий

Компульсивные действия – амбивалентность – анальность – ретроактивное аннулирование – анальный характер – конфликт «любовь–ненависть» – анальный эротизм – обсессии, навязчивые мысли – всемогущество мысли.

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ S. FREUD (1910c)

Фрейд в зеркале Леонардо

Фрейд еще в ранние годы был очарован загадкой, какую представляли для психоаналитика жизнь и творчество универсального гения эпохи Возрождения – Леонардо да Винчи. Исследование Фрейда 1910 г., посвященное Леонардо, позволило ему ввести в обращение многие, ставшие фундаментальными психоаналитические понятия, такие как *сублимация* и *нарциссизм,* а также описать особую форму гомосексуальности.

За отправную точку исследования Фрейд взял некоторые удивительные особенности поведения Леонардо, о которых рассказывают его биографы. Например, как объяснить совпадение между непомерным развитием страсти Леонардо к изобретательству и постепенным отказом от труда живописца, который он в конце концов забросил? По мнению Фрейда, источником влечения к знаниям является детское сексуальное любопытство, т. е. желание каждого узнать, откуда берутся дети и какую роль при этом играют отец и мать. Однако детская сексуальность претерпевает упорное вытеснение, и в ходе процесса, который Фрейд назвал *сублимацией,* либидо превращается в интеллектуальное любопытство, не имеющее сексуального содержания, – как это и было в случае Леонардо. Затем Фрейд анализирует единственное детское воспоминание, о котором рассказывал Леонардо. Это воспоминание о том, как гриф открыл ему рот, поглаживая его своим хвостом, когда он лежал в колыбели. Это воспоминание позволило Фрейду извлечь на свет бессознательную фантазию о фелляции, которая указала на особенности раннего формирования типа личности Леонардо и на его склонность к особому типу отношений. Наконец, рассматривая любовь Леонардо к молодым людям, которыми художник себя окружал, Фрейд описывает особый тип выбора гомосексуального объекта: согласно его гипотезе, питая материнскую любовь к этим молодым людям, Леонардо идентифицировался с любящей матерью, таким образом в них он любил самого себя. Фрейд квалифицирует эту любовь к себе как *нарциссическую,* об этом понятии он здесь говорит впервые.

Биографии и история

Сходство двух гениев

Впервые Фрейд обнаружил свой интерес к Леонардо да Винчи в письме к Флиссу (от 9 октября 1898 г.), но взялся за работу над этим сюжетом только после возвращения из Соединенных Штатов в ноябре 1909 г. Прежде чем взяться за перо, Фрейд изучил множество биографических трудов и черпал вдохновение в романе Дмитрия Мережковского, выдержанном в форме вымышленного дневника, который ведет молодой воспитанник мэтра, каким был Леонардо, описывая день за днем бурную жизнь гениального творца. Фрейд опубликовал работу в мае 1910 г., хотя Ференци выражал обеспокоенность, как широкая публика примет эту книгу, полагая, что Фрейд не писал ничего столь шокирующего со времен «Маленького Ганса». Даже его благожелатели пришли в ужас, когда он осмелился говорить о фелляции и гомосексуальности; тем не менее Фрейд был, по всей видимости, доволен этой работой. Самой большой его уступкой коллегам стало согласие заменить в последующем издании термин «гомосексуальность» на «инверсия». Третье издание появилось в 1923 г.; половина этого тиража была сожжена нацистами в 1938 г.

Какие же причины привели Фрейда к отождествлению с Леонардо – этим творческим гением, с которым он чувствовал такое родство? Прежде всего, Фрейд разделял с Леонардо его страсть к познанию: оба были неутомимыми исследователями, всегда в поиске новых открытий; они без колебаний начинали изыскания в самых разнообразных областях, часто опережая свое время. К тому же этот период жизни Фрейда был связан с внутренней эволюцией, в ходе которой он сам полнее осознал гомосексуальные и параноидные бессознательные стремления, иногда просыпавшиеся в нем во время его долгой дружбы с Флиссом; те же тенденции позже проявились в его отношениях с новыми учениками, в частности с К. Г. Юнгом и Ш. Ференци. Заметим также, что работа о Леонардо немного опередила работу, посвященную президенту Шреберу (1911), в которой Фрейд покажет, что паранойя по большей части основана на вытеснении гомосексуальности. К тому же Фрейд обнаружил в биографии Леонардо сходство между детством художника и своим собственным. Как и у Леонардо, у Фрейда была очень молодая мать и сравнительно пожилой отец, произошло смешение поколений. Однако в отличие от Фрейда Леонардо был незаконнорожденным, он страдал от этого всю жизнь. Наконец, Фрейд отметил в жизни Леонардо да Винчи психопатологические проявления, напомнившие ему об обсессивных неврозах, которые он незадолго до того исследовал в случае «Человека с крысами»: это глубокая амбивалентность, навязчивые, доходящие до обсессии мысли, перфекционизм, из-за которого Леонардо не удавалось завершить свои произведения.

В 1910 г. Фрейду исполнилось 54 года, он вышел из изоляции, его известность росла, хотя некоторые его идеи по-прежнему вызывали большие споры. В этом году он основал Международную психоаналитическую ассоциацию, первым президентом которой стал К. Г. Юнг. В это же время возни-

кают первые разногласия между его учениками. Чтобы снизить напряжение, Фрейд уступил президентство в Венской группе А. Адлеру, но тщетно. Это были годы исключительного творческого расцвета и время семейной идиллии – период, который сам он позже назовет счастливейшим в своей жизни.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1910c). Un souvenir d'enfance de Léonard de Vinci, trad. J. Altounian et al. Paris: Gallimar, édition bilingue, 1991 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., X, p. 79–164].

• Загадочное поведение гения

Фрейд начинает с напоминания о том, что Леонардо получил известность прежде всего как живописец, оказавший огромное влияние на свою эпоху, поскольку дар изобретателя, отраженный в его *Дневниках,* остался неизвестен его современникам. Леонардо создал такие шедевры, как *Мона Лиза, Тайная вечеря,* но писал их с медлительностью, которая вошла в поговорку, редко заканчивал начатые картины и мало беспокоился об их дальнейшей судьбе. В конце концов Леонардо оставил живопись, и Фрейд усмотрел в этом симптом – проявление бессознательных запретов. Одновременно Леонардо испытывал неутолимую жажду знаний, и его непомерная исследовательская любознательность в конце концов убила в нем художника. Фрейд отмечает также, что Леонардо любил окружать себя красивыми молодыми людьми, одного из них он сделал своим единственным наследником, но, по всей видимости, не завязывал с ними гомосексуальных отношений. Что же касается женщин, то, по мнению биографов Леонардо, у него не было ни любовных, ни сексуальных отношений ни с одной из них. Фрейда потрясло, что такой великий художник, как Леонардо, выказал столь удивительную эротическую бесчувственность. Человек, так талантливо изображавший женскую красоту, оставался равнодушным к любви и ненависти, живущая в нем страсть к знаниям, казалось, обходилась без чувств.

• Сублимация: «Исследования вместо любви» (p. 85 [100])

Фрейд задается вопросом, откуда у Леонардо эта страсть к исследованиям, настолько сильная, что задушила в нем художника, лишила его аффективной и сексуальной жизни. Фрейд утверждает, что источником энергии, питавшей страсть Леонардо к знаниям, стало неизбывное присутствие в нем сексуального любопытства, какое можно наблюдать у маленьких детей, интересующихся, откуда появляются младенцы, – любопытства фрустрирующего, поскольку оно никогда не бывает удовлетворено. У взрослого, если детская сексуальность подверглась чрезмерному вытеснению, как в слу-

чае Леонардо, сексуальное влечение, по мнению Фрейда, заменяет свою сексуальную цель на несексуальную посредством механизма *сублимации: «Подобный человек станет вести свои исследования с такой же страстной преданностью, с какой другой отдается своей любви. Он может заниматься исследованием вместо того, чтобы любить»* (p. 93 [102]). По мнению Фрейда, когда вытеснение чрезмерно, существуют три возможности использования сексуального влечения: исследование и сексуальность находятся под запретом, что ведет к торможению мышления, что характерно для невроза; или исследование «сексуализируется», т. е. эротизированная мысль становится эквивалентом сексуальной деятельности, которую замещает, как при обсессивном неврозе; или, наконец, либидо превращается в жажду знаний, которая избегает сексуальных тем, как это было, по мнению Фрейда, в случае Леонардо да Винчи. Фрейд исследовал детство Леонардо, основываясь на единственном раннем воспоминании, связанном с изучением полета птиц, приведенном в *Дневниках: «<…> мне приходит на ум самое первое воспоминание: я в колыбели, гриф спустился ко мне, открыл мне рот своим хвостом и несколько раз провел им по моим губам»* (p. 109 [107]). Для Фрейда это воспоминание в высшей степени значимое, оно проясняет формирование личности Леонардо со времени его детства. В действительности, считал Фрейд, это воспоминание, намекая на фелляцию, отсылает к еще более раннему детскому опыту и восходит к самому началу жизни, когда ребенок еще не может формировать воспоминания. С точки зрения Фрейда, речь идет о чувственном опыте, который оставляет в младенце сосание материнской груди: *«Органическое впечатление, которое производит на нас эта первая радость жизни, без сомнения, оставляет неизгладимый отпечаток»* (p. 123 [111]). Фрейд добавляет, что подобная оральная фантазия – пенис и рот – предполагает пассивные гомосексуальные фантазии, связанные с идеей двуполой матери. Он полагает, что видит подтверждение этому в биографии Леонардо, в первые годы жизни не признанного официально своим отцом, а потому воспитанного одной матерью. Фрейд дополняет свою аргументацию, обращаясь к египетской мифологии, в частности к образу богини Мут[1], представлявшей собой бисексуальное женское божество; ее изображали с эрегированным пенисом.

- **Одна из форм гомосексуальности, основанная на нарциссической идентификации**

Отталкиваясь от фантазии о фелляции, выявленной им в воспоминании художника, Фрейд описывает особый тип гомосексуальности у Леонардо: в раннем детстве интенсивная эротическая связь с матерью, усиленная отсутствием отца, превратила его любовь к матери в идентификацию с ней. Таким образом, обращая свою любовь на юношей, художник, занимая место своей матери, любит сам себя. Фрейд рассматривает подобный выбор гомо-

1 Египетская богиня Мут (мать) изображалась в виде женщины с грифом на голове. – *Прим. ред.*

сексуального объекта как *«нарциссический»* – здесь он впервые использует этот термин – и приводит историю Нарцисса, персонажа греческой мифологии, который влюбился в свое собственное отражение в воде, приняв его за другого. Эта концепция типа выбора гомосексуального объекта, кажется, подтверждается жизнью Леонардо, окружавшего себя молодыми людьми, к которым он питал чистую материнскую любовь и с которыми, по всей видимости, не поддерживал собственно сексуальных отношений. Кроме того, отметим, что в этом исследовании Фрейд связывает нарциссизм с процессом идентификации, таким образом, первая теория Фрейда о нарциссизме предполагает не только любовь к самому себе, но и идею идентификации с матерью и материнскую любовь к самому себе. Фрейд впоследствии не уделял особого внимания «нарциссической идентификации», которая, однако, является одним из аспектов нарциссизма и найдет дальнейшее развитие в понятии проективной идентификации, введенном М. Кляйн в 1946 г.

- **Загадочная улыбка *Джоконды***

По мнению Фрейда, живопись Леонардо носит отпечаток его интенсивных ранних отношений с матерью, о которых свидетельствует, например, загадочная улыбка *Джоконды,* иногда называемая «леонардовской улыбкой». Что касается картины, изображающей Деву Марию, младенца Иисуса и св. Анну, Фрейд видит в ней воплощение двух матерей, которые были у Леонардо, т. е. его настоящей матери – Каталины, растившей ребенка в первые годы жизни, и молодой жены отца, которая воспитывала его в дальнейшем. Именно на этой картине О. Пфистер в 1913 г. обнаружил изображение грифа на одежде Марии, которое интерпретировал как «картинку-загадку» (n. 1, p. 211 [141], fig. 2, p. 213 [142]). Но Фрейд не забывает и об отце: так, он указывает на идентификацию Леонардо с отцом, например, в том, что Леонардо не беспокоился о дальнейшей судьбе своих работ, как его отец, согласно бывшим в распоряжении Фрейда биографическим источникам, не был обеспокоен судьбой сына. С другой стороны, Фрейд видит в смелости и независимости исследователя следствие того, что Леонардо был вынужден рано обходиться без отцовской поддержки, а также проявление бунта против отца и авторитета вообще, в частности против догматического учения церкви.

Постфрейдисты

«Гриф» вместо «коршуна»: последствия ошибки перевода

Может ли ошибка в переводе обесценить систему гипотез Фрейда? В 1923 г. корреспондент одного журнала первым указал на ошибку в переводе детского воспоминания Леонардо да Винчи, вследствие чего Фрейд вел речь о «грифе», а не о «коршуне». Фрейд доверился немецкой версии перевода *Дневников,* в которой итальянское слово *«nibbio»* было неудачно переведено на немецкий как «гриф». Эта ошибка позволила корреспонденту выразить сомнение в обоснованности интерпретации Фрейда. В 1956 г. М. Шапиро,

известный историк искусств, опубликовал документальные исследования, подтверждавшие ошибку Фрейда, которую он приписывал поверхностному чтению *Дневников* Леонардо; более того, он показал, что сюжет картины, на которой св. Анна изображена третьей, был широко распространен в эпоху Возрождения, тогда как Фрейд счел его исключением. Эту ошибку перевода противники психоанализа впоследствии широко использовали не только для того, чтобы дискредитировать интерпретации Фрейда, касавшиеся Леонардо, но и чтобы усомниться в обоснованности фрейдовского психоанализа в целом. В исследовании, опубликованном в 1961 г., К. Эйслер, хранитель архивов Фрейда, задался целью реабилитировать работу о Леонардо, доказав, что замещение коршуна на грифа нисколько ее не обесценивает.

Внимательно перечитывая добавленное Фрейдом в 1919 г. примечание, я с удивлением обнаружил, что он и сам рассматривал возможность того, что речь идет не о грифе, еще до того, как вопрос стал публично обсуждаться в 1923 г. В 1910 г. Хавелок Эллис высказал критические замечания по этому поводу, а Фрейд ответил на них несколько лет спустя следующей фразой: «*Большая птица не обязательно должна быть грифом*» (1910c [107, n. 2], p. 111, note 2 – примечание, добавленное в 1919 г.). В этом же примечании Фрейд ставит вопрос о самой природе воспоминания Леонардо: было ли это воспоминание о реальном событии или след, оставленный в памяти рассказом матери, который он впоследствии принял за воспоминание о реальном факте? Здесь Фрейд твердо придерживается мнения о преимуществе фантазии перед реальным воспоминанием. Сегодня в результате споров, развернувшихся по поводу детского воспоминания Леонардо, предпочтение также скорее отдается фантазии, нежели воспоминанию о реальном событии, настолько интенсивно это воспоминание подвергалось бесконечным переделкам задним числом.

Хронология понятий

Выбор гомосексуального объекта – гомосексуальность – нарциссизм – сублимация.

II

ГОДЫ ЗРЕЛОСТИ

(1911–1920)

«ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИ ОПИСАННОМ СЛУЧАЕ ПАРАНОЙИ (DEMENTIA PARANOIDES)» (СЛУЧАЙ ПРЕЗИДЕНТА ШРЕБЕРА) S. FREUD (1911c)

После неврозов – изучение психозов

После открытия причины неврозов, прежде всего истерии и обсессивного невроза, Фрейд приступает к исследованию специфического механизма, порождающего психозы. Он был поражен сходством содержания психосексуального бреда у пациентов, страдающих паранойей, и содержания вытесненного психосексуального материала у невротиков, как если бы первые открыто выражали фантазии, которые вторые скрывают в бессознательном. После 1907 г. Фрейд задается вопросом о возможных связях между паранойей и dementia praecox, или шизофренией, и во время общения с Карлом Абрахамом и К. Г. Юнгом узнает о существовании *Мемуаров невропата* – опубликованного в 1903 г. автобиографического произведения Даниила Пауля Шребера. Фрейд нашел в «Мемуарах» Шребера чрезвычайно богатый клинический материал – параноидный бред, талантливо представленный самим больным. Изучение этого случая, основанное только на автобиографическом документе (поскольку Фрейд никогда не встречался с самим Шребером) позволило ему убедительно показать, что страх преследования и параноидный бред являются результатом защиты от вытесненных гомосексуальных желаний. Что касается механизма паранойи, то он, по мнению Фрейда, является результатом превращения любви (гомосексуальной) в ненависть, которая затем при помощи проекции переносится на внешнего «преследователя».

Поскольку анализ случая Президента Шребера представляет собой главный теоретический и клинический труд Фрейда о психозе, мы кратко рассмотрим попытки, которые он предпринимал в течение нескольких десятилетий, стремясь понять его специфический механизм. Фрейд описал разнообразные психические механизмы, связанные с психотической организацией Шребера, однако полагал, что пациенты-психотики не устанавливают перенос и, следовательно, не подлежат анализу. Сегодня многие не разделяют этой точки зрения, в особенности кляйнианские и посткляйнианские аналитики, которые разработали технику анализа подобных пациентов.

Биографии и история

История болезни Шребера, как ее представил Фрейд

При работе над своим произведением Фрейд использовал только те автобиографические сведения, которые сам автор представил в своих Мемуарах, и, несмотря на предпринятые попытки, не смог получить от близких Шребера других сведений о его детстве и семье. Вот краткое изложение той информации, которая стала доступна Фрейду.

Впервые расстройство проявилось у Дэниила Пауля Шребера в 1884 г. (ему было 42 года) в форме приступа ипохондрической депрессии, после того, как он потерпел поражение на выборах в депутаты Рейхстага. Шребер проходил лечение в клинике всемирно известного психиатра, специалиста по анатомии и патологии нервной системы профессора Пауля Эмиля Флешига в Лейпциге. Флешиг знаменит тем, что открыл спиномозжечковый тракт, названный его именем (tractus spinocerebellaris dorsalis). После нескольких месяцев лечения Даниил Пауль выздоровел и покинул клинику Флешига.

Второй эпизод заболевания случился в 1893 г., вскоре после назначения Шребера на ответственную должность президента коллегии Апелляционного суда провинции Саксония. Ему исполнилось 53 года. С острым галлюцинаторным бредом он был вновь госпитализирован в клинику Флешига, а шесть месяцев спустя переведен в Дрезден, в клинику доктора Вебера. В этой клинике он провел восемь лет и был выпущен оттуда лишь после того, как сам выступил в свою защиту перед трибуналом города Дрездена. Именно для этого процесса Даниил Пауль Шребер написал «Мемуары невропата» (1903), где подробно описал течение болезни, свой бред и галлюцинации, чтобы весомо обосновать свою просьбу о предоставлении ему возможности выйти на свободу: Шребер стремился таким образом доказать трибуналу, что стал социально адаптированным и его заболевание больше не может являться достаточной юридической причиной для продолжения принудительного лечения. В 1902 г. Шребер, наконец, вышел на свободу. Суд постановил, что пациент больше не представляет опасности ни для себя самого, ни для окружающих, хотя он по-прежнему безумен. Даниил Пауль Шребер с женой и с приемной дочерью поселился в Дрездене, однако через пять лет у него произошел рецидив депрессивного психоза, и его вынуждены были госпитализировать в психиатрическую лечебницу в Лейпциге, где он провел четыре года вплоть до своей смерти, наступившей 14 ноября 1911 г., в том самом году, когда была опубликована работа Фрейда.

В своей работе Фрейд кратко упоминает о том, что отец Даниила Пауля Шребера, доктор Даниил Готлиб Мориц Шребер, – врач, получивший известность своей пропагандой здорового образа жизни среди молодежи и публикацией собственного руководства по лечебной гимнастике. Что же касается его матери, Даниил Пауль не упоминает о ней в своих «Мемуарах» и, что любопытно, Фрейд также ничего о ней не говорит.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* Remarques psychanalytiques sur l'autobiographie d'un cas de paranoia (*Dementia paranoides*) (Le Président Schreber) // Cinq psychanalyses, trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein. Paris: PUF, 1954, 422 p. [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., X, p. 225–304].

- **От страха быть превращенным в женщину к искупительной миссии**

В стадии обострения параноидный и галлюцинаторный бред Даниила Пауля Шребера представлял собой преимущественно мучительный бред преследования, сконцентрированный на идее, что он обязательно должен быть кастрирован и превращен в женщину и не сможет избежать этого чудовищного насилия. Вначале его воображаемым преследователем стал профессор Флешиг – его лечащий врач, подстрекатель этого «*убийства души*» и заговора с целью превратить тело Шребера в женское, чтобы «*бросить его на растерзание мужчине для сексуального насилия и потом, без всяких сомнений, оставить разлагаться*» (p. 271 [241]). Затем место Флешига занял сам Бог. Даниил Пауль Шребер находил подтверждение этого преследования в голосах, которые обращались к нему, а также в том, что его органы – желудок и кишечник – разрушались.

Затем бред преследования на сексуальной почве превратился в искупительный бред. Пугающая фантазия об утрате мужественности стала ассоциироваться с идеей, будто отныне у него есть священная миссия: навязчивая идея превращения в женщину включилась в мистический проект быть оплодотворенным божественными лучами, чтобы произвести на свет новых человеческих существ. Эта миссия связывала его с Богом, к которому он испытывал смешанные чувства глубокого почитания и возмущения, в особенности потому, что Бог требовал от Шребера, человека с высокими моральными принципами, испытать сладострастное сексуальное удовлетворение так, как это доступно только женщине. Это изменение бреда заставило Фрейда отметить, что «*то, что мы воспринимаем как патологические, болезненные проявления, как бредовые мысли, на самом деле является попыткой выздоровления и реконструкции*» (p. 315 [293–294]).

- **Паранойя: защита против вытесненного гомосексуального желания**

Поскольку болезнь Даниила Пауля Шребера началась с бреда преследования, Фрейд сделал вывод, что автором всех преследований должен был быть профессор Флешиг, и он же остается главным соблазнителем во все время болезни, и даже Бог попадает под его влияние. Но, спрашивает себя

Фрейд, почему Флешиг стал преследователем, ведь он вылечил Шребера от первого приступа болезни и этим заслужил огромную благодарность своего пациента? По мнению Фрейда, именно то лицо, которое было сначала любимо, внушало восхищение и которому приписывается большое влияние, становится преследователем после превращения любви в ненависть. Почему же произошел такой переворот в чувствах? Потому что чувство благодарности Шребера к Флешигу было основано на интенсивной эротической привязанности к личности этого врача: именно эта привязанность привела Шребера к желанию стать женой такого замечательного существа, как Флешиг: *«Как было бы прекрасно стать женщиной, подчиняющейся в акте совокупления»* (p. 290, [264]). Иначе говоря, *«болезнь Шребера вспыхнула из-за взрыва гомосексуального влечения»* (p. 293 [268]). В ходе дальнейшего превращения бреда преследователь Флешиг был в свою очередь заменен Богом, таким образом, гомосексуальная фантазия становится более приемлемой для Шребера, так как благодаря процессу «рационализации» лишение мужественности и превращение в женщину входит в божественный план: *«Таким образом, обе имеющихся линии находят возможность удовлетворения, „Я" находит компенсацию в бреде величия, в то время как фантазии женского желания выходят на свет и становятся приемлемыми»* (p. 295–296 [271]).

Фрейд идет еще дальше и приписывает симпатию Шребера к Флешигу *«процессу переноса»*, утверждая, что этот перенос на личность врача, без всякого сомнения, является результатом интенсивной любви, которую Шребер, вероятно, питал к своему отцу или старшему брату. Не имея никаких биографических данных о семье Шребера, Фрейд предположил, что, если больной так интенсивно инвестировал свои чувства в отца или брата, видимо, тот уже умер. Это предположение позднее подтвердилось.

- **Отцовский комплекс**

Подойдя к этому пункту в своем исследовании, Фрейд выдвинул на первый план детские отношения с отцом: *«В случае Шребера мы вновь оказываемся в хорошо знакомой нам области отцовского комплекса»* (p. 302 [279]). По мнению Фрейда, анализ выявляет, что конфликт Даниила Пауля Шребера с Флешигом и с Богом основан на детском конфликте с любимым отцом, таким образом, механизм, который обусловил бред, аналогичен механизму, производящему невроз. Фрейд утверждает, что отец Шребера в восприятии маленького сына предстает как суровая и внушительная фигура, которая запрещает мальчику аутоэротическое сексуальное удовлетворение и угрожает наказать его кастрацией. Иными словами, желание превратиться в женщину, которое составляет ядро бреда Даниила Пауля, есть не что иное, как проявление страха быть кастрированным своим отцом в наказание за детскую мастурбацию. Этот страх привел ребенка к принятию пассивной гомосексуальной позиции, или, иначе говоря, к «женской позиции» мальчика в отцовском комплексе, состоящей из смеси подчинения и сопротивления.

- **Нарциссическая стадия детского развития**

Фрейд показывает, что паранойю характеризует не фантазия гомосексуального желания, связанная с отцовским комплексом, так как этот комплекс можно найти в латентном состоянии и при неврозе, и у нормального индивида, например у Шребера, в те периоды, когда он хорошо себя чувствовал. По мнению Фрейда, в этом случае проявлением паранойи является тот факт, что пациент развивает бред преследования, чтобы защититься от фантазии гомосексуального желания, когда оказывается не в силах проделать это в бессознательном.

Продолжая свои размышления, Фрейд выдвигает также гипотезу, что гомосексуальность располагается на той *стадии* детского сексуального развития, которую называют *нарциссической*, – промежуточной стадии развития между аутоэротизмом и любовью к объекту: «*В развитии человека наступает момент, когда он объединяет свои сексуальные инстинкты (которые до сих пор использовались в аутоэротический деятельности) для того, чтобы обрести объект любви. Вначале он воспринимает самого себя, свое тело как этот объект любви, и лишь позже он переходит от этой стадии к избранию кого-либо другого в качестве объекта любви*» (p. 306 [283]). Следовательно, по мнению Фрейда, когда ход нормального развития достиг стадии выбора гетеросексуального объекта, гомосексуальные тенденции не исчезают полностью: они «присоединяются» к социальному инстинкту и становятся основой дружбы и товарищеских отношений с лицами того же пола.

И напротив, в случаях патологии, нарциссическая стадия детского развития у некоторых индивидов может стать «*точкой фиксации*» или «*точкой регрессии*» и стать «*слабым местом*» их личности, которое сделает их особо восприимчивыми к паранойе, рождая страх преследования.

- **Механизмы паранойи**

В завершение своего исследования Фрейд сводит разные формы паранойи к следующей общей формуле: «*Я (мужчина) люблю его (мужчину)*». Поскольку это предположение неприемлемо для сознания субъекта, оно превращается в свою противоположность: «*Я не **люблю** его, я его **ненавижу**!*» Затем это невыносимое чувство ненависти вытесняется внутрь, а потом проецируется на внешнюю фигуру: «*Я его ненавижу*» превращается тогда в «*Он **меня** ненавидит (**или меня** преследует), что оправдывает мою ненависть к нему*». Таким образом, бессознательное чувство ненависти, которое испытывает субъект, проявляется в форме реакции на внешнее восприятие: «*Я не **люблю** его! – я **ненавижу** его! – **потому что** он преследует меня!*» Фрейд добавляет: «*Проведенные наблюдения не дают возможности сомневаться в том, что преследователем является некто прежде любимый*» (p. 308 [285]). В заключение Фрейд прилагает эту же формулу ко всем формам бреда, которые причисляет к паранойе: бреду преследования, эротомании, бреду ревности у мужчины и у женщины, а также бреду величия.

Эволюция понятий

Фрейд в поисках специфического механизма психоза

Изучение случая Шребера вписывается в линию постоянных поисков, которые вел Фрейд, стремясь к открытию специфического механизма психоза. Здесь Фрейд не столько интересуется определением описательных критериев, позволяющих систематически классифицировать формы бреда, сколько стремится уточнить скрытые за ними механизмы. Не входя в детали сложных различий, все-таки необходимо определить понятие паранойи в том смысле, который придавал ему Фрейд в разные моменты эволюции своей мысли.

Что подразумевает Фрейд под «паранойей» или «параноидным бредом»?

В конце XIX в. немецкая психиатрия объединяла под термином «паранойя» множество бредовых состояний, и в своих первых работах Фрейд использует этот термин в широком смысле. Позднее Эмиль Крепелин выявил фундаментальное различие между разными формами бреда: шизофренией (dementia praecox), развитие которой приводит к слабоумию, и систематизированным бредом паранойи, не связанным с потерей умственных способностей. Термин dementia praecox был заменен термином «шизофрения» в работах Ойгена Блейлера, который выявил центральную роль *«расщепления»* (Spaltung) в этом заболевании. Что касается паранойи, Фрейд объединил под этим названием не только бред преследования, но и эротоманию, бред ревности и бред величия. Начиная с 1911 г. Фрейд был согласен с тем, что между dementia praecox (шизофренией) и паранойей существует различие, которое выявил Крепелин, причем позиция Крепелина отличалась от позиции его ученика Блейлера, который не признавал этой разницы и утверждал, что расщепление встречается как при шизофрении, так и при паранойе. В конце концов, изучая паранойю Шребера, Фрейд пришел к выводу, что существует множество комбинаций этих форм психопатологии.

Роль проекции

Фрейд уже касался вопроса паранойи в своей переписке с В. Флиссом (Рукопись H от 24 января 1894 г. и Рукопись K от 1 января 1896 г.), и в *Анализе случая хронической паранойи* (1896b). В этих первых работах он подчеркивал прежде всего важность механизма проекции, характерного для психоза, который понимал как выброс вовне невыносимого внутреннего представления, нечто вроде простой эвакуации. Но понемногу, особенно во время изучения *Мемуаров* Шребера, Фрейд понимает, что проекция – это не просто вынесение наружу вытесненного содержания; наоборот, то, что возвращается *«снаружи»*, рождается из того, что было подавлено *«внутри»*: *«Было бы неправильно сказать, что чувство, подавленное изнутри, проецируется вовне; скорее, правда заключается, как мы теперь видим, в том, что запрещенное внутри возвращается снаружи»* (p. 315 [294]). После изучения случая Шребера Фрейд считает, что разные виды бреда при паранойе основаны на защите против вытесненной гомосексуальности и что проекция не является исключительной особенностью психоза.

От «декатексиса реальности» к «отрицанию реальности»

В 1911 г. Фрейд описал роль декатексиса внешней реальности в случае паранойи Шребера задолго до того, как ввел понятие «*потеря реальности*» в 1924 г. и понятие «*отрицание реальности*» [denial] в 1927 г. Прекращение катексиса, которое Фрейд описывает у Шрейбера в 1911 г., относится как к окружающим его людям, так и к реальному миру; «*Пациент лишил людей своего окружения и внешний мир вообще тех либидиозных инвестиций, который он направлял на них до сих пор. Так все стало для него безразличным и безынтересным…*» (p. 314 [292–293]). Шребер испытывает ощущение конца света: Фрейд связывает это с внутренней катастрофой, которую вызвал этот мощный декатексис, переживаемый как потеря любви. По мнению Фрейда, бред, возможно, создается для того, чтобы восстановить эти утерянные внешние катексисы; это еще одна причина считать бред параноика попыткой выздоровления – важный момент, к которому Фрейд будет часто возвращаться впоследствии: «*Фантастическое построение, которое мы принимаем за патологический продукт, на самом деле является попыткой возврата утраченного, т. е. реконструкцией*» (p. 315 [293–294]).

Шребер: мастерское клиническое описание психотических феноменов

Как и при первом определении других понятий, вначале Фрейд открывает в психопатологии те феномены, которые присутствуют также, но в меньшей степени, при неврозе и у нормальных индивидов. Например, задолго до введения понятия «расщепление „Я“», при котором «Я» делится на две части, из которых одна отрицает реальность, а другая ее принимает (1940a), Фрейд описывает у Шребера аналогичный феномен, говоря о «*разделении личности*» на две части, из которых одна из находится в бреду, а другая хорошо адаптирована: «*Факты свидетельствовали о том, что, с одной стороны, у него выработалась сложная бредовая структура, интересоваться которой у нас есть веские причины, в то время как, с другой стороны, его личность оказалась реконструирована, и теперь, за исключением отдельных изолированных расстройств, он способен соответствовать требованиям повседневной жизни*» (p. 267 [236]). Рассматривая его бред в совокупности, Фрейд отмечает, что чем дальше продвигается болезнь, тем сильнее «*распадается преследователь*», и описывает разные модальности этого расщепления: «*Бог высший*»–«*Бог низший*», «*Флешиг*» и «*Бог*», а также «*обожаемый отец*» и «*ненавистный отец*». Здесь Фрейд недвусмысленно говорит о феномене «*расщепления*» как о специфическом механизме параноидного психоза: «*Подобное деление специфично именно для паранойи. При паранойе происходит именно разделение, тогда как при истерии – сгущение. Или скорее можно сказать, что психозы вновь разбивают на отдельные элементы те сгущения и идентификации, которые были произведены бессознательным воображением*» (p. 297 [272]).

Несмотря на то, что Фрейд с изумительным искусством наблюдателя описывает многочисленные механизмы, задействованные в психозе, как в эссе о Шребере, психоаналитикам-постфрейдистам придется установить более точное разделение между механизмами, основанными на примитивных защитах и характерными для психоза, и механизмами, осно-

ванными на вытеснении и свойственными неврозам. Только на основании этого разделения можно пытаться применять психоаналитическое лечение психозов как у детей, так и взрослых и добиваться некоторых терапевтических успехов, несмотря на все трудности, связанные с возникающим у таких пациентов особым типом переноса.

Постфрейдисты

Пересмотр гипотезы Фрейда о случае Шребера

В 1955 г. перевод на английский язык *Мемуаров* Даниила Пауля Шребера (Macalpine, Hunter, 1955) открыл англоязычным психоаналитикам доступ к тексту, на основе которого была написана работа Фрейда, и это повлекло за собой пересмотр сделанных Фрейдом в 1911 г. выводов. Некоторые подвергли сомнению гипотезу, согласно которой психоз явился исключительно результатом вытеснения гомосексуальности. Так, по мнению Р. Д. Фэрберна (Fairbairn, 1956), гомосексуальность в первую очередь связана с агрессивным отвержением родителем противоположного пола – в данном случае матерью (о которой в *Мемуарах* Шребера ничего не говорится), а если ребенок выбирает в качестве преследователя родителя своего пола, то это, по мнению данного автора, делается для того, чтобы избежать еще более сильного страха преследования, берущего начало в ранних отношениях с матерью. Ида Макалпин и Р. Хантер (Macalpine, Hunter, 1955) возводят причины появления психоза к еще более раннему периоду, который они определили как безобъектную стадию, к точке регрессии, которая лежит в самой основе ощущения идентичности субъекта. Психоаналитики кляйнианского направления полагают, что в случае Шребера Фрейд слишком много значения придал комплексу отца, тогда как, по их мнению, причины психоза надо искать скорее в ранних отношениях ребенка с матерью.

Влияние образа отца на бред Даниила Пауля: реальность или фантазия?

Начиная с 1950-х годов разные авторы предпринимали углубленные исторические изыскания о детстве Даниила Пауля Шребера и о его семье. Им удалось установить, что его отцу принадлежит изобретение серии удивительных ортопедических приспособлений для исправления осанки детей, изображения которых были опубликованы во многих изданиях. На основании новых данных, У. Г. Нидерланд (Niederland, 1963) счел, что бред преследования Шребера, без сомнения, явился следствием детской травмы, которую перенес ребенок, подвергнутый соблазнению и садистскому обращению властным и тираническим отцом. Со своей стороны, П. С. Ракамье и Ж. Шассге-Смиржель (Racamier, Chasseguet-Smirgel, 1966) отметили роль, которую сыграла психотическая личность отца, полностью занявшего место матери, позволившей себя устранить, – матери, ни разу не упомянутой в *Мемуарах*. Совсем недавно Хан Израэль и Цви Лотан (Israels, 1981; Lothane,

1992) поставили под сомнение травматическую роль, которую разные психоаналитики приписывали отцу Шребера, утверждая, что подобные выводы никак не подтверждены историческими сведениями. Однако, по моему мнению, даже если мы не располагаем достаточно достоверными биографическими сведениями, которые подтверждали бы идею, что отец Даниила Пауля действительно был тираническим воспитателем, этот аргумент никак не опровергает гипотезы о том значении, которое имели садистские и соблазняющие фантазии, содержащиеся как в воспитательных теориях Даниила Готтлиба Морица Шребера, так и в параноидном бреду его сына, Даниила Пауля Шребера.

Исключение «Имени отца»: теоретическая концепция психоза

В 1955 г. Ж. Лакан, в свою очередь, изучил английский перевод *Мемуаров* Шребера и на своем семинаре *Психозы* (1955–1956; Лакан, 1981) ввел в свою теорию о причинах возникновения психозов два понятия – «исключение (форклюзия)» и «Имя-отца». По мнению Лакана, исключение состоит в первоначальном отбрасывании фундаментального означающего за пределы порядка «Символического», вследствие чего оно, потеряв возможность быть интегрированным в бессознательное субъекта, возвращается как элемент «реальности» в форме галлюцинации. По мнению Лакана, при психозе структурирование психики субъекта не может установиться, потому что отец не может вмешаться в жизнь ребенка, осуществляя принадлежащую ему символическую отцовскую функцию, т. е. дать ребенку имя, чтобы он мог выстроить свою идентичность. Фундаментальное означающее «Имя отца» исключено – то, что должно было бы быть символизировано, не было символизировано – и возвращается в порядке «реального» в виде параноидного бреда. Другими словами, Лакан считает, что бред преследования Шребера, его страх быть превращенным в женщину происходил из неспособности сына воспринять символический характер исходящей от отца угрозы кастрации. Таким образом, эта символическая угроза предстает как угроза от внешней реальности, т. е. от «Реального», недоступного для анализа. По мнению Лакана, исключение характерно для психоза. В то же время он никогда не говорил, как представляет себе обратную трансформацию исключения (foreclosure), из-за чего его теоретическая позиция по отношению к лечению психоза осталась чисто спекулятивной (Diatkine, 1997).

Мелани Кляйн: основы психоаналитического лечения психозов

Опираясь на опыт анализа детей, М. Кляйн совершила решающий клинический и теоретический поворот в психоанализе, благодаря которому стало возможно развивать анализ психотических пациентов. С одной стороны, она разграничила примитивные механизмы защиты, связанные с психозами, и более развитые механизмы защиты, связанные с неврозами, введя понятия параноидно-шизоидной и депрессивной позиций. С другой сто-

роны, М. Кляйн установила, что пациенты-психотики развивают перенос и потому доступны анализу, вопреки мнению Фрейда. М. Кляйн была уверена, что психотическое функционирование основано на *фиксации* на параноидно-шизоидной позиции и на чрезмерном использовании проективной идентификации. Она не рассматривала вероятности, что существует как нормальная, так и патологическая форма параноидно-шизоидной позиции, так же как нормальная и патологическая формы проективной идентификации. Но после нее Розенфельд, Сигал и Бион более подробно рассмотрели психопатологию параноидно-шизоидной позиции, и именно они стали различать нормальную и патологическую форму параноидно-шизоидной позиции и проективной идентификации. В отличие от М. Кляйн, которая рассматривала психоз как фиксацию на параноидно-шизоидной позиции, они стали рассматривать психоз как *регрессию* на *патологическую* параноидно-шизоидную *позицию*, а *патологическую проективную идентификацию* – как характерную особенность психотического регресса. Вклад, который они внесли в кляйнианскую концепцию примитивных объектных отношений, имел большое влияние на развитие психоаналитических техник и составляет важную часть психической проработки не только для психотических и нарциссических анализандов, но и для анализандов менее нарушенных.

Хронология понятий

Бред как защита от гомосексуальности – нарциссизм, нарциссическая стадия психосексуального развития – паранойя – точка фиксации – точка регрессии – проекция – рационализация.

ЗАМЕТКИ О ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ С 1904 ПО 1919 г.

«ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД ФРЕЙДА» (1904a)

«О ПСИХОТЕРАПИИ» (1905a)

«ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ» (1910d)

«К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ „ДИКОМ“ ПСИХОАНАЛИЗЕ» (1910k)

«ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СНОВИДЕНИЙ В ПСИХОАНАЛИЗЕ» (1911e)

«ДИНАМИКА ПЕРЕНОСА» (1912b)

«СОВЕТЫ ВРАЧУ ПРИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ЛЕЧЕНИИ» (1912e)

«НАЧАЛО ЛЕЧЕНИЯ» (1913c)

«ВОСПОМИНАНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ И ПРОРАБОТКА» S. FREUD (1914g)

«ЗАМЕЧАНИЯ О ЛЮБВИ В ПЕРЕНОСЕ» S. FREUD (1915a)

«НОВЫЕ ПУТИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ» S. FREUD (1919a)

Несколько рекомендаций практикующим психоанализ

Фрейд так и не воплотил в жизнь намерение написать работу, полностью посвященную психоаналитическому методу, чтобы ответить на все более частые просьбы заинтересованных лиц, которые не могли сами

отправиться в Вену и получить объяснения из первых рук, от него лично. Но основные его практические идеи можно найти в серии коротких статей, публиковавшихся с 1904 по 1919 г. В этих статьях Фрейд простым языком в свободном порядке в форме практических рекомендаций представляет свой обширный клинический опыт. При помощи этого практического подхода он объясняет основные элементы своего психоаналитического метода, который и сейчас используют психоаналитики, по крайней мере те из них, кто входит в Международную психоаналитическую ассоциацию, основанную Фрейдом в 1910 г. К 1903 г. Фрейд уже установил основные правила проведения психоаналитического лечения, объединив последовательно в рамках сложившегося сеттинга кушетку/кресло, высокую частоту и ритм сеансов и сам процесс анализа. С тех пор техника существенно развивалась и возможности терапевтического воздействия психоанализа простерлись за пределы только невроза, включив и психоз и покрывая равно все возрастные категории, начиная с психоанализа детей и заканчивая людьми самого старшего возраста. Несмотря на новейшие открытия нейропсихологии и психофармакологии, мы вынуждены констатировать, что никакие новаторские достижения не смогли заменить психоанализ в его сфере применения. Если бы это было не так, то, конечно же, психоаналитики первыми заметили бы их и воспользовались ими, чтобы получить наилучшие терапевтические результаты.

Когда современный читатель обращается к работам Фрейда, посвященным психоаналитической технике (1904–1919), он с удивлением обнаруживает, какое огромное количество вопросов, поставленных Фрейдом, и в наши дни, спустя сто лет после открытия психоанализа, остаются без ответа. Можем ли мы, например, обойтись без психоанализа сегодня, учитывая новейшие терапевтические достижения? Можем ли мы предоставить более убедительные, чем раньше, научные «доказательства» эффективности психоанализа? Дают ли другие терапевтические методы, которые считаются более быстрыми и менее дорогостоящими, похожие долгосрочные результаты? Все эти вопросы уже были поставлены Фрейдом, который надеялся получить удовлетворительные ответы в не столь отдаленном будущем.

Постфрейдисты

Труды по психоаналитической технике – большая редкость

Когда речь заходила о попытках собрать в одной книге вопросы психоаналитической техники, складывалось впечатление, что у психоаналитиков-постфрейдистов возникали те же трудности, что в свое время у Фрейда. Действительно, на фоне большого количества опубликованных статей на эту тему существует очень мало работ. В числе самых известных, но уже старых классических текстов можно назвать труды О. Фенихеля (Fenichel, 1941), Э. Гловера (Glover, 1955) и Р. Гринсона (Greenson, 1967). Опубликованный в 1991 г. труд Р. Х. Эчегойена (Horacio Etchegoyen, *The Fundamentals of Psycho-*

analytic Technique) является, без сомнения, самым существенным вкладом, представляющим международный интерес, так как это очень содержательный учебник, который приятно читать и использовать как справочник. Автор рассказывает об эволюции психоаналитической техники от Фрейда до наших дней, подробно рассматривая историческое развитие идей, в которое он сам внес существенный вклад. Эчегойен изучает также различные техники в свете большого разнообразия теоретических позиций, которых придерживаются психоаналитики от М. Кляйн до Ж. Лакана, рассматривая основных европейских, латино- и североамериканских авторов и выделяя достоинства и недостатки разных подходов с позиции собственного клинического опыта.

Изучая произведение

ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (1904–1913)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1904–1913). La technique psychanalytique, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1953 (1-re éd.), 1970 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., X, XI].

«La méthode psychanalytique de Freud» (1904a, p. 1–8). «De la psychothérapie» (1905a, p. 9–22). «Perspectives d'avenir de la thérapeutique psychanalytique» (1910d, p. 23–34 [OCF. P., X, 61–73]). «A propos de la psychanalyse dite 'sauvage'» (1910k, p. 35–42 [OCF. P., X, 205–231]). «Le maniement de l'interprétation des rêves en psychanalyse» (1911e, p. 43–49 [OCF. P., XI, 41–48]). «La dinamique du transfert» (1912b, p. 50–60 [OCF. P., XI, 105–116]). «Conseils aux médecins sur le traitement paychanalytique» (1912e, p. 61–71 [OCF. P., XI, 143–154]). «Le début du traitement» (1913c, p. 80–104).

- **Метод и показания к его применению**

Фрейд начинает с напоминания о том, в чем заключается психоанализ, и утверждения его научной ценности. Он уточняет разницу между разными формами психотерапии и собственным методом – психоанализом, который, по его мнению, «*наиболее глубоко проникает и приносит наибольшую пользу, так как он сильнее всех изменяет пациента. <...> Из всех методов он самый интересный, единственно способный дать нам сведения о причинах появления болезни и о связи между симптомами*» (1905a, p. 12). Он объясняет свой особый интерес именно к своему психотерапевтическому подходу по сравнению с другими, одновременно не дискредитируя последние: «*Я не отбрасываю ни один из этих методов, я и сам воспользовался бы одним из них, если бы представился подходящий случай. По чисто субъективным причинам, я посвятил себя тому единственному методу, который Брейер называл «катартическим», а я предпочитаю называть «аналитическим»*» (1905a, p. 12).

Что касается показаний к использованию психоанализа, Фрейд заявил, что последний предназначен в особенности для лечения психоневрозов, так как, по его словам: «*Этих больных невозможно вылечить применением медикаментов, но только при помощи личности врача, в той мере, в какой личность врача может оказать влияние*» (1905a, p. 11). Есть некоторые требования к пациенту, такие как «*определенная степень природных умственных способностей, определенное нравственное развитие*» (1904a, p. 7). Тем не менее, Фрейд не советует предпринимать психоанализ лицам старше пятидесяти лет, так как, по его мнению, «*лица пятидесяти лет и старше не обладают достаточной гибкостью психики, на которую опирается психотерапия...*» (1905a, p. 17–18). В наши дни это возрастное ограничение больше не в ходу, и те творческие способности, которые проявлял сам Фрейд вплоть до восьмидесятитрехлетнего возраста, лишний раз доказывают, что преклонный возраст вовсе не всегда связан с уменьшением психической гибкости, как он представлял это себе в возрасте 48 лет, когда давал эту рекомендацию. Фрейд признавал, что применял свой терапевтический метод в основном с «*очень серьезно затронутыми*» больными, в «*почти безнадежных случаях*», но успех лечения «*вернул их к жизни*» (1905a, p. 16). В то же время Фрейд предупреждает начинающих терапевтов, что не следует недооценивать трудности, с которыми они встречаются при анализе сопротивлений: не имея значительного опыта, «*на самом деле использовать психический инструментарий очень непросто*» (1905a, p. 15).

- **Процесс и рамки (сеттинг)**

Рамки так называемого «классического» психоаналитического лечения не сильно изменились с тех пор, как Фрейд установил их в начале XX в., по крайней мере, в том, что касается классического психоанализа, при котором используется так называемая позиция «кушетка/кресло», когда пациент лежит на кушетке, а аналитик сидит позади него так, что пациент его не видит. Фрейд посвящал каждому пациенту один час ежедневно пять, а то и шесть раз в неделю. В своих работах Фрейд не рассматривает другие техники, ведущие свое происхождение от психоанализа, например такие, как психоаналитически ориентированная психотерапия, или другие подобные подходы; он говорит только о классическом психоанализе.

Что касается самого процесса, Фрейд подчеркивает, что таковой не может быть описан по причине своей сложности, сравнивая его с игрой в шахматы: «*Тот, кто рассчитывает по книгам научиться благородной игре в шахматы, немедленно обнаружит, что только начальные и завершающие маневры можно схематически описать, в то время как ее огромная сложность сразу после начала партии не поддается никакому описанию*» (1913c, p. 80).

Затем Фрейд описывает свою манеру работать и условия, в которых протекает лечение. Так, в начале работы он просит каждого нового пациента неукоснительно следовать «*основному правилу психоанализа*», т. е. сообщать психоаналитику все, что приходит ему в голову, «*отказавшись от любой критики и от какого бы то ни было выбора*». Вместе с тем он рекоменду-

ет аналитику слушать пациента с «*равномерно взвешенным*» вниманием и избегать записей во время сеанса, чтобы не мешать себе слышать (1912e, p. 62 [146]). Фрейд утверждает, что не стоит придавать слишком большое значение даже самому точному *стенографическому отчету,* поскольку с его точки зрения запись аналитических наблюдений обнаруживает свою мнимую точность и потому не может заменить «*присутствия на аналитическом сеансе*» (1912e, p. 64 [148]).

- **Позволить захватить себя врасплох**

По мере того как Фрейд оттачивал свою технику, он все больше был склонен доверять естественному, спонтанному ходу мыслей пациента и постепенно отказался от выпытывания ассоциативного материала, который интересовал в первую очередь его самого, чтобы при помощи интерпретаций сделать удачную реконструкцию. Кажется, что этот основной поворот в его технике произошел во время анализа Человека с крысами в 1907 г. Это стало изменением перспективы, потребовавшим от аналитика отказаться от «активной» позиции, от предложения пациенту своих интерпретаций-реконструкций, и довериться развитию психоаналитического процесса. Фрейд рассказывает об этом изменении отношения следующими словами: «*Наилучшие терапевтические результаты, напротив, получаются, когда аналитик начинает лечение без всякого предварительного плана. Позволяет любому самому неожиданному факту застать себя врасплох, сохраняет непредвзятое мнение и избегает любой заранее обдуманной идеи*» (1912e, p. 65 [148]).

- **Дать себе столько времени, сколько необходимо**

Как только врач начинает доверять пациенту, давая ему возможность найти собственный путь к разрешению внутренних конфликтов, становится понятным утверждение, которое без конца повторял Фрейд в своих статьях о психоаналитической технике: «*Психоанализ требует много времени. Больше чем этого желал бы пациент*» (1913c, p. 88). Он отмечает: «*Желание сократить время лечения вполне понятно*», но, к несчастью, «*один очень важный фактор противоречит этому желанию: неторопливость глубоких психических изменений и, в первую очередь, без сомнения, „вневременной" характер наших бессознательных процессов*» (1913c, p. 89).

Фрейд четко объясняет, почему психоаналитик вынужден уважать развитие уже запущенного психоаналитического процесса: «*Однажды приведенный в действие процесс идет своей дорогой, его направление и его течение невозможно изменить, порядок различных его этапов всегда остается прежним. Власть аналитика над симптомами можно сравнить с сексуальной потенцией; даже самый могучий мужчина, способный зачать ребенка, не сможет способствовать зарождению в женском организме отдельно головы, руки или ноги. Он даже не может повлиять на пол ребенка. Единственное, что ему позволено, – это дать толчок чрезвычайно сложной процедуре,*

которую определяет целый ряд явлений и которая приводит к отделению ребенка от матери. Невроз также имеет характер целого организма...» (1913c, p. 89). Учитывая те затраты денег и времени, которых требует психоанализ, добавляет Фрейд, некоторые довольствовались бы только избавлением от симптома, но, по мнению Фрейда, психоаналитический метод необходимо воспринимать в целом, так как это неделимое единство: «*Психоаналитик должен предпочитать пациентов, которые стремятся к полному выздоровлению, в той мере, насколько это достижимо, пациентов, которые посвящают лечению все необходимое время. Надо ли говорить, что такие благоприятные случаи очень редко встречаются*» (1913c, p. 90).

- **Установление рамок психоаналитического процесса**

Чтобы психоаналитический процесс мог разворачиваться благоприятно, необходимо создать определенные условия. Вот что Фрейд предлагал пациентам: «*Каждому из моих пациентов предоставляется один час в моем рабочем расписании, этот час принадлежит только ему, и он должен его оплатить, даже если он им не пользуется*» (1913c, p. 84). Фрейд просил пациента расположиться на кушетке, в то время как сам он садился позади него, чтобы лучше «изолировать перенос», а также из-за того, что он плохо переносил, когда его разглядывали. Он посвящал каждому пациенту один сеанс ежедневно, занимаясь с ним примерно шесть сеансов в неделю, и хотя он допускал исключения, эти исключения не должны были становиться правилом: «*В несложных случаях или в случаях, когда лечение уже очень хорошо продвинулось, трех раз в неделю может быть достаточно. Но ни врач, ни больной не заинтересованы в том, чтобы количество часов было уменьшено. В любом случае это уменьшение должно быть полностью исключено в начале лечения*» (1913c, p. 85).

Если говорить о длительности лечения, то Фрейд считал, что почти невозможно предсказать ее заранее. Разумеется, пациент полностью свободен прекратить лечение в любой момент, но при этом он подвергает себя риску усугубить свое состояние. Фрейд рассказывает, что часто на него оказывали давление с разных сторон с целью сократить длительность анализа, выдвигая самые разные аргументы: «*Часто из-за недопонимания пациента, к которому примешивается неискренность врача, от психоанализа требуют, чтобы он, в самые короткие сроки, удовлетворял требования, совершенно лишенные меры*» (1913c, p. 86). Вопрос о сокращении длительности анализа без конца вытаскивается на свет божий. Фрейд отвечает на подобные замечания с юмором: «*Никто, конечно же, не мог бы поверить в то, что можно поднять тяжелый стол двумя пальцами, как если бы речь шла о легонькой табуретке, или в то, что возможно построить просторный дом за то же время, что и маленькую хижину. И в то же время, когда речь идет о неврозе <...> даже самые умные люди забывают, что существует неизбежное соотношение между затраченным временем, работой и результатом*» (1913c, p. 87). Говоря о конфиденциальности, Фрейд утверждал, что лечение – «*это дело врача и пациента, и никто другой не может в этом участвовать, да-*

же самые близкие и любопытные люди» (1913c, p. 96). Кроме того, Фрейд рассматривал вопрос о почасовой оплате и подчеркивал бессознательное сексуальное значение, которое часто приобретают деньги в отношениях между аналитиком и пациентом; он советовал аналитикам требовать регулярной оплаты и не позволять увеличивать сумму долга. Он затрагивал вопрос о бесплатной помощи, которую он сам долго оказывал, подчеркивая, что в таких случаях сопротивление чрезвычайно возрастает, и обсуждал вопрос о доступе к психоанализу бедняков и представителей среднего класса.

- **Перенос и контрперенос**

Фрейд пишет, что перенос встречается не только в психоанализе, а происходит и при других обстоятельствах нашей жизни, но только в рамках психоанализа его можно проработать. Он описывает два вида переноса: *«позитивный»* перенос, основанный на теплых чувствах, и *«негативный»* перенос, основанный на враждебных чувствах: *«Когда мы избавляемся от переноса, сделав его осознанным, мы устраняем только связь этих двух составляющих аффективного акта с личностью врача»* (1912b, p. 57 [114]).

Затем Фрейд обращает внимание аналитика на то, что он впервые описывает как *«контрперенос»*, который может возникнуть у врача «вследствие воздействия, которое оказывает пациент на бессознательные чувства аналитика» (1910d, p. 27 [67]). Что Фрейд понимает под «контрпереносом»? Он вкладывает в это понятие узкий смысл, по сравнению с развитием, которое оно впоследствии получит у психоаналитиков-постфрейдистов: для Фрейда речь идет преимущественно о бессознательных реакциях аналитика, возникающих «в ответ» на перенос пациента, откуда и появился термин «контрперенос». Эти реакции зависят от личности аналитика и мешают проработке переноса, если их не преодолеть. Поэтому Фрейд требует, чтобы психоаналитик осознал свой контрперенос и овладел им. Этого можно достигнуть, только пройдя свой личный анализ и самоанализ: «<...> *Необходимо отметить, что аналитик может благополучно провести лечение только в той степени, в какой ему это позволяют его собственные комплексы и внутреннее сопротивление. Поэтому необходимо, чтобы он начал с прохождения собственного анализа и чтобы он никогда не прекращал углублять самоанализ, даже когда занимается лечением других людей. Тот, кому не удалось провести подобный самоанализ, должен, без всяких сомнений, отказаться от аналитического лечения пациентов»* (1910d, p. 27 [67]). Это предложение будет продолжено пожеланием, чтобы все будущие психоаналитики предварительно прошли *«обучающий анализ»* (1012e, p. 27 [67]).

Фрейд также настаивает, что будущему аналитику следует ознакомиться с техникой, чтобы избежать ошибок вроде так называемого *«дикого психоанализа»*, который состоит в том, чтобы *«уже во время первой консультации резко вывалить на голову пациента секреты, о которых догадался врач»* (1910k, p. 41 [212]). Кроме того, Фрейд упоминает о соблазне аналитика делиться с пациентом своими собственными конфликтами и затруднениями с целью преодоления его сопротивления: *«Молодой усердный аналитик подвергнется*

искушению воспользоваться примерами из собственной жизни, чтобы увлечь пациента, поднять его над границами собственной узкой личности. Может показаться приемлемым и даже желательным позволить пациенту взглянуть на наши собственные психологические трудности и наши конфликты. И подтолкнуть его, таким образом, к тому, чтобы поделиться интимными подробностями, чтобы показать сходство, установить параллели» (1912e, p. 68 [151–152]). Но, по мнению Фрейда, опыт показывает, что эта техника отнюдь не дает желаемых результатов, скорее, наоборот: *«Пациент, на самом деле, старается развернуть ситуацию, поскольку он находит анализ терапевта более интересным, чем свой собственный. К тому же становится еще труднее устранить перенос, что является одной из самых важных задач лечения. Аналитику становится еще труднее бороться с переносом из-за тех близких отношений, которые он установил с пациентом. <...> Я, без всяких сомнений, отвергаю эту ошибочную технику. Терапевт должен оставаться непроницаемым для пациента и, как зеркало, показывать только то, что перед ним находится»* (1912e, p. 69 [152]).

Обучение психоанализу, как и любой другой медицинской технике, проводится *«теми, кто им уже владеет»* (1910k, p. 41 [212]). Чтобы по возможности защитить пациентов от опасностей, которым их может подвергнуть вмешательство «диких» психоаналитиков, в 1910 г. Фрейд основал Международную психоаналитическую ассоциацию (МПА) – организацию, которая развилась и играет большую роль и в наши дни. *«Члены ассоциации заявляют о вступлении в организацию, разрешая опубликовать свои имена. Что позволяет нам отказаться от всякой ответственности за тех, кто не относится к нашим, но претендует на то, чтобы называть свой метод „психоанализом“»* (1910k, p. 42 [213]).

Постфрейдисты

Рамки психоанализа: медленное и постепенное становление сеттинга

Что такое «рамки» психоанализа?

Рамками психоанализа (или в англоязычном мире – сеттингом) называют совокупность условий, необходимых для обеспечения оптимального прохождения психоаналитического процесса. Эти условия определяются, с общего согласия между аналитиком и пациентом, по возможности уже во время предварительных бесед. В классическом психоанализе пациент лежит на кушетке, а психоаналитик сидит за его головой, вне поля его зрения, так что взгляд пациента устремлен в его собственный внутренний мир, а не на реальную фигуру аналитика. В соответствии с «основным правилом» анализа, пациент должен сообщать психоаналитику все, что приходит ему в голову. Это условие благоприятствует свободному течению ассоциаций, а также проецированию на психоаналитика различных ролей, которые приписывает ему фантазия пациента. Длительность сеанса фиксирована – это обычно 45 или 50 минут, при четырех – пяти встречах еженедельно, в некоторых регионах – при трех (в порядке исключения); раз установленные,

длительность и частота сеансов составляют стабилизирующий психический фактор для пациента, поскольку не зависят от настроения или от соображений момента.

Личных и социальных контактов между пациентом и аналитиком необходимо избегать, особенно вне сеансов. По причинам, связанным с конфиденциальностью, аналитик не предоставляет никаких сведений о своем пациенте третьим лицам и не вступает в контакт с окружением пациента и его семьей, кроме как в исключительных случаях и с согласия пациента. С этой точки зрения можно считать одним из парадоксов психоанализа тот факт, что четкие этические границы, которые устанавливают пациент и аналитик в своем общении, в действительности представляют собой гарантию, позволяющую свободно нарушать эти границы в воображении и в фантазиях. С этой точки зрения, рамки психоаналитического процесса создают преграду, которая на символическом уровне репрезентирует запрет на инцест.

Результат долгого развития

Хотя Фрейд очень рано понял необходимость установления рамок при лечении и уже после 1903 г. приблизительно выработал основные их элементы, психоаналитикам потребовалось много лет, чтобы понять истинное значение сеттинга для анализа. В 1895 г. в *Исследовании истерии* Фрейд описал, как он заменил технику внушения техникой свободных ассоциаций, заложив, таким образом, основу психоаналитических рамок. Впоследствии, несмотря на собственные рекомендации, опубликованные в 1904 г., и в работах о технике других периодов, Фрейд часто нарушал строго установленные им для себя правила, еще не осознавая всех негативных последствий этих нарушений. Например, Фрейд рассказывал о своих анализандах в переписке, называя их по именам и не скрывая, кем они являлись в действительности; он приглашал некоторых пациентов отобедать со своей семьей и даже брал в анализ людей из своего близкого окружения, например Ференци, а позднее собственную дочь Анну. Это показывает, что границы психоаналитических рамок долго оставались не слишком четкими, и только после Второй мировой войны, когда психоаналитики начали придавать особое значение переносу и контрпереносу, они осознали необходимость жесткого сеттинга, способного контейнировать интенсивные эмоции, возникающие у пациента и психоаналитика.

Неразрывная связь между рамками и аналитическим процессом

Первые психоаналитики обращали внимание прежде всего на развитие процесса, т. е. на внутреннюю эволюцию пациента, но при этом уделяли мало внимания рамкам, которые рассматривали в основном с точки зрения материальных условий, необходимых для осуществления самого процесса. К концу 1950-х годов появились первые попытки рассмотреть психоаналитические рамки в теоретическом смысле. Так, работы В. Р. Биона позволили установить аналогию между отношениями аналитик – анализанд на сессии и отношениями мать – ребенок и определить, что психоаналитические рамки относятся к процессу, как «содержащее» к «содержимому». Со своей

стороны Х. Блегер (J. Bleger, 1967) взял на себя задачу показать, что существует этап, предшествующий параноидно-шизоидной позиции по Кляйн, состоящий, по его мнению, из «ядра склеивания» Я и объекта, создающего симбиотическую связь: по мнению Блегера, эта связь выражается через личные отношения, которые пациент поддерживает с психоаналитическими рамками до тех пор, как ему удастся дифференцировать себя от них. С тех пор многие авторы внесли свой вклад в освещение вопроса о связи между рамками и процессом, и среди них Д. В. Винникот с понятием «холдинга» и Д. Анзьё с понятием «кожа как Эго».

Понять смысл рамок изнутри

Эти исследования позволили лучше понять, какое место занимают психоаналитические рамки по отношению к процессу. На самом деле рамки часто понимают неверно, и не только люди, не имеющие отношения к психоанализу, но и пациенты и иногда даже сами психоаналитики. К примеру, в представлении широкой публики рамки часто сводятся к карикатуре, т. е. к сцене, в которой пациент лежит на кушетке, а терапевт сидит в кресле; таким образом лишенная своего истинного смысла, психоаналитическая ситуация кажется абсурдной. Со своей стороны, пациентам часто требуется время, чтобы понять смысл некоторых условий, которые устанавливаются с самого начала, например: необходимости регулярных сеансов, высокая частота встреч каждую неделю, регулярная оплата и прежде всего – почему аналитик требует оплаты пропущенных сеансов, независимо от причин пропуска. Эти условия кажутся совершенно бессмысленными до тех пор, пока сам пациент не осознает их значения и не поймет изнутри ситуации, что строгие рамки необходимы для благоприятного течения всего процесса.

Одним из важных аспектов обучения будущего психоаналитика является усвоение им смысла психоаналитических рамок, которое начинается с опыта личного анализа, а затем закрепляется на супервизиях с опытными коллегами, чтобы рамки перестали восприниматься как список ригидных правил, навязанных произвольно психоаналитиком или институцией.

С этой точки зрения, аналитические рамки имеют смысл только в той мере, в какой каждое условие имеет свой смысл в контексте психоаналитической ситуации. Например, практика показывает, что отношение пациента к рамкам часто становится способом невербальной коммуникации между анализандом и аналитиком – способом, который прежде всего может быть выражением трансферентных бессознательных сопротивлений, способных быть интерпретированными и проработаными. Таким образом, по мере продвижения анализа, с помощью аналитика пациент постепенно начинает лучше понимать значение различных компонентов рамок и их отношение к процессу переноса.

Основы рамок в классическом психоанализе

Поскольку рамки и процесс неразделимы, то высокая частота еженедельных сессий в психоанализе остается основным критерием в этой области для аналитиков, принадлежащих к МПА и следующих указаниям Фрейда. Высокая частота встреч благоприятно влияет на осознание и про-

работку интерпретаций. Неразрывная связь между рамками и процессом позволяет также установить различие между психоаналитическим процессом и психотерапевтическим процессом, хотя эти различия не могут быть продемонстрированы на уровне исчисляемых переменных, в соответствии с классическими научными критериями. Лично я охотно прибегаю к метафорам, подобным той, что предложил Ж. Лапланш (1987), который сравнивал психическую энергию с атомной: желаем ли мы позволить ей высвобождаться в ходе неконтролируемой реакции, или предпочтем ее направлять при помощи циклотрона? Мне также кажется удачным сравнение фотографии и кино. Эти две техники основаны на одном и том же процессе фотографического изображения, а разница между ними – в скорости чередования изображений: если скорость меньше 18 кадров в секунду, мы видим отдельные изображения, если больше 18 кадров в секунду, мы видим движение, характерное для кино.

Скорее «искусство», чем «техника», с точки зрения детерминистской науки

Природа терапевтической работы психоаналитика и ее объект, человеческая психика, – причина того, что установление рамок само по себе не дает абсолютной гарантии успеха психоаналитического процесса. Этот аргумент используют некоторые критики, чтобы поставить под сомнение обоснованность психоаналитического метода, опираясь на научную детерминистскую модель. Возражение требует, чтобы мы задержались на этом вопросе и представили опровержение.

Свой ответ я начну с того, что в сфере человеческой психики разговор в терминах простой оппозиции успех – неудача будет редукционизмом, т. е. недооценкой психики как сложной системы. Как мы знаем сегодня, в системах такого типа нельзя ожидать, что определенное действие произведет определенный результат: законы линейного детерминизма здесь уже неприменимы. Я напоминаю, что, с научной точки зрения, сложная система, состоящая из бесконечного количества переменных, в долгосрочной перспективе ведет себя «непредсказуемо». На самом деле, минимальные сдвиги способны в любой момент изменить развитие системы настолько, что становится невозможно предвидеть ее эволюцию. Таким образом, если мы считаем, что человеческая психика ведет себя по модели сложной системы, как ее описывает детерминистская теория хаоса, можно справедливо предположить, что в долгосрочной перспективе психические феномены ведут себя непредсказуемо и не подчиняются «классической» научной модели, при которой определенное действие дает определенный результат (Ж. Пражье и С. Фор-Пражье, 1990; Ж. М. Кинодо, 1997а).

Что же касается невозможности с точностью предвидеть успех психоаналитического лечения с каждым конкретным пациентом, я думаю, что и на этот упрек можно ответить с методологической точки зрения. Так, по мнению Ж. Вассали (2001), техника Фрейда не является «*техникой*» в том смысле, который вкладывают в это слово сегодня, но в смысле «*технѐ*» Аристотеля, т. е. является «*искусством*». Следовательно, продукт этой деятельности связан не с уверенностью и необходимостью – как это было бы согласно законам линейного детерминизма, а с «вероятным» и «возможным».

Следовательно, ремесло психоаналитика – это искусство, и оно действует не на основании доказательств, а на основании симптомов, дедуктивных заключений, интуитивных предположений, т. е. процесса, который Фрейд, говоря о деятельности психоаналитика, называл «угадыванием» – *erraten* (*erraten* было не очень удачно переведено на французский язык как *deviner*, а на английский – как to guess). Если принять эту точку зрения и относиться к работе психоаналитика как к «*техне*», это значит, с одной стороны, что работа по интерпретации осуществляется не путем рационального размышления, а путем построения предположений; с другой стороны, это означает, что нельзя с уверенностью определить, обязательно ли искусство лечения, которое применяет психоаналитик к данному пациенту, приведет к успеху. По мнению Вассали, это проистекает из самой природы объекта психоанализа, сложность которого делает вполне законным подход построения предположений. К тому же, не является ли техника интерпретаций единственным средством, которым мы располагаем, чтобы разрабатывать – с немалой надеждой на успех – предмет, который никогда нельзя было репрезентировать, – бессознательное?

Биографии и история

Шандор Ференци (1873–1933)

Невозможно обсуждать вопрос психоаналитической техники, не упомянув о первопроходческой роли Шандора Ференци – венгерского врача и психоаналитика, клинический, технический и теоретический вклад которого трудно переоценить. Он долгое время занимал особое место рядом с Фрейдом, но в конце его жизни между ними возникли глубокие расхождения по противоречивому вопросу о так называемой «активной» технике Ференци.

Ференци родился и прожил всю свою жизнь в Венгрии. Диплом врача он получил в 1896 г. в Вене. В 1907 г. он открыл для себя «Толкование сновидений» и встретился с Юнгом, который в 1908 г. и представил его Фрейду. В следующем году Ференци сопровождал Фрейда и Юнга в их поездке по Соединенным Штатам. С тех пор между Фрейдом и Ференци установились сложные отношения: Ференци постепенно стал учеником Фрейда, его другом и другом его семьи, его доверенным лицом и даже анализандом. Начиная со своей встречи с Фрейдом в 1908 г., Ференци активно участвовал в расширении психоаналитического движения не только в Венгрии, но и во всем мире, и именно ему принадлежала идея создания Международной психоаналитической ассоциации и избрания Юнга ее первым президентом. Начиная с 1912 г. Ференци входил также в «секретный комитет», образованный после ухода Юнга с целью защитить Фрейда от втягивания в политические конфликты.

В 1909 г. Ференци опубликовал свою самую известную статью под названием «Интроекция и перенос», в которой ввел понятие интроекции, ставшее одним из основных понятий психоанализа. Он опубликовал и множество

других работ, поражающих оригинальностью и богатством клинического материала. Кроме того, он разделял интерес Фрейда к роли телепатической передачи, а также к филогенетической гипотезе, согласно которой травматические воспоминания, относящиеся к доисторическим временам и передающиеся следующим поколениям, лежат в основе неврозов. К тому же работы Ференци, посвященные военным неврозам, способствовали популяризации психоанализа после Первой мировой войны.

Ференци прошел анализ у Фрейда, хотя ему пришлось приложить много усилий, чтобы Фрейд, у которого и тогда уже это вызывало много сомнений, согласился. Анализ проходил в три этапа: первый – в 1914 г., второй и третий – в 1916, каждый их них занимал примерно три недели, причем на одном из этапов проводились два сеанса в день. Проблема Ференци касалась в основном его амбивалентности, в особенности когда в момент прохождения анализа он оказался вовлечен в запутанную эмоциональную ситуацию и не мог решить, жениться ли ему на своей любовнице Гизелле или на ее второй дочери Элме. В конце концов в 1919 г. он женился на Гизелле, но сразу же пожалел о своем решении и потом без конца упрекал Фрейда, что последний оказал на него давление. В частности, он обвинял Фрейда в том, что тот недостаточно проанализировал его негативный перенос. Фрейд защищался от этого обвинения в своей статье «Анализ конечный и бесконечный» (1937c).

В 1918 г. на состоявшемся в Будапеште V Международном конгрессе Ференци был избран президентом Международной психоаналитической ассоциации, но в связи с социальными и политическими волнениями в Венгрии был вынужден уступить этот пост Э. Джонсу. В следующем, 1919 г., Ференци оставил свой пост профессора психоанализа в университете Будапешта и полностью посвятил себя пациентам и разработке психоаналитической техники.

В 1920-е годы Ференци обратился в своих исследованиях к области «активной» техники психоанализа, которую он довел до крайних границ. Этот подход был предназначен для стимуляции развития аффективной составляющей переноса у пациентов с сильной регрессией, связанной с ранними травмами, которая заводила их лечение в тупик. В 1924 г. Ференци и Ранк, который также был приверженцем активной техники, опубликовали совместный труд «Развитие психоанализа». В этом произведении были представлены их взгляды, иные из которых опередили свое время. Например, Ференци и Ранк отстаивали важность анализа негативного переноса в отношениях между пациентом и аналитиком, а также уделяли большое внимание материнскому аспекту переноса, тогда как Фрейд прежде всего подчеркивал отцовский аспект переноса. Но предложенные ими способы сокращения срока анализа вывали резкий протест вначале у К. Абрахама и Э. Джонса, а потом и у Фрейда. В процессе своей практики Ференци выработал технический подход, направленный на то, чтобы привнести любовь, которой не хватало его пациентам в детстве, допуская физический контакт между аналитиком и его пациентом, вплоть до взаимных ласк и поцелуев, а также предложил технику «взаимного анализа» между двумя партнерами по аналитическим отношениям. Предчувствуя опасность инцестуоз-

ной трансгрессии в отношениях переноса, Фрейд упрекал своего ученика в нарушении этических границ и в попытке дать пациенту любовь в виде реального удовлетворения, что противоречило психоаналитическому методу, предполагающему исключительно обсуждение фантазий и аффектов, при полном воздержании от любого физического контакта между пациентом и аналитиком.

За те 25 лет, что длились их взаимоотношения, Фрейд и Ференци обменялись более чем 1200 письмами, их переписка продолжалась до самой смерти Ференци в 1933 г. Эти письма составляют драгоценный источник информации о том решающем в истории развития психоанализа периоде. Хотя в конце 1920-х годов они отдалились друг от друга, но их разрыв никогда не был окончательным, и в своей речи на похоронах Ференци в 1933 г. Фрейд признал высочайшие заслуги своего ученика перед психоанализом.

Спор об активной технике привел к тому, что Ференци оказался незаслуженно забыт фрейдистским психоаналитическим сообществом на многие десятилетия. Но недавно опубликованные работы восстановили его историческую роль в развитии психоанализа и вновь привлекли интерес к его новаторским идеям (Haynal, 1986, 2001). Хотя Ференци и был забыт на долгое время, следует уточнить, что его влияние сохранилось благодаря известным психоаналитикам, проходившим у него анализ: среди них Джонс, Кляйн, Рикман, Рохайм, Балинт и Гроддек. Кроме того, его исследования активной техники повлияли также на взгляды и труды его непосредственного ученика Балинта, а также на труды Винникотта, Масуда Хана, Кохута и Моделла.

«ВОСПОМИНАНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ И ПРОРАБОТКА» (1914g)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1914g). Remémoratio, répétition et élaboration // La technique paychanalytique, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1953 (1-re ed.), 1970, p. 105–115.

Эта статья о технике имеет огромное значение для понимания анализа переноса: в ней Фрейд показывает, что некоторые пациенты не способны вспомнить свое прошлое и выразить свой опыт словами. Но эти якобы забытые воспоминания проявляются в их поведении и воспроизводятся в действии в отношениях с психоаналитиком. Вот краткий пример, объясняющий, что Фрейд подразумевает, употребляя слово «повторить» вместо «вспомнить»: может случиться, что пациент, покинутый в детстве, не помнит и не говорит об этом, но мы наблюдаем, что во взрослой жизни он регулярно расстается с людьми, с которыми у него завязываются отношения, будь это подружка или наниматель; пациент не осознает, что в этих отношениях он совершает нечто, ведущее к тому, что он снова будет оставлен, сам не зная почему. Ситуация оставления повторяется по одной и той же модели, но пациент не осознает, что речь идет о повторении уже пережитой в прошлом ситуации, и поэтому не может помешать этому повторению. Что таким образом «*повторяет*» пациент? Фрейд утверждает: «*Ну что ж, он повторяет все то, что уже нашло и проделало свой путь от вытесненного источника*

к манифестной стороне его личности: его торможения, его неадекватные убеждения, его патологические черты характера. Во время лечения он также повторяет все свои симптомы» (p. 110). Это *«вынужденное повторение»* связано с переносом и с сопротивлением: с одной стороны, оно связано с переносом, поскольку это повторение прошлого в действиях проигрывается по отношению к личности аналитика так, что *«перенос сам по себе является лишь фрагментом повторения»* (p. 109); с другой стороны, это повторение связано с сопротивлением: *«чем больше сопротивление, тем больше переход в действие (повторение) замещает воспоминания»* (p. 109). Из этого следует, что психоаналитик должен рассматривать болезнь не как явление прошлого – о котором пациент не может вспомнить, – но *«как силу, действующую в настоящем»* (p. 110) до тех пор, пока не удастся осознать ее связь с прошлым.

Кроме того, Фрейд замечает, что интенсивность повторения пропорциональна аффективному качеству переноса: когда перенос позитивный, пациент настроен на воспоминания, если наоборот, перенос негативный и сопротивление усиливается, то и тенденция к повторению в действии усиливается. В крайних случаях бывает, что отношение переноса в свою очередь вовлекается в повторение: *«Повторяющееся действие вызывает разрыв связи, которая привязывает пациента к лечению»* (p. 113). В то же время, благодаря работе с переносом, аналитику удается *«препятствовать автоматическому повторению и превратить его в причину воспоминаний»* (p. 113). Для этого психоаналитику недостаточно *«дать имя»* сопротивлению: *«Оно не исчезнет от этого немедленно. Надо оставить пациенту достаточно времени для того, чтобы он хорошо понял это сопротивление, о котором он еще недавно ничего не знал, и „проработал его интерпретациями", победил и продолжил начатую работу, несмотря на него и подчиняясь основному правилу анализа»* (p. 114). Именно уважение аналитика к потребности пациента во времени для самостоятельной проработки составляет определяющую составляющую психоаналитического процесса.

«ЗАМЕЧАНИЯ О ЛЮБВИ В ПЕРЕНОСЕ» (1915a)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1915a). Observation sur l'amour de transfert // La technique psychanalytique, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1953 (1-re éd.), 1970, p. 116–130.

Как должен вести себя аналитик, сталкиваясь с любовным переносом, чтобы избежать прерывания лечения? Например, как реагировать, когда пациентка испытывает к своему аналитику нежные чувства, которые оказываются воспроизведением ее детской любви к матери или к отцу? По мнению Фрейда, не следует ни ссылаться на мораль, чтобы осудить ее, ни предлагать пациентке *«подавить свое влечение»*, что противоречило бы аналитическому подходу. Он не советует также *«утверждать, что разделят нежные чувства пациентки, но избегать всех физических проявлений этих чувств, до того момента, когда ему удастся вывести ситуацию более спокойными путями на более развитый уровень»* (p. 122). На самом деле такой образ

действий небезопасен, поскольку «*мы не безусловно уверены в себе и в том, что неожиданно для себя не перейдем однажды установленные границы*». Опасность подобного образа действий состоит, вероятно, в том, что авансы пациентки находят отклик у аналитика, так как пациентке, видимо, удалось «*воплотить в действие, воспроизвести в реальной жизни то, о чем она должна была лишь вспомнить и что следует удерживать на психическом уровне в качестве содержания мыслей*». Поэтому существенно, чтобы лечение проходило в условиях воздержания [abstinence] – это понятие Фрейд поясняет в рассматриваемой нами ниже статье – и в то же время так, чтобы у пациента сохранялись подобные потребности и желания, которые станут «*движущими силами*» изменений.

Постфрейдисты

Вопросы психоаналитической этики

Вопрос нарушения психоаналитических рамок очень сложен, поскольку связан с множеством разных факторов, как показали Глен Габбард и Ева Лестер в своей работе *Boundaries and Boundary Violation in Psychoanalysis* (Gabbard, Lester, 1995). На самом деле, в ходе психоаналитического процесса есть риск не только нарушений сексуального порядка, о которых говорит Фрейд в «Замечаниях о любви в переносе», но и нарушений несексуального характера, значение которых, по мнению авторов, также не стоит недооценивать. Эти последние принимают самые разные формы и состоят в связанных с действием контрпереноса нарушениях рамок. Например, когда аналитик требует слишком маленькую или, наоборот, слишком высокую оплату; настаивает, чтобы пациент шел на чрезмерные временные жертвы ради анализа или сам оказывается доступным для пациента в любое время дня и ночи и т. д. Есть множество причин, по которым аналитик оказывается готов иногда нарушить установленные рамки, и авторы этой работы констатируют, что часто аналитик действует подобным образом по причинам, связанным с тем или иным переживаемым им в этот момент кризисом.

Глен Габбард и Ева Лестер настаивают на необходимости принимать предупредительные меры на всех уровнях. Что касается обучения будущего психоаналитика, надо быть внимательным к тому, как прошел его личный анализ, а также развивать его способность анализировать свои контрпереносные реакции. В клиническом плане супервизия – особо важный инструмент, помогающий исследовать проблемы аналитической техники, связанные с поддержанием строгих рамок, гарантирующих благоприятное развитие психоаналитического процесса: «*Лучший подарок и самое эффективное лекарство, которое мы можем предложить пациенту – это сами психоаналитические рамки*» (Gabbard, Lester, p. 147). Кроме того, авторы полагают, что вынужденная изоляция как один из параметров работы частнопрактикующего аналитика – это фактор риска, и рекомендуют, каким бы опытным ни был психоаналитик, находить время для обсуждения проблем собственного контрпереноса со знающим коллегой. Наконец, Габбард и Ле-

стер полагают, что каждому психоаналитическому институту и каждому психоаналитическому обществу следует наладить работу независимого этического комитета. Этот комитет должен быть готов конфиденциально выслушать не только пациентов и третьих лиц, которые захотят им что-либо сообщить, но и психоаналитиков, находящихся в затруднительном положении. Их опыт показывает, что вопросы нарушения психоаналитических рамок часто склонны рассматривать с точки зрения морали или вовсе игнорировать, в то время как важно предпринять необходимые шаги, чтобы предоставить терапевтическую помощь проходящему через критический период коллеге.

«НОВЫЕ ПУТИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ» (1919a)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1919a). Les voies nouvelles de la thérapeutique psychanalytique // La technique psychanalytique, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1953 (1-re éd.), 1970 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF.P, XV, p. 97–108].

В этой статье Фрейд уточняет, что он подразумевает, рекомендуя «*проводить психоаналитическое лечение настолько, насколько это возможно, поддерживая состояние фрустрации и воздержания*». Это не значит, что следует лишать пациента любого удовлетворения или запрещать ему вступать в сексуальные отношения, а подразумевает, что требуется избегать опасностей двух типов, представляющих угрозу для хода терапии. Первая опасность состоит в стремлении пациента искать замещающего удовлетворения, например, осуществить с кем-либо из своего окружения то, чего он в переносе ждет от аналитика, так как подобное удовлетворение может занять место симптома; вторая опасность состоит в поиске замещающего удовлетворения в самих отношениях переноса с аналитиком. Поэтому аналитик должен следить за тем, чтобы пациент сохранял «*достаточно нереализованных желаний*», испытывая от этого некоторую степень фрустрации, даже если «*мы будем вынуждены время от времени представать перед пациентом в качестве воспитателя или советчика*», добавляет Фрейд (p. 138 [105]).

В заключение Фрейд заглядывает в будущее психоанализа, воображая развитие аналитической техники, которое позволило бы применять эту терапию при психозе, а не только при неврозе. Кроме того, он допускает возможность, что людям из социально не защищенных слоев общества в будущем могла бы быть бесплатно предоставлена адаптированная форма психоаналитической терапии: «*Все заставляет думать, что в связи с массовым использованием нашей терапии мы будем вынуждены смешивать чистое золото психоанализа со свинцом прямого внушения. Иногда мы даже будем вынуждены, как при лечении военных неврозов, прибегать к гипнотическому воздействию. Но какой бы ни была форма этой народной терапии и ее элементов, ее самыми важными и самыми активными частями останутся те, что принадлежат истинному психоанализу без всяких уклонений*» (p. 141 [108]).

Постфрейдисты

Роль Международной психоаналитической ассоциации сегодня

В 1910 г. на Конгрессе в Нюрнберге Фрейд в целях охранения созданного им психоанализа основал Международную психоаналитическую ассоциацию (МПА). В составе этой организации в 1920 г. числилось 240 человек, в настоящее время в ней состоят немногим более 10000 членов примерно в тридцати странах, в основном в Европе, Северной Америке и Латинской Америке. Деятельность МПА включает установление единых стандартов обучения, проведение международных конференций и конгрессов, оказание помощи в развитии клинической работы, психоаналитического образования и исследований. Ассоциация координирует международные аспекты профессиональной жизни психоаналитиков и руководит созданием новых групп, в частности, в странах, которые только начинают проявлять интерес к психоанализу, как это происходит, например, уже несколько лет в странах Восточной Европы и во многих других.

Начиная с 1920-х годов, когда во всем мире стало расти число психоаналитиков, начались попытки выработать международные критерии, чтобы обеспечить распространение психоанализа оптимальным образом. Чтобы избежать подводных камней неприемлемой для ассоциации оценки будущего психоаналитика «внешней» инстанцией, подготовка будущих психоаналитиков доверяется обществам, входящим в состав МПА и действующим по принципу саморегулирования в рамках ассоциации. Психоаналитическое образование основывается, по существу, на трех взаимодополняющих этапах. Это *личный опыт* анализа – так называемый «обучающий» анализ; *супервизия* первых аналитических случаев опытными психоаналитиками; *приобретение фундаментальных знаний,* в первую очередь изучение творчества Фрейда.

Со временем Учебный комитет Международной психоаналитической ассоциации выработал минимальные рекомендации, касающиеся условий, которые должны выполнять лица, желающие получить психоаналитическое образование (стать кандидатом), получить звание члена ассоциации (стать психоаналитиком) или стать обучающим аналитиком. На каждом этапе оценка делается на основании ряда встреч заинтересованного лица с опытными психоаналитиками, которые стараются установить, приобрел ли он необходимые качества для проведения психоаналитического лечения или в другом случае обучения будущих психоаналитиков. Эти рекомендации являются результатом договоренности, к которой пришли различные общества в составе МПА. Например, директивы, опубликованные в конце 1980-х годов, уточняют, что личный анализ будущего психоаналитика должен проводиться с достаточно высокой еженедельной частотой, чтобы обеспечить, в соответствии с рекомендацией Фрейда, развитие углубленного аналитического опыта. Сегодня в большинстве обществ требуется прохождение обучающего анализа с частотой как минимум четырех – пяти сессий в неделю (в некоторых обществах, в виде исключения трех); кро-

ме того, рекомендуется, чтобы будущий психоаналитик успешно провел хотя бы два аналитических случая, каждый под супервизией обучающего психоаналитика. В то же время, хотя большая часть обществ соблюдает эти минимальные рекомендации, все более сильное давление ощущается сейчас не только извне, но и со стороны членов самой МПА, желающих сократить срок обучения и снизить требования допуска к обучению, чтобы большее количество психотерапевтов было допущено к психоаналитической практике.

Я думаю, что всегда будет сложно установить равновесие между необходимостью поддерживать основные достижения психоанализа, которые сами по себе предъявляют высокие требования к работе психоаналитика и к психоаналитическому процессу, и желанием дать доступ к психоанализу большему числу заинтересованных людей, не рискуя при этом потерять его специфику.

Хронология понятий

Воздержание [абстиненция] – любовь в переносе – психоаналитические рамки – контрперенос – психоаналитический процесс – воспоминание – повторение, вынужденное повторение – психоаналитическая техника – позитивный перенос, негативный перенос.

ТОТЕМ И ТАБУ
S. FREUD (1912–1913a)

Творение визионера или устаревшее произведение?

В этом важнейшем произведении, заслуживающем большего внимания, чем то, каким оно пользуется сегодня, Фрейд демонстрирует поразительное психоаналитическое *ви*дение человеческой природы, открывая более широкие перспективы, чем в своих предыдущих работах. Он опирается на этнологические и антропологические исследования, чтобы установить параллели с открытиями психоанализа, а именно с некоторыми элементами эдипова комплекса, такими как запрет на убийство предка – отца или его представителя – и запрет на инцест, т. е. на брак с женщиной, принадлежащей отцу. Однако эдипов комплекс не может заново рождаться с каждым индивидом, в каждом новом поколении. Фрейд выдвинул смелую гипотезу, своеобразие которой навлекло на него яростную критику: по его мнению, на структуру эдипова комплекса повлияли атавистические следы, восходящие к самым истокам возникновения человечества. С точки зрения Фрейда, можно обнаружить эти архаические следы в сильных амбивалентных чувствах, которые каждый индивид, независимо от пола, испытывает по отношению к своему отцу – о матери он не говорит, – и в бессознательном чувстве вины, которое передается от человека к человеку из поколения в поколение. Для Фрейда нет никакого сомнения в том, что это чувство вины осталось от первоначального греха, предположительно совершенного в незапамятные времена за тотемической трапезой, когда братья, объединившись в своей ненависти к отцу, убили и съели его, чтобы захватить власть и завладеть наследством. Из этого древнего акта каннибализма предков проистекает, вероятно, не только индивидуальное чувство вины, но и различные стадии развития социальной организации человечества, от примитивного тотемизма к коллективной морали, которая обеспечивает преемственность общественной жизни. Религия стала явлением того же порядка, и здесь мы можем проследить развитие от древней тотемической религиозности до современного христианства, основанного на постулате первородного греха, совершенного первыми людьми против Бога Отца. Гипотезы, выдвинутые Фрейдом в *Тотеме и табу,* вызвали критику со всех сторон, однако очевидно, что в этом труде он ставит фундаментальные вопросы, способные «*надолго нарушить сон человечества*», как он и предсказывал. Может быть, это и есть причина, хотя бы отчасти объясняющая отсутствие интереса к работе *Тотем и табу* в настоящее время.

Биографии и история

Загадка зарождения религий

Вопрос о происхождении религий всегда занимал Фрейда, который сам не был религиозным, хотя вырос в традиционной религиозной еврейской семье. Его интерес к мифологии и мистицизму вновь пробудили и оживили работы Юнга. Начиная с 1911 г. Фрейд погрузился в чтение многочисленных трудов по религиоведению и этнографии, особенно увлекали его работы Фрезера и Вундта. На протяжении двух лет он почти целиком посвятил себя работе над четырьмя эссе, составляющими «Тотем и табу»: они публиковались по отдельности в 1912 и 1913 гг. в журнале «Imago», а позднее вышли одной книгой. Труд был плохо принят за пределами психоаналитических кругов, особенно антропологами, которые упрекали Фрейда в неправильной интерпретации фактов и оспаривали универсальность его тезисов. Но Фрейд никогда не отказывался от своих выводов и не внес никаких изменений в свой труд. Даже напротив, он воспроизвел те же тезисы в своих последующих работах о массовой психологии и вновь подтвердил свою позицию в 1939 г.: «Тем не менее и прежде всего, я не этнолог, а психоаналитик. Я имел право извлечь из этнологической литературы то, что могу использовать в своей психоаналитической работе» (Freud, 1939a, p. 236).

Разрыв с Карлом Густавом Юнгом

В 1911 г. психоаналитическое движение начало приобретать размах. В Венском обществе стали разыгрываться острые конфликты, связанные с расхождением во взглядах и с усиливающейся ревностью между некоторыми учениками Фрейда. Альфред Адлер выбыл в 1911 г., так как развитие его теории привело его к отказу от понятий бессознательного, вытеснения и детской сексуальности – основных постулатов психоанализа. В 1912 г. покинул общество Вильгельм Штекель, к большому облегчению Фрейда. Иначе обстояло дело с Карлом Юнгом, которого Фрейд долгое время считал своим «наследным принцем». Их сотрудничество продолжалось шесть лет, но уже вскоре после их знакомства в 1907 г. между ними наметились расхождения во взглядах. Это не помешало Юнгу стать первым президентом Международной психоаналитической ассоциации в 1910 г. и главным редактором «Психоаналитического ежегодника» («Jahrbuch»). Он сопровождал Фрейда в Соединенные Штаты, когда тот получил в 1909 г. приглашение от Университета Кларк прочесть цикл лекций. В тот период Юнг углубился в изучение мифологии. Расхождения Фрейда и Юнга возникли по поводу значения понятия «либидо»: в отличие от Фрейда, который видел в либидо выражение чисто сексуальных влечений, Юнг считал, что нельзя ограничивать значение либидо одной сексуальностью, что оно относится к влечениям вообще, включая влечение к самосохранению. В 1912 г. Юнг опубликовал работу «Либидо, его метаморфозы и символы», в которой развил свои идеи о природе либидо, мифологии и о символическом значении инцеста. Именно идеи, содержащиеся в этом произведении, окончательно убедили Фрейда

просить Юнга покинуть психоаналитическое движение, настолько явными стали научные разногласия между ними. Различные, имевшие место ранее многозначительные эпизоды уже предвещали их разрыв, в частности некоторые ошибочные действия в адрес Фрейда со стороны Юнга и обморок Фрейда в присутствии Юнга в Мюнхене; этот последний случай заставил Фрейда осознать, что он желает смерти своему бывшему ученику, и пробудил в нем воспоминания о том, как в возрасте 19 месяцев он уже желал смерти подобным образом своему младшему брату. Окончательный разрыв Фрейда и Юнга произошел в 1913 г. на конгрессе в Веймаре.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1912–1913a). Totem et tabou, trad. S. Jankélévitch, 1923, 1965. Paris: Payot, 1923, 1965, 241 p. [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF.P, IX, 189–385].

• Страх перед инцестом

В *Тотеме и Табу* Фрейд поставил перед собой цель выявить некоторые соответствия между психологией примитивных народов, как она описана в этнологии, и психологией невротиков, как ее видит психоанализ. За отправную точку он взял тотемизм, практикуемый, в частности, аборигенами Австралии, у которых каждое племя носит название своего тотема. Как правило, это животное, например кенгуру или страус Эму. Тотем наследуется от предков, и его характер распространяется на всех потомков. Повсюду, где чтят тотем, отмечает Фрейд, существует также закон, *«согласно которому* ***члены группы, относящейся к данному тотему, не должны иметь между собой никаких сексуальных отношений и, следовательно, не должны заключать между собой браки»*** (p. 15 [200]). Нарушение этого запрета карается очень сурово, как если бы оно подвергало все племя смертельной опасности. Таким образом, эти примитивные народы демонстрируют особенно сильный страх перед инцестом, чему Фрейд приводит и другие примеры, взятые из этнографических трудов. Со страхом перед подобным нарушением связан ряд *обычаев,* цель которых – избежать какой бы то ни было близости между лицами, принадлежащими к одному тотему. Самый распространенный и самый суровый обычай связан с взаимным избеганием тещи и зятя. Как психоаналитик, Фрейд считает, что подобное взаимное избегание основано на *амбивалентных* отношениях, т. е. на сосуществовании взаимных нежных и враждебных чувств, тесно связанных со страхом инцеста.

С точки зрения Фрейда, связанный с тотемом страх инцеста, который мы наблюдаем у *дикарей,* обнаруживается и в психической жизни невротиков, у которых представляет инфантильную черту: *«Психоанализ показал нам, что первый объект, на который направлен сексуальный выбор маленького мальчика, имеет инцестуозную природу, подобный выбор осуждают, поскольку объектом являются мать или сестра. Психоанализ показывает нам,*

какой путь проходит мальчик по мере своего взросления, чтобы вырваться из притяжения этого инцестуозного выбора» (p. 33 [218]). Следовательно, бессознательные инцестуозные фиксации или регрессии либидо играют центральную роль в неврозе так, что инцестуозные желания, обращенные на родителей, составляют *ядерный комплекс невроза.* Открытие психоанализом значения страха перед инцестом в бессознательной мысли невротиков столкнулось с всеобщим недоверием, что, по мнению Фрейда, является прекрасным доказательством тревоги, которую это открытие возбуждает в каждом индивиде: *«Мы вынуждены согласиться с тем, что это сопротивление вытекает, в первую очередь, из глубокого отвращения, которое человек испытывает к своим ранним инцестуозным желаниям, сегодня полностью и глубоко вытесненным. Таким образом, представляется важным показать, что примитивные народы все еще переживают эти становящиеся затем бессознательными инцестуозные желания как нечто настолько опасное, что вынуждены защищаться от них при помощи чрезвычайно суровых мер»* (p. 34 [218]).

- **Табу и амбивалентность чувств**

Вслед за тем Фрейд изучает понятие табу. Это полинезийское слово имеет двойное значение, так как заключает в себе, с одной стороны, идею священного, освященного и, с другой стороны, идею чего-то ужасного, опасного, запретного. Запреты, связанные с табу, не являются частью моральной или религиозной системы, это запреты сами по себе; первоначально табу появилось из страха перед демоническими силами, а потом само стало демоническим. Его источником является сила волшебства, которая связывается с людьми в исключительном положении – королями, священниками, женщинами во время менструального цикла, подростками и т. д. – или с особыми местами; каково бы оно ни было, табу внушает одновременно чувство уважения и ужаса. В психоанализе мы встречаем людей, которые налагают на себя табу, как *дикари:* это обсессивные невротики. Эти люди внутренне убеждены безжалостной *совестью,* что если они нарушат некие таинственные запреты, произойдет несчастье. Страх, связанный с запретом, не мешает нам наблюдать как у примитивных народов, так и у невротиков *удовольствие-желание* нарушения табу, и Фрейд подчеркивает, что желание нарушить запрет очень заразительно.

Фрейд старается установить соответствие между табу примитивных народов и табу обсессивных невротиков и находит его в амбивалентности чувств. У примитивных народов мы встречаем высокую степень амбивалентности в многочисленных предписаниях, которые сопровождают табу. Мы видим тому примеры в обращении с врагами, когда их умерщвление сопровождается предписаниями ритуала искупления, или в табу правителей, когда король, почитаемый своими подданными, в то же время заточен ими в принудительную церемониальную систему: признак амбивалентного отношения к внушающему зависть привилегированному лицу.

Постоянное присутствие в табу амбивалентных чувств навело Фрейда на мысль более пристально изучить роль некоторых фундаментальных пси-

хических механизмов. Например, он установил параллель между чувством преследования, которое испытывает примитивный человек по отношению к своему владыке, и параноидным бредом; и то, и другое основано, вероятно, на амбивалентности чувств любви и ненависти, которые ребенок испытывает по отношению к своему отцу, как он показал, рассматривая отцовский комплекс Шребера. Что касается табу, связанного с мертвыми, Фрейд указывает, что навязчивые самообвинения, которыми изводит себя оставшийся в живых, связаны с чувством вины в смерти любимого человека и потому также обнаруживают сильную амбивалентность: «*Можно обнаружить похожую враждебность, скрытую за проявлениями нежной любви, почти во всех случаях сильной фиксации чувств на определенной личности: это классический случай, прототип амбивалентности человеческих эмоций*» (p. 91 [267]). Но что в таком случае отличает обсессивного невротика от примитивного человека? Фрейд отвечает, что у невротика враждебность по отношению к усопшему бессознательна, так как является выражением удовлетворения от этой кончины, которое невозможно признать; у примитивных народов действует противоположный механизм – враждебность становится объектом *проекции* на мертвого: «*Выжившие никогда не позволяют себе испытывать враждебность к дорогому усопшему; они думают, что это душа ушедшего испытывает подобное чувство, которое она и старается удовлетворить в период траура*» (p. 92 [268]). Здесь Фрейд говорит о *разделении*, которое он видит при амбивалентных чувствах, предвосхищая свои последующие работы о расщеплении: «*Здесь вновь предписания табу имеют, как и симптомы невротиков, двойное значение. С одной стороны, судя по тем ограничениям, которые эти предписания накладывают, они выражают страдание, которое принесла смерть любимого существа. С другой стороны, предписания табу оставляют прозрачным то, что они хотели бы скрыть, – враждебность по отношению к покойному, которой эти предписания теперь придают характер необходимой самозащиты*» (p. 92 [268]).

Изучение табу проясняет также понятие *совести*, или *осознания вины*, которое Фрейд начинает мыслить более объемно. Он определяет совесть как восприятие внутреннего осуждения желаний, которые испытывает невротик, – ужасное чувство, которое не отличается от *голоса совести*, связанного у дикаря с табу, нарушение которого вызывает появление *ужасающего чувства вины* (p. 101 [276]). С точки зрения Фрейда, чувство вины и страх наказания основаны на амбивалентности чувств как у невротика, так и у примитивного человека, но первого от второго отличает то, что табу является не неврозом, а социальным образованием. Эти рассуждения предвещают появление понятия Сверх-Я, которое получит свое определение лишь спустя 10 лет, в 1923 г.

- **Анимизм, магия и всемогущество мысли**

Анимизм особенно широко распространен среди примитивных народов, которые верят, что мир населен множеством духов, благосклонных или враждебных по отношению к ним, и возлагают на этих духов ответственность

за природные явления. По мнению Фрейда, за историю своего существования человечество сменило три главных способа видения мира: анимическое (мифологическое), религиозное и научное. Первым представлением о мире был анимизм, который является не чем иным, как психологической теорией; кроме того, анимизм существует в паре с колдовством и магией. Колдовство – это искусство оказывать влияние на духов, а магия – это собственно техника анимизма. Магия служит для того, чтобы подчинять природные процессы воле человека и защищать индивида от врагов и опасностей, в то же время она дает человеку могущество, необходимое, чтобы противостоять своим врагам. При таком видении мира чрезмерная переоценка мысли искажает восприятие действительности, так что принципом действия магии является всемогущество мысли: «*Принцип, согласно которому действует магия, техника мысли при анимизме, – это „всемогущество идей“*» (p. 123 [295]).

У невротика психоанализ выявил примитивный способ функционирования, состоящий во всемогуществе мыслей, особенно при обсессивном неврозе, когда переоценка мыслительных процессов берет верх над реальностью, как, например, в случае одержимости крысами у «Человека с крысами». Завышенное представление индивида о могуществе своей мысли, добавляет Фрейд, – основной элемент «*нарциссизма*», т. е. стадии развития, на которой сексуальные влечения уже нашли свой объект, но этим объектом пока еще остается собственное Я индивида. Таким образом, можно предположить, что всемогущество мыслей у примитивных народов соответствует ранней стадии либидинального развития – *интеллектуальному нарциссизму,* к которому невротик приходит при регрессии или при патологической фиксации. Наконец, Фрейд снова обращается к идее, что в анимизме духи и демоны, населяющие мир, – не что иное, как «*проекции*» значимых для индивида чувств и лиц, таким образом, он находит внутренние психические процессы вовне, так же как Шребер находил их в содержании своего параноидного бреда.

- **Возвращение детского тотемизма**

Тотем и Эдип

Опираясь в своих исследованиях в числе прочего на работы антрополога Д. Фрезера, который показал, что животное-тотем, как правило, считалось предком племени и что тотем передавался по наследству, от поколения к поколению, Фрейд высказал мысль, что тотемизм и экзогамия связаны с представлением о предках и прародителе; он согласен в этом с идеей Дарвина о существовании первичной орды у людей, так же как у приматов. Исходя из этого постулата, Фрейд проводит параллель между животным-тотемом и детской фобией, так как ее объектом тоже часто является животное. По мнению Фрейда, и животное-тотем, и объект фобии представляют отца, внушающего одновременно страх и уважение, как показала фобия лошади у «маленького Ганса». Присутствие амбивалентных чувств к отцу в обеих ситуациях позволяет Фрейду сделать заключение, что тотем и эдипов комплекс

имеют общее происхождение: «*Если животное-тотем есть не кто иной, как отец, мы, на самом деле, получаем следующее: два основных руководящих принципа тотемизма, два предписания табу, которые формируют его ядро, признание запрета на убийство отца и запрет на брак с женщиной, принадлежащей к тому же тотему, совпадают по своему содержанию с двумя преступлениями Эдипа, который убил своего отца и женился на своей матери, с двумя примитивными желаниями ребенка – недостаточное вытеснение или возврат которых и формируют ядро любого невроза*» (p. 186 [349]).

Тотемическая трапеза и убийство отца

Продолжая исследование других особенностей тотемизма, в частности предполагаемого существования первобытной церемонии «тотемической трапезы», Фрейд выдвинул смелую гипотезу, согласно которой однажды в доисторические времена отец примитивного племени был убит и съеден своими сыновьями во время жертвенной трапезы: «*Однажды изгнанные братья собрались вместе, убили и съели своего отца, что положило конец существованию отцовского племени. Объединившись, они стали более смелыми и смогли осуществить то, что каждый из них не смог бы осуществить по отдельности*» (p. 199 [361]). Церемония тотемической трапезы примитивных племен является, вероятно, напоминанием об этом событии: «*Тотемическая трапеза, которая стала, возможно, первым празднеством человечества, была воспроизведением и празднованием этого памятного преступного акта, который послужил отправной точкой стольких вещей: социального устройства, моральных запретов, религий*» (p. 200–201 [361]). Удовлетворив таким образом свою ненависть, сыновья начали осознавать свою вину, что повлекло за собой желание примириться с поруганным и уничтоженным ими отцом. Из сыновнего чувства вины произошла тотемическая религия, вобравшая в себя оба фундаментальных табу: запрет на убийство животного-тотема, представляющего отца, и запрет на инцест. По мнению Фрейда, это чувство вины лежит не только в основе тотемической религии, но и в основе любой религии, общественного устройства и морали: «*Общество покоится с тех пор на одной общей ошибке, одном преступлении, совершенном сообща; религия – на чувстве вины и раскаянии; мораль – на нуждах этого общества, с одной стороны, и, с другой стороны, на потребности в искуплении, порожденной чувством вины*» (p. 205 [365]).

Тотемическое жертвоприношение лежит в основе всех религий

Фрейд идет дальше и показывает, что религия является крайним выражением амбивалентности по отношению к отцу: за устранением отца, сопровождавшимся его поеданием сыновьями с целью стать похожими на него, последовала его идеализация, возвеличение, превращение в божество данного племени. Воспоминание о первом великом акте жертвоприношения стало вечным и нерушимым, и последующие разнообразные пути развития религиозной мысли стали формой его рационализации. Фрейд показывает, как это нашло отражение в христианстве, в том, что Христос пожертвовал

собственной жизнью во искупление наследственного греха своих братьев: «*В христианском мифе первородный грех, несомненно, следует из оскорбления Бога Отца*» (p. 230 [374]).

В заключение Фрейд ставит вопрос о том, каким образом чувство вины, связанное с убийством отца, неистребимо присутствовало у человека на протяжении тысячелетий, ускользая от осознания индивидов и целых поколений. Он высказывает предположение, что существует, вероятно, нечто вроде *коллективной души*, аналогичное *индивидуальной душе*, что передается из поколения в поколение помимо *прямой передачи и традиции*. Этот процесс еще мало изучен: «*В основном коллективная психология мало заботится узнать, какими средствами осуществляется непрерывность психической жизни последовательных поколений. Эта непрерывность обеспечивается частично за счет наследования психической предрасположенности, которая, чтобы стать эффективной, должна в то же время стимулироваться некоторыми событиями индивидуальной жизни. Именно так надо интерпретировать слова поэта: „Что дал тебе отец в наследное владенье, / Приобрети, чтоб им владеть вполне“*[1]» (p. 222 [379]). В заключение Фрейд устанавливает различие между невротиком и примитивным человеком: «*У невротика действие полностью заторможено и полностью заменено на идею. Первобытный человек, наоборот, не знает никаких помех к действию; его идеи немедленно воплощаются в действия; можно даже сказать, что действие заменяет идею, и поэтому <…> мы рискуем высказать следующее предположение: „Вначале было действие“*» (p. 225–226 [382]).

Постфрейдисты

Творение визионера и спровоцированная им критика

С момента своего появления это произведение вызвало шквал критики как со стороны антропологов, так и со стороны психоаналитиков, и споры даже сегодня далеки от завершения; это отражено в нескольких примерах, отобранных нами из необычайно многочисленной литературы по этому вопросу.

Критика со стороны этнологов

В 1920 г. этнолог А. Кройбер одним из первых высказал возражения по поводу *Тотема и табу*. Он оспаривал как методологию, так и теоретические выводы и отверг гипотезу социорелигиозного происхождения цивилизации, выдвинутую Фрейдом. В то же время А. Кройбер продемонстрировал готовность использовать открытия психоанализа в антропологических исследованиях. Другие критики выступали против Фрейда лично: например, Д. Фриман (Freeman, 1967) высказал мысль, что теория первичного убийства была в основном выражением амбивалентности Фрейда по отношению к фигуре собственного отца. По большей части позиции Фрейда были оспорены не только по причине вдохновлявшего его «социального дарвинизма»,

1 *Гёте И. В.* «Фауст» I, строфа 682–683; Ночь, монолог Фауста.

но также и потому, что большинство специалистов отвергали этнологические и антропологические положения, легшие в основание *Тотема и табу*.

Филогенез: спорный вопрос

Одно из важнейших критических замечаний к гипотезам, представленным Фрейдом в работе *Тотем и табу*, было высказано самими психоаналитиками и заслуживает, чтобы мы остановились на нем подробнее, потому что после прочтения всех трудов Фрейда я убежден, что, обнаружив важность филогенетической передачи, он выступил здесь как проницательный первооткрыватель. Предмет споров представляет гипотеза (которой Фрейд так или иначе касается во многих своих работах) о передаче мнемических следов от начала человечества, из поколения в поколение. Фрейд разделяет процесс индивидуального развития от детства до взрослого возраста – онтогенез – и процесс эволюции всего человечества от истоков до наших дней – филогенез. По его мнению, следы травматических событий, произошедших в ходе человеческой истории, вновь проявляются в каждом индивиде и участвуют в структурировании его личности. Например, в работе *Тотем и табу* он утверждает, что эдипов комплекс и чувство вины, присутствующие в каждом индивиде, основаны на личностных элементах, связанных с семейным контекстом, к которым присоединяется «исторический» след убийства отца в примитивном племени, восходящий к истокам человечества.

Еще и сегодня многие психоаналитики отбрасывают гипотезу о филогенетической передаче, которая апеллирует одновременно к биологии и к генетике. Некоторые критики прибегают к аргументам технического порядка, утверждая, что для их повседневной практики происхождение влечений и конфликтов не имеет особого значения: каково бы ни было соотношение между врожденным и приобретенным, оно никак не влияет на интерпретацию, таким образом, для них это различение остается чисто теоретическим. Другие приводят аргумент психологического порядка, указывая на то, что Фрейд прибегает к филогенетическому объяснению такого типа каждый раз, как его понимание онтогенеза наталкивается на «коренную *подстилающую породу биологии*», как он сам признавался в минуты сомнений. Между тем я убежден, что филогенез играет роль в психической каузальности, как полагает, в частности, Д. Брауншвейг (Braunschweig, 1991), хотя наши познания о том, каковы биологические механизмы филогенетической передачи, пока недостаточны. Для меня не подлежит сомнению, что У. Бион открыл новые горизонты в психоанализе, когда ввел понятие «преконцепции», под которым понимает некую врожденную способность к получению психологического опыта. Еще «не подтвержденная опытом» преконцепция ждет своего часа, своей «реализации», в результате которой становится «концепцией».

В последние несколько десятилетий в постфрейдистских психоаналитических трудах отмечается рост интереса к особому аспекту передачи, а именно межпоколенческой передаче – явлению, которое часто наблюдается в клинической практике. Такая межпоколенческая передача осуществляется посредством процесса бессознательной идентификации, передающей-

ся последовательно из поколения в поколение путями, отличными от тех, которые могли бы действовать при филогенетической передаче.

К тому же, с моей точки зрения, желательно, чтобы психоаналитики задумались и о феноменах передачи инстинкта, которые мы наблюдаем у животных, как отмечал Фрейд в работе *Человек Моисей и монотеистическая религия* (1919). Я убежден, что современным психоаналитикам было бы полезно ознакомиться с последними открытиями этологии, о которых они едва наслышаны, и что эти новые данные способствовали бы сближению смежных дисциплин, чьей общей целью является углубление знания о человеческой природе (Schäppi, 2002).

На пути к психоаналитической антропологии

Если не касаться некоторых спорных моментов, *Тотем и табу* может с полным правом считаться началом настоящей психоаналитической антропологии и этнопсихоанализа. Множество трудов свидетельствует о плодотворности этих направлений. Американский психоаналитик А. Кардинер (Kardiner, 1939), пытавшийся примирить психоанализ и социальную антропологию, предложил понятие *базовая личность*, которое понимал как интеграцию социальных норм на подсознательном уровне (Kardiner, Linton, 1939). Венгерский антрополог и психоаналитик Рогейм (Roheim, 1950) первым применил эти теории в полевых исследованиях, введя в антропологическую работу не только понятие эдипова комплекса, но всю совокупность психоаналитических концепций. Он анализировал сны туземцев, их игры, мифы и верования, став первопроходцем в этой дисциплине. Универсальный характер психических механизмов во всех культурах не вызывал у Г. Рогейма сомнений; его точку зрения разделяют и другие авторы, такие как В. Мюнстербергер (Munsterberger, 1969), Х. Хартман, Крис и Левенштейн, а также П. Парин и Ф. Моргенталер (см.: Münsterberger, 1969). Зато такие антропологи, как Малиновски и М. Мид, сомневаются в универсальном характере эдипова комплекса, но это по-прежнему спорный вопрос. Что касается Ж. Девре (Devereux, 1972), он занимает «комплементаристскую» позицию; по его мнению, психоанализ и антропология представляют разные, но взаимодополняющие точки зрения на одну и ту же реальность: один взгляд изнутри, а другой – снаружи. Теоретические разработки Ж. Девре открыли дорогу к этнопсихоаналитической клинической работе, которая учитывает особенности контрпереноса в кросскультурной психоаналитической практике.

Хронология понятий

Амбивалентность – любовь – ненависть – анимизм – совесть – магия – убийство отца – филогенез – чувство вины – табу на инцест – всемогущество мысли – филогенетическая передача.

«ВВЕДЕНИЕ В НАРЦИССИЗМ» S. FREUD (1914c)

Понятие, имеющее очень широкое применение

Термин «нарциссизм» в психоанализе отсылает к греческому мифу о Нарциссе и был введен для обозначения любви, которую индивид питает к самому себе. Нарцисс влюбился в прекрасного юношу, не зная, что любуется собственным отражением в воде ручья. Важно отметить, что Нарцисс погиб, так и не узнав, что привлекший его образ – его собственный. В первый раз Фрейд употребил термин «нарциссизм» в 1910 г., чтобы описать особый выбор объекта у гомосексуалистов: партнера выбирают по своему образу и подобию. Таким образом, через партнера они «*воспринимают самих себя как сексуальный объект*» (1905d, note 1910, p. 50). Вскоре после этого Фрейд стал рассматривать нарциссизм как одну из промежуточных *стадий* детского психосексуального развития, расположенную между аутоэротизмом, моделью которого является мастурбация, и высшей стадией, характеризующейся любовью к объекту (1911c, 1912–1913a).

В 1914 г., работая над «Введением в нарциссизм», Фрейд идет гораздо дальше: он не просто вводит понятие нарциссизма, а предпринимает обзор всех вопросов, которые это понятие ставит перед психоаналитической теорией в целом. Это делает работу трудной для чтения, тем более что понятие нарциссизма, особенно первичного нарциссизма, приобретает очень разные значения у Фрейда и у постфрейдистских психоаналитиков. В этой работе Фрейд повторяет свое утверждение об изначально сексуальной природе либидо и описывает первичную, или раннюю, форму нарциссизма, которую называет *первичным нарциссизмом,* при котором ребенок воспринимает самого себя как объект любви и как центр мира, прежде чем обратиться к внешним объектам. Развитие затем способности любить других за то, что они собой представляют, и восприятие их как отдельных и отличных от себя является прогрессом в жизни чувств. Это, в частности, означает, что индивид может обратить любовь, которую испытывает к другому, на самого себя: подобное обращение катексиса на самого себя Фрейд называет *вторичным нарциссизмом.* При нормальном развитии вторичный нарциссизм становится основой положительной самооценки и сосуществует с объектной любовью. Существуют также патологические формы нарциссизма в форме личностных расстройств различной тяжести, вплоть до бреда величия в случаях психоза. Нарциссизм играет важную роль в том, как индивид строит отношения с людьми; Фрейд различает два

основных типа выбора объекта: *анаклитический выбор объекта, основанный* на полноценной любви к объекту, который воспринимается как отдельный от субъекта и самостоятельный, и *нарциссический выбор объекта,* преимущественно связанный с любовью, которую индивид питает к самому себе. Фрейд приводит разнообразные примеры таких выборов.

Сосредоточенность нарциссических личностей на себе заставила Фрейда предположить, что они недоступны для анализа, потому что, в отличие от невротиков, не формируют отношений переноса. Однако труды психоаналитиков-постфрейдистов показали, что нарциссический перенос в действительности поддается анализу, и это открыло путь ко многим значительным достижениям психоанализа.

Эволюция понятий

Нарциссизм: понятие в работах Фрейда, с трудом поддающееся определению

Термины «нарциссизм», «первичный нарциссизм» и «вторичный нарциссизм» обретают разнообразные значения как в творчестве Фрейда, так и во всей психоаналитической литературе, поэтому трудно дать им точное определение. Как замечают Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис, понятие вторичного нарциссизма, как его определяет Фрейд, представляет меньше трудностей, чем понятие первичного нарциссизма. Действительно, Фрейд определяет вторичный нарциссизм как «*обращение на собственное Я либидо, изъятого из объектных катексисов*»; что касается первичного нарциссизма, то это понятие означает у Фрейда «*раннее состояние, когда ребенок инвестирует все свое либидо в самого себя*» (1967, p. 263). Лапланш и Понталис отмечают, что, если мы попытаемся точно установить момент образования этого состояния, у Фрейда мы встретим множество разных версий: так, в своих текстах 1910–1915 гг. он помещает нарциссическую фазу между аутоэротической и фазой объектной любви; позднее, в текстах 1916–1917 гг., он относит понятие первичного нарциссизма к самому первому этапу жизни, предшествующему даже возникновению Я и находящему свое высшее выражение во внутриутробном состоянии. Кроме того, Лапланш и Понталис обращают наше внимание на то, что это последнее значение понятия первичного нарциссизма в психоаналитической мысли часто обозначает «*строго „безобъектное" или, по крайней мере, „недифференцированное" состояние, не знающее расщепления между субъективным и внешним миром*» (p. 264). Анализируя разные психоаналитические точки зрения на нарциссизм, они отмечают, что такая трактовка понятия первичного нарциссизма теряет из виду отношение к образу себя самого, или отзеркаливающие отношения, – представления, отсылающие нас, в частности, к понятию «стадии зеркала», выдвинутому Ж. Лаканом.

По мнению Фрейда, нарциссические пациенты не вступают в отношения переноса

Поскольку пациенты с «нарциссическим неврозом» склонны сосредоточиваться на самих себе и уклоняться от отношений с людьми вокруг, Фрейд считал, что они не подлежат анализу, так как, по его мнению, не развивают перенос. Пациентов, неспособных к переносу, находящихся в психотическом или маниакально-депрессивном состояниях, он относил к категории «нарциссических неврозов» в противоположность пациентам-невротикам, способным развивать «невроз переноса», доступный затем для анализа.

Оглядываясь назад, можно подумать, что представление Фрейда о переносе, вероятно, мешало ему анализировать негативный перенос. Действительно, Фрейд описал как позитивный, так и негативный перенос, но в последнем видел только форму сопротивления, препятствующую развитию позитивного переноса и потому не рассматривал возможность анализировать это сопротивление как правомочную часть переноса как такового. Впоследствии труды постфрейдистских психоаналитиков позволили рассматривать перенос во всей его полноте; современные аналитики могут подходить к его проработке, исходя из их собственных теоретических и практических соображений.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1914c). Pour introduire le narcissisme, trad. D. Berger, J. Laplanche et al. // La vie sexuelle. Paris: PUF, 2-e éd., 1970, p. 81–105.

- **От первичного нарциссизма к вторичному**

Вначале Фрейд дает клиническое определение понятия нарциссизма, которое было введено сексологами несколькими годами ранее: нарцисизм означает «*такое поведение, при котором человек относится к собственному телу так же, как относятся обыкновенно к телу сексуального объекта: любуется им, получая от этого сексуальное удовольствие, гладит его и ласкает до тех пор, пока не получит от этого полного удовлетворения*» (p. 81). Однако психоанализ показал, пишет Фрейд, что подобный сексуальный катексис собственного тела встречается не только при психопатологии, но и в ходе нормального психосексуального развития каждого индивида; таким образом, поле изучения нарциссизма значительно расширяется.

Психоаналитический опыт, пишет Фрейд, показал, что некоторые пациенты, в частности шизофреники, демонстрируют *нарциссическое поведение* по отношению к аналитику: эти больные теряют интерес к лицам и предметам окружающего мира, и это делает их недоступными для анализа, как отметил К. Абрахам еще в 1908 г. Но в таком случае, спрашивает Фрейд, какова судьба либидо при шизофрении? По его мнению, либидо, отъятое

от внешнего мира, находит прибежище в бреде величия психотика: *«Либидо, оторвавшись от внешнего мира, обращается на собственное Я, и таким образом создается состояние, которое мы назвали нарциссизмом»* (p. 82). Между тем бред величия не возникает из ничего, он появляется как усугубленная версия состояния, которое уже существовало и раньше и которое Фрейд обозначал термином *первичный нарциссизм. Вторичным нарциссизмом* он называет обращение объектного катексиса на собственное Я: *«Такой нарциссизм, возникший вследствие возвращения объектных инвестиций, является вторичным состоянием, налагающимся на первичный нарциссизм, замутненный многочисленными влияниями...»* (p. 82).

В бреде величия шизофреника психоанализ обнаруживает характеристики, сходные с теми, которые он открыл в примитивном мышлении ребенка,– такие как всемогущество мысли, магия и мегаломания. Фрейд постулирует, что в начале жизни ребенка существует первичный катексис Я, называемый первичным нарциссизмом, часть которого впоследствии перейдет на объекты, т. е. будет направлена на лица из окружающего мира. Но в основном, добавляет он, этот катексис Я сохранится на всю жизнь и *«относится к объектному катексису так же, как тело амебы относится к выпущенным ею псевдоподиям»* (p. 83). Противопоставляя, таким образом, Я-либидо и объектное либидо, Фрейд устанавливает равновесие между двумя направлениями катексиса: *«Чем больше поглощает одно, тем больше оскудевает другое»* (p. 83).

Вновь утверждая, что либидо всегда имеет сексуальное содержание, Фрейд тем самым продолжает спор с К. Г. Юнгом, которого упрекает в том, что он лишил это понятие самой его сущности, сведя его к простому психическому интересу. В подтверждение гипотез, касающихся центральной роли либидо в психической жизни, Фрейд настойчиво утверждает, что его теория либидо основана преимущественно на биологии, хотя наука той эпохи еще не могла оказать ему необходимой поддержки: *«Так как мы не можем ждать, пока какая-нибудь другая научная дисциплина подарит нам решающие аргументы для подтверждения теории влечений, для нас гораздо целесообразнее будет посмотреть, какой свет может пролить на эти основные загадки биологии синтез психологических феноменов»* (p. 86).

- **Разнообразие проявлений нарциссизма**

Хотя основной путь психоаналитического изучения нарциссических феноменов, особенно первичного нарциссизма, состоит в исследовании психоза, по мнению Фрейда, можно подойти к изучению этого вопроса окольным путем – изучая органические заболевания, ипохондрию и любовную жизнь.

Широко известно, что при соматическом заболевании человек, страдающий от физической боли или дискомфорта, теряет интерес к объектам внешнего мира, лишая объекты своей любви либидинального катексиса, и что катексис восстанавливается, когда больной выздоравливает. Аналогичным образом то же происходит во сне: *«Состояние сна представляет*

собой нарциссическое обращение либидо на самого себя, или, точнее говоря, на единственное желание спать» (p. 89).

Больной ипохондрией, как мы отмечаем, также отбирает свой интерес и либидо у объектов внешнего мира и сосредоточивает их на органе, который его занимает и заставляет страдать. Однако нарциссические либидинальные инвестиции в какую-либо часть тела встречаются не только при ипохондрии, но и при неврозе, в силу того факта, что любая часть тела может получить свойства эрогенной зоны и вести себя как заместитель полового органа: *«Каждму такому изменению эрогенности в органах должно соответствовать параллельное изменение либидинального катексиса в Я»* (p. 90). Таким образом, всякий либидинальный катексис эрогенной зоны соответствует либидинальному катексису Я и восходит к первичному нарциссизму.

Сближение ипоходрии и шизофрении позволяет Фрейду пойти дальше и ввести новое понятие *застой либидо* – последствие его *интроверсии* в ходе патологической регрессии. Такой застой либидо, видимо, лежит в основе переоценки состояния органа при ипохондрии и в основе бреда величия при шизофрении. К количественному понятию либидинального застоя Фрейд здесь добавляет *экономическое* измерение природы нарциссизма, отличающееся от понятия нарциссизма как *одной из стадий развития,* введенного им в эссе о Шребере в 1914 г.; это окончательно выстраивает оппозицию между Я-либидо, инвестированным в Я, и либидо, инвестированным в объект.

Что касается любовной жизни, в ней можно найти множество примеров либидинальных катексисов, основанных на нарциссизме. Фрейд напоминает, что первые сексуальные удовольствия ребенок переживает в связи с помощью в осуществлении важных жизненных функций – с кормлением, получением ухода и т. д. – и что позднее эта связь продолжает проявляться в том, что лица, которые кормили ребенка и ухаживали за ним, например мать или лицо, ее замещающее, становятся его первыми сексуальными объектами. Фрейд предлагает называть *анаклитическим* такой выбор объекта, который у взрослого восходит к первому любовному выбору объекта в детстве. Однако у некоторых, например у первертов и у гомосексуалистов, объект любви выбирается не по образу матери, а по их собственному образу, что Фрейд называет *нарциссическим выбором объекта.* Но Фрейд тут же поясняет свою мысль и заявляет, что разница между двумя типами выбора объекта не так резко выражена, как может показаться, поскольку *«каждому человеку открыты оба пути выбора объекта, и предпочтение может быть отдано тому или другому»* (p. 94). Следовательно, добавляет он, *«человек имеет первоначально два сексуальных объекта: самого себя и женщину, которая о нем заботится; тем самым мы предполагаем наличие у каждого человека первичного нарциссизма, который иногда может занять доминирующее положение при выборе объекта»* (p. 94).

Затем Фрейд дает краткое описание разных типов выбора объекта. Полноценная любовь, соотвествующая анаклитическому типу выбора объекта, характерна для мужчины. Фрейд верен своей концепции, согласно которой влюбленность – это патологическое состояние, любовная страсть, при которой мужчина переоценивает любимую женщину, составляет *невротический*

комплекс, приводящий к *«обеднению Я за счет отнятия либидо в пользу объекта любви»* (p. 94). По поводу типа выбора объекта у женщины он думает, что многие среди них основывают свои отношения на нарциссической модели выбора объекта. В подтверждение этого тезиса он заявляет, что формирование половых органов в пубертатный период *«вызывает усиление первоначального нарциссизма»*, таким образом, очарование женщины для мужчины бывает скорее нарциссического свойства: *«Такие женщины любят, строго говоря, только самих себя, почти с той же интенсивностью, с какой их любят мужчины. У них нет потребности любить, а есть потребность быть любимой»* (p. 94). Тем не менее Фрейд готов признать, что существуют женщины, любовные чувства которых развиваются по мужскому типу, и у них возникает сексуальная переоценка, свойственная этому типу выбора объекта. Другие нарциссические женщины отворачиваются от мужчин и находят окольный путь, ведущий их к полноценной любви к объекту: это любовь, которую они питают к рожденному ими ребенку. Фрейд вдумчиво изучает причины, по которым нарциссические личности обладают такой сильной привлекательностью в глазах окружающих, и приходит к выводу, что лица, позволяющие им очаровать себя, суть те, *«кто полностью отказался от своего собственного нарциссизма и стремится к любви к объекту»* (p. 94). Завершая эту часть работы, он пишет о первичном нарциссизме ребенка; как легко догадаться, первичный нарциссизм проистекает из отношения родителей. Родители переценивают свое чадо, приписывают ему всевозможные достоинства и убеждены, что жизнь его сложится значительно лучше их собственной: в их глазах дитя – «Его Величество Младенец» (p. 96).

- **От детского нарциссизма к формированию идеалов у взрослого**

Вслед за тем Фрейд задается вопросом: что происходит с безмерной любовью к себе, характерной для детского первичного нарциссизма, когда человек, повзрослев, сталкивается с разочарованиями внешнего мира? Фрейд полагает, что человеческое существо не может до конца изжить стремление к нарциссическому совершенству, возникшее в детстве: оно не исчезает, но заменяется формирующейся внутрипсихической инстанцией, которую он называет то *«Я-идеал»* (*«Idealich»*), то *«идеал Я»* (*«Ichideal»*); он уточнит эти понятия в последующие годы. Иначе говоря: *«То, что взрослый проецирует перед собой как идеал, есть только замещение утерянного нарциссизма детства, когда он сам был собственным идеалом»* (p. 98).

Но формирование идеала, с которым индивид постоянно сравнивает свои мысли и действия, влечет за собой повышение требований к Я, и Фрейд предполагает, что эту роль играет *совесть,* которую он часто описывал как причину вытеснения: *«Ничего не было бы удивительного, если бы нам удалось найти особую психическую инстанцию, имеющую своим назначением обеспечить нарциссическое удовлетворение, исходящее из идеала Я, и с этой целью беспрерывно наблюдающую за действительным Я, сравнивая его с идеалом»* (p. 99). По мнению Фрейда, такой тип требовательности к собственному Я встречается не только в патологической форме, когда,

например, при бреде преследования больному кажется, что кто-то читает его мысли и следит за всеми его действиями, но и у каждого нормального человека, поскольку мы наблюдаем в уме каждого «*подобную силу, которая следит за всеми нашими намерениями, узнает их и критикует...*». Эта инстанция, совесть, формируется, в первую очередь, под влиянием критики родителей в адрес ребенка, затем критики воспитателей и критического воздействия общества в целом. *Цензура сновидения,* которую Фрейд описал в 1900 г., является одной из ее форм. Помимо описанного индивидуального аспекта, этот идеал имеет также социальный аспект, а именно общий идеал семьи, класса или нации. Эту тему Фрейд позднее более полно раскроет при изучении механизмов массовой психологии.

Постфрейдисты

Феномены нарциссического переноса доступны для анализа

В конце 1920-х годов некоторые психоаналитики показали, что пациенты, которых Фрейд классифицировал как «нарциссических невротиков», демонстрировали, без всякого сомнения, вопреки его мнению явления переноса. В частности, Рут Мак-Брунсвик, Мелани Кляйн, Гарри Салливан и Пол Федерн отстаивали идею, что у таких пациентов негативный перенос имеет тенденцию к преобладанию над положительным переносом, но что, тем не менее, эти пациенты доступны для анализа. Работы этих пионеров психоанализа впоследствии сделали возможным психоаналитическое лечение пациентов, представляющих широкий спектр психопатологий, которые до этого считались неспособными к анализу переноса. Именно так появился и стал развиваться анализ психозов у детей и взрослых, анализ маниакально-депрессивных состояний и перверсий, а также анализ тех новых заболеваний, которые сейчас относят к *пограничным* расстройствам и нарциссическим расстройствам личности. В общем сегодня мы отказались от различий, которые Фрейд установил между нарциссическими неврозами и неврозами переноса, поскольку наблюдаем, что пациенты, которых раньше рассматривали как чистых невротиков, могут иметь нарциссические нарушения, и наоборот. Отсюда следует, что сегодня психоанализ часто сталкивается с «гетерогенными» пациентами (Quinodoz, 2000, 2002), у которых перенос состоит одновременно из развитых элементов невротического порядка и примитивных элементов, которые, в свою очередь, состоят из психотических, перверсных и нарциссических элементов в разных пропорциях.

Психоаналитическое лечение нарциссических расстройств: две основные тенденции

Две разные концепции нарциссических расстройств

В настоящее время, как с теоретической, так и с технической точки зрения, существует большое разнообразие в том, как психоаналитики понимают нарциссизм, соответственно формируются их терапевтические приемы. У нас нет возможности подробно описать все эти течения, кото-

рые пользуются разной терминологией и значительно различаются с точки зрения клинической техники. В то же время можно сказать, что среди психоаналитиков существует два основных терапевтических направления, соответствующих двум концепциям нарциссизма, на которые они опираются. С одной стороны, есть психоаналитики, которые следуют пониманию первичного нарциссизма, данному Фрейдом, и считают, что в начале жизни существует период, когда ребенок еще не знает о существовании объекта: с их точки зрения, это нормальная стадия детского развития. С другой стороны, есть психоаналитики, которые считают, что объектные отношения устанавливаются с самого начала жизни, следуя в этом за М. Кляйн; с их точки зрения, у ребенка не существует стадии первоначального нарциссизма в том смысле, который подразумевал Фрейд, но только «нарциссические состояния». Эти разные модели порождают разные технические подходы в психоаналитическом лечении нарциссических расстройств.

Сторонники идеи существования безобъектной стадии в начале жизни

С технической точки зрения, психоаналитики, которые считают первичный, или «безобъектный», нарциссизм нормальной стадией развития, склонны рассматривать нарциссические феномены, проявляющиеся при лечении как относительно нормальные, поэтому они обращают мало внимания на конфликтные аспекты нарциссического переноса в своих интерпретациях, как отметил Франсиско Паласио Эспаса (Espasa, 2003). В их числе нужно назвать Анну Фрейд и Маргарет Малер, а также Дональдса Винникотта, Майкла Балинта и Хайнца Кохута.

Следуя взглядам своего отца, Анна Фрейд (1965) считает, что новорожденный ребенок и младенец в начале жизни находятся в состоянии недифференцированного нарциссизма, в котором не существует объекта, и называет это начальное состояние детской психики *симбиотической стадией.* Позднее, в процессе развития, интерес ребенка постепенно обращается на объект, и процесс разворачивается, последовательно проходя различные стадии.

Концепция Маргарет Малер иная. По ее мнению, объектные отношения складываются, начиная с детского симбиотического, или первичного, нарциссизма и развиваются параллельно тому, что она называет *процессом сепарации–индивидуации* (Mahler, Pine, Bergman, 1975). Кроме того, на основании своих наблюдений за паникой у детей-психотиков, столкнувшихся с чувством сепарации, она вводит понятие *симбиотического психоза;* она опирается на это понятие, чтобы постулировать существование *нормальной симбиотической фазы* в психическом развитии каждого ребенка. Идеи М. Малер были подхвачены психоаналитиками, принадлежащими к направлению эго-психологии, и применяются ими при психоаналитическом лечении детей и взрослых.

Со своей стороны, Д. В. Винникотт (1955–1956) разделял идею о том, что первичная идентификация главенствует в начале жизни и что ребенок верит в то, что составляет единое целое со своей матерью и что его мать едина с ним, но он редко употребляет выражение «первичный нарциссизм». На этой стадии у младенца существует иллюзия, будто он создал свой объект, и функция матери состоит в том, чтобы поддерживать эту иллюзию до тех

пор, пока ребенок не будет способен от нее отказаться. При неблагоприятном развитии наблюдаются нарушения *«примитивного эмоционального развития»*. С таким пациентом цель психоаналитического лечения состоит в том, чтобы позволить ему регрессировать к стадии ранней инфантильной зависимости, на которой анализанд и *сеттинг* сливаются в состоянии первичного нарциссизма, отталкиваясь от которого может развиваться «истинное Я». По мнению М. Балинта (1952), потребность в телесном контакте, которую демонстрируют некоторые анализанды, соответствует потребности в возвращении к *«первичной объектной любви»*. Это, на его взгляд, является эквивалентом возвращения к первичному нарциссизму: способствуя возвращению пациента на эту стадию, психоаналитический процесс позволяет ему *регрессировать, чтобы прогрессировать.*

Среди сторонников концепции безобъектной нарциссической стадии я упомянул бы также позиции Б. Грюнбергера и Х. Кохута. Бела Грюнбергер (1971) считает, что нарциссизм – это настоящая психическая инстанция, и видит в «нарциссических аналитических отношениях» основной двигатель лечения. Со своей стороны, Кохут (1971) выработал оригинальный подход к психоаналитическому лечению нарциссических нарушений. Он различает две фазы в лечении пациентов, развивающих идеализирующий перенос: это начальная стадия регресса к первичному нарциссизму, за которой следует стадия проработки этого типа переноса, когда первоначальное равновесие начинает разрушаться.

Сторонники идеи существования восприятия объекта младенцем с самого начала жизни

Со своей стороны, психоаналитики, придерживающиеся мнения, что Я новорожденного воспринимает объект с первой минуты существования, рассматривают нарциссические феномены как выражение либидинальных и агрессивных влечений и защит, которые выстраиваются, когда субъект замечает независимый и отличный от него объект. Вследствие этого психоаналитики, принадлежащие к этой второй группе, считают, что нарциссические феномены могут быть детально интерпретированы *hic et nunc*[1] в отношениях переноса. Они придают особое значение интерпретации тревоги сепарации и дифференциации, проявляющейся в отношениях с аналитиком (Quinodoz, 1991). Среди главных приверженцев этого направления, в первую очередь, упомянем М. Кляйн и посткляйнианских психоаналитиков Герберта Розенфельда и Ханну Сигал, чьи труды отчасти продолжили Андре Грин и Отто Кернберг.

По мнению М. Кляйн, не существует стадии первичного нарциссизма и новорожденный с момента рождения воспринимает объект – именно этот пункт составляет, без сомнения, наиболее значительное ее расхождение с Фрейдом. Тем не менее в ее теории существует понятие нарциссизма, но оно появляется в 1946 г. одновременно с понятием проективной идентификации, а затем в соседстве с понятием зависти (1957): эти понятия позволили представить в новом свете роль, которую нарциссизм играет как защита против

1 Здесь и теперь (*лат.*).

восприятия отличающегося от субъекта, отдельного объекта. Следуя этой точке зрения, кляйнианские аналитики говорят о нарциссических «состояниях», а не о нарциссической «стадии». Основываясь на этой концепции, Г. Розенфельд, Х. Сигал и У. Бион (1957, 1967) предприняли в конце 1940-х годов первые попытки психоаналитического лечения психотических пациентов, строго придерживаясь психоаналитических рамок. Впоследствии их клиническая работа способствовала развитию особого кляйнианского подхода в психоаналитическом лечении нарциссического аспекта переноса.

Мне представляется важным подробно обсудить фундаментальные достижения Г. Розенфельда, сильно продвинувшие возможности анализа нарциссического переноса. Розенфельд считает, что явления, описанные Фрейдом как опыт первичного нарциссизма, предшествующего восприятию объекта, следует расценивать, скорее, как подлинные объектные отношения примитивного типа. По его мнению, нарциссизм основывается на фантазии всемогущества и идеализации Я, развившихся посредством проективной и интроективной идентификации с идеализированным объектом. Эта идентификация с идеализированным объектом приводит к отрицанию различий и границ между собой и объектом. Поэтому, утверждает Розенфельд, *«в нарциссических объектных отношениях защиты против любого признания сепарации между собой и объектом играют решающую роль»*. Розенфельд также приписывает главную роль в нарциссических феноменах зависти. Продолжая свои исследования в русле конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, в 1971 г. он вводит различение между либидинальным и деструктивным нарциссизмом. Он утверждает, что когда нарциссическая позиция по отношению к объекту оставлена, ненависть и презрение к нему становятся неизбежными, так как пациент чувствует себя униженным, как только обнаруживает, что внешний объект обладает некими качествами. Когда удается проанализировать эти негативные чувства, пациент становится способен преодолеть свой враждебный перенос: «Именно в этот момент *пациент осознает, что аналитик является существом из внешнего мира и представляет для него ценность*» (1971, p. 213). Но когда преобладают деструктивные побуждения, зависть проявляется как желание разрушить все достижения анализа и напасть на аналитика – объект, репрезентирующий источник всего живого и хорошего. По мнению Розенфельда, какова бы ни была сила деструктивных импульсов, в клинической практике важно отыскать доступ к зависимой либидинальной части Я, чтобы снизить влияние ненависти и зависти и позволить таким образом пациенту установить хорошие объектные отношения. Этого можно достигнуть благодаря подробному анализу бесконечного перехода от нарциссической позиции, при которой объект отрицается, к позиции объектных отношений, при которой объект признается, и обратно.

Взгляды Ханны Сигал (Segal, 1986) на нарциссизм близки к взглядам Розенфельда: она считает, что понятия влечения к жизни и влечения к смерти могут помочь в решении проблемы, которую представляет собой гипотеза Фрейда о первичном нарциссизме. По ее мнению, у некоторых пациентов нарциссизм может принимать форму идеализации смерти и ненависти к жизни, что может вызвать у них желание уничтожить не только объект,

но и их собственное Я; подобное желание возникает как защита от восприятия объекта. Х. Сигал спрашивает: как справиться с нарциссизмом? По ее мнению, невозможно освободиться от подобных нарциссических структур и установить стабильные ненарциссические объектные отношения иначе, чем придя путем долгих «переговоров» к депрессивной позиции.

А. Грин по-своему развил идеи Розенфельда, в частности, в работе *Нарциссизм жизни и нарциссизм смерти* (1983). В своих работах Грин показывает эффект разъединения, который оказывает влечение к смерти на все формы связи с объектом, этот эффект он называет *дезобъективирующей функцией* влечения к смерти (Green, 1986). Он также показывает, что при психозе влечение к смерти может стать причиной угасания проективной деятельности и декатексиса, порождающего *пробелы* мышления. В заключение этого короткого обзора упомянем о позиции О. Кернберга (1975), который в своем теоретическом подходе к нарциссизму пытается интегрировать взгляды Фрейда и взгляды сторонников теории объектных отношений, таких как Кляйн и Бион. Кернберг видит в патологическом нарциссизме специфическую структуру, которая складывается в детстве, и полагает, что нарциссические расстройства личности имеют сходство с *пограничными* расстройствами, но отличаются по степени тяжести. Он считает, что нарциссические личности обладают грандиозным Я, более целостным, чем Я пограничной личности, но это все-таки патологическое Я, маскирующее фрагментацию чувства идентичности.

Хронология понятий

Анаклитический выбор объекта – нарциссический выбор объекта – идеал Я – нарциссизм – первичный нарциссизм – вторичный нарциссизм – застой либидо.

МЕТАПСИХОЛОГИЯ
S. FREUD (1915–1917)

«ВЛЕЧЕНИЯ И ИХ СУДЬБА» (1915c)

«ВЫТЕСНЕНИЕ» (1915d)

«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» (1915e)

«МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕОРИИ СНОВИДЕНИЙ» (1917d)

«ПЕЧАЛЬ И МЕЛАНХОЛИЯ» (1917e [1915])

«ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА НЕВРОЗЫ ПЕРЕНОСА» (1895a [1915])

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ
S. FREUD (1916–1917 [1915–1916])

Точка прибытия и точка отправления

Что такое «метапсихология»? Фрейд предложил этот термин, чтобы обозначить теорию функционирования психики, основанную на более чем тридцатилетнем опыте его психоаналитической работы. Согласно его представлениям, метапсихология относится к наблюдению психологических фактов так же, как метафизика относится к наблюдению физического мира. Таким образом, Фрейд переходит от уровня клинического описания к уровню теоретической абстракции и предлагает общую модель функционирования человеческой психики. Возьмем, например, понятие «влечение»: Фрейд вводит термин «влечение», чтобы описать побуждение, которое заставляет человека питаться и размножаться; первые он называет «инстинктами самосохранения», а относящиеся к последней группе – «сексуальными влечениями». Влечение – это абстрактное понятие, а следовательно, влечение никогда не встречается как таковое, но мы воспринимаем его косвенно через его действие или через то, что его репрезентирует: так, сексуальное влечение может проявляться по-разному: через возбуждение, связанное с эротическими желаниями, направленными на какое-либо лицо; посредством слов, которые выражают это желание, или проявиться в сюжете сновидения. В *работах по метапсихологии* Фрейд в основном говорит в обобщенных и абстрактных терминах, что делает восприятие этих текстов трудным для читателя, не имеющего клинического опыта. Но, следуя за разви-

тием его взглядов, мы никогда не должны упускать из виду, что Фрейд всегда заботится о связи между теорией и клинической практикой.

С точки зрения развития мысли Фрейда, *метапсихология* – это, прежде всего, завершение долгой эволюции, которая привела его к выдвижению синтетической модели нормальной и патологической деятельности психики, известной нам под названием «первой топографической модели» Фрейда, основанной на различении бессознательного, предсознательного и сознательного, и к «первой теории влечений», основанной на принципе удовольствия – неудовольствия. Но в то же время *метапсихология* стала отправной точкой нового взгляда на предмет, потребовавшего обратить внимание на объектные отношения, идентификации, аффекты любви и ненависти и бессознательное чувство вины. Несколько лет спустя это приведет Фрейда к созданию «второй топографической модели» и к соответствующей ей «второй теории влечений».

Биографии и история

Трудные, но плодотворные годы

Годы войны (1914–1918)

На всем протяжении Первой мировой войны у Фрейда был трудный, но очень плодотворный в научном плане период. В момент объявления войны в июле 1914 г. Анна Фрейд находилась в Англии и некоторое время не могла оттуда выехать; позднее ей удалось добраться до Вены с помощью Э. Джонса. Семья Фрейдов была глубоко обеспокоена судьбой двух сыновей, призванных в армию. Мартин воевал в России, а Эрнст – в Италии. В ноябре 1915 г. Фрейд тяжело переживал потерю сводного брата Эммануэля, скончавшегося, как и их отец, в возрасте 81 года. В следующем, 1916 г., младший сын Фрейда Оливер, в свою очередь, был призван в армию. В связи с тяготами войны снизилось число пациентов, желавших пройти курс анализа; почта приходила нерегулярно; дружеские визиты стали редкостью; существование психоаналитических изданий оказалось под угрозой, и Фрейд был вынужден заниматься ими сам. Тем не менее он продолжал интенсивную переписку с К. Абрахамом, в частности, на тему о меланхолии, а также с Ш. Ференци и с Лу Андреас Саломе.

Подведение итогов на пороге шестидесятилетия

В 1915 г. Фрейд приступил к написанию двенадцати теоретических статей, составляющих Метапсихологию, как бы в попытке подвести предварительный итог своей научной работы. Фрейду было почти шестьдесят, и он тревожился, что ему остается жить всего несколько лет. Война и несчастья, которые она принесла, лишь усилили его тревогу, связанную с мыслями о смерти. Фрейд рассчитывал опубликовать эти статьи после окончания войны в работе над названием «Zur Vorbereitung einer Metapsychologie» («Предварительные заметки о метапсихологии»). В ожидании этого в 1915 г. он выпустил отдельным изданием три первые сочинения: «Влечения и их судьба», «Вытеснение» и «Бессознательное», а в 1917 еще два: «Метапсихологическое

дополнение к теории сновидений» и «Печаль и меланхолия». Как мы знаем из его переписки, он подготовил и последние семь сочинений, но отказался от их публикации, и книга, которую он планировал выпустить, так и не была издана. Однако в 1983 г. среди бумаг Ш. Ференци был найден текст неизданной двенадцатой статьи под названием «Общий взгляд на неврозы переноса», к нему было приложено письмо Фрейда, в котором он просил Ференци высказать мнение об этой работе (Grubrich-Simitis, 1985). Другие тексты были, видимо, уничтожены Фрейдом.

Изучая произведения

«ВЛЕЧЕНИЯ И ИХ СУДЬБА» (1915c)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1915c). Pulsions et destines des pulsions, trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis // Métapsychologie. Paris: Gallimard «Folio», 1968, p. 11–43 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF.P, X, 161–185].

- **Общая характеристика влечений**

Первоначально термин «влечение» («pulsion»), которым в современном французском языке принято переводить немецкий термин *Trieb,* переводили на французский как «инстинкт», поскольку Д. Стрэчи в Стандартном издании перевел термин *Trieb* на английский как «instinct». Продолжая развивать идеи, сформулированные в *Трех очерках по теории сексуальности* (1905a), Фрейд определяет влечение как динамический импульс, который имеет *источник, цель и объект,* и описывает его свойства. Влечение действует как постоянная сила, сопоставимая с *потребностью,* которую можно устранить только путем *«удовлетворения»*, соответствующего цели влечения. Фрейд видит прообраз того, что он называет «влечениями», в потребности в пище и в сексуальном удовлетворении, которые существуют у каждого индивидуума. Если *целью* влечения всегда является получение удовлетворения, то *объект* влечения, т. е. тот объект, с которым или посредством которого влечение может достигнуть своей цели, изменчив: это может быть как внешний объект, т. е. какое-то лицо из окружения субъекта, так и часть его собственного тела. В общем можно сказать, что объект случаен (нет строгого соответствия между влечением и его объектом) и может быть заменен: *«Он (объект влечения) может произвольно заменяться в процессе жизненной эволюции влечения»* (p. 19 [168]). Наконец, под *источником* влечения *«понимают соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в психической жизни воплощается во влечении»* (p. 19 [168]). Мы можем узнать источник влечения только косвенно: *«В душевной жизни мы узнаем его только по его целям»* (с. 19–20 [168]).

На нервную систему возложена задача – справиться с возбуждением влечения, т. е. *«нервная система представляет собой аппарат, на который*

возложена функция устранять все доходящие до нее раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня» (p. 16 [166]). В тот период Фрейд утверждал, что регуляция функционирования деятельности психического аппарата подчиняется *принципу удовольствия* и автоматически меняется в зависимости от ощущений типа удовольствия – неудовольствия: *«Неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения – с понижением его»* (p. 17 [167]). Исходя из этих посылок, Фрейд дает новое определение понятию влечения: это *«понятие, стоящее на границе между психическим и соматическим, психический представитель раздражений, исходящих изнутри тела и проникающих в сознание, мерило работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим»* (p. 17 [167]).

- **Влечения самосохранения и сексуальные влечения**

Существуют многочисленные виды влечений, но Фрейд сводит их к двум первичным группам: группе *влечений Я,* или *влечениям самосохранения,* примером которых могут стать голод, поиск пропитания и пищеварение, и группе сексуальных влечений. В ходе своего развития сексуальные влечения опираются на влечения к самосохранению, которые предоставляют им органический источник, направление и объект; и только тогда, когда внешний объект оставлен, сексуальные влечения становятся автономными. Например, когда речь идет об удовольствии от сосания груди, удовлетворение эрогенной зоны – рта – является эротическим удовольствием, связанным с потребностью в пище, и только позднее сексуальное удовлетворение, связанное с сосанием, становится самостоятельным. Фрейд также видит в оппозиции между влечениями к самосохранению и сексуальными влечениями причину конфликта, сказывающегося в неврозах переноса. Как он показал ранее, этот конфликт происходит оттого, что сексуальные влечения, которые могут быть удовлетворены при помощи фантазий и подчиняться принципу удовольствия, сталкиваются с принципом реальности, представленным влечениями к самосохранению, которые могут быть удовлетворены только при помощи реального объекта: *«Основная часть психической предрасположенности к неврозу заключается в том, что сексуальное влечение не желает учиться обращать внимание на реальность...»* (Фрейд 1911b, p. 140 [18]). Позднее Фрейд придавал меньше значения этому различию между двумя видами влечений и вытекающему из него конфликту, наблюдаемому у невротиков.

- **Постепенный синтез влечений**

Далее Фрейд пишет о том, что общей характеристикой сексуальных влечений является их многочисленность, они происходят из множественных и частичных соматических источников и постепенно объединяются к моменту наступления половой зрелости: *«Первоначально они проявляются независимо друг от друга и лишь в более поздний период объединяются в более или менее*

полную общность. Целью, к которой стремится каждый из них, является ***наслаждение органа****; лишь после того, как объединение завершилось, они начинают выполнять* ***функцию продолжения рода****, таким образом проявляясь как сексуальные влечения»* (p. 23–24 [171]).

- **Каковы судьбы сексуальных влечений?**

Прежде всего Фрейд уточняет, что под *судьбами* влечений он подразумевает способы защит, которые воздвигаются против влечений, чтобы противостоять их действию. По его мнению, судьбой влечений может стать: превращение в свою противоположность, обращение на самого субъекта вместо объекта, вытеснение и сублимация. Превращение в свою противоположность и обращение на самого себя – это две различные процедуры, но невозможно описать их по отдельности, уточняет он. Первый путь относится к цели влечения, которая может смениться на противоположную; второй путь касается объекта влечения, которым может стать либо другое лицо, либо собственная персона. Так, если рассматривать превращение садизма в мазохизм, то можно заметить, что мазохизм предполагает переход от активности к пассивности и смену ролей между тем, кто причиняет страдание, и тем, кто его испытывает. В 1915 г. Фрейд полагает, что в ходе развития садизм предшествует мазохизму; тогда он еще не думал о существовании первичного мазохизма, которое постулировал в 1924 г. (1915c, n. 1, p. 26 [172]). В изучаемом тексте он определяет садизм как агрессию по отношению к другому лицу, в которой нет сексуального удовольствия; только в фазе мазохизма страдание сопровождается сексуальным возбуждением; и если садист испытывает сексуальное наслаждение, когда причиняет боль, то это происходит по причине его идентификации со страдающим объектом: *«Причиняя страдания другому лицу, он наслаждается сам мазохистски через идентификацию со страдающим объектом. Разумеется, в обоих случаях испытывают наслаждение не от боли, а от сопровождающего ее сексуального возбуждения, что особенно удобно переживать в роли садиста»* (p. 28 [174]). Далее Фрейд исследует аналогичные превращения, которые претерпевает вуайеризм-эксгибиционизм.

- **Любовь и ненависть: каково их отношение к влечениям?**

Фрейд подходит к вопросу о любви и ненависти с точки зрения амбивалентности. Постепенно он пришел к выводу, что этот сложный аффект играет определяющую роль в психических конфликтах его пациентов: *«Так как оба эти чувства особенно часто встречаются одновременно по отношению к одному и тому же объекту, то это одновременное существование представляет собой самый лучший пример амбивалентности чувств»* (p. 33 [178]). Затем он выдвигает существенное возражение: любовь и ненависть – это *чувства*, а не *влечения*, каков же статус этих чувств по отношению к влечениям? Какие основные процессы происходят при развитии любви и ненависти? Каким образом примитивные формы любви приводят к возникновению

«любви как выражения *тотального сексуального стремления*» (p. 34 [178])? Фрейд посвящает этим вопросам несколько страниц, которые кажутся мне особенно удачными и из которых невозможно вырвать фразу, не нарушив связности рассуждения. Но я все-таки попробую выделить основные линии его аргументации.

• Любовь и ненависть в начале жизни

Изучая превратности любви и ненависти, можно обнаружить три оппозиции, управляющие, по мнению Фрейда, психической жизнью: 1) *оппозиция Я–не-Я* (или *оппозиция субъект–объект*), зависящая от того, имеет возбуждение, достигающее Я, внешнее или внутреннее происхождение; 2) *оппозиция удовольствие–неудовольствие,* зависящая от качеств ощущений; 3) *оппозиция активное–пассивное,* которая, по Фрейду, определяет противостояние мужественного–женственного. Как организованы эти три оппозиции в начале психической жизни ребенка?

Вначале Я катектируется влечениями и отчасти само их удовлетворяет, в этом заключается состояние первичного нарциссизма, при котором Я не нуждается во внешнем мире, поскольку оно аутоэротично: «*В этот период жизни Я-субъект совпадает с тем, что дает наслаждение, а внешний мир – с безразличным (а иногда и неприятным, так как является источником раздражения)*» (p. 36 [180]). В дальнейшем, поскольку Я не может избежать неприятных внутренних раздражений, например чувства голода и необходимости получать питание из внешних источников, оно вынуждено выйти из состояния аутоэротизма и отправиться на поиски внешних объектов. Воздействие, которое объекты внешнего мира оказывают затем на Я, осуществляет фундаментальную перестройку в соответствии с оппозицией удовольствия – неудовольствия: «*Когда Я воспринимает предлагаемые объекты как источник наслаждения, то интроецирует их в себя (по выражению Ференци), а с другой стороны, выталкивает из себя все, что внутри него становится источником неудовольствия*» (p. 37 [180]).

• Первичное деление на основе чистейшего наслаждающегося Я

Вслед за тем происходит первичное деление Я, теперь это уже не простое деление между внутренним (Я-субъектом) и внешним (безразличным или неприятным), но между «*Я-удовольствием*», которое включает объекты, приносящие удовлетворение, и *внешним миром,* который становится источником неудовольствия, так как воспринимается как чуждый: «*Таким образом, первоначальное реалистическое Я (Real-Ich), различавшее внутреннее и внешнее на основании объективного признака, превращается в чистейшее* ***„Я-удовольствие“*** *(Lust-Ich), для которого признак наслаждения выше всего. Внешний мир распадается для него на часть, доставляющую наслаждение, которую оно инкорпорировало в себя, и на остаток, чуждый ему*» (p. 37 [180–181]). Иными словами, вступая в стадию первичного нарциссизма, объ-

ект создает оппозицию ненависти–любви: «*Внешнее, объект, ненавистное были сначала идентичными понятиями. Если позже объект превращается в источник наслаждения, то он становится любимым, и в этом качестве инкорпорируется в Я, так что для чистого „Я-удовольствия" объект снова совпадает с чуждым, ненавистным* (p. 38 [181]).

• Любовь как выражение целостного сексуального стремления

Следовательно, когда объект становится источником наслаждения, мы говорим, что мы его *любим*, а когда он становится источником неудовольствия, мы его *ненавидим*. Однако Фрейд спрашивает себя: можем ли мы сказать о влечении на обыденном языке, что оно *любит* объект? Конечно же, нет, отвечает он, так же как мы не можем сказать о влечении, что оно *ненавидит* объект. Поэтому, настаивает он, «*термины „любви" и „ненависти" неприменимы к отношениям влечений со своими объектами, а только к отношению всего „Я" к объектам*» (p. 39 [182]). По отношению к объектам, служащим для самосохранения Я (пище и т. п.), мы можем, самое большее, использовать слова «*я ценю, мне нравится*».

Каков же статус понятия *любви*, когда она достигла полного развития? Фрейд недвусмысленно утверждает, что любовь появляется на генитальной стадии, когда происходит синтез частичных влечений в *целостном Я* (p. 39 [182]): «*Мы находим самое большое соответствие в употреблении слова „любить" для обозначения отношения Я к своему сексуальному объекту; наблюдение показывает, что применение этого слова для обозначения таких отношений становится возможным только с момента синтеза всех частичных влечений сексуальности под приматом гениталий и в целях функции продолжения рода*» (p. 40 [182]).

Что касается употребления слова *ненависть*, оно не настолько тесно привязано к сексуальному наслаждению, как любовь; его, по-видимому, определяет только отношение к неприятному: «*Я ненавидит, презирает, преследует с целью разрушения все объекты, которые становятся для него источником неприятного, независимо от того, лишают ли они его сексуального удовлетворения или удовлетворения потребностей самосохранения*» (p. 40 [183]). По мнению Фрейда, источник ненависти, скорее, следует искать в борьбе Я за самосохранение, т. е. в ненависти, испытываемой к объекту, который не удовлетворяет влечения к самосохранению, чем в сексуальной жизни. Именно там, на уровне самосохранения, находится, по мнению Фрейда, источник конфликта амбивалентности, который особенно ярко проявляется в неврозах.

• Генезис любви и ненависти в ходе развития

Первоначально, говорит нам Фрейд, Я способно частично удовлетворить свои аутоэротические влечения и любовь, следовательно, нарциссична. Затем Я обращается на объекты: «*Первоначально любовь нарциссична, затем она переходит на объекты, которые инкорпорируются в расширенное Я,*

и выражает моторное стремление Я к этим объектам, как к источнику наслаждения» (p. 41 [183]). Затем Фрейд описывает предварительные стадии любви, начиная с первой ее цели: *поглотить* или *пожрать*, это амбивалентная стадия, когда индивид не знает, разрушает ли он объект своей любовью или ненавистью. Затем следует прегенитальная анально-садистическая стадия и, наконец, генитальная стадия: *«Только по достижении генитальной организации любовь становится противоположностью ненависти»* (p. 42 [184]). Он заключает, что ненависть определенно старше любви, поскольку любовь появляется позднее, когда Я превращается в «целостное Я».

Именно это объясняет природу амбивалентности, где любовь сопровождается ненавистью по отношению к тому же объекту. *«Примесь ненависти в любви отчасти происходит от не вполне преодоленной предварительной ступени любви, отчасти она вытекает из реакций отклонения этого чувства со стороны влечений Я, которые могут оправдываться реальными и актуальными мотивами при столь частых конфликтах между интересами Я и любви. В обоих случаях, следовательно, примесь ненависти имеет своим источником влечение к самосохранению»* (p. 42 [184]). В заключение Фрейд упоминает о чувстве ненависти, которое может появиться в результате разрыва любовных отношений с объектом, подчеркивая, что в этих случаях *«у нас появляется впечатление превращения любви в ненависть»* (p. 43 [184]), но не уточняя, что он подразумевает под подобным превращением. Он упоминает также, что для ненависти существует возможность обрести эротический характер, когда она регрессирует на садистическую стадию, предвосхищая таким образом собственные будущие исследования, посвященные садомазохизму, а также фундаментальному конфликту между влечением к жизни и влечением к смерти.

«ВЫТЕСНЕНИЕ» (1915d)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1915d). Le refoulement, trad. J. Lanlanche et J.-B. Pontalis // Métapsychologie. Paris: Gallimard, 1968, p. 45–63 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XIII, p. 181–201].

- **Роль вытеснения**

Согласно «первой теории влечений», которой Фрейд придерживался в 1915 г., влечение ищет главным образом наслаждения от удовлетворения. Но в своем поиске удовольствия влечение наталкивается на сопротивления, которые стремятся сделать его неэффективным. Среди этих сопротивлений вытеснение занимает особое место вследствие того, что является компромиссом между бегством – невозможным по отношению к влечению внутреннего происхождения – и осуждением. Почему влечение должно быть вытеснено, если оно находится в поиске наслаждения от удовлетворения? Потому что, хотя удовлетворение влечения и доставляет наслаждение одной части психики, это удовольствие несовместимо с требованиями другой части психики,

в этом случае вступает в действие *осуждение,* которое вызывает вытеснение: «*Сущность вытеснения состоит в удалении некого содержания из сознания*» (p. 47 [190]). Таким образом, вытеснение как механизм защиты не существует изначально, оно вступает в действие не раньше, чем образовалось разделение между сознанием и бессознательным. Фрейд выдвигает гипотезу, что до этого разделения действуют другие механизмы защиты против влечений, такие как превращение в противоположное и обращение на самого себя.

- **Судьба репрезентации**

Хотя Фрейд и не говорит об этом прямо, он возвращается здесь к своей гипотезе о психоневрозах защиты, которую он выдвинул в статьях 1894 и 1895 гг. Он выделяет два представителя влечения в психике, которые могут подвергаться вытеснению – репрезентацию и аффект; у них разная судьба. Что касается репрезентации, то, по мнению Фрейда, существует первичное вытеснение: «*Первая фаза вытеснения состоит в том, что психический (мыслимый) представитель влечения (представитель–репрезентация) не допускается в сознание*» (p. 48 [191]). Например, в случае маленького Ганса страх быть укушенным лошадью скрывает бессознательный страх быть кастрированным отцом, и здесь идея «отца» становится вытесненной репрезентацией. Вторая фаза вытеснения – вытеснение в собственном смысле слова – «*касается психических дериватов указанного вытесненного представителя, связанного с влечением, или мыслей, происходящих из других источников, но вступивших в ассоциативную связь с этими представителем*» (p. 48 [191]). Таким образом, вытеснение затрагивает не только репрезентацию как таковую, но и *дериваты* бессознательного, т. е. образования более или менее далекие от того, что было вытеснено. Дериваты, в свою очередь, становятся объектом защит. С этой точки зрения, симптомы тоже являются дериватами вытесненного. Но вытеснение не устраняет влечения, оно продолжает пребывать в бессознательном, образовать дериваты, «*разрастаться во тьме бессознательного*» (p. 49 [192]). Этот продолжающийся процесс подразумевает, что в строгом смысле слова вытеснение – это всегда отсроченное действие (après coup), уточняет Фрейд. Например, у маленького Ганса боязнь лошадей, неспособность выходить на улицу или воспоминание о падении с лошади его товарища и т. д. – это именно дериваты вытесненного.

Эти бессознательные дериваты имеют свободный доступ в сознание, когда они достаточно отдалились от вытесненного содержания. Именно тогда психоаналитик может обнаружить их при помощи свободных ассоциаций пациента.

- **Характеристики вытеснения**

По мнению Фрейда, вытеснение работает *крайне индивидуально* (p. 52 [194]), обращаясь с каждым психическим дериватом по-своему. Кроме того, вытеснение очень мобильно и требует постоянных затрат энергии. Таким обра-

зом, в зависимости от *количественного* фактора вытесненное психическое содержание влечения остается в бессознательном или вновь появляется в сознании: «*Решающее значение для возникновения конфликта имеет, однако, количественный момент; как только шокирующая по существу репрезентация усиливается сверх определенного уровня, конфликт становится активным, и именно его активация влечет за собой вытеснение*» (p. 54 [195]).

- **Судьба аффекта**

Продемонстрировав судьбу репрезентации, Фрейд показывает затем, что происходит с аффектом. По его мнению, аффект – или, точнее, «*квант аффекта*» – составляет количественный элемент влечения, подвергнувшийся вытеснению: «*Он соответствует влечению постольку, поскольку оно отделилось от репрезентации и находит выражение, соответствующее его количеству, в процессах, воспринимаемых в форме аффектов. Описывая случай вытеснения, мы впредь должны будем в отдельности проследить, что стало вследствие вытеснения с репрезентацией и что произошло со связанной с ним энергией влечения*» (p. 55 [195]). Если мы вновь обратимся к примеру маленького Ганса, то увидим, что аффект, подвергшийся вытеснению, – это враждебный импульс ребенка по отношению к отцу, желание ему смерти, свойственное эдипову комплексу.

Судьба мыслимой репрезентации влечения, идеи – быть удаленной из сознания, как мы уже видели выше, однако судьба количественного фактора представителя влечения может иметь три варианта: влечение может быть подавлено и не оставить никаких следов, оно может проявиться как качественно окрашенный аффект или же оно может трансформироваться в тревогу. Поскольку конечная цель вытеснения – избежать неудовольствия, «*отсюда следует, что судьба кванта аффекта, принадлежащего представителю, значительно важнее, чем участь репрезентации: именно она определяет то суждение, которое мы выносим о процессе вытеснения*» (p. 56 [196]). Далее Фрейд замечает, что вытеснение сопровождается образованием замещающих формирований и симптомов, и задается вопросом, не являются ли они прямым результатом возвращения вытесненного разными путями. Он заканчивает свою работу примерами из клинической практики, подробно описывая действие вытеснения при трех главных психоневрозах. При тревожной истерии (или фобии), например в случаях фобии животных, вытеснение терпит крах, самое большее – ему удается заменить одну репрезентацию другой, но при этом не получается подавить страх. В настоящей конверсионной истерии вытеснению удается полностью устранить квант аффекта, что объясняет «великолепное безразличие» истериков; но оно достигается ценой образования серьезных замещающих симптомов, которые посредством сгущения привлекают на себя весь катексис. Наконец, при обсессивном неврозе враждебность по отношению к любимому лицу вытесняется, но вытеснение ненадежно, и аффект возвращается в форме бесконечных самообвинений.

Эволюция понятий

Что такое аффект?

Стремясь дать определение аффекту, мы сталкиваемся со сложностями, поскольку этот термин в психоанализе может иметь несколько разных значений. Понятие аффекта с самого начала присутствует у Фрейда, который употребляет его в двух основных значениях: в широком смысле аффект соответствует эмоциональному состоянию вообще разного качества и интенсивности; в узком смысле аффект является количественным выражением влечения в теории, которая учитывает интенсивность энергии влечений. В *Исследовании истерии* (1895d) аффект занимает центральное место, поскольку Фрейд считает не получивший разрядки «сдавленный аффект» причиной появления симптомов. Целью терапевтического воздействия является тогда разрядка аффекта, сопутствующая воспоминанию о забытом травматическом событии, – катартическое отреагирование. С той поры Фрейд говорит о разных судьбах репрезентации и аффекта, и в *«Метапсихологии»* в 1915 г. он подчеркивает значение аффекта как экономического параметра, вводя термин *квант аффекта*.

Позднее, начиная с работы *Торможение, симптом и тревога* (1926d), понятие аффекта получит расширительное значение и с этого момента объединит в себе страх, скорбь, чувство вины, любовь и ненависть и т. п. Лишь некоторые из этих аффектов станут предметом более детального исследования для Фрейда, который указывал на тесную взаимосвязь аффектов с развитием Я: именно Я, по его мнению, является местоположением аффектов. Однако, хотя понятие аффекта обрело смысл, далеко выходящий за рамки первоначального значения его как энергетического параметра влечения, содержащегося в термине *квант аффекта*, оно все еще не имеет точного определения в современной психоаналитической теории.

«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» (1915e)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1915e). L'inconcient, trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis // Métapsychologie. Paris: Gallimard, 1968, p. 65–121 (подзаголовки статей соответствуют тем, которые использует Фрейд) [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XШ, p. 203–242].

- **Обоснование существования бессознательного**

Фрейд посвящает эту главу доказательству существования бессознательного, утверждая, что психоанализ выявил психические процессы, которые *сами по себе бессознательны,* процесс их осознания можно сравнить с восприятием внешнего мира органами чувств. Он также напоминает, что процесс вытеснения состоит не в том, чтобы устранить или уничтожить репрезен-

тацию, представляющую влечение, а в том, чтобы не допустить ее до сознания. Таким образом, оставаясь бессознательной, репрезентация продолжает оказывать воздействие, достигающее сознания.

- **Топографическая точка зрения**

До сих пор Фрейда интересовала прежде всего «динамическая точка зрения», т. е. природа конфликтов, лежащих в основе невроза, как, например, когда он объяснял фобию маленького Ганса бессознательным страхом быть кастрированным собственным отцом. С введением различия между бессознательным, предсознательным и сознанием он начинает рассматривать психические процессы под новым углом, с точки зрения их локализации в психическом аппарате, откуда и появилось название «*топографическая точка зрения*» (*topos* – греческий термин, который обозначает место, например, на географической карте). Фрейд уточняет, что такая локализация в различных областях психики не имеет ничего общего с анатомией.

Обстоятельство, что *психический акт* проходит две различные фазы до того, как стать на самом деле осознанным, подводит Фрейда к введению понятия *предсознательного* (ПСЗ). Он отмечает, что между этими двумя фазами включено «*своего рода испытание* (***цензура***)» (p. 76 [212]). Первая цензура действует между бессознательным и сознанием и может помешать психическому акту дойти до сознания, но если последний все же проникает туда, он сталкивается со второй цензурой, прежде чем стать вполне осознанным. На этом уровне Фрейд и помещает предсознательное: «*Он [психический акт] еще не осознан, но* ***способен стать осознанным***...» (p. 76 [212]).

Затем Фрейд пытается уточнить способ перехода бессознательной репрезентации в сознательную и показывает, что этот процесс разворачивается в два этапа. Действительно, клинический опыт показывает, что недостаточно осознать прежде вытесненную репрезентацию, чтобы уничтожить ее действие: «*Если мы сообщаем пациенту репрезентацию, которую он вытеснил в определенный момент и которую мы угадали, это сначала ничего не меняет в его психическом состоянии. Вытеснение не уничтожается, и его действие не устраняется только потому, что прежде бессознательная репрезентация стала сознательной, как можно было бы ожидать. Наоборот, сперва мы получим только новое отрицание вытесненной репрезентации*» (p. 79–80 [215]). Теперь, по мнению Фрейда, у пациента имеется репрезентация в двух формах: в акустической форме, которая осознается благодаря интерпретации аналитика, и в бессознательной форме, которой является бессознательное воспоминание о пережитом. Следовательно, «*вытеснение уничтожается не прежде, чем сознательная репрезентация, преодолев сопротивление, вступает в связь с бессознательными мнестическими следами. Только когда эти последние, в свою очередь, осознаются, мы достигаем успеха*» (p. 80 [215]). Однако Фрейд не удовлетворен различением сознательной и бессознательной репрезентации только на этой основе.

- **Бессознательные чувства**

Фрейд начинает с напоминания о том, что само влечение не может быть объектом сознания, оно может стать сознательным только двумя способами: быть связанным или с репрезентацией, или с аффектом: «*Если бы влечение не связывалось с какой-нибудь репрезентацией или не проявлялось как состояние аффекта, то мы не могли бы о нем ничего знать*» (p. 82 [216]).

Затем он ставит вопрос о том, могут ли чувства, ощущения и аффекты быть бессознательными, как репрезентации. Поскольку ощущения, чувства и аффекты мы воспринимаем, Фрейд делает вывод о том, что *бессознательными* они быть не могут ни в коем случае. Но разве заявление о том, что чувства могут быть только осознанными, не вступает в противоречие с тем, что в психоанализе принято говорить о бессознательной любви, ненависти, ярости, а также о *бессознательном чувстве вины?* Фрейд старается разрешить это противоречие, говоря, что исключительно судьба репрезентации – стать бессознательной при помощи вытеснения, в то время как ощущения, чувства и аффекты подвержены, по его мнению, по преимуществу количественным изменениям. Если аффект или чувство исчезают, можно с полным правом сказать, что они «*неизвестны*», «*подавлены*» или что «*их развитие было задержано*», но нельзя сказать, что произошло их «*вытеснение*» (p. 82 [217]).

В то же время Фрейд рассматривает возможность того, что аффект может стать бессознательным, но совсем другим путем, например вступив в связь с другой репрезентацией, которая подверглась вытеснению, или трансформировавшись в тревогу. Хотя Фрейд утверждает, что «*бессознательных аффектов в том смысле, в каком встречаются бессознательные репрезентации, не бывает*» (p. 84 [217]), он указывает на некоторые нюансы: «*...весьма возможно, что в системе бессознательного встречаются аффекты, которые наряду с другими становятся сознательными. Такое различие возникает потому, что представление является, в сущности, катексисом мнестического следа, между тем как аффекты и чувства соответствуют процессам разрядки энергии, конечное выражение которых воспринимается как репрезентация*» (p. 84 [217]). В 1915 г. Фрейд еще колеблется в своем мнении о статусе аффектов, но в последующие годы он признает, что аффект занимает важное место в бессознательном.

- **Топография и динамика вытеснения**

Затем Фрейд ставит вопрос о механизме, который поддерживает катексис вытесненной репрезентации в бессознательном. На самом деле, во время вытеснения наблюдается декатексис репрезентации, однако последняя продолжает действовать в бессознательном. Как же объяснить, почему бессознательная репрезентация не возвращается в предсознательное/сознание? Чтобы понять этот сложный процесс, недостаточно просто учитывать смещение энергии катексиса, необходим многосторонний подход. Надо выяснить, в какой системе происходят декатексис и катексис: в системе бессознатель-

ного, предсознательного или сознательного? Здесь Фрейд вводит новый фактор: «*антикатексис*» (или контркатексис) (p. 88 [220]) представляет собой защиту, которой система предсознательного защищается от давления бессознательной репрезентации. Например, фобический страх лошади представляет для маленького Ганса таким осознаваемым антикатексисом, он занимает место страха перед отцом – репрезентации, катексис которой остается вытесненным. В случае *собственно вытеснения* (вытеснения отсроченного действия) цель антикатексиса – удерживать репрезентацию вытесненной, в то время как в случае первичного вытеснения – создать вытеснение и продлить его.

Этот универсальный подход, который Фрейд называет *метапсихологическим,* представляет собой способ, при котором психоаналитик рассматривает психические феномены с трех точек зрения: топографической, экономической и динамической. В случае антикатексиса *топографическая* точка зрения учитывает системы, где возникает катексис, смотря по тому, исходит ли он из бессознательного, предсознательного или сознательного; *экономическая* точка зрения учитывает количество задействованной психической энергии; *динамическая* точка зрения учитывает конфликт между энергией влечения – желанием, – которая заставляет репрезентацию-представление вырываться из бессознательного, и защитой, которая исходит от Я и борется против проявления вытесненной репрезентации. Фрейд демонстрирует весьма познавательным с клинической точки зрения образом, как он применяет свои взгляды к фобическим, истерическим и обсессивным неврозам.

- **Особые свойства системы бессознательного**

В системе бессознательного «*нет отрицания, нет сомнения, нет различных степеней достоверности*» (p. 96 [225]) и большая подвижность катексисов создает феномены смещения и сгущения, характеризующие *первичный процесс;* в то же время бессознательные процессы вневременны и подчинены принципу удовольствия, таким образом, они не учитывают реальность и не знают противоречия. Напротив, в системе предсознательного царит *вторичный процесс,* который характеризуется торможением стремления к разрядке катектированных репрезентаций. Фрейд также устанавливает различие между *сознательной памятью,* которая полностью зависит от предсознательного, и *мнестическими следами,* в которых фиксирован опыт бессознательного.

- **Отношения между системами БСЗ, ПСЗ и СЗ**

Бессознательное так же, как предсознательное и сознательное, – не изолированные системы, они находятся в тесной взаимосвязи и постоянно оказывают влияние друг на друга. Фрейд изучает их взаимоотношения, выявляя то, что относится непосредственно к бессознательному и остается вытесненным, и точно устанавливая два уровня, на которых происходит цензура: «*Первая*

цензура действует против самого ***бессознательного****. А вторая – против* ***предсознательных*** *дериватов* ***бессознательного***» (p. 105 [231]). Возвращаясь к вопросу о процессе осознания, который не сводится к простому переходу из бессознательного в сознание, Фрейд выдвигает идею, что истинное осознание того, что возникло в предсознательном, требует гиперкатексиса: «*Существование цензуры между* ***ПСЗ*** *и* ***СЗ*** *напоминает нам о том, что осознание не является простым актом восприятия, а вероятно также* ***гиперкатексисом****, новым продвижением в психической организации*» (p. 105–106 [232]). Наконец, Фрейд делает два очень важных замечания: первое касается сообщения между бессознательным одного человека и бессознательным другого – феномена, который он рассматривает как «*неоспоримый*» с описательной точки зрения: «*Замечательно, что* ***бессознательное*** *одного человека может реагировать на* ***бессознательное*** *другого, минуя* ***сознание***» (p. 106 [232]); второе замечание – о том, насколько трудно сознанию (СЗ) влиять на бессознательное (БСЗ) в ходе психоаналитического лечения, оттого этот процесс требует столько времени и энергии.

- **Исследование бессознательного**

Приблизиться к бессознательному можно более коротким путем, чем изучение неврозов. Это путь через изучение шизофрении, где бессознательное приоткрывается нам без тех препятствий, которые создает вытеснение. Фрейд отмечает, что речь шизофреников «манерная» и «*вычурная*», им свойственно особое искажение речи, содержание которой нередко касается частей тела, Фрейд называет это «*языком органов*» (p. 112 [136]). Кроме того он замечает, что у шизофреников слова подвергаются механизму сгущения – аналогичному первичному процессу, который создает образы сновидения, таким образом «*процесс может зайти так далеко, что единственное слово из-за факта многочисленных отношений обретает функцию всей цепи мыслей*» (p. 113 [237]). Далее, у этих пациентов *слова* приобретают большую важность, чем *вещи,* которые они обозначают, иначе говоря, у шизофреников наблюдается преобладание *вербального* соотношения, так что сходство слов становится важнее, чем *сходство вещей.* Фрейд приводит в пример одного пациента Виктора Тауска, у которого мысль о дырках в его вязаных носках вызывала торможение, так как слово «дырка» обозначает две разные вещи – дырочки в трикотаже и женское половое отверстие, простое упоминание этого слова вызывало у него ужас, потому что слово «дырка» сгущало эти два значения. Мы наблюдаем, что пациент-шизофреник без сопротивления раскрывает бессознательное символическое значение своего торможения, так что психоаналитик имеет прямой доступ к содержанию его бессознательного. Больные шизофренией отличаются от истерических и обсессивных пациентов, у которых доступ к бессознательному смыслу затруднен действием вытеснения. Другими словами, можно охарактеризовать образ мышления шизофреника, «*сказав, что он обращается с конкретными предметами так, как если бы они были абстрактными*» (p. 121 [242]).

Фрейд продолжает обсуждение, почему шизофреник воспринимает репрезентацию *слова* как репрезентацию *вещи*, что мы видели у пациента Тауска, когда *слово* «дырка» становится эквивалентом *вещи* – «женского полового органа». Здесь Фрейд вводит новое различие на уровне сознательной репрезентации – между *словесной репрезентацией* и *объектной репрезентацией:* объектная репрезентация, по существу, визуальная, а словесная – акустическая. Словесная репрезентация также включена в концептуализацию, которая связывает вербализацию и осознание. По его мнению, бессознательная репрезентация создается только объектной репрезентацией, которая предшествует появлению речи. Таким образом, словесное выражение приобретает особую роль в процессе осознания в ходе психоаналитического лечения. Фрейд описывает это следующим образом: *«сознательная репрезентация включает репрезентацию вещи плюс словесную репрезентацию соответствующего ей слова, бессознательная же репрезентация – это чистая репрезентация вещи»* (p. 117 [240]). Именно овладение языком дает возможность перехода от первичного процесса к вторичному, а также установления системы предсознательного, которую Фрейд рассматривает как *«более высокую психическую организацию»*. Так, при неврозе переноса именно словесная репрезентация оказывается вытесненной, таким образом, процесс лечения должен состоять в том, чтобы заменить действия словами: именно поэтому мысль, облеченная в слова, составляет основное орудие аналитического опыта.

Возвращаясь к вопросу о шизофрении, Фрейд уточняет, что преобладающий катексис словесной репрезентации у шизофреников есть следствие попытки исцеления: вследствие декатексиса бессознательных объектных репрезентаций – что характерно для нарциссических неврозов – мы наблюдаем у таких пациентов сверхкатексис репрезентаций слов. Этот процесс связан со *«стремлением вновь овладеть утерянными объектами»*, приближаясь *«к объекту через его словесную часть»*, и представляет собой попытку исцеления. Однако шизофреник затем *«вынужден удовлетворяться словами вместо вещей»*, добавляет Фрейд (p. 120 [242]). Фрейд завершает статью, предостерегая нас от увлечения абстрактными построениями: *«Когда мы мыслим абстракциями, нам грозит опасность пренебречь взаимоотношением слов с бессознательными объектными репрезентациями, и нельзя отрицать, что наше философствование в таких случаях по содержанию и форме выражения приобретает нежелательное сходство с мыслительной работой шизофреника»* (p. 121 [242]).

Постфрейдисты

Первая топографическая модель и первая теория влечений: особенности французского подхода

Развитие психоанализа во франкоязычном мире, без сомнения, в наибольшей степени находится под влиянием работ Фрейда первого периода, завершением которого и стали первые три очерка *Метапсихологии*. Поэтому для этой школы мысли характерен психоаналитический подход, основанный преимущественно на представлениях первой топографической модели (бессознательное, предсознательное и сознание) и на первой теории

влечений, основанной на принципе удовольствия–неудовольствия. Этот особый интерес проявляется в многочисленных работах, развивающих темы *метапсихологии,* несущих на себе печать абстрактного стиля, которого в тот момент придерживался Фрейд. В этом вопросе труды французских психоаналитиков резко отличаются от трудов их англосаксонских коллег, поскольку у первых опора на клинику при развитии теории имплицитна, в то время как у вторых она в основном эксплицитна. Без сомнения, философская традиция оказала влияние на образ мышления франкоязычных психоаналитиков, которые рискуют иногда уйти от клинического опыта к умозрительным построениям, о чем напоминает нам Пьер Люке (1985): *«Психоанализ вырос из ежедневной работы по изучению фактов, а не из умозрительных представлений. Сначала практика, затем философствование».*

Существует несколько причин, по которым французские психоаналитики придают такое большое значение первой топографической модели первой теории влечений Фрейда. Одна из них, без сомнения, в том, что ранние произведения Фрейда были переведены на французский язык (и то лишь частично), его поздние произведения перевели значительно позже. Кроме того, интерес к метапсихологии вырос после призыва Ж. Лакана «возвратиться к Фрейду», провозглашенного в 1955 г. Но это возвращение к Фрейду было возвращением не ко всем его трудам, а только к его первым работам, в основном посвященным неврозам (*Толкованию сновидений,* 1900a и *Остроумию и его отношению к бессознательному,* 1905c). То, что этот интерес был направлен лишь на один из аспектов раннего творчества Фрейда, имеет свои преимущества и свои недостатки. Преимущество в данном случае в том, что творчество Фрейда изучается с самого начала; недостатком стало то, что значение поздних работ Фрейда, в частности работ, посвященных депрессии, психозу и перверсии, недооценивается. Уже в 1915 г., в частности в работах *Влечения и их судьба* и *Печаль и меланхолия,* были видны новаторские перспективы, именно они привели Фрейда к открытию второй теории влечений и второй топографической модели.

Начиная с 1970-х годов число французских психоаналитиков, видевших необходимость расширить поле применения психоанализа за рамки невроза и интересовавшихся лечением так называемых «трудных» пациентов с нарциссической патологией, все увеличивалось. Постепенно их внимание обратилось к работам Фрейда, написанным после 1915 г., т. е. ко второй теории влечений, второй топографической модели, а также к примитивным механизмам защит, но при этом они не отказывались от использования более ранних достижений Фрейда. В этой перспективе необходимо упомянуть работы А. Грина о пограничных состояниях, Д. Анзье о «Я-коже» («коже как Эго»), работы Д. Мак-Дугалл и Ж. Шассге-Смиржель о перверсиях, а также исследования П.-С. Ракамье о психозе, если говорить о самых известных международному сообществу работах.

Аффект, неотделимый от репрезентации

К концу 1960-х годов А. Грин решительно восстал против направления, в котором развивал свои идеи Ж. Лакан: устраняя роль аффектов и телесного

из своей психоаналитической концепции, он рисковал свести анализ лишь к интеллектуальной игре языковых означающих. Поэтому А. Грин опубликовал работу *Живая речь* (1973), где он стремился показать ту роль, которую играют аффективное и телесное измерение опыта, и вернуть им их законное место не только в теории, но и в процессе психоаналитического лечения.

А. Грин начинает книгу с того, что исследует произведения Фрейда в хронологическом порядке, при этом выявляя центральную роль, которую занимает в концепции Фрейда аффект наряду с репрезентацией. Грин оспаривает точку зрения Лакана, который настолько преуменьшил значение аффекта, что даже выдвинул идею, будто в бессознательном не существует аффекта, а только репрезентации и языковые означающие, игнорируя роль аффектов переноса и контрпереноса. Конечно, констатирует Грин, Фрейд, когда он писал *Метапсихологию,* колебался в определении статуса аффектов в бессознательном. Но в своих последующих работах Фрейд сам последовательно снимает эти противоречия и в конце концов признает существование множества бессознательных аффектов (например, бессознательное чувство вины), но он не закрепляет за ними того же статуса, что и за вытесненной репрезентацией. Грин же идет дальше и предлагает различать «представителя репрезентации» и «представителя аффекта» влечения. Более того, по мнению Грина, аффект имеет двойное измерение: с одной стороны, *«аффект – это взгляд на растревоженное тело»* (p. 221), аффект близок к телу, с экономической точки зрения, он играет роль разрядки; с другой стороны, аффект имеет психическое измерение и обладает *«качеством»*, связанным с удовольствием – неудовольствием. Он утверждает: *«Тело – не субъект действия, а объект страсти»* (p. 220). Наконец, Грин разделяет *язык* в чисто лингвистическом смысле этого термина, который *«не относится ни к чему, кроме самого себя»*, как он говорит, перефразируя Лакана (p. 239), – и *речь*, которую он описывает как *«возвращение телесной материи в язык»* (p. 239), речь, которая объединяет одновременно мысли, репрезентации, аффекты, действия и собственно состояния тела. Грин не углублял свои идеи о роли аффекта сверх того, что он написал в *Живой речи,* поэтому в основном его концепция является развитием первой топографической модели Фрейда.

Книга *Живая речь* стала важным этапом в развитии французского психоанализа, потому что идеи Грина позволили множеству психоаналитиков, которые ранее были склонны безоговорочно следовать взглядам Лакана, объединиться не только в противостоянии Лакановой практике укороченных сеансов, но и вокруг обогатившейся фрейдистской теоретической и клинической традиции.

«МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕОРИИ СНОВИДЕНИЙ» (1917d)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1917d). Complément métapsychologique à la théorie du rêve, trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis // Métapsychologie. Paris: Gallimard, 1968, с. 123–143 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XIII, p. 242–258].

В 1915 г. Фрейд написал четвертую статью (опубликована в 1917 г.), в которой стремился интегрировать в теорию сновидений недавно разработанные понятия. Например, он уточняет: предложенное им различие выявляется между *временной регрессией* (или регрессией в истории развития), которая восстанавливает первичный нарциссизм – как это видно в исполнении желания в сновидении, – и *топографической регрессией,* которая является *«возвращением на древнюю стадию галлюцинаторного осуществления желания»* (p. 132 [250–251]). Но если исполнение желания в сновидении – это регрессия к галлюцинации и к убеждению в реальности осуществления желания, то какая же разница между сновидением и другими формами галлюцинаций, такими как острое галлюцинаторное помешательство (Мейнерта) или галлюцинаторная фаза шизофрении? Здесь Фрейд вводит понятие *тестирование реальности,* которое дает Я способность различать восприятие и репрезентацию, внутреннее и внешнее. Затем он исследует, как тестирование реальности может исчезнуть при патологии или в сновидении. Характеристики сновидения определяются состоянием сна, которое производит декатексис систем сознания, предсознательного и бессознательного и приводит к отказу от тестирования реальности, так что возбуждение свободно регрессирует до *«галлюцинаторного психоза исполнения желания в сновидении»*. В этой работе Фрейд вносит дополнительные пояснения в теорию сновидений, сформулированную в *Толковании сновидений* (1900a), но не создает новой фундаментальной концепции.

Биографии и история

Карл Абрахам (1877–1925): первопроходец в исследовании психоанализа

Гипотезы, которые Фрейд представляет в «Печали и меланхолии», стали во многом продолжением новаторских исследований Карла Абрахама, заметной фигуры в истории зарождения психоанализа. Немецкий врач Карл Абрахам изучал психиатрию в Берлине, затем в 1907 г. переехал в Цюрих, чтобы пройти обучение у Эйгена Блейлера, директора клиники Бургольцли, где трудился и К. Г. Юнг. Во время стажировки в Швейцарии Абрахам познакомился с работами Фрейда. В том же году он открыл свой кабинет в Берлине и отправился в Вену, чтобы встретиться с Фрейдом. Их встреча положила начало долгой дружбе и длительному научному сотрудничеству, о чем свидетельствует активная переписка 1907–1925 гг. Между Юнгом и Абрахамом очень рано разгорелось ожесточенное соперничество, отчасти спровоцированное Фрейдом, который в то время оказывал предпочтение Юнгу. Он рассматривал Юнга как своего наследника и рассчитывал с его помощью распространить психоанализ в международном психиатрическом сообществе, причем не только в еврейских кругах. Но отношения между Фрейдом и Юнгом вскоре испортились, поскольку Юнг отверг Фрейдову теорию либидо, в то время как Абрахам стал ее убежденным защитником. С тех пор Абрахам пользовался полным доверием Фрейда, он сыграл большую роль в развитии психоанализа, в частности основав в 1910 г. Берлин-

ский психоаналитический институт. Позднее он сменил Юнга на посту президента Международной психоаналитической ассоциации, а также стал издателем многочисленных психоаналитических изданий, например «Психоаналитического ежегодника» (Jahrbuch für Psychoanalyse). Он стал также обучающим аналитиком многих известнейших психоаналитиков, среди которых следует назвать Хелен Дойч, Эдварда Гловера, Джеймса Гловера, Карен Хорни, Мелани Кляйн, Шандора Радо и Теодора Райка. Абрахам умер от воспаления легких в возрасте 48 лет, что стало тяжелой потерей для всего психоаналитического сообщества.

Карл Абрахам сразу принял идеи Фрейда, но он шел своим путем и иногда даже осмеливался противоречить учителю. Его многочисленные работы поражают точностью и ясностью, особенно его фундаментальные работы о маниакально-депрессивных расстройствах и о стадиях развития либидо. Он стал первым психоаналитиком, который брался за лечение маниакально-депрессивных пациентов, в одной из статей 1911 г. он показал, что у депрессивных пациентов способность любить парализована яростью их садистических фантазий и «чрезмерной враждебной предрасположенностью либидо» (1911, p. 104). Тогда же он высказал предположение, что корни депрессии лежат в вытеснении садизма; Абрахам считал, что меланхолия и мания также ведут свое происхождение из этого комплекса, на который больные реагируют по-разному. Он утверждал также, что депрессия взрослого человека берет начало в базовой депрессии ребенка. Хотя он не смог верифицировать эту идею, клиническое подтверждение его гипотезы предоставила Мелани Кляйн, и Абрахам немедленно поделился своим открытием с Фрейдом (Абрахам Фрейду, письмо 423 А, от 7 октября 1923 г.).

В 1924 г. Абрахам опубликовал работу, в которой он обобщил свои взгляды, стараясь найти точки фиксации различных психических заболеваний на разных стадиях либидинального развития. Опираясь на классическую теорию Фрейда о стадиях развития либидо (Freud, 1905a), Карл Абрахам предложил много инноваций, в частности, он выделил две подфазы в анально-садистической стадии и две подфазы в оральной стадии развития. По его мнению, анально-садистическая стадия делится на раннюю анальную фазу, связанную с эвакуацией и разрушением объекта (точка фиксации депрессии), и на более позднюю фазу, связанную с удержанием и контролем над объектом (точка фиксации обсессивного невроза). Случается, что при депрессии точкой фиксации становится еще более ранняя стадия, чем первая садистическая подфаза эвакуации, в этом случае Абрахам говорит о фиксации на оральной стадии. В оральной стадии Абрахам также выделяет две подфазы: доамбивалентную раннюю оральную фазу сосания и позднюю орально-садистическую фазу, которая соответствует прорезанию зубов и фиксирует амбивалентность сосания – кусания. Параллельно Абрахам описал эволюцию аффектов любви и ненависти в объектных отношениях вплоть до целостной объектной любви, которая появляется на генитальной стадии: «Только на генитальном этапе развития либидо может быть достигнута способность к полной и всеобъемлющей любви» (1924, p. 260).

Работы Карла Абрахама оказали огромное влияние на многих психоаналитиков, особенно на его ученицу Мелани Кляйн, «чьи теории не могут

быть поняты без той основы, которую заложил Абрахам, конечно, с одобрения Фрейда и в согласии с ним», утверждают А. Хайнал и Э. Фальценер (Haynal, Falzener, 2002, p. XXVIII).

«ПЕЧАЛЬ И МЕЛАНХОЛИЯ» (1917e [1915])

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1917e [1915]). Deuil et mélancolie, trad. J. Laplanche et J.-D. Pontalis // Métapsychologie. Paris: Gallimard, 1968, p. 145–171 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XIII, p. 262–278].

- **Нормальная и патологическая печаль**

В работе «Печаль и меланхолия» Фрейд исследует вопрос о реакциях индивида в связи с реальной потерей, с разочарованием в любимом человеке или с потерей идеала: почему некоторые люди реагируют аффектом печали, который со временем преодолевают, в то время как другие погружаются в депрессивное состояние? Необходимо уточнить, что во времена Фрейда «меланхолией» называли то, что сейчас называется депрессией, а термин «меланхолия» употребляют сегодня по отношению к ее тяжелой, т. е. психотической, форме (Bonaparte, Freud, Kris, 1956; J. Strachey, 1957; Laplanche, 1980). Фрейд констатирует, что, в отличие от нормальной печали, которая в основном переживается на сознательном уровне, патологическая печаль развивается на уровне бессознательного, так как меланхолик, как утверждает Фрейд, «*не может сознательно воспринять то, что он потерял*» (p. 149 [263]). Нормальная печаль и патологическая печаль имеют общую черту – торможение и отсутствие интереса, которые объясняются работой печали, захватившей Я. Но в меланхолии есть что-то большее, продолжает Фрейд, – это необыкновенное уменьшение чувства самоуважения: «*При печали обеднел и опустел окружающий мир, при меланхолии – само Я*» (p. 150 [264]). В патологической печали выходит на первый план отвращение больного по отношению к своему собственному Я в форме упреков, адресованных самому себе, и обесценивания себя. Как объясняются подобные самообличения, которые могут доходить до бредового ожидания наказания?

- **У меланхолика «Я никчемен!» на самом деле значит «Ты никчемен!»**

Фрейд выдвигает гениальное предположение: он считает, что все самообвинения депрессивной личности являются на самом деле обвинениями против значимой *потерянной* личности, чаще всего из близкого окружения пациента (p. 160 [270]). Он утверждает: «*Женщина, на словах жалеющая своего мужа за то, что он связан с такой негодной женой, хочет, собственно говоря, обвинить своего мужа в негодности во всех смыслах*» (p. 154 [267]). Другими словами, когда эта женщина обвиняет себя, объявляя «*Я* никчемная!», это

самообвинение оказывается обвинением, бессознательно направленным на ее мужа: «*Ты* никчемный!» Фрейд замечательно выражает это на немецком языке, говоря об таких больных: «*Ihre Klagen sind Anklagen*», т. е. «Их самообвинения – это *обвинения*», обыгрывая таким образом сгущение в словах *Klagen* (жалобы) и *Anklagen* (устаревший юридический термин, который обозначает «подать жалобу *против* кого-то»).

Затем Фрейд показывает, что слова, которые употребляет меланхолик, высказывая свои самообвинения, когда, например, он говорит: «Я никчемный!», шаг за шагом обнажают структуру его внутреннего конфликта: «*Мы должны обратить внимание на то, что меланхолик правильно описывает свое психологическое состояние*» (p. 152 [264]). Особая языковая структура самообвинений приводит нас к пониманию внутреннего конфликта меланхолика, и Фрейд систематически рассматривает ее различные элементы: он последовательно описывает оральную интроекцию утерянного объекта, идентификацию с ним при регрессе любви на нарциссическую стадию, обращение против себя самого ненависти, предназначенной объекту, и т. д. Понимание этих процессов требует от читателя особого внимания, тем более что клиническая реальность, о которой говорит Фрейд, скорее имплицитна, нежели эксплицитна. Тем не менее я постараюсь вкратце изложить основные положения.

- **Разрыв с внешним миром и отступление в нарциссизм**

Вначале Фрейд объясняет, как происходит подмена ***Я*** на ***Ты***, когда меланхолик эксплицитно обвиняет себя, говоря «*Я никчемен!*», хотя на самом деле он имплицитно обвиняет другого: «*Ты никчемен!*» Какие же психические процессы соответствуют психическим изменениям, выраженным в этих словах? Фрейд объясняет это, показывая, что в случае утери объекта существует фундаментальная разница между нормальной печалью и патологической печалью, причиной которой является изменение направления катексиса либидо: при нормальной печали субъект способен отказаться от «потерянного» объекта и отвести либидо, так что ставшее свободным либидо может быть направлено на новый объект. При меланхолии, напротив, субъект не отнимает либидо от «потерянного» объекта, чтобы не расставаться с ним и остаться с ним одним целым, Я меланхолика в своих фантазиях «поглощает» этот объект, выбирая путь *нарциссической идентификации: «Тень объекта пала, таким образом, на Я, которое в этом случае рассматривается упомянутой особенной инстанцией так же, как оставленный объект. Следовательно, потеря объекта превратилась в потерю Я, и конфликт между Я и любимым лицом превратился в столкновение между критикой со стороны Я и самим Я, измененным благодаря отождествлению»* (p. 158 [268]). Это изменение направления объектного катексиса в сторону собственного Я, воспринимаемого как объект, объясняет потерю интереса меланхолика к лицам из его окружения и последующий «нарциссический» возврат к собственной личности. Меланхолик настолько сосредоточен на самом себе, что его как бы засасывает вихрь самообвинений.

Кроме того, это обращение упреков на свою собственную персону предполагает расщепление Я: часть Я смешивается с утерянным объектом, другая критикует, выступая в качестве инстанции, которую Фрейд называет *моральным осознанием* (совестью): «*Мы наблюдаем у него, как одна часть Я противопоставляется другой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом*» (p. 153 [266]). Эта критическая инстанция – прообраз понятия Сверх-Я.

- **Любовь регрессирует до нарциссической идентификации, и ненависть обращается против самого субъекта**

По мнению Фрейда, сильная самодеструктивная тенденция депрессивных больных есть результат усиления амбивалентности любви и ненависти по отношению к объекту и к Я, аффекты распадаются и испытывают различные превращения. С одной стороны, субъект продолжает любить объект, но ценой регресса к примитивной форме любви, т. е. к идентификации, при которой «любить объект» значит «быть объектом»: «*Нарциссическое отождествление с объектом заменяет тогда привязанность к объекту, следовательно, несмотря на конфликт с любимым лицом, любовная связь не должна быть прервана*» (p. 156 [268]). В этом случае речь идет о регрессии либидо на оральную каннибалистическую стадию, когда субъект поглощает объект, «*пожирая*» его. С другой стороны, в результате нарциссической идентификации Я с любимым объектом, ненависть субъекта, предназначенная объекту внешнего мира, обращается против собственного Я, которое объединяется с объектом: «*Если любовь к объекту, от которой невозможно отказаться, в то время как от самого объекта отказываются, находит выход в нарциссическом отождествлении, то по отношению к объекту, служащему заменой, проявляется ненависть, этот новый объект оскорбляют, унижают и причиняют ему страдание, благодаря этому страданию ненависть получает садистическое удовлетворение*» (p. 159 [270]).

- **Явные самообвинения: скрытые упреки другому**

Фрейд касается другого важного пункта, показывая, что самообвинения меланхолика одновременно являются агрессией по отношению к объекту, т. е. нарциссический возврат пациента не исключает существование бессознательных объектных отношений. Фрейд отмечает, что пациент меланхолик, в точности как обсессивный невротик, испытывает *наслаждение* от одновременного осуществления садистических, наполненных ненавистью стремлений по отношению к самому себе и к другому, которым чаще всего становится кто-то из близкого окружения: «*При обоих заболеваниях больным еще удается обходным путем через самоистязание мстить первоначальным объектам и мучить любимых людей своей болезнью, в которую они погрузились, чтобы не проявлять непосредственно свою враждебность к этим близким людям* (p. 160 [270]).

Показав, таким образом, что аутоагрессия меланхолика становится средством нападения на объект и отмщения ему, Фрейд подчеркивает, что его пациенты, несмотря на нарциссизм, тем не менее поддерживают объектные отношения со своим окружением, но эти отношения базируются на ненависти и агрессивности. Без сомнения, подчеркивая возвращение маниакально-депрессивных пациентов к нарциссизму, Фрейд считал, что эти пациенты не способны развивать перенос и не пригодны для анализа, отсюда и определение их как нарциссических невротиков. Психоаналитики-постфрейдисты показали, что эти пациенты развивают перенос, который можно проанализировать, даже если речь идет о переносе, в котором преобладают враждебные чувства к аналитику.

Эволюция понятий

Последующие дополнения, сделанные Фрейдом к работе «Печаль и меланхолия»

Мы лучше поймем психические механизмы депрессии, описанные Фрейдом, если учтем важные дополнения к первоначальной гипотезе, которые он сделал позднее. Вот несколько важных пунктов, на которых я хотел бы остановиться, обсуждая указанные произведения.

Постулирование конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти (1920)

Центральная роль, которую играет влечение к саморазрушению у депрессивных пациентов, стала одним из факторов, которые привели Фрейда к пересмотру его первой теории влечений (сформулированной в 1915 г.), основанной на принципе удовольствия: действительно, если целью влечения в основном является поиск удовлетворения, то как объяснить склонность к самоубийству у депрессивного пациента? Чтобы ответить на подобные вопросы, Фрейд в 1920 г. предложил новую теорию влечений, основанную на фундаментальном конфликте между влечением к жизни и влечением к смерти. Эту концепцию он применял ко многим случаям психопатологии, в том числе и к меланхолии.

Конфликт между Я, Оно и Сверх-Я (1923)

В 1915 г. в работе «Печаль и меланхолия» Фрейд приписывал самообвинения меланхолика *«критике»*, которой одна часть Я подвергает другую, он говорил о *моральном осознании*, т. е. о *совести*. В 1923 г. он уже рассматривает эту *критику* как настоящую психическую инстанцию, которую он назвал Сверх-Я, и показывает ее тесную связь с двумя другими нововведенными инстанциями, названными им Я и Оно. По его мнению, в нормальных условиях Сверх-Я осуществляет регулирующую функцию по отношению к Я и сталкивается с требованиями влечений, присущими Оно. В то же время Фрейд констатирует, что при меланхолии Сверх-Я с чрезмерным садизмом обращается с Я, так как при этом заболевании: *«Сверх-Я в бешенстве, с невероятной силой набрасывается на Я, как если бы оно запаслось всем имеющимся*

в распоряжении индивида садизмом. <...> Можно сказать, что теперь в Я полновластно царствует культура влечения к смерти, и, действительно, ей часто удается довести Я до смерти, если оно не защитит себя от своего тирана, своевременно повернувшись к мании» (1923b, p. 268 [296]).

Расщепление Я (1927)

Фрейд вводит понятие «расщепление Я» уже в работе «Печаль и меланхолия», но там он называет его то *расщеплением*, то *расколом* Я, в частности, когда описывает строгость, с которой совесть критикует Я меланхолика. Позднее, в «Фетишизме» (1927e), он дополнит свои гипотезы о расщеплении Я, утверждая, что при депрессии расщепление является следствием отрицания потери объекта. Фрейд иллюстрирует эту точку зрения рассказом о проходивших у него анализ двух братьях, которые «скотомизировали» (т. е. *бессознательно удалили из поля сознания*) смерть своего отца, которая произошла, когда они были детьми; но при этом не стали психотиками: «*Одно направление их психической жизни не признавало эту смерть, другое же полностью отдавало себе в этом отчет; две позиции: одна – основанная на желании, и другая – основанная на реальности, сосуществовали. Это расщепление для одного из них стало основой обсессивного невроза средней тяжести*» (p. 137). Другими словами, при патологической печали понятие расщепления предполагает, что одна часть Я отрицает реальность потери, в то время как другая ее принимает. В своих дальнейших работах Фрейд уделял все больше и больше внимания феноменам отрицания реальности и расщепления Я.

Постфрейдисты

Развитие, которое получила *Метапсихология* в трудах кляйнианцев и посткляйнианцев

Оттолкнувшись от классической теории Фрейда, Мелани Кляйн начала развивать свои собственные идеи. Она опиралась на фундаментальные концепции Фрейда, многие из которых представлены в «*Метапсихологии*», в частности в работах «Влечения и их судьба» (1915c), «Бессознательное» (1915e), «Печаль и меланхолия» (1917e/1915).

Хотя М. Кляйн не говорила о «метапсихологии», она представляла свои концепции в клинических терминах, выдвинув на первое место структурные понятия параноидно-шизоиднойи депрессивной позиций, а также концепцию проективной идентификации. Для начала обратимся к ним вкратце.

Структурная концепция функционирования психики и ее изменения

Введение понятия «позиция» позволило М. Кляйн не только различать в структуре психики два основных состояния – параноидно-шизоидную и депрессивную позицию, – но также особым образом фиксировать структурные изменения, которые мы наблюдаем во время психоаналитического

процесса. Понятие позиции отличается от понятия хронологической стадии либидинального развития, такой как оральная или фаллическая стадия, так как здесь речь идет о структурном понятии, предназначенном отражать состояние психической организации на данный момент, и о переходных этапах между двумя этими состояниями.

В формирование параноидно-шизоидной или депрессивной позиции и в переход от одной к другой вовлечено множество факторов. Среди этих факторов необходимо назвать степень целостности Я (т. е. является ли оно фрагментированным или интегрированным), природу объектных отношений (являются ли они частичными или целостными), уровень защит (являются ли они примитивными или зрелыми) и т. д. Прибавим, что переход от параноидно-шизоидной позиции к депрессивной – это переход от раннего эдипова комплекса (по мнению М. Кляйн, он существует уже на самых ранних этапах детского развития) к позднему эдипову комплексу, о котором писал Фрейд. Другими словами, используя структурное представление, М. Кляйн удалось показать, что переход от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции является фундаментальным переходом от психотического функционирования к нормальному.

От «чистейшего наслаждающегося Я» к интеграции любви и ненависти

Мелани Кляйн описала развитие аффектов у самых маленьких детей, начиная с объектных отношений с частичным объектом до отношений с отдельным и целостным объектом. Она использовала как модель понятия «Я-удовольствие», представленное Фрейдом в 1915 г. в работе «Влечения и их судьба», а также связанные с ним понятия проекции и интроекции. Напомню, как Фрейд описывает понятие «Я-удовольствие»: *«Я вбирает в себя возникающие объекты в той мере, в какой они являются источником удовольствия, оно их интроецирует (по выражению Ференци), и, с другой стороны, оно выбрасывает вовне все, что вызывает неудовольствие внутри него»* (Фрейд, 1915e, p. 37 [80–81]). Исходя из этого, М. Кляйн определила природу первых отношений младенца и показала, что эти отношения устанавливаются с частичным объектом, грудью матери, которая расщепляется на идеальную грудь – предмет всех упований и преследующую грудь – предмет ненависти и страха. Эту ситуацию Кляйн называет параноидно-шизоидной позицией. Затем она описывает изменения, происходящие по мере того, как продвигается вперед интеграция Я и объектов, когда младенец начинает воспринимать и любить свою мать как целостный объект. Эти изменения М. Кляйн считает началом депрессивной позиции.

Если перечитать все, написанное Фрейдом в 1915 г., в свете понятий, введенных М. Кляйн, то можно сделать вывод: интуитивно он отмечал качественные изменения аффектов и объектных отношений, но не описал эти изменения эксплицитно в терминах интеграции любви и ненависти или в терминах перехода от отношений с частичным объектом к отношениям с целостным объектом. Вот как он описывает это изменение: *«Можно было бы, в крайнем случае, сказать о влечении, что оно „любит" объект, который необходим для его удовлетворения. Но если сказать, что влечение „ненавидит" объект, это нас шокирует и заставляет понять, что термины*

„любовь" и „ненависть" не могут быть использованы, когда речь идет об отношениях влечений к их объектам, их необходимо приберечь для описания отношений „целостного Я" к объектам» (Фрейд, 1915c, p. 39 [82]). Впоследствии именно М. Кляйн дополнит те идеи о превратностях любви и ненависти, которые Фрейд лишь наметил, чтобы сделать возможным их применение в клинической работе.

Печаль и маниакально-депрессивные состояния

Понятия, которые Фрейд ввел в «Печали и меланхолии», вдохновили Кляйн на создание собственной теории маниакально-депрессивных состояний (1935). Она обнаружила, что причина конфликтов между агрессией и либидо, в том виде как их описывал Фрейд в 1917 г., говоря о депрессии у взрослых, лежит в раннем детстве и что точку фиксации депрессии следует искать уже в младенчестве. Развивая идею Фрейда о роли, которую играют агрессия и чувство вины в депрессивном аффекте, М. Кляйн уделила большое внимание понятию репарации, т. е. желанию восстановить объект, который был поврежден агрессивными и деструктивными фантазиями. Она выделяла два типа репарации: нормальная созидающая репарация, которая возникает при депрессивной позиции и связана с уважением и любовью к объекту; и патологическая репарация, которая может принять различные формы. Например, маниакальная репарация, основанная на триумфальном отрицании депрессивных чувств, или обсессивная репарация, основанная на компульсивных действиях с целью магического уничтожения депрессивного страха.

Защиты более примитивные, чем вытеснение

Кроме того, Мелани Кляйн была вынуждена пересмотреть взгляды Фрейда на вытеснение, когда обнаружила, что существуют механизмы защиты, вступающие в действие до того, как возникает вытеснение в собственном смысле слова. Она установила разницу между примитивными защитными механизмами, которые затрагивают структуру Я и *расщепляют* его на фрагменты, и вытеснением, которое влияет на психическое содержание, не затрагивая структуру Я. Первые отличаются от вторых жестокостью подавления как внешней реальности, так и психической реальности. Если говорить о примитивных защитах, пять из них занимают особое место в концепции М. Кляйн: отрицание, расщепление, проекция, интроекция и всемогущество. В 1946 г. Кляйн добавила к этим защитам механизм проективной идентификации, который является результатом примитивной проекции: при проективной идентификации в процесс вовлекается не только влечение, но также части Я, которые могут быть спроецированы на объект при помощи фантазии. Проективная идентификация касается не только выброса плохих, неугодных частей самого себя с целью контроля над объектом, но также хороших частей. Позднее У. Р. Бион (1959) станет различать патологическую и нормальную формы проективной идентификации, сделав это понятие одним из центральных не только в кляйнианской школе мысли, но в психоаналитической теории в более широких рамках.

Переходы между патологическим символизмом и нормальным символизмом

Опираясь на идеи о языке шизофреников, которые Фрейд высказал в своей работе «Бессознательное» (1915e), а также на первые работы М. Кляйн (1930) о символизме, Х. Сигал и У. Р. Бион развили свои собственные взгляды на символическую функцию и процессы перехода между патологическим символизмом и нормальным символизмом.

Х. Сигал: от символического уравнивания к истинному символизму или к символической репрезентации

В 1957 г. Ханна Сигал ввела различие двух видов образования символов и символической функции: «символическое уравнивание» и настоящий символизм, или символическую репрезентацию. Она также показала, что формирование символов сильно зависит от переходных процессов между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями, а также от интенсивности проективной идентификации. Таким образом, когда происходят шизоидные расстройства в объектных отношениях и усиливается проективная идентификация, одна часть Я идентифицируется с объектом конкретным способом и символ становится настолько эквивалентным символизируемому объекту, что они воспринимаются как идентичные; это объясняет выражение «символическое уравнивание».

Символическое уравнивание лежит в основе мышления шизофреника, и его наблюдают также в процессе идентификации с утерянным объектом, характеризующим патологическую печаль. Только тогда, когда появляется депрессивная позиция, сопровождающая переживание сепарации, символ представляет объект, но не является полным его эквивалентом: с этого момента в игру вступает истинный символ или символическая репрезентация. Надо добавить, что вначале Сигал говорила о конкретном символизме как о регрессии к параноидно-шизоидной позиции, однако позднее, когда Розенфельд, Бион и она сама стали выделять нормальную и патологические формы в параноидно-шизоидной позиции, она уточнила, что относит конкретный символизм к патологии параноидно-шизоидной позиции.

По мнению Сигал (1991), процесс формирования символа – это решающий момент, поскольку символ управляет способностью общения, любое общение осуществляется при помощи символов, не только общение со внешним миром, но и общение субъекта с собственным внутренним миром.

У. Р. Бион: создание аппарата для думания мыслей

Различие, которое Бион ввел между α- и β-элементами (1962), позволило посмотреть на вопрос о символизме и о переходе от патологического символизма к нормальному символизму под другим углом, но в прямой связи с взглядами Х. Сигал. Понятие α-функции появилось в процессе изучения Бионом трудности шизофреников осмыслить свой опыт и рассказать о нем. Целью исследования было изучение процесса превращения необработанных данных органов чувств в психическое содержание, которое может обрести значение, о котором можно думать и которое можно видеть в сновидениях. По мнению Биона, чтобы мысль могла быть использована психикой – процесс, аналогичный функции символизации, – необходимо, чтобы *прекон-*

цепция соединилось с *реализацией* и была создана *концепция*. Этот союз двух элементов для создания третьего лежит в основе формирования мыслей и теорий. Так же как и Ханна Сигал, Бион считает, что мыслительные процессы тесно связаны с эмоциональными процессами, которые могут быть выражены в терминах параноидно-шизоидной и депрессивной позиций. Если α-функция нарушена, данные органов чувств не трансформируются, они пребывают в психике в виде неассимилированных β-элементов, которые выводятся вовне (эвакуируются) посредством проективной идентификации.

«ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА НЕВРОЗЫ ПЕРЕНОСА» (1985a [1915])

Биографии и история

Неизданная рукопись, найденная в 1983 г.

Это сочинение занимает особое место, поскольку оно было обнаружено случайно и только в 1983 г. И. Грубрих-Симитис в бумагах, которые Ш. Ференци передал на сохранение М. Балинту. Текст сопровождался письмом Фрейда от 28 июля 1915 г., в котором тот интересовался мнением Ференци. Речь идет о черновом наброске двенадцатой части «Метапсихологии», написанной рукой Фрейда; это единственная сохранившаяся из семи неопубликованных частей предполагавшегося труда. «Метапсихология» должна была состоять из двенадцати текстов, из которых в 1915–1917 гг. Фрейд опубликовал в форме журнальных статей только пять. Однако из его писем можно понять, что он написал и остальные семь. Ранее предполагалось, что он их уничтожил. Открытие работы «Общий взгляд на неврозы переноса» стало сюрпризом.

В этой статье, свидетельствующей о тесном сотрудничестве с Ференци, Фрейд продолжает тему филогенеза, которую он затрагивал уже в работе «Тотем и табу» (1912–1913a), тему, которую затем он развивал во всем своем творчестве. По мнению Фрейда, психическая жизнь современного человека носит неизгладимые следы его архаического наследия, и то, что рассматривают как первичные фантазии психической реальности, есть не что иное, как след, оставленный реальными травматическими событиями, которые восходят к доисторическим эпохам, таким как ледниковый период.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1985a [1915]). Vue d'ensemble sur les névroses de transfert. Un essai métapsychologique, édition bilingue d'un manuscript retrouvé et édité par I. Grubrich-Simitis, trad. P. Lacoste, suivi de «Commentaires» par I. Grubrich-Simitis et P. Lacoste. Paris: Gallimard-NRF, 1986 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XIII, p. 279–300].

Первая часть текста, написанного в телеграфном стиле, вкратце суммирует то, что читатель уже знает об основных механизмах трех *неврозов переноса:* тревожной истерии, конверсионной истерии и обсессивного невроза. Фрейд упоминает здесь о роли вытеснения, декатексиса, замещающих формирований, симптома и т. д. Во второй части статьи Фрейд удаляется от темы, вынесенной в заглавие, так как в ней он более широко, чем где бы то ни было, развивает свою филогенетическую гипотезу, или, как он ее иногда называет, филогенетическую *фантазию.* Эта часть, в отличие от первой, написана подробно и практически закончена. Фрейд старается установить некоторые параллели между факторами, лежащими в основе неврозов – как неврозов переноса, так и нарциссических неврозов – и историей развития человечества, в данном случае он опирается на работу Ференци (Ferenczi, 1913) на эту тему. Фрейд признает, что не существует другого средства постижения, кроме наблюдения невроза: «*Появляется впечатление, что история развития либидо повторяет значительно более раннюю (филогенетическую) историю развития, чем история развития Я <...> первая повторяет условия развития класса позвоночных, в то время как вторая зависит от истории человечества*» (p. 30–31 [290]). Так Фрейд ставит вопрос о влиянии, которое могли иметь на невротиков совместно с факторами, связанными с влечением, травматические события, пережитые людьми в доисторические времена. Например, Фрейд считает, что «*некоторые дети с самого рождения несут в себе тревогу, которая относится еще к ледниковому периоду, и тревога побуждает этих детей ощущать неудовлетворенное либидо как внешнюю опасность*» (p. 35 [293]). В этом тексте Фрейд возвращается и к тезису о первичном убийстве отца в первобытном племени, рассматривая это событие как первопричину чувства вины цивилизации, эту тему он уже затрагивал в *Тотеме и табу* в 1912–1913 гг.

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ (1916–1917a [1915–1916])

Две зимы подряд – 1915–1916 гг. и 1916–1917 гг. – Фрейд читал публичные лекции, привлекшие широкую аудиторию и опубликованные позднее под названием *Лекции по введению в психоанализ.* Эта работа, написанная в стиле доверительного разговора с читателем, содержит в качестве иллюстраций множество случаев из жизни и выразительных примеров из клинической практики. *Лекции* сразу возымели большой успех и по сей день остаются наряду с *Психопатологией обыденной жизни* (1901b) самым читаемым произведением Фрейда. Поскольку *Лекции* представляют собой, в частности, сводный итог основных достижений психоанализа, начиная с его открытия и до 1915 г., я не стану останавливаться на этом произведении. За исключением некоторых добавлений Фрейда, проясняющих моменты, интересные для исследователей и комментаторов, его содержание по большей части повторяет уже разобранные мной работы, но не вводит действительно новых психоаналитических понятий.

Хронология понятий

Аффекты – амбивалентность – любовь – самообвинения – сознание – критика, критика Я – нормальная печаль – депрессия – патологическая печаль – ненависть – идентификация с утерянным объектом – нарциссическая идентификация – бессознательное – инкорпорация – интроекция – язык органов – мания – мазохизм – меланхолия (депрессия) – метапсихология – «Я-удовольствие» – филогенез – предсознательное – влечения – влечения Я – врожденные влечения – вытеснение – временная регрессия – топографическая регрессия – репрезентация – репрезентация представителя –объектная репрезентация – словесная репрезентация – садизм – чувства – чувство вины – символизм.

«ИЗ ИСТОРИИ ДЕТСКОГО НЕВРОЗА» (СЛУЧАЙ ЧЕЛОВЕКА С ВОЛКАМИ) S. FREUD (1918b)

Первичная сцена – ядро детского невроза – крупным планом

Этот увлекательный рассказ представляет собой отчет о самом долгом курсе психоаналитического лечения, проведенном Фрейдом. Речь идет об анализе молодого человека 23 лет, страдавшего серьезными психическими расстройствами, которые считали неизлечимыми. После четырех с половиной лет особенно трудного анализа Фрейд счел, что его пациент полностью выздоровел. В своем описании случая Фрейд мало говорит о переносе, но то, что он пишет Ференци в начале лечения, красноречиво свидетельствует о жестокости негативного переноса, с которым он столкнулся: «*Молодой богатый русский, которого я анализировал по поводу компульсивных проявлений любовной страсти, после первого сеанса признался мне в следующем переносе: я – жуликоватый еврей, он хотел бы сексуально овладеть мною сзади и испражниться мне на голову*» (Фрейд Ференци, письмо от 13 февраля 1910 г.). Хотя от него не ускользнули психотические аспекты личности Сергея Константиновича, Фрейд сосредоточился преимущественно на рассказе о его детском неврозе, стараясь на примере этого случая показать, что в основе невроза взрослого человека лежит детский невроз и что сексуальность играет при этом определяющую роль. Он приглашает читателя проследить за тем, как делает свои открытия, исследуя пласт за пластом прошлое Сергея.

Вначале Фрейд показывает крупным планом действующих лиц, а также нескольких имевших место в детстве пациента сцен соблазнения, которые подводят того к воспоминанию о сновидении, вызвавшем фобический страх – приснившемся ему в возрасте 4 лет сне о волках. Фрейд интерпретировал этот сон как реактивацию первичной сцены – коитуса a tergo[1] между родителями, – при которой ребенок, возможно, присутствовал в возрасте полутора лет. Продолжая свое исследование, Фрейд все более детально рассматривает многочисленные грани этой воспринимавшейся ребенком картины, как бы крупным планом, и заканчивает размышлением о встрече ребенка с пенисом отца в чреве матери. С точки зрения Фрейда, эта первичная сцена, как она предстает в бессознательных фантазиях ребенка, стала отправной точкой тех нарушений, которые позднее обусловили невроз выросшего молодого человека. Тщательно анализируя детские сексуальные теории Сергея,

1 Сзади (*лат.*).

Фрейд выявляет конфликт между пассивными женственными наклонностями маленького мальчика, соответствующими негативному эдипову комплексу, и его мужественными наклонностями, соответствующими позитивному эдипову комплексу. Эти мужественные наклонности, будучи проработанными в анализе, в конце концов взяли верх над бессознательными гомосексуальными наклонностями, приведя пациента к выздоровлению. Тем не менее психотические аспекты личности Сергея не дали о себе забыть. Они вновь обнаружились в 1926 г. в связи с психотической ипохондрической декомпенсацией, но их удалось проработать в ходе нового анализа с Рут Мак-Брунсвик, и больной снова выздоровел. Тем не менее Сергей до конца своей жизни оставался «знаменитым пациентом Фрейда», более известным под именем «Человека с волками».

Биографии и история

Сергей Константинович Панкеев (1887–1979), или «Человек с волками»

Первый анализ у Фрейда

Сергею Константиновичу Панкееву, который позднее станет известен как «Человек с волками», исполнилось 23, когда в январе 1910 г. он впервые обратился за консультацией к Фрейду. Этот молодой человек, принадлежавший к богатой дворянской русской семье, потерял к тому времени надежду на излечение. Болезнь, заставившая его обратиться за консультацией, началась несколькими годами ранее с депрессии, ставшей результатом заражения гонореей в возрасте 18 лет. Депрессия усилилась после самоубийства его отца в 1906 г. и последовавшего за ним в 1908 г. самоубийства сестры Анны, сыгравшей огромную роль в его жизни. Болезненное психическое состояние сделало молодого человека настолько зависимым от помощи других, что он не мог путешествовать самостоятельно и пускался в путь не иначе как в сопровождении слуги и личного врача. Он обращался к самым известным психиатрам той эпохи и несколько раз бывал госпитализирован в психиатрические клиники Германии, но не получал действенной помощи. Фрейд начал его анализ незамедлительно, в феврале 1910 г., принимая пациента пять раз в неделю на протяжении четырех с половиной лет. Анализ был закончен в июле 1914 г., в день, заранее определенный Фрейдом. Спустя несколько дней после завершения анализа началась Первая мировая война. Сергей вернулся на родину в Одессу, женился на Терезе и закончил свое юридическое образование. Фрейд вынес заключение о полном выздоровлении своего пациента.

Ради блистательной демонстрации

Удовлетворенный своим терапевтическим успехом, в ноябре–декабре 1914 г. Фрейд написал сообщение о лечении, сконцентрировавшись в своем отчете исключительно на детском неврозе пациента и на роли сексуальности в нем; он недвусмысленно отказался от изложения полной истории болезни: «Только этот детский невроз будет предметом моего сообщения»

(p. 6 [6]). Почему он сделал подобный выбор? Потому что Фрейд стремился сделать из этого случая иллюстрацию, подтверждающую его гипотезы. Он хотел дать своим критикам наглядное доказательство эффективности психоанализа, и при этом метил в тех, кто счел случай Сергея безнадежным, в частности в Георга Теодора Циена из Берлина и Эмиля Крепелина из Мюнхена, входивших в число самых известных психиатров того времени. К тому же Фрейд хотел продемонстрировать некоторым своим ученикам, относившимся с сомнением к его гипотезе, определяющую роль, которую играют детский невроз и сексуальность в болезни взрослого невротика. Он адресовался в особенности к Юнгу и Адлеру – они оба выражали свое несогласие с ним по пункту, который Фрейд считал основополагающим.

Начало злоключений «Человека с волками»

Начавшаяся в 1917 г. большевистская революция полностью разорила Сергея Константиновича, который вместе с женой покинул Россию и поселился в Вене, где проживал в нужде до конца своих дней. Подавленный, не имея ни средств к существованию, ни работы, он снова обратился за консультацией к Фрейду, который возобновил анализ с ним. Лечение продолжалось с ноября 1919 по февраль 1920 г. В конце концов, Сергей Константинович нашел себе место скромного служащего в страховой компании, однако вынужден был продолжать пользоваться материальной поддержкой Фрейда и его венских коллег. На этом его злоключения не закончились. В 1926 г. у него случилась декомпенсация в форме острой паранойи. Фрейд направил бывшего пациента к своей ученице, интересовавшейся психоанализом психозов, – Рут Мак-Брунсвик, которая взялась его лечить (см. раздел «Постфрейдисты»).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1918b [1914]). Extraits de l'histoire d'une névrose infantile (L'Homme aux loups), trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein // Cinq psychanalyses. Paris: PUF, 1954, p. 325–420 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XIII, 1–118].

• Продолжительный курс лечения, срок завершения которого определен заранее

Во вступлении к работе Фрейд делится с нами некоторыми ретроспективными размышлениями. Вначале он подчеркивает, какую серьезную ответственность взял на себя, согласившись вести анализ такого тяжелого больного, которому психиатры ставили диагноз «маниакально-депрессивное безумие» и которого считали неизлечимым. Не найдя элементов, подтверждавших исходный диагноз, Фрейд думает *a posteriori,* что больной страдал скорее обсессивным неврозом, который появился у него в детстве, а к 8 годам пропал, так что он мог вести почти нормальную жизнь до возраста 18 лет, когда у не-

го развилось настоящее заболевание. Фрейд сразу заявляет, что предметом его описания станет только детский невроз пациента и что он не намерен излагать историю болезни полностью: «*Следовательно, в моем описании речь пойдет о детском неврозе, который был проанализирован не тогда, когда он имелся в наличии, а только спустя пятнадцать лет после его окончания*» (p. 326 [6]).

По поводу этого лечения, продлившегося четыре с половиной года и завершившегося успехом, Фрейд делает два важных замечания технического порядка. Первое касается длительности психоаналитического лечения, которая обязательно пропорциональна тяжести заболевания. «*Новое можно узнать только из анализов, обнаруживающих особые трудности, для преодоления которых требуется тогда много времени. Только в этих случаях удается проникнуть в самые глубокие и первичные слои психического развития и там найти разрешение проблем, которые ставят перед нами более поздние формирования*» (p. 327 [7]). В итоге терпение психоаналитика вознаграждается открытиями, которые, в конце концов, приносит ему пациент: «*Тогда говоришь себе, что, строго говоря, только тот анализ, который проник так глубоко, заслуживает своего названия*» (p. 327–328 [8]). Второе техническое замечание касается вставшей перед Фрейдом необходимости заранее определить дату окончания анализа, что было необычно; аналитика поразила глубокая безучастность пациента: «*Он слушал, понимал, но его ничто не трогало*» (p. 328 [9]), таким образом «*первые годы лечения не дали почти никакой перемены*» (p. 328 [8]). Тогда Фрейд пошел на риск, заранее назначив дату окончания лечения и решив во что бы то ни стало придерживаться этого решения. Как он с удовлетворением убедился, приближение окончания срока сломило сопротивление: «<...> *и тогда анализ за время, несоразмерно короткое относительно его предыдущего течения, предоставил весь материал, сделавший возможным разрешение торможений и устранение симптомов пациента*» (p. 329 [9]). Фрейд рассказывает, насколько он сам был удивлен достигнутым успехом, и заявляет, что хорошо понимает недоверие читателей, не имевших возможности лично получить подобный опыт, который один только и может убеждать.

- **Последовательные трансформации детского невроза**

Прежде всего, Фрейд описывает ситуацию в том виде, как ее изложил пациент в начале лечения, в общих чертах обрисовывая детское заболевание и обозначая главных действующих лиц. Так он поступает на протяжении всего рассказа, давая нам возможность поучаствовать в его открытиях этап за этапом и поддерживая в читателе напряженный интерес. Фрейд узнал, что молодой человек до пятилетнего возраста жил со своими родителями и сестрой Анной, старше его на два года, в большом роскошном имении, потом семья переехала в город. Его отец страдал депрессией, а мать была болезненной от природы, но это пациент осознал только во время анализа. Он помнил также свою няню, которая нежно заботилась о нем в ранние годы его жизни.

Первым значимым событием, поразившим Фрейда, было внезапное изменение характера мальчика, произошедшее, когда ему было три с половиной года. До этого он был ласковым, добрым ребенком, после стал раздражительным, жестоким и даже садистическим по отношению к окружающим людям и к животным, и это изменение совпало по времени с появлением английской гувернантки. К пятилетнему возрасту произошло еще одно изменение: у ребенка появились симптомы тревоги и фобии, прежде всего страх, что его съест волк (этим пользовалась его сестра), а также страх перед гусеницами и другими живыми организмами. Наконец произошло третье изменение: фобические симптомы сменились проявлениями обсессивного невроза религиозного характера с формированием особого ритуала, при котором молитва сопровождалась богохульными мыслями. Затем приступы навязчивости стали менее выраженными и к восьми годам исчезли, так что ребенок смог вести практически нормальную жизнь. Фрейд принял решение описать только анализ этого детского невроза, не касаясь ничего другого.

- **Сцена соблазнения: эффект домино**

Поскольку первая перемена в характере маленького мальчика совпала по времени с появлением английской гувернантки, подозрения Фрейда сразу же обратились на нее. Два воспоминания, которые пришли на ум его пациенту, казалось, подтверждали гипотезу раннего соблазнения. Первое воспоминание было связано со словесными угрозами кастрации, высказанными гувернанткой, второе – с сексуальными играми с сестрой, которая уделяла много внимания половому члену Сергея Константиновича. Продолжая свое расследование, Фрейд тщательно анализирует последствия этих двух эпизодов и считает, что перемена в характере могла быть их непосредственным результатом. Затем он анализирует одно за другим случившиеся после этого события, последовательно показывая, как маленький мальчик отворачивается от сестры, ставшей его первой соблазнительницей, чтобы обратить свой интерес на няню. Однажды, когда он показал няне свой член, она отругала его и сказала, что у детей, которые так делают, на этом месте может появиться «*рана*», и эта угроза вызвала у ребенка страх лишиться пениса. Страх кастрации усилился после того, как он увидел, как писает его сестра и еще одна маленькая девочка, и ему пришла в голову мысль, что девочки лишены пениса.

Однако эффект домино, вызванный первым соблазнением, не ограничился страхом кастрации. Его воздействие только усилилось и повлекло за собой регресс на анально-садистическую стадию, которого не могло компенсировать недостаточное развитие генитальной сексуальности. Фрейд рисует захватывающую картину «*пассивной женственной позиции*», связанной с анально-садистической стадией, которую занял мальчик вначале по отношению к женщинам, его первым соблазнительницам, а затем по отношению к отцу: «*Соблазнение сестрой, по всей видимости, обрекло его на пассивную роль и дало ему пассивную сексуальную цель. Под продолжающимся влиянием этого переживания он прошел тогда путь от сестры*

к няне и к отцу, от пассивной установки по отношению к женщине к такому же отношению к мужчине, при этом возобновляя связь с предшествующей спонтанной фазой своего развития» (p. 341 [25]). Фрейд добавляет, что в период «расстройства характера» единственной целью *«озлобленности»* маленького мальчика было подвергнуться наказанию от отца и что его истошные крики были не чем иным, как попыткой соблазнения последнего, вовлечением его в садомазохистские отношения. По этому поводу Фрейд предостерегает родителей и воспитателей, чтобы они не попадали в ловушку, расставленную некоторыми детьми, у которых нарушения поведения скрывают иногда бессознательное желание быть наказанными. Но если перемена в характере нашла свое объяснение в регрессе на анально-садистическую стадию, то чем объяснить следующее изменение, при котором появился страх и фобии?

- **Сон про волков и первичная сцена**

Событие, совпавшее по времени с появлением страха в возрасте 4 лет, оказалось не внешним происшествием, но страшным сном: *«Мне снилось: ночь, и я лежу в моей кроватке <...>. Вдруг окно само собой распахивается, и, к моему большому ужасу, я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь. Волки были совершенно белые и скорей похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши их торчали, как у собак, когда они насторожатся. Объятый ужасом, очевидно боясь быть съеденным волками, я вскрикнул* ***и проснулся****»* (p. 342 [26–27]). Пациент утверждал, что этот сон отсылал к некоему событию, которое действительно имело место в его раннем детстве, слишком раннем, чтобы он мог о нем помнить. По мере того как молодой человек говорил о своих ассоциациях, Фрейду удалось установить параллель между содержанием сновидения и природой события, которого пациент уже не помнил. Вот детали головоломки, которые он сопоставил на этом этапе анализа, стараясь найти их значение: *«Реальное событие – относящееся к очень давнему времени – смотреть – неподвижность – сексуальные проблемы – кастрация – отец – что-то страшное»* (p. 347 [32]).

Фрейд подробно описывает цепочку умозаключений, которые привели его к мысли о том, что ребенок, без сомнения, наблюдал за коитусом своих родителей еще раньше, в возрасте полутора лет, уточняя даже, это должно было быть совокупление сзади, вследствие чего ребенок мог видеть половые органы как матери, так и отца. По мнению Фрейда, это наблюдение первичной сцены по всей видимости не произвело патогенного эффекта в тот момент, когда оно произошло, т. е. в возрасте полутора лет, но оказало действие позднее, когда ему было четыре года и когда сексуальное развитие ребенка позволило его реактивировать (эффект последействия).

Но в таком случае, чем можно объяснить, что этот сон вызвал такой страх? По мнению Фрейда, этот чрезмерный страх был, без сомнения, вызван отказом ребенка от желания, чтобы отец проник в него сзади, т. е. желания занять место матери: эта пассивная установка по отношению к отцу

была вытеснена, а страх перед отцом был смещен и проявился в форме фобии волка. Он говорит об этом вкратце: «*Страх был отказом от желания сексуального удовлетворения отцом, – желания, навеявшего его сон. Выражение этой тревоги, страх быть съеденным волком, явилось не чем иным, как смещением – регрессивным, как мы увидим, – желанием подвергнуться коитусу с отцом, т. е. быть им удовлетворенным тем же образом, что и мать. Его последняя сексуальная цель, пассивная установка по отношению к отцу, подверглась вытеснению, ее место занял страх перед отцом в форме фобии волков*» (p. 357 [43]). Однако, идентифицируясь с матерью, мальчик идентифицировался с кастрированной матерью – еще одна опасность, против которой восставала его мужественность. Фрейд интерпретирует это следующим образом: «*Он должен был бы сказать себе приблизительно следующее: „Если ты хочешь получить сексуальное удовлетворение от отца, то должен, как мать, согласиться на кастрацию. Но этого я не хочу!" Короче говоря, явный протест его мужественности!*» (p. 358 [45]).

- **Реальная или вымышленная сцена?**

Мог ли ребенок в столь раннем возрасте наблюдать подобную первичную сцену в реальности, или она стала ретроактивным порождением его фантазии? Фрейд рассматривает этот основной и в то же время «*самый щекотливый вопрос всей психоаналитической доктрины*» (n. 1, p. 404 [100]) с разных точек зрения, но придерживается мнения, что, если анализ проникает достаточно глубоко, то аналитик в конце концов убеждается, что восприятие подобной сцены в возрасте полутора лет вполне возможно. В то же время в таком раннем возрасте у ребенка еще нет достаточных средств понимания, и он сможет выработать свои первые впечатления только «*задним числом*», говорит Фрейд (p. 359 [46]), когда продвинется в своем психосексуальном развитии. С технической точки зрения, добавляет Фрейд, в ходе терапии аналитик может принимать подобные фантазии за истину, и «*только к концу анализа, когда эти фантазии будут разоблачены, выявится разница*» (p. 360 [47]); другими словами, следует дождаться, пока пациент обретет достаточную способность различать реальность и фантазию. Но каково бы ни было соотношение между реальностью и фантазией, Фрейд, кажется, придерживается идеи, что эта сцена действительно имеет место в прошлом индивида, онтогенетическом или филогеническом, и что она предшествует любому значению, какое могла бы приобрести задним числом. Впрочем, невозможно говорить о *воспоминании* применительно к этим сценам, считает он, и лучше избегать этого термина, так как, когда они возникают в ходе лечения, они, в сущности, являются результатом конструкции: «*Я просто хочу сказать, что определенные сцены, подобные той, с которой мы имеем дело в случае моего пациента, сцены из столь раннего времени жизни ребенка и имеющие такое содержание, сцены, которые могут затем претендовать на такое исключительное значение в истории случая, воспроизводятся обыкновенно не в форме воспоминания: их приходится с трудом угадывать шаг за шагом – реконструировать – по совокупности признаков*» (p. 361 [48]).

- **От фобии к обсессивному неврозу**

Третья перемена – превращение в возрасте четырех с половиной лет фобических симптомов в обсессивные симптомы религиозного содержания – была обусловлена действием дополнительного фактора. По мнению Фрейда, религиозная тема, которая характеризовала период обсессивного невроза, была, несомненно, заимствована из Священной истории, которую рассказывала пациенту мать, таким образом, мальчик сместил на отношения между Христом и Богом Отцом свое мазохистское амбивалентное отношение к собственному отцу. Когда он достиг десятилетнего возраста, ему наняли немецкого воспитателя, оказавшего на него большое влияние. На воспитателя не производили впечатления навязчивости мальчика, и они постепенно уменьшились, вплоть до полного исчезновения. Однако вытеснение гомосексуальной позиции, тем не менее, оставило свои следы, мешая формированию сублимаций и тормозя интеллектуальное развитие мальчика в подростковом периоде. Когда анализ с Фрейдом позволил ликвидировать это вытеснение, торможение было преодолено, так что пациент смог сублимировать свои гомосексуальные влечения, поставив их на службу своей социальной жизни, до того момента чрезвычайно ограниченной.

- **Анальная эротика, деньги и женская идентификация**

В этой главе Фрейд сосредоточен на демонстрации двух важных моментов: первый относится к связи между деньгами и анальной эротикой; второй – к различным аспектам пассивной женственной позиции пациента в связи с нарушениями деятельности кишечника.

Вначале Фрейд устанавливает ряд связей между тем, как пациент распоряжался своими деньгами, и особым поведением, которое он демонстрировал в отношении своего кишечника и продуктов деятельности кишечника. Например, этот чрезвычайно богатый пациент имел парадоксальное отношение к деньгам. Он проявлял то расточительность, то скупость, и это поведение совпадало с тяжелыми запорами, требующими постоянного применения клизм. Подобные проявления в отношении к своему кишечнику и анальной продукции получали отражение в его характере. В пациенте преобладало сомнение, особенно по отношению к психоанализу, – сомнение, о котором Фрейд говорит как *«о самом сильном оружии больного, его способе проявить свое сопротивление»* (p. 381 [72]).

Затем Фрейд блестяще описывает, каким образом маленький мальчик создал себе пугающую картину как взрослой, так и своей собственной сексуальности, воспринимая ее через кривое зеркало детской сексуальной теории, окрашенной анальным эротизмом.

Во-первых, пациент вспоминал о своем страхе заразиться дизентерией, когда он был ребенком, поскольку в его испражнениях иногда находили кровь. Фрейд интерпретировал этот страх как выражение желания идентифицироваться со своей матерью, устанавливая равенство между кровью

в испражнениях и менструальным кровотечением. Последовательность ассоциаций привела пациента к установлению нового сближения между особой позой женщины в первичной сцене и интенсивностью анальной эротической фиксации, которая выражалась посредством нарушений деятельности кишечника: «*Орган, через который могла выразиться эта идентификация с женщиной, пассивная гомосексуальная установка по отношению к мужчине, был анальной зоной,* – интерпретирует Фрейд. – *Нарушения функций этой зоны приобрели тогда значение женственных нежных влечений и сохраняли это значение во время последующей нервной болезни*» (p. 383 [75]).

Во-вторых, Фрейд замечает, что в представлении пациента женщина претерпела кастрацию и что функция вагины стала эквивалентна в его воображении функции кишечника. Другими словами, ребенок создал концепцию первичной сцены, основанную преимущественно на «*теории клоаки*» (p. 384 [76]), поскольку не мог иметь достаточных знаний о различии полов и о роли генитальной сексуальности женщины. Идея, будто женщина подверглась кастрации, усилила страх кастрации маленького мальчика по отношению к его собственному пенису, что, в свою очередь, усилило его идентификацию с женщиной и его пассивную женственную позицию по отношению к мужчине. Тогда гомосексуальная наклонность подверглась вытеснению, но вновь возникла в другой форме, в форме сильно эротизированных кишечных нарушений: «*Отвергнутая актом вытеснения женственная установка по отношению к мужчине нашла, так сказать, убежище в кишечной симптоматике и проявилась в поносах, запорах и болях в кишечнике, которые были так часты в детском возрасте*» (p. 385 [77]).

Наконец Фрейд совершает следующий шаг и устанавливает тождество между продукцией кишечника, подарком и ребенком. Предусмотрительно пояснив, что «пациент согласился с этим выводом о реконструированной мною сцене» (p. 385 [77]). Фрейд постулирует, что во время первичной сцены полуторагодовалый ребенок был охвачен возбуждением и, должно быть, прервал утехи родителей испражнением, которое могло мотивировать его крик. Это испражнение было не только знаком агрессии по отношению к родительской паре, но могло иметь также смысл подарка и даже ребенка, подаренного отцу, – в разговорной речи ребенка часто называют подарком. Наконец, отделение кала могло быть также сочтено прототипом кастрации, добавляет Фрейд, т. е. цены за обретение любви отца: эта фантазия напоминает бред президента Шребера, соглашавшегося на кастрацию, чтобы стать женой Бога Отца.

Рассказав многое о бессознательных гомосексуальных наклонностях пациента, Фрейд завершает главу, подчеркивая его сопутствующие гетеросексуальные наклонности. Он показывает, что в конце концов угроза кастрации исходит от отца и что она становится одновременно источником бессознательной враждебности по отношению к нему, вплоть до желания его смерти и чувства вины, связанного с нежностью, которую ребенок испытывает к отцу. По мнению Фрейда, этот путь, пройденный мальчиком, – не что иное, как путь позитивного эдипова комплекса, которым следует любой невротик.

- **Одна сцена соблазнения может скрывать другую**

После того как время окончания анализа оказалось заранее установлено, его последние месяцы принесли новые элементы, дополнившие общую клиническую картину, как это часто бывает, когда анализ приближается к завершению. Пациент вспомнил о сцене соблазнения, о которой еще никогда не говорил, произошедшей с ним в возрасте менее двух лет с Грушей, которая была его нянькой до появления упоминавшейся няни. Он вспомнил, что, увидев Грушу, которая скребла пол, стоя на четвереньках и демонстрируя ягодицы, он помочился, в ответ на что нянька пригрозила ему кастрацией. По мнению Фрейда, тогда в сознании пациента установилась связь между молодой женщиной, стоящей на четвереньках, и позой женщины в сцене соития, таким образом, нянька стала замещающей мать фигурой, а мальчик идентифицировался с отцом: *«Им овладело сексуальное возбуждение, и он поступил по отношению к ней по-мужски, как отец, чей поступок он ранее мог понять только как мочеиспускание»* (p. 396 [90]). По мнению Фрейда, это воспоминание и фантазии, которые с ним соединились, могли стать для молодого человека причиной особой привлекательности ягодиц его партнерш, а также его склонности унижать объекты любви, которые он неизменно отыскивал среди женщин низшего сословия.

Отталкиваясь от высказанного пациентом убеждения, что он выздоровел бы, если бы мог вернуться в лоно матери, чтобы повторно родиться, Фрейд завершает этот вполне кинематографический сюжет захватывающим крупным планом первичной сцены, проникая взором даже в лоно матери пациента. Фрейд имеет смелость полагать, что желание молодого человека выражает стремление вернуться туда не только затем, чтобы возродиться, но и затем, чтобы совершить коитус с отцом: *«Пациент желает вернуться в материнское лоно не просто для того, чтобы снова родиться, а чтобы встретиться там во время коитуса со своим отцом, получить от него удовлетворение и подарить ему ребенка»* (p. 403 [98]). Рассматриваемая здесь как бы с сильным увеличением «первичная сцена» совершается не целостными объектами, как раньше, она совершается теперь с частичными объектами – пенисом отца в животе матери – так, как они предстают в ранних фантазиях ребенка: *«Является желание быть в теле матери, чтобы заместить ее при коитусе, чтобы занять ее место рядом с отцом»* (p. 403) (*«Man wünscht sich in der Situation zurück, in der man sich in den Genitalien der Mutter befand, wobei sich der Mann mit seinem Penis identifiziert, durch ihn vertreten lässt»* – GW XII, S. 136); «Возникает желание вернуться к положению, которое ребенок занимал в гениталиях матери, причем мужчина отождествляется со своим пенисом, который становится его заместителем» [OCF. P., p. 99]). Это желание вернуться в лоно матери возникает на уровне психической бисексуальности, уточняет Фрейд, и направлено как на отца, так и на мать: *«Тогда обе фантазии оказываются взаимодополняющими, выражающими в зависимости от мужественной или женственной установки каждого желание сексуальной связи с отцом или матерью»* (p. 403 [99]). Фрейд предполагает даже, что *«оба инцестуозных желания»* могут быть объединены в сознании пациента. После подробного анализа разных модальностей, заключающих

в себе обе эти наклонности пациента, Фрейд показывает, что гетеросексуальная наклонность возьмет верх, идентификация ребенка с отцом приведет к разрешению позитивного эдипова комплекса, в то время как устранение вытеснения гомосексуальных наклонностей сделает возможной их сублимацию, что приведет к выздоровлению пациента.

• Несколько слов о переносе

До этого момента в своем отчете Фрейд был сосредоточен на последовательности конструкций и реконструкций, и только теперь он эксплицитно упоминает о переносе. Фрейд отмечает, что при каждой трудности, возникавшей в ходе лечения, пациент угрожал аналитику, что съест его или станет истязать и мучить. Фрейд считал, что фантазия пожирания содержит бессознательное желание поглотить аналитика как из любви, так и от ненависти под действием амбивалентности, и больше Фрейд ничего не говорил о переносе. В то же время Фрейд задается вопросом, что стало причиной вытеснения, и полагает, что конфликта между мужественными и женственными наклонностями недостаточно, чтобы его объяснить. В конце концов он предположил, что вытеснение происходит скорее из-за конфликта между *Я* и *сексуальными стремлениями*, т. е. либидо.

В завершение своей работы Фрейд выдвигает филогенетическую гипотезу и ставит вопрос, не является ли вытеснение признаком возврата к архаическому *«инстинктивному знанию»*, которое ускользает от любой репрезентации и соответствует *«своего рода трудноопределимому знанию, чему-то вроде предсознания, действующему в этом случае в ребенке»*. Однако в данный момент *«у нас имеется только одна, но великолепная аналогия этому эффекту: столь обширное* ***инстинктивное*** *знание у животных»* (p. 419 [117]). И Фрейд продолжает: *«Если человек обладает инстинктивным наследством такого порядка, то не приходится удивляться, что оно в особенности связано с процессами сексуальной жизни, хотя никоим образом не ограничивается ими»* (p. 419 [117]). Если мы продолжим эту гипотезу, добавляет он, *«вытеснение должно быть возвращением к этой инстинктивной стадии»*, что доказывало бы существование более ранней, предварительной стадии инстинктивного типа. В заключение он отвечает на возражения, которые могут быть выдвинуты против филогенетических гипотез: *«Они мне кажутся допустимыми только тогда, когда психоанализ уважает порядок инстанций и, последовательно пройдя через все наслоения индивидуально приобретенного, сталкивается наконец с остатками унаследованного человеком»* (p. 419 [117]).

Постфрейдисты

Последующие курсы анализа «Человека с волками»

Период анализа у Рут Мак-Брунсвик, 1926–1927

В 1926 г. после нескольких лет передышки у Сергея Константиновича возник острый приступ паранойи. Он вновь пришел на консультацию

к Фрейду, который направил его тогда к Рут Мак-Брунсвик, психоаналитику американского происхождения, проходившей у него в то время анализ. Анализ Сергея Константиновича у Рут Мак-Брунсвик продлился пять месяцев и закончился в феврале 1927 г.: «*В результате этого лечения,* – напишет она позже, – *его здоровье улучшилось, и он стал способен занять относительно непритязательную административную должность*» (1971 [1928], p. 269). В 1928 г. Рут Мак-Брунсвик в тесном сотрудничестве с Фрейдом опубликовала статью об этом лечении. Она описала тревожное состояние, в котором пришел к ней на прием в октябре 1926 г. тот, кому она первая дала закрепившееся за ним прозвище «*Человека с волками*»: «*Во время анализа он говорил как сумасшедший, без всяких ограничений отдаваясь своим фантазиям, теряя всякий контакт с реальностью. Он грозился застрелить Фрейда и меня…*» (p. 295). Он страдал вследствие некоего повреждения, произошедшего из-за вмешательства дерматолога, от ипохондрической сверхценной идеи и был убежден, что у него дыра в носу и что он окончательно изуродован. Несмотря на трудности лечения, в процессе которого у пациента возник бред преследования и ипохондрический психоз, ей удалось проанализировать психотическую составляющую его личности, которая не была исследована и описана Фрейдом в его отчете 1918 г. Кроме того, Мак-Брунсвик позволила пациенту проработать перенос, не разрешившийся в анализе с Фрейдом, как и его амбивалентное отношение к первому аналитику, которым он, конечно, восхищался, полагая себя его «любимым сыном», но кого в то же время ненавидел и обвинял в собственном разорении. Она также проанализировала негативный перенос Человека с волками, в частности его презрение к ней, выражавшееся в непрестанном сравнении ее с Фрейдом не в ее пользу. В силу своей паранойи Сергей Константинович пребывал в уверенности, будто аналитическое лечение, предоставленное ему бесплатно, так же как материальная помощь, которую он регулярно получал от Фрейда и от других психоаналитиков, были его безусловным правом.

Постепенно Рут Мак-Брунсвик удалось проанализировать бред преследования, в особенности благодаря сновидению пациента, в котором волки вновь возникали в образе преследователей, угрожавших его уничтожить. В конце концов одно из последних сновидений обнаружило связь между тогдашней болезнью Сергея Константиновича и гонореей, которая вызвала его невроз в 18 лет, что позволило отнести его тревогу кастрации к отношениям с его отцом. В результате этой интерпретации, добавляет она, «*пациент полностью и окончательно отказался от своего бреда*» (1971 [1928], p. 301). В примечании, добавленном в 1945 г., Рут Мак-Брунсвик уточняет, что в течение нескольких лет после 1928 г. она продолжала нерегулярные сеансы анализа с Сергеем Константиновичем и что терапевтические результаты оказались положительными и стойкими, несмотря на личные кризисы в жизни пациента и события, связанные со Второй мировой войной (1971 [1928], p. 268).

Рут Мак-Брунсвик специализировалась на изучении психоза, и Фрейд, без сомнения, направил пациента к ней, помимо прочего, и по этой причине. Кроме того, она особенно интересовалась ранними отношениями между ребенком и его матерью, и одной из первых стала использовать в своих рабо-

тах термин *доэдипальный*, который впоследствии принял Фрейд. Хотя сама она страдала от серьезных психических нарушений, ее профессиональный опыт работы с психотическими пациентами позволил ей оказать помощь «Человеку с волками», что ясно отражено в ее отчете 1928 г.

Мюриэл Гардинер и Человек с волками

В 1926 г. Мюриэл Гардинер, американский психоаналитик, также проходившая анализ у Рут Мак-Брунсвик, познакомилась с Сергеем Константиновичем и установила с ним приятельские отношения; она продолжала интересоваться его судьбой до самой кончины «Человека с волками». В 1938 г. в жизни Сергея Константиновича произошло еще одно несчастье: его жена покончила с собой во время захвата Австрии нацистской Германией. Начиная с 1945 г. тот, в ком все увереннее распознавали исторического пациента Фрейда и кто все с большей охотой принимал на себя эту роль, продолжал находиться на обеспечении не только у М. Гардинер, которая в 1971 г. помогла ему опубликовать его *Мемуары* (Gardiner (dir.) [1971]), но и у членов международного психоаналитического сообщества, например у Курта Эйслера, ответственного за Архивы Фрейда. Сергей Константинович умер в Вене в 1979 г. После смерти «Человека с волками» М. Гардинер (1981) опубликовала рассказ о своих последних встречах с ним и в приложении выразила сомнение в достоверности его портрета, по ее мнению, искаженного, который создала журналистка Карин Обхольцер в 1980 г. (Obholzer and Pankejeff, 1982).

Хронология понятий

Амбивалентность, любовь – ненависть – отсроченная реакция (après coup) – кастрация (страх кастрации) – анальный эротизм – бессознательная гомосексуальность – детский невроз – обсессивная религиозность – фобии – женственная пассивная позиция – первичная сцена – сцены соблазнения – завершение анализа – перенос.

ЖУТКОЕ
S. FREUD (1919h)

Тысяча и одна грань одного парадоксального чувства

В немецком языке термин «*das Unheimliche*» имеет множество коннотаций, которых нет во многих других языках. Часто употребляемое в повседневной речи прилагательное «*unheimlich*» вызывает парадоксальные чувства и соединяет привычное – *heimlich* – и непривычное – *un-heimlich*, т. е. странное, чужое. Хотя перевод на французский язык лишь частично передает поэзию этого текста, вдохновленного несколькими литературными произведениями, у читателя голова идет кругом от бесконечного разнообразия эмоций, которые вызывает само переживание *unheimlich*, а также от разнообразия его интерпретаций, которые предлагает Фрейд. К тому же в этом тексте вводится понятие «компульсивного повторения», которое Фрейд в то время разрабатывал, пытаясь описать клинические проявления фундаментального конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти. Это понятие станет одним из центральных, начиная с работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g).

Биографии и история

Война 1914–1918 и послевоенные годы

Время лишений и изоляции Фрейда

Военные годы оказались чрезвычайно суровыми для Фрейда и его семьи. Он упоминал в письмах, что очень страдает от голода и холода, до такой степени, что зимой не может держать в пальцах перо, и ему очень не хватало табака. Фрейд тревожился, подолгу не получая сведений от призванных в армию сыновей. Пациентов стало мало, временами у него был один-единственный пациент. Фрейд отказался эмигрировать в Лондон, к чему побуждал его Джонс. Хотя брат оказывал ему из Америки материальную помощь (которую Фрейд поспешил возместить ему после войны), большая часть его энергии уходила на попытки заработать на нужды семьи. Эти годы не стали плодотворными в научном плане; у него не хватало храбрости бороться, и он даже объявил, что со смирением ждет смерти. Надежда стала возрождаться, когда Антон фон Фройнд, богатый пивовар из Будапешта и бывший пациент Фрейда, пожертвовал крупную сумму на учреждение издательства психоаналитической литературы. Издательство было открыто под названием «Internationaler Psychoanalytischer Verlag» и в течение нескольких следующих лет опубликовало 5 научных журналов, более 150 книг,

а также Полное собрание сочинений Фрейда в 11 томах. В сентябре 1918 г. Фрейд и Ференци организовали Международный конгресс в Будапеште, который привлек благожелательное внимание австро-венгерских властей, в особенности большой интерес вызвали психоаналитические труды на тему военных неврозов.

Восстановление в тяжелые послевоенные годы

После подписания перемирия 1918 г. жизнь населения Вены оставалась почти такой же трудной, как и в годы войны. Версальский договор, подписанный в 1919 г., сопровождался утратой территорий, принадлежавших ранее Австро-Венгерской империи, а большевистская революция сильно изменила политическую географию на Востоке. Граница между Веной и Будапештом оказалась закрыта, что повлекло за собой прекращение общения Фрейда с Ференци. Стремительная инфляция полностью обесценила австрийские деньги, поэтому Фрейд принимал только тех пациентов, которые могли платить ему в зарубежной валюте, прежде всего американцев и англичан. В сентябре 1919 г. Фрейда после пятилетнй разлуки, вызванной военными действиями, снова посетил Джонс. В этом же году состоялась свадьба его сына Мартина, а сам Фрейд навестил дочь Софию Хальберштадт-Фрейд в Гамбурге по случаю рождения у нее сына – будущего «ребенка с катушкой». Но в 1920 г. София умерла во время разразившейся после войны эпидемии гриппа, и это погрузило ее отца в бесконечную скорбь. В сентябре 1920 г. состоялся VI Международный психоаналитический Конгресс в Гааге, на который приехало 57 участников, и Джонс был вновь утвержден на своем посту президента Международной психоаналитической ассоциации (МПА).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1919h). L'inquiétante étrangeté et autres essais, trad B. Féron. Paris: Gallimard, 1985, p. 209–263 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XV, 145–188].

• В поисках специфической тревоги

Фрейд заявляет о своем давнем любопытстве в отношении чувств, вызываемых выражением *unheimlich*. На первый взгляд, этот термин относится к чему-то пугающему, к тревоге или к ужасу. По его мнению, в то же время, *unheimlich* относится не только к чувству тревоги, оно должно содержать более специфическое *ядро,* без сомнения скрытое в бессознательном. Это *ядро* Фрейд ищет в дух направлениях, сначала в этимологии, затем в ситуациях, которые вызывают ощущения подобного типа. Вначале он отмечает, что этот термин очень часто употребляется в немецком языке и что у него нет эквивалентов в других языках. В виде отступления отмечу

здесь трудность, с которой сталкиваются французские переводчики: М. Бонапарт перевела слово *das Unheimliche* как *зловещее*[1], этим термином воспользовался и Б. Ферон в настоящем переводе, в то время как переводчики собрания сочинений Фрейда (*Œuvres complètes de Freud*) выбрали слово *Тревожное*[2].

Этимологическое исследование показывает нам, продолжает Фрейд, что в немецком языке *unheimlich* – это противоположность *heimlich,* причем *heimlich* – нечто привычное, близкое, известное, то, что напоминает о домашнем очаге. Но термин *heimlich* имеет также значение тайного, скрытого, замкнутого, даже опасного, таким образом, в конце концов смыкается со своей противоположностью – *unheimlich.* В действительности *unheimlich* называют также то, что должно было бы оставаться тайной, но всплывает, проявляется: *«Таким образом,* ***Heimlich*** *– это слово, значение которого развивается амбивалентно, настолько, что в конце концов совпадает с противоположным* ***unheimlich.*** ***Unheimlich*** *– в некотором роде разновидность* ***heimlich»*** (p. 223 [159]).

- **От переживания жуткого к страху кастрации**

Затем Фрейд задается вопросом, какие личности, ситуации или вещи способны произвести на нас впечатление *жуткого.* По его мнению, преимущественно мы сталкиваемся с подобным впечатлением, когда не знаем, имеем ли мы дело с живым существом или мертвым, многие волшебные сказки основаны на этом тревожном чувстве. Например, *Песочный человек* Э. Т. А. Гофмана особенно показателен с этой точки зрения, поскольку там главный герой – Натаниэль – влюбляется в восковую куклу Олимпию, о которой не знает, живое она существо или неодушевленное; эту тему подхватывает Оффенбах в опере *Сказки Гофмана.* Более того, Натаниэль испытывает ту же пугающую неуверенность по отношению к Коппелиусу, не зная, является ли Коппелиус ужасным Песочным человеком, – до такой степени, что при виде Коппелиуса герой сказки переживает приступ безумия: охваченный ужасом он погибает, бросившись с башни. В то же время, по мнению Фрейда, наиболее яркое жуткое впечатление в этой волшебной сказке связано с личностью Песочного человека, потому что он угрожает вырвать у ребенка глаза. Тревога за свою жизнь – это не просто интеллектуальное впечатление; с психоаналитической точки зрения, мы имеем дело скорее с повторением ужасной детской тревоги, связанной со страхом кастрации. Другими словами, Песочный человек представляет для Натаниэля наводящего ужас отца, который вызывает у ребенка страх кастрации: эта тема отсылает к мифу об Эдипе, где последний подвергает себя наказанию, выкалывая себе глаза.

1 L'inquiétante étrangeté.

2 L'inquiétant

- **От нарциссического раздвоения к раздвоению Я – предвестнику Сверх-Я**

Парадокс, заключенный в переживании жуткого (*unheimlich*), также был талантливо обыгран Гофманом, использовавшим в своей сказке понятие раздвоения в самых разных его модальностях. К примеру, Фрейд отмечает, что у Натаниэля образ (imago) отца претерпевает ряд *раздвоений* и *расщеплений* между двумя противоположностями, в частности между пугающим отцом, угрожающим ребенку кастрацией, и *добрым* отцом, защищающим от нее (p. 232, n. 1 [166, n. 1]). Подобные раздвоения и расщепления воспроизводятся в действительности во многих психических состояниях, и это можно наблюдать в психоанализе, продолжает Фрейд, например, в фигуре *нарциссического двойника,* одна из целей появления которого – обеспечить, чтобы часть Я избежала смерти. Мотив двойника можно обнаружить в очень разных формах, в частности в феноменах мгновенной передачи психического процесса от одного человека к другому, близких к телепатии, предполагающих, с точки зрения Фрейда, *«идентификацию с другим лицом, таким образом, что человек уже не знает, где его собственное Я. В результате – раздвоение Я, разделение Я, изменчивость Я. И наконец, постоянное возвращение одного и того же, повторение одинаковых черт лица, характеров, судеб, преступных деяний, даже имен на протяжении нескольких следующих друг за другом поколений»* (p. 236 [168]).

Наконец Фрейд описывает и другую форму раздвоения, возникающую в результате выделения особой инстанции, которую он называет *психической цензурой* или *совестью* и которая *«способна обращаться с остальным Я так же, как с объектом, таким образом человек способен к самонаблюдению...»* (p. 237 [169]). В 1923 г. Фрейд придаст этому понятию особый статус, когда опишет его под названием *Сверх-Я.*

- **От повторения одного и того же к «компульсивному повторению»**

Кроме того, мотив двойника, источник переживания жуткого, обнаруживается также в феноменах, связанных с «повторением того же самого», т. е. в пугающих ситуациях, которые в одно и то же время кажутся нам странными и все же привычными. Это похоже на страх, который мы испытываем при тумане, когда нам кажется, что мы отошли далеко от пункта отправления, и вдруг оказываемся в том же месте и с тревогой обнаруживаем, что незаметно для себя сделали круг. Но существует еще более пугающая форма повторения, Фрейд называет ее *компульсивным повторением: «В психическом бессознательном нам удается распознать господство* ***компульсивного повторения****, ведущего свое происхождение от движения влечений и, без сомнения, зависящего от самой природы влечений, достаточно сильное, чтобы взять верх над принципом удовольствия, оно сообщает определенным сторонам психической жизни демонический характер. Оно также отчетливо проявляется в стремлениях маленького ребенка и определяет на конкретном отрезке развития психоанализ невротика»* (p. 242 [172]). Здесь Фрейд лишь

мельком упоминает эту важную тему, над которой он работал в тот период, и которая станет основным моментом его работы *По ту сторону принципа удовольствия* (1920g).

В заключение Фрейд останавливается на некоторых психопаталогических ситуациях, способных вызвать парадоксальное чувство одновременно знакомого и незнакомого. В их числе он называет потерю способности отличать реальность и фантазию, безумие и здравомыслие, и другие феномены, связанные с верой в магическое всемогущество мысли, которая аналогичным образом преувеличивает власть психической реальности над материальной реальностью. Наконец, заключает Фрейд, переживание *жуткого* является одной из типичных характеристик вытесненного, поскольку вытесненное, которое представляется нам чуждым не возвращает ли оно нас к некогда знакомому детскому комплексу, который вновь оживает? Впрочем, именно на вытесненное, свойственное каждому индивиду, опирается литературное творчество, когда использует все средства, позволяющие воображению автора произвести на читателя чарующий эффект зловещего.

Постфрейдисты

Раздвоение родительских образов при эдиповом комплексе

Неудивительно, что богатство и разнообразие литературных и психоаналитических тем, затронутых Фрейдом в работе *Жуткое,* вдохновило психоаналитиков-постфрейдистов, предложивших рассмотреть в этой связи и другие сюжеты.

В их числе я хотел бы особо выделить раздвоение родительских имаго, которое представляет собой нераспознанный аспект эдипова комплекса. Действительно, когда мы говорим об эдиповом комплексе, ссылаясь на *Царя Эдипа* Софокла, как правило, речь идет только об одной паре родителей – фиванском царе Лае и его супруге Иокасте. Мы склонны забывать, что после того, как Эдип был ими брошен, его приняла и усыновила другая пара – властители Коринфа Полиб и Меропа, напоминает нам Д. Кинодо (1999, 2002). Таким образом, в мифе об Эдипе у героя две пары родителей, биологические и приемные, и, таким образом, создается раздвоение родительских имаго на *«родителей, которые покидают»* и *«родителей, которые принимают»*.

Следовательно, рассматривая миф об Эдипе так же, как мы анализируем сновидение пациента, развивает свою мысль Д. Кинодо, мы понимаем, что в результате такого раздвоения Эдип «упустил» свой комплекс. Когда Эдип узнал о естественной смерти своего приемного отца, Полиба, он уверовал, что ему удалось избежать предсказания оракула: *«Ты убьешь своего отца и женишься на матери»*. Но затем он узнает, что Полиб и Меропа лишь его приемные родители, а его настоящие родители – Лай и Иокаста: *«Именно потому, что родительская пара оказалась удвоена, Эдипу удалось реализовать свои бессознательные желания: ничто не помешало ему перейти к действию; он мог убить Лая и жениться на Иокасте, потому что это были не те отец и мать, которых он знал и к которым был привязан. Расщепляя родительское имаго на две отдельные родительские пары, Эдип ускользнул*

от сложностей отношений в треугольнике, но, избегая установления границ своего комплекса, он его упустил, не смог его проработать» (p. 78). Д. Кинодо отмечает, что некоторые пациенты бессознательно раздваивают родительские имаго, чтобы избежать некоторых форм тревоги, таких как страх кастрации, амбивалентность или чувство одиночества, – это препятствует разрешению их эдипального конфликта.

Биографии и история

Эрнст Джонс (1879–1958)

Близкий соратник и свидетель жизни Фрейда, ставший его биографом, Джонс сыграл значительную роль в развитии психоанализа, особенно в англоязычном мире. Он много лет являлся президентом Международной психоаналитической ассоциации, стал основателем Британского психоаналитического общества, а также «Международного журнала психоанализа». Он же помог Мелани Кляйн обосноваться в Великобритании и впоследствии играл роль посредника между ней и Анной Фрейд во время их «большого научного спора».

Джонс родился в 1879 г. в Уэльсе и изучал медицину в Лондоне. В 1906 г. он открыл для себя произведения Фрейда и отправился в Мюнхен совершенствоваться в неврологии и учить немецкий язык, чтобы прочесть «Толкование сновидений». В 1908 г. он познакомился в Вене с Фрейдом и до самой смерти последнего поддерживал с ним регулярную переписку. В 1908 г. на Конгрессе в Зальцбурге Джонс предложил психоаналитическое понятие «рационализация», с этих пор ставшее классическим: это механизм защиты, при котором субъект выдвигает некое связное и логическое объяснение поведения или мнения, настоящие причины которого от него ускользают. В 1909 г., после жалобы, которую подал брат одной его пациентки, у Джонса возникли неприятности с английским правосудием. Несмотря на то, что суд его оправдал, медицинская карьера Джонса была подорвана, и он вместе со своей подругой Ло Канн переехал из Лондона в Торонто, где прожил пять лет. В Канаде он познакомился с американскими психоаналитиками и создал «Американскую психоаналитическую ассоциацию» (APA). В 1913 г., вернувшись в Европу, он вначале отправился в Будапешт, где прошел короткий курс психоанализа у Ференци, а затем вернулся в Великобританию. В это же время Фрейд взял к себе в анализ Ло Канн, но она вскоре покинула Джонса и вышла замуж за другого человека. Свадьба состоялась в Будапеште в 1914 г., и Фрейд был в числе приглашенных. В июне 1914 г. Анна Фрейд, которой в это время было 18 лет, приехала в Лондон, где Джонс начал за ней ухаживать. Узнав об этом, Фрейд написал дочери, чтобы она положила этому конец, прибавив, что Джонс не станет хорошим мужем для нее, и Анна подчинилась. В 1916 г. Джонс женился на молодой художнице, которая умерла два года спустя.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Джонс практиковал психоанализ в Лондоне и организовал множество конференций, чтобы распространить идеи Фрейда среди врачей, имевших в отношении этих идей

большие сомнения, и среди широкой публики. Поскольку он продолжал публиковать статьи в немецкоязычных журналах, он был обвинен газетой «Таймс» в сотрудничестве с Германией и Австро-Венгрией, но после расследования, которое обелило его имя, он получил разрешение выписывать немецкие периодические научные издания и таким образом, в частности, он смог сохранить контакт с Фрейдом. В 1919 г. он женился на жительнице Вены Катарине Йолк, которая стала матерью его четверых детей. В том же году он основал Британское психоаналитическое общество, а 1920 г. создал совместно с издательством Hogarth Press издательский дом International Psychoanalytical Press. В том же 1920 г. он впервые был избран президентом Международной психоаналитической ассоциации (МПА) (этот пост он занимал четыре года) и основал «Международный журнал психоанализа», главным редактором которого являлся до 1939 г. Он стал также инициатором создания и выпуска так называемого Стандартного издания (Standard Edition) – полного собрания сочинения Фрейда на английском языке.

Кроме того, Джонс сыграл историческую роль, когда в 1926 г. помог Мелани Кляйн обосноваться в Великобритании. Оставаясь другом и соратником Фрейда, он защищал взгляды Мелани Кляйн от критики Фрейда и Анны Фрейд (Steiner, 2002). В 1932 г. Джонс снова был избран президентом МПА и занимал этот пост до 1949 г. В конце 1930-х годов он помог эмигрировать в Великобританию и в Северную Америку многим психоаналитикам-евреям из Берлина, Вены и Будапешта, и когда Фрейд с семьей покинул Вену, спасаясь от нацизма, Джонс в сотрудничестве с Марией Бонапарт организовал их отъезд, а затем размещение в Лондоне. Во время Второй мировой войны Джонс играл роль посредника между Анной Фрейд и Мелани Кляйн в «большом научном споре», возникшем в Британском психоаналитическом обществе.

В 1946 г. Джонс ушел на покой, чтобы посвятить последние десять лет своей жизни написанию биографии Фрейда «Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда» (1953–1957), а также своей автобиографии, озаглавленной «Свободные ассоциации» (1959). За годы своей карьеры Джонс издал значительное количество клинических и теоретических психоаналитических трудов, главные из них – «Теория символизма» (1916), а также труды о женской сексуальности, в частности «Раннее развитие женской сексуальности» (1927) и «Примитивная женская сексуальность» (1935). Именно благодаря Джонсу открылись дебаты о женской сексуальности на конгрессе в Берлине в 1922 г., которые впоследствии раскололи приверженцев Английской и Венской школ. Именно Джонс ввел психоаналитическое понятие «афанизис» (aphanisis) – термин, который обозначает исчезновение сексуального желания у представителей обоих полов, создавая, по его мнению, тревогу еще более глубокую, чем страх кастрации (Jones, 1927). Джонс умер в Лондоне в 1958 г.

Хронология понятий

Расщепление – компульсивное повторение – раздвоение – двойник – нарциссический двойник – жуткое (переживание жуткого) – повторение, повторение одного и того же.

«РЕБЕНКА БЬЮТ. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕКСУАЛЬНЫХ ПЕРВЕРСИЙ» S. FREUD (1919e)

«О ПСИХОГЕНЕЗЕ ОДНОГО СЛУЧАЯ ЖЕНСКОЙ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ» S. FREUD (1920a)

Первые исследования перверсий и садомазохизма

Эти две работы позволяют Фрейду продемонстрировать, что эдипов комплекс играет в перверсиях центральную роль, точно так же, как при неврозах. Он показывает, кроме того, что все перверсии, так же как неврозы, ведут свое происхождение от инфантильного невроза. Наконец, Фрейд выявляет важную роль психической бисексуальности, т. е. присутствие мужественной и психических составляющих как при патологии, так и у нормального индивида.

В работе «Ребенка бьют» Фрейд отмечает, что при фантазиях о порке сексуальное удовольствие, находимое в страдании и характерное для мазохизма, тесно связано с эротизацией инцестуозных объектов. По мнению Фрейда, фантазия об избиении у девочки является формированием, замещающим бессознательное инцестуозное желание по отношению к отцу; с другой стороны, рассматривая фантазии о порке у мужчины, Фрейд описывает «женственную позицию», которая является формированием, замещающим пассивное эротическое отношение к отцу, что является характерным проявлением мужского мазохизма.

В работе «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» Фрейд описывает краткий курс лечения молодой девушки, влюбленной в женщину. Это последний клинический случай, опубликованный Фрейдом, в дальнейшем он решил их не публиковать из соображений конфиденциальности. Для Фрейда это возможность подойти к изучению женской гомосексуальности, на которую до того психоаналитики обращали мало внимания, без сомнения, потому, поясняет он, что «*она значительно менее скандальна*», чем мужская гомосексуальность, хотя встречается так же часто (p. 245 [235]). Это лечение продлилось недолго, так как пациентка выслушивала соображения Фрейда, но не проявляла эмоциональной вовлеченности в аналитическую работу. Когда Фрейд заметил ее сопротивление и решил, что оно стало результатом

негативного переноса на него – следствия бессознательного желания пациентки отомстить отцу, – он прекратил лечение, посоветовав девушке продолжить анализ с женщиной-аналитиком. В генезисе гомосексуальности этой пациентки Фрейд в основном подчеркивает позитивный эдипов комплекс, т. е. конфликт в отношениях с отцом, и лишь мельком упоминает о решающей роли доэдипальной любви девочки к матери, – концепция, которой он уделит больше внимания в 1930-е годы.

В конце главы я подробно рассмотрю, как эволюционировало понимание Фрейдом женской сексуальности.

Биографии и история

Анна Фрейд проходит анализ у своего отца

Анна Фрейд и фантазия о порке

Хотя сам Фрейд умалчивает об этом, его биографы не сомневаются, что в работе «Ребенка бьют» он среди прочих приводит случай своей дочери Анны (Young-Bruehl, 1988, p. 94). Анна Фрейд действительно страдала от фантазии о порке, и это был один из симптомов, побудивших ее в 1918–1922 гг. предпринять первый анализ у собственного отца. Такая практика была распространена в то время, поскольку еще не были оценены ее вредные последствия. В конце этого анализа, в 1922 г., Анна написала клинический доклад о фантазии порки у 15-летней девушки. Этот доклад она представила для вступления в Венское психоаналитическое общество. Затем она опубликовала его под названием «Фантазии о порке и сновидения наяву» (1923). Тем не менее этим Анна не положила конец фантазиям о порке. В 1924 г. возобновление этих фантазий заставила ее предпринять второй анализ, снова с собственным отцом. Вот что она писала Лу Андреас-Саломе 5 мая 1924 г.: «Причиной для продолжения <…> стали эпизодические вторжения неподобающих дневных мечтаний в сочетании с усиливающейся непереносимостью (иногда психической, но также и умственной) фантазий о порке и их последствий (т. е. мастурбации), без которых я не могла обойтись» (цит. по: Young-Bruehl, 1988, p. 111).

Влияние анализа дочери на концепцию Фрейда о женской сексуальности

Анализ собственной дочери, без всякого сомнения, оказал глубокое влияние на представления Фрейда о женской сексуальности. Кроме того, если первый анализ Анны вызвал публикацию Фрейдом статьи «Ребенка бьют», то второй ее анализ с отцом определил содержание его работы «Некоторые психологические последствия анатомических различий между полами» (Freud, 1925j), хотя в случае второй статьи ни один документ не позволяет это утверждать наверняка (Young-Bruehl, 1988, p. 114). В этом тексте 1925 г. Фрейд выделяет как основной фактор развития девочки ее зависть к пенису и замечает, что при нормальном развитии отказ от притязаний на отца приводит к желанию иметь ребенка. Ребенок представляет собой замену пениса, которого, как чувствует девочка, ее лишили; если же, напротив, желание иметь пенис чрезмерно, путь отказа не удается и может

тогда «уступить место идентификации с отцом, тогда девочка возвращается к комплексу мужественности, на котором у нее в известных случаях происходит фиксация» (Фрейд, 1925j, p. 130). К выводу о таком возвращении к идентификации с отцом приходит не только Фрейд в статье «Ребенка бьют», но и Анна в работе «Фантазии о порке и сновидения наяву» (1923). Кроме того, глубокая идентификация с отцом сильно повлияла на жизнь самой Анны Фрейд: ее сильная мужская идентификация, аскетизм, отказ от активной женской сексуальной жизни, трудности, с которыми она сталкивалась в отношениях с мужчинами, и ее долгая дружба с Дороти Берлингем свидетельствуют об этом.

Лу Андреас-Саломе (1861–1937)

Близкий друг Фрейда и его семьи Лу Андреас-Саломе стала непосредственным свидетелем того периода, когда Анна Фрейд проходила анализ у своего отца. Фрейд в письмах к Лу делился трудностями, возникавшими перед ним по ходу анализа дочери, а Анна, в свою очередь, поверяла ей свои тайны, когда они вместе готовили доклад для вступления в Венское психоаналитическое общество на тему фантазий о порке и сновидений наяву.

Перед тем как полностью посвятить себя психоанализу, Лу Андреас-Саломе вела насыщенную любовную жизнь. Она родилась в 1861 г. в Санкт-Петербурге в семье, имевшей с одной стороны немецкие, а с другой – французские корни; ее отец был царским генералом. Еще очень молодой, Лу покинула родительскую семью и привычный круг; в возрасте 19 лет она отправилась в Цюрих, где изучала философию и историю искусств. В 21 год в Риме она познакомилась с двумя философами, с которыми образовала любовное трио, – Паулем Реё и Фридрихом Ницше. Впоследствии у нее было множество связей, в том числе с молодым поэтом Райнером Мария Рильке; и далее, на протяжении всей оставшейся жизни, она пребывала «музой и заботливой матерью великого поэта», как скажет о ней Фрейд в 1937 г. В 1887 г. Лу вышла замуж за немецкого ориенталиста Фридриха-Карла Андреаса, профессора Гёттингенского университета.

Лу Андреас-Саломе познакомилась с Фрейдом в 1911 г. на Веймарском конгрессе и сразу же увлеклась психоанализом, неутомимо занималась его освоением и практикой и сделалась одной из первых женщин-психоаналитиков. В следующем после знакомства 1912 г. она обосновалась в Вене, где Фрейд ввел ее в свою семью. Лу вскоре стала близкой подругой Анны. С 1912 г. Лу регулярно переписывается с Фрейдом, который в процессе этой переписки супервизировал ее аналитические случаи. Лу регулярно присутствовала на заседаниях у Фрейда по средам, и вскоре Фрейд принял ее в члены Венского психоаналитического общества. Впоследствии в награду за верность делу психоанализа Фрейд вручил ей одно из колец, предназначенных только для членов «секретного комитета». Начиная с того момента, как она увлеклась психоанализом, Лу Андреас-Саломе постепенно оставила прежнюю карьеру романистки и эссеистки, посвятив себя написанию психоаналитических работ. Она особо интересовалась вопросом соотношения души и тела; осветила проблему комплементарности мужчины и женщины;

а также внесла женскую точку зрения в психоаналитический дискурс. Несмотря на подъем нацизма в 1930-х годах, она не покинула Германию. Лу Андреас-Саломе умерла в Геттингене в 1937 г.

«РЕБЕНКА БЬЮТ. К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ПЕРВЕРСИЙ» (1919e)

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1919e). Un enfant est battu. Contribution à la genèse des pervertion sexuelle, trad. D. Guérineau // Névrose, psychose et perversion. Paris: PUF, 1973, p. 219–243 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF.P, XV, p. 115–146].

- **Навязчивая фантазия, сопровождаемая компульсивной мастурбацией**

В этой работе Фрейд предпринимает анализ навязчивой эротической фантазии, выявленной у шести его пациентов – четырех женщин и двоих мужчин. Фантазия в своей пароксизмальной фазе сопровождается компульсивным мастурбационным удовлетворением, которое не поддается контролю, и нарушениями в сексуальной жизни во взрослые годы. Это фантазия, в которой трудно признаться, замечает Фрейд, и которая оказывает недвусмысленное сопротивление психоаналитическому лечению, поскольку сопровождается сильным чувством стыда и вины. Фантазия *ребенка бьют* появляется в раннем детстве, чаще всего в дошкольном возрасте, и усиливается, если ребенок присутствует при реальных сценах порки, например в школе, или позднее, когда он находит удовольствие в чтении произведений, описывающих подобные сцены. Взрослых, которые страдают от этой фантазии, в детстве обычно не били; к тому же чаще всего они не способны внести уточнения в ее содержание: кто этот избиваемый ребенок, кто его бьет и т. д.

- **Инфантильная фиксация, перверсия у взрослого**

Фантазия о порке, особенно если она сопровождается аутоэротическим удовлетворением, организована как *детская перверсия* и является фиксацией на ранней стадии, что частично задерживает дальнейшее психосексуальное развитие ребенка. Эта фиксация на прегенитальной фазе необязательно окончательна: она может эволюционировать в разных направлениях, в том числе в сторону нормального развития. Однако она также может быть вытеснена и вновь появиться в качестве реактивного формирования (многие пациенты, которых упоминает Фрейд, демонстрируют обсессивный невроз) или даже преобразиться под действием сублимации. Он отмечает также,

что терапевтический доступ к фантазии «ребенка бьют» особенно затруднен, и описывает способ, которым психика удаляет фантазию из сознания, чтобы защититься от нее: «<…> *врач-аналитик вынужден признаться себе, что фантазии эти по большей части остаются в стороне от прочего содержания невроза и не занимают в его структуре собственного места; но обычно, как учит меня личный опыт, от подобных подозрений охотно отмахиваются*» (p. 223 [123]). Позднее, в 1927 г., он объяснит этот феномен *расщеплением Я* и опишет его как одну из основных характеристик перверзной организации.

Говоря о технике анализа, Фрейд настаивает на необходимости уделить столько времени, сколько потребуется, чтобы устранить инфантильную амнезию, помогая пациенту восстановить воспоминания о периоде от двух до четырех – пяти лет, когда появляется этот тип фантазии. По этому поводу Фрейд предостерегает психоаналитиков от слишком короткого лечения: «*Практических результатов хотелось бы достигать в более короткие сроки и с меньшими усилиями*» (p. 223 [124]). Он настаивает также на важности анализа первых жизненных впечатлений, призывая уделять достаточное внимание и более позднему опыту: «<…> *тот, кто пренебрегает анализом детства, вследствие этого неизбежно совершит серьезнейшие ошибки*» (p. 223 [124]).

Далее Фрейд приступает к подробному исследованию фантазии порки в ходе детского развития и показывает, что это суть репрезентация фантазии, которая претерпевает множество изменений. Сначала он подробно исследует четыре случая своих пациенток, затем более кратко рассматривает ситуацию своих пациентов-мужчин. Нужно уточнить, что Фрейд настаивает на том, что интерпретации, которые он предлагает в этой статье, не являются исчерпывающими и касаются только изученных им случаев.

• Фантазия о порке у девочки

В первой фазе фантазия девочки имеет следующее содержание: «*Отец бьет ребенка*». Эта фантазия предстает в форме осознаваемого «сновидения наяву», возникшего в детстве, но ее персонажи не очень определены. Автор фантазии не является тем самым ребенком, которого бьют, как правило, это ее брат или сестра, и рисующаяся сцена не носит сексуального характера. Фрейд делает вывод, что «*отец бьет ребенка*» означает, с точки зрения аффекта: «*Отец бьет ребенка, **которого я ненавижу***», и, если продолжить анализ: «*Отец не любит этого другого ребенка, **он любит только меня***» (p. 227 [128]).

Во второй фазе содержание меняется: «*Отец избивает меня*», оно оказывается бессознательной фантазией пациентки и является результатом проделанной в ходе анализа реконструкции. В результате превращения автор фантазии становится тем самым избиваемым ребенком, отец по-прежнему играет роль избивающего. По мнению Фрейда, фантазия «*Отец избивает меня*» является результатом вытеснения инцестуозного эдипального желания девочки, направленного на отца (прямой, или позитивный, эдипов комплекс). Другими словами, удовольствие, которое сопровождает порку,

связано с фантазией мазохистского характера. Удовольствие, спрятанное в страдании, имеет двоякое значение: с одной стороны, оно обеспечивает наказание девочки за ее запретное желание, направленное на отца, – появляется «*чувство вины*» (p. 228 [130]); с другой стороны, оно является регрессивным замещением инцестуозных эротических отношений с отцом в результате возврата к прегенитальной анально-садистической стадии психосексуального развития: «*Такое избиение – совмещение чувства вины и эротики. Оно не только кара за запретное генитальное отношение, но и регрессивное его замещение*» (p. 229 [131]).

Наконец, в третьей фазе фантазия получает следующее содержание: «*Замещающее отца лицо* (*учитель*) *бьет ребенка* (*как правило, мальчика*)». Эта фантазия вызывает сильное сексуальное возбуждение, которое приводит к компульсивному мастурбационному удовлетворению. В данном случае девочка больше не подвергается порке в своей фантазии, но становится наблюдателем садистской сцены (вуайеризм), а человек, который бьет, – уже не ее отец. В этой фантазии девочка склонна идентифицироваться с мальчиком, усиливая таким образом свои мужественные наклонности за счет женственных: «*Когда она отворачивается от инцестуозной любви к отцу с ее генитальным смыслом, она вообще с легкостью порывает со своей женской ролью, оживляет свой „комплекс мужественности“* (*Van Ophuijsen, 1917*) *и впредь желает быть исключительно мальчиком*» (p. 231 [133]).

- **Фантазия о порке у мальчика**

В материале двух случаев мужчин-анализандов Фрейд, к своему удивлению, не обнаружил тех трех фаз, которые наблюдал в фантазии девочки. Вначале он констатирует, что у мальчика не существует эквивалента сознательной фантазии «*Ребенка бьют*», которая возникает в первой фазе у девочек. Затем, во второй фазе, как обнаруживается в анализе, бессознательная фантазия мальчика – «*Меня побил отец*», а не «*Меня побила мать*», как можно было бы ожидать. Иначе говоря, в этой фазе мальчик представляет ту же бессознательную фантазию, что и девочка. Затем, в третьей (осознаваемой) фазе, которую сопровождает мастурбационное возбуждение или мазохистский половой акт, фантазия мальчика принимает вид: «*Меня избивает мать* (*или замещающее ее лицо*)». По мнению Фрейда, эта мазохистская фантазия объясняется обращением в противоположное в инцестуозной фантазии мальчика, которая превращается в мазохистскую фантазию: оставив активную позицию, мальчик занимает тогда пассивную позицию по отношению к избивающему лицу, позицию, которую Фрейд называет *женственной позицией мальчика.*

Фрейд пытается объяснить различия, которые он наблюдает между мальчиком и девочкой, следующим образом: у обоих полов отправной точкой фантазии порки является эдипов комплекс, но у девочки эта фантазия берет начало в *прямом* (или *позитивном*) эдиповом комплексе, так как фантазия «*Меня побил отец*» замещает инцестуозные (гетеросексуальные) отношения с ним. В то же время у мальчика фантазия «*Меня побил отец*» вытекает из *обратного* (или *негативного*) эдипова комплекса. Следовательно,

она замещает инцестуозные (гомосексуальные) отношения сына с отцом, причем мальчик занимает место (прегенитальной) матери и идентифицируется с ней. Фрейд подчеркивает, что у мальчиков, в обеих фазах этой фантазии, речь идет о пассивной фантазии, «*вытекающей из женственной установки по отношению к отцу*» (p. 238 [141]), несмотря на изменение пола лица, которое избивает ребенка: *отец* в бессознательной фантазии и *мать* в сознательной. Короче говоря, речь идет о мазохистской фантазии, общей для обоих полов: «*У девочки бессознательная мазохистская фантазия идет от позитивной эдипальной установки; у мальчика – от негативной, избирающей отца объектом любви*» (p. 238 [141]).

- **Эдипов комплекс, перверсия и мазохизм**

Эта работа позволила Фрейду сделать еще один шаг в понимании психогенеза перверсий и мазохизма и показать, по его собственным словам, *в первый раз,* что перверсия взрослых берет начало в инфантильной сексуальности и что она «*связана с объектами инцестуозной любви ребенка, с его эдиповым комплексом*» (p. 232 [134]). Другими словами, эдипов комплекс лежит у истока не только неврозов, но и перверсий. Что же касается генезиса мазохизма, Фрейд вновь возвращается к тезису, выдвинутому им в *Трех очерках по теории сексуальности* (1905d), согласно которому мазохизм возникает в силу обращения садизма против собственной личности. Однако в работе «Ребенка бьют» он добавляет, что это превращение происходит под влиянием чувства вины, которое способствует вытеснению и подвергает генитальную организацию «*регрессии на предыдущую анально-садистическую стадию*» (p. 234 [136]). Откуда появляется чувство вины? Фрейд относит его к «*той критической инстанции, которая, так же как совесть, противопоставляется остальной части Я*» (p. 234 [136]) и описывает действие этой инстанции, которую позднее назовет Сверх-Я. Наконец Фрейд показывает, что вторая фаза фантазии, на первый взгляд, самая важная, – это бессознательная фантазия: «*Меня побил отец*». Действительно, эта фантазия ставит индивида, будь то мальчик или девочка, в позицию жертвы по отношению к лицам из их окружения, которые являются репрезентацией отца: «*Таким образом они добиваются себе на горе реализации фантазийной ситуации, будто их избивает отец*» (p. 235 [137]). Наконец, подробный анализ различных аспектов фантазии порки выявляет роль психической бисексуальности, т. е. мужественной и женственной составляющих, присутствующих в каждом индивиде, независимо от пола.

Постфрейдисты

Чувство вины у девочки по отношению к матери

В то время как некоторые психоаналитики-постфрейдисты говорят, что никогда не находили фантазии «*Ребенка бьют*» у своих пациентов, другие ее встречали именно в том виде, как ее описывает Фрейд. Таков случай Рут

Лакс (Lax, 1992), которая исследовала фантазию порки у четырех женщин, и обнаружила, что у них бессознательная фантазия *«Меня избил отец»* соответствует второй фазе, описанной Фрейдом. Но в отличие от Фрейда, Р. Лакс констатирует, что у ее пациенток чувство вины по отношению к матери играет гораздо более важную роль, чем чувство вины по отношению к отцу. Мать воспринимается ими как чрезвычайно строгий судья, запрещающий дочери испытывать инцестуозные чувства к отцу и угрожающий лишить ее женских половых органов, – угроза, эквивалентная страху кастрации, возникающему под влиянием отцовского Сверх-Я у мальчиков. Эта яркая статья показывает эволюцию материнского Сверх-Я у пациенток по мере того, как усиливаются их гетеросексуальные склонности, а мазохистские мастурбационные фантазии становятся в ходе анализа менее интенсивными. В то же время, мне кажется, что четыре случая, описанные Р. Лакс, представляют скорее невротическую организацию с умеренными мазохистскими и перверзными аспектами в отличие от высоко структурированной перверзной организации личности, подобной той, что мы увидим в описанном ниже случае.

Перверзная фантазия зеркала, защита от психотического срыва

В замечательной клинической работе Рут Ризенберг Малкольм (Riesenberg Malcom, 1988) описан решающий поворот, произошедший в анализе пациентки, демонстрировавшей серьезную мазохистскую перверсию. Сексуальную жизнь этой женщины начиная с 20-летнего возраста определяли перверзные садомазохистские фантазии, сопровождавшиеся компульсивной мастурбацией, и непрестанная смена партнеров-мужчин. До того как пациентка приступила к психоанализу (продолжавшемуся значительное время), ее неоднократно госпитализировали в связи с психотическими декомпенсациями. В течение нескольких лет пациентка не говорила своему аналитику ни о перверзных фантазиях, ни о мастурбации. Аналитик смогла обнаружить эти элементы только благодаря своему контрпереносу. В процессе работы аналитик отметила, что пациентка часто рассказывает о событиях своей повседневной жизни таким образом, что завораживает аналитика и возбуждает ее любопытство вплоть до того, что у аналитика появляется желание принять участие в этих событиях.

Осознав захватывавшее ее живое любопытство, Р. Ризенберг Малкольм интерпретировала его как результат желания пациентки возбудить любопытство аналитика. Эта интерпретация заставила пациентку осознать ее собственное любопытство по отношению к аналитику, особенно обостряющееся во время их расставания на уикенд: тогда она со стыдом призналась, что проводит много времени за мастурбацией, чувствуя себя исключенной из отношений в родительской паре, репрезентацией которой являлась аналитик, и впервые рассказала о своей фантазии зеркала. В этой фантазии пациентка видела зеркало, в глубине которого разворачивались бурные, садистские и унизительные, сексуальные сцены. Участниками этих сцен были гомо- и гетеросексуальные инцестуозные пары, и их заба-

вы длились часами. Пациентка по очереди воображала себя на месте то одного, то другого партнера в этих жестоких сексуальных сценах. В то же время, пока разворачивалась фантазия зеркала, пациентка представляла себе зрителей, которые наблюдают эту сцену, изо всех сил борясь со своим сексуальным возбуждением, так как если они поддадутся ему, то упадут в зеркало.

Интерпретация, которую предложила аналитик по поводу любопытства, позволила овладеть ситуацией, изменив ее. Таким образом, вместо того, чтобы оказаться бессознательно отыгранной в переносе с риском зайти в тупик, она могла быть вербализирована и проработана. В ходе анализа выявилась двойная функция фантазии зеркала: она мешала пациентке двигаться вперед и проработать эдипальную ситуацию, в то же время не позволяла ей еще больше регрессировать с риском пережить психотический срыв, как это уже случалось до начала анализа. При обсуждении этой работы Х. Сигал (H. Segal, 1995) отметила, что в данном случае важнее всего, что аналитик смогла помочь пациентке преобразовать ее *перверзный вуайеризм* в *нормальное детское любопытство* – это изменение стало возможно после того, как аналитику удалось превратить свой собственный контрпереносный вуайеризм в приемлемую форму любопытства по отношению к пациентке. Таким образом у пациентки начался процесс идентификации с аналитиком, который создал основу для психической бисексуальности – залог перехода к более интегрированной женской психосексуальности.

«О ПСИХОГЕНЕЗЕ ОДНОГО СЛУЧАЯ ЖЕНСКОЙ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ» (1920a)

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1920a). Sur la psychogenèse d'un cas d'homosexualité féminine, trad. G. Guérineau // Névrose, psychose et perversion. Paris: PUF, 1973, p. 245–270 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF.P, XУ, 233–262].

- **Успех терапии частично зависит от мотивации**

Встревоженные родители привели молодую девушку, которая влюбилась в «даму» сомнительного поведения, на десять лет ее старше, живущую с замужней женщиной и поддерживающую любовные отношения с множеством мужчин. Наперекор своим родителям девушка преследовала эту даму, несмотря на то, что последняя оставалась равнодушна к ее ухаживаниям. Однажды, прогуливаясь под руку с нею, девушка встретила своего отца и, заметив его взбешенный взгляд, бросилась на железнодорожные рельсы. Когда она пришла в себя после этой суицидальной попытки, ее страсть к даме лишь удвоилась и родители, потерявшие всякую надежду, обратились

за консультацией к Фрейду. Девушка показала слабую заинтересованность и явно давала понять, что соглашается на лечение скорее ради того, чтобы доставить удовольствие своим родителям, чем из интереса. Фрейд начинает статью с обсуждения в общих чертах условий, необходимых для достижения успеха в психоанализе. В особенности он считает необходимым, чтобы пациент испытывал потребность в помощи психоаналитика и страдал от своего состояния настолько, чтобы желать преодолеть все трудности. Что касается гомосексуальных пациентов, по мнению Фрейда, психоаналитик должен опираться на гетеросексуальные склонности, если они достаточно сильны, чтобы нейтрализовать воздействие гомосексуальных склонностей, как у мужчин, так и у женщин.

- **От гетеросексуальности к гомосексуальности**

Затем Фрейд пытается реконструировать ход либидинального развития девушки с самого детства. У нее не сохранилось об этом никаких воспоминаний, однако она вспоминает, что в возрасте 13–14 лет испытала желание стать матерью и иметь ребенка, из чего Фрейд сделал вывод, что она прошла через нормальный женский эдипов комплекс. Вскоре после этого девочка-подросток стала испытывать влечение к женщинам зрелого возраста, и в ходе анализа выяснилось, что эти гомосексуальные наклонности появились в связи с новой беременностью ее матери и рождением ее третьего брата. Фрейд дает этому следующее объяснение: в возрасте 16 лет, когда ее мать забеременела, девушка испытала вполне осознанное желание иметь ребенка, которое соответствовало ее бессознательному желанию родить ребенка от своего отца, по возможности младенца мужского пола: «*Но случилось так, что не она родила ребенка, а соперница, которую в своем бессознательном она ненавидела, – ее мать. Разозленная и возмущенная, она отвернулась от отца и от мужчин вообще. А проделав это, она отбросила свою женственность и нашла для своего либидо другую цель*» (p. 256 [246]).

Среди возможных путей развития, упомянутых Фрейдом, девушка бессознательно выбрала мужскую идентификацию: «*Она превратилась в мужчину и сделала мать объектом своей любви вместо отца*»; затем она направила свою страстную нежность на замещающую материнскую фигуру, репрезентацией которой стала для нее *дама*. Эта позиция усилилась, когда она заметила, что отец осуждает ее страсть к этой даме; с этих пор, преследуя эту даму своими ухаживаниями, «*она знала, как его ранить и отомстить ему. Теперь она пребывала гомосексуальной, чтобы бросить вызов своему отцу*» (p. 258 [248]). Наконец, Фрейд добавляет, что привлекательность для этой девушки определенного маскулинного типа женщин способствовала удовлетворению ее бисексуальных наклонностей: «*Объект, который она, в конце концов, выбрала, соотносился не только с ее женским идеалом, но также с ее мужским идеалом, он соединял удовлетворение гомосексуального направления ее желаний с гетеросексуальным направлением*» (p. 255 [245]).

- **Мужская идентификация и меланхолическая идентификация**

Углубляя анализ, Фрейд установил сходство между мужской идентификацией, которую усвоила девушка, ухаживая за дамой так, как это делал бы мужчина, и особым типом выбора объекта, свойственным некоторым мужчинам, которые выбирают в качестве объекта любви женщин легкого поведения (Freud, 1910h). Действительно, Фрейд обнаруживает у этой пациентки склонность желать *спасти* даму от ее дурной жизни, аналогичную стремлению мужчин этого типа «*желать „спасти" любимую от ее недостойного состояния*» (p. 260 [251]).

Что касается мотива попытки самоубийства, Фрейд видит его, прежде всего, в демонстрации отчаяния девушки при мысли о том, что отец вынудит ее отказаться от любимой. Но на более глубоком уровне попытка самоубийства оказывалась одновременно свершением наказания (самонаказания) и осуществлением желания. «*С этой последней точки зрения,* – объясняет Фрейд, – *она означает победу желания, разочарование в котором прежде подтолкнуло ее к гомосексуализму, т. е. желания иметь ребенка от своего отца, так как ее „падение" было теперь виной ее отца*» (p. 260–261; переводчик уточняет: «*Глагол* niederkommen, *буквально „спуститься", означает в то же время „упасть" и „родить", „разрешиться от бремени"*» [251, n. 1]). Что же касается попытки самоубийства как самонаказания, Фрейд интерпретирует ее следующим образом: «*В качестве самонаказания поступок девушки нам гарантирует, что в своем бессознательном она развила могущественные желания смерти одному из членов родительской пары. Возможно, это было местью отцу как разрушителю ее любви, но, более вероятно, также и матери, после того, как она забеременела ее младшим братом*» (p. 261 [252]). Наконец, среди мотивов этой попытки самоубийства Фрейд обнаруживает у девушки механизм, свойственный самоубийству больного депрессией, который он уже описал ранее (1917e [1915]): «*Действительно, анализ представил нам это объяснение загадки самоубийства: может быть, никто не нашел бы достаточно психической энергии, чтобы убить себя, если бы, во-первых, он не убивал одновременно объект, с которым идентифицировался, и, во-вторых, не обращал против самого себя желание смерти, которое изначально было направлено на другое лицо*» (p. 261 [252]).

Я позволю себе сделать отступление ради следующего уточнения. В случаях женской гомосексуальности, подобных случаю пациентки Фрейда, зависть и ненависть гомосексуальной женщины направлены против генитальной родительской пары, т. е. против *генитальной* матери и против *генитального* отца. Таким образом, когда гомосексуальная женщина утверждает, что «любит женщин», то в их лице она любит не *генитальную,* а *прегенитальную* мать; в то же время она мечтает устранить генитального отца, чтобы завладеть его пенисом и идентифицироваться с ним как с частичным *прегенитальным* объектом (Quinodoz, 1989).

- **Негативный перенос на Фрейда: повторение мести своему отцу**

В ходе лечения у Фрейда девушка не осознает роли, которую ее отец играет в этом конфликте. Однако Фрейд отмечает, что с бессознательной точки зрения «*именно он играет главную роль*» (p. 361 [252]) как в развитии лечения, так и в его исходе. Под маской послушной отцу дочери скрывалась позиция вызова и желания отомстить ему. Эта позиция по-разному выражалась в двух фазах анализа. В первой фазе казалось, что все происходит без сопротивления и девушка проявляла желание сотрудничать, но Фрейд постепенно установил, что его реконструкции не вызывают у нее интереса, а ее прогресс в аналитическом понимании не сопровождается желаемыми изменениями. В ходе второй фазы Фрейд понял, что *холодная сдержанность* пациентки была вызвана ее желанием отомстить отцу, перенесенным на него: «*На самом деле она перенесла на меня свой болезненный отказ от мужчин, который овладел ею после того, как она разочаровалась в своем отце. Злость на мужчин легко удовлетворялась при помощи врача: нет необходимости в бурных эмоциональных проявлениях, она выражается в том, что пациентка делает напрасными все усилия врача и упорно держится за болезнь*» (p. 262–263 [254]). Когда Фрейд осознал негативный перенос по отношению к себе, он прекратил этот анализ, посоветовав пациентке продолжить его у женщины-аналитика. Сегодня аналитик проанализировал бы негативные аспекты переноса таким же образом, как это делают с его позитивными аспектами.

Фрейд отмечает, кроме того, что позитивный перенос девушки проявился только один раз, в самом начале лечения, а именно в снах, которые «*предвосхищали выздоровление от инверсии вследствие лечения*». В снах Фрейд обнаружил ностальгическое желание пациентки быть любимой мужчиной и иметь детей. Но в состоянии бодрствования девушка сознательно выражала желание выйти замуж только ради того, чтобы вырваться из-под тирании отца и иметь возможность завязать сексуальные отношения одновременно и с мужчиной, и с женщиной. Фрейд счел тогда, что имеет дело с *обманчивыми* сновидениями (p. 264 [255]), так как они содержали некоторую долю соблазнения: желания обмануть отца и понравиться отцу происходили из одного и того же комплекса. Можно заметить, что Фрейд усвоил по отношению к своей пациентке тон, указывающий на позицию, характерную для Сверх-Я, чего постарался бы избежать современный психоаналитик.

- **Гомосексуальность, гетеросексуальность и психическая бисексуальность**

Психоаналитическое изучение этого клинического случая позволяет *a posteriori* объяснить путь, пройденный пациенткой в своем психическом развитии от нормальной эдипальной позиции до гомосексуальности. Но хотя существует возможность вернуться по этому пути в начало и проследить последовательность связей, невозможно проделать тот же путь в обратную сторону и предсказать направление, по которому пойдет развитие: «*Мы никогда не знаем заранее, какие из этих определяющих факторов окажутся*

сильнее или слабее. Лишь после завершения мы сможем сказать, что те, которые возобладали, оказались сильнее. Таким образом, причинность может быть, без сомнения, каждый раз установлена в процессе анализа, в то время как прогноз при попытке синтеза невозможен» (p. 266 [258]). Другими словами, по мнению Фрейда, неправильно было бы, на основании данного исследования, делать вывод, будто каждая девушка, пережившая подобное эдипальное разочарование в пубертатный период, может стать гомосексуальной.

Это работа также показывает нам, что гомосексуальные дружеские и любовные связи, возникающие в подростковый период, – *«это совершенно обычное явление для обоих полов»* (p. 267 [258]). В случае данной девушки гомосексуальные наклонности стали осознанными, в то время как наклонности, соответствующие нормальному эдипову комплексу, остались бессознательными, и это привело Фрейда к мысли, что ее гомосексуальное либидо относилось к более поверхностному течению и что это течение *«видимо, было прямым продолжением инфантильной фиксации на матери»* (p. 267 [259]). Упомянув о роли отношений дочери и матери, он, однако, не говорит об этом больше в данной работе. Наконец, Фрейд отмечает, что у этой девушки сильно выражен «комплекс мужественности», и связывает это с сильной завистью к пенису, которая привела к обесцениванию ее женственности и интенсификации желания стать матерью. Подобный вывод возможен, поскольку основан на существовании постулированной психоанализом психической бисексуальности: *«Все нормальные индивиды демонстрируют, наряду с выраженной гетеросексуальностью, значительное количество латентной или бессознательной гомосексуальности»* (p. 269 [261]).

Эволюция понятий

Эволюция фрейдовых концепций женственности

«Фаллический монизм» Фрейда

В рассмотренных двух текстах, «Ребенка бьют» и «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности», Фрейд еще придерживается своей первой концепции детского развития, согласно которой психосексуальное развитие девочки симметрично развитию мальчика и проходит в рамках простого, или позитивного, эдипова комплекса: мальчик желает взять в жены мать и устранить отца, в то время как девочка желает выйти замуж за отца и устранить мать.

По мнению Фрейда, психосексуальное развитие девочки в основном строится вокруг инфантильной сексуальной теории, общей для обоих полов. Эта теория *«состоит в том, будто* ***всякое человеческое существо, в том числе женского пола, обладает пенисом****, таким, как его представляет маленький мальчик, исходя из знания своего тела»* (1908c, p. 19). С этой точки зрения, когда девочка вступает в фаллическую стадию, которая представляет собой решающий момент, у нее, как и у мальчика, развивается огромный интерес к пенису. Но, увидев этот орган, девочка вскоре понимает, что она его лишена, и это вызывает *комплекс кастрации*, а не страх кастрации,

поскольку девочка не может бояться потерять орган, которого не имеет, как позднее скажет Фрейд (1933a, p. 119 [170]). Этот комплекс провоцирует возникновение у девочки *зависти к пенису:* она чувствует себя ущербной по сравнению с мальчиками, у нее развивается желание быть мальчиком, и из разницы в размерах клитора и пениса она делает вывод, что ее уже кастрировали. Переоценка мужского органа вместе с фантазией, что у матери тоже есть пенис, как у мужчины, мешает, помимо прочего, и девочке, и мальчику обнаружить существование вагины, способствуя тому, чтобы «ее *отвергнуть и забыть*» (1908c, p. 21). Фрейд считает, что дальнейшая судьба девочки зависит от эволюции комплекса кастрации, которая может привести ее к желанию иметь ребенка. В то же время, если ей не удается преодолеть этот комплекс, маленькая девочка «*считает себя серьезно обделенной по сравнению с мужчиной из-за отсутствия большого, хорошо видного пениса, который имеется у мальчика и вызывает ее зависть. Именно поэтому у нее развивается желание стать мужчиной, могущее проявиться позднее в неврозе, возникающем по причине ее отвращения к своей женской роли*» (1916–1917 [p. 327]). Эта концепция развития получила название «фаллического монизма», потому что Фрейд приписывает главную роль в психосексуальном развитии наличию или отсутствию пениса, как у мальчика, так и у девочки, и утверждает, что либидо имеет чисто мужественную природу.

Что касается эдипова комплекса, то это понятие уже присутствовало имплицитно в работах Фрейда до того, как он открыто заговорил о нем в 1910 г. В своих первых работах на эту тему Фрейд считает его симметричным у мальчиков и девочек: в то время как мальчик испытывает нежную привязанность к матери и потребность устранить отца, чтобы занять его место рядом с ней, девочка испытывает нежную привязанность к отцу и стремится устранить мать, чтобы занять ее место рядом с ним.

Кроме того, в этот период Фрейд выстраивает четкую оппозицию между мужественным-активным и женственным-пассивным, в которую позднее внесет некоторые нюансы: «*Могу себе представить, какие трудности представляет для читателя это непривычное, резкое, но необходимое разделение между активным-мужественным и пассивным-женственным*» (1918b, p. 411 [108]). Наконец, описывая *женственную позицию у мужчины* и *женский мазохизм у мужчины* в работе «Ребенка бьют» (1919e), Фрейд, по всей видимости, говорит о том, что является сущностью мазохизма как перверсии, но в отношении специфической природы женственности его высказывания часто неоднозначны. Неоднократно в своих работах он пишет о мазохистской природе женственности, например, когда недвусмысленно оценивает мазохизм «*как выражение сущности женщины*» (1924c, p. 289 [13]).

Роль ранних отношений между дочерью и матерью

Если в первый период Фрейд постулирует строгую симметрию в развитии эдипова комплекса, то начиная с 1920-х годов его позиция в отношении некоторых моментов меняется.

Уже в 1919 г. в работах «Ребенка бьют» и в «Психогенезе одного случая женской гомосексуальности» Фрейд упоминает о вероятности детской фик-

сации дочери на отношениях с матерью, но не развивает эту мысль. Немного позже в примечаниях, добавленных им в 1923 г., спустя почти 20 лет после публикации случая Доры в 1905 г., он признает, что интерпретировал только отцовский перенос, оставив в стороне перенос материнский, т. е. *гомосексуальную любовь* Доры к М-м К... Мастерски извлекая уже во второй раз пользу из своего аналитического поражения, Фрейд начинает понимать всю важность ранней привязанности дочери к матери и заявляет, что гомосексуальная привязанность Доры «*была ее самой сильной бессознательной психической склонностью*». К этому он добавляет: «*До того, как я признал важность гомосексуальных наклонностей у невротиков, я часто терпел поражение в лечении или же впадал в полное замешательство*» (1905e, p. 90, n. 1923).

В том же году в *Я и Оно* (1023b) Фрейд описывает две формы, которые принимает эдипов комплекс: исходя из психической бисексуальности как у мальчиков, так и у девочек существует прямой или позитивный эдипов комплекс, соответствующий гетеросексуальным наклонностям, и обратный или негативный эдипов комплекс, соответствующий гомосексуальным наклонностям.

В 1925 г., Фрейд приходит к выводу, что эдипов комплекс в том виде, как он его описывал до того момента, имел *предысторию* – это доэдипальная любовь мальчика и девочки к своей матери, которая становится первым объектом любви на этапе, предшествующем таким образом эдипальной ситуации. Признание всей важности любовной привязанности к матери на ранней стадии приводит Фрейда к постулированию различий между психосексуальным развитием мальчика и психосексуальным развитием девочки. А именно у мальчика, в отличие от девочки, не возникает необходимости менять объект, когда он вынужден отказаться от своей доэдипальной любви к матери, он избирает женщину, которая становится замещающим мать объектом. Напротив, когда девочка отказывается от своей доэдипальной любви к матери и обращается к отцу, а затем к мужчине, который станет объектом, замещающим отца, она сталкивается с дополнительной задачей: ей приходится сменить объект, что усложняет ее переход от любви к матери к любви к отцу.

Что же заставляет девочку оторваться от матери и повернуться к отцу? Чтобы объяснить это, Фрейд снова прибегает к своей теории фаллического монизма: он возвращается к своей идее о зависти к пенису, которая заставляет девочку избрать отца, но при этом добавляет новый элемент, полагая, что ребенок, которого девочка хочет иметь от отца, замещает пенис. Это замещение пениса ребенком происходит в силу постулируемого им так называемого «*символического уравнивания: пенис = ребенок <...>*» («*<...> längst der vorgezeichneten symbolichen Gleichung Penis = Kind <...>*» (*1925j, GW XIV, p. 27*). Благодаря этому уравниванию «*она (девочка) отказывается от желания иметь пенис, чтобы заменить его на желание иметь ребенка, с этим намерением она выбирает отца в качестве объекта любви*» (1925j, p. 130 [201]). Эти новые взгляды приводят Фрейда к парадоксальному выводу: «*В то время как у мальчика эдипов комплекс рушится под воздействием комплекса кастрации, у девочки он становится возможным и запускается благодаря комплексу кастрации*» (1925j, p. 130 [200]).

В статье «О женской сексуальности» Фрейд (1931b) вновь подчеркивает значение, которое он придает первой связи с матерью, и той роли, которую эта связь играет в переходе от матери к отцу, т. е. в смене объекта, происходящей в ходе развития женщины. Отметим в то же время, что и здесь он еще не устанавливает различия между «прегенитальной матерью» и «генитальной матерью», т. е. матерью, которая составляет пару с «генитальным» отцом. Кроме того, Фрейд до самого конца будет упорствовать в своем убеждении о главной роли, которую играет у женщины зависти к пенису, и о невозможности для девочки – как и для мальчика – раннего возраста знания о существовании вагины и других женских органов (1940a [1938]). Поэтому Фрейд не допускает наличия у женщины специфического страха потери половых органов, страха, который был бы эквивалентен страху кастрации у мужчины, и на месте последнего у женщины возникает страх потери любви, «*который, видимо, является продолжением страха, возникающего у младенца, когда мать отсутствует*» (1933a, p. 119 [170]).

Рассматривая идеи Фрейда относительно развития женской сексуальности, важно не упускать из виду, что первостепенное значение, которое он придает пенису, – это лишь один из ракурсов психосексуального развития как девочки, так и мальчика. Речь идет преимущественно об инфантильной сексуальной теории, которую необходимо превзойти, чтобы достичь взрослой генитальной сексуальности. Впрочем, Фрейд и сам признавал, что в его представлениях о женской сексуальности есть пробелы: «*Если вы хотите больше знать о женской сексуальности, прислушайтесь к собственному жизненному опыту, или обратитесь к поэтам, или же подождите, пока наука сможет дать вам более глубокие и связные сведения*» (1933a, p. 181). Психоаналитикам-постфрейдистам придется дополнить взгляды Фрейда позитивным описанием женской сексуальности.

Спорные и оспариваемые позиции Фрейда

Начиная с 1920-х годов идеи Фрейда о развитии девочки и женской сексуальности оставались предметов споров. Некоторые психоаналитики согласились с ним, например Х. Дойч или М. Бонапарт, которая утверждала, что «*всякий мазохизм женственен по своей природе*» (1057, p. 71). Другие, например К. Хорни, Э. Джонс и М. Кляйн, постарались выявить то, что специфично для развития именно женской идентичности. К. Хорни (1922) первой выразила несогласие с постулируемой Фрейдом завистью к пенису и мазохистской природой женственности, но ее идеи долго замалчивались. Теория постепенно эволюционировала в направлении отхода от теории фаллического монизма в попытке утвердить реальность восприятия женских половых органов и значение такого восприятия для определения женственности. Так, Э. Джонс (1927) попытался описать развитие сексуальности девочки, постулируя существование специфического женского либидо. Он также ввел понятие «*афанизис*» [«*aphanisis*»], обозначающее исчезновение сексуального желания и у девочки, и у мальчика. Введение этого понятия, по мнению Джонса, позволяло дать определение тревоге более глубокой, чем страх кастрации, который, по его мнению, сконцентрирован исключительно на мужском половом органе.

Что касается М. Кляйн (1928, 1932), то она сделала два важных открытия. Первое касается жестоких атак, предпринимаемых в фантазии против тела матери в раннем младенчестве у детей обоих полов, атак, приводящих к страху потерять мать. У девочек это также рождает страх, что мать отомстит, совершив нападение на половые органы дочери. Такой страх девочки лишиться матки, по мнению М. Кляйн, может быть приравнен к страху мальчика лишиться пениса. Второе открытие связано с силой агрессии маленькой девочки по отношению к матери; эта агрессия заставляет девочку обратиться к новому объекту – отцу и занять женственную позицию по отношению к нему. Когда агрессивность девочки сочетается с любовью к матери, ее развитие идет в направлении женской идентификации. По мнению М. Кляйн, именно динамическое движение, которое толкает ребенка к поиску новых объектов, позволяет ему создавать символы и заменять первичные объекты, источники примитивных страхов, символами; это становится ключевым этапом детского развития.

В 1960 и 1970 гг. в связи с активизацией феминистского движения, особенно в США и во Франции, психоанализ стали рассматривать как один из факторов угнетения женщины. Одной из целей движения стал пересмотр концепции отношений матери и дочери. Психоанализу удалось тем не менее отвоевать некоторые утраченные позиции, и, по мнению Розин Перельберг (Perelberg, 2002), переломный момент в борьбе наступил с публикацией в 1972 г. книги Джулиет Митчелл *Психоанализ и феминизм* (Juliet Mitchell. *Psychoanalysis and Feminism*), которая показала всю ценность революционного подхода психоанализа к женскому вопросу. Начиная с этого времени психоаналитические работы о женской сексуальности стали столь многочисленны и представленные в них направления столь различны, что в рамках данной книги невозможно сделать их сколько-нибудь полный обзор. Дане Биркстед-Брин (Birksted-Breen, 1993) удалось выделить две основные тенденции в этом «новом взрыве», одну из которых представляет французское течение, другую североамериканское. Во Франции публикация коллективного труда под редакцией Шассге-Смиржель (Chasseguet-Smirgel, 1964) дала импульс возрождению интереса к противоречивой проблеме исследования женственности в психоанализе. Группа авторов пересмотрела роль зависти к пенису как первичного фактора развития женственности, постулированную Фрейдом, и защитила идею о том, что женская сексуальность имеет собственную специфику с самого начала жизни. Что же до психоаналитиков – последователей Ж. Лакана, они, как их учитель, отчасти остались верны фрейдовой теории фаллического монизма, поэтому позиции французских психоаналитиков по-прежнему различны. В Соединенных Штатах психоаналитические диспуты о женственности вновь возникли в 1966 г. в результате публикации статьи Мэри Джейн Шерфи «Теория женской сексуальности», написанной под влиянием работы Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон о физиологии оргазма (Masters et Johnson, 1966). Взгляды Шерфи, хотя и подверглись критике, вызвали многочисленные дебаты, отзвуком которых стали работы, опубликованные в 1976 г. в сборнике под редакцией Харольда Блума. Каково положение дел на сегодняшний день? По мнению Д. Биркстед-Брин, споры между североамериканскими психоаналитиками

о женственности вовсе не исчерпали вопрос: «Они ничего не разрешили; <эти статьи> привели к еще большему расхождению мнений, даже если на первый взгляд их общей целью было воздать справедливость женщине». По мнению Ж Шассге-Смиржель (1976), раз теории Фрейда о женской сексуальности продолжают вызывать споры, несмотря на накопленный клинический опыт, это, без сомнения, означает, присутствие внутренних препятствий, в особенности связанных с дистрессом раннего детства, которые тормозят принятие накопленных фактов и развитие познания.

Я хотел бы завершить этот обзор взглядов Фрейда на женскую сексуальность цитатой из Роберта Столлера, известного психоаналитическими трудами о половой и гендерной идентичности: «*Если бы Фрейд проанализировал женщину без вагины, я думаю, он убедился бы, что единственная вещь, которую женщина хочет больше пениса, – это вагина*» (Stoller, 1968, p. 72, n. 1, цит. по: Chiland, 2003, p. 22).

Хронология понятий

Эротизация инцестуозных объектов эдипова комплекса – перверзные фантазии – садомазохистские фантазии – инфантильная фиксация на матери – гетеросексуальность – женская гомосексуальность – идентификация – мужская идентификация у девочки – женский мазохизм у мужчины – инфантильный невроз – перверсия – женственная позиция у мужчины – негативный перенос.

III

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

(1920–1939)

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ S. FREUD (1920g)

Взгляды Фрейда: поворот 1920-х годов

В 1920 г. происходит решающий поворот во взглядах Фрейда на функционирование психики. До тех пор он брал за модель «принцип удовольствия–неудовольствия», такой, как наблюдается при неврозе: невротик страдает от своих симптомов, он пытается избегать неудовольствия и настойчиво просит психоаналитика о помощи, чтобы избавиться от него и вновь обрести радость жизни. Но приходится констатировать, что клиническая практика часто противоречит принципу удовольствия: в самом деле, как объяснить, что некоторые пациенты не могут вынести облегчения своих симптомов и переживают рецидив в тот момент, когда должны были бы выздороветь? Почему другие пациенты компульсивно воспроизводят травмирующие ситуации с неизбежно связанными с ними страданиями? Как объяснить мазохизм или садизм, т. е. удовольствие терпеть страдание или причинять страдание? Откуда возникает деструктивность депрессивных пациентов, наркоманов, первертов и психотиков, иногда доходящая до крайности?

В работе *По ту сторону принципа удовольствия* Фрейд предлагает новую гипотезу: психическое функционирование индивида управляется конфликтом более глубоким, нежели принцип удовольствия, – фундаментальным конфликтом между влечением к жизни и влечением к смерти. По его мнению, влечение к смерти происходит из биологической потребности любого организма возвратиться в свое первоначальное, неорганическое состояние; но влечению к смерти, или *деструктивному влечению,* противостоит влечение к жизни – *Эрос,* частью которого является либидо. Конечно, принцип удовольствия сохраняет свое значение, но, чтобы он одержал верх, необходимо, чтобы влечение к жизни могло хотя бы отчасти обуздать влечение к смерти. В 1920 г. Фрейд предлагает эту гипотезу как чисто умозрительную, но впоследствии он стал придавать ей все большее значение и описал вытекающие из нее следствия. Так, в 1923 г. Фрейд показал: когда в этом конфликте преобладает влечение к смерти, то деструктивная составляющая психической жизни берет верх, как при садизме и мазохизме; и, напротив, когда преобладает влечение к жизни, деструктивная составляющая частично нейтрализуется и агрессия используется в интересах жизни и Я.

Когда мы говорим о «повороте 1920-х годов», то имеем в виду не только год, когда Фрейд открыл фундаментальный конфликт между влечением к жизни и деструктивным влечением, но и те новые концепции, которые были сформулированы им в течение следующих лет. Говоря

о новаторских идеях того периода, необходимо подчеркнуть значение, которое Фрейд стал придавать аффектам любви и ненависти, амбивалентности, объектным отношениям, процессам идентификации, а также бессознательному чувству вины, тревоге и переживанию горя. К тому же начиная с 1923 г., когда Фрейд ввел деление психики на *Я, Оно* и *Сверх-Я,* т. е. «вторую топографическую модель», он выдвинул новую теорию влечений, призванную дополнить «первую топографическую модель», т. е. деление на бессознательное, предсознательное и сознание. В то время как фрейдовские нововведения после 1920 г. были частично приняты большей частью психоаналитиков, существование двух групп влечений и сейчас еще остается одним из наиболее спорных вопросов его творчества.

Биографии и история

Тень смерти вокруг Фрейда

16 июня 1920 г. Фрейд представил доклад «По ту сторону принципа удовольствия» на заседании Венского общества, в декабре книга была опубликована. В высшей степени умозрительный характер этого трудного текста, а также выражаемые самим Фрейдом сомнения в верности представленных в нем умозаключений привели к тому, что его гипотезы были встречены с большим недоверием. Так, для тех, кто их оспаривал, велик был соблазн счесть их всего лишь выражением страха смерти самого Фрейда; именно таково было мнение его личного врача Макса Шура (1972).

Среди прочих событий этот период был отмечен лишениями в повседневной жизни и вездесущей смертью, которые были связаны с Первой мировой войной и все еще продолжались. В 1919 г. Фрейд узнал о самоубийстве психоаналитика Виктора Тауска, которое он, по-видимому, воспринял с безразличием (Gay, 1988). Зато Фрейд был очень взволнован, когда Антон фон Фройнд заболел раком, и ежедневно навещал этого венгерского мецената во время болезни. 1920 г. стал также годом смерти его дочери Софи, которая за пять дней была унесена испанским гриппом, будучи беременна третьим ребенком. Среди других мрачных забот этой эпохи надо отметить мысли Фрейда о его собственной смерти. Основываясь на суеверии – повторении цифры 62 в различные периоды его жизни, он некоторое время был убежден, что умрет в 1918 или 1919 г., когда достигнет возраста 62 лет.

Вторая теория влечений: уверенность Фрейда растет

Хотя тень смерти витала вокруг Фрейда в этот послевоенный период, похоже, что именно это подтолкнуло эволюцию его мысли и в конце концов привело его к выдвижению смелых гипотез. Действительно, хотя в 1920 г. Фрейд колеблется, он до конца своей жизни будет настаивать на необходимости принимать в расчет конфликт между влечением к жизни и влечением к смерти. Но всем тем, кто желал видеть причину введения им понятия влечения к смерти в его озабоченности смертью и трагических событиях того

времени, особенно в смерти Софи, Фрейд решительно возражал. Как психоаналитик, Фрейд признавал правомерность такой интерпретации, но отклонял ее в своем частном случае. Например, чтобы опровергнуть подобные утверждения, он попросил Макса Эйтингона подтвердить, что его труд был уже наполовину закончен в 1919 г., за год до смерти Софи.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1920g). Au-delà du principe de plaisur // Essais de psychanalyse, trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis. Paris: Payot, 1981, p. 41–115 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XV, 273–338].

• Принцип удовольствия и его границы

Фрейд вспоминает причины, заставившие его обратиться к понятию принципа удовольствия, которое он разработал, в частности, в *Метапсихологии* (1915). К примеру, когда мы наблюдаем такие процессы, как голод или сексуальное желание, мы можем констатировать, что в психике возникает непрерывный ряд напряжений, за которыми следует разрядка, и что рост напряжения сопровождается неудовольствием, а разрядка – удовольствием. Следовательно, мы вправе описывать психические процессы в терминах изменения количества энергии и можем предположить, что внутри психики существует принцип, регулирующий изменения напряжения, – принцип, который он назвал *принципом удовольствия.* Конечная цель этого принципа – *«избегание неудовольствия и получение удовольствия»* (p. 43 [272]). Что касается стремления к гомеостазу, которое царит в психических процессах, то оно происходит из другого принципа, *принципа постоянства,* целью которого является сохранение возбуждения на как можно более низком уровне (p. 45 [279]).

Но подвластна ли вся совокупность психических процессов принципу удовольствия? Нет, отвечает Фрейд. Он отмечает, что, если бы это было так, большая часть психических процессов должна была бы вести к удовольствию, но опыт показывает нам другое: *«Мы должны признать, – заключает он, – в психике существует сильное стремление к принципу удовольствия, но некоторые другие силы или условия этому противятся, так что конечный результат не может всегда соответствовать стремлению к удовольствию»* (p. 46 [279]). Какие же силы противятся удовлетворению влечений? По его мнению, их две. В первую очередь, это *принцип реальности,* который позволяет отложить удовлетворение и временно терпеть неудовольствие *«на длинном окольном пути, который ведет к удовольствию»* (p. 46 [279]). На втором месте стоит Я, которое также может противостоять удовольствию, поскольку может получать неудовольствие в ходе развития внутренних влечений, некоторые из них оказываются несовместимы с Я; например, невротическое неудовольствие, т. е. *«удовольствие, которое невозможно испытывать как таковое»* (p. 47 [280]). Но как в первом, так и во втором случае неудо-

вольствие вызвано *восприятием* мучительных внутренних или внешних влечений, пробуждающих чувство *опасности*. Следовательно, когда психический аппарат адекватно реагирует на восприятие внутренней или внешней опасности, можно считать, что он подчиняется одновременно принципу удовольствия и принципу реальности. Но бывают ситуации, при которых принцип удовольствия перегружен: это так называемые травматические ситуации, которые он рассматривает в следующей главе.

- **Травматический невроз и детская игра: два источника повторения**

Затем Фрейд описывает две ситуации, в которых повторение используется, чтобы управлять болезненным опытом. Первая – это *травматический невроз*. Он следует за потрясением, способным подвергнуть жизнь опасности, и проявляется в тревоге, в разнообразных симптомах и в повторяющихся снах. Действительно, сны таких пациентов имеют свойство многократно воспроизводить травматическую ситуацию, что противоречит классической теории, согласно которой сон – это исполнение желания: «*При этом аффекте функция сна <…> нарушена и отклоняется от своих целей*» (p. 51 [283]).

Вторая ситуация, в которой мы можем наблюдать феномен повторения, – это ситуация детской игры. Фрейд использовал наблюдения за своим полуторагодовалым внуком, который не протестовал, когда мать отсутствовала. Глядя на ребенка, который без устали далеко отбрасывал, а потом снова подтягивал к себе деревянную катушку, привязанную на бечевку, Фрейд подумал, что смысл этой игры в том, чтобы мысленно устранять и снова приближать мать, и что эта игра заменяла протесты: «*Он сам себя успокаивал, режиссируя, так сказать, „исчезновение – возвращение“ предметов, которыми мог распорядиться*» (p. 53 [285]). Фрейд понял, что такие повторения влекли за собой ряд последствий: с одной стороны, они позволяли ребенку превратить невыносимое пассивное переживание в активное действие; с другой стороны, отбрасывая предмет далеко от себя, ребенок мог удовлетворить подавленное влечение, т. е. отомстить матери, которая его покинула. Делая из этого наблюдения общий вывод, Фрейд утверждает, что функцией детской игры можно считать возможность постоянного воспроизведения опыта, который взволновал ребенка, чтобы справиться с эмоциональной ситуацией. С этой точки зрения, пример игры с катушкой показывает, что повторение может приводить к проработке, все так же подчиняясь принципу удовольствия: «*Даже под властью принципа удовольствия остаются не один путь и не одно средство к тому, чтобы нечто само по себе неприятное стало объектом воспоминания и психической проработки*» (p. 55 [288]).

- **Компульсивное повторение и перенос**

Фрейд исследует судьбу того, что повторяется в психоанализе в переносе. Он показывает, что перенос заключается в воспроизведении вытесненных фрагментов детского прошлого и то, что *повторяется* таким образом, должно

быть проработано в соответствии с его рекомендациями в «Воспоминании, повторении и проработке» (1914g). В то же время случается, что у некоторых пациентов процесс проработки терпит крах, так что простое повторение становится *компульсивным повторением* – это гораздо более тяжелый случай, способный поставить под угрозу успех терапии. Фрейд не считает, что сопротивления, образующие компульсивное повторение, происходят из конфликта между бессознательным и сознанием, когда бессознательное стремится прийти к разрядке в сознании – такое объяснение можно было бы дать, опираясь на классическую модель невроза в рамках первой топографической модели. Скорее, компульсивное повторение следует из конфликта *между «Я в его стремлении к целостности и вытесненным»* (p. 59 [290]), который предполагает, как считает Фрейд, проявление вытесненного бессознательного.

Какая же связь существует в таком случае между компульсивным повторением и принципом удовольствия? Наблюдая этот тип связи, мы констатируем, что прошлый опыт, возвращаясь в виде компульсивного повторения, не допускает никакой возможности удовольствия ни в психоанализе, ни в повседневной жизни. В ходе психоаналитического лечения пациенты, подверженные компульсивному повторению, непреклонно воспроизводят эти ситуации неудовольствия в переносе и «*очень ловко воспроизводят все нежеланные обстоятельства и все болезненные ситуации аффекта. Они стремятся прервать лечение до его завершения, они умеют снова внушить себе впечатление, что ими пренебрегают, вынудить врача говорить с ними жестко и обращаться с ними холодно...*» (p. 61 [291]). Аналогичным образом в жизни некоторых людей встречаются феномены компульсивного повторения, идентичные тем, которые проявляются в переносе у невротиков, так что эти люди создают у нас «*впечатление, что их преследует рок, что их существование принимает демоническое направление*» (p. 61 [292]). На первый взгляд кажется, что человек пассивно переживает это *вечное возвращение того же,* но анализ показывает, что фактически речь идет об активном, хотя и неосознанном, поведении заинтересованного лица.

В завершение Фрейд отмечает: как феномен переноса, так и человеческая судьба показывают нам, «*что в психической жизни действительно существует компульсивное повторение, которое стоит выше принципа удовольствия*» (p. 63 [292]). С этим явлением можно связать и повторяющиеся сны при травматическом неврозе, и влечение ребенка к игре. Фрейд уточняет, что в проявлениях, сопровождающих эти феномены, принцип удовольствия и компульсивное повторение сосуществуют бок о бок; но участие принципа удовольствия проще заметить, чем компульсивное повторение, поскольку воздействие последнего редко можно заметить в чистом виде. Тем не менее действия принципа удовольствия недостаточно, чтобы объяснить эти феномены, так как при ближайшем рассмотрении «*существует остаток, которого достаточно, чтобы подтвердить гипотезу о компульсивном повторении, которое нам кажется более первичным, более элементарным, более импульсивным, чем принцип удовольствия, над которым он берет верх*» (p. 63–64 [294]).

- **Роль защиты от возбуждения: контроль над травматическим воздействием**

Затем Фрейд описывает функцию «защиты от возбуждения»: она состоит в том, чтобы предохранять психику от чрезмерного возбуждения внутреннего и внешнего происхождения, с тем чтобы избежать опасности травматического воздействия.

Функция защиты от возбуждения состоит, таким образом, в том, чтобы защищать психику от разрушительной внешней и внутренней энергии и обеспечивать трансформацию этой энергии. Органы чувств воспринимают внешнее возбуждение и избирательно пропускают его внутрь, дробя на мелкие порции; чувствительная кора мозга участвует в образовании системы сознания. Но эта система получает еще и возбуждения внутреннего происхождения, против которых нет защиты, аналогичной той, которая действует против внешнего возбуждения. Таким образом, внутренние возбуждения не приглушаются, поэтому они поступают непосредственно в эту систему и порождают целую гамму ощущений удовольствия–неудовольствия. К тому же внутренние возбуждения в целях защиты воспринимаются так, как если бы они происходили извне – это действие механизма проекции.

Эти предварительные размышления необходимы, чтобы понять, что возбуждение, оказывающее *травматическое* действие, – это возбуждение, которое взламывает систему защит и нарушает работу всего организма. Поэтому здесь принцип удовольствия не принимается в расчет и ставится уже другая задача: *«Когда невозможно защитить психический аппарат от больших потоков возбуждения, появляется другая задача: овладеть возбуждением, психически связать возбуждение, чтобы затем его ликвидировать»* (p. 72 [301]). Перед таким «взломом» вся психическая энергия мобилизуется, организуя *декатексис* аналогично тому, что происходит при испытании физической боли: излишек энергии превращается в *«неподвижный (или латентный) катексис»*, способный овладеть этим возбуждением, *«то есть „связать" его психически»* (p. 72 [301]).

Травматический невроз, таким образом, представляет собой следствие обширного взлома защиты против возбуждения, и причина травмы заключается не в механической силе шока, а *«в чувстве страха и в ощущении угрозы жизни»* (p. 74 [302]). Это приводит Фрейда к выдвижению новой концепции тревоги, которую он широко разовьет впоследствии. Начиная с 1920 г. Фрейд доказывает, что в случае травмы *подготовка тревогой* дает сбой, и считает, что исход травмы зависит от состояния готовности системы, того, насколько последняя подготовлена проявлением тревоги. Он предвещает здесь различие между *автоматической тревогой* и *тревогой-сигналом*, которое введет впоследствии в работе *Торможение, симптом и тревога* (1926d).

Что касается компульсивного повторения и его связи с принципом удовольствия, повторяющиеся травматические сновидения стремятся задним числом справиться с возбуждением; эта функция первична по сравнению с поиском удовольствия или стремлением избежать неудовольствия. Иначе говоря, эти сны представляют собой исключение из классической теории, согласно которой сон – это осуществление желания, поскольку, когда трав-

матические сновидения возвращают воспоминание о детской психической травме, они повинуются скорее компульсивному повторению, нежели принципу удовольствия, даже если мы предположим, что они осуществляют желание вспомнить забытое, вытесненное: «*Если есть что-то „по ту сторону принципа удовольствия", логично допустить, что было нечто и до того, как стремлением сна стало осуществление желания*» (p. 75 [304]).

- **«Цель всей жизни – это смерть»**

Защита, предохраняющая психику от возбуждения, происходящего извне, не защищает ее от возбуждения внутреннего происхождения; именно поэтому внешнее и внутреннее возбуждение имеют аналогичные последствия: «[*внутреннее возбуждение*] *часто вызывает экономические расстройства, сравнимые с травматическими неврозами*» (p. 77, [305]). Каковы источники внутреннего возбуждения? Речь идет о „*импульсах*" (*влечениях*), *возникающий внутри тела;* если их оказывается невозможно связать психически, они производят повреждения, сравнимые с теми, что вызывает в психическом аппарате внешнее возбуждение при травматическом неврозе. Здесь так же, как при внешнем возбуждении, первая задача психического аппарата состоит в том, чтобы нейтрализовать внутреннее возбуждение и связать его; эта задача проявляется в компульсивном повторении, и лишь после этого может вступить в действие принцип удовольствия. Но случается, что в процессе психоаналитической работы компульсивное повторение, противостоящее принципу удовольствия, принимает буквально *демонический* характер; вследствие этого вытесненный детский опыт, повторяющийся в переносе, не удается психически *связать* с принципом удовольствия, что делает его *«недоступным для вторичного процесса»* и для возможности его проработать (p. 79 [307]).

Отмечая, что под влиянием компульсивного повторения влечения могут привести индивида к терапевтическому провалу, Фрейд выдвигает общую гипотезу истинной природы влечений. Их целью, согласно ей, является восстановление первоначального состояния, т. е. неорганического состояния, предшествовавшего жизни: «***Влечение является, вероятно, свойственной живому организму тягой к восстановлению того предшествующего состояния,*** *которое живое существо вынуждено было оставить под влиянием возмущающего внешнего воздействия; вероятно, оно представляет собой нечто вроде органической гибкости или, если угодно, выражение инертности, свойственной органической жизни*» (p. 80 [308]).

По мнению Фрейда, органические влечения имеют консервативный характер и стремятся восстановить предшествующее состояние, таким образом развитие и прогресс организма вследствие влияния извне лишь отклоняют влечения от их конечной цели. Иначе говоря, для Фрейда эта «древняя цель» есть не что иное, как возвращение к исходной точке: «[*эта цель*] *есть прежнее состояние, первоначальное состояние, которое живое существо некогда оставило и к которому оно стремится возвратиться теми извилистыми путями, которые диктует его развитие*» (p. 82 [310]). Следо-

вательно, заключает Фрейд: *«если мы должны признать как эмпирический факт, не допускающий исключений, что любое живое существо умирает, возвращается в неорганическое состояние по внутренним причинам, нам остается только сказать:* ***цель всякой жизни – смерть, и, обратившись к истокам, неживое существовало до живого»*** (p. 82 [310]). Таким образом, мы снова возвращаемся к мысли, что *«то, что сегодня суть проявление жизни, является ведущим к смерти извилистыми путями, которых верно придерживаются консервативные влечения»* (p. 83 [310]).

Зародышевые клетки, по видимости, ускользают от этого процесса и противятся движению живой материи к смерти, но их бессмертие иллюзорно и *«означает, возможно, только задержку на пути к смерти»* (p. 85 [312]). Согласно Фрейду, влечения, охраняющие зародышевые клетки, принадлежат к группе сексуальных инстинктов и составляют *влечения к жизни.* Они *«противятся цели, которую преследуют другие влечения, ведущие своей деятельностью к смерти; следствием этого становится противостояние между инстинктами, противостояние, важность которого очень рано признала теория неврозов»* (p. 85 [312]). Это противостояние между группами влечений создает в течение всего существования *«нечто вроде возвратного ритмического колебания в жизни организма»* (p. 85 [312]).

Затем Фрейд задается вопросом о возможном существовании *«влечения к совершенствованию»,* постулированного некоторыми учеными, чего-то вроде неутомимого стремления к прогрессу, но отклоняет эту гипотезу, которую считает иллюзорной, так как на пути к полному удовлетворению всегда встает сопротивление. Напротив, эта роль принадлежит усилиям Эроса *«объединять органическую материю во все более крупные единства»,* таким образом, место этого *«влечения к совершенствованию»* занимает влечение к жизни (p. 88 [315]).

- **Есть ли эквивалент у дуализма влечения к жизни/влечения к смерти?**

Продолжая свои размышления, Фрейд ищет в биологической науке своего времени возможное подтверждение или опровержение своей гипотезе, согласно которой *«все живое неизбежно умирает по внутренним причинам»* (p. 90 [316]). Он не находит в биологии аргументов, которые противоречили бы его дуалистической концепции жизни влечений, однако обнаруживает несколько научных работ, постулирующих существование в живых организмах двух противоположных процессов, из которых *«один создает, ассимилирует, а другой уничтожает, диссимилирует»* (p. 97 [323]). Он напоминает также, что философ Шопенгауэр уже выдвигал идею о том, что смерть *«есть действительный результат и, таким образом, цель жизни»* (p. 97 [323]), в то время как сексуальное влечение – это воплощение желания жить.

Фрейд совершает следующий шаг, задаваясь вопросом: можно ли сопоставить клеточные явления и теорию либидо и предположить, что в каждой клетке влечения к жизни, или активные влечения, вероятно, нейтрализу-

ют влечение к смерти, в то время как другие клетки жертвуют собой ради поддержания жизни. Чтобы ответить на этот вопрос, Фрейд возвращается к своей теории влечений и кратко излагает основные ее этапы (p. 110–111, n. 16 [332]). Он показывает, что его дуалистическая концепция берет за точку отправления оппозицию влечений Я и сексуальных влечений и делает из этого вывод о противостоянии влечения к жизни и влечения к смерти. Можем ли мы пойти еще дальше, задается он вопросом, и установить параллель между оппозицией влечения к жизни/влечения к смерти и оппозицией любовь (привязанность)/ненависть (агрессия)? Он упоминает также о роли садизма и мазохизма, о роли сексуальных влечений и влечений самосохранения и приходит к мысли, что мазохизм – это агрессивное и разрушительное влечение, оборачивающееся против собственного Я – может регрессировать на более раннюю стадию, что предполагает, вероятно, существование *первичного мазохизма*. Если, в соответствии с принципом удовольствия, психическая жизнь стремится к снижению напряжения и подчиняется принципу постоянства, близкому к «*принципу нирваны*», тогда, заключает Фрейд, «*мы находим в этом одну из наиболее важных причин верить в существование влечений к смерти*» (p. 104 [330]). Постепенно он утверждается в мысли, что влечение к смерти невозможно отделить от влечения к жизни. Однако он заканчивает эту главу признанием, что у него нет твердого убеждения в правильности тех дерзких гипотез, которые он выдвигает, и объявляет о своей надежде, что в будущем биология найдет ответы на эти вопросы. Но в дальнейшем он укрепится в своем убеждении.

- **Парадокс: принцип удовольствия на службе у влечения к смерти**

В последней главе Фрейд пытается «*разрешить проблему соотношения между инстинктивными процессами повторения и господством принципа удовольствия*» (p. 112 [336]). Он повторяет здесь, что одна из самых ранних и самых важных функций психического аппарата – *связывание* появляющихся влечений с тем, чтобы заменить первичный процесс вторичным и превратить энергию свободного подвижного катексиса в катексис, находящийся по большей части в состоянии покоя. В ходе этих превращений связывание является, следовательно, подготовительным актом, который включает и упрочивает господство принципа удовольствия. Хотя стремление к удовольствию интенсивнее в начале психической жизни, принцип удовольствия все же относится не только к первичным процессам, он присутствует также и во вторичных процессах. В завершение Фрейд показывает, что жизнь состоит из непрерывной череды напряжений, нарушающих покой, «*устранение которых ощущается как удовольствие*», в то время как влечение к смерти действует сокровенно: «<…> *влечения к жизни тем более имеют дело с нашим внутренним восприятием, что предстают перед нами как нарушители покоя и непрерывно создают напряжение, устранение которого воспринимается как удовольствие; влечения к смерти, напротив, выполняют свою работу незаметно*» (p. 114 [337]).

Эволюция понятий

Дополнения к вопросу о конфликте между влечением к жизни и влечением к смерти, внесенные Фрейдом после 1920 г.

Постулировав в 1920 г. существование фундаментального конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, Фрейд дополнил свои взгляды в последующие годы. В 1923 г., вводя в *Я и Оно* различие между Я, Сверх-Я и Оно, он полагает, что Сверх-Я меланхолика (депрессивного пациента) сосредоточило в себе весь садизм индивида и его деструктивную составляющую: «*То, что царит в Сверх-Я [меланхолика], – это, так сказать, чистая культура влечения к смерти*» (1923b, p. 268). Чтобы объяснять это злокачественно саморазрушение, особенно когда оно приводит к самоубийству, Фрейд выдвинул идею о том, что у эротической составляющей влечения к жизни больше нет сил *связывать* разрушительность во всей ее полноте, так что последняя становится *свободным* стремлением к агрессии и разрушению. Введение теоретического понятия *связывание* (или «слияние») и *разрыв связи* (или «расторжение») влечения к жизни и влечения к смерти позволяет точнее описать явления, которые можно наблюдать в клинической практике.

В 1924 г. в «Экономической проблеме мазохизма» Фрейд признает, что в 1920 г. в своей работе *По ту сторону принципа удовольствия* он смешал принцип Нирваны и принцип удовольствия, допустив ошибочное предположение, что принцип удовольствия состоит на службе влечения к смерти. Возвращаясь к этому вопросу, он отныне четко различает эти два принципа и считает, что принцип Нирваны выражает тенденцию влечения к смерти – «могильный покой», в то время как принцип удовольствия есть требование либидо. Кроме того, он добавляет фундаментальную идею, согласно которой влечение к смерти под влиянием либидо отклоняется вовне с помощью мышечного аппарата: «*Задача либидо – обезвредить это разрушительное влечение, и оно ее выполняет, отводя большую часть этого влечения вовне, направляя его на объекты внешнего мира. Это влечение к разрушению, влечение к господству, желание власти*» (1924e, p. 291). По мнению Фрейда, основная часть влечения к смерти обращается вовне в форме садизма, проецируемого на объекты, но внутри сохраняется его остаток, направленный на собственное Я, остаток, который образует *первичный эрогенный мазохизм*. Наконец, случается, что садизм, направленный вовне при помощи проекции, может снова быть интроецирован, регрессируя таким образом и превращаясь во *вторичный мазохизм* (p. 292).

В 1937 г. в работе «Анализ конечный и бесконечный» Фрейд повторно высказывает убеждение, которое, как ему было известно, мало кто разделял даже среди его учеников: «*Я точно знаю, что дуалистическая теория, которая утверждает значение влечения к смерти, к разрушению или к агрессии как совершенно равноправного партнера наряду с Эросом, проявляющимся в либидо, в целом не получила отклика и признания даже среди психоаналитиков*» (1937e, p. 260).

Постфрейдисты

Почему у психоаналитиков вызывает такое большое сопротивление понятие влечения к смерти?

С момента своего появления в 1920 г. понятие влечения к смерти подвергалось критике большей части психоаналитиков, даже среди самых близких учеников Фрейда, таких как Джонс, и очень немногие согласились с Фрейдом в этом вопросе. Среди множества возможных причин подобного отношения я могу выделить две главные. С одной стороны, я считаю, что в основе определенного числа возражений, представляемых как теоретические, лежит, по-видимому, неприятие роли, которую играют агрессивные и деструктивные влечения в психической жизни, – эта позиция часто базируется на разных бессознательных защитах. По моим наблюдениям, понятие влечения к смерти часто смешивают с мыслью о смерти, и конфликт между влечением к жизни и влечением к смерти путают поэтому с конфликтом между жизнью и смертью, тогда как речь идет о конфликте между двумя типами *влечений,* свойственном любому живому индивиду.

С другой стороны, трудность иного рода происходит из того, что Фрейд изложил свои взгляды, прежде всего, теоретически и мало говорил об их клиническом применении. Например, он заявляет, что влечение к смерти работает скрытым образом, но не проиллюстрировал это примерами и не показал, как он это интерпретирует. Зато он неоднократно пытался говоря о *Я и Оно,* заместить оппозицией влечения к жизни – влечения к смерти оппозицию любовь–ненависть, – безуспешно, как мы увидим ниже (1923b).

Двойственность влечений в кляйнианской технике

Мелани Кляйн была в числе первых психоаналитиков, которые приняли понятие влечения к смерти и применили его в клинической работе. С ее точки зрения, Я существует с момента рождения и с самого начала оказывается подвержено тревоге, порождаемой изначальной полярностью влечений. В целях защиты Я меняет направленность влечения к смерти, частично проецируя его на внешний объект, как показал Фрейд, частично же трансформируя в агрессию: *«Вместо того чтобы умирать, – убивать»* (Segal, 1979, p. 16). Но Кляйн идет дальше, так как считает, что этот защитный процесс вызывает разделяющее Я расщепление, сопровождаемое проекцией, которая разделяет первичный объект, таким образом грудь воспринимается одновременно как преследующая и как идеальная. С одной стороны, влечение к смерти проецируется на грудь, воспринимаемую как преследующая и как угроза Я; с другой стороны, одновременно с этим проекция либидо приводит к созданию идеализированной груди – объекта, который воспринимается как защитник жизни. Когда присутствует чрезмерная идеализация объекта любви, целью расщепления становится удержать его на расстоянии от объекта-преследователя. Преобладающая в этой фазе развития тревога происходит из страха, что преследующие объекты проникнут в Я и уничтожат идеальный объект и *самое Я,* – эту фазу Кляйн назвала параноидно-шизоидной позицией.

По мнению Кляйн, в то же время с самого начала существует тенденция, в которой интеграция Я и интеграция объекта неразрывно связаны. Когда условия развития благоприятны, индивид ощущает, что его идеальный объект и либидинальные влечения постепенно становятся сильнее, чем преследующий объект и агрессивные, а также деструктивные влечения. Таким образом, он чувствует, что обретает все возрастающую способность защищаться и защищать свой идеальный объект и что внутри него возрастает толерантность к внутренней работе влечения к смерти и, следовательно, уменьшаются его параноидные страхи. Расщепление и проекция уменьшаются, постепенно уступая место движению в сторону интеграции Я и объекта, т. е. к выработке депрессивной позиции.

В психике, полагает Кляйн, существует постоянное колебание между этими двумя полюсами: с одной стороны, внутренняя ситуация, на которую воздействует отсутствие интеграции и расщепление между идеализированным объектом и преследующим объектом, при которой ненависть сильнее, чем любовь; с другой стороны, ситуация, которую характеризует тенденция к интеграции, при которой любовь сильнее, чем ненависть.

С технической точки зрения, подход Кляйн и кляйнианских психоаналитиков основан на способе, каким индивид противостоит своим ранним детским тревогам и прорабатывает их. Не входя в детали, я сказал бы, что работа психоаналитика на сессии состоит в том, чтобы отслеживать сдвоенное либидинальное и агрессивное течение в непрерывном потоке трансферентных проекций и интроекций между пациентом и аналитиком. Когда психоаналитик в своем контрпереносе соглашается репрезентировать как идеализированный и обожаемый, так и опасный и ненавистный объект и интерпретирует это расщепление, он дает пациенту возможность различить либидинальное течение и агрессивное течение, что позволяет их связать, тем самым способствуя лучшей их интеграции.

Влечение к смерти сегодня: большое разнообразие точек зрения

Каково же положение дел в этом вопросе сегодня? В противоположность большей части фундаментальных гипотез Фрейда гипотеза, касающаяся двойственности влечений, является предметом большого разнообразия мнений среди психоаналитиков, за исключением аналитиков, принадлежащих к кляйнианскому течению, которые приняли ее с самого начала. Что касается прочих психоаналитиков, их позиции расходятся так сильно, что можно обнаружить почти столько же мнений по этому вопросу, сколько существует специалистов.

В 1984 г. Европейская психоаналитическая федерация посвятила этому спорному вопросу свой первый научный симпозиум, озаглавленный *Влечение к смерти* (1986). По мнению Ж. Лапланша, влечение к смерти – это влечение как таковое, в своем собственном праве, и он приводит различные аргументы, чтобы доказать его принадлежность к сфере сексуальных влечений. По мнению Х. Сигал, с самого начала жизни существует два типа реакций на переживание неудовлетворяемой потребности: первая – жаж-

да жизни, которая ведет к поиску объекта; другая – тенденция подавить и уничтожить Я, которое воспринимает и испытывает нужду, а также все то, что оно воспринимает. А. Грин развивал идею о том, что целью влечения к смерти является выполнение *дезобъективирующей* функции, и, по его мнению, проявлением, присущим деструктивности влечения к смерти, является *декатексис*. Хотя эти споры выявили определенное количество и совпадений точек зрения, и разногласий, как подчеркнул Д. Видлоше, многие согласились в том, что дуализм влечений – явление психическое и что нет нужды прибегать к биологическим аргументам, использованным Фрейдом, – что, однако, не значит, будто психоаналитики полностью отрицают биологические или соматические основы такого дуализма.

Апоптоз: биологическая модель регулирования

Фрейд тщетно искал в работах ученых своего времени данные о существовании на биологическом уровне эквивалентов двойственности влечений, которую он постулировал на психическом уровне – лишь несколько исследователей отважились на спекуляции в этой области. Только в начале 1970-х годов был обнаружен механизм апоптоза: речь идет об особом виде смерти клетки, чья функция состоит в том, чтобы разрушать клетки в ходе развития, органогенеза и роста тканей, но которая может быть вызвана и патологическими стимулами. Апоптозом завершается цепочка событий на молекулярном уровне, и его регулирование обеспечивается положительными и отрицательными сигналами гормонов, факторов роста или цитотоксинов: эти сигналы могут затормозить разрушение клеток или, напротив, запустить апоптоз (Robbins et al., 1974).

Можно ли провести параллель между апоптозом и конфликтом влечения к жизни и влечения к смерти? Нельзя, разумеется, прямо перенести модель биологического регулирования апоптоза на модель психического регулирования, выдвинутую Фрейдом. Напротив, я полагаю, что можно прибегнуть к понятию аналогичной модели функционирования, а также к психическому понятию анаклизиса, при этом психическое функционирование покоится на биологическом (Quinodoz, 1997a). С этой точки зрения, обе системы функционируют не изолированно, психика и биологическая составляющая оказывают друг на друга взаимное влияние. Например, мы наблюдаем это в случае потери объекта, которая влечет за собой реакцию патологической скорби, на соматическом уровне выражающуюся как болезнь или приводящую к несчастному случаю: не можем ли мы предположить, что господство влечения к смерти над влечением к жизни на уровне психического конфликта отражается на биологическом уровне нарушением регуляции апоптоза?

Хронология понятий

Компульсивное повторение – основанная на повторении детская игра (катушка) – первичный мазохизм – травматический невроз – принцип нирваны – влечение к жизни – влечение к смерти – повторение – повторяющиеся сны – перенос – травма.

ПСИХОЛОГИЯ МАСС И АНАЛИЗ Я
S. FREUD (1921c)

Любовь, идентификация и идеал Я

Можно ли при помощи психоанализа применить к психологии толпы знания, обретенные на уровне индивидуальной психологии? И наоборот, дает ли нам психоаналитическое исследование феномена толпы какую-либо информацию о психическом функционировании индивида? Фрейд не был удовлетворен аргументами предшественников, апеллировавших к внушению и гипнозу, чтобы объяснять возникновение или распад сплоченности группы или завораживающее действие вождя на членов группы. Он пошел в своем исследовании дальше и, применяя свою теорию либидо, показал, что только аффективная связь – любовь – способна преодолеть одновременно индивидуальный нарциссизм и ненависть, которые разделяют людей. Именно могущество этой либидинальной связи привязывает индивидов к вождю – любовь к Христу в Церкви, любовь к командиру в армии – и в несколько меньшей степени любовь связывает индивидов в группе между собой. Но эта либидинальная связь не является развитой сексуальной любовью, речь идет о примитивной форме любви, заторможенной по отношению к ее сексуальным целям, называемой идентификацией: «*Идентификация – наиболее ранняя и элементарная форма аффективной связи с объектом*», – заявляет Фрейд. Следовательно, именно идентификация индивида с вождем и идентификация индивидов между собой создают сплоченность толпы, а потеря этой аффективной связи становится причиной ее распада, который мы видим, например, при панике. Но связь с вождем – это связь, основанная еще и на идеализации, когда индивидуальность члена группы, привлеченного образовавшимся идеалом, имеет тенденцию стираться до такой степени, что «идеал Я», который репрезентирует вождь толпы, берет верх над Я каждого индивида.

Можно ли перенести в микрокосмос индивидуального психического пространства те взаимодействия, которые мы наблюдаем в макрокосмосе взаимодействий между членами группы и ее вождем? Именно к этому стремится Фрейд, который рассматривает понятие идентификации в разных его аспектах и делает набросок новой концепции интрапсихических отношений, которые воспроизводятся «*на этой новой сцене внутри Я*» (p. 200 [69]). Гипотеза, согласно которой идеал Я может занять место Я, позволяет ему подробно описать не только превратности состояния влюбленности, но и процессы идентификации, как в их нормальной форме, так и в патологической: так, если взять для примера мальчика, идентификация с отцом при положительном

эдиповом комплексе приводит его к тому, чтобы стать и *быть* как отец. Напротив, идентификация мальчика с матерью приводит к инверсии эдипова комплекса. Впрочем, Фрейд все сильнее убеждается в том, что существует напряжение между идеалом Я и Я, и что в нормальной психической организации идеал Я репрезентирует родительские требования к индивиду, в то время как в патологии это напряжение может обостриться и довести индивида, например, до чередования меланхолии и мании. Наконец, развивая идеи, сформулированных в *Тотеме и табу* (1912–1913a), Фрейд утверждает, что отношения между толпой и ее вождем возрождают отношения между сыновьями и отцом первобытного племени и что после убийства отца последний был замещен героем, которого воспевает эпическая поэзия.

Биографии и история

К лучшему пониманию социальных и групповых конфликтов

После изучения мазохизма и влечения к смерти Фрейд попытался понять, как функционируют группы, и снова погрузился в чтение работ по социологии, которыми увлекался в молодости. Он пишет Ромену Роллану о цели своего труда: «Не то, чтобы я считал эту работу особенно удачной, но она указывает путь от анализа индивида к пониманию общества» (Фрейд Роллану, письмо от 4 марта 1923, цит. по: Vermorel, 1993, p. 219). В частности, он пытается понять в свете психоанализа, что определяет феномены социальной сплоченности: если индивиды внутри группы выигрывают в сплоченности и в безопасности, почему они в то же время теряют свободу мысли и способность суждения? Почему толпа более нетерпима, иррациональна и безнравственна, чем индивиды, которые ее составляют? Почему запреты рушатся, развязывая смертельную ненависть?

Можно назвать две главные причины, вынудившие Фрейда взяться за исследование толпы. Во-первых, Первая мировая война была еще свежа в памяти, и многие его работы этого периода отражают желание лучше понять деструктивную составляющую человека. Во-вторых, в 1920-е годы психоанализ подвергался многочисленным нападкам, жестокие конфликты разгорались в лоне самого психоаналитического движения. Так, поскольку труды Фрейда были написаны на немецком языке, он страдал от антигерманских настроений, особенно сильных в Англии, как свидетельствует Джонс: «[психоанализ] дискредитирован как типичный продукт германского разложения и общего зверства». Однако Джонс делал все возможное, чтобы обеспечить перевод произведений Фрейда на английский язык. В 1920 г. он основал Международный журнал психоанализа, чтобы обеспечить распространение идей психоанализа в англоязычном мире. С другой стороны, это был период непримиримой вражды между Джонсом и Отто Ранком, причем Фрейд поддерживал то одного, то другого, в зависимости от аргументов, которые они ему приводили. Эти конфликты очень рано показали, что психоаналитики чувствуют на себе закономерности функционирования групп, как и простые смертные, и весьма вероятно, что еще и по этой

причине Фрейд оказался заинтересован в лучшем понимании действующих здесь феноменов. Например, можно было задаться вопросом, не достигло ли психоаналитическое движение в своей эволюции стадии организованной группы, глава которой – Фрейд – создал идеал, совпадающий слишком близко с идеалом Я его учеников.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1921c). Psychologie des foules et analyse du moi // Essais de psychanalyse, trad. P. Cotet, A. Bourguignon, J. Altounian, O. Bourguignon, A. Rauzy. Paris: Payot, 1981, p. 117–217 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVI, 1–83].

• Характеристики массовой психологии

В предисловии Фрейд заявляет, что психоанализ сосредоточил свое внимание на отдельной личности, но также принимает в расчет ее отношения с окружающими. Он считает, что индивидуальная психология – это в то же время социальная психология, хотя последняя склонна иногда забывать об индивиде.

Фрейд широко цитирует труд Гюстава Лебона *Психология толпы* (1895), чтобы дать общий обзор этого феномена и выделить основные его проблемы, в которые психоанализ может привнести нечто новое. Лебон полагает, что в толпе индивид думает и действует совершенно иначе, чем он думал или действовал бы в одиночку, так как в толпе его сознательная личность уступает место бессознательной личности. Индивид обретает чувство непреодолимой силы, утрачивая при этом чувство личной ответственности и совесть. В толпе мы наблюдаем также феномен заражения до такой степени, что индивид может легко пожертвовать личными интересами ради интересов коллективных, он становится внушаемым, как человек в руках гипнотизера. Однако, по мнению Фрейда, именно тот, кто занимает место гипнотизера в толпе, представляет собой ключевой элемент. Лебон также показывает, что в толпе происходит регресс, поведение индивида уподобляется поведению первобытного человека или ребенка. Отдельно взятый индивид может быть цивилизованным, но в толпе он, жертва своих влечений, становится варваром: «*Он [индивид] проявляет спонтанность, насилие, жестокость, а также энтузиазм и героизм примитивного существа*» (p. 132 [13]). К тому же толпа уважает только силу, доброта воспринимается как проявление слабости: «*От своих героев она требует именно силы и даже грубости. Она хочет подчиниться власти и быть угнетенной, бояться своего хозяина. Консервативная по существу, она испытывает глубокий ужас перед любой новизной и прогрессом и безгранично уважает традицию*» (p. 134 [16]). По мнению Фрейда, психика человека в толпе, как ее описывает Лебон, во многом подобна психике невротика, ребенка или первобытного человека, как ее описывает психоанализ. С другой стороны, по мнению Ле-

бона, как только люди объединяются, они начинают нуждаться в вожаке, и толпа оказывается подобной покорному стаду, жаждущему повиновения и подчинения. Лебон приписывает власть «*вождя*» толпы некоему загадочному и неотразимому могуществу, которое называет *престижем,* это объяснение Фрейд считает недостаточным. В своем заключении Фрейд скорее критичен: он считает, что Лебон дал преимущественно описательную картину психологии толпы, не представив удовлетворительных объяснений, привнести которые – задача психоанализа.

- **Решающая роль аффектов**

Затем Фрейд обращается к другой работе – *Душа группы* (1921), в которой У. Макдугалл показывает, что именно на уровне простой группы, толпы мы можем обнаружить фундаментальные явления, лежащие в основе массовой психологии. Этот автор выявляет два решающих условия образования группы: с одной стороны, отдельные индивиды должны иметь что-то общее: общий интерес, одну и ту же направленность чувств; с другой стороны, они должны показывать некоторую способность оказывать влияние друг на друга. Так, Макдугалл отмечает центральную роль аффектов в образовании примитивной толпы, в которой эмоции экзальтированны, а мысль заторможена: «*...для участников, определенно, большое наслаждение предаться таким образом без удержу своим страстям и раствориться в толпе, потерять ощущение своих индивидуальных границ*» (p. 142 [22]). К тому же, по мнению Макдугалла, формироване толпы характеризуется стиранием индивидуальных черт личности в пользу массы: «*То есть толпа обретает те же свойства, которые прежде характеризовали индивида и которые стерлись в нем в результате образования толпы*» (p. 145 [25]). Другими словами, замечает Фрейд, при своем формировании толпа «*как бы рядится в признаки индивида*» (p. 145 [25]).

- **Сила любви**

Какое объяснение можно дать экзальтации аффектов и заторможенности мысли, характерным для психологии толпы? Большая часть авторов вплоть до того момента ссылалась на внушение. Но Фрейд находит это объяснение недостаточным и прибегает к психоаналитическому понятию либидо, которое обозначает влечения, объединяемые в общем понятии любви. Согласно Фрейду, речь идет о любви в широком смысле, включающей сексуальные влечения, совпадающей как с платоновским *Эросом,* так и с любовью, о которой говорит апостол Павел в Первом послании к коринфянам. Приняв переживание любви за отправную точку, он выдвигает гипотезу, согласно которой именно «*любовные отношения (или более нейтрально: эмоциональные связи)*» (p. 153 [30]) составляют сущность тех чувств, которые сплачивают толпу. Иначе говоря, именно любви мы можем приписать силу, которая поддерживает сплоченность толпы и заставляет отдельного человека рас-

статься со своей индивидуальностью и поддаться внушению со стороны других преимущественно *«ради любви к ним»* (p. 153 [30]).

- **Церковь и армия**

Иллюстрируя свою точку зрения, Фрейд рассматривает две высокоорганизованные группы – церковь и армию, которые он считает искусственно созданными в той мере, в какой некое внешнее принуждение введено, чтобы обеспечить их сплоченность. У церкви – особенно католической – есть высший глава, Христос, так же как в армии есть главнокомандующий. Глава *«любит всех индивидов толпы равной любовью. Все зависит от этой иллюзии,* – утверждает Фрейд, – *если бы ее позволили развеять, и церковь, и армия немедленно распались бы настолько, насколько позволило бы внешнее принуждение»* (p. 154 [32]). В церкви именно любовь Христа к членам христианской общины объединяет их, они называются между собой братьями и сестрами во Христе, и, по мнению Фрейда, Христос представляет собой фигуру, замещающую отца. Точно так же обстоят дела в армии: *«Главнокомандующий – отец, который одинаково любит всех своих солдат, и поэтому они остаются товарищами между собой»* (p. 155 [33]). При этом, если армия обладает более выраженной пирамидальной иерархической структурой, чем церковь, в христианстве, напротив, уделяется большая забота отдельным индивидам, чем в армии.

Вследствие этого *«в этих двух искусственных группах каждый отдельный индивид либидинально связан, с одной стороны, с вождем (Христос, главнокомандующий), с другой стороны – с другими членами группы»* (p. 156 [34]). Тот факт, что каждый отдельно взятый индивид устанавливает аффективную связь в этих двух направлениях, объясняет ограниченность, которую мы наблюдаем в личности каждого индивида в подобной толпе. Доказательство этого мы видим в феномене паники, когда аффективная связь теряется, например, если паника охватывает войска и заставляет их терять свою сплоченность. В этом случае страх перед опасностью нарушает либидинальные связи толпы, и Фрейд устанавливает параллель между паникой в толпе и происхождением невротической тревоги, преимущественно основанной на *«временном прекращении аффективных (либидинальных) связей»* (p. 158 [35]). Он вернется к этой теме в 1926 г. в работе *Торможение, симптом и тревога.* Религиозная толпа показывает амбивалентные чувства, но враждебные импульсы подавляются в ней *«благодаря равной любви Христа ко всем»* (p. 160 [37]). Однако враждебность проявляется через нетерпимость: *«В сущности, каждая религия есть подобная религия любви ко всем тем, кого она объединяет, и каждая склонна к жестокости и нетерпимости по отношению к тем, кто к ней не принадлежат»* (p. 160 [37]). Эта нетерпимость продолжается и тогда, когда религиозная связь заменяется какой-то другой, например той, что объединяет коммунистическое движение: *«...то, к чему, кажется, ведет в настоящее время социалистическая связь, – это возникновение той же нетерпимости по отношению к внешнему окружению, как во времена религиозных войн...»* (*p. 160 [37]*).

- **Любовь и ненависть как объединяющие факторы**

Продолжая свое исследование о природе связи между толпой и ее членами, Фрейд постулирует, что в группе не только любовь, но и ненависть представляет собой объединяющий фактор. Таким образом, поведение толпы также характеризуется амбивалентностью, т. е. враждебными чувствами, направленными на тех, кого любят. Но внутри одной и той же группы мы парадоксальным образом наблюдаем, что враждебные чувства между индивидами развеиваются, пока сохраняется сплоченность. К тому же отдельный индивид охотно отказывается от своих личных интересов в пользу интересов других членов группы, и Фрейд приписывает это ограничение нарциссизма аффективной природе либидинальной связи, которая устанавливается между ними. Это самоотречение в пользу большинства является, по его мнению, одной из основ цивилизации: «*И как у отдельного человека, так и в развитии всего человечества, только любовь действовала как движущая сила цивилизации на пути от эгоизма к альтруизму*» (p. 165 [41]).

- **Идентификация – первое проявление аффективной связи с другим**

От любви как фактора сплоченности Фрейд переходит к идентификации – другому фактору, способному создавать аффективную связь внутри толпы. Одной меткой фразой он напоминает, что объединяет любовь и идентификацию: «*Идентификация известна в психоанализе как первое выражение аффективной связи с другим лицом*» (p. 167 [42]). Идентификация играет свою роль вначале развития эдипова комплекса, и Фрейд описывает путь, который проходит маленький мальчик в отношениях с отцом: «*Он хотел бы стать и быть таким, как отец, во всех отношениях занять его место. Скажем просто: он берет своего отца за идеал*» (p. 167 [42]). Одновременно, идентифицируясь с отцом, мальчик привязывается к матери как к объекту, и это откровенно сексуальная либидинальная привязанность. Затем он сталкивается с так называемой нормальной эдиповой ситуацией и его мужская идентификация заряжается враждебностью по отношению к отцу-сопернику, чье место рядом с матерью он желает занять, таким образом его идентификация приобретает амбивалентный характер. Впоследствии судьба этой идентификация с отцом «*легко теряется из виду*» (p. 168 [43]).

Но случается, что эдипов комплекс претерпевает инверсию и маленький мальчик идентифицируется с объектом желания отца, т. е. со своей матерью, и занимает женственную позицию, причем отец становится объектом сексуальных влечений. Инверсия может с соответствующими поправками произойти и у девочки. Какова же в таком случае разница между идентификацией с отцом при прямом эдиповом комплексе и идентификацией при обратном эдиповом комплексе, когда отец выступает в качестве объекта? Фрейд дает на это простой, но исчерпывающий ответ: «*В первом случае отец – это тот, кем хотелось бы* ***быть****, во втором – то, чем хотелось бы* ***обладать***» (p. 138 [44]).

Затем Фрейд описывает несколько форм идентификации, причем один и тот же симптом может быть связан с тремя формами идентификации. Например, в образовании симптомов мы можем выделить сначала истерическую идентификацию, примером которой является девочка, копирующая кашель матери: «*Идентификация та же самая, что и при эдиповом комплексе, означающая враждебное желание заменить мать, а симптом выражает объектную любовь к отцу*» (p. 169 [44]). В этом первом возможном случае симптом тот же, что у ненавистной соперницы, а идентификация девочки выражает одновременно ее агрессию по отношению к матери и любовь к отцу. Другую форму идентификации, участвующей в образовании симптома, иллюстрирует случай кашля Доры, имитирующей кашель своего отца, где симптом – это симптом любимого человека: «***Идентификация заняла место выбора объекта, выбор объекта регрессировал до идентификации***; *<…> часто бывает, что выбор объекта снова превращается в идентификацию, то есть что Я присваивает качества объекта*» (p. 169 [44]). Существует и третья форма идентификации, основанная на общности с одним или несколькими лицами, которые не являются объектом сексуальных влечений: в этом случае речь идет о частичной идентификации, которая создает новую связь. Фрейд приводит в пример истерический припадок, симптом, который может распространиться среди воспитанниц пансиона путем психического заражения. Итак, эти три формы идентификации показывают, что, «*во-первых, идентификация есть самая первичная форма аффективной связи с объектом; во-вторых, путем регрессии она замещает объектную либидинальную связь, в некотором роде через интроекцию объекта в Я; и, в-третьих, она может рождаться всякий раз, когда снова ощущается некая общность с лицом, которое не является объектом сексуальных влечений*» (p. 170 [45]). По мнению Фрейда, к этому третьему случаю и восходит идентификация, которая привязывает толпу к ее вождю.

Затем Фрейд описывает еще один тип идентификации – идентификацию с оставленным или утраченным объектом; здесь он приводит два примера. Первый касается идентификации через интроекцию в Я фантазии об оставленном или утраченном объекте, который эта фантазия замещает. Именно так Фрейд объясняет генезис мужского гомосексуализма, который он описал на примере Леонардо да Винчи (1910c): Леонардо идентифицировался со своей матерью и любил юношей той же любовью, какой любила его она. Второй тип идентификации с оставленным или утраченным объектом встречается при меланхолии или депрессии, когда часть Я идентифицируется с утраченным объектом. Фрейд возвращается к интрапсихическому конфликту меланхолика, при котором одна часть Я атакует другую и описывает под именем «*идеала Я*» критическую инстанцию, которая иногда становится столь безжалостной и которой он приписывает функции «*самонаблюдения, совести, цензуры сновидений, она же оказывает существенное влияние на вытеснение*» (p. 173 [48]). Он уточняет, что подобная внутренняя критика возникает также и из требований, предъявляемых Я под влиянием значимых фигур, прежде всего родителей. Начиная с 1923 г. он станет называть эту инстанцию *Сверх-Я*.

- **Образование идеала Я**

Определив идентификацию как форму любви, Фрейд исследует затем то общее, что есть между состоянием влюбленности и идеалом Я; после этого он проводит параллель между чарами, которые оказывает гипнотизер на гипнотизируемого, и влиянием, которое оказывает вождь на толпу.

Говоря о состоянии влюбленности, Фрейд описывает превратности, которые претерпевает чувство любви в ходе детского развития и его связь с сексуальными влечениями. Согласно его мнению, существует два различных течения в любви – нежное и страстное, и они призваны соединиться, чтобы сформировать высшую форму – генитальную любовь. Иногда этим двум течениям не удается соединиться, и мы наблюдаем диссоциацию между нежным течением и чувственным течением: мы находим ее, к примеру, у некоторых романтических мужчин, теряющих потенцию с женщинами, которыми восхищаются, и, напротив, сексуально полноценных с женщинами, которых они не любят. При другом повороте состояния влюбленности человек сексуально переоценивает объект, в который он влюблен, в порыве *идеализации,* но этот порыв, уничтожающий всякую критику в отношении объекта, восходит к нарциссизму: «*Объект заменяет недостижимый идеал собственного Я. Его любят за совершенства, к которому стремилось собственное Я и которого теперь хотят достичь хотя бы таким способом, чтобы удовлетворить свой нарциссизм*» (p. 177 [50–51]).

В крайних случаях любовного очарования идеализация объекта такова, что Я буквально отдается объекту, «*объект, так сказать, поглощает Я*» (p. 177 [51]), заставляя умолкнуть любую критику. Иными словами, «*объект занимает место идеала Я*» (p. 178 [51]). Это ставит вопрос о разнице между идентификацией и состоянием влюбленности следующим образом: в случае удачной идентификации Я обогащается качествами объекта, по выражению Ференци, оно «*интроецировало*» его. Согласно Фрейду, в состоянии влюбленности, напротив, Я «*обедняется, оно отдается объекту, поставило его на место самого важного своего образующего элемента*» (p. 177 [51–52]), т. е. Я занимает место идеала Я. Тут надо отметить, что Фрейд не делает различия между состоянием влюбленности и идеализацией объекта. По его мнению, идеализация объекта неизбежно осуществляется ценой потери Я, поэтому Фрейд склонен считать состояние влюбленности патологическим по существу.

Что касается взаимоотношений между гипнозом и состоянием влюбленности, то здесь Фрейд выявляет определенные соответствия. Так, по его мнению, в загипнотизированном мы видим ту же покорность и отсутствие критики по отношению к гипнотизеру, как и по отношению к объекту любви: «*Без сомнения, гипнотизер занял место идеала Я. <...> Гипнотизер является единственным объектом, рядом с ним ничто другое не считается*» (p. 179 [52]). Если гипнотическая связь кажется безграничной любовной отдачей, за исключением сексуального удовлетворения, то в состоянии влюбленности, напротив, таковое помещается в будущее как дальнейшая цель. Иначе говоря, гипнотическую связь можно расце-

нивать «*как образование толпы вдвоем*» (p. 180 [53]), и именно стремления, лишенные сексуальной цели, объединяют людей в толпе, т. е. «*сексуальные стремления с заторможенной целью*». В заключение, учитывая роль, которую играет идеал Я, Фрейд предлагает следующее определение толпы, имеющей вождя: «*Подобная первичная толпа – это сумма индивидов, которые поместили один и тот же объект на место своего идеала Я, и вследствие этого в своих Я идентифицировались друг с другом*» (p. 180 [54]).

- **Отец первобытного племени, вождь и гипнотизер**

Отвергнув идею о существовании специфического «*стадного инстинкта*» в том виде, как его описал У. Троттер, Фрейд исследует сходство, которое он наблюдает между психологией толпы и организацией первобытного племени, которую, как он полагает, толпа воспроизводит. Вождь толпы является, следовательно, эквивалентом первобытного отца, внушающего страх, в то время как подчиненная позиция индивидов соответствует регрессу к примитивному психическому состоянию организованного племени. В последнем первобытный отец господствует над своими сыновьями, препятствуя их сексуальному удовлетворению, таким образом связь между братьями рождается из заторможенных сексуальных стремлений, как и в толпе. Вначале сын тотчас занимает место убитого главы и присваивает себе всю власть и сексуальное удовлетворение, и таким образом в том, что касается его самого, кладет конец значимости заторможенных сексуальных стремлений как цели. Если в церкви, как и в армии, у всех индивидов существует идеалистическая иллюзия, будто вождь любит их всех одинаково и по справедливости, то в первобытном племени, напротив, всех объединяет именно ненависть, так как индивиды «*одинаково подвергались преследованиям со стороны первобытного отца и одинаково его боялись*» (p. 193 [64]).

Вслед за тем Фрейд задается вопросом о природе таинственного воздействия королей или вождей племен, аналогичного силе воздействия, которой обладает взгляд гипнотизера. Гипнотизер во время сеанса стремится притянуть все внимание к своей личности, исключив внешний мир, в бессознательной гипнотической связи, аналогичной переносу. Как показал Ференци (1909), с психоаналитической точки зрения можно считать, что, приказывая пациенту спать, гипнотизер занимает место родителей. В отношениях этого типа гипнотизер также пробуждает в загипнотизированном часть его архаического наследия и заставляет его вновь переживать наводящие ужас отношения со страшным отцом первобытного племени – «*пассивно-мазохистскую*» позицию, которую мы видим по отношению к вождю толпы, который «*всегда остается внушающим страх первобытным отцом*» (p. 196 [67]). По поводу жажды власти, свойственной толпе, и ее потребности быть покоренной Фрейд заключает, что «*первобытный отец – это идеал толпы, который властвует над Я вместо идеала Я*» (p. 196 [67]).

- **Идеал Я в норме и в патологии**

И снова наблюдение патологических феноменов приводит Фрейда к открытию в области функционирования нормального индивида. Так, введение различия между Я и идеалом Я, этой новой концепции психического функционирования, позволяет ему утверждать, что взаимодействие между целостным Я («всем Я») и внешними объектами воспроизводится, в свою очередь, во внутреннем мире, т. е. *«на этой новой сцене внутри Я»* (p. 200 [69]).

Затем Фрейд намечает последствия этого факта как в норме, так и в патологии. Когда мы имеем дело с нормальной психической организацией, деление между Я и идеалом Я приводит к *напряжению* между двумя противоположными полюсами этих объектных отношений, к напряжению, которое плохо переносится и непрерывно пересматривается. Например, во сне мы периодически возвращаемся к состоянию избегания объекта, которое представляет собой нарциссический регресс. Когда мы имеем дело с патологией, можно подумать, что *сепарация* Я и идеала Я более невыносима и что она временно стирается. В этих случаях Я может или восстать против запретов и позволить себе любые нарушения границ, как во время первобытных празднеств или карнавала, или подчиниться запретам идеала Я, который *«включает в себя сумму всех ограничений, которым Я вынуждено подчиниться...»* (p. 201 [70]).

Могут ли эти чередования объяснить психогенную составляющую, определяющую колебания настроения, которые мы наблюдаем в меланхолической депрессии и мании? Поскольку пациент, страдающий манией, лишается всех своих торможений, Фрейд выдвигает гипотезу, что переход от меланхолии к мании может объясняться процессом распада идеала Я в Я того идеала Я, который был так суров у меланхолика. С другой стороны, можно также думать, что подобное превращение меланхолии в манию может быть результатом периодического бунта Я против идеала Я, *«причем Я доведено до бунта жестоким обращением со стороны своего идеала, которому оно подвергается в случае идентификации с отвергнутым объектом»* (p. 204 [72]).

- **Героический миф – прогресс на пути к индивидуальной психологии**

Разграничение между Я и идеалом Я дало Фрейду возможность сделать несколько дополнительных замечаний. Первое касается того прогресса, который представлял собой в первобытные времена переход от психологии толпы к индивидуальной психологии и который следовал за убийством отца первобытного племени. Развивая идеи, выдвинутые в *Тотеме и табу*, Фрейд высказывает гипотезу, что конфликты между братьями помешали им назначить преемника отцу. Тот, кто сумел преодолеть этап, состоявший в переходе от действий к слову, был первым эпическим поэтом: именно он призвал на помощь свое воображение и создал рассказ о герое, в одиноч-

ку победившем отца и ставшем его преемником в мифе: «*Итак, миф – это шаг, который позволяет индивиду преодолеть психологию толпы*» (p. 208 [75]). Но, добавляет Фрейд, не был ли настоящим героем сам поэт, который посредством своего рассказа идентифицируется с героем, о чьих подвигах он повествует слушателям? Кульминацией следующего этапа становится обожествление героя – предтечи возвращения первобытного отца в виде божества.

Затем Фрейд уточняет, каково соотношение между любовью, с одной стороны, и сексуальными влечениями – прямыми и заторможенными в отношении цели – с другой. Последние соответствуют сублимации сексуальных влечений. А прямые сексуальные влечения мешают образованию группы, что мы и видим, когда двое влюбленных избегают скопления людей и ищут уединения. Когда прямые сексуальные влечения проявляются в группе, они ведут к ее распаду. Наоборот, замечает Фрейд, в таких больших группах, как церковь или армия, «*нет места женщине как сексуальному объекту*» (p. 214 [80]) и, уточняет он, разница полов не играет никакой роли. Наконец, невроз асоциален по существу, так как он стремится выделить индивида из толпы: «[*он*] *оказывает на толпу разлагающее действие так же точно, как состояние влюбленности*» (p. 215 [81]).

Постфрейдисты

Психоанализ и группы

Групповой анализ с полным правом может считаться продолжением работы Фрейда по изучению массовой психологии. С одной стороны, этот термин обозначает в строгом смысле терапевтическую технику, основанную одновременно на достижениях индивидуального психоанализа и на различных концепциях функционирования группы; с другой стороны, этот же термин обозначает в широком смысле психоаналитические исследования групп различного размера. Зигмунд Фулкес и Уилфред Р. Бион стали первопроходцами в этой области.

З. Г. Фолькис: групповой анализ

З. Фулкес, психоаналитик, получивший образование в Германии, начал применять групповую психотерапию в 1930-е годы, после эмиграции в Англию. Он назвал свой подход «психоанализом в группе», так как, по его мнению, следует развивать терапевтические способности членов группы, чтобы они стали сотерапевтами для других участников. Роль группового терапевта заключается в том, чтобы облегчить эти процессы и подчеркнуть важность общения как терапевтического средства. С точки зрения Фулкеса, в расчет следует принимать только групповой перенос на аналитика, исключая из рассмотрения латеральный перенос между членами группы. Он дает следующее определение своего метода: «Психотерапия в группе – это попытка излечить целую систему расстройств либо в точке возникновения в той – первичной – группе, где они зародились, либо помещая нарушенного индивида в условия переноса в чужой группе» (Foulkes, 1964).

Работы Биона о группах

Подход Биона иной, поскольку он устанавливает фундаментальное различие между индивидуальным мышлением и мышлением группы. После работы с реабилитационными группами в британской армии в 1940-е годы Бион понял, что наблюдение за группами специалистом, имеющим психоаналитический опыт, позволяло выявить ситуации, которые иначе остались бы незамеченными. Например, он констатировал, что когда нескольких человек объединяют для выполнения некоей задачи, то внутри группы можно выделить две тенденции: одна направлена на выполнение поставленной задачи, другая, по-видимому, этому противится. Иными словами, рабочей деятельности противодействует регрессивная деятельность. Чтобы описать эти явления, Бион ввел собственную особую терминологию (Bion, 1961; Grinberg et al., 1973).

Регресс, который мы наблюдаем среди членов группы, объясняется образованием «группового менталитета»; последний выражает мнение и волю участников, но без их ведома, бессознательно. Группа формируется тогда вокруг *«базовых презумпций»*, этот термин означает, что группа функционирует как бы исходя из общих ожиданий, которые, однако, остаются имплицитными и никогда не бывают сформулированы. Бион выделяет три типа базовых презумпций: презумпция *зависимости,* при которой группа ожидает от лидера удовлетворения всех своих потребностей и желаний, сама же занимает пассивную и некритичную позицию. Базовая презумпция *«бороться или спасаться» возникает,* когда у группы существует убеждение, что у нее есть враг, которого надо уничтожить, атакуя, или избежать, спасаясь бегством, тогда группа выбирает своим вождем параноидную личность. Наконец, базовая презумпция *«сочетание» (или «парность»),* когда группа находится в состоянии мессианского упования на изменение своей судьбы, и эта бессознательная иррациональная надежда направлена часто на ребенка, который должен родиться у некоей четы. Группа, которая формируется согласно одной из этих базовых презумпций, подвержена напряженным примитивным эмоциональным состояниям, выражающим бессознательные фантазии группы. Ее функционирование становится хаотичным и осмысленная деятельность нарушается, так как группа ищет, прежде всего, немедленного удовлетворения своих всемогущественных желаний и склонна не принимать в расчет реальность.

Наряду с группой, функционирующей на уровне *базовых презумпций,* существует другой вид и уровень группового функционирования, который Бион называет *рабочей группой.* Эта последняя ожидает от своих членов сотрудничества с целью выполнения задачи, используя устную коммуникацию и принимая в расчет реальность.

Оба типа групп – и группа с базовыми презумпциями, и рабочая группа – сосуществуют внутри одной и той же группы, что всегда приводит к конфликту, который воспроизводится в группе. Согласно Биону, феномены базовых презумпций – это защитные и регрессивные групповые реакции на психотические тревоги, которые реактивируются у индивида внутри группы и соответствуют примитивным механизмам защиты, описанным М. Кляйн. В то же время рабочая группа соответствует психической дея-

тельности, которая ведет к интеграции. Благодаря разработкам Биона у работающих с группами профессионалов появился инструмент, помогающий осмыслить феномены, возникающие в группе, частью которых они сами являются, особенно если речь идет о группе терапевтической.

Хронология понятий

Любовь, состояние влюбленности – армия – Церковь – гипноз, гипнотизер – идеал – идеал Я – идеализация – идентификация – Я – индивидуальная психология – коллективная психология.

Я И ОНО
S. FREUD (1923b)

Новое деление психики: Я, Оно и Сверх-Я

Я и Оно – особенно важное произведение, поскольку в нем Фрейд представляет синтез гипотез, выдвинутых во время «поворота 1920-х годов». Для начала он доказывает, что прежней модели деления психики на бессознательное, предсознательное и сознание, известной под названием «первой топографической модели» (топографическое деление психики), недостаточно для понимания функционирования психики и что ее необходимо расширить. Отталкиваясь от сопротивлений, которые Я индивида в ходе лечения оказывает осознанию, Фрейд вводит новое деление психики на три инстанции: Я, Оно и Сверх-Я – эта модель известна как «вторая топографическая модель». Эти две модели не являются взаимоисключающими, наоборот, они дополняют друг друга, описывая психические феномены под разными углами зрения, как мы могли бы описать дом с точки зрения формы, размера или стоимости.

Затем Фрейд дает определение Я, Оно и Сверх-Я, которые все имеют свойство быть одновременно сознательными и бессознательными. Понятие Я присутствует в работах Фрейда с самого начала, но он использует его, чтобы обозначить сознательную личность. Начиная с 1923 г. Фрейд представляет Я как «регулирующую инстанцию» психических феноменов, которая должна непрерывно отыскивать равновесие между требованиями Оно – «вместилища влечений» – и Сверх-Я, ранее названного «критической инстанцией» или «критикой сознания». Бессознательные конфликтные напряжения, которые создаются между Я, Оно и Сверх-Я, чьи требования противоречивы, оказывают продолжительное влияние на формирование личности, которое складывается из наличествующих встречных сил и из устанавливающегося между ними динамического равновесия. Так же как в терминах первой топографической модели, цель анализа заключалась в том, чтобы сделать бессознательное сознательным, в терминах второй топографической модели эта цель формулируется как: *«Wo Es war, soll Ich werden»* (*«Там, где было Оно, должно стать Я»*) (1933a, p. 110 [163]).

Продолжая размышления, начатые в 1921 г. работой *Психология масс и анализ Я,* Фрейд приходит к мысли, что личность индивида и его характер являются результатом процесса идентификации. В этом же тексте он описывает эдипов комплекс в его полной форме, одновременно позитивной – при которой мальчик идентифицируется со своим отцом, а девочка со своей матерью; и негативной – женская идентификация мальчика и мужская идентификация девочки – учитывая психическую

бисексуальность, свойственную каждому индивиду. В *Я и Оно* Фрейд высказывает свою убежденность в решающей роли, которую играет базовый конфликт между влечением к жизни и влечением к смерти. Иллюстрацией к нему он считает тех пациентов в анализе, у которых улучшение парадоксальным образом влечет за собой ухудшение, то, что он называет *«негативной терапевтической реакцией»*, а также меланхолика (депрессивного индивида), чье Сверх-Я, по его словам, – это *«чистая культура влечения к смерти»* (p. 268 [296]). Но Сверх-Я является не только инстанцией, которая мучает Я, как при патологии, поскольку у нормального индивида роль постэдипального Сверх-Я состоит в том, чтобы осуществлять защитную и предохранительную функцию при помощи идентификации с отцом и с матерью.

Биографии и история

Георг Гроддек: Книга об Оно (1923)

Термин Оно сначала употребил Ницше, затем Гроддек воспользовался им в работе «Книга об Оно», опубликованной всего за несколько недель до того, как произведение Фрейда вышло в свет. Гроддек был одаренным и самобытным учеником Фрейда, директором клиники в Баден-Бадене; вначале он активно атаковал психоанализ, а затем страстно им увлекся. Гроддек сам называл себя «диким аналитиком»; впервые он познакомился с Фрейдом на конгрессе в Гааге в 1920 г. Фрейд ценил его обаяние, живость ума и свободомыслие, даже если последнее иногда доводило до скандала, как это случилось, когда в 1921 г. Гроддек опубликовал «Искателя души». Этот труд в форме романа, с юмором повествующий о злоключениях психоаналитика, понравился большинству читателей, среди которых был и Фрейд, но некоторые сочли его скабрезным и антинаучным. Славу среди широкой публики Гроддеку принесла «Книга об Оно», вышедшая в 1923 г. В этом труде он сообщал о своих исследованиях по психосоматике и представил Оно как «некий феномен, который руководит всем тем, что он [человек] делает и что с ним происходит. <…> „человек проживается через Оно“». Хотя Фрейд придавал понятию Оно иное значение, нежели Гроддек, он признал вклад, которым был обязан своему ученику. Гроддека критиковали за отсутствие научной строгости и за спорную практику, тем не менее Гроддек остается первым человеком, который оценил терапевтические возможности психоанализа в области соматических и психосоматических расстройств.

Фрейд заболевает раком

Фрейд написал «Я и Оно» в 1922 г. и опубликовал в апреле 1923 г. Ему было тогда 67 лет, его известность росла, и он ничего не мог с этим поделать, хотя это мешало ему в работе. В феврале 1923 г. Фрейд обнаружил у себя опухоль челюсти, которую удалил только после выхода в свет своей книги. Он предчувствовал, что эта лейкопластическая опухоль может быть злокачественной, но не говорил об этом из страха, что врачи запретят ему курить.

Вместо того чтобы проконсультироваться у известного специалиста, он доверил свое лечение Маркусу Хайеку, некомпетентному хирургу, и во время амбулаторного удаления опухоли чуть не умер от потери крови. В течение следующих шестнадцати лет он перенес последовательно тридцать три операции в связи с рецидивами лейкоплазии. В 1923 г. после первой операции он перенес мучительную радиотерапию и на шесть месяцев был вынужден отказаться от работы, находясь во власти невыносимых болей. В течение нескольких месяцев его врач и Феликс Дойч, опасаясь, что Фрейд покончит жизнь самоубийством, скрывали от него правду о его раке и информировали об этом круг его ближайших учеников только в сентябре 1923 г. Новый врач, доктор Пихлер, специалист по челюстно-лицевой хирургии, еще раз прооперировал Фрейда в октябре, удалив перегородку между ртом и носовой полостью и заказал для него объемный протез, который Фрейд называл «своим чудовищем», потому что испытывал величайшие трудности, надевая его. С этих пор Фрейд с трудом говорил и ел, а также плохо слышал правым ухом, а впоследствии полностью оглох на правое ухо. Теперь в тяжелые моменты он не признавал никакой другой сиделки, кроме своей дочери Анны.

Один из поздних биографов Фрейда, Э. Родриге (Rodrigué, 1996), высказал серьезные сомнения в природе его заболевания. По его мнению, первоначальный диагноз – рак – был ошибочным: судя по первым образцам и их гистологическим анализам, сделанным в 1939 г. доктором Лакассанем из Института Кюри, речь на самом деле шла о незлокачественном папилломатозе. Таким образом, настоящий рак развился позже, чем думали, и стал следствием интенсивной радиотерапии, которой подвергался Фрейд. По мнению Родриге, отношение Фрейда к его собственному здоровью, без сомнения, способствовало медицинским ошибкам, которые следовали одна за другой в течение этих лет: «В этом вопросе Фрейд был сам виноват: какова была его роль в этой ятрогении? Его отношения с врачами всегда были проблемными» (p. 514).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1923b). Le moi et le ça // Essais de psychanalyse, trad. J. Laplanche. Paris: Payot, 1981, p. 219–274 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVI, 255–301].

- **На пути к понятию Я**

Продолжая в этом труде размышления, начатые в *По ту сторону принципа удовольствия,* Фрейд подводит итог серьезным изменениям, произошедшим в его образе мыслей после 1920 г. В то же время в *Я и Оно* Фрейд окончательно оставляет биологический подход и придерживается отныне строго психоаналитического подхода.

Вначале он напоминает о том, что в основе психоанализа лежит фундаментальное различие между сознанием и бессознательным. Можно рассматривать понятие бессознательного с двух точек зрения: описательной и динамической. Описательная точка зрения означает, что существуют репрезентации, которые еще не представлены в сознании, но могут туда проникнуть: можно сказать, что они *бессознательны* до тех пор, пока остаются в *латентном* состоянии. С динамической точки зрения, напротив, существуют репрезентации, которые *бессознательны,* потому что были *вытеснены:* они не могут стать сознательными, потому что существуют силы, которые этому противятся, называемые *сопротивлениями,* а психоаналитическая техника – это средство сделать их сознательными. Следовательно, можно различать два вида бессознательного: *латентное бессознательное,* которое бессознательно с описательной точки зрения и соответствует *предсознательному,* и *собственно бессознательное,* называемое также *динамическим бессознательным,* именно им занимается психоанализ.

Теперь давайте обратимся к Я. Вначале Фрейд считал, что понятие Я покрывает только то, что сознательно. Но скоро он понял, что Я проявляет также свойственные ему сопротивления осознанию вытесненного. Так он пришел к выводу, что часть Я является бессознательной в динамическом смысле и что требуется психоаналитическая работа, чтобы это вытесненное могло быть осознано. Тогда он вернулся к идее, уже начерно сформулированной в 1915 г., согласно которой «***Бсз** не совпадает с вытесненным; верно то, что все вытесненное **Бсз**, но не все **Бсз** вытеснено*» (p. 229 [262]). Следовательно, хотя отношение между сознанием и бессознательным остается основным звеном в аналитической работе, одного понятия бессознательного больше не достаточно для описания психики в целом.

• Я и Оно

Далее Фрейд рассматривает отношения между Я и системой, которая воспринимает ощущения и обеспечивает их осознание и которую он называет системой восприятие – осознание, или Пс. Если рассматривать ее с пространственной точки зрения, сознание предстает как *«поверхность психического аппарата»,* которая воспринимает ощущения, поступающие одновременно снаружи и изнутри организма. Ощущения органов чувств – зрение, слух и т. д. – изначально сознательны; что касается мыслительных процессов, то они доходят до сознания через речь после того, как подвергнутся трансформации благодаря своей связи со словесными репрезентациями. Что до внутренних восприятий, которые поступают из самых глубоких слоев психического аппарата, то они более примитивны, чем внешние ощущения, и достигают сознания через ощущения удовольствия – неудовольствия.

Вопрос *осознания* ощущений очень сложен, и Фрейд считает, что мы можем с полным основанием говорить о *бессознательных ощущениях* до того, как они станут сознательными. Однако он вводит различие между процессом осознания репрезентаций, удерживаемых в бессознательном под воздействием вытеснения, что характерно для невроза, с одной сторо-

ны, и процессом осознания ощущений, которые, по его мнению, передаются непосредственно в сознание, с другой стороны. «*Разница заключается в том, что бессознательной репрезентации необходимо сперва создать промежуточные этапы, чтобы привести ее в Сз, в то время как с ощущениями, которые передаются прямо, все совсем иначе. Иными словами <...> ощущения бывают или сознательными, или бессознательными*» (p. 234–235 [267]). Мне кажется, что здесь необходимо примечание, поскольку, хотя Фрейд исключает возможность вытеснения ощущений – этот механизм с его точки зрения присущ только неврозу, – он использует также термин подавления по отношению к уничтожению восприятия ощущений и аффектов, и сегодня мы выделяем также тип защиты, для которого характерно отрицание психической реальности. В заключение этой главы, посвященной отношениям Я и тела, Фрейд заявляет, что Я – это, по существу, дериват телесных ощущений, который он располагает на особой позиции, на перекрестке восприятия и ощущений: «*Я, прежде всего, телесно, оно выступает не только как поверхностное образование, но и само является проекцией поверхности*» (p. 238 [270]).

Чтобы разобраться в сложных отношениях Я с разными психическими процессами, Фрейд прибегает к понятию Оно, которое он заимствовал у Г. Гроддека (Groddeck, 1923). Для Фрейда Оно является «*большим резервуаром влечений*» и «*страстей*», где царит принцип удовольствия, который там заступает на место принципа реальности. В отличие от Гроддека Фрейд считает, что Я не претерпевает пассивно атаки Оно, а пробует их обуздать, как это сделал бы всадник, который должен укротить своего скакуна: «*Так же как всаднику, не желающему расстаться с лошадью, часто не остается ничего другого, как направить ее туда, куда она хочет бежать, так и Я имеет обыкновение претворять в действие желания Оно, как если бы это были его собственные желания*» (p. 237 [270]).

- **Сверх-Я (или идеал Я)**

Существует еще одно проявление бессознательного – это бессознательное чувство вины, которое мы наблюдаем у многих невротиков в форме излишней самокритики и мук совести. Фрейд приписывает его происхождение особой инстанции, которую он называет *идеалом Я,* или *Сверх-Я,* и которая вступает в конфликт с Я.

Каково же происхождение этих двух инстанций – Я и идеала Я, или Сверх-Я? Фрейд выдвигает гипотезу о том, что они основаны на процессах идентификации и что с этой точки зрения можно выделить два типа идентификации. В начале жизни, как он показал в работе *Массовая психология и анализ человеческого Я* (1921c), невозможно отличить идентификацию от катексиса объекта, так что «*любить объект*» эквивалентно «*быть этим объектом*». Иначе говоря, примитивные идентификации – это нарциссические идентификации, при которых сексуальный объект вводится в Я согласно механизму меланхолической интроекции, «*это позволяет сделать вывод, что характер Я является результатом оседания катексиса*

оставленных объектов, что Я вмещает в себя историю выбора объектов» (p. 241 [241]). Эти первые идентификации ведут себя как особая инстанция в Я, восстают против Я как Сверх-Я, или идеал Я. Когда Я становится сильнее, появляется более развитая форма идентификации, Я удается различить любовь и идентификацию и оно становится способно отказаться от сексуальных целей и инвестировать свои эдипальные объекты сублимированным нарциссическим либидо, по-прежнему идентифицируясь с отдельными чертами их личности: «*Когда Я принимает черты объекта, оно предлагает, так сказать, само себя в качестве объекта любви, оно пытается заменить для Оно утерянный объект, говоря: „Ты можешь полюбить и меня, видишь, как я похоже на объект“*» (p. 242 [274]). В примечании от 12 июля 1938 г. Фрейд кратко изложит разницу между этими двумя процессами идентификации: «*Иметь и быть у ребенка. Ребенок очень любит выражать объектные отношения при помощи идентификации: я – объект. Иметь – это последующее отношение, которое появляется после потери объекта. Модель: грудь. Грудь – часть меня, я – грудь. И только позднее: я это имею, следовательно, я этим не являюсь…*» (1938, p. 287).

Затем Фрейд старается описать отношения между процессом идентификации и эдиповым комплексом и приходит к заключению, что, учитывая психическую бисексуальность, в своей полной форме эдипов комплекс имеет двойственную природу, одновременно позитивную и негативную. Например, у мальчика идентификация с отцом создает основу его мужественности и отвечает его позитивному, или прямому, эдипову комплексу, в то время как женская идентификация мальчика отвечает негативному, или обратному, эдипову комплексу. Точно так же у девочки позитивный эдипов комплекс соответствует идентификации с матерью, а негативный эдипов комплекс соответствует идентификации с отцом. Какой фактор определяет окончательную идентификацию? Тут Фрейд замечает, что механизм меланхолии не объясняет этого, вопреки его ожиданиям. Фрейд отказывается от попытки дать ответ психологического порядка и ссылается на конституциональный фактор, оставляя таким образом вопрос без ответа, а психоаналитический фактор – вне игры: «*Кажется, для обоих полов это зависит от силы сексуальной предрасположенности к мужественности или к женственности*» (p. 245 [276]). Позже последователи Фрейда, в частности Э. Джонс и М. Кляйн, будут рассматривать идентификацию с соперником как решающий фактор окончательной идентификации индивида.

Но идеал Я, или Сверх-Я ребенка образован не только идентификациями с отцом, или, скорее, «*с родителями*», уточняет Фрейд (n. 6, p. 243 [275]): это также результат идентификаций с родительскими запретами, которые чинили препятствия осуществлению инцестуозных эдипальных желаний. Иначе говоря, идеал Я/Сверх-Я «*двуличен*» по отношению к Я: с одной стороны, он его поощряет: «*Ты **должен** быть таким же (как отец)*», но, с другой стороны, он устанавливает Я запрет: «*Ты **не имеешь права** быть таким же (как отец), то есть ты не имеешь права делать все, что он делает, – некоторые вещи возможны только для него*» (p. 247 [278]). Фрейд подытоживает эти сложные процессы в следующих словах: «*Маленькими детьми мы восхищались этими высшими существами и боялись их, позже мы сделали их час-*

тью себя» (p. 249–250 [270]). Так внутри Я выделяется инстанция, строгость которой разнится от индивида к индивиду: «*Чем сильнее был эдипов комплекс <…>, тем более сурово Сверх-Я будет впоследствии господствовать над Я, будут ли это муки совести или бессознательное чувство вины*» (p. 247 [278]). Наконец, идеал Я предстает как «*наследник эдипова комплекса*» (p. 249 [279]). Здесь я хочу добавить, что Фрейд употребляет три термина, которые он не различает эксплицитно: *Я идеальное, идеал Я* и *Сверх-Я*, – но для него они не взаимозаменяемы.

Из факта существования идеала Я, который предъявляет человеку самые высокие требования, естественно вытекают религиозное чувство, индивидуальная совесть и социальные чувства. Так, религиозное чувство стоит в центре любой религии: «*Когда Я сравнивает себя со своим идеалом, суждение, которое оно выносит о собственном несовершенстве, порождает чувство религиозного смирения, к которому верующий обращается в своем ностальгическом порыве*» (p. 249 [280]). Что касается совести, Фрейд считает, что она проистекает из интериоризации приказов и запретов, исходящих от учителей и авторитетов, и что напряжение между требованиями совести и достижениями Я воспринимается как «*чувство вины*». Наконец, Фрейд заключает, что «*социальные чувства покоятся на идентификациях с другими на основе общего идеала Я*» (p. 250 [281]).

Фрейд завершает эту главу исследованием архаических корней идеала Я или Сверх-Я. Он возвращается к гипотезе, выдвинутой в работе *Тотем и табу*, и возводит часть социальных чувств к последствиям убийства отца первобытного племени и связанным с ним моральным ограничениям. Затем он задается вопросом об истории появления Сверх-Я у последующих поколений. По его мнению, филогенетические следы испытаний предков передаются не на уровне Я, а скорее на уровне «*наследственного Оно*»: «*Таким образом, наследственное Оно несет в себе остатки существования бесчисленных Я, и, возможно, когда Я черпает свое Сверх-Я в Оно, оно просто вытаскивает на свет Я предков и воскрешает их*» (p. 251–252 [282]).

• Я и конфликт влечения к жизни – влечения к смерти

Каково же воздействие на Я влечений, а именно влечений к жизни и влечений к смерти, описанных в работе *По ту сторону принципа удовольствия?* Фрейд высказывает гипотезу, что эти два рода влечений способны соединяться и распадаться в разных пропорциях. Конечно, трудно представить себе подобный союз влечений. Между тем, можно предположить, что влечение к смерти нейтрализовано живущим и что его деструктивная часть при помощи некоего органа направлена во внешний мир в форме агрессии: «*Этим органом, вероятно, является мышечный аппарат, и влечение к смерти впредь проявляется – хотя это правдоподобно лишь отчасти – в форме влечения к разрушению, обращенного против внешнего мира и других живых существ*» (p. 255 [284]).

Если мы представляем себе союз влечений к жизни и влечений к смерти, то можем также представить его более или менее полный распад. При серь-

езных неврозах и при перверсиях, по мнению Фрейда, влечение к смерти занимает господствующее положение: «*Мы признаем, что в целях разрядки* ***деструктивное влечение*** *часто ставится на службу Эросу, мы предполагаем, что эпилептический припадок является результатом и признаком распада союза влечений...*» (p. 255 [284]). Он считает, например, что регресс от генитальной фазы к анально-садистической зиждется на подобном распаде союза влечений, в то время как прогресс основывается на господстве эротической составляющей влечения к жизни над влечением к смерти.

Затем перед Фрейдом встает вопрос: можно ли мыслить оппозицию между двумя родами влечений в терминах полярности любви и ненависти. Мы легко можем счесть любовь представителем Эроса, говорит он, и видеть в ненависти и в деструктивном влечении представителей влечения к смерти. Однако Фрейд сомневается, что можно установить такую параллель, так как клиническая практика часто нам показывает, что любовь может превратиться в ненависть, а ненависть – в любовь, как при паранойе, когда интенсивность гомосексуальной привязанности ведет к тому, что «*самое любимое лицо оказывается преследователем, против которого направлена вся агрессия больного, часто становящаяся опасной*» (p. 257 [257]). Тут Фрейд оказывается в тупике и оставляет этот вопрос на время нерешенным. Тогда он прибегает к фактору иной природы, который уводит его от вопроса превращения любви в ненависть и наоборот, и постулирует вмешательство «*энергии, способной к превращениям, причем сама по себе эта энергия индифферентна*» (p. 258 [287]); ее источник – запас «*нарциссического либидо*», присутствующий в десексуализированном Эросе. Но, исключив таким образом превращение аффектов любви/ненависти, Фрейд в следующей главе утверждает, что это превращение все-таки имеет место, не скрывая своих колебаний.

В свете своей новой концепции структуры психического аппарата, Фрейд дает новое определение первичному и вторичному нарциссизму: «*Вначале все либидо аккумулировано в Оно, в то время как Я еще находится на стадии формирования или все еще немощно. Оно эротически инвестирует часть этого либидо в объекты, а затем набравшее силу Я пытается завладеть этим либидо в объекте и предстать перед Оно в качестве объекта любви. Нарциссизм Я, таким образом, – это вторичный нарциссизм, отобранный им у объектов*» (p. 260 [289]).

- **Негативная терапевтическая реакция и меланхолическое Сверх-Я – «чистая культура влечения к смерти»**

Затем Фрейд рассматривает взаимоотношения Я с Оно и Сверх-Я и сравнивает Я со слугой трех господ: Я угрожают три опасности: одна происходит из внешнего мира, другая – из либидо Оно и третья – со стороны сурового Сверх-Я. Например, часто встречаются пациенты, которые реагируют на прогресс в лечении парадоксально: любое улучшение состояния вызывает у них ухудшение, это явление Фрейд называет «*негативной терапевтической реакцией*». В таких пациентах берет верх не желание вылечиться,

а потребность быть больными, так как они бессознательно чувствуют себя виноватыми и не могут отказаться от самонаказания страданием: «*Но это чувство вины у больного немо, оно не говорит ему, что он виноват: пациент чувствует себя не виноватым, а больным*» (p. 264 [292]). Подобная негативная терапевтическая реакция встречается у большей части тяжелых невротиков, и чувство вины у них бессознательное, тогда как нормальное чувство вины сознательно.

Почему же Сверх-Я проявляется при некоторых расстройствах, например при меланхолической депрессии, с такой жестокостью и строгостью? Фрейд приписывает деструктивную составляющую меланхолического Сверх-Я действию влечения к смерти: «*То, что царит теперь в Сверх-Я, – это, образно говоря, чистая культура влечения к смерти, и фактически она довольно часто приводит Я к смерти, если Я вовремя не защитится от своего тирана, совершив поворот к мании*» (p. 268 [296]). Тогда Фрейд задается вопросом о причине сосредоточения влечений к смерти в Сверх-Я меланхолика. Он вводит понятие *распада союза влечений*, являющегося следствием того факта, что у эротической составляющей не хватает сил, чтобы связать всю деструктивность, которая тогда «*вырывается на свободу как агрессивная и деструктивная тенденция*» (p. 270 [297–298]). Из-за распада между влечением к жизни и влечением к смерти Сверх-Я депрессивного человека обращает всю свою суровость и жестокость против Я.

Что же происходит при обсессивном неврозе? При этом расстройстве Сверх-Я также проявляет безжалостную строгость по отношению к Я, но в отличие от депрессивного обсессивный <невротик> сохраняет *иммунитет* против опасности самоубийства. Почему? По мнению Фрейда, это связано с тем, что у обсессивного <невротика> любовь превратилась в ненависть: «*...путем регресса к догенитальной организации, любовные влечения превращаются в агрессивные влечения, направленные на объект*» (p. 269 [296]). Здесь он снова выражает уверенность в том, что речь идет «*о реальной замене любви на ненависть*» (p. 269 [297]). Это замещение пресекает возможность сохранять различие между любовью и ненавистью, необходимое, чтобы постигать процесс связывания/развязывания этих аффектов, аналогичный процессам объединения/распада единства влечения к жизни и влечения к смерти. По мнению Д. Кинодо (Quinodoz, 1994), трудность, с которой столкнулся Фрейд, по всей видимости, связана с тем, что он не устанавливает ясного различия между *смешением* аффектов и их *связыванием*. По ее мнению, на ранней стадии развития любовь и ненависть могут смешиваться, и трудно понять, с чем из них мы имеем дело; напротив, на высокой стадии развития пациент может отличать аффект любви от аффекта ненависти по отношению к одному и тому же объекту и может их связывать: «*Действительно, можно связать только то, что было предварительно разделено*» (p. 113).

Затем Фрейд уточняет характеристики Я, его сильные и слабые стороны. При контакте с восприятиями внешнего мира Я подвергает психические процессы испытанию реальностью, здесь ему помогают мыслительные процессы, которые позволяют ему отсрочить моторные разрядки. Я обогащается жизненным опытом одновременно с тем, как пытается противостоять влечениям Оно, и это показывает, каким путем психоанализ достигает

терапевтических результатов: «*Психоанализ – это средство, которое должно дать Я возможность поступательно завоевывать Оно*» (p. 271 [299]).

Введение понятия Я также позволяет Фрейду заложить основы новой теории тревоги, которую он будет развивать в 1926 г. в работе *Торможение, симптом и тревога*. Начиная с 1923 г. он будет выделять не только биологические, но и психические факторы, лежащие в основе тревоги, отныне он утверждает, что тревога располагается в Я: «*Я – действительно настоящее вместилище тревоги*» (p. 273 [300]). Столкнувшись с либидинальной опасностью, исходящей от Оно, Я страшится «*переполнения или аннигиляции*», а принцип удовольствия – неудовольствия сигнализирует об опасности, которая ему угрожает. Зато столкнувшись с другой опасностью, которую представляет страх перед Сверх-Я, Я реагирует «*тревогой сознания*», а последняя обычно принимает форму страха кастрации. Что касается страха смерти, по мнению Фрейда, он не имеет значения для психоанализа, «*поскольку смерть – абстрактное понятие с негативным содержанием, для которого невозможно найти соответствия в бессознательном*» (p. 273 [300]).

В заключение Фрейд выявляет роль Сверх-Я как защитника Я, в частности, в регулировании либидинальных и агрессивных влечений, связанных с эдипальной ситуацией. Именно потеря Сверх-Я своей защитной роли у меланхолика позволяет Фрейду заключить – можно сказать, по умолчанию, – что нормальное Сверх-Я играет роль защитника Я: «[*у меланхолика*] *Я теряется, потому что оно терпит ненависть и подвергается преследованиям со стороны Сверх-Я, вместо того чтобы быть любимым. Для Я жить – значит быть любимым, быть любимым Сверх-Я <…>. Сверх-Я выполняет ту же функцию защитника и спасителя, как некогда отец, а позже провидение и судьба*» (p. 274 [301]). Напротив, столкнувшись с реальной опасностью, Я испытывает то же чувство, что все могущественные защитники покинули его, и позволяет себе умереть. Это чувство лежит в основе самого первого состояния тревоги, которое появляется в момент рождения и является источником детской тревоги, связанной с сепарацией от защищающей матери. Что касается Оно, эта инстанция не проявляет по отношению к Я ни любви, ни ненависти, главным образом Оно находится под властью «*безмолвных, но мощных влечений к смерти*» (p. 274 [301]) и в вечном конфликте с Эросом.

Постфрейдисты

Анна Фрейд: *Я и механизмы защиты* (1936)

В 1936 г. Анна Фрейд продолжила работу отца, опубликовав эпохальный труд *Я и механизмы защиты*, в котором она изучала защиты, которые Я индивида развивает в связи с Оно, Сверх-Я и внешним миром. По ее мнению, Я сталкивается с многочисленными конфликтами, которые стремятся достичь сознания, например конфликтами, вызванными притязаниями влечений и требованиями Сверх-Я, а также опасностями внешнего мира. Стремясь избежать появления тревоги, Я использует множество разнообразных механизмов защиты. Анна Фрейд называет уже описанные Фрейдом: вытеснение, регрессию, реактивное формирование, изоляцию, отмену задним числом

(ретроактивное уничтожение), проекцию, интроекцию, обращение против себя, обращение в свою противоположность и сублимацию – и добавляет к этому новые защиты: *идентификацию с агрессором» и альтруистическое самопожертвование,* уточняя, что это далеко не исчерпывающий список. Работы Анны Фрейд стали отправной точкой значительного течения психоаналитической мысли, которое, зародившись в Вене в конце 1930-х годов, было развито затем в Великобритании сторонниками Анны Фрейд и в Северной Америке сторонниками Хайнца Хартмана, одного из основателей движения, известного нам под именем эго-психологии.

Хайнц Хартман и эго-психология

В 1939 г. в опубликованном в Вене труде, озаглавленном *Психология Я и проблема адаптации,* Хартман представил идеи, которые легли в основу эго-психологии. Хартман эмигрировал в США в 1941 г., затем к нему присоединились другие эмигранты из Европы, спасавшиеся от нацизма, в частности Эрнст Крис и Рудольф Левенштайн, разделявшие его взгляды. С тех пор концепция эго-психологии быстро распространялась, это психоаналитическое течение даже вышло на первое место в Северной Америке. В 1945 г. Хартман с Э. Крисом и Анной Фрейд основывали журнал «Psychoanalytic Study of the Child» (Психоаналитическое исследование ребенка).

Хотя в основе идей Хартмана лежат понятия Я, Сверх-Я и Оно, введенные Фрейдом в 1923 г., он развивал концепции, часто значительно расходящиеся с фрейдовскими. Так, по мнению Хартмана, Я имеет две функции: одна состоит в том, чтобы развивать защиты от конфликтов, другая – более важная для Хартмана – свободна от конфликтов, он называет эту функцию «автономное Я». Автономное Я существует с момента рождения, развивается независимо от Оно, и, по мнению Хартмана, расстройства поведения индивидов есть результат большей или меньшей их неспособности адаптироваться к социальным условиям независимо от влечений. Отсюда следует, что основная функция понимаемого таким образом автономного Я – это «адаптация» к внешнему миру. Что касается либидо, то оно, по мнению Хартмана, обеспечивает десексуализацию агрессивных влечений при помощи процесса «нейтрализации», который является одной из функций, приписываемых Хартманом Я: чем сильнее становится Я, тем выше его способность «нейтрализовать» либидинальную энергию, и наоборот. На техническом уровне эго-психология уделяет основное внимание анализу сопротивления и защит, а также усилению сознательного Я, в ущерб анализу бессознательных фантазий. В этом вопросе ее подход близок к техническому подходу Анны Фрейд и ее школы. Кроме того, это течение мысли легло в основу настоящей психоаналитической социологии. Действительно, эго-психология ставит на первое место функцию адаптации автономного Я индивида по отношению к его социальной среде. Это направление было развито прежде всего Эриком Х. Эриксоном в его работе *Детство и общество* (1950), где он описывает развитие общественного Я с самого детства и до старости.

Теоретические и технические положения эго-психологии вызвали оживленные споры в Международной психоаналитической ассоциации, они

привели к глубоким разногласиям, в частности, с Мелани Клейн в Великобритании и с Жаком Лаканом во Франции. Кляйн считала, что Я и объекты существуют с самого начала жизни, поэтому большие научные споры велись в особенности по вопросам о прогрессивном развитии Я, об отношениях между Я и объектами, а также о значимости бессознательных фантазий. Лакан различал Я [je] и Я [moi] (это примерно соответствует различию Я и Эго), основываясь на стадии зеркала, причем Я [je] предвосхищает понятие субъекта, которое Лакан введет позднее. Хотя Левенштайн и был его аналитиком, Лакан непрерывно критиковал взгляды эго-психологии, в особенности теорию адаптации, утверждая, что она представляет собой всего-навсего попытку американских психоаналитиков заставить своих пациентов соответствовать своим идеалам. Как писал Ален де Мижола: *«Для него [Лакана] нет, кажется, иронии достаточно едкой, чтобы заклеймить приверженцев эго-психологии, и он опирается на свою теорию структурирования посредством языка, чтобы решительно поместить Я, наоборот, в область Воображаемого»* (Mijolla, 2002, p. 1024).

Хайнц Кохут и психология самости

В ответ на идеи Хартмана и создание эго-психологии Кохут (Kohut, 1971) предложил психоаналитическую теорию, сосредоточенную на понятии самости и его перевоплощениях. Понятие самости было введено в 1950-е годы Хартманом, желавшим внести различие между английскими «эго» и «сэлф»: отталкиваясь от этого понятия, Кохут учредил психологию самости – психоаналитическую школу, которая быстро развивалась и оказалась одним из самых заметных современных течений в США. Кохут стремился дополнить разработки Фрейда в области психоаналитического лечения нарциссических состояний и предложил технический подход, основанный на методе эмпатии.

Хронология понятий

Оно – наследственное Оно – эдипов комплекс в его полной форме – тестирование реальности – идеал Я – идентификация – нарциссическая идентификация – слияние – расторжение влечений – Я – идеальное Я – влечение к смерти – влечение к жизни – негативная терапевтическая реакция – бессознательное чувство вины – Сверх-Я – Сверх-Я меланхолика.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МАЗОХИЗМА» S. FREUD (1924c)

От извращенного мазохизма к первичному, или эрогенному, мазохизму, защищающему индивида от саморазрушения

В этой работе Фрейд продолжает изучение природы мазохизма – перверсии, которая состоит в получении удовольствия от страдания. Он уже приступал к вопросу о мазохизме вместе с вопросом о садизме в предыдущих трудах (1905d, 1915c). Но после введения понятия базового конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, а также понятий Я, Оно и Сверх-Я, понятие мазохизма потребовало обновления, тем более что оно противоречило выдвинутому ранее принципу удовольствия – неудовольствия, согласно которому цель психического функционирования – избегание неудовольствия и получение удовольствия.

Вначале Фрейд дает новое определение принципу удовольствия, опираясь на новые данные, и постулирует, что, согласно его мнению, в основе регулирования психической деятельности лежат три принципа: *принцип нирваны,* который стремится свести возбуждение к нулю; *принцип удовольствия,* который осуществляет связь между влечением к жизни и влечением к смерти; и *принцип реальности,* который позволяет отсрочить удовольствие, временно терпя неудовольствие. Затем Фрейд изучает две формы собственно перверсии: *женственный мазохизм* у мужчины и *моральный мазохизм*. Эти формы мазохизма характеризуются регрессом на предыдущую либидинальную стадию, а именно –анально-садистическую, а также новым катексисом инцестуозных эдипальных объектов, который Фрейд называет *«ресексуализацией»* эдипова комплекса. Эта последняя сопровождается бессознательным переживанием вины и бессознательным эротическим удовлетворением, вызывающим мазохистскую потребность Я быть садистически наказанным Сверх-Я. С введением понятия *первичного, или эрогенного, мазохизма* Фрейд расширяет это понятие за пределы мазохистской перверсии в строгом смысле слова: он открывает новую перспективу, полагая, что конфликт влечения к жизни/влечения к смерти заложен в самой основе жизненных процессов с самого рождения: и значит, радость жизни должна постоянно вести борьбу со стремлением к саморазрушению.

Биографии и история

Внутренние конфликты и опасения за будущее психоанализа

«Экономическая проблема мазохизма» была написана в конце 1923 г. и опубликована в апреле 1924 г. в «Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse» (Международном журнале психоанализа). В этот период жизнь Фрейда была полна испытаний, об одном из которых – его болезни в феврале 1923 – мы уже говорили; другим стали разногласия внутри Комитета. Несмотря на полученное им лично к тому времени международное признание, Фрейд беспокоился о будущем психоанализа, в частности, по причине конфликтов между Ранком и Джонсом, ставивших под угрозу взаимопонимание среди членов Комитета. Думая о развитии и продолжении психоаналитического движения после своей смерти, Фрейд возлагал свою главную надежду на Комитет. Уже долгие годы отношения между Ранком и Джонсом были очень сложными, в то время как они должны были сотрудничать как соредакторы при издании психоаналитических трудов. Летом 1923 г. в Доломитах на последнем собрании, в котором принимали участие Ранк и Джонс, этот конфликт достиг апогея и привел к роспуску Комитета. Как раз в этот момент участники собрания получили известие о болезни Фрейда.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1924e). Le problème économique du masochisme // Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche. Paris: PUF, 1973, p. 287–298 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVII, 9–23].

- **Новый взгляд на принцип удовольствия**

Вначале Фрейд объясняет причины, которые вынудили его пересмотреть свою точку зрения на принцип удовольствия, в особенности на его отношения с принципом нирваны, который он ранее представлял как его эквивалент. Действительно, в работе *По ту сторону принципа удовольствия* (1920g) Фрейд назвал «принципом нирваны» стремление психического аппарата сводить к нулю любое возникающее количество возбуждения, причем это стремление к уничтожению, казалось, совпадало с влечением к смерти. В работе «Экономическая проблема мазохизма» Фрейд снова подтверждает свое согласие с принципом нирваны, но подчеркивает следующую трудность: если принцип удовольствия – действительно эквивалент принципа нирваны, как он утверждал ранее, мы приходим к заключению, что принцип удовольствия стоит на службе у влечения к смерти, что было бы парадоксом: «*...принцип нирваны (и принцип удовольствия, якобы ему идентичный) стояли бы на службе только у влечения к смерти, цель которого – привести постоянно меняющуюся жизнь к стабильности неорганического состояния...*»

(p. 288 [12]). Помимо этого первого противоречия, есть и другое: принципу удовольствия – предположительно исключающему напряжения неудовольствия – противоречит также тот факт, что существуют состояния напряжения, которые сопровождаются удовольствием, главный пример этого – состояние сексуального возбуждения. Делая выводы из этих противоречий, Фрейд выдвигает гипотезу, что принцип нирваны, восходящий к влечению к смерти, должен был, разумеется, претерпеть изменение у живых организмов, чтобы не приводить жизнь в неорганическое состояние, служа таким образом принципу удовольствия; он приписывает это изменение вмешательству либидо, которое объединяется с влечением к смерти, чтобы участвовать в управлении жизненными процессами.

Что касается ощущений удовольствия–неудовольствия, то Фрейд, до этого момента полагавший, что они зависят от *количественного* фактора, связанного только с ростом или с уменьшением количества возбуждения, теперь вводит новое различие: по его мнению, ощущения удовольствия–неудовольствия зависят не только от *количественного,* но и от *качественного* фактора, который ему не удается определить точнее: «*Возможно, речь идет о ритме, о временном сдвиге изменений, подъемов и падений количества возбуждения; мы этого не знаем*» (p. 288 [12]).

С этого момента Фрейд стал полагать, что в основе регулирования жизненных процессов лежат три принципа: *принцип нирваны,* который репрезентирует влечение к смерти посредством своего стремления сократить *количество* возбуждения до нуля; *принцип удовольствия,* который *качеством либидинального* возбуждения выражает соединение влечения к жизни и влечения к смерти; наконец, *принцип реальности,* который позволяет отсрочить удовольствие и временно терпеть неудовольствие. Эти три принципа не могут избежать конфликта между собой, но они вынуждены приспосабливаться друг к другу, чтобы сохранить жизненные процессы. Для того чтобы защитить жизнь от разрушения, принцип удовольствия должен примириться с либидинальной связью (частичным слиянием) между влечением к смерти и влечением к жизни: «*Вывод из этих умозаключений таков, что невозможно избежать обозначения принципа удовольствия как хранителя жизни*» (p. 289 [13]).

Продолжая свои размышления в свете этих теоретических выкладок, Фрейд последовательно изучает три формы мазохизма: женственный мазохизм у мужчины; первичный, или эрогенный, мазохизм и моральный мазохизм.

- **«Женственный мазохизм у мужчины»**

Именно у мужчины мы, прежде всего, наблюдаем женственный мазохизм: по мнению Фрейда, речь идет о настоящей перверсии, явное содержание которой выражается в фантазиях, где преобладает желание быть связанным, избитым или выпоротым и т. д., – фантазиях, которые завершаются мастурбацией или сами по себе приносят сексуальное удовлетворение. В подобных случаях перверсии можно отметить, что индивид оказывает-

ся в «*позиции, характерной для женщины; [эти фантазии означают] быть кастрированным, подвергнуться совокуплению или родить ребенка*» (p. 290 [14]). Отсюда и появилось наименование *женственный мазохизм,* которое означает пассивную позицию по отношению к объекту – результат регресса к инфантильной сексуальности. Кроме того, при этой перверсии индивид обвиняет себя в том, что совершил ошибку, которую следует искупить болью и мукой, выражая через эти самоупреки бессознательное чувство вины за детскую мастурбацию. Бессознательное чувство вины сближает женственный мазохизм с другой формой мазохизма – моральным мазохизмом.

- **Первичный мазохизм, или эрогенный мазохизм**

Фрейд напоминает, что в 1905 г. в *Трех очерках по теории сексуальности* он уже отмечал, что сексуальное возбуждение возникает в целой серии внутренних процессов, коль скоро интенсивность этих процессов превысила некоторый порог, и что это явление, которое он называет «*либидинальным симпатическим возбуждением*», часто сопровождается болью и неудовольствием. Тогда у Фрейда появилась интуитивная догадка, что «*ничто важное не происходит в организме без того, чтобы внести свою лепту в возбуждение сексуального влечения*» (p. 290 [15]). Приняв с тех пор во внимание дуализм влечения к жизни / влечения к смерти, Фрейд дает новое развитие понятию либидинального симпатического возбуждения: возможно, этот феномен, управляет всеми жизненными процессами, причем либидо обезвреживает влечение к смерти и к разрушению, которое изначально властвует в организме; таким образом оно предотвращает возврат организма к неорганическому состоянию. Чтобы обозначить этот процесс эротизации влечения к смерти и чтобы подчеркнуть его первичный характер, Фрейд называет его *первичным мазохизмом,* или *эрогенным мазохизмом.*

Как же либидо выполняет свою задачу обезвредить влечение к смерти? По мнению Фрейда, это происходит двумя способами: с одной стороны, либидо переносит большую часть влечения к смерти на внешние объекты посредством мышечного аппарата в форме влечения к разрушению и господству, жажды власти, а также в форме собственно садизма, непосредственно обслуживающего сексуальную функцию; с другой стороны, часть влечения к смерти не проецируется вовне, но обезвреживается непосредственно внутри организма: «*Оно [влечение к смерти] остается в организме и там оно оказывается либидинально связанным при помощи сексуального совозбуждения, о котором мы говорили; именно в этом мы видим первичный эрогенный мазохизм*» (p. 291 [16]). Неизвестно, как происходит *укрощение* обоих влечений, отмечает Фрейд, но с психоаналитической точки зрения мы наблюдаем, что они всегда слиты друг с другом в разных пропорциях и что ни влечение к жизни, ни влечение к смерти никогда не встречаются в чистом виде.

Затем Фрейд перечисляет некоторые фазы развития либидо, в которых принимает участие первичный мазохизм, например, страх быть съеденным тотемическим животным (отцом) на оральной стадии или желание быть избитым на анально-садистической стадии, или быть кастрированным на фал-

лической стадии и т.д. С другой стороны, первичный мазохизм, который впервые дал возможность обуздать влечение к смерти при помощи либидо, «*всегда сохраняет в качестве объекта самого индивида*» (p. 292 [16]) и защищает его от саморазрушения. Наконец, Фрейд рассматривает возможный случай, когда садизм и влечение к разрушению, изначально направленные вовне, обращаются внутрь, что вызывает появление *вторичного мазохизма*, который присоединяется к первичному мазохизму.

- **Моральный мазохизм**

Моральный мазохист стремится к страданию, но не осознает сексуального удовлетворения, которое находит в мучении, желанность которого связана с бессознательным чувством вины: действительно, кажется, что у этих пациентов эротическое удовольствие от страдания отсутствует. Крайний случай морального мазохизма наблюдается в психоанализе у пациентов, которые противятся какому бы то ни было улучшению в процессе лечения, – парадоксальное поведение, которое Фрейд приписывал бессознательному чувству вины и обозначил в 1923 г. термином *негативная терапевтическая реакция*. Таким пациентам удовлетворение бессознательного чувства вины приносит вторичную выгоду, поэтому они предпочитают остаться больными вместо того, чтобы излечиться, и это составляет одну из самых серьезных форм сопротивления лечению. В то же время, когда психоаналитик говорит о бессознательном чувстве вины, это не находит отклика у его пациента; напротив, пациент начинает понимать что-то, когда ему говорят о *потребности в наказании* (p. 294 [18]). Чтобы объяснить появление этого изнуряющего чувства вины, Фрейд обращается к понятиям, введенным им во второй топографической модели в 1923 г., а именно к чрезмерному напряжению, которое возникает между Я и Сверх-Я, когда Я чувствует себя неспособным соответствовать требованиям идеала, установленного Сверх-Я в качестве образца для подражания.

Он напоминает также, что Сверх-Я рождается из идентификации ребенка с родительской парой. Когда происходит разрешение эдипова комплекса, отношение к родителям десексуализируется путем его отклонения от прямых сексуальных целей. Таким образом образуется Сверх-Я, которое сохраняет характеристики интернализованных родителей. Кроме того, требования Сверх-Я имеют тенденцию усиливаться под влиянием извне, происходящим от учителей и от людей, пользующихся авторитетом, что усиливает его моральную роль: «*Эдипов комплекс оказывается таким образом <...> источником нашего индивидуального нравственного чувства (морали)*» (p. 295 [20]).

- **«Повторная сексуализация» эдипова комплекса**

После этого отступления, посвященного происхождению Сверх-Я, Фрейд возвращается к вопросу морального мазохизма, подчеркивая, что пациенты этого типа подчиняются чрезмерным моральным запретам и ведут

себя, как лица, над которыми господствует суровый голос совести, не осознавая этой «*гиперморали*»: «*Но вот деталь, которой нельзя пренебрегать, – говорит Фрейд, – садизм Сверх-Я чаще всего вполне сознателен, в то время как мазохистская тенденция Я остается в общем скрытой от индивида и может стать очевидной только из его поведения*» (p. 296 [22]). Согласно объяснению Фрейда, моральный мазохизм остается бессознательным потому, что бессознательное чувство вины выражает потребность в наказания со стороны родительской власти. Это приводит нас к подлинному скрытому смыслу морального мазохизма: он тесно связан с «*ресексуализацией*» (повторной сексуализацией) эдипова комплекса. Что Фрейд имеет в виду? Для него термин «ресексуализация» означает, что моральный мазохист совершил регрессивный возврат к эдипальному конфликту и инцестуозное желание вызвало чувство, что он совершил сексуальное преступление – «*грех*», – за что и должен быть наказан замещающей родителей фигурой. Это объясняет, почему мазохист стремится быть наказанным основной замещающей родителей фигурой – Судьбой и почему он действует против своих интересов, доходя иногда до того, что уничтожает себя самого. Таким образом, продолжает Фрейд, «*садизм Сверх-Я и мазохизм Я взаимно дополняют друг друга и соединяются, вызывая одинаковые последствия*» (p. 297 [22]). Делая вывод из этого внутреннего конфликта, Фрейд утверждает, что моральный мазохизм действительно свидетельствует о существовании слияния между влечением к жизни и влечением к смерти: «*Его опасный характер связан с тем, что он – порождение влечения к смерти, и соответствует той его части, которая не была направлена вовне в деструктивной форме. Но поскольку, с другой стороны, он имеет значение эротической составляющей, даже саморазрушение индивида не может происходить без либидинального удовлетворения*» (p. 297 [23]).

Эволюция понятий

Понятие мазохизма и его неоднозначность у Фрейда

Вопрос о «женственном мазохизме»

Фрейд временами употребляет термин «женственный мазохизм» неоднозначно. Без сомнения, когда он говорит о «женственном мазохизме у мужчины», для него речь, очевидно, идет о мазохистской перверсии. Между тем само выражение «женственный мазохизм» может, по-видимому, означать, что он, считает женщину мазохистичной по своей природе. Лапланш и Понталис, наряду с другими авторами, отметили эту двусмысленность: «Под женственным мазохизмом, видимо, надо понимать „мазохизм женщины". Конечно, Фрейд обозначил этим термином „выражение женственной сущности", но в рамках теории бисексуальности женственный мазохизм – это имманентная возможность для любого человеческого существа независимо от пола» (1967, p. 232). Вообще для всего творчества Фрейда характерен этот двусмысленный подход к мазохистской природе женственности, начиная с оппозиции активное – пассивное и мужское – женское, упомянутой в Трех очерках по теории сексуальности (1905d), и вплоть до его последних

текстов, где он настойчиво и явно связывает, с одной стороны, активность и мужественность и, с другой стороны, пассивность и женственный мазохизм. Однако в Новых лекциях по введению в психоанализ (1933a) эта оппозиция между полами была смягчена.

Первичный (или эрогенный) мазохизм – не перверсия

Отметим, что термин «мазохизм», использованный Фрейдом, чтобы обозначить первичный, или эрогенный, мазохизм, – это понятие, которое легко спутать с мазохизмом-перверсией. В действительности, вводя понятие первичного, или эрогенного, мазохизма, Фрейд прежде всего пытается расширить содержание понятия мазохизма и вывести его за границы собственно перверсии, чтобы подчеркнуть: всякая связь сексуального удовольствия с болью первоначально основана на союзе влечения к жизни и влечения к смерти. Иными словами, по мнению Фрейда, первичный, или эрогенный, мазохизм – это «след и свидетельство той фазы формирования, на которой произошло столь важное для жизни слияние влечения к смерти и Эроса» (p. 292 [16]). С тех пор для него эта первичная форма мазохизма стала основной структурой, играющей, по его собственному выражению, роль хранителя жизни.

Хронология понятий

Женственный мазохизм – женственный мазохизм у мужчины – моральный мазохизм – первичный (или эрогенный) мазохизм – вторичный мазохизм – принцип нирваны – принцип удовольствия – неудовольствия – принцип реальности – «ресексуализация» (повторная сексуализация) эдипова комплекса.

ТОРМОЖЕНИЕ, СИМПТОМ И ТРЕВОГА
S. FREUD (1926d)

Новый источник тревоги: страх сепарации и утраты объекта

Достигнув семидесятилетия, Фрейд выдвинул новаторские гипотезы о происхождении тревоги, сделавшие недействительными прежние постулаты. В течение более тридцати лет он придерживался биологической концепции механизма появления тревоги, согласно которой неудовлетворенное либидо ищет пути разрядки и непосредственно превращается в тревогу, например, при прерванном половом акте: «<…> невротическая тревога относится к либидо почти так же, как уксус к вину» (Freud, 1905d, n. 1920, p. 168).

Начиная с 1926 г., после публикации работы «Торможение, симптом и тревога», Фрейд обращается к концепции происхождения тревоги, задействующей психику: отныне он считает тревогу аффектом, который переживает Я при встрече с опасностью, всегда имеющим, в конечном счете, значение страха сепарации или утраты объекта. Постулат Фрейда строится на различении разных типов тревоги: тревога перед реальной опасностью (Realangst); автоматическая тревога (automatische Angst) которую вызывает травматическая ситуация, где Я оказывается бессильно; сигнальная тревога (Signalangst), возникающая в опасной ситуации, где Я индивида проявляет способность предусмотреть надвигающуюся опасность.

В этой книге Фрейд также в новом свете рассматривает вопрос защитных механизмов. Если до того времени он полагал, что вытеснение вызывает тревогу, то теперь он меняет мнение и доказывает, что именно тревога вызывает вытеснение. Он выдвигает гипотезу, согласно которой Я образует симптомы и воздвигает защиты, прежде всего, для того, чтобы избежать переживания тревоги, которая постоянно сигнализирует Я об опасности, связанной со страхом сепарации и утраты объекта.

Эту работу трудно читать, так как Фрейд затрагивает в ней многочисленные и разнообразные предметы и испытывает необычное затруднение в придании своему труду целостного вида, на что обращает наше внимание Стрэчи (Strachey, 1959). К некоторым сюжетам Фрейд возвращается неоднократно, рассматривая их с разных точек зрения, и только в конце произведения, в приложениях, читатель обнаруживает достаточно прозрачно сформулированные мнения Фрейда по этим вопросам. В 1933 г., в лекции, посвященной этой теме, Фрейд возвращается к своим гипотезам о происхождении тревоги, выдвинутым в 1926 г., но в более ясной и более обобщенной форме (XXXII лекция, 1933a).

Биографии и история

Фрейд и Ранк

Фрейд написал «Торможение, симптом и тревогу» в ответ на книгу «Травма рождения», опубликованную в 1924 г. его учеником Отто Ранком (1884–1939). По мнению Ранка, все приступы тревоги можно было считать попыткой «отреагировать» первую травму, травму рождения. Таким образом, ограниченно и упрощенно он объяснял все неврозы как происходящие по причине первичной тревоги, и эдипов комплекс, играющий центральную роль в невротических конфликтах, оказывался отодвинут на задний план. Фрейд проявил в своем отношении к идеям Ранка нерешительность и сначала, казалось, воспринял их благосклонно; действительно, Фрейд первым заявил, что рождение становится первым опытом тревоги у ребенка (1900a), это «первое серьезное состояние тревоги» (1923b). Однако, признавая, что исследования Ранка о происхождении тревоги стимулировали его собственное творчество, Фрейд, в конце концов, оспаривает его выводы и публикует результат своих собственных размышлений. Ранк плохо принял критику со стороны Фрейда, последовал окончательный разрыв их отношений. Фрейд сожалел об отступничестве человека, который последние двадцать лет являлся одним из самых близких его сотрудников. Он очень ценил Ранка и не предполагал, что критические замечания об этой книге настолько огорчат Ранка в личном плане. Ранк вступил в Венское психоаналитическое общество в 1906 г. в возрасте 22 лет и сразу стал его секретарем. Именно он выпускал «Записки Венского общества» с 1906 г. и до своей мобилизации в армию в 1915 г. он был среди первых издателей «Imago» с 1912 г. и международного психоаналитического журнала «Zeitschrift» с 1913 г. Он являлся автором большого количества публикаций, проявляя особый интерес к отношениям матери и ребенка и считал, что психоаналитики недооценивают их важность, так же как и значение доэдипальных отношений.

70-летие Фрейда

В июне 1925 г., когда Фрейд работал над рукописью этой книги, он получил известие о кончине Йозефа Брейера, вместе с которым в 1895 г. он написал «Исследование истерии». Они не виделись более двадцати пяти лет, и Фрейд был удивлен, узнав от Роберта Брейера, сына своего бывшего друга, что последний продолжал с интересом и симпатией следить за развитием психоанализа. 25 декабря 1925 г. в Берлине в возрасте 48 лет, от легочного заболевания, вероятно ракового происхождения, умер Карл Абрахам. Это была огромная потеря для психоанализа, и Фрейд писал по этому поводу: «С этим человеком integer vitae scelerisque purus[1] мы хороним одну из наиболее прочных надежд нашей молодой науки, подверженной жестоким нападкам; возможно, эта смерть нанесла непоправимый урон будущему психоанализа» (1926b, p. 101). В феврале 1926 г. Фрейд перенес два приступа

1 Кто душою чист и незлобен в жизни (Квинт Гораций Флакк).

стенокардии, которые настигли его прямо на улице, он приписал их своей непереносимости табака. Ференци, убежденный, что эти приступы были вызваны тревогой, предложил переехать на несколько месяцев в Вену и проанализировать Фрейда. Фрейд поблагодарил его, но предложение отклонил. 6 мая 1926 г. к своему 70-летию Фрейд получил множество телеграмм и писем со всех концов мира, в венских и немецких газетах появились статьи, посвященные Фрейду и психоанализу.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1926d). Inhibition, symptôme et angoisse, trad. M. Tort. Paris: PUF, 1951 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVII, 203–286].

- **Торможение: ограничение функций Я**

Фрейд утверждает, что торможение – не синоним симптома, поскольку можно наблюдать торможение, т. е. снижение функции (сексуальной, двигательной и т. д.), которое не обязательно является признаком патологии. Это не то же, что симптом – являющийся признаком патологического процесса. Затем Фрейд рассматривает нарушения, которым подвергаются различные функции Я при неврозах, и дает следующее определение, предполагающее участие Я: «*Торможение – это* ***функциональное ограничение Я*** *<…>*» (p. 4 [207]). Основываясь на этом, он различает два типа торможения: специфическое торможение и генерализованное торможение.

Существуют разные формы специфического торможения. Подобные торможения невротической природы появляются, например, у лиц, которые играют на фортепьяно, пишут или даже просто ходят, когда органы, задействованные в этой специфической деятельности, слишком сильно эротизированы. Иными словами, функция органа может быть нарушена, когда ее эротизация и ее символическое сексуальное значение на бессознательном уровне возрастают, как в следующей ситуации: «*Когда мы пишем, жидкость из пера выливается на лист белой бумаги, и если это действие получает символическое значение совокупления, или если ходьба символизирует перемещение по телу матери-земли, письмо и ходьбу приходится прекратить, потому что они означают совершение запретного полового акта*» (p. 4 [208]). При этой форме торможения Я отказывается функционировать, чтобы избежать конфликта с Оно. Другие формы торможения служат для самонаказания, например, те, что касаются профессии: Я избегает тогда конфликта со Сверх-Я, например, лишая себя права совершать некоторые действия или отказываясь от определенной деятельности.

Что касается генерализованных торможений, они возникают, когда Я сталкивается с частной задачей, например, когда Я подчинено работе горя или вынуждено сдерживать непрерывный поток сексуальных фантазий, что вынуждает его ограничивать расход энергии, потому что она уже

использована в другом месте. Фрейд делает вывод, что торможение – это ограничение функций Я либо из предосторожности, либо вследствие истощения энергии; следовательно, у нас есть основания отличать торможение от симптома, «*так как симптом не может быть описан как процесс, который происходит в Я или является его функцией*» (p. 5 [209]).

- **Новая теория тревоги**

В этой главе Фрейд выдвигает новые гипотезы о происхождении тревоги, вовлекающие Я, и отказывается от старых теорий, которые строились без учета Я. С этих пор он считает, что тревога – это аффект, который испытывает Я при встрече с опасностью и который, в конечном счете, всегда означает страх утраты объекта, как он уточняет в следующих главах. Фрейд делает такое заключение, исходя из определения симптома, который является знаком и замещающим формированием удовлетворения влечений, которое не имело места, а также результатом процесса вытеснения: «*В результате вытеснения Я добивается того, чтобы представление, связанное с неприятными переживаниями, не могло дойти до сознания*» (p. 7 [209]). Каким способом Я добивается этого? Благодаря *сигналу неудовольствия,* который поступает от Я перед восприятием опасного влечения, поступающего от Оно. Следующее за этим вытеснение может быть уподоблено попытке к бегству, говорит Фрейд, во время этого процесса Я отымает катексис от неугодной репрезентации и использует его энергию в разрядке, высвобождающей неудовольствие в форме тревоги. Фрейд делает заключение: «*...есть основания твердо придерживаться идеи, что Я – это именно то место, где появляется тревога, и отказаться от предшествующей концепции, согласно которой энергия катексиса вытесненного влечения автоматически превращается в тревогу*» (p. 9 [211]). К тому же, тревога воспроизводит в форме состояния аффекта существовавший ранее мнемонический образ, таким образом состояния аффекта представляют собой «*остаточные явления очень старых травматических событий*» (p. 9 [211]). В этом вопросе Фрейд выражает свое несогласие с Ранком, для которого каждое проявление тревоги было воспроизведением тревоги рождения. Конечно, Фрейд признает, что рождение является первой тревожной ситуацией по преимуществу, но он не согласен с тем, что она воспроизводится как таковая в любой ситуации тревоги. Фрейд отмечает, что мы слишком часто склонны подчеркивать слабость Я и преуменьшать то могущество, которое Я проявляет в процессе вытеснения.

- **Противоречивое отношение Я к симптому**

Если вытеснение показывает силу Я, то оно же показывает его слабость, так как влечение Оно, которое вытеснение превратило в явный симптом, ускользает от любого влияния и сохраняется вне организации Я: «*Сравнение, которое мы давно используем, представляет симптом инородным телом, постоянно* поддерживающим возбуждение и реакцию в тканях, в которых

оно закрепилось» (p. 14 [215]). Таким образом, борьба против влечения выливается в борьбу против симптома, продолжает Фрейд, и эта вторичная борьба защит принимает противоречивые формы. С одной стороны, Я пытается сделать симптом своим и больше не считать его инородным телом, так как Я присуща тенденция к связыванию и к унификации. Но стремление Я присвоить симптом может усилить его фиксацию, так, что образуется *вторичная выгода от* болезни, усиливающая сопротивления лечению. С другой стороны, присутствие симптома продолжает непрерывно нарушать Я: «*Настоящий заместитель изгнанного влечения продолжает играть его роль и без передышки требует удовлетворения, таким образом, вынуждая Я снова посылать сигнал неудовольствия и приводить в действие защиты*» (p. 16 [218]). В этой главе Фрейд дает замечательное определение Я и его стремлению к унификации, о котором мы еще вспомним, когда позже, в 1927 г., он введет понятие расщепления Я: «*Я – организация, в основе которой лежит свободная циркуляция и возможность для всех его составляющих влиять друг на друга. Его лишенная сексуальности энергия указывает на стремление к связыванию и унификации, и это стремление к синтезу нарастает по мере того, как Я развивается и становится сильнее*» (p. 14 [216]).

- **Двигатель вытеснения: страх кастрации**

Затем Фрейд возвращается к случаю «маленького Ганса» и устанавливает различие между симптомом (непонятная боязнь лошадей) и торможением (неспособность выйти на улицу), являющимся ограничением, которое Я налагает на себя, чтобы не вызывать симптом тревоги. Что делает тревогу Ганса неврозом, а не просто страхом? Фрейд отвечает: «*Один-единственный факт превращает это в невроз – то, что лошадь замещает отца*» (p. 21 [221–222]). По мнению Фрейда, это смещение облегчается активизацией врожденных следов тотемического мышления у маленького еще ребенка. Какие же средства есть в распоряжении Я для борьбы против неприятного влечения, такого как враждебность Ганса по отношению к своему отцу? По мнению Фрейда, Я имеет в своем распоряжении различные механизмы защиты, не только реактивное формирование, такое как чрезмерная нежность, скрывающая враждебность, или превращение в свою противоположность, как, например, обращение на самого себя агрессии, направленной на отца. Я также обладает способностью заставить влечение регрессировать, например, к оральной фазе в форме страха быть укушенным. Но настоящая движущая сила вытеснения – это страх кастрации, и Фрейд это доказывает как в случае маленького Ганса, так и в случае Человека с волками: «*В том и в другом случае движущая сила вытеснения – это страх кастрации; содержание тревоги – быть укушенным лошадью или съеденным волком – в деформированном виде замещает основное содержание: быть кастрированным отцом. Собственно говоря, именно это содержание подверглось вытеснению*» (p. 27 [226]). Фрейд изменяет свои взгляды на происхождение вытеснения: «*Здесь именно тревога ведет к вытеснению, а не вытеснение, как я когда-то думал, вызывает тревогу*» (p. 27 [226]).

- **Образование симптомов при обсессивном неврозе**

Обсессивный невроз характеризуется большим разнообразием симптомов, и Фрейд изучает, как ожесточенная борьба защит, характерная для него, влечет за собой постепенно ограничение Я, усиленное гиперстрогим отношением Сверх-Я. При этой форме невроза симптомы принимают две противоположные формы: это либо запреты, либо замещающее удовлетворение, часто скрытое за символическим перевоплощением: «*Образование симптома торжествует, когда удается сплавить запрет с удовлетворением так, что предписание или запрет, первоначально имевшие защитный характер, обретают еще и смысл удовлетворения*» (p. 33 [230]). Этот сплав – результат амбивалентности, и она также может отразиться в двух этапах симптома, когда второй этап отменяет первый. Вначале в обсессивном неврозе, так же как в истерии, устанавливается защита против либидинальных требований эдипова комплекса, а движущая сила защиты – также тревога кастрации. Но при обсессивном неврозе Я заставляет генитальную организацию регрессировать на анально-садистическую стадию и использует в качестве механизма защиты вытеснение. Однако, помимо вытеснения, «*которое является только одним из механизмов, используемых для защиты*» (p. 35 [231]), и регресса, Я использует также реактивное формирование, которое под влиянием Сверх-Я принимает форму добросовестности, сострадания и чистоплотности. Во время латентного периода главной задачей оказывается защита от искушения заниматься мастурбацией, а во время полового созревания пробуждение либидинальных и агрессивных влечений ведет к реактивации борьбы защиты против сексуальности, которая происходит отныне «*под знаменем морали*» (p. 37 [234]). Но при обсессивном неврозе агрессивные влечения остаются бессознательными и требуется значительная аналитическая работа, чтобы сделать их сознательными. Все происходит так, как если бы агрессивный аффект проявлялся в другом месте, в форме чувства вины перед Сверх-Я, безжалостно строгого по отношению к Я. Но иногда чувство вины отсутствует, и тогда агрессивный аффект проявляется через симптомы, такие как искупительные действия или ритуалы самонаказания, которые одновременно имеют значение мазохистского замещающего удовлетворения.

- **Ретроактивное аннулирование и изоляция**

Две другие защитные техники, которые используются при обсессивном неврозе, продолжает Фрейд, – это ретроактивное аннулирование и изоляция. Ретроактивное аннулирование (от немецкого «das Ungeschehenmachen») состоит в том, чтобы относится к событию как *не имевшему места*. Речь идет об отрицательной магии, которая стремится *стереть дуновением* не последствия события, но само событие. Например, Человек с крысами вновь положил на дорогу камень, который он вначале убрал для того, чтобы колесо экипажа его подруги не наехало на этот камень. Что касается изоляции, то эта защитная техника, также типична для обсессивного невроза,

стремится изолировать мысль или поведение, например устанавливая в течении мысли паузу, во время которой прожитый опыт не забыт, но лишен своего аффекта и своих ассоциативных связей: «*Элементы, которые, таким образом, удерживаются отдельно, как раз те, которые ассоциативно связаны друг с другом; роль изоляции влечений состоит в том, чтобы гарантированно исключить их связь в мысли*» (p. 43 [238]). К изоляции добавляется табу на прикосновение, которое также играет главную роль в избегании прикосновений, телесного контакта или загрязнения. В связи с сильным влиянием этих механизмов защиты обсессивному невротику особенно трудно следовать основному правилу психоанализа.

- **Утрата и сепарация: новая концепция тревоги**

Продолжая свое исследование тревоги при фобиях и при обсессивном неврозе, Фрейд вводит новую концепцию происхождения тревоги и отныне объясняет ее реакцией на угрозу утраты объекта и сепарации с ним, опасности, которая превышает опасность, происходящую только от страха кастрации. До сих пор Фрейд считал, что при фобическом неврозе боязнь животных – это аффект, реакция Я на страх кастрации, а при обсессивном неврозе Я боится наказания со стороны Сверх-Я, и в основе этой тревоги тоже лежит страх кастрации. Но в 1926 г. Фрейд идет дальше и переходит от страха кастрации к «*ситуации опасности*» более общего характера, т. е. к опасности сепарации и утраты объекта. Эта ситуация опасности – не опасность смерти, на которую ссылаются некоторые, говоря о травматическом неврозе, потому что, по мнению Фрейда, в бессознательном нет ничего такого, «*что могло бы стать содержанием нашего понятия разрушения жизни*» (p. 53 [246]). Зато индивид ежедневно испытывает одну за другой потери, которые готовят его к переживанию утраты и сепарации, например, «*ежедневный опыт расставания с содержанием кишечника и утрата материнской груди, когда ребенка отнимают от груди*» (p. 53 [246]). Итак, Фрейд приходит к новой концепции тревоги: «*До настоящего времени мы считали ее* [*тревогу*] *аффектом, сигнализирующим об опасности, но она часто появляется и там, где речь идет об опасности кастрации, и как реакция на утрату, на сепарацию*» (p. 54 [246]).

- **От утраты объекта к страху утраты объекта**

Затем Фрейд задается вопросом: какова же настоящая природа *опасности*, которую ощущает Я и которая вызывает аффект тревоги? Если рождение представляет собой прототип опыта тревоги, существуют и другие, и проявления тревоги у ребенка входят в их число: например, когда ребенок остается один, когда он остается в темноте или с незнакомым человеком вместо привычного лица (матери), «*можно свести эти три случая к единственному условию – отсутствию любимого* (*страстно желанного*) *человека*» (p. 61 [252]). Но речь идет не просто о ситуации утраты, эта ситуация тре-

воги – выражение глубокого смятения у младенца. И Фрейд идет дальше, заявляя, что настоящий *очаг опасности* для младенца – это экономическое нарушение, приходящее вслед за отсутствием удовлетворения, т. е. за ростом напряжения потребности: «*Младенец проявляет столь живую потребность ощущать мать, потому что он по собственному опыту знает, что она немедленно удовлетворяет все его потребности*» (p. 61 [252]). Затем Фрейд вводит фундаментальное различие между физическим страданием младенца и его психическим страданием, что приводит к различию между тревогой, связанной с *утратой* объекта, – это *автоматическая,* непроизвольная *тревога* – и тревогой, связанной со *страхом утраты объекта,* – это психологическая *тревога-сигнал: «Имея опыт того, что внешний, воспринимаемый объект способен положить конец опасной ситуации, которая возникает в момент рождения, младенец перемещает содержание опасности с экономической обстановки на то, что является решающим условием: на утрату объекта. Отсутствие матери отныне воспринимается как опасность, при которой младенец дает сигнал тревоги, прежде чем возникнет опасная экономическая ситуация»* (p. 62 [253]).

По мере развития ребенка содержание ситуаций опасности меняется. Так, в фаллической фазе страх утраты материнского объекта превращается в тревогу кастрации. На следующем этапе появляются страх перед Сверх-Я и страх потери любви Сверх-Я, в то время как тревога кастрации развивается в моральную и социальную тревогу. Фрейд уточняет, что все эти тревожные ситуации могут в дальнейшей жизни сосуществовать бок о бок и побудить Я реагировать тревогой. В заключение он уточняет, что тревога кастрации не является единственной движущей силой невроза: доказательством тому служит случай женщины, у которой есть *комплекс* кастрации, но не *тревога* кастрации, так как она не может бояться потерять пенис, которого у нее нет. По мнению Фрейда, для женщины наиболее активным условием опасности, вызывающей тревогу, является утрата объекта, но со следующей поправкой: «*Речь идет не об отсутствии объекта или его реальной утрате, но о потере любви со стороны объекта*» (p. 68 [258]).

- **Невротик и нормальный человек**

В процессе развития некоторые обстоятельства, вызывающие тревогу, исчезают, как, например, в случае детской боязни темноты или страха перед незнакомыми людьми. Но некоторые страхи сохраняются в более или менее смягченном виде в течение всей жизни, такие как страх кастрации или страх перед Сверх-Я. Невротик отличается от нормального индивида тем, что его реакции на эти опасности преувеличены, и он ведет себя так, как если бы предшествующие опасные ситуации все еще были актуальны. К тому же состояние взрослого человека не дает абсолютной защиты против возвращения первичной травматической ситуации, способной генерировать тревогу: «*Можно понять, что у каждого из нас существует граница, за пределами которой психический аппарат не способен справиться с количеством возбуждения, которым требуется овладеть*» (p. 74 [263]).

- **Три фактора, лежащие в основе невроза**

Фрейд спрашивает себя, почему некоторым индивидам удается преодолевать аффект тревоги, в то время как другие терпят поражение. Он начинает с того, что опровергает две попытки объяснения: одну из них предложил Адлер, другую – Ранк. Фрейд считает упрощением объяснение Адлера, который приписывает провал попытки справиться с тревогой слабости органов индивида. Что касается теории Ранка, представленной в *«Травме рождения» (1924)*, то он считает конечной причиной развития тревоги опыт, пережитый во время рождения: Фрейд полагает, что этого недостаточно, чтобы объяснить происхождение неврозов, хотя он оценил эту попытку.

Затем Фрейд стремится показать, что *количественный* фактор играет решающую роль в этиологии неврозов, хотя его невозможно прямо выявить. Несмотря на это, можно выделить три основных фактора, которые участвуют в возникновении невроза. Первый фактор – биологический, и он объясняется очень продолжительным состоянием беспомощности и зависимости в период детства человека: вот почему *«биологический фактор лежит в основе первых ситуаций опасности, он вызывает потребность быть любимым, которая навсегда сохраняется у человека»* (p. 83 [269]). Второй фактор – филогенетический: он связан с тем, что сексуальная жизнь человека развивается не подряд, а в два этапа, из которых второй начинается с половым созреванием; Фрейд объясняет эту особенность тем обстоятельством, что *«в ходе существования человеческого рода произошло некое событие, оставившее после себя этот перерыв в сексуальном развитии как историческое отложение»* (p. 83 [270]). Этот фактор оказывает влияние на Я, которое рассматривает требования детских сексуальных влечений как опасные, что ведет к регрессии и вытеснению: *«Здесь мы имеем дело с самой прямой этиологией неврозов»* (p. 83 [270]). Третий фактор – психологический: он связан с несовершенством нашего психического аппарата, где Я может защитить себя от опасности влечений, *«только ограничивая себя и претерпевая образование симптома ради того ущерба, который симптом наносит влечению»* (p. 84 [270]).

- ***Приложение***

В *Приложении* Фрейд вносит существенные дополнения в уже сказанное. В *первом Приложении (A)* он обсуждает те изменения, которые внес в свои прежние взгляды, в частности, в свою новую теорию тревоги, рассматривающую Я в ситуации опасности. Он считает теперь, что не вытеснение приводит к возникновению тревоги, но что Я создает защиты с целью избежать ее появления. Впрочем, Фрейд заново вводит *«старое понятие защиты»*, где вытеснение больше не занимает привилегированного положения, как раньше, а представляет собой одну из защит наравне с другими. Фрейд отмечает также, что сопротивление, которое надо преодолеть во время анализа, исходит от Я *«которое цепляется за свой декатексис»* (p. 87 [273]).

Во втором и третьем *Приложениях* (*B* и *C*) Фрейд формулирует решающие пояснения, касающиеся тревоги. В *Приложении B* он сперва ставит вопрос о том, что составляет различие между тревогой перед лицом реальной опасности и невротической тревогой, которая несоразмерна природе реальной опасности. Затем он различает *смятение* материальное (*Hilflosigkeit*) перед лицом реальной опасности и *смятение* психическое перед лицом опасных влечений. Состояние смятения может породить *травматическую ситуацию,* но ее нужно отличать от другой ситуации – *ситуации опасности.* Действительно, когда индивид оказывается способен предусмотреть ситуацию опасности и приготовится к ней вместо того, чтобы пассивно ожидать ее появления, это становится значительным прогрессом в самозащите. В ситуации ожидания, которую Фрейд называет *ситуацией опасности,* Я подает *сигнал тревоги: «Этот сигнал означает: я готовлюсь к ситуации опасности или настоящая ситуация напоминает мне одно из травматических событий, которые я уже пережил раньше»* (p. 95 [281]). Этот переход от пассивности к активности аналогичен цели, к которой стремится ребенок в игре, когда он, повторяя мучительные впечатления, пытается ими овладеть. *«Но решающий момент – это смещение реакции тревоги, которая в своем развитии проходит путь от своего появления в момент бедствия до ожидания беды в ситуации опасности»* (p. 96 [281]). Именно здесь Фрейд переходит от биологической теории происхождения тревоги к теории, которая учитывает психические процессы индивида.

В *Приложении C* Фрейд уточняет различие, которое он устанавливает между тревогой, страданием и горем. Изучая страх младенца перед незнакомым человеком, Фрейд замечает, что тот испытывает не только тревогу, но и страдание: *«У него, кажется, перепутано то, что позднее будет отдельным. Он еще не может отличить временное отсутствие от окончательной утраты, как только он теряет из виду мать, он ведет себя так, будто никогда не увидит ее снова»* (p. *99* [284]). Воспроизведение успокаивающего опыта позволяет младенцу узнать, что за исчезновением матери следует ее появление, и это снижает тревогу: *«Тогда он может испытывать стремление к ней, не сопровождающееся отчаянием»* (p. 99 [284]). Фрейд добавляет, что ситуация, когда младенец сталкивается с отсутствием матери, является травматической, если в этот момент он испытывает потребность, которую мать должна была бы удовлетворить. Ситуация превращается в ситуацию тревоги, если это не актуальная потребность: *«Первое условие появления тревоги, которую объявляет само Я, – это потеря восприятия объекта, которая приравнивается к утрате объекта. Потеря любви пока не учитывается»* (p. 100 [284]). Затем Фрейд кратко резюмирует свою точку зрения: *«Итак, страдание – характерная реакция на утрату объекта; тревога – реакция на опасность, которая влечет за собой эту утрату и, в соответствии с последующим смещением, – реакция на опасность утраты объекта саму по себе»* (p. 100 [285]). Фрейд уточняет еще, что в момент рождения отсутствие матери не может быть переживанием для новорожденного, так как для него еще не существует объекта. В заключение он дает определение страданию и горю и уподобляет экономические условия, созданные страданием, испытанным во время утраты объекта, обстоя-

тельствам телесного повреждения. Что касается аффекта горя, то он появляется под влиянием тестирования реальности, и его болезненный характер вызван необходимостью пережить сепарацию с объектом, которого больше нет.

Постфрейдисты

Сепарационная тревога и тревога утраты объекта в психоаналитической клинической практике

Новаторские концепции Фрейда, признание которых потребовало значительного времени

Взгляды, высказанные Фрейдом в работе *Торможение, симптом и тревога* в 1926 г., поначалу оказались частично приняты, частично обойдены молчанием и частично отклонены (Kris, 1956; Bowlby, 1973). Те, кто приуменьшал важность нового взгляда на происхождение тревоги, выдвигали разные аргументы. Так, по мнению Ж. Лапланша (Laplanche, 1980), после 1926 г. Фрейд уделяет слишком большое внимание реальности, желая изменить свое прежнее мнение о происхождении тревоги и одновременно отказываясь от своего взгляда на влечения. Что до психоаналитиков лакановского течения, они считают, что сепарационная тревога и тревога утраты объекта, так же как аффект горя,– явления не символического порядка, они принадлежат реальности. Поэтому, по их мнению, эти понятия располагаются вне поля анализируемого. Считая ревизию, проведенную Фрейдом в 1926 г., слишком запоздалой, эти психоаналитики, ссылаясь на Лакана, подчеркивают исключительное значение страха кастрации, и «Жуткое» (Freud, 1919h) является для них основным Фрейдовым текстом по этому вопросу. Но тот факт, что сам Фрейд приуменьшал ценность работы *Торможение, симптом и тревога* сразу после ее публикации, не может быть принятым в качестве уважительного аргумента: действительно, Фрейд на словах регулярно высказывался уничижительно о своих работах сразу после их завершения, например, он обесценил *Я и Оно* (1923b) вскоре после выхода ее в свет. Какие бы сомнения ни выражали психоаналитики по поводу ценности работы *Торможение, симптом и тревога,* я считаю, что это значительный труд, а вовсе не умозрительная спекуляция: в нем Фрейд представил глубокие размышления, посвященные клиническим феноменам, которые мы повседневно наблюдаем в психоаналитической практике и которые, несомненно, не могли не интриговать его.

Место сепарационной тревоги в теориях объектных отношений

В следующие десятилетия идеи, представленные Фрейдом, получили развитие в заметных работах, принадлежавших главным образом психоаналитикам, уделявшим особое внимание периоду раннего детства и превращениям тревоги сепарации и утраты в рамках теории объектных отношений (Manzano, 1989). Хотя явления, связанные с тревогой сепарации и утраты объекта, в разной степени встречаются в процессе анализа у всех анализируемых, первыми, кто этим заинтересовался, стали психоанали-

тики, работавшие с детьми, нарциссическими пациентами и психотиками. Рассмотрим вкратце основные моменты этого развития.

У М. Кляйн сепарационная тревога вписывается в рамки ее собственной концепции объектных отношений и ее теории тревоги. Для нее первая тревога ребенка – страх быть уничтоженным влечением к смерти (аннигиляции), поэтому это влечение проецируется вовне и образует фантазию о плохом объекте, который угрожает Я извне. Надо отметить, что страх аннигиляции, описанный М. Кляйн, в чем-то схож с первой переживаемой Я ситуацией опасности, описанной Фрейдом в 1926 г., т. е. соответствует страху оказаться переполненным чрезмерным и неукротимым возбуждением. По мнению М. Кляйн, каждый ребенок в течение своего развития сталкивается с ситуациями сепарации и утраты, которые могут вызвать две формы тревоги: *тревогу преследования*, т. е. *страх* быть уничтоженным плохим объектом, относящийся к параноидно-шизоидной позиции, и *депрессивная тревога* повредить объект и потерять его, которая относится к депрессивной позиции. По мнению Кляйн, отнятие от груди является прототипом всех дальнейших потерь. По мере развития ребенка эти потери все меньше и меньше переживаются в режиме преследования и все больше и больше в депрессивной форме; в ходе дальнейшего существования всякий раз, как происходит потеря, депрессивные чувства реактивируются. В клинической практике М. Кляйн рассматривает реакции на сепарацию как активирующие параноидные и депрессивные тревоги. Кляйнианские и посткляйнианские аналитики придают большое значение подробному и точному анализу фантазий так же, как производным влечений и защитам, возникающим в переносе, в ходе аналитического взаимодействия (Quinodoz, 1991).

Что касается Анны Фрейд, она не рассматривает отношение между тревогой и сепарацией в своих первых трудах, но обращается к этому вопросу, когда начинает наблюдать за младенцами, потерявшими родителей во время войны (Freud A. and Burlingham, 1943). В дальнейшем она рассматривает проблему сепарационной тревоги у детей в клиническом и теоретическом плане и описывает различные формы тревоги у детей в первые годы жизни, в том числе сепарационную тревогу. Каждая форма тревоги, по ее мнению, характерна для определенной стадии развития объектных отношений (1965). Реакции, вызванные перерывами в ходе анализа, представляют большой интерес для А. Фрейд, так как они показывают, какой стадии развития достиг ребенок, а также точку максимальной возможной регрессии, освещая природу его психической организации. Например, если ребенок еще не достиг стадии константности объекта, аналитик не может занять значительное место в его внутреннем мире.

Работы Рене Спица о последствиях сепарации основаны, прежде всего, на наблюдении ситуаций утраты и сепарации с реальным объектом. Выводы, которые он делает о психическом развитии ребенка и взрослого, близки к выводам Анны Фрейд. Интерес Спица главным образом направлен на «тревогу восьмого месяца», т. е. тревогу ребенка, который реагирует на отсутствие матери, когда замечает лицо чужого человека, а также на «аналитическую депрессию», которая появляется, когда сепарация с матерью происходит слишком рано: лишенный матери младенец не развивается

ни физически, ни психически и регрессирует иногда до того, что умирает (Spitz, 1957, 1965).

По мнению Д. В. Винникотта, расстройства на уровне «первичного эмоционального развития», например чрезмерная тревога сепарации, – это признак нарушений отношения матери и ребенка в первые месяцы жизни. По его мнению, первичное развитие младенца полностью зависит от материнской заботы, или *холдинга*. Он описывает, как в процессе созревания ребенок постепенно развивает свою «способность быть в одиночестве». Постепенно фасилитирующая среда, поддерживающая его Я, интроецируется и ребенок обретает способность оставаться действительно в одиночестве, хотя бессознательно у него всегда сохраняется внутреннее ощущение присутствия, репрезентирующее мать и ее заботу о ребенке (1958).

По мнению М. Малер, сепарационная тревога возникает в ходе нормального детского развития в конце симбиотического периода, к 12–18 месяцам, т. е. относительно поздно, когда начинается борьба за индивидуацию (Mahler, Pine, Bergman, 1975). Малер различает момент биологического рождения и более поздний момент психологического рождения, последний она называет процессом сепарации–индивидуации. Решающие этапы сепарации–индивидуации происходят в раннем детстве, но этот конфликт остается актуальным на протяжении всего существования, на каждом новом этапе жизни реактивируя тревожное ощущение сепарации и подвергая испытанию чувство идентичности.

Наконец для любого психоаналитика, который изучает проблему тревоги, в особенности сепарационную тревогу и страх утраты объекта, основным источником остаются произведения Д. Боулби (Bowlby, 1969, 1973, 1980), хотя его выводы и оспаривают с психоаналитической точки зрения. Стремясь преодолеть противоречия и споры, он выдвигает действительно новую теорию, которая, с его точки зрения, является общим знаменателем всех теорий, которые он рассмотрел. Для Боулби привязанность – инстинктивное поведение: ребенок привязывается не к лицу, которое его кормит, а к тому, кто чаще всего с ним взаимодействует, и привязанность ребенка к матери развивается или не развивается в зависимости от степени достигнутого взаимопонимания. Между тем некоторые основные понятия психоанализа у Боулби отсутствуют, например понятия влечений и защит, бессознательных фантазий или детского опыта, которые воспроизводятся во взрослой жизни в ситуации переноса и т. д. Тем не менее заслуга его в том, что вопросы, которые он вынес на рассмотрение, стимулируют интерес психоаналитиков к основной проблеме, которой до появления его работ не уделяли достаточного внимания.

Хронология понятий

Автоматическая тревога – страх кастрации – сепарационная тревога – сигнальная тревога (тревога-сигнал) – ретроактивное аннулирование – защиты – смятение (Hilflosigkeit) – горе (аффект горя) – страдание – изоляция – утрата объекта – сепарация – вытеснение – травматическая ситуация – ситуация опасности.

БУДУЩЕЕ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ
S. FREUD (1927c)

К ВОПРОСУ О НЕВРАЧЕБНОМ АНАЛИЗЕ
S. FREUD (1926e)

Научное кредо

Между 1926 и 1930 гг. Фрейд последовательно публикует три книги, в которых с психоаналитической точки зрения рассматривает различные аспекты культуры и цивилизации.

В работе *Будущее одной иллюзии* (1927c) Фрейд берет за модель христианство в том виде, как его практикуют на Западе, и постулирует, что религия основана на потребности в иллюзии, которая живет в человеке, пытающемся защищаться от опасностей существования. Он вновь утверждает, что религия – *«универсальный обсессивный невроз человечества»* и что ее надо оставить, как ребенок оставляет свой инфантильный невроз в процессе развития. Фрейд возлагает надежды, связанные с эволюцией человечества и приходом его к зрелости, на торжество науки. В этом труде он ведет диалог с воображаемым собеседником, в котором мы можем узнать его друга и корреспондента из Швейцарии, пастора Оскара Пфистера, которому он рассказывает о своей непоколебимой вере в науку: *«Нет, наша наука – не иллюзия!»* (p. 80 [197]). Пфистер присутствует в трудах Фрейда не только как пастор в *Будущем одной иллюзии,* но и как психоаналитик, не имеющий медицинского образования, в работе *К вопросу о неврачебном анализе*.

***К вопросу о неврачебном анализе* (1926e) стал вкладом Фрейда в спор, который в те годы внес опасный разлад в психоаналитическое сообщество, занятое вопросом: могут ли практиковать психоанализ люди, не имеющие медицинского образования или только медики могут заниматься психоанализом? Фрейд с самого начала положительно отвечал на данный вопрос и вновь утверждает это в своей книге.**

В следующей главе мы рассмотрим третью часть трилогии, которая называется *Неудовлетворенность культурой* (1930a).

Биографии и история

Фрейд и иудаизм

Фрейд родился в не слишком религиозной еврейской семье, однако его родители уважали традиции и соблюдали основные религиозные праздники.

Мальчиком он рано приобщился не только к нескольким культурам и разнообразным языкам, но и испытал на себе воздействие нескольких религиозных конфессий. При рождении Фрейд получил еврейское имя Шломо (Соломон) и христианское имя Сигизмунд, которое превратилось в Зигмунд. Некоторое время уход за ним осуществляла «няня», ревностная католичка. Всю жизнь он сохранял верность своему еврейскому самосознанию; в 1925 г. в статье «Зигмунд Фрейд представляет сам себя» (1925b) он писал: «Мои родители были евреями», и дальше: «Я сам остаюсь евреем». В течение многих лет он регулярно присутствовал на собраниях еврейской организации Б'най Брит. Мысля себя нерелигиозным евреем, как и его родители, он признавал тесные связи, существовавшие между иудаизмом и психоанализом, в частности талмудический способ мышления. С появлением К. Г. Юнга Фрейд испытал облегчение, уверившись, что психоанализ станет таким образом доступен неевреям и перестанет ассоциироваться исключительно с иудаизмом в культуре, где так сильно было влияние антисемитизма.

Взгляд психоаналитика – «иудея и атеиста» – на религию

Фрейд, который называл себя «иудеем-атеистом», неоднократно обращался к вопросу об отношениях религии и психоанализа. Его подход к религии можно счесть скорее антропологическим, чем теологическим. Таково, например, мнение французского социолога религии Одона Валле, который считает, что Фрейд рассматривал вопросы религии главным образом «как факт цивилизации, и обсуждение ее вероучения [для него] не так важен, как ее влияние на общество и на индивидов» (Vallet, 2002, p. 1432). Тем не менее, хотя Фрейд избегал определенной позиции в богословских вопросах, он неоднократно сообщал о своем атеизме, как, например, в работе «Религиозное переживание» (1928a), где он отвечает на вопрос молодого американского врача, написавшего ему о пережитом им мистическом опыте. Вспомним также, что в статье «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907b) Фрейд говорит о близости между ритуалами обсессивного невроза и церемониалом религиозных обрядов. Впоследствии он вернется к вопросу о религии в «Тотеме и табу» (1912–1913a), затем в «Психология масс и анализ Я» (1921c), где он описывает церковь как один из прототипов искусственно созданной группы. Он вновь вернется к рассмотрению религии в 1939 г. в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939a).

Когда в 1927 г. Фрейд писал «Будущее одной иллюзии», им двигала, без сомнения, внутренняя исследовательская потребность, а также желание ответить на религиозные искания Ромена Роллана. В 1919 г. этот писатель издал пьесу «Лилюли» (ее название – «Liluli» – ономатопея [звукоподражание] к слову «иллюзия») и посвятил ее «Разрушителю иллюзий, профессору доктору Фрейду». Фрейд в ответ выбрал для своей книги название, отсылающее к «Лилюли». Ромен Роллан много писал о религиозном чувстве, которое он сравнивал с «океаническим чувством» – понятием, которое Фрейд подхватит и осмыслит в «Неудовлетворенности культурой» (1930a). Публикация «Будущего одной иллюзии» вызвала немедленный резонанс, и книга

стала предметом яростных споров. Друг Фрейда, цюрихский пастор Оскар Пфистер, опубликовал выразительный ответ на нее под названием «Иллюзия одного будущего» (1928), в котором подчеркивал, что Фрейд смешивает религию и веру.

Фрейд и пастор Пфистер

Оскар Пфистер (1873–1956), пастор и педагог из Цюриха, был верным другом Фрейда, с которым последний регулярно переписывался в течение более чем тридцати лет. Пфистер узнал о творчестве Фрейда от К. Г. Юнга и Э. Блейлера в 1908 г. и сразу стал применять психоаналитические идеи в педагогике и своей пастырской деятельности. Он, в частности, придерживался мнения, что религиозное врачевание души можно обогатить за счет идей Фрейда и что задача пастора, просвещенного психоанализом, состоит в помощи пациенту в борьбе с неврозом, что будет способствовать осознанию пациентом ценности христианского вероучения. Джонс говорит об этой глубокой дружбе: «Фрейд относился к нему [Пфистеру] с настоящей любовью, он восхищался его высокой нравственностью, его щедрым альтруизмом, его оптимизмом в отношении человеческой природы. Мысль о непринужденной дружбе с протестантским пастором, которому можно было писать письма, начиная их словами «Дорогой угодник Божий», разумеется, забавляла его, тем более, что «дерзкий еретик», как он сам себя называл, всегда мог рассчитывать на терпимость пастора» (Jones, 1953–1957, t. II, p. 48). Пфистер стал пионером психоанализа в Швейцарии. Он начал с того, что вступил в основанную Юнгом Психоаналитическую ассоциацию Цюриха, затем в 1913 г. принял сторону Фрейда в противостоянии, приведшем к разрыву с Юнгом. В 1919 г. он стал одним из основателей Швейцарского психоаналитического общества.

Несколькими годами позже в молодом Швейцарском обществе произошел конфликт из-за того, что психоанализ начали практиковать люди, не имевшие медицинского образования, а также из-за практики проведения сокращенного психоанализа без проработки переноса и сопротивлений. Эта техника была введена Пфистером в эпоху зарождения психоанализа в стране (Weber, 2002, p. 1662). Группа врачей основала тогда Швейцарское медицинское психоаналитическое общество, и лица без медицинского образования – среди которых оказался и Пфистер – не были в него приняты. Пфистер, несмотря на свою неортодоксальную практику и неодобрительное отношение Фрейда к сокращенному анализу, остался членом Швейцарского психоаналитического общества. Относительно тесных связей между «Будущим одной иллюзии» и «К вопросу о неврачебном анализе» всегда охотно цитируют следующее письмо, отправленное Фрейдом Пфистеру 25 ноября 1928 г.: «Я не знаю, поняли ли Вы связь между „Неврачебным анализом“ и „Иллюзией“. В первой работе я хочу защитить психоанализ от врачей, во второй – от священников. Я хотел бы вверить его сообществу, которое в настоящее время не существует: светскому объединению врачевателей душ, которые не обязаны быть врачами и не должны быть священниками».

БУДУЩЕЕ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ (1927c)

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1927c). L'avenir d'une illusion, trad. M. Bonaparte. Paris: PUF, 1971 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVIII, 141–197].

• Моральные ценности на страже цивилизации

В первых двух главах Фрейд показывает, что цивилизации необходимо утверждать высокие моральные ценности, если она хочет защититься от деструктивных наклонностей составляющих ее индивидов. В число моральных устоев, образующих то, что он называет «*духовным достоянием культуры*», Фрейд включает ценности психологического порядка, культурные идеалы, искусство и религиозные идеи. Прежде чем затрагивать собственно религиозный вопрос, Фрейд обрисовывает этапы, пройденные цивилизацией в своем развитии, чтобы показать, как человечество сумело постепенно покорить природу и организовать распределение доступных благ между людьми. Любая цивилизация требует от человека подавления естественных влечений и принесения их в жертву общему благу, так что, в конце концов, она сталкивается с враждебностью индивидов; вот почему, пишет Фрейд, «*кажется, что любая цивилизация основывается на принуждении и на отказе от инстинктов*» (p. 10 [147]). Чтобы защитить цивилизацию от мятежа и от деструктивных наклонностей индивидов, недостаточно равномерно распределить ресурсы и использовать принуждение, необходимо прибегать к различным средствам, позволяющим людям примириться с цивилизацией, приходится компенсировать приносимые ими жертвы. В процессе психического развития человечества удалось достичь того, что принуждение постепенно интериоризируется в основном благодаря появлению Сверх-Я. Хотя цивилизация сумела частично овладеть такими примитивными инстинктами, как инцест, каннибализм и убийство, многие другие инстинкты остаются необузданными, и только принуждение может их подавить: «*Мы замечаем тогда, с удивлением и беспокойством, что большинство людей повинуется культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, а значит, только там, где это принуждение ощущается, и до тех пор, пока его опасаются*» (p. 17 [152]). Следовательно, мы не можем с уверенностью полагаться на нравственные качества человека. Среди других средств, способных повысить моральный уровень индивидов, мы обнаруживаем культурные идеалы данной цивилизации: эти идеалы служат примером и приносят тем, кто им следует, удовлетворение нарциссического порядка, которое эффективно уравновешивает их враждебность по отношению к цивилизации. Искусство, по мнению Фрейда, является третьим средством, способным доставить удовлетворение, замещающее обусловленное цивилизацией самоотречение, потому что оно выразительно напоминает

об идеалах культуры. Но именно религиозные идеи в наиболее широком смысле этого слова представляют, по мнению Фрейда, нравственную ценность, наиболее важную для сохранения цивилизации.

- **Рождение религиозных идей**

В чем заключается особая ценность религиозных идей? Фрейд предлагает нам представить хаос, который начался бы, если бы мы отказались от всех запретов на инстинкты и позволили людям возвратиться в естественное состояние: «*По правде говоря, главная задача цивилизации, смысл ее существования состоит в том, чтобы защищать нас от природы*» (p. 22 [155]). Но цивилизации может только частично выполнить эту задачу и не спасает нас ни от стихийных бедствий, ни от тайны смерти, которые заставляют нас осознать нашу слабость. Как первобытный человек боролся с силами природы и судьбы? Первый шаг состоял в персонификации природных явлений, представлении каждого природного явления в образе сверхчеловека, сверхъестественного существа вплоть до обожествления этих сверхъестественных существ. По мнению Фрейда, источник этой реакции – в состоянии беспомощности маленького ребенка, который склонен видеть в родителях, особенно в отце, всемогущих существ, одновременно защищающих и внушающих страх.

Но со временем человек стал замечать, что не может ожидать от богов защиты от неизбежных опасностей со стороны природы или судьбы, и отныне речь шла только о том, чтобы просить их обратить внимание на его страдания и позаботиться о сохранении предписаний цивилизации. Таким образом, религиозные идеи родились из потребности сделать выносимым и смятение перед лицом опасностей, уготованных человеку природой и судьбой, и ущерб, который наносит человеку общество: «*Все это означает, что жизнь в этом мире служит замыслу, природу которого, конечно, трудно разгадать, но который наверняка предполагает совершенствование человеческой природы*» (p. 26 [159]). Таким образом, *Высший разум* управляет нашей судьбой, *благосклонное Провидение* призирает за нами, жизнь после смерти становится продолжением нашей земной жизни, побуждая к достижению совершенства. Идея Бога сформировалась, по мнению Фрейда, по образу отношения ребенка к отцу. Фрейд уточняет, что он рассматривает только «*окончательную фазу, которой является современная христианская цивилизация западных белых рас*» (p. 28 [160]) и что он оставляет в стороне изучение других форм религии.

- **Роль детской беспомощности**

Фрейд продолжает свое исследование в форме диалога с безымянным *оппонентом,* в котором можно узнать пастора Оскара Пфистера. Этот воображаемый собеседник задает вопрос: что заставило людей заменить животное-бога, образ которого лежит в основе тотемизма, на бога в образе человека?

Фрейд отвечает, используя понятие детской беспомощности, которое он ввел в 1926 г. в работе *Торможение, симптом и тревога*. Именно физическая и психическая беспомощность маленького ребенка побуждает его искать помощи вначале у матери, затем у отца, перед которым ребенок испытывает «*как страх, так и восхищение*» (p. 33 [164]). По мнению Фрейда, чувство бессилия ребенка, беспомощности лежит в основе религии.

- **Отсутствие доказательств**

Фрейд задается вопросом: чем подтвердить религиозные идеи, т. е. утверждения религии о фактах внутренней и внешней реальности, «*которые требуют веры с нашей стороны*» (p. 35 [165])? По мнению Фрейда, религиозные идеи, столь важные для нашего культурного достояния, парадоксальным образом основаны на не слишком прочных доказательствах: мы не можем считать серьезным доказательством тот факт, что в это верили еще наши предки или что доказательства известны с незапамятных времен. Нельзя признать доказательством и *Credo quia absurdum* («Я верю, потому что это абсурдно») отцов церкви, означающее, что религиозное учение выше разума и что речь идет о внутреннем ощущении его правдивости. К тому же чисто индивидуальный опыт не заинтересовал бы остальных: «*Что может значить для других тот факт, что в экстазе, который захватил все ваше существо, вы приобрели непоколебимое убеждение в реальной правдивости религиозных учений?*» (p. 39 [169]). Но в таком случае, как же религиозные идеи смогли оказать столь значительное влияние на человечество независимо от доводов разума и «*вопреки несомненному отсутствию достоверности?*» (p. 41 [170])

- **Религиозные идеи – это иллюзии**

Отвечая на это, Фрейд утверждает, что религиозные идеи – это иллюзии, т. е. они представляют собой осуществление самых сильных и истовых желаний человечества. Эти желания основаны на детской беспомощности и на страхе перед опасностями существования, которые находят утешение в мысли о существовании Провидения, и справедливости, и жизни после смерти. Однако Фрейд не желает раздражать собеседника и своих читателей и уточняет, что отличает иллюзию от ошибки и галлюцинации: иллюзия – это искажение, происходящее от человеческих желаний, и она, в отличие от галлюцинации, не обязательно вступает в противоречие с реальностью. В конечном счете, добавляет он, только личное отношение решает, является ли вера иллюзией или бредовой идеей. Фрейд уточняет, что он не выступает «*ни за, ни против действительной ценности религиозных учений*» (p. 47 [174]), но лишь косвенно выражает свои сомнения, удивляясь тому, что идеи Бога-Создателя, Провидения, нравственного миропорядка и жизни будущего века так хорошо совпадают с нашими собственными желаниями и с желаниями наших предков.

- **Что произойдет, если люди утратят религиозную иллюзию?**

Воображаемый собеседник возражает Фрейду, что если религиозные верования – это действительно иллюзии, как он утверждает, то, может быть, опасно открывать людям правду, потому что они могут лишиться поддержки и утешения, ничего не получив взамен. Фрейд отвечает, что верующий человек не позволит лишить себя веры при помощи подобных аргументов. Напротив, Фрейд считает, что, если эта публикация и повредит кому-то, так только ему, Фрейду, а также психоанализу: «*В настоящее время можно видеть, к чему ведет психоанализ* [*скажут они*]. *Маска сброшена: он призывает к отказу от Бога и от всех нравственных идеалов, как мы всегда и подозревали*» (p. 52 [176]). Но Фрейд готов выдержать очередной натиск. Конечно, соглашается он, религия немало способствовала сохранению цивилизации в течение тысячелетий, но сегодня, когда ее влияние на людей уменьшилось, цивилизация находится под угрозой, в частности, из-за развития научного мышления. Между тем если угроза существует, то она исходит, разумеется, не от ученых и не от просвещенных людей, а скорее от толпы неучей и от недовольных цивилизацией. Придет день, когда они узнают, что веры в Бога больше нет: «*Итак, либо надо силой сдерживать эти грозные толпы и лишить их любой возможности интеллектуального пробуждения, либо следует пересмотреть сверху донизу отношения цивилизации к религии*» (p. 56 [180]).

- **Религия – универсальный обсессивный невроз**

Религиозные идеи – это не только осуществление желаний, продолжает Фрейд, но и исторические воспоминания, связанные с фигурой отца первобытного племени, обожествленного после его убийства. Развивая дальше филогенетическую гипотезу, Фрейд выдвигает положение: религия может быть эквивалентом невроза, который мы наблюдаем в первые годы детства и который исчезает по мере развития. В исторической перспективе она является, вероятно, остатком невроза архаических времен: «*Религия является, вероятно, универсальным обсессивным неврозом всего человечеств; как и инфантильный невроз, она восходит к эдипову комплексу, к отношениям ребенка с отцом...*» (p. 61 [184]). Следовательно, по аналогии с инфантильным неврозом, который исчезает по мере роста, религия неизбежно должна исчезнуть, и, по мнению Фрейда, человечество как раз сегодня вступает в эту фазу.

- **Пагубная роль религиозного воспитания**

Религиозное воспитание, к которому ребенка приобщают очень рано, по большей части ответственно за задержку сексуального, а следовательно, и интеллектуального развития ребенка. Кроме того, оно навязывает ребенку свои доктрины в том возрасте, когда сам ребенок об этом не думает. В особенности это относится к женщинам, о которых обычно говорят, пишет

Фрейд, что у них «*слабость ума „физиологического" порядка, т. е. умственные способности меньше, чем у мужчин*» (p. 68 [189]). Фрейд осторожно смягчает свое заявление, признавая, что «*это спорный факт, его интерпретация вызывает сомнения*» (p. 68 [189]). Тем не менее по причине запретов, налагаемых религиозным воспитанием на интерес к сексуальной жизни, женщины, с его точки зрения, страдают от «*интеллектуальной атрофии*» вторичного характера. Фрейд считает, что воспитание должно быть отделено от религии, чтобы снять умственное торможение. Когда воображаемый собеседник спрашивает, почему он публикует этот труд, Фрейд отвечает, что желает помочь человеку не оставаться вечным ребенком, поощрить его осмелиться сделать решительный шаг во «враждебный мир». Он надеется, что человечество выдержит это испытание, опираясь на науку и на торжество разума.

- **Нет, наука – не иллюзия**

В последней главе, в ответ на возражения своего собеседника, Фрейд сначала подчеркивает: дело не в том, что он мечтатель и позволил себе увлечься своими собственными иллюзиями. Напротив, он верит в примат разума и научного мышления, даже если их время еще не пришло: «*Мы полагаем, что во власти научной работы дать нам знания о реальном мире и этим увеличить наше могущество, помочь нам лучше организовать нашу жизнь. Если эта вера – лишь иллюзия, тогда мы находимся в том же положении, что и вы, но наука, добившись многочисленных успехов, дала нам доказательства того, что она не является иллюзией*» (p. 78–79 [196]). Он снова говорит о своей вере в науку, в ее неуклонное развитие и заключает: «*Нет, наша наука – не иллюзия. Иллюзией было бы верить, что мы можем найти в другом месте то, чего наука не может нам дать*» (p. 80 [197]).

Постфрейдисты

Отношения между верой, религией и психоанализом: спорные вопросы

Публикация работы *Будущее одной иллюзии* породила противоречивые мнения и незамедлительно вызвала споры, которые не утихают до сих пор. Я не имею возможности подробно остановиться на всей сложившейся вокруг этого предмета дискуссии, поэтому ограничусь кратким комментарием по поводу отношений между психоанализом и религией и вернусь к этому еще раз, говоря о книге *Человек Моисей и монотеистическая религия* (1939a).

Первым, кто решительно выступил против позиции, занятой Фрейдом в книге *Будущее одной иллюзии*, стал лютеранский пастор Оскар Пфистер из Цюриха, неназванный «собеседник» Фрейда. Спор между Пфистером и Фрейдом представляет особый интерес, поскольку в аргументах, которыми они обмениваются, уже содержатся главные темы последующих дебатов. Так, Пфистер упрекает Фрейда, будто он обращает внимание только на патологические аспекты религиозной практики, но не на феномен рели-

гии в целом. Мнения собеседников расходятся по многим вопросам: Фрейд противопоставляет психоанализ религии, в то время как Пфистер видит в психоанализе возможность для верующего очистить свою веру. Фрейд считает религию выражением инфантильности человека, тогда как Пфистер видит в ней один из его самых высоких идеалов.

Что касается римско-католической церкви, ее отношение к позиции Фрейда с самого начала было подозрительным и враждебным, и начиная с *Трех очерков по теории сексуальности* (1905d) она осуждала его так называемый пансексуализм. Позже, после большевистской революции, фрейдизм был признан столь же опасным, как и марксизм, поскольку оба эти учения угрожают существованию семьи. Враждебно относясь к идеям Фрейда, особенно после публикации *Будущего одной иллюзии,* католическая церковь между тем никогда официально не запрещала психоанализ. Неодобрение выражалось скорее в частных позициях священников по этому вопросу, таких как повторяющиеся критические выступления отца В. Шмидта в 1930-е годы или осуждение отдельных ее членов, например аббата Марка Орезона в 1955 г., чье сочинение было включено в *Index Librorum Prohibitorum* (список запрещенных книг). После II Ватиканского собора в 1960-е годы наметилось некоторое примирение, однако опыт групповой психоаналитической психотерапии в монастыре Куэрнавака (Мексика) привел к закрытию монастыря, причем большинство монахов приняло решение вступить в брак. Папа Павел VI осудил этот опыт, но, тем не менее, «*занял по отношению к фрейдизму позицию враждебного нейтралитета, которая представляет отныне кредо Церкви, уважительно относящейся к секуляризации знания*» (Roudinesco et Pion, 1997, p. 241).

Все ли психоаналитики – атеисты?

С момента публикации *Будущего одной иллюзии* и вопреки политике Международной психоаналитической ассоциации, предоставившей своим членам полную свободу в том, что касается религиозной принадлежности, широко распространилось мнение, будто все психоаналитики – атеисты, подобно Фрейду. Надо признать, что хотя эта идея является одним из многочисленных предубеждений по поводу психоаналитиков, сами психоаналитики не слишком старались опровергнуть это мнение. Наоборот, можно даже сказать, что для психоаналитика почти считается хорошим тоном, если и не объявлять себя атеистом открыто, как Фрейд, то, по крайней мере, не опровергать подобное предположение.

На самом деле редко встречаются психоаналитики, которые осмелились бы публично утверждать, что их христианская вера совместима с открытиями Фрейда и что они не согласны с Фрейдом в этом вопросе. В Северной Америке в 1930-е годы психоаналитик-католик Грегори Зилбург занял позицию, сходную с позицией пастора Пфистера: «*Я осмелюсь сказать, что придет время, когда добрые и смелые католики серьезно изучат психоанализ так же серьезно, как они изучают галилееву оптику и гелиоцентрическую систему, и не найдут в клиническом психоанализе ничего, что противоречило бы их религиозной вере*» (Zilboorg, 1942, p. 419). Во Франции Мариз Шуази и Франсуаза Дольто входили в число психоаналитиков, известных

тем, что не скрывали своей религиозности. Дольто опубликовала две книги: *Евангелие с риском психоанализа* (1977–1978) и *Вера с риском психоанализа* (1981), однако она столкнулась с критикой коллег, которые сочли ее религиозность остаточным явлением недостаточно глубоко проделанного личного анализа: *«Он [Лафорг, ее аналитик], видимо, не конфронтировал стремление своей пациентки к Всемогуществу, которое трансформировалось в Слово Божие, Символическое, Субъект, Кастрацию, Высший принцип»* (This, 2002, p. 462). Случается, психоаналитики позволяют себе осуждать веру других людей, выказывая тем самым неспособность отнестись с должным уважением к тайному и сокровенному, что есть у каждого. Я вспоминаю замечание, которое сделал психоаналитик из Парижа Рене Диаткин об одном доминиканском монахе после дискуссионной встречи между психоаналитиками и католическими священниками: *«Отец Пле, несомненно, убежден, что он верующий, но он не сознает, что в своем бессознательном он не верит!»*

Я думаю, что приведенные соображения проясняют, что я хочу подчеркнуть: еще и сегодня психоаналитикам, так многому научившимся у Фрейда, трудно отстаивать мнение, независимое от его суждений, там, где речь идет об их собственных религиозных убеждениях и об убеждениях их пациентов. С моей точки зрения, хотя вера иногда может быть выражением психопатологических расстройств, сама по себе она не является неврозом или психозом, как, кажется, считал Фрейд; вера располагается на ином уровне, нежели анализ, и в случае невротика, и в случае «нормального» человека.

ВОПРОС НЕВРАЧЕБНОГО АНАЛИЗА, РАЗГОВОРЫ С НЕПРЕДВЗЯТЫМ ЧЕЛОВЕКОМ (1926e)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* La question de l'analyse laïque..., trad. J. Altounian. Paris: Gallimard, 1985 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVIII, 1–92].

Фрейд опубликовал эту работу в 1926 г. для того, чтобы защитить Теодора Райка – психоаналитика, не имевшего медицинского образования и подвергавшегося поэтому преследованиям за нелегальную медицинскую практику. С самого начала Фрейд благожелательно относился к так называемому неврачебному анализу, называемому также «светским» – на немецком языке *Laienanalyse,* т. е. к анализу, практикуемому лицами, не имеющими медицинского образования. Процесс, возбужденный против Райка, был, в конечном счете, прекращен, однако Фрейд все же опубликовал эту работу, написанную в форме диалога с «непредвзятым» собеседником. Он защищает точку зрения, согласно которой для того, чтобы стать психоаналитиком, необходимо получить особое образование и предварительно пройти свой личный анализ. Фрейд считает к тому же, что нет никакого толка от вмешательства закона в этот вопрос, который он рассматривает как исключительно внутреннее профессиональное дело. Затем он ставит вопрос, какое образование было бы наиболее подходящим для аналитика, поскольку полагает, что в любом случае это не то образование, которое университет да-

ет медикам, будь то терапевты или психиатры. В заключение он описывает свое представление об идеальном образовании психоаналитика, видя путь к нему в создании институтов психоанализа: «*Да, это идеал, который может и должен быть осуществлен. Наши образовательные институты вопреки всем своим недостаткам, свойственным их молодости, все-таки уже начало его осуществления*» (1926e, p. [80]).

Однако вопрос неврачебного анализа снова встал ребром, так как американские психоаналитики под влиянием Брилля настаивали на полном запрете практики психоаналитиков без медицинского образования, в то время как венские психоаналитики, среди которых были и люди без медицинского образования, поддерживали позицию Фрейда. В преддверии конгресса в Инсбруке Э. Джонс обратился к членам Международного психоаналитического сообщества с запросом, откликом на который стали 28 статей известных психоаналитиков, опубликованные в двух международных психоаналитических журналах («Internationale Zeitschrift» и «The International Journal of Psycho-Analysis»). Фрейд в своей статье подтвердил свою прежнюю позицию в поддержку аналитиков, не имеющих медицинского образования. Обсуждение в ходе конгресса, который состоялся в 1927 г., не разрешило этот вопрос, и было решено, что каждому психоаналитическому обществу дается право самостоятельно решать, принимать или не принимать в свои ряды лиц без медицинского образования. Многие общества встали на сторону Фрейда, но в США Американская психоаналитическая ассоциация (APA) принимала в свои ряды исключительно медиков. Только после долгих переговоров, начатых в 1985 г., исход которых оказался для неврачебного психоанализа благоприятным, некоторые институты, основанные психоаналитиками без медицинского образования, были одобрены Американской психоаналитической ассоциацией и Международной психоаналитической ассоциацией.

Одновременно с проблемой неврачебного анализа был поднят вопрос об образовании, и разногласия по этим двум противоречивым вопросам едва не привели к полному развалу Международной психоаналитической ассоциации в конце 1920-х годов. В 1932 г. после утомительных дискуссий на конгрессе в Висбадене было решено, что критерии отбора кандидатов определяются самостоятельно каждым отдельным обществом внутри ассоциации, как это уже практиковалось относительно неврачебного анализа. Джонс был доволен этим компромиссом, поскольку он приложил много сил, чтобы отстоять единство психоаналитического движения. Для Фрейда это стало большим разочарованием, так как он надеялся увидеть, как еще при его жизни противники придут к согласию и выработают общие критерии психоаналитического образования для всех обществ, входящих в МПА.

Хронология понятий

Детская беспомощность – цивилизация – иллюзия – универсальный обсессивный невроз – религия, религиозные идеи – наука – всемогущество мысли.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КУЛЬТУРОЙ S. FREUD (1930a)

НОВЫЙ ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ S. FREUD (1933a [1932])

Пессимистический или прозорливый взгляд на состояние человечества?

Неудовлетворенность культурой **завершает трилогию, начатую в *К вопросу о неврачебном анализе* в 1926 г. и продолженную *Будущем одной иллюзии* в 1927 г. Фрейд здесь снова недвусмысленно утверждает, что, на его взгляд, причина появления религиозного чувства – не что иное как невежество, оно коренится исключительно в индивидуальной психологии. После этого нового провозглашения атеистической точки зрения Фрейд делает смелое обобщение, окидывая свежим взглядом шаткое равновесие, которое человеческое существо выстроило для себя в цивилизации, призванной его защитить и парадоксальным образом рискующей его уничтожить. Это равновесие – не что иное, как отражение базового конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, в существовании которого Фрейд все больше уверен. Поскольку цивилизация ограничивает ради сохранения общественного единства сексуальные и агрессивные влечения индивидов, она тем самым вступает в конфликт со своими отдельными членами, и если индивиды восстанут, они могут ее разрушить. Однако Фрейд постоянно подчеркивает, что конфликт между индивидом и цивилизацией, который можно наблюдать во внешней реальности, получает отражение в конфликте, который разыгрывается в психике каждого человека как конфликт между требованиями Сверх-Я (страх перед ним таков же, как прежде перед внешней властью) и Я, представляющим интересы индивида. Для Фрейда бессознательное чувство вины, рождающееся из этого бессознательного конфликта, лежит в основе *болезни цивилизации, или неудовлетворенности культурой.* Он отмечает также неустойчивое положение человека, вынужденного справляться с жизнью при неопределенности исхода конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, и неопределенности, создаваемой собственными иллюзиями.**

Биографии и история

Мировой экономический кризис 1929 г. и рост нацизма в Германии

Летом 1929 г. во время отпуска в Берхтесгадене Фрейд написал работу «Неудовлетворенность культурой» (или «Болезнь цивилизации», как ее переводят на французский). Она стала откликом на мысли Ромена Роллана, который считал первоисточником религиозного восприятия «океаническое чувство». Эту книгу Фрейда часто рассматривают как мрачное, но прозорливое социологическое завещание. Та по преимуществу пессимистическая нота, которой она завершается, особенно заключительный абзац, в котором Фрейд говорит о возможном будущем человечества – теперь, когда развитие техники позволяет людям полностью истребить друг друга, – выглядит на редкость правдоподобно. За неделю до передачи рукописи в печать, во вторник 29 октября 1929 г., рухнет нью-йоркская биржа, надолго увлекая западный мир в мировой экономический кризис с его чередой банкротств, безработицей и нищетой.

«Неудовлетворенность культурой», вышедшая из печати в 1930 г., немедленно получила широкое признание и вскоре была переведена на многие языки. Несколько позже, в сентябре 1930 г., нацистская партия с подавляющим перевесом голосов выиграла выборы в Рейхстаг, что открыло Адольфу Гитлеру путь к власти. Эти ошеломляющие события побудили Фрейда добавить при переиздании книги в 1931 г. еще одну фразу в самом конце. Если в первом издании текст заканчивался выражением надежды на возможный благоприятный исход конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, то теперь прогноз исхода звучал пессимистически: «Но кто может предвидеть, успешен он будет или неуспешен?» (p. 107 [333]). В письме к Арнольду Цвейгу Фрейд открыто говорит о своем пессимизме: «Наступают тяжелые времена. Отдавшись старческой апатии, я не должен бы об этом беспокоиться, но не могу удержаться от жалости к семерым внукам» (Фрейд Арнольду Цвейгу, 7 декабря 1930 г.).

Темы, затронутые в этой книге, ранее уже звучали в небольшой работе «„Культурная" половая мораль и современная нервозность» (1908d), и в статье «Мысли о войне и смерти в духе времени» (1915b). Позднее Фрейд вернется к ним в работе «Почему война?» (1933b).

«Kultur»: цивилизация или культура?

Термины «культура» и «цивилизация», которые Фрейд и его многочисленные переводчики используют в этой книге как синонимы, породили многочисленные споры. Значение этих понятий можно интерпретировать по-разному в зависимости от взглядов автора или переводчика и в зависимости от эпохи. Чтобы составить представление об этих спорах, давайте ненадолго остановимся на том значении, которое Фрейд придает понятию «Kultur» (культура) в рассматриваемом тексте. Он использует его много чаще, чем понятие «Zivilisation» (цивилизация), и оба этих слова существуют в немецком языке.

Напомним, что он уже дает расширенное определение своего понимания «Kultur» в «Будущем одной иллюзии», ясно заявляя, что «не видит необходимости различать цивилизацию и культуру» (1927e, p. 8 [160]). На первый взгляд кажется, что и в «Неудовлетворенности культурой» Фрейд использует эти два понятия как синонимы, но, если посмотреть внимательнее, видно: он усматривает различие в том, как использует понятие «Kultur»: «Она [die Kultur] включает в себя, с одной стороны, все знания и власть, которую приобрели люди, чтобы овладеть силами природы и отвоевать у нее блага, способные удовлетворить человеческие потребности; с другой стороны, все меры, необходимые, чтобы регулировать распределение доступных благ» (p. 8 [160])[1]. Такое различие между культурой и цивилизацией соответствует словарным определениям культуры – как «совокупности всех интеллектуальных аспектов цивилизации» и цивилизации – как «совокупности всех достижений человечества (в противопоставлении природе, варварству)» (Толковый словарь Робера). Эволюция идей, в частности философского мышления и гуманитарных наук, постепенно привела к тому, что то, что раньше понималось под «культурой», входит в само определение «цивилизации», и этой тенденции, видимо, следовал Фрейд[2]. Именно это побудило переводчиков [французского] Полного собрания сочинений Фрейда выбрать новое заглавие «Болезнь культуры» вместо прежнего «Болезнь цивилизации» (Bourguignon, Cotet, Laplanche et Robert, 1989, p. 91–93).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1930a). Malaise dans la civilisation, trad. Ch. et J. Odier. Paris: PUF, 1971 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVIII, 245–338].

• «Океаническое чувство»: остаток инфантильного желания

После публикации *Будущего одной иллюзии* французский писатель Ромен Роллан выразил сожаление, что Фрейд в этой работе не принял в расчет «океаническое чувство», которое Роллан считал субъективным источником религиозной энергии и ощущал в себе постоянно: «*Это чувство,* – пишет Фрейд,– *он охотно назвал бы ощущением вечности, чувством чего-то безграничного, бесконечного – одним словом, „океанического“*» (p. 6 [249]). Фрейд отвечает другу, что сам никогда не испытывал подобного чувства, которое, по-видимому, соответствует «*чувству нерасторжимого союза с великим Всем и принадлежности к всеобъемлющему*» (p. 7 [250]). Тем не менее он пользу-

1 Таким образом, здесь у Фрейда понятие «культура» является более общим и включает понятие «цивилизация». – *Прим. ред.*

2 Здесь у автора противоречие: Фрейд, судя по всему, не следовал этой тенденции, и переводчики учли этот момент, выбрав слово «культура», а не «цивилизация». – *Прим. ред.*

ется случаем отыскать его психологическую причину. Фрейд обнаруживает ее в первых аффективных переживаниях младенца: по его мнению, в начале жизни младенец еще не разделяет свое Я и внешний мир, и только периодический контакт с материнской грудью постепенно позволяет ему обнаружить, что существует *объект,* расположенный *вне* его Я. Ранний опыт страдания и неудовлетворенности заставляет младенца исторгать из себя все, что воспринимается как источник неудовольствия, и сохранять в себе то, что приносит удовольствие. Таким образом он формирует *«наслаждающееся Я»* (*Lust-Ich*), зависящее от принципа удовольствия и находящееся в оппозиции внешнему миру, который управляется принципом реальности: *«Таким образом Я отрывается от внешнего мира, или, более точно, вначале Я включает в себя все, позже оно исключает внешний мир. Следовательно, наше актуальное чувство Я – это не более чем остаток значительно более обширного чувства, столь обширного, что оно охватывало все и соответствовало более интимному союзу Я с его средой»* (p. 10 [253]). Для Фрейда ощущение безграничности, которое характеризует «океаническое чувство», соответствует сохранению во взрослом этого чувства первичного единства, переживаемого младенцем. Но тогда, спрашивает он, можем ли мы действительно рассматривать «океаническое чувство» как источник любой религиозной потребности? Фрейд отвергает эту идею и считает, что религиозная потребность индивида рождается из детской беспомощности и ностальгии по отцу-защитнику. Таким образом, религиозное чувство, о котором говорит Ромен Роллан, по мнению Фрейда, является не первичным, а вторичным по отношению к потребности человека отрицать опасности, которые, как чувствует Я, угрожают ему со стороны внешнего мира и вытекающей из нее попытки найти утешение.

- **Цель существования – стремиться к счастью и избегать страдания**

Затем Фрейд напоминает, что в *Будущем одной иллюзии* (1927c) он доказал, что конечная цель любой религиозной системы – пролить свет на загадку Вселенной, внушить уверенность, что благосклонное Провидение призирает за нашей жизнью и обещать жизнь после смерти. Но, по мнению Фрейда, подобная концепция цели существования имеет инфантильную природу, и его огорчает мысль о том, что большинство смертных не сумеет преодолеть эту религиозную стадию, которую он расценивает как детскую фиксацию. Но если мы отвергаем цель, которую предлагает религия, в чем же тогда заключается истинная цель существования? Для Фрейда именно принцип удовольствия определяет цель жизни. Однако если программа заключается в том, чтобы быть счастливым, то, разумеется, она невыполнима. Но даже если мы не преуспеем в этом вполне, перед нами тем не менее открываются два направления поиска счастья: путь поиска удовольствия и стремление избежать страдания. В этих направлениях ведут многочисленные и разнообразные пути, и Фрейд рассматривает некоторые из них: поиск неограниченного удовлетворения всех потребностей; добровольная изоляция отшельника; наркотическая зависимость; достижение контроля над инстинктами, как этому учит восточная мудрость; сублимация

посредством занятия науками, искусствами и наслаждения красотой. Любой результат разочаровывает, по мнению Фрейда, так как даже любовь может принести разочарования и страдания. Наконец, остается последнее прибежище, которое мы можем найти в неврозе или в психозе… Он заключает, что поиск счастья – это, по существу, индивидуальный вопрос: *«Ни один совет не может быть подходящим для всех, каждый должен найти свой способ стать счастливым»* (p. 30 [270]). Фрейд подводит итог суждением еще более резким, чем в *Будущем одной иллюзии* в 1927 г., о пагубной роли религии, которая, как он считает, является главным препятствием в поисках счастья и спасения от страданий: *«Ее техника состоит в том, чтобы понизить ценность жизни и исказить бредовым образом картину реального мира, – действие, основанное на запугивании разума. Такой ценой, насильно фиксируя своих адептов на психической инфантильности и вгоняя их в коллективный бред, религия дает возможность многим людям избежать индивидуального невроза, но не более того»* (p. 31 [272]).

- **Цивилизация не способна дать счастье, которого от нее ждут**

Почему людям так трудно стать счастливыми? Кажется, что в этом виновата сама цивилизация, так как ей не удается предупредить человеческое страдание, от которого она предположительно должна нас защищать. Цивилизация не равнозначна постоянному прогрессу, поскольку приходится констатировать, что современные культура и технология не выполнили своих обещаний. Это главная причина неудовлетворенности, которую сегодня ощущает цивилизованный человек: *«Нам не по себе в нашей современной цивилизации»* (p. 36 [276]). Прежде всего – что мы называем цивилизацией? *«Достаточно сказать, что слово „цивилизация“ [„Kultur“ по-немецки] обозначает совокупность достижений и установлений, удаляющих нас от животного состояния предков и служащих двум целям: защитить человека от природы и регулировать отношения людей между собой»* (p. 37 [276]). Конечно, существует множество достижений науки и культуры, которые считаются завоеванием цивилизации, но эти достижения не сделали человека счастливее. Однако цивилизация сделала решающий шаг, когда общество сумело навязать каждому индивиду ограничение его инстинктивных влечений – сексуальных и агрессивных – с целью сохранить сплоченность группы. Таким образом, по мнению Фрейда, цивилизация покоится главным образом на принципе отречения от инстинктивных влечений, и этот *культурный отказ* управляет социальными отношениями между людьми, одновременно с этим являясь причиной враждебности индивида по отношению к культуре.

- **Семья и сексуальность: за и против цивилизации**

Любовь, которая с незапамятных времен является прототипом любого счастья, составляет основу цивилизации: любовь является причиной возникновения семьи, объединяет мужчину и женщину, а также ребенка и родителей.

Одновременно любовь, лежащая в основе семьи, продолжает расширять свое влияние внутри цивилизации, позволяя достичь генитального сексуального удовлетворения и *нежности с отсроченной целью.* Эта нежность, по мнению Фрейда, представляет форму любви, объединяющую членов семьи, становящуюся основанием дружбы и групповых связей. Но в процессе эволюции неизбежно разгорается конфликт между обществом и семьей: первое стремится объединять людей, вторая не хочет отпустить индивида. Женщины сильно вовлечены в этот конфликт: «*Кроме того, женщины не торопятся помогать развитию цивилизации <...>. Они отстаивают интересы семьи и сексуальной жизни. Борьба за достижения цивилизации все больше и больше ложится на плечи мужчин, ставит перед ними все более трудные задачи и вынуждает их сублимировать инстинкты, женщины же плохо приспособлены к подобной сублимации*» (p. 55 [290]). По мнению Фрейда, отодвинутая таким образом на второй план, женщина проявляет враждебность к требованиям цивилизации. Цивилизация налагает серьезные ограничения на сексуальную жизни: она не только ограничивает выбор объекта индивидом, достигшим половой генитальной зрелости, лицами противоположного пола, но и запрещает как перверсии большую часть негенитального сексуального удовлетворения. Таким образом, человеку остается только гетеросексуальная генитальная любовь, но и она подвергается, в свою очередь, ограничениям, навязанным цивилизацией, которая допускает только моногамию и терпит сексуальность только как «*средство размножения*» (p. 57 [292]). Иными словами, сексуальная жизнь человека сильно ущемлена цивилизацией, что, соответственно, снижает ценность любви и сексуальности как источника счастья.

- **Роль агрессии: «Человек человеку волк»**

Человек испытывает трудности в поисках счастья потому, что цивилизация требует от индивида огромной жертвы, а именно: отказаться от удовлетворения не только сексуальных, но и агрессивных влечений. Фрейд подчеркивает, что «*человек вовсе не является добродушным созданием с сердцем, жаждущим любви, которое разве что защищается, когда его атакуют*» (p. 64 [297]); человек – агрессивное существо. Любой человек испытывает сильную склонность к агрессии по отношению к себе подобным и не может удержаться от использования других: еще римляне, напоминает он, говорили: «*Homo homini lupus est*» (человек человеку волк) (p. 65 [298]). Не надо далеко ходить, чтобы обнаружить такую агрессию, каждый носит ее в себе: «*Эта склонность к агрессии, которую мы можем видеть в самих себе и существование которой мы с полным правом предполагаем в других, является главным фактором, угрожающим нашим отношениям с ближними; именно она создает для цивилизации столько трудностей*» (p. 65 [298]). По этой причине цивилизация должна прикладывать столько усилий, чтобы ограничивать человеческую агрессию и насаждать моральные ценности, если она не хочет быть разрушенной. Поэтому «*цивилизованная*» мораль устанавливает ограничения сексуальной жизни и превозносит идеал – любить ближнего своего

как самого себя. Несмотря на эти предписания, цивилизация не в состоянии ни привести общество к идеалу своими законами, ни устранить недоброжелательство человека по отношению к своему ближнему. Коммунистическая идея, утверждающая, что человек по природе добр, – это иллюзия. Другую иллюстрацию мы находим во враждебности, которую наблюдаем между сообществами, в некоторых отношениях схожих меж собой, например, между жителями одного городка или представителями двух соседствующих народностей, то, что Фрейд называет «*нарциссизмом малых различий*». Конечно, мы можем надеяться, что в процессе дальнейших изменений цивилизация станет лучше удовлетворять наши потребности, но надо помнить, что «*некоторые из существующих трудностей тесно связаны с самой сущностью цивилизации и не подчиняются никакой попытке реформ*» (p. 70 [302]).

- **Эволюция цивилизации: борьба между влечением к жизни и влечением к смерти**

Следовательно, бессилие цивилизации сделать человека счастливым тесно связано с человеческой природой. Чтобы это объяснить, Фрейд прибегает к своей второй теории влечений, которая постулирует существование фундаментального конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти. Он убежден в правильности своих новых гипотез: «*...со временем они так утвердились во мне, что я больше не могу думать никак иначе*» (p. 75 [305]). Применяя эту гипотезу к цивилизационному процессу, Фрейд делает вывод, что агрессия представляет собой примитивную и автономную инстинктивную наклонность и составляет одно из главных препятствий на пути цивилизации. Это агрессивное влечение – репрезентация влечения к смерти, которое постоянно действует рядом с Эросом: «*Отныне значение эволюции цивилизации становится, по моему мнению, понятным: она должна показать нам борьбу между Эросом и смертью, между инстинктом жизни и инстинктом разрушения, как она развивается в истории человеческого рода. Эта борьба, в конечном счете, – основное содержание жизни*» (p. 78 [308]).

- **Сверх-Я, интериоризация внешней власти**

Если агрессивность и деструктивность так угрожают цивилизации, какими же средствами она располагает, чтобы сдерживать эти влечения? По мнению Фрейда, наиболее эффективным средством является интериоризация последней в самого индивида, т. е. Сверх-Я. Напряжение, которое устанавливается в результате этого между Я и Сверх-Я, выражается тогда как *осознаваемое чувство вины* и проявляется в поведении как *потребность в наказании*. У чувства вины два источника: страх перед внешней властью и страх перед Сверх-Я. Страх перед Сверх-Я переживается в виде страха потерять любовь своего защитника. Первоначально, продолжает Фрейд, строгость Сверх-Я происходит главным образом из страха перед внешней властью, но по мере развития внешняя власть интериоризирует-

ся и способствует появлению внутри психики индивидуального Сверх-Я. Если еще можно скрыть свои мысли от внешней инстанции, то от своего Сверх-Я индивид не может ничего скрыть: «*В этом случае устанавливается равенство между дурным намерением и плохим поступком, и появляются чувство вины и потребность быть наказанным. Агрессия сознания непрерывно влечет за собой враждебность со стороны властной инстанции*» (p. 85 [315]).

Почему же агрессия Сверх-Я по отношению к Я демонстрирует такую суровость? По мнению Фрейда, чрезмерная строгость Сверх-Я следует из обращения против себя агрессии, которую ребенок испытывает по отношению к родителям: «*Отношения между Сверх-Я и Я воспроизводят в перевернутом виде отношения, действительно существовавшие когда-то между еще неразделенным Я и внешним объектом. И это очень типично. Существенная разница заключается, однако, в том, что первоначальная строгость Сверх-Я вовсе не настолько сурова, как та, что мы испытывали от объекта или приписывали ему, скорее это наша собственная агрессия, повернутая против Сверх-Я*» (p. 87 [317]). Это объясняет, почему мы не наблюдем прямого соответствия между реальной строгостью родителей и строгостью Сверх-Я: «*Опыт нам показывает, что суровость Сверх-Я ребенка не отражает того, насколько строго с ним обращались*» – констатирует Фрейд, который здесь явно опирается на работы Мелани Кляйн и других английских авторов (p. 88, n. 1 [317]). Обе формы агрессии со стороны Сверх-Я соединяются и взаимно дополняют друг друга – страх наказания со стороны отца и детское желание отомстить ему. Кроме того, необходимо принимать в расчет филогенетический фактор, добавляет Фрейд, так как чувство вины усиливается ужасом, который отец первобытного племени внушал своим сыновьям, а также угрызениями совести, которые они испытали после убийства отца. Впоследствии конфликт первичной амбивалентности проявляется не только как конфликт между индивидом и цивилизацией, но и на индивидуальном уровне как чувство амбивалентности, испытываемое Я по отношению к Сверх-Я, выражение «*вечного спора между любовью и желанием смерти*» (p. 91 [320]).

- **Сумеет ли современная цивилизация избежать саморазрушения?**

Цель этого исследования для Фрейда – показать, что чувство вины составляет центральную проблему развития цивилизации; любое достижение цивилизации должно быть оплачено потерей счастья и усилением чувства вины. Это чувство вины обычно не сознается как таковое: оно остается по большей части бессознательным или «*проявляется как неудовлетворенность, тоска, которые пытаются объяснить совсем другими причинами*» (p. 95 [232]). Так же, как существует индивидуальное Сверх-Я, по мнению Фрейда, существует и «*Сверх-Я цивилизованного сообщества*» (*Kultur-Überich*), предъявляющее строгие идеальные требования, несоблюдение которых также влечет за собой наказание *муками совести*» (p. 103 [329]). Часто эти требования чрезмерны, в особенности те, которые связаны с общественной моралью, они возбуждают в индивиде чувство возмущения или невроз,

или же делают его несчастным. Поэтому можно спросить себя, не стало ли большинство культур – и даже все человечество – *невротичными* под влиянием самого цивилизующего процесса. Что касается судьбы человеческого вида в будущем, Фрейд признает, что не может здесь предложить ни терапевтического решения, ни утешения. Оставляя этот вопрос открытым, он пессимистично констатирует: «*Сумеет ли прогресс цивилизации – и насколько – проконтролировать тот ущерб, который причиняют человеческие агрессивные и саморазрушительные влечения? С этой точки зрения, современная эпоха заслуживает особого внимания. Сегодня люди настолько успешно овладели природными ресурсами, что с их помощью легко могут полностью истребить себя до последнего человека. Они это прекрасно понимают, и этим-то и объясняется большая часть их волнений, неудовлетворенности и тревоги*» (p. 107 [333]).

Постфрейдисты

От ядерной угрозы к международному терроризму

Неудовлетворенность культурой немедленно вызвала громкий резонанс и получила множественные отклики как психоаналитиков, так и широкой публики. Одним из последствий этой публикации стало возобновление спора среди психоаналитиков о влечении к смерти, поскольку Фрейд говорит о нем уже не как о гипотезе, но как об очевидном и существенном явлении. Однако даже его самые близкие ученики не поддержали его. Например, Джонс видел в переходе от понятия агрессии к понятию влечения к смерти неоправданное обобщение, в то время как Пфистер считал, что речь идет о простой метафоре, использованной Фрейдом для обозначения жизненной силы.

В связи с развитием ядерного оружия вероятность, что люди полностью уничтожат друг друга, о которой предупреждал Фрейд на последней странице, обрела особое звучание. Вследствие этого перед лицом растущей опасности некоторые психоаналитики, желая, чтобы их голос был услышан, объединились в две организации. Одна – английская – называется «Psychoanalysts and the Prevention of Nuclear War (PPNW)» («Психоаналитики против ядерной войны»), а другая – международная – «International Psychoanalysts against Nuclear war» (IPANW) («Международная психоаналитическая организация против ядерной войны»). Разумеется, после распада СССР и окончания холодной войны расклад изменился, но несущественно. Говоря об этих психоаналитиках, хочу выделить позицию Ханны Сигал, поскольку она способствовала нарушению заговора молчания не только вокруг ядерного холокоста, но и других многочисленных опасностей, угрожающих нашей цивилизации. Ее взгляды сложились в процессе психоаналитического исследования психоза и функционирования групп. Она пишет: «*Если бы индивиды вели себя так же, как группы, их бы признали сумасшедшими*» (Segal, 2002, p. 33–35). Она полагает также, что во время холодной войны «базовая презумпция» (по Биону) состояла в том, что война невозможна, так как все главные действующие лица слишком боятся тотального разрушения.

Сегодня квазиравновесие, существовавшее между советским блоком и Западом во главе с США, разрушено, а миф об американской неуязвимости серьезно пошатнулся 11 сентября 2001 г., следствием этого стали зашкаливающая тревога, страх и, может быть, чувство вины. Вот анализ Ханны Сигал: «Я полагаю, что 11 сентября очень символично. Мы оказались ввергнуты в мир фрагментации, временами – тотального распада и психотического ужаса, а также в великое замешательство: кто же наши друзья? Кто наши враги? С какой стороны последует нападение? <...> Есть ли враги среди нас? <...> Речь идет о самом примитивном ужасе в нашем личном развитии, не об обычной смерти, но в некотором роде о распаде личности, разъедаемой враждебностью. И положение становится много хуже, когда в уравнение вводят Бога. Ожидание *Армагеддона*[1] христианскими фундаменталистами разделяют сегодня фундаменталисты исламские. Нашему разуму угрожает внутренний мир, исполненный бреда всемогущества, абсолютного зла и святости. К несчастью, мы должны принимать в расчет и Золотого тельца» (Segal, 2002, p. 35).

НОВЫЙ ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ (1933a [1932])

Freud S. (1933a). Nouvelles conférences d'introduction à la psychanalyse, trad. R.-M. Zeitlin. Paris: Gallimard, 1984 [страницы, указанные в квадратных скобка, приводятся по изданию: OCF. P., XIX, 83–268].

В 1932 г., спустя два года после публикации *Неудовлетворенности культурой,* Фрейд пишет продолжение серии публичных лекций, прочитанных в 1916 и 1917 гг. в Венском университете и опубликованных под названием *Лекции по введению в психоанализ* (1916–1917a). Так же, как лекции 1916–1917 гг. дали Фрейду возможность сделать ретроспективный обзор развития психоанализа с самого начала и до 1915 г., *Новый цикл лекций* стал для него возможностью обновить теорию в свете разработок, последовавших за «поворотом 1920-х годов». Труд 1932 г., таким образом, явился для Фрейда способом открыть новую страницу, страницу завершающего этапа жизни.

Чтобы показать преемственность между лекциями 1916–1917 гг. и *Новым циклом лекций,* опубликованным в 1933 г., Фрейд продолжает непрерывную нумерацию глав, так что первая глава *Новых лекций* становится «главой XXIX». В предисловии Фрейд предупреждает читателя, что его болезнь помешала прочитать курс лекций публично, как он поступил в первый раз, поэтому он обращается к воображаемым слушателям. Но труд 1933 г. заинтересовал не ту публику, что в 1916–1917 гг. В 1932 г. Фрейд имеет дело с публикой искушенной, уже знакомой с его предыдущими концепциями. Так же обстоит дело и сегодня, поскольку, чтобы оценить то новое, что Фрейд вносит в свои концепции, читатель должен уже хорошо знать историю развития психоанализа. Это специальный труд, который во многом зависит

1 «*Армагеддон* – битва, которую ведет Бог ради очищения земли от всех видов порока, чтобы расчистить место для нового мира добра и процветания» (Segal, 2002, p. 34).

от интерпретации. В тех рамках, которые я установил для себя, упомяну только несколько моментов. Например, лекция XXIX посвящена тому, чтобы включить в концепцию бессознательного недавно появившиеся понятия Я, Оно и Сверх-Я. Начиная с 1933 г. Фрейд более не рассматривает бессознательное как инстанцию – как раньше – «Бессознательное», но как качество – быть «бессознательным». Именно в этом сочинении Фрейд резюмирует цель анализа ставшей знаменитой формулой: *«Там, где было Оно, должно стать Я»* (p. 110 [163], *«Wo Es war, soll Ich werden»* – GW, XV, p. 86). В лекции XXXIII, посвященной женственности, Фрейд подчеркивает роль доэдипальной привязанности девочки к матери, а также значение физического (телесного) ухода – важной части ранней связи с матерью. В завершение он признает, что женщина остается «загадкой» для психоанализа.

Хронология понятий

Агрессия – саморазрушение – цивилизация – культура – религия, религиозные идеи – «океаническое чувство» – Сверх-Я (суровость Сверх-Я у ребенка) – Сверх-Я и цивилизации.

«НЕВРОЗ И ПСИХОЗ»
S. FREUD (1924b)

«ПОТЕРЯ РЕАЛЬНОСТИ
ПРИ НЕВРОЗЕ И ПРИ ПСИХОЗЕ»
S. FREUD (1924e)

«ОТВЕРЖЕНИЕ»
S. FREUD (1925h)

«НЕКОТОРЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
АНАТОМИЧЕСКОГО РАЗЛИЧИЯ
МЕЖДУ ПОЛАМИ»
S. FREUD (1925j)

«ФЕТИШИЗМ»
S. FREUD (1927e)

«РАСЩЕПЛЕНИЕ Я В ПРОЦЕССЕ ЗАЩИТЫ»
S. FREUD (1940e [1938])

ОЧЕРК О ПСИХОАНАЛИЗЕ
S. FREUD (1940a [1938])

**Отрицание реальности и расщепление Я:
защитные механизмы, характерные для психозов,
перверсий и даже… невроза**

Я объединил в одной главе работы, написанные Фрейдом с 1924 по 1938 г., касающиеся одних тех же предметов и свидетельствующие об эволюции его мысли в данной области. В этой серии работ Фрейд

пытается определить, каковы специфические механизмы психоза и в чем разница между неврозом и психозом. По мере того как продвигается его исследование, видно, что на первом этапе он подчеркивает различия, а на втором этапе контрасты начинают сглаживаться. Например, в «Неврозе и психозе» (1924b) он полагает, что в двух состояниях Я поддерживает с воспринимаемой реальностью диаметрально противоположные отношения: она отвергает реальность при психозе, но принимает ее при неврозе. В то же время уже в следующей статье (1924e) он обращает внимание на нюансы и констатирует, что нарушение восприятия реального мира наблюдается при обоих расстройствах, хотя при психозе оно сильнее выражено, чем при неврозе: здесь он вводит понятие *отрицание реальности,* характеризующее психоз и отличающее его от невроза. В следующем году он устанавливает различие между *отрицанием* (*опровержением*) [*négation*] (*Verneinung*) – отказом субъекта признать желание, которое он уже выразил – и *отрицанием* (*отказом*)[1] [*déni*] (*Verleugnung*) – отказом субъекта воспринять некую травматическую для него реальность (1925h). По мнению Фрейда, механизм отрицания (*déni*) особенно хорошо подходит для объяснения различия в реакции мальчика и девочки на восприятие ими отсутствия пениса у девочки: от степени такого отрицания зависит дальнейшее направление психосексуального развития (1925j). В более поздней статье «Фетишизм» (1927e) Фрейд устанавливает специфическую связь между механизмом *отрицания* восприятия отсутствия пениса у женщины и *расщеплением Я,* последствием этого отрицания у фетишиста: Фрейд считает отрицание и расщепление Я главной особенностью перверсий и психозов, а также патологического горевания. В 1938 г. в *Очерке о психоанализе* Фрейд уточняет некоторые нюансы: с одной стороны, он подтверждает, что отрицание реальности характерно для психоза, хотя даже при этом заболевании отрицание никогда не бывает полным; с другой стороны, он теперь считает, что расщепление Я происходит не только при перверсии и психозе, но встречается и при неврозе и даже в норме. В завершение нужно сказать, что в каждом индивиде сосуществуют две противоборствующие тенденции, и преобладание психоза или невроза – это, прежде всего, вопрос их пропорционального соотношения.

Изучая произведение

«НЕВРОЗ И ПСИХОЗ» (1924b)

1 Оба слова – *Verneinung* (*négation*) и *Verleugnung* (*déni*) – переводили на русский язык как «отрицание». Чтобы избежать путаницы, мы переводим здесь первый термин как «отвержение». Строго говоря, Verneinung значит скорее «отрицание», а Verleugnung – «отвержение», однако за термином Verleugnung (или déni – *фр.*, denial – *англ.*) прочно закрепилось в русском узусе значение «отрицание», поэтому мы продолжаем переводить его как «отрицание», а Verneinung как «отвержение». – *Прим. ред.*

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1924b). Névrose et psychose, trad. D. Guérineau. Paris: PUF, 1971, 283–286 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVII, 1–7].

В этой короткой статье Фрейд интегрирует недавно предложенные им понятия Я, Оно и Сверх-Я в свою концепцию невроза и психоза. То, что различает два расстройства и составляет их патогенный эффект, по мнению Фрейда, состоит в следующем: при неврозе *«Я остается верным своему отношению к внешнему миру и пытается заставить Оно замолчать»*, в то время как при психозе *«Я позволяет Оно властвовать над собой и оторвать себя от реальности»* (p. 285 [6]). Давайте рассмотрим это более подробно.

Исследуя происходящее при неврозе переноса, Фрейд полагает, что Я вступает в конфликт с Оно, потому что Я отклоняет нежелательный, связанный с влечением импульс и защищается от него, вытесняя его в бессознательное; но вытесненное восстает и вновь появляется в форме симптома, замещающей репрезентации, которая представляет вытесненное. Таким образом, симптом – результат компромисса.

При психозе же, по мнению Фрейда, наоборот, нарушены отношения между Я и восприятием внешнего мира. Например, при остром галлюцинаторном психозе не только внешняя реальность не воспринимается больше, но и внутренний мир, наполненный прежними, хранящимися в памяти восприятиями, теряет всякое значение. В результате: *«Я само властно создает себе новый внешний и внутренний мир, причем два факта не вызывают никакого сомнения: что этот новый мир построен согласно желаниям Оно и что причиной разрыва с внешним миром является реальность, которая решительно отказалась исполнять желание и стала вследствие этого невыносимой»* (p. 285 [5]).

По мнению Фрейда, причина, вызывающая как невроз, так и психоз, – это всегда фрустрация, т. е. *«невыполнение одного из неустранимых инфантильных желаний»* (p. 285 [5]). Фрустрация всегда приходит извне, даже если речь идет о Сверх-Я, ведь оно, в конечном счете, представляет требования внешней реальности.

Исходя из этих уточнений, Фрейд выделяет новую психопатологическую категорию, связанную с конфликтом между Я и Сверх-Я, – *нарциссические психоневрозы,* прототипом которой является меланхолия (депрессия). Отныне он располагает *нарциссические психоневрозы* на полпути между неврозами переноса и психозами. Если неврозы и психозы рождаются из конфликтов между Я и инстанциями, которые пытаются взять над ним верх – Сверх-Я и Оно – нужно поинтересоваться, какими же способами Я удается ускользнуть от них, не заболев. Конечно, исход зависит от того или иного экономического фактора, т. е. от наличия энергетических ресурсов. Но Фрейд идет дальше и постулирует, что Я может избежать краха, *«деформируясь, соглашаясь заплатить своим единством, в случае необходимости даже раскалываясь или распадаясь на куски»* (p. 286 [7]). Он добавляет, что, следовательно, *безумие людей* следует рассматривать с той же точки зрения, что и сексуальные перверсии. Каков же этот механизм, аналогичный вытеснению, при котором Я отрывается от внешнего мира? *«Как и при вы-*

теснении, он должен состоять в отзыве катексиса, который Я ранее размещало снаружи» (p. 286 [7]). Такими словами Фрейд возвещает неминуемое введение понятий *отрицание реальности* и *расщепление Я,* которым он даст подробное определение в 1927 г. в работе «Фетишизм».

«ПОТЕРЯ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ НЕВРОЗЕ И ПРИ ПСИХОЗЕ» (1924e)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1924e). La perte de la réalité dans la névrose et dans la psychose, trad. D. Guerineau // Névrose, psychose et perversion. Paris: PUF, 1973, 299–303 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVII, 35–41].

В предыдущей статье Фрейд указал, чем отличается психоз от невроза: при психозе Я отказывается воспринимать внешнюю реальность, в то время как при неврозе Я ее принимает. В этой статье он обозначает это различие не столь резко, отмечая, что в обоих состояниях существует искажение восприятия реальности, различие же между ними состоит в природе этих искажений. В этом тексте Фрейд пытается дать детальный анализ таких различий.

Вначале он выделяет два этапа в наступлении невроза и психоза. При неврозе, действительно, на первом этапе происходит потеря реальности, за ней следует формирование компромисса – симптома. Но на этом первом этапе именно избегаемый субъектом фрагмент реальности производит вытеснение. Фрейд приводит в пример случай девушки, влюбленной в мужа своей сестры, которую потрясла мысль, пришедшая ей в голову у смертного одра сестры: ***«Теперь он свободен и может жениться на тебе»***. Сцена тотчас же была забыта, зато появились истерические боли. Фрейд отмечает, что факт вытеснения любви к зятю привел к тому, что девушка стала избегать контакта с реальностью, т. е. мысли о том, что ее зять скоро будет свободен: *«Здесь поучительно то, каким способом невроз пытается урегулировать конфликт. Он изгоняет требование влечения, то есть любовь к зятю. Психотическая реакция состояла бы в том, чтобы отрицать факт смерти сестры»* (p. 300 [38]).

Затем Фрейд рассматривает, что происходит при психозе, и вводит понятие *отрицания реальности,* характеризующее отказ психотика воспринимать внешнюю реальность. По его мнению, начало психоза также происходит в два этапа: на первом отрицание отсекает Я от реальности, на втором создается новая реальность – бред или галлюцинация – для того, чтобы *возместить ущерб* и компенсировать потерю реальности. Иначе говоря, при неврозе значимого фрагмента реальности избегают при помощи своеобразного бегства, при психозе этот отрицаемый фрагмент реконструируется: *«Невроз не отрицает реальности, он только не хочет ничего знать о ней; психоз ее отрицает и пытается ее заменить»* (p. 301 [39]). Что касается так называемого нормального поведения, оно включает в себя черты обеих реакций: как и при неврозе, оно не отрицает реальность, но, как при психозе, пытается ее реконструировать и изменить.

Невроз и психоз обладают еще одним общим свойством: симптомы сопровождаются реакцией тревоги. Эта тревога происходит из-за *возвращения вытесненного* в первом случае и из-за возвращения того, что отрицалось, во втором. Возвращение вытесненного – это классическое Фрейдово понятие, но впервые Фрейд констатирует возвращение того, что явилось объектом отрицания при психозе: «*Вероятно, при психозе фрагмент отвергнутой реальности постоянно пытается вернуть себе свое место в психике, как это делает при неврозе вытесненное влечение, поэтому и последствия в обоих случаях одинаковые*» (p. 302 [40]). Последствия, о которых идет речь, – это появление тревоги.

Наконец, отмечает Фрейд, различие между неврозом и психозом не столь отчетливо проявляется при создании новой реальности, так как невроз тоже стремится заменить невыносимую реальность. Разница в том, что при психозе болезнь создает новую реальность при помощи бреда или галлюцинаций, а при неврозе больной пытается создать новую реальность посредством фантазий. Этот фантастический мир представляет собой «*склад*», где невротик, так же, как психотик, черпает свои фантазии. Однако в случае невротика его Я не абсолютно отрезано от реальности, как в случае пациента-психотика. Конечно, психотик берет свои фантазии на том же «складе», уточняет Фрейд, но невротик использует этот новый фантастический мир, как играющий ребенок, он придает ему *символический* смысл. Иначе говоря, невротик воспринимает разницу между реальностью и фантазией, но на это не способен бредящий или страдающий галлюцинациями психотик.

«ОТВЕРЖЕНИЕ» (1925h)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1925h). La négation, trad. J. Laplanche // Résultats, idées, problèmes II. Paris: PUF, 1971, 135–139 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVII, 165–171].

Фрейд определяет отвержение как прием, используемый пациентом, когда в ходе анализа у него возникает мысль, желание или чувство, которое, как он утверждает, ему не принадлежит: «*Мы понимаем, что это устранение при помощи проекции, идеи, которая только что появилась*». Например: «Вы *спрашиваете: „Кем может быть это лицо в моем сновидении. Нет, это* **не** *моя мать“. Мы понимаем: значит, это его мать*» (p. 135 [167]). Итак, утверждает Фрейд, отвержение – это способ вытесненному содержанию – желанию, чувству или мысли – проложить путь в сознание, но при условии, что его *отвергают*. Здесь надо отметить, что в немецком языке термин *Verneinung* одновременно обозначает отрицание в логическом и в лингвистическом смысле, а также отрицание в психологическом смысле, т. е. отказ от уже высказанного утверждения (Bourguignon, Cotet, Laplanche et Robert, 1989, p. 122)[1].

1 См. сноску выше. – *Прим. ред.*

Фрейд замечает, что отвержение – способ ознакомиться с бессознательным, но это еще не означает, что пациент принимает вытесненное. Здесь интеллектуальная функция суждения отделена от аффективного процесса. Когда пациент отвергает нечто путем суждения, – пишет Фрейд, – в сущности, он хочет сказать: это то, что я хотел бы вытеснить; «нет» становится знаком вытесненного, «*наподобие товарного знака „сделано в Германии“*» (p. 136 [168]). Задействование функции суждения здесь возможно только путем создания *символа отвержения,* который позволяет мысли некую степень независимости по отношению к последствиям вытеснения.

Функция суждения имеет два других свойства. Первое заключается в том, чтобы принять решение о некоем качестве, которым можно обладать или не обладать. Это выражается на языке влечений как: «это я хочу съесть или выплюнуть», или «это должно быть во мне или вне меня», – это действие *«первичного наслаждающегося Я»*. Второе решение, которое должно быть принято посредством функции суждения, относится к реальности существования представляемой вещи, оно вытекает из тестирования реальности. Две эти функции тесно связаны: *«Нереальное, субъективное, простое представление существует только внутри; реальное присутствует и* ***снаружи*** *тоже»* (p. 137 [169]). Первоначально все представления происходят от предшествовавших восприятий, существование представления само уже является гарантией реальности представляемого. Поэтому *«первая и непосредственная цель тестирования реальности состоит, следовательно, не в том, чтобы найти в реальном восприятии объект, соответствующий представлению, но в том, чтобы* ***вновь открыть его для себя****, чтобы убедиться, что он еще присутствует»* (p. 138 [169–70]). Суждение, по Фрейду, – это интеллектуальное действие, которое определяет моторное действие, оно суть решающий фактор при *«переходе от мысли к действию»* (p. 138 [170]). Наконец, Фрейд устанавливает связь между оппозицией *«включение в Я – изгнание из Я»* и конфликтом «влечение к жизни – влечение к смерти»: *«Подтверждение – как заместитель объединения – принадлежит Эросу, отвержение – как наследник изгнания – принадлежит влечению к разрушению. Общее желание отвержения, негативизм психотика, вероятно, следует понимать как показатель разобщения влечений вследствие отзыва либидинальных составляющих»* (p. 139 [170]).

«НЕКОТОРЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АНАТОМИЧЕСКОГО РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ» (1925J)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1925j). Quelques conséquencesces psychologiques de la différence anatomique entre les sexes, trad. D. Berger, J. Laplanche et al. // La vie sexuelle. Paris: PUF, 1970, 123–132 [страницы, указанные в квадратных скобка, приводятся по изданию: OCF. P., XVIII, 189–202].

Понятие отрицания находится на первом плане и в этой статье, посвященной преимущественно действию комплекса кастрации на развитие девочки и мальчика. Во вступлении к этой работе Фрейд настаивает на необходимос-

ти анализировать инфантильную сексуальность так, как она разворачивается в самом раннем детстве, а также на необходимости уделить этому вопросу достаточно времени в анализе, чтобы добиться результата. Он выражает несогласие с попытками некоторых коллег сократить продолжительность анализа: *«Подобный анализ раннего детства долог и мучителен, и то, чего он требует от врача и от пациента, не всегда выполняется на практике»* (p. 123 [191]).

- **Психосексуальное развитие мальчика и девочки**

Фрейд начинает с анализа главных этапов развития мальчика. Он напоминает, что эдипальная позиция у мальчика достигает апогея в фаллической фазе и что его комплекс *погибает*, по выражению Фрейда, когда появляется страх кастрации. К тому же вследствие психической бисексуальности эдипов комплекс у мальчика одновременно активен и пассивен, так как мальчик идентифицируется с отцом и хочет жениться на матери, и в то же время идентифицируется с матерью и занимает женственную позицию по отношению к отцу. Фрейд также настаивает на важной роли мастурбации в *предыстории* эдипова комплекса, так как она позволяет достичь разрядки сексуального возбуждения.

Обрисовав ситуацию мальчика, Фрейд затем рассматривает эдипов комплекс у девочки и констатирует, что у нее возникает дополнительная проблема: девочке приходится сменить объект в ходе своей ранней эволюции. Действительно, мать является первым объектом любви как у мальчика, так и у девочки, но мальчик сохраняет ее для своего эдипова комплекса, в то время как девочка отказывается от нее и выбирает в качестве объекта любви отца. Что же толкает девочку эту на смену объекта?

Затем Фрейд подробно рассматривает то, что называет предысторией, т. е. то, что предшествует установлению эдипова комплекса у девочки и что, по его мнению, вращается вокруг зависти к пенису и способности девочки преодолеть эту зависть и пойти по пути женственности. Фрейд считает, что определяющий момент развития девочки наступает в фаллической фазе, до начала эдипова комплекса, когда она *«видит большой и привлекающий внимание пенис брата или товарища по игре, сразу же признает в нем превосходящий по всем качествам аналог собственного маленького скрытого органа, и с тех пор становится жертвой зависти к пенису»* (p. 126 [195]).

Здесь поведение мальчика отличается от поведения девочки: когда он замечает гениталии девочки, он либо не видит ничего, либо он отрицает то, что видит, и полагает, что видит пенис. Только позже, когда угроза кастрации начинает оказывать на него влияние, это наблюдение задним числом обретает смысл: теперь мальчик думает, что женщина – изуродованное, кастрированное создание. Это объясняет, почему он с этих пор испытывает *ужас* перед девочкой и выказывает по отношению к ней *«торжествующее презрение»* (p. 127 [196]).

У девочки, пишет Фрейд, все происходит иначе: *«Она уже вынесла свое суждение и все решила. Она это видела, знает, что у нее такого нет и что она*

хочет это иметь. Именно здесь включается комплекс маскулинности у девочки» (p. 127 [196]). То, как девочка реагирует на этот комплекс маскулинности, сумеет ли она быстро его преодолеть или уступит ему, определит в итоге ее будущее. Однако, даже если она его преодолеет, *«надежда, несмотря ни на что, однажды получить пенис и, таким образом, стать подобной мужчине, может сохраняться до неправдоподобно позднего периода...»* (p. 127 [196]). Если же девочка не может преодолеть комплекс маскулинности, появляется отрицание кастрации, и впоследствии она ведет себя как мужчина: *«Итак, здесь запускается процесс, который я хотел бы назвать **отрицанием**; он не кажется ни редким, ни опасным для умственной жизни ребенка, но у взрослого может привести к психозу»* (p. 127 [196]).

- **Зависть к пенису у девочки**

Зависть к пенису имеет многообразные психические последствия для девочки. Она испытывает чувство неполноценности, которое переживает как *нарциссическую рану* и как *личное наказание* вплоть до того, что начинает разделять презрительное отношение мужчины к женщине. Зависть к пенису проявляется также в свойственной женщине ревнивости и связана с мастурбационными фантазиями – «Ребенка бьют» (Фрейд, 1919e). Еще одним следствием становится *«ослабление нежной привязанности к материнскому объекту»* (p. 128 [198]), поскольку на мать возлагают ответственность за отсутствие пениса. Важный момент, по мнению Фрейда, связан со значением, которое обретает клиторальная мастурбация как мужественная деятельность, поскольку последняя препятствует развитию женственности. Вскоре после фазы зависти к пенису, связанной с фаллической фазой, девочка восстает против клиторальной мастурбации; ее мятеж против того, что она – не мальчик, приводит ее к женственности: *«Итак, признание анатомических различий между полами заставляет маленькую девочку отвергнуть мужественность и мужественный вид мастурбации и открывает перед ней новые пути, ведущие к развитию женственности»* (p. 130 [199]). Только тогда эдипов комплекс у девочки вступает в свои права. Под воздействием *«...символического уравнения: пенис = ребенок»*[1] девочка отказывается от зависти к пенису, *«чтобы заменить ее желанием иметь ребенка, и с этой целью она выбирает отца в качестве объекта любви. Мать оказывается объектом ее ревности, девочка превращается в маленькую женщину»* (p. 130 [199]). Здесь Фрейд делает одно из редчайших в его творчестве замечаний о вероятности существования специфических женских ощущений, несомненно, в ответ на протест, вызванный его «фаллоцентрическими» взглядами у психоаналитиков-женщин и некоторых коллег-мужчин: *«Если верить единичному аналитическому опыту, в этом новом положении могут возникать телесные ощущения, которые должны считаться преждевременным пробуждением женских половых органов»* (p. 130 [199]).

1 По-немецки: «...symbolische Gleichung: Penis = Kinds» (GW, XIV, p. 27).

- **Эдипов комплекс: различия у мальчика и у девочки**

Фрейд приходит в результате этих размышлений к ряду выводов. Прежде всего, существует фундаментальное различие между полами в том, что касается эдипова комплекса и комплекса кастрации. У мальчика за эдиповым комплексом следует угроза кастрации, которая, в конце концов, устраняет эдипов комплекс. У девочки кастрация предшествует эдипову комплексу и делает возможным его появление на втором этапе: ***«В то время как эдипов комплекс мальчика разрушается под воздействием комплекса кастрации, эдипов комплекс девочки становится возможным и вводится комплексом кастрации»*** (p. 130 [200]). Это означает, что для Фрейда сексуальное развитие мужчины и женщины следует из анатомических различий между полами и психологических последствий возникающего вопроса кастрации: этот вопрос соответствует разнице между *совершившейся кастрацией,* т. е. реальной – у девочки и *просто угрозы кастрации,* т. е. фантазии – у мальчика (p. 130 [200]). Отметим еще раз: хотя отсутствие пениса является важным аспектом развития психосексуальности как у девочки, так и у мальчика, но Фрейд не принимает в расчет другой важный аспект: существуют специфические факторы, связанные с женственностью, с женскими половыми органами и с фантазиями, которые с ними связаны.

Наконец, по мнению Фрейда, исход эдипова комплекса у мальчика и у девочки различен. Эдипов комплекс у мальчика не просто вытесняется, *«он буквально вдребезги разбивается из-за угрозы кастрации»* (p. 131 [200]), и родительские объекты формируют Сверх-Я. Девочка же расстается со своим эдиповым комплексом очень медленно, под действием вытеснения. Поэтому, по мнению Фрейда, Сверх-Я женщины не столь неумолимо, как Сверх-Я мужчины, откуда и возникают те черты характера, *«за которые всегда упрекали и критиковали женщин»:* у них меньше чувство справедливости, чем у мужчины, они хуже подчиняются неизбежностям существования, склонны позволить себе идти на поводу у своих чувств и т. д. Фрейд признает, тем не менее, что, несмотря на его критические замечания о женщинах, большинство мужчин также далеки от идеала мужественности. В завершение Фрейд утверждает, что равенство полов, которого требуют феминисты, неприемлемо и что в каждом присутствуют одновременно мужественные и женственные черты, *«так что рассуждения о мужественности и женственности в чистом виде остаются спорными теоретическими конструкциями»* (p. 132 [201]).

«ФЕТИШИЗМ» (1927e)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1927e). Le fétichisme, trad. D. Berger, J. Laplanche et al. // La vie sexuelle. Paris: PUF, 1970, 133–138 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., XVIII, 123–131].

- **Отрицание восприятия реальности при фетишизме**

В работе «Фетишизм» Фрейд развивает понятие отрицания – защиты, состоящей в отказе от восприятия невыносимой реальности, и связывает эту защиту с расщеплением Я, которое является ее следствием. Прототип этого вида защиты – фетишист, отказывающийся воспринимать кастрированность женщины, причем фетиш становится заместителем отсутствующего пениса. Кроме того, Фрейд констатирует, что внутри Я у фетишиста сосуществуют две противоречивые позиции, одна отказывается воспринимать отсутствие пениса у женщины, другая признает это отсутствие. Идея, что существует расщепление Я, обусловливающее две противоречивые позиции в психике, заставит Фрейда изменить некоторые прежние взгляды, в частности, на психоз, и он разовьет ее в двух последующих работах.

Анализ нескольких случаев фетишизма позволил Фрейду понять, что объект-фетиш – нога, обувь, мех, женское белье и т. д. – действительно замещает пенис, но не любой: «*Фетиш замещает фаллос женщины (матери), в существование которого маленький ребенок верит и, по известным нам причинам, не хочет отказываться от этой веры*» (p. 134 [126]). По поводу слова «фаллос», которое Фрейд использует здесь, заметим, что он редко употреблял этот термин, зато часто использовал существительное «пенис» (*зависть к пенису* и т. д.) и прилагательное «фаллический» (*фаллическая стадия* и т. д.). Впрочем, Фрейд не делал различий между терминами «пенис» и «фаллос», как это делают некоторые постфрейдистские психоаналитики, у которых можно отметить «*использование терминов „пенис“ и „фаллос“ в разных значениях: первый из них указывает на мужской орган в его телесной реальности, второй подчеркивает его символическую ценность*» (Laplanche et Pontalis, 1967, p. 311).

Но вернемся к фетишисту. Действительно, фетиш в бессознательных фантазиях фетишиста предстает как репрезентация женского тела, в качестве символического заместителя пениса. Отсюда следует, что для фетишиста женщина теряет свою сексуальную привлекательность, которая теперь сосредоточена в объекте-фетише, единственном источнике сексуального возбуждения. По мнению Фрейда, создание объекта-фетиша имеет целью установление *отрицания* (*Verleugnung*) факта кастрации у женщины, чтобы защитить фетишиста от тревоги, которую вызывает это угрожающее впечатление: «*Ужас кастрации возводит себе памятник, создавая это замещение*» (p. 135 [127]). Итак, фетиш выполняет двойную противоречивую функцию: сохранение веры в то, что у женщины есть пенис и одновременно защита от восприятия реальности кастрации женщины: «*Он [фетиш] остается знаком победы над угрозой кастрации и защитой против этой угрозы*» (p. 135 [127]).

- **Отрицание восприятия утраты объекта в случае патологической скорби**

Фрейд наблюдает такую противоречивую психическую позицию, в отношении восприятия кастрации женщины, а также при патологической

скорби. Он приводит в пример двух братьев, потерявших любимого отца. Фрейд описывает у этих молодых людей *«расщепление»*, возникшее в личности каждого из них по отношению к этой утрате объекта, и находит его идентичным тому, что он наблюдал при фетишизме: *«Случилось так, что оба юноши „бессознательно исключили смерть отца из поля своего сознания" так же, как фетишисты исключают из сознания кастрацию женщины. Одно течение их психической жизни не признавало эту смерть, другое течение полностью ее осознавало; обе позиции, – основанная на желании и основанная на реальности – сосуществовали»* (p. 137 [129]). На примере одного из братьев Фрейд показывает результат, произведенный на уровне Я отрицанием реальности потери отца: *«Субъект все время колебался между двумя гипотезами: согласно одной, отец был еще жив и сдерживал его активность, согласно другой, отец был мертв и юноша мог чувствовать себя его полноправным наследником»* (p. 137 [129]). Этот пример показывает, что при патологической скорби, так же как при фетишизме, расщепление Я, ставшее результатом интроекции утраченного объекта, вызывает две противоречивых тенденции в восприятии реальности потери, одна принимающая эту реальность, другая отрицающая ее. Таким образом, здесь Фрейд развивает идеи, высказанные в работе «Печаль и меланхолия» (1917e [1915]). В заключение он утверждает, что то же происходит и при психозе, но только одна из позиций влечет за собой отказ от реальности, так что это отступление не абсолютно, как он думал сначала: «Я могу теперь подтвердить мое предположение, что при психозе одно из течений, то, что основывается на реальности, действительно исчезло» (p. 137 [130]).

«РАСЩЕПЛЕНИЕ Я В ПРОЦЕССЕ ЗАЩИТЫ» (1940 [1938])

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1940a [1938]). Le clivage du moi dans le processus de défense, trad. Roger Lewinter et J.-B. Pontalis // Résultats, idée, problèmes II. Paris: PUF, 1971, p. 283–286.

Фрейд вновь высказывает здесь идею, что уже в детстве Я может сталкиваться с противоречивыми требованиями, тогда оно отвечает на конфликт двумя разнонаправленными реакциями. С одной стороны, Я отклоняет реальность и не ограничивает свои влечения, но в то же время оно признает реальную опасность, и тревога проявляется в виде симптома. Но за это хитроумное решение приходится платить, расщепление Я с годами усиливается: *«Успех достигнут ценой разрыва Я, разрыва, который отныне неизлечим, со временем он будет только увеличиваться. Обе разнонаправленные реакции на конфликт сохраняются как ядро расщепления Я»* (p. 284). Такое повреждение Я странно, добавляет Фрейд, так как мы ожидаем от Я, что оно будет осуществлять синтетическую функцию. В завершение Фрейд приводит случай мальчика трех–четырех лет, который подтверждает его взгляды на расщепление Я и на роль фетиша в качестве фантазийного заместителя пениса у женщины.

ОЧЕРК О ПСИХОАНАЛИЗЕ (1940a [1938])

Биографии и история

Завещание на будущее

Этот труд содержит завершающие мысли по поводу вопросов, затронутых Фрейдом в этой серии статей, поэтому я думаю, что уместно здесь на нем остановиться, даже если ради этого придется слегка нарушить хронологический порядок. Он был написан Фрейдом вскоре после его прибытия в Лондон, в июле–сентябре 1938 г., когда ему было 82 года. Фрейд был вынужден прервать работу над ним из-за рецидива рака, потребовавшего новой операции. Очерк был опубликован в 1940 г., через год после смерти Фрейда.

Текст, состоящий из 66 страниц, долго считался незаконченной рукописью, и это создало редакторские проблемы. Только самые любопытные и новые идеи собственноручно им записаны в полном и отредактированном виде. С этой точки зрения, третья часть, озаглавленная «Теоретические достижения», представляет для нас наибольший интерес. Фрейд рассматривает в ней отношения Я с внешним миром, а также вносит последние пояснения в понятия отрицания и расщепления Я. В противоположность этому первая часть написана наспех, в телеграфном стиле, рукопись изобилует многочисленными сокращениями. После смерти Фрейда этот текст был отредактирован немецкими издателями того времени, которые взяли на себя инициативу внести некоторые изменения в рукопись, но оставили третью часть в том виде, как она была написана Фрейдом (Grubrich-Simitis, 1985).

Очерк о психоанализе – это нечто значительно большее, чем краткое изложение или научно-популярный текст. Речь идет о сложном для понимания тексте, представляющем в общих чертах основные моменты главных открытий Фрейда и открывающем путь новым исследованиям. Фрейд уточняет, что «в настоящий момент» необходимо использовать психоанализ, несмотря на его ограничения, но он предвидит появление других терапевтических возможностей, в частности, психофармакологического лечения: «Будем надеяться на то, что будущее нас научит при помощи химических веществ воздействовать непосредственно на количество энергии и на ее распределение в психическом аппарате. Возможно, мы обнаружим другие терапевтические возможности, о которых сегодня еще и не подозреваем. Тем не менее в настоящий момент мы располагаем только психоаналитической техникой, поэтому, несмотря на все ее ограничения, не стоит ею пренебрегать» (1940a [1938], p. 51). Учитывая все сказанное, мы можем рассматривать Очерк о психоанализе как что-то вроде завещания психоаналитикам.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1940a [1938]). Abrégé de psychanalyse, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1949.

Две первые части *Очерка* представляют собой резюме главных достижений психоанализа, но в третьей части, озаглавленной «Теоретические достижения», Фрейд выдвигает новые идеи, касающиеся тревоги, расщепления Я и его последствий.

Говоря о роли, которую играет Я в психической жизни, Фрейд уточняет, что, прежде всего, Я *«управляет забота о безопасности»* (p. 76). Он еще раз подтверждает основные положения своей теории, согласно которой тревога действует как сигнал, призванный предупреждать Я об опасностях, угрожающих его целостности, – опасности фрагментации Я – механизма, отличного от вытеснения: *«Я пользуется ощущениями тревоги как сигналом опасности, который предупреждает его о любой угрозе его целостности»* (p. 76).

Затем Фрейд пересматривает свою точку зрения на психоз, характеристикой которого является отрыв от реальности, и вновь утверждает, что этот отрыв не тотален вопреки тому, что он думал вначале. Он видит проявление этого в том, что и в самых серьезных случаях психоза сохраняется некоторая часть психического здоровья: *«Даже когда речь идет о состояниях столь удаленных от реальности внешнего мира, как галлюцинаторные состояния спутанности сознания (Amentia), выздоровевшие пациенты заявляют, что в закоулках их разума, по их выражению, пряталась нормальная личность, как незаинтересованный наблюдатель, рассматривая все болезненные фантазии»* (p. 79). Это наблюдение, как и многие другие, подтверждает, по мнению Фрейда, существование при психозе расщепления Я, обусловливающего вытекающие из психического расщепления две противоречивые установки: *«Вместо одной психической установки имеются две: одна – нормальная – принимает в расчет реальность, в то время как другая под влиянием влечений отрывает Я от реальности»* (p. 80). Обе установки сосуществуют, и когда ненормальная установка преобладает, складываются условия для появления психоза.

Затем Фрейд идет дальше. Если раньше он считал исключительной особенностью психоза сосуществование двух противоречивых психических установок, патологической и нормальной, то теперь он считает, что расщепление Я происходит не только при психозе, но и при других патологических состояниях, например при фетишизме и при неврозе: *«Итак, мы говорили, что при любом психозе существует* ***расщепление Я****, мы по-прежнему придерживаемся этого мнения, но расщепление Я наблюдается и при других состояниях, более близких к неврозам, а в конечном счете, и при неврозах тоже»* (p. 80).

Фрейд заключает, что психическая норма или патология – результат равновесия сил между двумя противоположными и независимыми друг от друга тенденциями, из которых одна принимает реальность, другая – ее отклоняет: *«Отклонение всегда дублируется принятием – возникают две противопоставленные, независимые друг от друга тенденции, что приводит к расщеплению Я, и окончательный результат здесь зависит от того, какая из тенденций проявляется с наибольшей интенсивностью»* (p. 82). В заключение он еще раз говорит о том, насколько трудно обнаружить существование этих психических явлений: *«Наконец, надо отметить, что наше сознательное восприятие позволяет нам узнать только самую малую часть этих процессов»* (p. 83).

Постфрейдисты

Расщепление Я: разные концепции Фрейда и Кляйн

Расщеплении Я у Фрейда

В начале своего творчества Фрейд, объясняя появление невроза, в основном прибегал к механизму вытеснения, но очень скоро заметил, что одновременно с тем внутри психики существуют патологические деления. Для описания этих делений он использует различные термины; в особенности Spaltung (расщепление) или его аналоги, такие, как диссоциация, раздвоение, сепарация и т. д. В 1917 г. в работе «Печаль и меланхолия» он вводит понятие интроекции утраченного объекта в «отщепленную» часть Я, а затем, в 1923 г. – понятия Я, Оно и Сверх-Я. Фрейд описывает роль отрицания восприятия реальности утраты объекта и расщепления Я, а в работе «Фетишизм» (1927e), наконец, расщепление Я приобретает статус настоящего психоаналитического понятия. В своих последних работах 1930-х годов Фрейд утверждает, что расщепление Я связано с существованием двух противоречивых тенденций, они присутствуют в психике каждого индивида в различных пропорциях, их соотношение определяет широкий спектр явлений от психоза до психической нормы.

Расщепление Я у Кляйн

Понятие расщепления было предметом множества исследований, и ему придают разные значения, особенно в кляйнианской и постклайнианской теории. По этому поводу важно отметить, что Фрейд и Кляйн вкладывают в это понятие разный смысл (Canestri, 1990). Для Фрейда расщепление Я – это следствие конфликта, который следует из отрицания восприятия реальности, так что Я оказывается разделенным, так сказать, пассивно. По мнению М. Кляйн и постклайнианских психоаналитиков, расщепление является, напротив, активным механизмом защиты, который может иметь множество модификаций.

Принимая за точку отсчета работы Фрейда об интроекции утраченного объекта (Фрейд, 1917e [1915]), Карл Абрахам и Мелани Кляйн основывали свои концепции развития Я на тех изменениях, которым подвергается Я вследствие интроекции и последующей идентификацией части Я с внутренними объектами. В своих первых работах Кляйн описывает расщепление объекта: она показывает не только, что объекты воспринимаются объективно, но что их восприятие окрашено аффектами любви и ненависти и что изначально объект расщепляются надвое: на хороший и плохой. Постепенная интеграция хороших и плохих аспектов, а также более реалистичное восприятие объекта ложатся в основу депрессивной позиции и играют определяющую роль в развитии личности. Структура внутреннего объекта соответствует структуре Я, а расщепление объекта, в свою очередь, соотносится с расщеплением Я.

Начиная с 1946 г. Кляйн углубляет понятие расщепления и описывает его самые разные модальности. Так, относительно проективной идентификации она говорит об отщеплении – *splitting off*, – чтобы обозначить процесс

отделения тех аспектов субъекта, которые воспринимаются как плохие, и их проецирование в объект. Относительно шизофрении она описывает расщепление объектов на мельчайшие фрагменты (minute splitting), которое влечет за собой фрагментацию Я (falling intobits), – процесс, ответственный за возникновение аннигиляционной тревоги у шизофреника. По мнению Р. Хиншелвуда (1989), из множества мыслимых видов расщепления следует выделить четыре: «связное расщепление объекта, связное расщепление Я, фрагментация объекта и фрагментация Я». Эти различные типы расщепления могут сосуществовать одновременно.

В своем предисловии к французскому изданию Словаря кляйнианского психоанализа Р. Хиншелвуд (Hinshelwood, 2000) замечает, что лексическое богатство английского языка, позволяющее передать в тонкостях различные модальности расщепления (splittingup, splittingoff, separatedoff, splittingapart и т. д.), часто не находит аналога во французском языке: «Я задумываюсь, не случилось ли так, что некоторые ограничения французского языка, особенно в отношении передачи этого фундаментального понятия [расщепление], стали причиной того, что мысль Мелани Кляйн представляется франкоговорящим читателям менее изощренной, и поэтому они проявляют меньший интерес к ее идеям» (Hinshelwood, 2000, p. 3).

Хронология понятий

Расщепление Я – комплекс кастрации – отрицание (реальности) – отрицание кастрации – анатомические различия между полами – символическое равенство – отвержение (мысли или желания) – нарциссические неврозы или психоневрозы – фаллос – возвращение вытесненного, возвращение расщепленного.

«АНАЛИЗ КОНЕЧНЫЙ И БЕСКОНЕЧНЫЙ» S. FREUD (1937c)

«КОНСТРУКЦИИ В АНАЛИЗЕ» S. FREUD (1937d)

Последние работы по технике анализа

Фрейд начинает работу «Анализ конечный и бесконечный» с ответа Ранку и Ференци, которые надеялись, что, изменяя некоторые аспекты психоаналитической техники, например сокращая срок аналитического лечения, можно добиться тех же результатов. По мнению Фрейда, невозможно за несколько месяцев целиком ликвидировать невроз, поскольку опыт показывает, что чем больше мы ждем от лечения, тем менее оправдано сокращение его сроков. Затем он рассматривает различные виды сопротивления, мешающие выздоровлению и ограничивающие возможности анализа вплоть до того, что некоторые из них могут сделать его бесконечным. По мнению Фрейда, два непреодолимых препятствия мешают разрешению переноса при завершении анализа: зависть к пенису у женщины и пассивная позиция мужчины. Ференци предполагал, что любой успешный анализ должен преодолеть эти два комплекса, но, вопреки мнению ученика, Фрейд остается пессимистом и считает подобные претензии слишком амбициозными. По его мнению, любое завершение анализа неизбежно сталкивается с «коренной подстилающей породой» – препятствиями биологической и психологической природы, с завистью к пенису у женщины и с пассивной позицией мужчины. К тому же, учитывая опасности, которые подстерегают любого психоаналитика в его работе, Фрейд рекомендует каждому периодически возобновлять свой личный анализ.

В работе «Конструкции в анализе» Фрейд вначале обращается к тем, кто упрекает психоаналитиков во *«вбивании своих собственных идей в голову пациентов»* при помощи интерпретаций. Он пользуется случаем, чтобы рассмотреть валидность конструкций и реконструкций, которые возникают в анализе. Вопрос реконструкции детского прошлого поднимался еще в «Человеке с волками» (1918b) в связи со сном о первичной сцене: была ли это чистая фантазия или это было пробуждение воспоминаний о сцене, свидетелем которой пациент действительно стал в детстве? В 1937 г. Фрейд возвращается к этому вопросу и показывает, что интерпретации аналитика – это гипотезы, которые он предлагает пациенту, но только сам пациент может их подтвердить: любое такое подтверждение становится либо результатом возвращения вытеснен-

ного детского воспоминания, либо следствием личной уверенности пациента в том, что интерпретация соответствует действительности.

Биографии и история

Приход Гитлера к власти и антисемитизм

Великая Депрессия в США 1929 г. имела драматические последствия для Европы и всего мира, вылившись в мировой экономический кризис. Безработица приняла угрожающие размеры, в особенности в Германии и в Австрии, политическое положение ухудшилось, что позволило Гитлеру прийти к власти и в 1933 г. стать рейхсканцлером. Антисемитизм вылился в преследование евреев, и книги Фрейда, которые сочли «еврейской литературой», были сожжены 10 мая 1933 г. на площадях крупных немецких городов. Фрейд с мукой наблюдал за этим сошествием в ад, колеблясь между желанием закрыть глаза на реальную опасность нацизма и ясным суждением о сущности происходящего.

Фрейд и Ромен Роллан

1936 г. – год 80-летия Фрейда, но из-за двух новых операций он был вынужден отказаться от официального празднования. Между тем ему нанесли множество визитов, в числе прочих – известные писатели: Р. Роллан, Г. Уэллс и Стефан Цвейг. По случаю дня рождения Роллана, который был на десять лет моложе, Фрейд послал ему вместе с поздравительным письмом короткий текст, озаглавленный «Приступ беспамятства на Акрополе» (Фрейд, 1936a). Эта маленькая статья представляет собой фрагмент самоанализа, в котором Фрейд рассказывает о восхищении, испытанном им, когда он в первый раз посетил Парфенон. Это было одновременно «слишком красиво, чтобы быть настоящим» и несколько жутко. Фрейд один-единственный раз встретился с Ролланом в 1924 г., но обмен письмами между ними продолжался в течение следующих тринадцати лет, хотя и нерегулярно. Этих двух людей объединило глубокое сродство, а также общие литературные и мистические интересы. «Океаническое чувство», о котором писал Роллан, стало отправной точкой для Фрейда, когда он работал над «Будущим одной иллюзии» (1927e).

В начале 1937 г. скончалась Лу Андреас-Саломе. В том же году Фрейд узнал, что Мария Бонапарт приобрела у венского антиквара его письма к Флиссу, которые она, несмотря на его просьбы, отказалась уничтожить. Здоровье Фрейда постоянно ухудшалось, но ему все-таки удалось опубликовать несколько новых работ.

Мария Бонапарт (1882–1962)

Фрейд и его семья испытывали очень теплые чувства к Марии Бонапарт. Она стала главной представительницей Фрейда среди первых французских психоаналитиков и играла ведущую роль в развитии Парижского психоаналитического общества.

Прямой потомок брата Наполеона Бонапарта (1769–1821), она родилась в Сен-Клу (Франция) в 1882 г. Ее мать скончалась через месяц после ее рождения. У Марии было трудное детство и юность. В 1907 г. она вышла замуж за Георга, принца Греческого и Датского, у них было двое детей. Страдая, по сведениям Рене Лафорга, обсессивным неврозом и близкая к самоубийству, в 1925 г. она обратилась к Фрейду и начала у него анализ. Лечение проходило короткими последовательными курсами до 1938 г. После знакомства с Фрейдом и его идеями Мария Бонапарт посвятила себя психоанализу и проявила себя как щедрый меценат. В 1926 г. она приняла участие в создании Парижского психоаналитического общества, а также в создании «Revue Française de Psychanalyse» (французского журнала психоанализа) и перевела на французский язык многие работы Фрейда. Она опубликовала многочисленные работы в стиле прикладного психоанализа, например, о творчестве Эдгара По, о социальных проблемах. Мария Бонапарт придерживалась очень спорных взглядов на женскую сексуальность, в основе которых лежали не аналитические, а скорее анатомические и типологические концепции. Она предложила производить хирургические операции по перемещению клитора и сама подверглась такой операции. Эти спорные взгляды стали поводом для Жанин Шассге-Смиржель, Джойс МакДугалл, Катрин Пара и других (1964) рассмотреть специфические особенности женской идентичности с психоаналитической точки зрения.

В 1939 г. при посредничестве американского посла Уильяма Буллита и Эрнста Джонса Мария Бонапарт внесла выкуп, который нацисты потребовали за разрешение Фрейду и его семье покинуть Вену и переехать в Лондон. В 1953 г., когда Жак Лакан инициировал первый раскол в Парижском обществе, она встала на сторону группы Саши Нахта и в следующем году финансировала создание Парижского психоаналитического института и его библиотеки на улице Сен-Жак в Париже. Мария Бонапарт умерла в Сен-Тропе в 1962 г.

«АНАЛИЗ КОНЕЧНЫЙ И БЕСКОНЕЧНЫЙ» (1937c)

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1937e). L'analyse avec fin et l'analyse sans fin, trad. J. Altounian, P. Cotet, A. Rauzy // Résultats, idées, problèmes. Paris: PUF, 1985, p. 231–268.

- **Психоаналитическое лечение: долгий труд**

Эта яркая статья начинается с аргументов в защиту того, что психоаналитическая работа может быть только *«долгим трудом»* (p. 231), если мы действительно хотим освободить человека от его симптомов и невротических торможений. Фрейд выступает против многочисленных попыток сократить

срок анализа, в частности против попытки Ранка, который думал, что сможет быстро ликвидировать последствия травмы рождения и вылечить от невроза за несколько месяцев анализа. Фрейд уверен: напрасно Ранк думает, что *«маленький кусочек анализа избавит его от необходимости остальной аналитической работы»*. Фрейд считает, что попытка Ранка *«предназначена только для того, чтобы приноровить темп аналитической терапии к суете американской жизни»* (p. 232). Затем Фрейд упоминает о собственном опыте предварительного определения срока окончания аналитического лечения в случае, когда движение застопорилось, и о решении придерживаться этого срока, несмотря ни на что, как в случае «Человека с волками» (1918b). Это был рискованный шаг, замечает он, который поначалу сработал, но впоследствии привел к рецидиву. Установление срока завершения анализа может дать эффект при условии, что выбран подходящий момент, заключает он, но общих правил не существует, и нужно доверять главным образом своей интуиции.

- **Есть ли у анализа естественный конец?**

Мы часто слышим: *«Его анализ не был завершен!»* или *«Он не прошел свой анализ до конца!»*. Но что же тогда означает *«конец анализа»*? Конец виден, говорит Фрейд, когда пациент больше не страдает от своих симптомов, тревог или запретов; когда вытесненное осознается и мы можем больше не опасаться возобновления патологических процессов. Если эти элементы отсутствуют – анализ *«не завершен»* (p. 235). В удачных случаях достигается полное устранение невротического расстройства и угрозы его возвращения. По мнению Фрейда, наиболее благоприятные для психоаналитического лечения случаи – это случаи с травматической этиологией, так как анализ умеет работать с травматическими ситуациями, восходящими к раннему детству, когда незрелое Я еще не могло с ними справиться. Зато если сила влечений чрезмерна, она не позволяет Я их *обуздать*, тогда анализ заходит в тупик, так как сила влечений приводит к изменениям Я. О каких изменениях идет речь? Фрейд уточняет, что речь идет об изменениях Я, являющихся результатом защитных действий *«в смысле смещения и ограничения»* (p. 236). Выражения «смещение» и «ограничение» возвращают нас к исследованиям об отрицании реальности и расщепления Я, которые еще не привлекли к себе внимания в психоаналитических кругах: *«...по правде говоря, надо признать, что эти вещи еще недостаточно изучены. Они только сейчас оказываются предметом аналитических исследований. Интерес аналитиков пока не ориентирован должным образом на эту область»* (p. 236).

Затем Фрейд представляет два клинических случая, демонстрируя, что лечение может закончиться удовлетворительно, но впоследствии, иногда несколькими годами позже, различные факторы могут вызвать возвращение болезни. Вначале Фрейд рассказывает о человеке, который проходил у него анализ, хотя Фрейд и не называет его имени, в этом пациенте мы узнаем его ученика Ференци: аналитическая работа была завершена, казалось бы, удовлетворительно, но спустя несколько лет пациент поссорился со своим аналитиком и упрекнул его в том, что тот проявил небрежность и не про-

анализировал отрицательный перенос. Фрейд защищается от этого обвинения: «*Он [анализанд] должен знать и принимать во внимание, что отношения переноса не могут быть чисто положительными, он должен был побеспокоиться об отрицательном переносе. Аналитика оправдывает то, что во время анализа не всегда возможно распознать отрицательный перенос*» (p. 236–237). Другой пример – это случай женщины, чей анализ закончился успешно, но из-за различных несчастий и операции болезнь вернулась с новой силой, и тогда оказалась недоступна для анализа. Рецидив всегда возможен: «*у нас нет возможности предвидеть дальнейшую судьбу выздоровления*» (p. 238). Напрашивается вывод: чем больше мы ждем от психоаналитического лечения, тем менее оправданно сокращение курса лечения!

- **«Обуздание влечений» и его границы**

По мнению Фрейда, успех аналитического лечения в основном зависит от трех факторов: влияния травм, конституционной силы влечений, изменения Я. Какими же средствами располагает Я пациента, чтобы «*обуздать*» силы влечений и прочно и окончательно ликвидировать конфликт влечений? Чтобы это объяснить, утверждает Фрейд, надо прибегнуть к «*ведьме метапсихологии*», иначе говоря, призвать на помощь метапсихологические умозрительные представления, «*без которых невозможно продвигаться вперед*» (p. 240). Например, у нормального человека для каждого конфликта должно быть найдено равновесие между «*силой Я*» и «*силой влечений*». Если сила Я уступает или власть влечений оказывается чрезмерной, наступает нарушение равновесия, которое влечет за собой патологические последствия. С точки зрения взаимного равновесия противоборствующих сил, это соображение подтверждает в глазах Фрейда важность *количественного*, т. е. *экономического* фактора в возникновении болезни. Здесь Фрейд еще раз подчеркивает оригинальный характер психоаналитического лечения, так как оно дает пациенту возможность овладеть усилением влечений – процесс, который не является спонтанным, а создается аналитической работой. Между тем обуздание влечений далеко не гарантировано, так как оно никогда не бывает полным и окончательным. Эта неуверенность в будущем, по мнению Фрейда, является дополнительным аргументом в пользу углубленной аналитической работы, цель которой – усилить способность Я приручать влечения: «*Конечно, всегда есть искушение сократить срок аналитического лечения, но наша терапевтическая цель заключается в усилении аналитической поддержки, которую мы оказываем Я*» (p. 245).

- **Границы психоаналитической терапии**

Возникают и другие вопросы о ходе лечения. Можем ли мы защитить пациента от конфликтов влечений в будущем? Возможно ли пробудить еще неявный конфликт влечений в превентивных целях? Фрейд объединяет эти две проблемы, которые ставят вопрос о границах психоаналитической терапии.

Он считает, что, пока актуальный конфликт не проявился, аналитик никак не может повлиять на него. Мы можем рассматривать настоящий конфликт только тогда, когда он проявляется в переносе, говорит Фрейд, если мы в превентивных целях сделаем попытку искусственно спровоцировать в переносе новые конфликты, мы неизбежно нанесем тяжелый урон положительному переносу, который так важен для аналитической работы. Столь же бесполезно пытаться говорить об этих конфликтах с анализандом в надежде пробудить в нем другие конфликты, чтобы их проработать: пациент нам ответит: *«Это, конечно, очень интересно, но я не испытываю ничего подобного. Можно приумножить его знания, но от этого в нем ничего не изменится»* (p. 249).

- **Сопротивления Я выздоровлению**

Фрейд затрагивает затем вопрос сопротивлений выздоровлению, происходящих от Я, вначале размышляя о необходимости союза между аналитиком и Я пациента, затем – о сопротивлении Я выздоровлению.

Фрейд считает, что аналитик вступает в союз с Я пациента, но с *приблизительно нормальным Я,* уточняет он, поскольку *нормальное* Я – это *идеальный вымысел.* Если посмотреть с этой точки зрения, цель аналитической работы состоит в умении *интегрировать в синтез Я* непокорные части Оно. Эта концепция проработки выходит далеко за пределы устранения вытеснения и предполагает *синтез Я,* т. е. объединение частей Я, которые, по мнению Фрейда, подверглись отщеплению. Фрейд отмечает, что внутри Я сосуществуют две части: часть, близкая к «психотическому» Я, и *«нормальная»* часть: *«Любая нормальная личность на самом деле является нормальной только приблизительно. Нормальное Я в той или иной части, в большей или меньшей мере приближается к Я психотика, и степень удаления от одной крайности и близости к другой будет служить нам предварительной мерой пока не очень четко нами определяемого „изменения Я“»* (p. 250). Позднее элементы, намеченные в этой работе, будут более подробно осмыслены в *Очерке о психоанализе* (1940a [1938]).

Говоря о противодействии Я анализу сопротивлений и выздоровлению, Фрейд напоминает о роли, которую играют механизмы защиты. С одной стороны, механизмы защиты в том виде, как их описала Анна Фрейд (1936), предназначены для защиты Я от внутренней опасности, но, когда они слишком развиты, они могут, в свою очередь, представлять опасность и стать досадным ограничением для Я. Короче говоря, продолжает Фрейд, терапевтический результат анализа связан с возможностью сделать сознательным то, что было вытеснено, помогая себе интерпретациями и реконструкциями, чтобы устранить сопротивления. Но во время работы мы часто констатируем, что пациент больше не поддерживает усилия по прояснению сопротивлений и защит и что отрицательный перенос рискует возобладать и подвергнуть угрозе терапевтический успех: *«Теперь аналитик для пациента – это посторонний человек, который предъявляет к нему неприемлемые требования, и пациент ведет себя как ребенок, который не расположен к постороннему и не доверяет ничему, что тот ему говорит»* (p. 255).

- **Сопротивление, в основе которого лежат более глубокие конфликты**

Существует большое разнообразие *Я*, каждое отдельное Я изначально имеет индивидуальные склонности, некоторые из них возникают в течение первых лет жизни, некоторые являются врожденными и ведут свое происхождение от архаического наследия человека. Эти склонности образуют характер личности, со свойственными именно ей сопротивлениями и защитами, которые воспроизводятся в аналитической ситуации. Чем больше мы учитываем сложность личности, тем труднее локализовать сопротивления, так как мы не можем просто поместить их в Я или в Оно, а должны также принимать в расчет фундаментальные факторы, которые действуют внутри психического аппарата.

Говоря о сопротивлениях более глубокой природы, Фрейд упоминает случай людей, обладающих чрезмерной *«вязкостью либидо»*, которая значительно замедляет процесс лечения. Он называет и противоположный случай – людей, демонстрирующих чрезмерную мобильность либидо, которые переходят от одного объекта к другому, не вступая с ними в глубокие отношения. Наконец, некоторые пациенты, несмотря на свою молодость, демонстрируют нечто вроде *«психической энтропии»*, инерцию, которую мы ожидаем встретить скорее у лиц более пожилого возраста.

В случаях мазохизма, отрицательной терапевтической реакции или чувства вины у невротика истоки сопротивления лежат в конфликте между влечением к жизни и влечением к смерти. *«Эти явления, бесспорно, свидетельствуют о существовании в психике могущественной силы, которую в зависимости от ее направленности мы называем агрессивным или деструктивным влечением и которую мы считает производным влечения к смерти у всего живого»* (p. 258). Между тем недавний опыт показал Фрейду, что конфликт между *Эросом* и деструктивным влечением встречается не только при патологии, но и в нормальной жизни. Он сожалеет, что его идеи в этой области нашли так мало последователей: *«Я хорошо знаю, что дуалистическая теория, которая выдвигает влечение к смерти, агрессивное и деструктивное влечение как полноправного партнера Эроса, нашедшего свое выражение в либидо, не имела широкого отклика и не нашла признания даже среди психоаналитиков»* (p. 260). Зато Фрейд нашел поддержку у греческого философа Эмпедокла, который говорил о существовании двух управляющих всем противоборствующих принципов, это «Φιλια – любовь – и νειζοσ – вражда; дуализм Эмпедокла вполне схож со второй теорией влечений Фрейда.

- **Необходимость анализировать аналитика**

Фрейд обращается к психоаналитикам, опираясь на одно из исследований Ференци (1928), который показал, что для успеха анализа *«аналитику необходимо исследовать свои собственные „заблуждения и ошибки", чтобы держать под контролем „слабые места своей личности"»* (p. 262). Конечно, продолжает Фрейд, аналитики – такие же люди, как и все остальные, и *«нет*

сомнений в том, что не все аналитики достигли той степени психической нормальности, к которой хотят привести своих пациентов» (p. 263). Тем не менее законно требовать от аналитика в интересах пациентов *«достаточно высокой степени нормальности и психической правильности»* (p. 263), поэтому Фрейд считает личный анализ психоаналитика необходимым условием подготовки к его будущей деятельности. Кроме того, с целью избежать, насколько это возможно, различных опасностей, которые подстерегают самого аналитика в его практике, Фрейд рекомендует каждому психоаналитику, *«не стыдясь этого»*, возобновлять собственный анализ каждые пять лет (p. 265).

- **Завершение анализа и «коренная подстилающая порода»**

Эта последняя и самая известная часть текста, в ней Фрейд описывает два препятствия на пути завершения анализа, которые он считает непреодолимыми: зависть к пенису у женщины и бунт против пассивной позиции у мужчины.

Хотя эти две формы сопротивления завершению анализа и отличаются в силу различий полов, они обладают общим элементом: это схожее отношение мужчины и женщины к комплексу кастрации, хотя сам этот комплекс имеет разное значение для двух полов. У мужчины стремление к мужественности согласно сначала с желанием Я, поэтому пассивная позиция, которая предполагает кастрацию, энергично вытесняется, часто проявляясь в чрезмерной сверхкомпенсации. У женщины, напротив, желание мужественности нормально только в фаллической фазе ее развития, т. е. до начала *«развития ее женственности»* (p. 266); но у нее зависть к пенису впоследствии вытесняется, и дальнейшая судьба женственности зависит от результата этого вытеснения. В случаях провала развития женственности, как у *«фаллической» женщины,* комплекс мужественности сохраняется и постоянно оказывает серьезное влияние на характер, напротив, в случаях благоприятного развития, зависть к пенису, по мнению Фрейда, сменяется желанием иметь ребенка. Тем не менее он настаивает на мысли, что комплекс мужественности продолжает нарушать нормальную психическую жизнь женщины: *«Желание мужественности сохранилось в бессознательном и продолжает оказывать свое разрушительное влияние»* (p. 267).

Вслед за этим Фрейд напоминает, что, по мнению Ференци, любой удачный анализ должен был бы укротить эти два комплекса: зависть к пенису у женщины и бунт против пассивной позиции у мужчины. Но Фрейд считает эти планы слишком амбициозными, так как эти комплексы оказывают мощное сопротивление анализу: *«Ни в какой другой момент аналитической работы мы не испытываем более гнетущего ощущения тщетности многократных усилий, как в ситуации, когда понимаем, что напрасно стараемся „проповедовать рыбам“*[1]*, пытаясь убедить женщин оставить как невыпол-*

1 «Оказавшись на берегу моря и не имея других слушателей, Антоний обратился с проповедью к рыбам» – чудо Антония Падуанского; здесь метафора тщеты проповеднического усилия. – *Прим. ред.*

нимое желание иметь пенис и стремясь убедить мужчин, что пассивная позиция в отношении к мужчине всегда равнозначна кастрации, что в жизни бывает множество ситуаций, когда такая позиция необходима» (p. 267).

У мужчины, согласно Фрейду, высокомерие мужской сверхкомпенсации вызывает наиболее сильное сопротивление переносу: «*Мужчина не хочет подчиняться заместителю отца, не хочет быть ему обязанным и, таким образом, не хочет быть обязанным своим выздоровлением врачу*» (p. 267). У женщины зависть к пенису не позволяет сформировать перенос, аналогичный переносу у мужчины, но у нее разочарование от отсутствия пениса – «*источник приступов глубокой депрессии, которые связаны с ее внутренней уверенностью в том, что аналитическое лечение ни к чему не приведет и ничто не может помочь больной*» (p. 267–268). С точки зрения Фрейда, эта депрессия – просто последствие провала «*надежды получить, несмотря ни на что, мужской орган, отсутствие которого мучительно переживается, что было самым главным поводом, который побудил ее начать лечение*» (p. 268). Фрейд ни на минуту не допускает, что женщина может быть подавлена тем, что аналитик не принимает ее особой женской сущности и ее тревогу, которая вызвана ощущением ампутации ее женских органов, что представляет собой женский эквивалент тревоги кастрации у мужчины. Он не допускает и того, что «женская сексуальность» может иметь для женщины позитивный смысл. Однако, согласно Ференци, доступ к женственности для женщины и достижение мужественности мужчиной – цель, которая должна быть достигнута к моменту завершения психоанализа. Фрейд не соглашается с выводами своего ученика, но в примечании он цитирует его дословно: «*...надо, чтобы любой пациент-мужчина приобрел по отношению к врачу ощущение равенства в правах как знак того, что он преодолел тревогу кастрации. Надо, чтобы все пациентки-женщины покончили со своим комплексом мужественности и могли без негодования эмоционально принять чисто женскую роль и все, что из нее следует, чтобы можно было утверждать, что невроз полностью ликвидирован*» (Фрейд цитирует Ференци – p. 267, n. 2). Иными словами, Фрейд остается непоколебимым в своей верности «фаллическому монизму» и непримиримым пессимистом, когда он приходит к заключению, что окончание анализа неизбежно сталкивается с «*коренной подстилающей породой*», т. е. с биологическим фактором, из которого вытекает фактор психологический: «*Иначе не может быть, так как в психике биология действительно играет роль той самой «коренной подстилающей породы». Отказ от женственности, очевидно, не может быть не чем другим, кроме как биологическим фактом, частью этой великой загадки сексуальности*» (p. 268).

«КОНСТРУКЦИИ В АНАЛИЗЕ» (1937d)

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1937d). Construction dans l'analyse, trad. E. R. Hawelka, U. Huber, J. Laplanche // Résultats, idées, problèmes. Paris: PUF, 1985, p. 269–281.

- **Задача, подобная задаче археолога**

Вначале Фрейд показывает, что задача аналитика – снять вытеснение, возникшее в детстве, вызывающее появление симптомов и невротических торможений. Чтобы приблизиться к этой терапевтической цели, надо, чтобы пациент обнаружил воспоминания о раннем аффективном опыте при помощи свободных ассоциаций, анализа сновидений и повторения аффективных отношений в переносе. Задача пациента – вспомнить то, что он пережил и вытеснил, задача психоаналитика – опираясь на эти указания, как можно более точно восстановить картину лет, забытых пациентом: *«Надо, чтобы, опираясь на данные, оставшиеся в памяти, он разгадал или, более точно, реконструировал то, что было забыто»* (p. 271). Эту работу конструирования, или, если угодно, реконструкцию, можно сравнить с работой археолога. Но, в отличие от нее, *«психический объект значительно сложнее, чем материальный объект археолога»*, с одной стороны, и, с другой стороны, *«для археолога реконструкция – конечная цель усилий, в то время как для аналитика представленные им конструкции – только подготовка к работе»* (p. 272).

- **Какую ценность имеют наши реконструкции?**

Какова гарантия правильности наших реконструкций? – спрашивает Фрейд. Например, что случится, если аналитик ошибется? Может быть, наши реконструкции действуют только путем внушения? Фрейд опровергает эти возражения. Конечно, может случиться, что аналитик предложит пациенту в качестве возможного варианта реальных событий неточную реконструкцию: *«Но ошибка такого рода безобидна. Возможно, в подобном случае пациент не будет заинтересован, он не ответит ни да, ни нет»* (p. 274). Таким образом, Фрейд опровергает упреки в том, что при помощи реконструкций, аналитик злоупотребляет внушением.

Отвергнув эти возражения, Фрейд переходит к рассмотрению реакции пациента на реконструкции, которые возникают у аналитика в ходе анализа. Он признает, что есть доля правды в шутке о том, что психоаналитик всегда прав, что бы пациент ни сказал: если пациент говорит *да*, это потому, что он принимает интерпретацию, если он говорит *нет*, то это признак сопротивления, и аналитик снова прав! Но Фрейд уточняет: аналитик не считает ни «да», ни «нет» абсолютно правдивыми, он рассматривает и тот, и другой ответ как неоднозначные. Для аналитика «да» анализанда может иметь смысл как подтверждение реконструкции, но это может быть также выражением сопротивления; что касается «нет», оно столь же неоднозначно, как и «да», и может быть проявлением несогласия, так же как проявлением сопротивления. В этих условиях как понять, что правильно? Фрейд уточняет, что существуют косвенные доказательства, которым мы можем абсолютно доверять, это косвенные подтверждения, полученные путем ассоциаций: *«Мы имеем столь же ценные подтверждения, но выраженные на этот раз положительным образом, когда анализанд приводит ассоциацию, которая содержит что-либо сходное с содержанием реконструкции или аналогичное*

ему» (p. 275). Другой формой косвенного подтверждения становятся ошибочное действие или негативная терапевтическая реакция, в последнем случае, если интерпретирующая реконструкция точна, пациент реагирует ухудшением своих симптомов. Иначе говоря, вопреки утверждениям противников, Фрейд считает, что аналитик придает большое значение реакциям пациента и делает из них важные выводы: «Но *чаще всего эти реакции пациента неоднозначны и не позволяют делать окончательные выводы. Только продолжая анализ, мы можем точно решить, точны ли наши реконструкции или они непригодны. Мы принимаем каждую отдельную реконструкцию только в качестве предположения, которое необходимо проверить, чтобы подтвердить ее или опровергнуть*» (p. 277).

- **Бред как эквивалент конструкции в анализе**

Как же наше предположение становится убеждением пациента? Каждый психоаналитик наблюдает это в своей повседневной практике. Но остается один важный вопрос: как правило, мы ожидаем, что конструкция, представленная во время анализа, приведет к пробуждению соответствующего воспоминания у пациента, по крайней мере, в теории. Между тем на практике очень часто случается, что пациент не вспоминает значимое вытесненное содержание: это неважно, говорит Фрейд, поскольку мы замечаем, что когда пациент убеждается в обоснованности реконструкции, с терапевтической точки зрения это приводит к тому же результату, что и обретенное воспоминание. Почему? Это пока остается тайной. Возможно, будущие исследования помогут нам ее раскрыть.

В некоторых случаях Фрейд замечает, что конструкция, предложенная аналитиком, вызывает у пациента множество ярких воспоминаний, очень близких к содержанию значимого воспоминания. Фрейд приписывает это явление сопротивлению, которое умеет отклонять сознание от решающего воспоминания и привлекать к второстепенным. Между тем, несмотря на яркость этих воспоминаний, они не являются галлюцинациями, уточняет Фрейд. Но существуют исключения, изучение которых приводит его к неожиданным заключениям. Фрейд заметил, что иногда речь идет о настоящих галлюцинациях и что это происходит не только с психотиками, но и в случаях «*которые точно не были психотическими*» (p. 278). Это важное наблюдение натолкнуло Фрейда на идею о том, что галлюцинация – это продукт забытого события из детства: «*Мы еще недостаточно осознали это, возможно, основное свойство галлюцинации – возвращение забытого события периода младенчества, того, что ребенок увидел или услышал в эпоху, когда едва умел говорить*» (p. 279). Продолжая свои исследования, он предполагает, что и бредовые образования, часто сопровождаемые галлюцинациями, также могут быть результатом «*стремительного подъема из глубин бессознательного и возвращения вытесненного*» (p. 279) в соответствии с механизмом, аналогичным механизму образования сновидений, который люди всегда рассматривали «*как эквивалент безумия*» (p. 279).

Наконец, продолжая свои размышления, Фрейд идет дальше и выдвигает гипотезу, согласно которой и в сумасшествии есть своя *«часть исторической правды»* и то, во что пациент верит в бреду, уходит своими корнями в детство. А значит, существует возможность при помощи психотерапевтической работы отыскать зерно правды в содержимом бреда, освободив его от деформаций. Иными словами, Фрейд приходит к выводу, что бред больных тождествен конструкциям, которые мы строим в анализе и что он в то же время представляет собой попытку исцеления, как он неоднократно показывал раньше. Но, добавляет он, *«в условиях психоза* [бред] *неизбежно заменяет часть реальности, которую отрицают в настоящем, частью реальности, которую мы отрицали в далеком прошлом»* (p. 280). Тогда встает вопрос об отношении между отрицанием и вытеснением: *«В каждом индивидуальном случае, мы должны выявить внутренние связи между тем, что отрицается в настоящее время, и тем, что некогда подверглось вытеснению»* (p. 280). Хотя Фрейд не дает окончательного ответа на этот вопрос, его заслуга уже в том, что он его задал.

В заключение Фрейд выстраивает красноречивую параллель между психозом и истерией: *«Так же, как действие конструкции в том, что она возвращает утерянную часть прожитой истории, так же бред обязан своей убедительной силе частицам исторической правды, которую он помещает вместо отвергнутой реальности. Таким образом, я мог бы сказать по поводу бреда то, что я когда-то уже говорил об истерии: больной страдает от воспоминаний»* (p. 280).

Постфрейдисты

Завершение анализа: сколько психоаналитиков, столько мнений...

«Анализ конечный и бесконечный» вызывал многочисленные комментарии с момента своего выхода в свет в 1937 г. Чтобы познакомить вас с разными точками зрения, я кратко изложу позиции нескольких психоаналитиков, представителей различных психоаналитических течений и разных регионов, которые в 1991 г. совместно выпустили под редакцией Д. Сандлера (Лондон), монографию Международной психоаналитической ассоциации, озаглавленную *«Фрейд сегодня: Анализ конечный и бесконечный»* (1994).

Джейкоб А. Арлоу (Нью-Йорк) открывает обсуждение заявлением, что ограниченность аналитического подхода связана не только с техникой, но также с человеческой природой, так как психические конфликты – ее неизменная данность. Он предостерегает от иллюзии создания при помощи психоанализа «совершенного человека». Харальд Лёйпольд-Лёвенталь (Вена) отмечает, что Фрейд, очевидно, стремился избежать тенденции, которая в то время появилась у некоторых психоаналитиков, желавших выработать правила завершения анализа, подчинить его жестким техническим требованиям. По мнению Давида Циммермана и А. Л. Бенто Мостардейро (Порту Алегри), окончание анализа возможно, когда пациент приобрел адекватную способность сепарироваться и проявлять самостоятельность в отношени-

ях с аналитиком, эти изменения происходят во взаимодействии психоаналитического процесса и процесса развития. Тертту Эскелинен де Фолх пишет, что, признав вслед за Фрейдом, что никакой анализ не полон, мы тем не менее можем значительно расширить области применения психоанализа за счет тех, которые во времена Фрейда считались недоступными для анализа, используя новейшие теоретические и технические разработки. Арнольд М. Купер (Нью-Йорк) считает, что центр интересов нынешних психоаналитиков переместился с «укрощения влечений», о котором говорил Фрейд в 1937 г., к межличностной точке зрения, фокусирующейся на объектных отношениях. Он отмечает также, что Фрейд сбился с пути, обратившись к биологии, чтобы оправдать отказ от женственности. Андре Грин (Париж) исследует роль влечений в последних работах Фрейда и приходит к выводу, что, говоря о завершении анализа, ошибочно противопоставлять влечения объекту, так как именно объект выявляет влечение чередованием своего отсутствия и своего присутствия. В своем заключении Давид Розенфельд (Буэнос-Айрес) говорит о закономерности подобного разнообразия мнений психоаналитиков относительно такой сложной проблемы, как окончание анализа, и приглашает их быть открытыми новым идеям.

Хронология понятий

Анализ аналитика – конструкции, реконструкции – бред – зависть к пенису у женщины – галлюцинация – пассивная позиция мужчины – возобновление анализа – «коренная подстилающая порода» – окончание анализа.

ЧЕЛОВЕК МОИСЕЙ И МОНОТЕИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ S. FREUD (1939a)

Последнее произведение: больше вопросов, чем ответов

Моисей, основоположник иудаизма, принадлежит к числу исторических лиц, сильно интересовавших Фрейда. В 1914 г. Фрейд опубликовал работу «Моисей Микеланджело». Он предпринял это короткое психоаналитическое исследование, заинтересовавшись необычными деталями знаменитой скульптуры. В начале 1930-х годов, чувствуя, что будущему психоанализа угрожает одновременно и внутренней разлад, и подъем антисемитизма в Германии, Фрейд начал развивать удивительное предположение, которое сделал на основании прочитанного: Моисей, основатель иудаизма, был не евреем, а египтянином, навязавшим религию Атона еврейскому народу. Начатый в 1934 г., этот труд вышел в свет за несколько месяцев до смерти Фрейда, в 1939 г. Книга «Человек Моисей» – не только продолжение «Тотема и табу», поскольку Фрейд придает убийству Моисея евреями значение, аналогичное значению убийства отца первобытного племени, но и продолжение «Будущего одной иллюзии», поскольку он видит в этом убийстве причины, которые в далеком будущем приведут к возникновению христианства с его акцентом на жертвенности. Конечно, тезисы, выдвинутые Фрейдом, весьма спорны с исторической точки зрения, это признают и его доброжелательные комментаторы. Однако ошибкой стала бы недооценка значения поставленных им вопросов, потому что они встают и перед нами, как в сфере религии, так и в сфере науки.

Биографии и история

Бегство в Лондон

В марте 1938 г. Австрия была аннексирована гитлеровской Германией. Несколькими неделями позже конторы психоаналитического издательства – драгоценного Verlag – подверглись обыскам и были разгромлены. В это время все друзья Фрейда, в особенности Джонс и Мария Бонапарт, торопили его покинуть страну. Международная кампания, в которую были вовлечены британские и американские дипломаты, даже оказывала значительное давление на высшие немецкие и австрийские власти, чтобы ему позволили выехать из Вены. Однако большим препятствием стало нежелание самого Фрейда оставить родину, поскольку он воспринимал это как дезертирство.

Джонс в конце концов убедил его, рассказав историю помощника капитана «Титаника», который был выброшен в море при взрыве котла. Следователям, которые расспрашивали его о том, при каких обстоятельствах он покинул судно, он ответил: «Я его не покидал, это оно меня оставило!» Когда австрийские власти приступили к согласованию условий, на которых семье Фрейд позволялось выехать из страны, начались мелкие административные неприятности. Так как банковские вклады Фрейда были конфискованы, Мария Бонапарт выплатила потребованную властями крупную сумму. Власти подвергли Фрейда последнему унижению, требуя подписать документ, свидетельствующий, что он не подвергался преследованиям с их стороны. По словам Джонса, Фрейд поставил свою подпись, добавив иронический, но рискованный комментарий: «Я могу всем сердечно рекомендовать Гестапо!» 3 июня 1938 Фрейд, его жена Марта и их дочь Анна выехали из Вены в Лондон Восточным экспрессом через Париж. Фрейд на день остановился в Париже у Марии Бонапарт, затем его тепло встретили в Лондоне. В Вене остались четыре его сестры, не сумевшие получить разрешение на выезд. Несколькими годами позже они погибли в нацистских лагерях смерти.

Завершение на свободе «Человека Моисея»

Обосновавшись в Лондоне, Фрейд снова берется за работу и заканчивает в июле 1938 г. третью и последнюю часть «Моисея». Первые две части, в которых говорится о Моисее-египтянине, были опубликованы в 1937 г. в психоаналитическом журнале Имаго (Imago), чье распространение было ограничено узким кругом подписчиков. Перспектива, что книга будет иметь хождение среди широкой публики, стала беспокоить не только близких родственников, но и знакомых Фрейда, чье число увеличивалось с каждым днем. До отъезда в Англию Фрейд отказался от мысли опубликовать «Моисея», не желая спровоцировать возмущение или вызвать недовольство австрийской католической церкви, в то время настроенной антинацистски. Но ситуация в Англии, куда он приехал, чтобы, по его собственным словам, «умереть на свободе», позволила ему развить свои идеи в полной мере и стремиться опубликовать их как можно скорее. Попытки отговорить Фрейда от публикации «Моисея» как со стороны евреев, которые обижались, что гипотеза Фрейда лишает их предка, так и со стороны христиан, бывших в претензии, что их веру в Христа Фрейд рассматривает как бредовую, были тщетны. Никакие аргументы не заставили его уступить, напротив, казалось, они усиливали его решимость. Фрейд не понимал, почему широкая публика упорно не принимает в расчет строго научный характер его работы и требует от него самоцензуры. Книга вышла в июне 1939 г. одновременно в Амстердаме на немецком языке и в США в английском переводе.

Смерть Фрейда 23 сентября 1939 г.

Первые месяцы 1939 г. были омрачены новостями о грабежах и арестах тысяч евреев в Германии. Состояние здоровья Фрейда ухудшилось после временной ремиссии, вызванной радиевой терапией. Несмотря на ухудше-

ние здоровья, Фрейд продолжал прием пациентов до конца июля. Он умер мужественно и достойно 23 сентября 1939 г., попросив Макса Шура, положить конец его страданиям при помощи морфия. Шур выполнил обещание, которое дал, когда стал его лечащим врачом.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1939a). L'homme Moïse et la religion monothéiste, trad. C. Heim. Paris: Gallimard, 1986.

• «МОИСЕЙ – БЛАГОРОДНЫЙ ЕГИПТЯНИН»

Приписывая египетское происхождение Моисею – освободителю евреев, давшему законы еврейскому народу, самому великому из его сыновей, – Фрейд полностью сознавал дерзость своей гипотезы, *«особенно как некто, кто сам принадлежит к этому народу»* (p. 63). Он начинает с того, что ставит вопрос об имени Моисея и приводит многочисленные аргументы лингвистического порядка, которые свидетельствуют в пользу его египетского происхождения. Затем, опираясь на работы Ранка, в частности, на *Миф о рождении героя* (*1909*), Фрейд сравнивает рассказ о рождении Моисея с различными мифами о рождении героев. Это сравнение выявляет общую черту: обычно герой – дитя высокопоставленных родителей, сын или дочь короля, и этот ребенок обречен своим отцом на смерть; однако его спасают, он растет в семье низкого звания и таким образом избегает смерти. Став юношей, герой мстит своему отцу и в итоге торжествует над ним. В мифе о Моисее последний происходит из скромной семьи, и его берет на воспитание египтянка. Фрейд считает, что фактически Моисей действительно принадлежал к египетской королевской семье, но для нужд мифа ему приписали семью скромного происхождения, которая якобы и оставила младенца в корзине на берегу Нила. Отсюда гипотеза Фрейда: «<...> *нам стало внезапно ясно, что Моисей был египтянином, вероятно, высокопоставленным, из которого легенда сделала еврея.* <...> *В то время как обычно в течение своей жизни герой поднимается выше ее скромного начала, жизнь Моисея началась с падения, он спустился со своей высоты, чтобы придти к детям Израиля*» (p. 73).

• «ЕСЛИ МОИСЕЙ БЫЛ ЕГИПТЯНИНОМ»

• Религия Атона, навязанная евреям

Какая серьезная причина могла побудить высокопоставленного египтянина стать во главе толпы рабов-эмигрантов и вместе с ними покинуть свою страну? По мнению Фрейда, Моисеем двигало, без сомнения, желание обратить евреев, проживающих в Египте, в его собственную, египетскую религию, что особенно важно, в религию монотеистическую. Такая религия

в истории Египта имелась только одна, введенная фараоном Эхнатоном, взошедшим на трон в 1375 г. до нашей эры. Этот молодой фараон заставил египтян отказаться от культа ставшего слишком могущественным Амона, чтобы прославить бога Атона – бога солнечного диска. Между тем, отмечает Фрейд, Эхнатон поклонялся не солнцу как материальному предмету, но Солнцу как символу единственного, универсального божественного существа. Он оставил город Фивы, где властвовал Амон, и основал новую резиденцию, которую он назвал Ахетатон, развалины ее были найдены в 1887 г. в месте под названием Телль-эль-Амарна. Мы ничего не знаем о том, что случилось с Эхнатоном, если не считать того, что мятеж угнетенных им священнослужителей восстановил культ Амона, уничтожил религию Атона и стер все ее следы.

Изучая более подробно религию Атона, Фрейд отмечает некоторые общие элементы с иудейской религией, например исключение магических элементов, отсутствие изображения фигуры Атона, кроме его символа в виде солнечного диска, из которого выходят лучи, заканчивающиеся человеческими руками, а также отказ от веры в жизнь после смерти. К этим элементам добавляется практика обрезания, типично египетская, неизвестная среди других народов Среднего Востока, и именно Моисей навязал ее еврейскому народу. Этим ритуалом, по мнению Фрейда, Моисей хотел указать на связь со своим египетским происхождением: «*Как недвусмысленно говорится в библейском тексте, он хотел превратить их в „святой народ", и в знак такого освящения он ввел для них практику, которая делала их, по меньшей мере, равными египтянам*» (p. 97).

- **Культ Яхве – возвращение к первобытному богу**

В продолжение истории еврейского народа библейский текст сообщает нам, что в некоторый период после исхода из Египта, но до прибытия в Землю обетованную народ принял новую религию. Он решает поклоняться божественному Яхве – богу с примитивными и устрашающими чертами, схожему с Баалом. Этот эпизод нарушает последовательность передачи религии Моисея. Но Фрейд объясняет это, обнаружив предание, согласно которому египтянин Моисей был убит евреями во время мятежа непокорного народа, а религия, введенная им, была уничтожена. По мнению историка Э. Селлина (Sellin, 1922), на работы которого Фрейд опирался, строя свои гипотезы, это предание легло в основу всех последующих мессианских ожиданий.

- **Возвращенная религия Моисея вытесняет культ Яхве**

Основываясь на явлении, известном в психоанализе под названием *Entstellung* (искажение, смещение, перемещение с одного места на другое), Фрейд показывает: то, что мы пытаемся отрицать, в результате появляется снова в измененной форме; Фрейд применяет это понятие к повторному появлению прежней религии Моисея.

Итак, Моисей был убит своим народом, и это убийство было результатом мятежа против власти, которую он использовал, чтобы навязывать народу свою веру. В доказательство можно привести библейский эпизод поклонения Золотому тельцу и последовавший за этим гнев Моисея. Но, замечает Фрейд, египтянин Моисей дал части народа представление о значительно более высоком с духовной точки зрения Боге, чем бог Яхве, примитивный и ужасающий. Египетская религия Моисея действительно принесла его народу высокую духовность: «<...>*идея единственного божества, охватывающего весь мир, питающего любовь к любому созданию, обладающего всемогуществом, выступающего против любых церемоний и любой магии, ставила пред людьми в качестве высшей цели в жизни правду и справедливость*» (p. 124).

Фрейд выдвигает гипотезу, что, вопреки убийству Моисея и отказу от его Бога, традиция учения Моисея сохранялась в течение последующих веков благодаря Левитам, которые, вероятно, были прямыми потомками образованных египтян, принадлежащих к свите Моисея во времена Исхода, и что их знания передавались из поколения в поколение. Таким образом религия Моисея снова заняла свое место и окончательно вытеснила культ Яхве.

- **«МОИСЕЙ, ЕГО НАРОД И МОНОТЕИСТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ»**

- **Возникновение религий: возвращение вытесненного**

Фрейд начинает с разъяснения: он заявляет, что не намеревался публиковать третью часть труда, пока жил в Австрии, так как опасался из-за дерзости своих гипотез лишиться покровительства католической церкви и увидеть, как психоанализ запретят в его стране. Но с тех пор, как он живет в Лондоне, он чувствует себя свободным в этом отношении, тем более, что католическая церковь показала себя *гибким тростником* во время аннексии Австрии Германией (p. 135).

Латентный период и традиция

Затем Фрейд ставит вопрос о причинах повторного появления учения Моисея. В свете психоаналитического опыта он проводит параллель между *латентным периодом,* который мы наблюдаем в клинической практике между травматическим событием и последующим появлением симптомов, и *латентным периодом* в религиозной истории – отказом от религии Моисея и позднейшим возрождением иудейского монотеизма. Фрейд объясняет этот разрыв во времени определяющей ролью, которую *традиция* играет при передаче события в течение веков: «*Эта традиция великого прошлого продолжала действовать исподтишка на заднем плане. Она приобретала все большую власть над умами и сумела, наконец, сделать из бога Яхве того бога, которого провозгласил Моисей, и вновь возродить религию Моисея, которая была установлена многими веками раньше, а затем оставлена*» (p. 154–155).

Латентный период в неврозе

Психоанализ нас учит, что в основе невроза лежит травма, которая произошла в детстве, между первым и пятым годом жизни, и что речь идет о переживаниях, которые связаны в основном с сексуальными и агрессивными впечатлениями. Впоследствии эти травматические события забываются, так как мы защищаемся от их осознания. Но по прошествии более или менее долгого периода они вновь появляются во взрослой жизни в качестве *возвращения вытесненного,* и окончательный невроз проявляется тогда в различных формах: в виде компульсивных требований, запретов или фобий. Фрейд приводит в пример человека, который в детстве перенес психосексуальную травму: эта травма «была забыта», т. е. вытеснена, но ее последствием стала импотенция, которая проявилась во взрослой жизни после латентного периода.

Латентный период в человеческой истории

Применяя свои взгляды к массовой психологии, Фрейд показывает, что в различные исторические периоды люди могли переживать сексуальные и агрессивные травматические испытания, которые затем забывались. После латентного периода эти коллективные травматические испытания возвращаются, а их результаты ощущаются позже, и, по мнению Фрейда, так же объясняются религиозные феномены: «*Мы верим, что сумеем понять эти процессы, и хотим показать, что их последствия, которые похожи на симптомы, и есть религиозные феномены*» (p. 170).

Фрейд ссылается на *Тотем и табу* (1912) и на гипотезу об отце в первобытном племени, которого убили сыновья, восставшие против его господства. Братья объединились, «*победили отца и съели его тело, согласно обычаю того времени*» (p. 171). Впоследствии, учредив в память об этом событии праздник, во время которого люди поклонялись животному-тотему, замещавшему идеализированного мертвого отца, первобытные люди приняли тотемическую религию – первую форму религии в человеческой истории. Во всех религиозных обрядах, продолжает Фрейд, мы видим, как после больших перерывов вновь появляются забытые элементы прошлого первобытных людей. Мы наблюдаем подобное явление и в клинической практике, это бред психотика: «Мы *должны признать за религиозными догмами ту правду, которую мы назвали бы* исторической, *конечно, в религиях содержатся признаки психотических симптомов, но как массовый феномен они свободны от проклятия изоляции*» (p. 176).

Фрейд считает, что установление монотеизма в иудаизме и его продолжение в христианстве произошло по образцу возвращения забытого исторического прошлого. По его мнению, именно в связи с чувством вины, названным позже *первородным грехом,* новая религия, религия Христа, отделилась от иудаизма. Сам Христос ведет свое происхождение от еврейского народа. Но поскольку первородный грех – преступление против Бога, он мог быть искуплен только смертью. По мнению Фрейда, это преступление не отличалось от убийства отца в первобытном племени: «*Это преступление,*

достойное смерти, было убийством отца первобытного племени, позднее обожествленного. Но мы не говорим об акте убийства, главное место занимает фантазия об его искуплении, и поэтому этот вымысел был принят как новое искупление (Евангелие). Сын божий позволил предать себя смерти как невинную жертву, что дало ему возможность искупить вину всех людей» (p. 178). Отсюда знаменитое выражение: «*Иудаизм был религией отца, христианство стало религией сына*» (p. 181).

По мнению Фрейда, мы видим в христианской религии тот же героический миф, что и в повторении древней тотемической трапезы, представленной через таинство святого причастия. Но, с его точки зрения, христианская религия не сохранила высокой степени духовности иудаизма, так как она восстановила культ «*великой богини-матери*» и признала «*большое количество божеств – политеизм*» (p. 180) – намек на Деву Марию и на святых, а также элементы магии и суеверий. Иными словами, для Фрейда появление христианства стало лишь частичным прогрессом: «*Триумф христианства был новой победой священников Амона над богом Эхнатона, после перерыва в полторы тысячелетия и на более широкой сцене. Тем не менее христианство было достижением, с точки зрения религиозной истории, то есть в отношении возвращения вытесненного начиная с этого момента еврейская религия, так сказать, застыла*» (p. 181).

Продолжая свою мысль, Фрейд ретроспективно полагает, что раскаяние, вызванное убийством Моисея, без сомнения, дало толчок появлению фантазии о Мессии. Но еврейский народ продолжает отрицать убийство отца, и антисемитизм частично возник как упрек, который ему бросают христиане: «*Вы убили нашего Бога!*» (p. 183). На что Фрейд отвечает, что следовало бы добавить: «*По правде говоря, мы сделали то же самое, но мы это признали, и с тех пор мы прощены*» (p. 183).

Традиция, особая опора филогенетической передачи

Архаическое наследие: конституционный фактор

В этой главе Фрейд пользуется случаем, чтобы яснее, чем когда-либо, заявить о своем убеждении в существовании филогенетической передачи, хотя он несколько раз говорил об этом явлении на протяжении своего творческого пути. По его мнению, на жизнь индивида оказывает влияние не только то, что он прежде пережил и вытеснил в бессознательное, но также врожденное содержание, т. е. «*филогенетические элементы, архаическое наследие*» (p. 193), как показывает передача религии Моисея. Тогда возникают следующие вопросы: из чего состоит это наследие, что оно содержит, какие доказательства его существования мы можем представить?

По мнению Фрейда, это архаическое наследие соответствует тому, что мы назвали бы у индивида *конституционным фактором:* действительно, существуют склонности, общие для каждого человека, особенно заметные в первые годы жизни, и можно отнести эти реакции и индивидуальные различия к архаическому наследию. Он видит доказательство этому в универсальном характере символики языка, составляющей изначальное знание, преодолевающее различия между языками. Он приводит другой аргумент

в поддержку своего тезиса: поведение ребенка по отношению к родителям при проживании эдипова комплекса и комплекса кастрации. Речь идет о *«реакциях, которые кажутся неоправданными, с индивидуальной точки зрения, и которые могут стать понятными только филогенетически, то есть из опыта предшествующих поколений»* (p. 193).

Роль архаического наследия преуменьшалась

Фрейд упрекает себя за то, что до сих пор недостаточно учитывал наследственный характер филогенетических следов в памяти и больше подчеркивал приобретенные влияния: *«Если взглянуть на это поближе, мы должны признаться, что долгое время вели себя так, будто наследование мнестических следов, связанных с тем, что было пережито предками, то, что не зависит от прямого общения и от влияния воспитания собственным примером, не принимается в расчет. Когда мы говорим о сохранении древней традиции в народе, об образовании национального характера, мы думаем чаще всего о традиции, которая передается непрерывно при общении. Или, по крайней мере, мы не делали различий между ними и не понимали, какую угрозу представляет собой подобная небрежность»* (p. 195–196). Хотя мы не можем дать более ощутимые доказательства существования памяти предков, кроме тех, что мы наблюдаем при аналитической работе и относим к филогенезу, Фрейд считает, что этих доказательства достаточно для того, чтобы подкрепить его гипотезу.

Инстинкты животных – архаическое наследие?

Может ли считаться дополнительным доказательством, спрашивает Фрейд, сходство, которое можно установить, с одной стороны, между инстинктами животных, которые являются не чем другим, как воспоминаниями о том, что было пережито их предками, и архаическим наследием человека, с другой стороны. Обратив внимание на это сходство, уточняет он, *«мы сокращаем разрыв, который из-за человеческого высокомерия предшествующие эпохи создали между человеком и животным. Мы называем инстинктами животных то, что позволяет им сразу действовать в новых жизненных ситуациях, как если бы это была знакомая, давно привычная ситуация. Если эта инстинктивная жизнь животных допускает какое-то объяснение, то оно может быть только таким: они принесли в свое индивидуальное существование весь опыт своего вида, и, таким образом, они сохранили в себе воспоминания о том, что пережили их предки. И у животного, которое мы называем человеком, не может быть иначе. Его архаическое наследие соответствует инстинктам животных, даже если оно отличается своим размахом и содержанием»* (p. 196–197).

Неизбежное убийство отца первобытного племени

Опираясь на приведенные выше аргументы, Фрейд снова говорит о своем убеждении, что знание об убийстве отца первобытного племени передается из глубины веков филогенетически: *«После этих разъяснений я не боюсь утверждать, что люди особым образом всегда знали, что когда-то у них был отец – родоначальник, которого они обрекли на смерть»* (p. 197). Отсюда

следуют еще два вопроса. Во-первых, как такое событие, как убийство отца-родоначальника, проникает в архаическое наследие? Для этого требуется, чтобы событие было достаточно важным и повторялось, чтобы оставить травматический след в памяти, как процесс, подобный неврозу. Во-вторых, при каких обстоятельствах это событие может реактивироваться? Фрейд отвечает, что повторение *реального* события, о котором идет речь, – это побудительный фактор, поскольку это то, что пробуждает забытое воспоминание; таким образом, можно считать, что убийство Моисея, а за ним и казнь Христа, представляют собой события, проявляющие первопричину. Кроме того, к этому добавляется другой аргумент психологического порядка, мы говорим о вытеснении, за которым следует возвращение вытесненного: «*Традиция, которая была бы основана только на коммуникации, не имела бы настолько принудительного характера, каким обладают религиозные феномены. К ней прислушивались бы, ее осуждали бы, возможно, ее отклонили бы, как любое новое явление, но она никогда не сумела бы добиться привилегии быть свободной от необходимости подчиняться логической мысли. Вначале она должна подвергнуться вытеснению, стать тем, что находится в бессознательном, прежде чем она сумеет подчинить массы своему господству, как мы это с удивлением и недоумением увидели в религиозной традиции*» (p. 198).

- **Краткие выводы и новое подтверждение атеистических убеждений**

В последней части работы Фрейд кратко излагает основные моменты своей теории и вносит ряд дополнений, относящихся к генезису особых свойств еврейского народа. Чтобы избежать повторений – Фрейд уже второй раз подводит итоги своих размышлений в этой работе – я только упомяну некоторые из этих дополнений. Так, Фрейд хочет понять, откуда возникает чувство превосходства, столь распространенное среди евреев, которые к тому же считают, что принадлежат к избранному народу. По мнению Фрейда, это чувство превосходства восходит еще к Моисею, который их уверял, что они – избранный Богом народ: «*<…> мы осмеливаемся говорить, что именно Моисей создал евреев*» (p. 203).

Несомненное превосходство религии Моисея

Как же стало возможно, что единственный человек оказал на них такое исключительное воздействие? Фрейд видит в этом признак ностальгии по отцу, знакомой каждому с детства. Именно по этой причине «*черты, которыми мы наделяем великих людей, – это отцовские черты*» (p. 207). Фрейд продолжает свой экскурс, отмечая, что религия Моисея дала евреям более возвышенное представление о Боге, чем у других, так как запрет на создание изображения Бога повлек за собой развитие абстрактного представления о божественном, которое составляет значительный прогресс в психическом плане: «*Действительно, он [запрет] означал возможность оставить в стороне чувственное*

представление в пользу представления, которое можно было бы назвать абстрактным, триумф жизни разума над чувственной жизнью, строго говоря, отказ от влечений со всеми вытекающими последствиями психологического плана» (p. 212). Фрейд делает аналогичное заключение, рассуждая о переходе от матриархата к патриархату: *«Но этот переход от матери к отцу характеризует, кроме того, победу жизни разума над чувственной жизнью и, следовательно, достижение цивилизации, так как материнство находит себе доказательство в чувствах, в то время как отцовство суть гипотеза, построенная на допущении и умозаключении»* (p. 213).

Идея единобожия: возвращение воспоминания о вытесненной реальности

Фрейд однозначно утверждает, что не верит в существование единого Бога и что такая вера возникла из того, что в первобытные времена действительно существовала уникальная личность, которая возвысилось над всеми другими. Впоследствии эта личность вновь возникла в воспоминаниях людей в образе божества. Феномен возвращения вытесненного объясняет, вероятно, что историческое существование этого человека было забыто и оставило в человеческой душе прочный след, сравнимый с традицией. Идея единого бога затем вновь возникла у человечества таким же образом, как возвращение вытесненного – у невротика, компульсивно, и эта вера была не чем другим, как пробуждением воспоминаний о навсегда пропавшей исторической правде: *«Одним из результатов этого было возникновение идеи великого единственного бога, идеи, которую мы должны считать воспоминанием, конечно, деформированным, но полностью подтвержденным. Эта идея носит компульсивный характер, в нее должны верить. В зависимости от того, насколько она деформирована, мы можем рассматривать ее как иллюзию [на немецком языке Wahn означает как иллюзию, так и бред], в той мере, в какой она приводит к возвращению того, что действительно произошло, мы должны называть ее правдой. Бред в психиатрическом смысле также содержит крупицы правды, и убежденность больного исходит именно из существования этой правды, которая появляется в бредовом обличье»* (p. 234–235). Вторая часть этой работы завершается повторением в практически неизменном виде тех тезисов, которые Фрейд уже высказал раньше в этом произведении.

Постфрейдисты

Последний вызов и еще один скандал

Сразу после выхода в свет книга вызвала скандал, особенно в религиозных кругах, как еврейских, так и христианских. Братья-евреи были разгневаны тем, что Фрейд попытался лишить их Моисея, и опасались возможных долгосрочных последствий. Христиане еще сильнее реагировали на критику их веры, поскольку в этой работе Фрейд зашел еще дальше, чем в *Будущем одной иллюзии:* в *Моисее* он не только заявил, что христианская религия

в наибольшей степени похожа на бред, но и счел ее шагом назад по сравнению с иудейской духовностью, возвращением к идолопоклонству. Между тем вскоре после объявления войны в сентябре 1939 г. эта пламенная полемика отошла на задний план. К тому же по политическим мотивам, учитывая нацистские преследования, иудейские религиозные круги пытались ограничить доступ к трудам Фрейда, чтобы не мешать возвращению своих единоверцев к традициям, которые сделали из Моисея основателя иудейской религии.

Что осталось сегодня от фрейдова *Человека Моисея*?

С течением времени этот труд предстает как сложное и противоречивое произведение, ставшее причиной многочисленных и разнообразных комментариев, часто полных страсти. Между тем недавние исследования дают возможность нового прочтения *Моисея* Фрейда – более критического, но и обогащенного. Действительно, можно сказать, что в религиозном, историческом и антропологическом плане это очень спорное произведение, но оно многое проясняет в личности самого Фрейда и ставит важные вопросы, которые все еще не решены. Вот несколько основных моментов в дискуссии об этой работе.

В психоаналитических кругах сразу заметили идентификацию Фрейда с личностью Моисея, так как текст был написан в особом контексте, когда Фрейд опасался исчезновения психоанализа и одновременно столкнулся с угрозой для собственной жизни, жизни отца-основателя, не только со стороны нацистов, но и, как и в случае с Моисеем, со стороны его собственных учеников. Авторы психоаналитических биографий особенно оценили этот труд и рассматривали его как образец жанра. Зато в том, что касается собственно содержания гипотезы Фрейда, психоаналитики сегодня склонны воспринимать *Человека Моисея* так же, как *Тотем и табу*, т. е. как серию дерзких постулатов, верность которых далеко не доказана. Например, трудно признать параллель, которую Фрейд проводит между индивидуальным развитием и историческим развитием всего человеческого рода, говоря о коллективном вытеснении и о возвращении вытесненного после латентного периода. Тем не менее надо признать, что значение вопроса о межпоколенческой и филогенетической передаче, поставленного Фрейдом в конце работы, недооценено психоаналитиками и в настоящий момент, и он все еще ждет своего решения.

Что касается антропологов, сегодня большинство из них мало верит в гипотезу Фрейда о первобытном племени, даже если некоторые из них утверждали обратное. Недавние исторические исследования с большой долей вероятности указывают скорее на месопотамские истоки преданий еврейской религии, чем на египетские, так что гипотеза Фрейда, согласно которой Моисей был египтянином, вызывает большие сомнения.

В религиозном плане позицию Фрейда оспаривали с самых разных точек зрения. Если говорить об отношениях Фрейда с иудаизмом, *Человек Моисей* появляется как размышление о еврейской идентичности, о чертах

характера, которые она определяет, а также о происхождении антисемитизма. Среди многочисленных работ, которые были посвящены этому вопросу, заслуживает упоминания работа Й. Х. Йерушалми (1991). Этот автор исследует, каким образом эта книга вписывается в жизнь Фрейда, и считает, что в этой работе Фрейд представил иудаизм *«бесконечным»*, поскольку лишил его Бога.

Критике подвергли и идеи Фрейда об истоках религии, и слабость аргументов, на которые он опирался. Например, Месснер считает, что, когда Фрейд проводит параллель между обсессивными симптомами и религиозными ритуалами, он описывает ограниченный и скорее патологический аспект религиозного поведения и что это значительно ограничивает то влияние, которое могли бы оказать его идеи: *«Анализ оказывается столь же редукционистским в самом худшем смысле и, в конечном счете, мало способствует пониманию подлинной веры и религиозной практики»* (2002, p. 475). П. Рикер (Ricoeur, 1965) защищает аналогичную точку зрения, он считает, что аналитический подход освещает только один аспект религии, который наблюдается в идолопоклонстве. В общем причины враждебности Фрейда по отношению к любой организованной религии – христианской или иудейской – связаны с многими факторами, для обсуждения которых здесь нет места. Но, как заметил Э. Райс (Rice, 2002), если не обращать внимания на то, что Фрейд *«ослеплен своей враждебностью»*, мы увидим совершенно другой его образ. По мнению этого автора: *«У Фрейда было впечатление, что христианство стало возвращением к языческим временам, предшествовавшим монотеизму, идентичным периоду идолопоклонства, в Египте до Эхнатона. Фрейд искал пророческую религию, культ, основанный на значимости индивидуальной ответственности и социальной справедливости. Теоцентрическая концепция мира могла бы только помешать осуществлению его планов»* (p. 297–298).

В завершение я хочу предостеречь читателя от опасности недооценить вклад Фрейда в вопрос о религии. Вопреки слабости его аргументов, его собственным конфликтам и атеизму, Фрейд сформулировал множество важных вопросов, которые ждут своего решения, как нам это убедительно показал В. В. Месснер (Meissner, 1984). Со своей стороны, П. Рикер также выступает против предубеждения, что психоанализ – это заведомое иконоборчество. По его мнению, «демонтаж» религии вполне может стать критическим выражением веры, свободной от любого идолопоклонства, независимо от позиции, которую психоаналитик занимает по отношению к вере. Впрочем, с точки зрения религиозной веры, психоанализ имеет свои границы, и, по мнению Рикера, психоанализу не следует высказываться по этому поводу: *«Моя рабочая гипотеза такова, <...> что психоанализ как таковой – иконоборец по необходимости, независимо от веры или от ее отсутствия у психоаналитика, и что это „разрушение" религии может быть компенсацией веры, свободной от всякого идолопоклонства. Психоанализ не может выйти за пределы этого иконоборчества. В этой неизбежности существуют две возможности: вера и неверие, но выбор между ними ему не принадлежит»* (1965, p. 243).

Лично я думаю, что и психоанализ, и религиозная вера занимают свое поле. Между тем, учитывая их неизбежное взаимодействие, мне кажется важным разграничить их сферы влияния так, чтобы существование одного не мешало существованию другого.

Хронология понятий

Смещение («Entstellung») – архаическое наследие – латентность (латентный период) – убийство отца – филогенез – религия, религиозные идеи – монотеистическая религия – традиция.

ЧИТАТЬ ФРЕЙДА СЕГОДНЯ?

«Наилучший способ понять психоанализ состоит в том, чтобы обратится к его генезису и к его развитию».

S. Freud. Psychanalyse et Théorie de la libido, 1923a, p. 51 [183]

Актуально ли сегодня творчество Фрейда? Сохранили ли его идеи универсальную ценность? Что касается его терапевтического метода, каково место психоаналитического лечения в нашу эпоху?

Я отвечу тем, кто задает себе подобные вопросы, что психоанализ жив: «психоаналитическая революция», как назвала это Марта Робер (1964), все еще в действии. Чтобы показать это, я задумал книгу *Читая Фрейда* как работу, которая выявила бы жизненность идей Фрейда и психоанализа.

Я использовал, по возможности, разговорный стиль, как это делал Фрейд на немецком, что ничуть не уменьшает сложность его мысли. Мне кажется важным донести тексты и идеи Фрейда до каждого, чтобы чтение его произведений дало нечто, что затронет каждого лично. Вызвав отклик в самой глубине нашего существа, чтение Фрейда может стать отправной точкой в поисках себя.

Фрейд побуждает нас проделать самостоятельно тот путь, который он прошел сам, после того как, занявшись самоанализом, обнаружил существование бессознательного. На протяжении своей жизни он сделал не единицы, а многие цепочки открытий, одно влекло за собой другое. Поэтому чтение произведений Фрейда в хронологическом порядке представляет не только исторический интерес: это рассказ об исследовании, которое может послужить нам руководством в наших собственных внутренних поисках, поможет каждому найти свой путь.

Читатель, без сомнения, вынес из этой книги, что Фрейд оставил после себя наследство с большим потенциалом развития, и этот потенциал был освоен трудами психоаналитиков-постфрейдистов. Возможности развития психоанализа еще далеко не исчерпаны, и это ставит перед нами вопрос: что мы, в свою очередь, собираемся делать с этим наследством? Ответы меняются в зависимости от личности психоаналитика, и наш способ обращения с наследством зависит от той работы горя, которую проделываем мы в отношении к смерти Фрейда. Для одних верность его наследию означает сохранение его таким, как оно есть, рискуя его заморозить, как сказала, например, Даниэла Кинодо: «*Ради безопасности помещая ценные тексты Фрейда под стекло, как мы прячем за стеклом ценные фарфоровые статуэтки, унаследованные от предков, поскольку их нельзя мыть в посудомоечной машине*» (2002, p. 182). Для других быть верным Фрейду значит взять часть его наследства и развить ее изолированно, в ущерб совокупности, рискуя раздробить психоанализ так, чтобы существовало столько же видов психоанализа, сколько психоаналитиков.

Как избежать подводных камней, которые подстерегают нас сегодня? Лично я думаю, что наилучший способ сохранить живым наследство, оставленное Фрейдом, состоит в том, чтобы передать весь его динамизм, вступив с ним в диалог посредством того, что он нам завещал. Я надеюсь, что *Читая Фрейда* будет для читателя не только встречей с Фрейдом, но и приглашением идти дальше и продолжить диалог, знакомясь с его трудами.

Фрейда больше нет. Между тем он продолжает жить не только в своих трудах, но и в практике психоаналитического лечения, которую он нам оставил. Читать тексты Фрейда и заниматься психоанализом – это два разных занятия. Второе из них также устанавливает некую форму непрерывного диалога с Фрейдом, но уже через отношения переноса и контрпереноса между анализандом и аналитиком, но это уже другая история…

ЛИТЕРАТУРА

Abraham K. (1908), «Les différences psychosexuelles entre l'hystérie et la démence précoce», trad. I. Barande, in Œuvres complètes, t. I, 1907–1914, Paris, Payot, 1965, p. 36–47.

Abraham K. (1911), «Préliminaire à l'investigation et au traitement psychanalytique de la folie maniaco-dépressive et des états voisins», trad. I. Barande, in Œuvres complètes, t. I, 1907–1914, Paris, Payot, 1965, p. 99–113.

Abraham K. (1924), «Esquisse d'une histoire du développement de la libido fondée sur la psychanalyse des troubles mentaux», trad. I. Barande, in Œuvres complètes, t. II, 1913–1925, Paris, Payot, 1965, p. 255–313.

Andreas-Salomé L. (1912-1936), Correspondance avec Sigmund Freud, suivie du Journal d'une année (1912-1913), trad. L. Jumel, Paris, Gallimard, 1970.

Andreassen N. C. (1998), "Understanding schizophrenia: A silent spring?", Editorial, Amer. J. Psychiat., 155, 1657–1659.

Anzieu D. (1959), L'auto-analyse de Freud, Paris, PUF.

Anzieu D. (1988a), préface, in S. Freud (1901), Sur les rêves, Paris, Gallimard, 1988.

Anzieu D. (1988b), L'auto-analyse de Freud et la découverte de la psychanalyse, Paris, PUF.

Balint M. (1952), Amour primaire et technique psychanalytique, trad. J. Dupont, R. Gelly et S. Kadar, Paris, Payot, 1972.

Bellemin-Noël J. (1983), Gradiva au pied de la lettre, Paris, PUF.

Bion W. R. (1957), «Différenciation des parties psychotiques et non psychotiques de la personnalité», trad. F. Robert, in Réflexion faite, Paris, PUF, 1983, p. 51–73.

Bion W. R. (1959), «Attaques contre le lien», trad. F. Robert, in Réflexion faite, Paris, PUF, 1983, p. 105–123.

Bion W. R. (1961), Recherches sur les petits groupes, trad. L. Herbert, Paris, PUF, 1965.

Bion W. R. (1962), Aux sources de l'expérience, trad. F. Robert, Paris, PUF, 1979.

Bion W. R. (1967), Réflexion faite, trad. F. Robert, Paris, PUF, 1983.

Birksted-Breen D. (1993), The Gender Conundrum. Contemporary Psychoanalytic Perspectives on Femininity and Masculinity, London–New York, Routledge.

Blacker K. H. et Abraham R. (1982), "The Rat Man revisited: Comments on maternal influences", Int. J. Psychoanal, and Psychother., 9, 267–285.

Bleger J. (1967), "Psychoanalysis of the psychoanalytic frame", Int. J. Psycho-Anal., 48, 511–519.

Blum H. P. (1976), "Masochism, the ego ideal, and the psychology of women", J. of the American Psychoanalytic Association, 24 (5), 157–193.

Bonaparte M. (1951), La sexualité de la femme, Paris, PUF.

Bonaparte m., Freud A. et Kris E. (1956), «Note des éditeurs» (note n° 5), in S. Freud, La naissance de la psychanalyse, Paris, PUF, p. 91–92.

Bourguignon A., Cotet P., Laplanche J. et Robert F. (1989), Traduire Freud, Paris, PUF.

Bowlby J. (1969, 1973, 1980), Attachement et perte, 3 vol., trad. J. Kalmanovitch, Paris, PUF, 1978, 1984.

Braunschweig D. (1991), «Fantasmes originaires et Surmoi: la phylogenèse», Rev. franç. psychanal., 55, 1251–1262.

Breuer J., Freud S. (1893), «Le mécanisme psychique de l'hystérie: communication préliminaire», in S. Freud, J. Breuer, Études sur l'hystérie, trad. A. Bermann, Paris, PUF, 1956, p. 1–13.

Britton R. (2003), "Sex death and superego", in Experiences in Psychoanalysis, London–New York, Karnac.

Canestri J. (1990), «Quelques réponses», in J. Amati-Mehler, S. Argentieri, J. Canestri, La Babel de l'inconscient. Langue maternelle, langues étrangères et psychanalyse, Paris, PUF.

Carson R. L. (1962), Silent Spring, Boston-Cambridge, Houghton & Mifflin – Riverside Press.

Chasseguet-Smirgel J. (1976), "Freud and female sexuality. The consideration of some blind spots in the exploration of the 'dark' continent", Int. J. Psycho-Anal., 57, 275–286.

Chasseguet-Smirgel J., et coll. (1964), Recherches psychanalytiques nouvelles sur la sexualité féminine, Paris, Payot.

Chiland C. (2003), Robert fesse Stoller, Paris, PUF.

Cooper S. H. (1998), "Countertransference disclosure and the conceptualisation of analytic technique", Psychoanal. Quart., 67, 128–154.

Devereux G. (1972), Ethnopsychanalyse complémentariste, trad. T. Jolas et H. Gobard, Paris, Flammarion, 2e éd., 1985.

Diatkine G. (1997), Jacques Lacan, Paris, PUF.

Dolto F. (1981), La foi au risque de la psychanalyse (Dialogue avec G. Séverin), Paris, Le Seuil.

Dolto F. et Séverin G. (1977-1978), L'Évangile au risque de la psychanalyse, Paris, J.-P. Delarge.

Dor J. (1985), Introduction à la lecture de Lacan, Paris, Denoël.

Duparc F. (2001), "The countertransference scene in France", Int. J. Psycho-Anal., 82, 151–169.

Eissler K. R. (1961), Léonard de Vinci, Paris, PUF, 1980.

Erikson E. H. (1950), Enfance et société, trad. A. (i.e. Jean) Cardinet, Neuchâtel, Delachaux & Niestlé, 1959.

Etchegoyen R. H. (1991), The Fundamentals of Psychoanalytic Technique, London–New York, Karnac.

Fairbairn R. D. (1956), "Considerations arising out of the Schreber case", Brit. J. Med. Psychol., 19, 113–127.

Fédération européenne de psychanalyse (1986), La pulsion de mort. Symposium (Marseille 1984), Paris, PUF.

Federn P. (1943), «Psychanalyse des psychoses», in La Psychologie du moi et les psychoses, trad. A. Lewis-Loubignac, Paris, PUF, 1979, p. 125–174.

Fenichel O. (1941), Problèmes de technique psychanalytique, trad. A. Berman, Paris, PUF, rééd. Tchou, 2001.

Ferenczi S. (1909), «Transfert et introjection», trad. J. Dupont, M. Wiliker et P. Gamier, in Psychanalyse, I. Œuvres complètes, Paris, Payot, 1968–1983, p. 93–125.

Ferenczi S. (1913), «Développement du sens de la réalité et ses stades», trad. J. Dupont, M. Wiliker et P. Garnier, in Psychanalyse, II. Œuvres complètes, Paris, Payot, 1970, p. 51–65.

Ferenczi S. (1928), «Le problème de la fin de l'analyse», trad. J. Dupont et al., in Psychanalyse, IV. Œuvres complètes, Paris, Payot, 1982, p. 43–52.

Ferenczi S. et Rank O. (1924), Perspectives de la psychanalyse, Paris, Payot, 1994.

Ferro A. (2000), La psychanalyse comme œuvre ouverte, trad. P. Faugeras, Ramonville-Saint-Agne, Érès.

Flanders S. (1993), "Introduction", in The Dream Discourse today, London, Routledge.

Foulkes S. H. (1964), Psychothérapie et analyse de groupe, trad. G. Rinzeler, Paris, Payot, 1970.

Frankiel R. V. (1991), "A note on Freud's inattention to the negative œdipal in little Hans", Int. Rev. Psycho-Anal., 18, 181–184.

Freeman D. (1967), «'Totem et tabou': une nouvelle évaluation», trad. J. Kalmanovitch, in W. Muensterberger (éd.) (1969), L'anthropologie psychanalytique depuis «Totem et tabou», Paris, Payot, 1976, p. 57–81.

Freud A. (1923), «Ein hysterisches Symptom bei einem zweieinvierteljährigen Kind», Imago, 9, 264–265.

Freud A. (1927), «Introduction à la psychanalyse des enfants», Rev. franç. psychanal., 4, 428–239, 610–633, 1930–1931.

Freud A. (1936), Le moi et les mécanismes de défense, trad. A. Berman, Paris, PUF, 1949.

Freud A. (1965), Le normal et le pathologique chez l'enfant, trad. D. Widlöcher, Paris, Gallimard 1968.

Freud A. et Burlingham D. (1943), War and Children, New York, Int. Univ. Press, 1943.

Freud S. (1887–1902), «Lettres à Wilhelm Fliess», trad. A. Berman, in La naissance de la psychanalyse, Paris, PUF, 1956, p. 47–306. Pas dans les GW SE 1, p. 175–280.

Freud S. (1894a), «Les psychonévroses de défense», in Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche, Paris, PUF, 1973, p. 1–14; OCF. P., III, p. 1–18; GW 1, p. 59–74; SE 3, p. 41–61.

Freud S. «Manuscrit E», in La naissance de la psychanalyse, trad. A. Berman, éd. M. Bonaparte, A. Freud et E. Kris, Paris, PUF, 1956, p. 80–85.

Freud S. «Manuscrit G», in La naissance de la psychanalyse, trad. A. Berman, éd. M. Bonaparte, A. Freud et E. Kris, Paris, PUF, 1956, p. 91–97.

Freud S. «Manuscrit H», in La naissance de la psychanalyse, trad. A. Berman, éd. M. Bonaparte, A. Freud et E. Kris, Paris, PUF, 1956, p. 98–102.

Freud S. «Manuscrit K», in La naissance de la psychanalyse, trad. A. Berman, éd. M. Bonaparte, A. Freud et E. Kris, Paris, PUF, 1956, p. 129–137.

Freud S. (1895b [1894]), «Qu'il est justifié de séparer de la neurasthénie un certain complexe symptomatique sous le nom de «névrose d'angoisse»», in Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche et al., Paris, PUF, 1973, p. 15–38; OCF. P., III, p. 29–58; GW 1, p. 315–342; SE 3, p. 85–115.

Freud S. (1895c), «Obsessions et phobies. Leur mécanisme psychique et leur étiologie» (publié en français), in Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche et al., Paris, PUF, 1973, p. 39–45; OCF. P., III, p. 19–28; GW 1, p. 345–353 (en français); SE 3, p. 69–82.

Freud S. (1895h), «Mécanisme des représentations de contrainte et des phobies», OCF. P., III, p. 79–91; GW Nachtr., p. 352–359. N'existe pas en anglais.

Freud S. (1896b), «Nouvelles remarques sur les psychonévroses de défense», in Névrose, psychose et perversion, trad. J. Laplanche et al., Paris, PUF, 1973, p. 61–81; OCF. P., III, p. 121–146; GW 1, p. 379–403; SE 3, p. 157–185.

Freud S. (1897b), «Résumé des travaux scientifiques du D'Sigm. Freud Privatdocent, 1877–1897», OCF. P., III, p. 183–213; GW 1, p. 463–488; SE 3, p. 223–257.

Freud S. (1898a), «La sexualité dans l'étiologje des névroses», in Résultats, idées, problèmes I, trad. J. Altounian et al., Paris, PUF, 1984, p. 75–97; OCF. P., III, p. 215–240; GW 1, p. 491–516; SE 3, p. 259–285.

Freud S. (1898b), «Sur le mécanisme psychique de l'oubli», in Résultats idées, problèmes I, trad. J. Altounian et al., Paris, PUF, 1984, p. 99–107; OCF. P., III, p. 241–252; GW 1, p. 519–529; SE 3, p. 287–297.

Freud S. (1899a), «Sur les souvenirs-écrans», in Névrose, psychose et perversion, trad. D. Anzieu et A. Berman, Paris, PUF, 1973, p. 113–132; OCF. P., III, p. 253–276; GW 1, p. 531–554; SE 3, p. 299–322.

Freud S. (1900a), L'interprétation des rêves, trad. I. Meyerson, rév. D. Berger, Paris, PUF, 1967; GW 2–3; SE 4–5.

Freud S. (1901a), Sur le rêve, préface de D. Anzieu, trad. C. Heim, Paris, Gallimard, 1988; GW 2–3, p. 643–700; SE 5, p. 633–686.

Freud S. (1901b), Psychopathologie de là vie quotidienne, trad. S. Jankélévitch, Paris, Payot, 1922, 1967, GW 4; SE 6.

Freud S. (1904a), «La méthode psychanalytique de Freud», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 1–8; GW 5, p. 3–10; SE 7, p. 247–254.

Freud S. (1905a), «De la psychothérapie», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris PUF, 1970, p. 9–22; GW 5, p. 13–26; SE 7, p. 255–268.

Freud S. (1905c), Le mot d'esprit et sa relation à l'inconscient, trad. D. Messier, Paris, Gallimard, 1988; GW 6; SE 8.

Freud S. (1905d), Trois essais sur la théorie sexuelle, trad. P. Koeppel, Paris, Gallimard 1987; GW 5, p. 29–145; SE 7, p. 123–243.

Freud S. (1905e), «Fragment d'une analyse d'hystérie (Dora)», trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein, in Cinq psychanalyses, Paris, PUF, 1954, p. 1–91; GW 5, p. 163–286; SE 7, p. 1–122.

Freud S. (1907a), Le délire et les rêves dans la «Gradiva» de Jensen, trad. J. Bellemin-Noël, Paris, Gallimard 1986; GW 7, p. 31–125; SE 9, p. 1–95.

Freud S. (1907b), «Actions compulsionnelles et exercices religieux», trad. D. Guérineau, in Névrose, psychose et perversion, Paris, Gallimard, 1973, p. 133–142, GW 7, p. 129–139; SE 9, p. 115–127

Freud S. (1907c), «Les explications sexuelles données aux enfants», trad. D. Berger, in La vie sexuelle, Paris, PUF, p. 7–13; GW 7, p. 19–27; SE 9, p. 129–139.

Freud S. (1908b), «Caractère et érotisme anal», trad. D. Berger et al., in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 143–148; GW 7, p. 203–209; SE 9, p. 167–175.

Freud S. (1908c), «Les théories sexuelles infantiles», trad. J.-B. Pontalis, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 14–27; GW 7, p. 171–188; SE 9, p. 205–226.

Freud S. (1908d), «La morale sexuelle civilisée et la maladie nerveuse des temps modernes», trad. D. Berger, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 28–46; GW 7, p. 143–167; SE 9, p. 177–204.

Freud S. (1909b), «Analyse de la phobie d'un garçon de cinq ans (le petit Hans)», trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein, in Cinq psychanalyses, Paris, PUF, 1954, p. 93–198; OCF. P., IX, p. 1–130; GW 7, p. 243–377; SE 10, p. 1–147.

Freud S. (1909d), «Remarques sur un cas de névrose obsessionnelle (L'Homme aux rats), trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein», in Cinq psychanalyses, Paris, PUF, 1954, p. 199–261; OCF. P., IX, p. 131–214; GW 7, p. 381–463; SE 10, p. 151–249.

Freud S. (1910c), Un souvenir d'enfance de Léonard de Vinci, trad. J. Altounian et al., Paris, Gallimard, édition bilingue, 1991; OCF. P., X, p. 79–164; GW 8, p. 128–211; SE 11, p. 57–137.

Freud S. (1910d), «Perspectives d'avenir de la thérapeutique psychanalytique», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 23–34; OCF. P., X, p. 61–74; GW 8, p. 104–115; SE 11, p. 139–151.

Freud S. (1910h), «D'un type particulier de choix objectai chez l'homme», trad. J. Laplanche, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 47–55; OCF. P., X, p. 187–200; GW 8, p. 66–77; SE 11, p. 163–175.

Freud S. (1910k), «À propos de la psychanalyse dite 'sauvage'», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 35–42; OCF. P., X, p. 205–214; GW 8, p. 118–125; SE 11, p. 219–227.

Freud S. (1911b), «Formulations sur les deux principes du cours des événements psychiques», trad. J. Laplanche, in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 135–143; OCF. P., XI, p. 12–21; GW 8, p. 230–238; SE 12, p. 213–226.

Freud S. (1911c), «Remarques psychanalytiques sur l'autobiographie d'un cas de paranoïa (Dementia paranoïdes) (Le Président Schreber)», trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein, in Cinq psychanalyses, Paris, PUF, 1954, p. 263–321; OCF. P., X, p. 225–304; GW 8, p. 240–316; SE 12, p. 1–79.

Freud S. (1911d), «La signification de l'ordre des voyelles», trad. f. Altounian et al., in Résultats, idées, problèmes I, Paris, PUF, 1984, p. 169; GW 8, p. 348; SE 12, p. 341.

Freud S. (1911e), «Le maniement de l'interprétation des rêves en psychanalyse», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 43–49; OCF. P., XI, p. 41–48; GW 8, p. 350–357; SE 12, p. 89–96.

Freud S. (1912b), «La dynamique du transfert», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, p. 50–60; OCF. P., XI, p. 105–116; GW 8, p. 364–374; SE 12, p. 97–108.

Freud S. (1912d), «Considérations sur le plus commun des ravalements de la vie amoureuse (Contributions à la psychologie de la vie amoureuse II)», trad. J. Laplanche, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 55–65; GW 8, p. 78–91; SE 11, p. 177–190.

Freud S. (1912e), «Conseils aux médecins sur le traitement psychanalytique», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 61–71; OCF. P., XI, p. 143–154, GW 8, p. 376–387; SE 12, p. 109–120.

Freud S. (1912-1913a), Totem et tabou, trad. S. Jankélévitch, 1923, rév., 1965, Paris, Payot, 1923, 1965; OCF. P., XI, p. 189–386; GW 9; SE 13, p. 1–161.

Freud S. (1913b), «Introduction à O. Pfister», Psychoanalytische Methode, GW 10, p. 448–450; SE 12, p. 327–331 (N'existe pas en français.)

Freud S. (1913c), «Le début du traitement», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 80–104; GW 8, p. 454–478; SE 12, p. 121–144.

Freud S. (1913i), «La disposition à la névrose obsessionnelle. Une contribution au problème du choix de la névrose», trad. D. Berger et al., in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 189–197; GW 8, p. 442–452; SE 12, p. 311–326.

Freud S. (1914b), «Le Moïse de Michel-Ange», trad. E. Marty, in Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1971, p. 9–41; GW 10, p. 171–201; SE 13, p. 209–236.

Freud S. (1914c), «Pour introduire le narcissisme», trad. D. Berger, J. Laplanche et al., in La vie sexuelle, Paris, PUF, 2e éd., 1970, p. 81–105; GW 10, p. 138–170; SE 14, p. 67–102.

Freud S. (1914d), «Contribution à l'histoire du mouvement psychanalytique», trad. S. Jankélévitch, in Cinq leçons sur la psychanalyse, Paris, Payot, 1973, p. 69–155; GW 10, p. 44–113; SE 14, p. 1–66.

Freud S. (1914g), «Remémoration, répétition et élaboration», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1970, p. 105–115; GW 10, p. 126–136; SE 12, p. 145–156.

Freud S. (1915–1917), Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968.

Freud S. (1915a [1914]), «Observations sur l'amour de transfert», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1953, 1970, p. 116–130; GW 10, p. 306–321; SE 12, p. 159–171.

Freud S. (1915b), «Considérations actuelles sur la guerre et la mort», trad. S. Jankélévitch, rév. A. Hesnard, in Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1970, p. 235–267; OCF. P., XIII, p. 127–155; GW 10, p. 324–355; SE 14, p. 273–300.

Freud S. (1915c), «Pulsions et destins des pulsions», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, p. 11–43; OCF. P., XIII, p. 163–188; GW 10, p. 210–232; SE 14, p. 109–140.

Freud S. (1915d), «Le refoulement», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, p. 45–63; OCF. P., XIII, p. 189–204; GW 10, p. 248–261; SE 14, p. 141–158.

Freud S. (1915e), «L'inconscient», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, p. 65–121; OCF. P., XIII, p. 205–244; GW 10, p. 264–303; SE 14, p. 159–215.

Freud S. (1916–1917 [1915–1916]), Leçons d'introduction à la psychanalyse, trad. S. Jankélévitch, Paris, Payot 1973; OCF. P., XIV, p. 1–516; GW 11; SE 15–16.

Freud S. (1917c), «Sur les transformations des pulsions particulièrement dans l'érotisme anal», trad. D. Berger, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 106–112; GW 10, p. 402–410; SE 17, p. 125–133.

Freud S. (1917d), «Complément métapsychologique à la théorie du rêve», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, p. 123–143; GW 10, p. 421–426; SE 14, p. 217–235.

Freud S. (1917e [1915]), «Deuil et mélancolie», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, p. 145–171; GW 10, p. 428–446; SE 14, p. 237–258.

Freud S. (1918b [1914]), «Extraits de l'histoire d'une névrose infantile (L'Homme aux loups)», trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein, in Cinq psychanalyses, Paris, PUF, 1954, p. 325–420; OCF. P., XIII, p. 1–118; GW 12, p. 29–157; SE 17, p. 1–122.

Freud S. (1919a), «Les voies nouvelles de la thérapeutique psychanalytique», trad. A. Berman, in De la technique psychanalytique, Paris, PUF, 1953, p. 131–141; OCF. P., XV, p. 97–108; GW 12, p. 183–194; SE 17, p. 157–168.

Freud S. (1919e), «Un enfant est battu. Contribution à la genèse des perversions sexuelles», trad. D. Guérineau, in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 219–243; OCF. P., XV, p. 115–146; GW 12, p. 197–226; SE 17, p. 175–204.

Freud S. (1919h), L'inquiétante étrangeté, in L'inquiétante étrangeté et autres essais, trad. B. Féron, Paris, Gallimard, 1985, p. 209–263.

Freud S. (1920a), «Sur la psychogenèse d'un cas d'homosexualité féminine», trad. G. Guérineau, in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 245–270, OCF. P., XV, p. 233–262, GW 12, p. 271–302, SE 18, p. 145–172.

Freud S. (1920g), Au-delà du principe de plaisir, trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1981, p. 41–115; OCF. P., XV, p. 273–338; GW 13, p. 3–69; SE 18, p. 1–64.

Freud S. (1921c), Psychologie des foules et analyse du moi, trad. P. Cotet et al., Paris, Payot, 1981, p. 117–217; OCF. P., XVI, p. 1–83; GW 13, p. 73–161; SE 18, p. 65–143.

Freud S. (1921e), «Extrait d'une lettre à Claparède», trad. Y. Le Lay. Genève, Sonor, 1921, p. 69–70; OCF. P., XV, p. 347–352 (n'existe pas en allemand); SE 11, p. 214–215.

Freud S. (1923a), «'Psychanalyse' et 'Théorie de la libido'», trad. J. Altounian et al., in Résultats, idées, problèmes II, Paris, PUF, 1985, p. 51–77; GW 13, p. 211–233; SE 18, p. 235–259.

Freud S. (1923b), Le moi et le ça, trad. J. Laplanche, in Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1981, p. 219–274; OCF. P., XVI, p. 255–302; GW 13, p. 237–289; SE 19, p. 1–59.

Freud S. (1923e), «L'organisation génitale infantile», trad. J. Laplanche, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 113–116; OCF. P., XVI, p. 303–310; GW 13, p. 293–298; SE 19, p. 139–145.

Freud S. (1924b), «Névrose et psychose», trad. D. Guérineau, in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 283–286; OCF. P., XVII, p. 1–7; GW 13, p. 387–391; SE 19, p. 147–153.

Freud S. (1924c), «Le problème économique du masochisme», trad. J. Laplanche, in Névrose, psychose et perversion, Paris, PUF, 1973, p. 287–297; GW 13, p. 371–383; SE 19, p. 155–170.

Freud S. (1924d), «La disparition du complexe d'Œdipe», trad. D. Berger, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 117–122; OCF. P., XVII, p. 27–33; GW 13, p. 395–402; SE 19, p. 171–179.

Freud S. (1924e), «La perte de la réalité dans la névrose et dans la psychose», trad. D. Guérineau, Paris, PUF, 1973, p. 299–303; OCF. P., XVII, p. 35–41; GW 13, p. 363–368; SE 19, p. 181–187.

Freud S. (1925d), Sigmund Freud présenté par lui-même, trad. F. Cambon, Paris, Gallimard, 1984; OCF. P., XVII, p. 51–122; GW 14, p. 33–96; SE 20, p. 1–70.

Freud S. (1925h), «La négation», trad. J. Laplanche, in Résultats, idées, problèmes, II, Paris, PUF, 1985, p. 135–139; OCF. P., XVII, p. 165–171; GW 14, p. 11–15; SE 19, p. 233–239.

Freud S. (1925j), Quelques conséquences psychologiques de la différence anatomique entre les sexes», trad. D. Berger, J. Laplanche et al., in La vie sexuelle,

Paris, PUF, 1970, p. 123–132; OCF. P., XVII, p. 189–202; GW 14, p. 19–30; SE 19, 241–258.

Freud S. (1926b), «Karl Abraham» (n'existe pas en français); GW 14, p. 564; SE 20, p. 277–278.

Freud S. (1926d [1925]), Inhibition symptôme et angoisse, trad. M. Tort, Paris, PUF, 1951, 1968; OCF. P., XVII, p. 203–286; GW 14, p. 113–205; SE 20, p. 75–174.

Freud S. (1926e), La question de l'analyse laïque, trad. J. Altounian, Paris, Gallimard, 1985; OCF. P., XVIII, p. 1–92; GW 14, p. 209–286; SE 20, p. 177–250.

Freud S. (1927c), L'avenir d'une illusion, trad. M. Bonaparte, Paris, PUF, 1971; OCF. P., XVIII, p. 141–197; GW 14, p. 325–380; SE 21, p. 1–56.

Freud S. (1927d), «L'humour», trad. M. Bonaparte et M. Nathan, in Le mot d'esprit et ses rapports avec l'inconscient, Paris, Gallimard, 1969, p. 367–376; OCF. P., XVIII, p. 133–140; GW 14, p. 383–389; SE 21, p. 159–166.

Freud S. (1927e), «Le fétichisme», trad. D. Berger, J. Laplanche et al., in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1970, p. ISS–US; OCF. P., XVIII, p. 123–132; GW 14, p. 311–317; SE 21, p. 147–157.

Freud S. (1928a [1927]), «Un événement de la vie religieuse», trad. M. Bonaparte, in L'avenir d'une illusion, Paris, PUF, 1971, p. 95–100; OCF. P., XVIII, p. 199–204; GW 14, p. 393–396; SE 21, p. 167–172.

Freud S. (1930a [1929]), Malaise dans la civilisation, trad. R. M. Zeitlin, Paris, Gallimard, 1984; OCF. P., XVIII, p. 245–333; GW 14, p. 421–506; SE 21, p. 57–145.

Freud S. (1931b), «De la sexualité féminine», trad. D. Berger, in La vie sexuelle, Paris, PUF, 1969, p. 139–155; OCF. P., XIX, p. 7–28; GW 14, p. 517–537; SE 21, p. 221–243.

Freud S. (1933a [1932]), Nouvelles conférences d'introduction à la psychanalyse, trad. R. M. Zeitlin, Paris, Gallimard 1984; OCF. P., XIX, p. 83–268; GW 15, p. 6–197; SE 22, p. 1–182.

Freud S. (1933b), «Pourquoi la guerre?», trad. J. G. Delarbre et A. Rauzy, in Résultats, idées, problèmes II, Paris, PUF, 1985, p. 203–215, OCF. P., XIX, p. 61–82; GW 16, p. 13–27; SE 22, p. 203–215.

Freud S. (1933c), «Sândor Ferenczi †», OCF. P., XIX, p. 309–314, GW 16, p. 267–269; SE 22, p. 225–229.

Freud S. (1936a), Un trouble de mémoire sur l'Acropole (lettre à Romain Rolland), trad. M. Robert, in Résultats, idées, problèmes II, Paris, PUF, 1985, p. 221–230; OCF. P., XIX, p. 325–338, GW 16, p. 250–257; SE 22, p. 237–248.

Freud S. (1937a), «Lou Andreas-Salomé» (n'existe pas en français); GW 16, p. 270; SE 23, p. 297–298.

Freud S. (1937c), «L'analyse avec fin et l'analyse sans fin», trad. J. Altounian et al., in Résultats, idées,problèmes II, Paris, PUF, 1985, p. 231–268; GW 16, p. 59–99; SE 23, p. 209–253.

Freud S. (1937d), «Constructions dans l'analyse», trad. E. R. Hawelka et al., in Résultats, idées, problèmes II, Paris, PUF, 1985, p. 269–281; GW 16, p. 43–56; SE 23, p. 255–269.

Freud S. (1939a), L'homme Moïse et la religion monothéiste, trad. C. Heim, Paris, Gallimard, 1986.

Freud S. (1940a [1938]), Abrégé de psychanalyse, trad. A. Berman, Paris, PUF, 1949, 1967; GW 17, p. 67–138; SE 23, p. 139–207.

Freud S. (1940e (1938]), «Le clivage du moi dans le processus de défense», trad. R. Lewinter et J.-B. Pontalis, in Résultats, idées, problèmes II, Paris, PUF, 1985, p. 283–286; GW 17, p. 59–62; SE 23, p. 271–278.

Freud S. (1942a [1905–1906]), «Personnages psychopathiques à la scène», trad. J. Altounian et al., in Résultats, idées, problèmes I, Paris, PUF, 1984, p. 123–129. Ne se trouve pas dans les GW, SE 7, p. 303–310.

Freud S. (1950a [1887–1902]), La naissance de la psychanalyse. Lettres à Fliess. Notes et plans (1887–1902), trad. A. Berman, Paris, PUF, 1956.

Freud S. (1950c [1895]), «Esquisse d'une psychologie scientifique», trad. A. Berman, in La naissance de la psychanalyse. Lettres à Wilhelm Fliess. Notes et plans (1887-1902), Paris, PUF, 1956, p. 307–396.

Freud S. (1965a), Correspondance Sigmund Freud–Karl Abraham, 1907–1926, éd. H. Abraham et E. Freud, trad. F. Cambon et F.-P. Grossein, Paris, Gallimard, 1969.

Freud S. (1968a), Correspondance Sigmund Freud–Arnold Zweig, 1927–1939, éd. E. Freud, trad. L. Weibel, Paris, Gallimard, 1973.

Freud S. (1985a [1915]), Vue d'ensemble sur les névroses de transfert. Un essai métapsychologique, éd. I. Grubrich-Simitis, trad. P. Lacoste, Paris, Gallimard, 1986.

Freud S. (1985c [1887–1904]), The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess 1887–1904, trad, et éd. J.-M. Masson. Cambridge (Mass.)–London, 985.

Freud S. (1987c [1908–1938]), Correspondance Sigmund Freud–Stefan Zweig, trad. G. Hauer et D. Plassard, éd. H. U. Lindken, Paris, Rivages, 1991.

Freud S. (1992 [1908–1938]), Correspondance Sigmund Freud – Ludwig Binswanger, éd. G. Fichtner, trad. R. Menahem et M. Strauss, Paris, Calmann-Lévy, 1995.

Freud S. et Abraham K. (2003), The Complete Correspondence of Sigmund Freud and Karl Abraham, 1907–1925, éd. E. Falzeder, trad. C. Schwarzachen, C. Trollope et K. Majthényi King, London, Karnac.

Freud S. et Breuer J. (1893a [1892]), «Les mécanismes psychiques des phénomènes hystériques: communication préliminaire», trad. A. Berman, in S. Freud, J. Breuer, Études sur l'hystérie, Paris, PUF, 1956, p. 1–13; GW 1, p. 83–98; SE 2, p. 1–17.

Freud S. et Breuer J. (1895d), Études sur l'hystérie, trad. A. Berman, Paris, PUF, 1956, GW 1, p. 77–312; SE 2, p. 1–309.

Freud S. et Ferenczi S. (1992), Correspondance, t. 1: 1908–1914, éd. E. Brabant, E. Falzeder et P. Giampieri–Deutsch, trad. Équipe du Coq-Héron, Paris, Calmann-Lévy.

Freud S. et Jones E. (1993), Correspondance complète (1908–1939), éd. R. A. Paskauskas, trad. P.-E. Dauzat et al., Paris, PUF, 1998.

Freud S. et Pfister O. (1963a), Correspondance de Sigmund avec le pasteur Pfister, 1909–1939, éd. E. Freud et H. Meng, trad. L. Jumel, Paris, Gallimard, 1966.

Freud S. et Zweig A. (1968a), Correspondance, 1927–1939, éd. E. Freud, trad. L. Weibel, Paris, Gallimard, 1973.

Gabbard G. O. et Lester E. (1995), Boundaries and Boundary Violations in Psychoanalysis, New York, Basic Books.

Gardiner M. (dir.) (1971), L'Homme aux loups par ses psychanalystes et par lui-même, trad. L. Weibel, Paris, Gallimard, 1981, p. 268–313.

Gay P. (1988), Freud. Une vie, trad. T. Jollas, Paris, Hachette, 1991.

Geissman C. et Geissman P. (1992), Histoire de la psychanalyse de l'enfant, Paris, Bayard.

Glover E. (1955), Technique de la psychanalyse, trad. C. Laurin, Paris, PUF, 1958; rééd., Paris, Tchou, 2000.

Graf H. (1972), Mémoires d'un homme invisible, supplément au n° 3 de l'Une bévue, 1993.

Gibeault A. (2000), "In response to Otto F. Kernberg 'Psychoanalysis, psychoanalytic psychotherapy and supportive psychotherapy: Contemporary controversies'", Int. Psycho-Anal., 81, 379–383.

Green A. (1972), «De 'l'Esquisse' à L'interprétation des rêves: coupure et clôture», Nouv. rev. psychanal., n° 5, p. 155–180.

Green A. (1973), Le discours vivant, Paris, *PUF.*

Green A. (1983), Narcissisme de vie et narcissisme de mort, Paris, Minuit.

Green A. (1986), «Pulsion de mort, narcissisme négatif et fonction désobjectalisante», in La pulsion de mort, 1er Symposium de la Fédération européenne de psychanalyse, Paris, PUF, p. 49–59.

Green A. (1992), «La psychanalyse et la science», Médecine et Hygiène, 50, 2350–2377.

Greenson R. R. (1967), Technique et pratique de la psychanalyse, trad. F. Robert, Paris, PUF, 1977.

Grinberg L. (1962), "On a specific aspect of countertransference due to the patient's projective identificaton", Int. J. Psycho-Anal., 43, 436–440.

Grinberg L., Sor D. et Bianchedi E. de (1973), Nouvelle introduction à la pensée de Bion, Lyon, Césura, 1996.

Groddeck G. W. (1921), Le chercheur d'âme, Paris, Gallimard, 1982.

Groddeck G. W. (1923), Le livre du ça, trad. L. Jumel, Paris, Gallimard, 1963.

Grosskurth P. (1986), Melanie Klein, son monde et son œuvre, trad. C. Anthony, Paris, PUF, 1989.

Grubrich-Simitis I. (1985), Retour aux manuscrits, trad. P. Lacoste, Paris, Gallimard, 1986; rééd., Paris, PUF, 1997.

Grunberger B. (1971), Le narcissisme, Paris, Payot.

Hanly C. (1986), "Book review of The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory", by Jeffrey M. Masson, 1984, Int. J. Psycho-Anal., 67, 517–519.

Hartmann H., La psychologie du moi et le problème de l'adaptation, Paris, PUF, 1958.

Hartmann H., Kris E. et Loewenstein R. M. (1969), «Notes psychanalytiques sur 'culture et personnalité'», in W. Münsterberger (éd.) (1969), L'anthropologie psychanalytique depuis «Totem et tabou», trad. J. Kalmanovitch, Paris, Payot, 1976, p. 181–211.

Hawelka E. R. (1974), «Introduction et commentaire», in L'Homme auxrats: foumald'une analyse, Paris, PUF, 1974.

Haynal A. (1986), La technique en question. Controverses en psychanalyse, Paris, Payot.

Haynal A. (2001), Un psychanalyste pas comme un autre. La renaissance de Sándor Ferenczi, Neuchâtel–Paris, Delachaux & Niestlé.

Haynal A. et Falzeder E. (2002), "Introduction", in The Complete Correspondence of Sigmund Freud and Karl Abraham, 1907–1925, London–New York, Kamac, p. XIX–XXX.

Heimann P. (1950), «À propos du contre-transfert», in P. Heimann, M. Little, A. Reich et L. Tower (eds), Le contre-transfert, trad. C. Garrigues et N. Katan-Beaufils, Paris, Navarin, 1987, p. 23–29.

Hinshelwood R. D. (1989), Dictionnaire de la pensée kleinienne, trad. G. Nagler, Paris, PUF, 2002.

Hinshelwood R. D. (2002), "Introduction", in Dictionnaire de la pensée kleinienne, Paris, PUF, p. 1–3.

Hirschmüller A. (1978), Joseph Breuer, trad. M. Weber, Paris, PUF, 1991.

Homey K. (1922), La psychologie de la femme, trad. G. Rinzeler, Paris, Payot, 1969; rééd., 1971.

Hug-Hellmuth H. (1912a), «Analyse eines Traumes eines Fünfeinhalbjährigen», Zentralbl. Psychoanal. und Psychother., 2/3, 122–127, trad. George Mac Lean, in Psychiat. J. Univ. Ottawa, 11/1 (1986), p. 1–5.

Hug-Hellmuth H. (1921), «A propos de la technique de l'analyse des enfants», Psychiatrie infantile, «Reflets 1958–1985», numéro spécial, 1988, p. 3–22.

Israëls H. (1981), Schreber, père et fils, trad. N. Sels, Paris, Le Seuil, 1986.

Jackson M. et Williams P. (1994), Unimaginable Storms. A Search for Meaning in Psychosis, London, Karnak, trad. E. Baranger, Impensables tourmentes, Paris, Éd. du Hublot, 2004.

Jeanneau A. (1990), Les délires non psychotiques, Paris, PUF.

Jones E. (1916), «La théorie du symbolisme», in Théorie et pratique de la psychanalyse, trad. A. Stronk, Paris, Payot, 1969, p. 82–131.

Jones E. (1927), «Le développement précoce de la sexualité féminine», in Théorie et pratique de la psychanalyse, trad. A. Stronk, Paris, Payot, 1969, p. 399–411.

Jones E. (1935), «Sexualité féminine primitive», in Théorie et pratique de la psychanalyse, trad. A. Stronk, Paris, Payot, 1969, p. 442–452.

Jones E. (1953-1957), La vie et l'œuvre de Sigmund Freud, 3 vol., Paris, PUF, 1958–1969.

Jones E. (1959), Free Associations. Memories of a Psychoanalyst, New York, Basic Books.

Joseph B. (1985), "Transference: A total situation", Int. J. Psycho-Anal., 66, 447–454.

Jung C. G. (1902), «Phénomènes occultes», trad. É. Godet et Y. Le Lay, Paris, Aubier, 1939.

Jung C. G. (1907), Über die Psychologie der «Dementia præcox»: ein Versuch, Halle, Marhold.

Jung C. G. (1911-1912), Métamorphoses et symboles de la libido, Paris, Montaigne, 1931.

Jung C. G. (1921), Types psychologiques, trad. et préface de Y. Le Lay, Genève, Georg, 1950.

Kardiner A. (1939), L'individu dans la société. Essai d'anthropologie psychanalytique, trad. T. Prigent, Paris, Payot, 1969.

Kernberg O. (1975), Borderline Conditions and Pathological Narcissism, New York, Jason Aronson.

King P. et Steiner R. (1991), Les controverses Anna Freud – Melanie Klein, 1941–1945, trad. E. Prado de Oliveira, Paris, PUF, 1996.

Klein M. (1921), «Le développement d'un enfant», trad. M. Derrida, in Essais de psychanalyse, Paris, PUF, 1967, p. 29–89.

Klein M. (1928), «Les stades précoces du conflit œdipien», trad. M. Derrida, in Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1967, p. 229–241.

Klein M. (1930), «L'importance de la formation du symbole dans le développement du moi», trad. M. Derrida, in Essais de psychanalyse, Paris, PUF, 1967, p. 263–278.

Klein M. (1932), La psychanalyse des enfants, trad. J.-B. Boulanger, Paris, PUF, 1959.

Klein M. (1935), «Contribution à la psychogenèse des états maniaco-dépressifs», trad. M. Derrida, in Essais de psychanalyse, Paris, PUF, 1968, p. 311–340.

Klein M. (1940), «Le deuil et ses rapports avec les états maniaco-dépressifs», trad. M. Derrida, in Essais de psychanalyse, Paris, PUF, 1968, p. 341–369.

Klein M. (1946), «Notes sur quelques mécanismes schizoides», trad. W. Baranger, in Développements de la psychanalyse, Paris, Payot, 1968, p. 274–300.

Klein M. (1957), Envie et gratitude et autres essais, trad. V. Smirnoff et al., Paris, Gallimard, 1968.

Kohut H. (1971), Le Soi. Psychanalyse des transferts narcissiques, trad. M.-A. Lussier, Paris, PUF, 1974.

Kris E. (1956), "The recovery of childhood memories in psycho-analysis", Psychoanal. Study Child, 11, 54–88.

Kroeber A. L. (1920), «Totem et tabou: une psychanalyse ethnologique», Rev. franç. psychanal., 57, 773–785, 1993.

Lacan J. (1949), «Le stade du miroir comme formateur de la fonction de Je», in Écrits, Paris, Le Seuil, 1966, p. 93–100.

Lacan J. (1953), «Fonction et champ de la parole et du langage en psychanalyse», in Écrits, Paris, Le Seuil, 1966, p. 237–322.

Lacan J. (1955), «La Chose freudienne ou Sens du retour à Freud en psychanalyse», in Ecrits, Paris, Le Seuil, 1966, p. 406–436.

Lacan J. (1957), «L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud», in Écrits, Paris, Le Seuil, 1966, p. 493–528.

Lacan J. (1981), Le Séminaire, livre III: Les psychoses (1955–1956), Paris, Le Seuil.

Ladame F. (1991), «L'adolescence, entre rêve et action», Rev. franç. psychanal., 55, 1493–1542.

Lansky M. R. (1992), Essential Papers on Dreams, New York–London, New York University Press.

Laplanche J. (1980), Problématique, I. L'angoisse, Paris, PUF.

Laplanche J. (1987), «La séduction généralisée aux fondements de la théorie et à l'horizon de la pratique psychanalytique», Conférence à Genève, 9 mai 1987 (Compte rendu par J.-M. Quinodoz, Bull. Soc. suisse psychanal., 24, 98–99).

Laplanche J. et Pontalis J.-B. (1967), Vocabulaire de la psychanalyse, Paris, PUF.

Lax R. (1992), "A variation on Freud's theme in 'A child is being beaten' – Mother's role: Some implications for superego development in women", J. Amer. Psychoanal. Assn., 40, 455–473.

Le Bon G. (1895), Psychologie des foules, Paris, Alcan, rééd. Paris, PUF, 2002.

Lipps T. (1898), Komik und Humor. Eine psychologish-ästetische Untersuchung, Hamburg, L. Voss.

Lipton S. D. (1977), "The advantage of Freud's technique as shown in his analysis of the Rats Man", Int. J. Psycho-Anal., 58, 255–273.

Little M. (1951), «Le contre-transfert et la réponse qu'y apporte le patient», in P. Heimann, M. Little, A. Reich et L. Tower (eds), Le contre-transfert, trad. C. Garrigues et N. Katan-Beaufils, Paris, Navarin, 1987, p. 30–47.

Lothane Z. (1992), In Defense of Schreber: Soul Murder and Psychiatry, Hillsdale-London, The Analytic Press.

Luquet P. (1985), Introduction à la collection «Le Fait psychanalytique», Paris, PUF.

Macalpine I. et Hunter R. A. (1955), «Préface», in D. P. Schreber (1903), Mémoires d'un névropathe, trad. P. Duquenne, Paris, Le Seuil, 1975.

Mack-Brunswick R. (1928), "The analysis of a case of paranoia. Delusion and jealousy", J. Nerv. Ment. Dis., 70, 1–22, 155–178.

Mack-Brunswick R. (1928-1971), Supplément à «Extrait de l'histoire d'une névrose infantile» de S. Freud, trad. M. Bonaparte, in M. Gardiner, L'Homme aux loups par ses psychanalystes et par lui-même, Paris, Gallimard, 1981, p. 268–313.

Mahler M., Pine F. et Bergman A. (1975), La naissance psychologique de l'être humain, trad. J. Garon Léonard, Paris, Payot, 1980.

Mahony P. (1986), Freud et l'Homme aux rats, trad. B. Vichyn, Paris, PUF, 1991.

Mahony P. (1993), "The dictator and his cure", Int. J. Psycho-Anal., 74, 1245–1251.

Mahony P. (2002), «Remarques sur un cas de névrose obsessionnelle», in A. de Mijolla (éd.), Dictionnaire international de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Manzano J. (1989), «La séparation et la perte d'objet chez l'enfant», Rev. franç. psychanal., 53, 241–272.

Masson J.-M. (1984), Le réel escamoté, trad. C. Monod, Paris, Aubier-Montaigne, 1985.

Masters W. et Johnson V. (1966), Human Sexual Response, Boston, Little, Brown.

McDougall W. (1921), The Group Mind, Cambridge, Univ. Press.

Messier D. (1988), «Notice terminologique du traducteur», in S. Freud, Le mot d'esprit et ses rapports avec l'inconscient, Paris, Gallimard, p. 413–424.

Meissner W. W. S. J. (1984), Psychoanalysis and Religious Experience, New Haven, Conn., Yale University Press.

Meissner W. W. S. J. (2002), "Religion and Psychoanalysis", in E. Edward (éd.), The Freud Encyclopedia. Theory, Therapy, and Culture, London–New York, Routledge.

Mijolla A. de (éd.) (2002), Dictionnaire de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Miller J. A. (2003), «L'avenir de la psychanalyse. Débat entre Daniel Widlöcher et Jacques-Alain Miller», Psychiatrie, Sciences humaines, Neurosciences, 1/1, 10–18.

Mitchell J. (1972), Psychoanalysis and Feminism, Hardsmondsworth, Penguin Books.

Münsterberger W. (1969), L'anthropologie psychanalytique depuis «Totem et tabou», trad. J. Kalmanovitch, Paris, Payot, 1976.

Neyraut M. (1974), Le transfert, Paris, PUF.

Niederland W. G. (1963), "Further data and memorabilia pertaining to the Schreber case", Int. J. Psycho-Anal., 44, 208–212.

Obholzer K. (1980), Entretiens avec l'Homme aux loups: une psychanalyse et ses suites, trad. R. Dugas, Paris, Gallimard, 1981.

Oraison M. (1950), Vie chrétienne et problème de la sexualité, Paris, Fayard, 1970.

Palacio Espasa F. (2003), Dépression de vie, dépression de mort, Ramonville-Saint-Agne, Erès.

Parin P. et Morgenthaler F. (1969), «L'analyse du caractère basée sur les schèmes du comportement des 'primitifs' africains», in W. Münsterberger (éd.) (1969), L'anthropologie psychanalytique depuis «Totem et tabou», trad. J. Kalmanovitch, Paris, Payot, 1976, p. 157–178.

Perelberg R. J. (éd.) (2000), Dreaming and Thinking, London, Institute of Psychoanalysis.

Perelberg R. J. (2002), «Féminisme et psychanalyse», in A. de Mijolla (éd.), Dictionnaire de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Pfister O. (1928), «L'illusion d'un avenir», Rev. franç. psychanal., 41, 503–545, 1977.

Pragier G. et Faure-Pragier S. (1990), «Un siècle après l'Esquisse': nouvelles métaphores? Métaphores du nouveau?», Rev. franç. psychanal., 54, 1395–1529.

Quinodoz D. (1994), Le vertige, entre angoisse et plaisir, Paris, PUF.

Quinodoz D. (1999), «Deux grands méconnus: les parents adoptifs d'Œdipe. Du dédoublement des imagos paren tales au dédoublement des affects», Rev. franç. psychanal., 63, 103–122.

Quinodoz D. (2001), "The psychoanalyst of the future: Wise enough to dare to be mad at times", Int. J. Psycho-Anal., 82, 235–248.

Quinodoz D. (2002), Des mots qui touchent. Une psychanalyste apprend à parler, Paris, PUF.

Quinodoz J.-M. (1989), "Female homosexual patients in psychoanalysis", Int. J. Psycho-Anal., 70, 57–63.

Quinodoz J.-M. (1991), La solitude apprivoisée. L'angoisse de séparation en psychanalyse, Paris, PUF.

Quinodoz J.-M. (1997a), "Transitions in psychic structures in the light of deterministic chaos theory", Int. J. Psycho-Anal., 78, 699–718.

Quinodoz J.-M. (1997b), "'A child is being beaten'. A seminar with Candidates from the Perspective of Contemporary Psychoanalysis", in On Freud's "A child is being beaten", International Psychoanalytical Association Monograph, 5th Volume, edited by E. Spector Person, 112–132, New Haven–London, Yale University Press.

Quinodoz J.-M. (2000), «Mélancolie maniaque: quelle issue?», Rev. franç. psychanal., 64, 1825–1835.

Quinodoz J.-M. (2001), Les rêves qui tournent une page, Paris, PUF.

Quinodoz J.-M. (2002), «L'identification projective: qu'en pensent les psychanalystes de langue française?», Bull. Féd. européenne psychanal., 56, 148–156.

RacamierP.-C. et Chasseguet-Smirgel J. (1966), «La révision du cas Schreber», Rev. franç. psychanal., 30, 3–26.

Racker H. (1953), "A contribution to the problem of countertransference", Int. J. Psycho-Anal., 34, 313–324.

Rank O. (1909), Le mythe de la naissance du héros, trad. E. Klein, Paris, Payot, 1983.

Rank O. (1924), Le traumatisme de la naissance, trad. S. Jankélévitch, Paris, Payot, 1928.

Rice E. (2002), "Religion and Psychoanalysis", in E. Edward (ed.), The Freud Encyclopedia, London–New York, Routledge.

Ricceur P. (1965), De l'interprétation. Essai sur Freud, Paris, Le Seuil.

Riesenberg Malcom R. (1988), "The mirror: A perverse sexual phantasy in a woman seen as a defence against a psychotic breakdown", in E. Bott Spillius (éd.), Melanie Klein today, London–New York, Routledge.

Robert M. (1964), La révolution psychanalytique, Paris, Payot, 2 vol.

Robbins T., Cotran R. S., Kumar V. (1974), Pathologic Basis of Disease, Philadesphia, Saunders, 6e éd., 1999.

Rodrigué E. (1996), Freud. Le siècle de la psychanalyse, trad. P. Rey, Paris, Payot, 2000.

Roiphe J. (1995), "The conceptualisation and communication of clinical facts", Int. J. Psycho-Anal., 76, 1179–1190.

Roheim G. (1950), Psychanalyse et anthropologie, trad. M. Moscovici, Paris, Gallimard, 1967.

Rosenfeld H. (1964), États psychotiques. Essais psychanalytiques, trad. G. Diatkine, A. et M. Gibeault, Paris, PUF, 1976.

Rosenfeld H. (1971), «Les aspects agressifs du narcissisme: un abord clinique de la théorie des instincts de vie et de mort», Nouv. rev. psychanal., n° 9, 1974, p. 205–221.

Roudinesco E. et Pion M. (1997), Dictionnaire de la psychanalyse, Paris, Fayard.

Sandler J. (éd.) (1991), Freud aujourd'hui. L'analyse sans fin et l'analyse avec fin, Monographie de l'Association psychanalytique internationale, Paris, Bayard, 1994.

Sandler A. M. (1966), "The psychoanalytic legacy of Anna Freud", The Psychoanalytic Study of the Child, vol. 51, p. 11–22.

Sandler A. M. (2004), Communication personnelle.

Schaeffer J. (1986), «Le rubis a horreur du rouge. Relation et contre-investissement hystérique», Rev. franç. psychanal., 50, 923–944.

Schäppi R. (2002), La femme est le propre de l'homme, Paris, Odile Jacob.

Schapiro M. (1956), «Léonard et Freud», in Style, artiste et société, trad. B. Allan et al., Paris, Gallimard, 1982, p. 93–138.

Sherfey M. J. (1966), "The evolution and nature of female sexuality in relation to psychoanalytic theory", J. of the American Psychoanalytic Association, 14, 28–128.

Schmidt W. (1929), «Der Œdipus-K der freudschen Psychoanalyse und die Ehegestaltung des Bolschevismus. Eine kritische Prüfung ihre ethnologischen Grundlagen», Nationalwirtschaft, 2, 401–436.

Schreber D. (1903), Mémoires d'un névropathe, trad. P. Duquenne, Paris, Le Seuil, 1975.

Schur M. (1972), La mort dans la vie de Freud, trad. B. Bost, Paris, Gallimard, 1975.

Segal H. (1957), «Note sur la formation du symbole», in Délire et créativité, trad. J. Vincent-Chambrier et C. Vincent, Paris, Des Femmes, 1987, p. 93–111.

Segal H. (1979), Melanie Klein: développement d'une pensée, trad. J. Goldberg et G. Petit, Paris, PUF, 1982.

Segal H. (1986), «De l'utilité clinique du concept de pulsion de mort», in La pulsion de mort, Ier Symposium de la Fédération européenne de psychanalyse, Paris, PUF, p. 27–37.

Segal H. (1991), Rêve, art, phantasme, trad. A. Comby, Paris, Bayard, 1993.

Segal H. (1995), Comments on Ruth Riesenberg Malcom's paper UCL Conference on Projective Identification, London, October 1995 (unpublished).

Segal H. (2002), «Ne rien avoir tiré de l'expérience: Hiroshima, guerre du Golfe et 11 septembre», Internat. Psychoanalysis, 11, 33–35.

Sellin E. (1922), Mose und seine Bedeutung für die israelitish-jüdische Religionsgeschichte, Leipzig.

Sharpe E. F. (1937), Dream Analysis, London, Hogarth, 1978.

Silverman M. (1980), "A fresh look at the case of Little Hans", in M. Kanzer et J. Glenn (eds), Freud and his Patients, New York, Jason Aronson, p. 95–120.

Solms M. et Kaplan-Solms K. (2000), Clinical Studies in Neuro-Psychoanalysis. An Introduction to Depth Neuropsychology, New York–London, The Other Press–Karnak.

Spitz R. A. (1957), Le non et le oui, Paris, PUF, 1962.

Spitz R. A. (1965), De la naissance à la parole, Paris, PUF, 1968.

Steiner R. (2002), «Ernest Jones (1879-1958)», in A. de Mijolla (éd.), Dictionnaire international de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Stoller R. J. (1968), Recherches sur l'identité sexuelle, trad. N. Novodorski, Paris, Gallimard, 1978.

Strachey J. (1957), "Editor's introduction (to 'Mourning and Melancholia')", SE 14, p. 239–242.

Strachey J. (1959), "Editor's introduction ('Inhibitions symptoms and anxiety')", SE, p. 77–86.

Sullivan H. S. (1944–1945), The Psychiatric Interview, New York, W. W. Norton, 1954.

Taylor E. (2002), "Jung, Carl Gustav (1875–1961)", in The Freud Encyclopedia, London–New York, Routledge, p. 298–300.

This B. (2002), «Dolto-Marette, Françoise», in A. de Mijolla (éd.), Dictionnaire international de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Tous J. M. (1996), "Hysteria one hundred years on. Panel report", Int. J. Psycho-Anal., 77, 75–78.

Vallet O. (2002), «Religion et psychanalyse», in A. de Mijolla (éd.), Dictionnaire international de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Vassali G. (2001), "The birth of psychoanalysis from the spirit of technique", Int. J. Psych-Anal., 82, 3–25.

Vassali G. (2002), «Erraten ou verraten: deviner ou trahir», trad. M. Gribinski, Penser/Rêver, 2002, p. 211–256.

Vermorel H. et Vermorel M. (1993), Sigmund Freud et Romain Rolland, Correspondance, 1923–1936, Paris, PUF.

Weber K. (2002), «Suisse alémanique», in A. de Mijolla (éd.), Dictionnaire international de la psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy.

Widlöcher D. (2003), «L'avenir de la psychanalyse. Débat entre Daniel Widlöcher et Jacques-Alain Miller», Psychiatrie, Sciences humaines, Neurosciences, 3/1, 10–18.

Winnicott D. W. (1947), «La haine dans le contre-transfert», in De la pédiatrie à la psychanalyse, trad. J. Kalmanovitch, Paris, Payot, 1969, p. 48–58.

Winnicott D. W. (1955–1956), «Les formes cliniques du transfert», in De la pédiatrie à la psychanalyse, trad. J. Kalmanovitch, Paris, Payot, 1969, p. 185–190.

Winnicott D. W. (1958), «La capacité d'être seul», in De la pédiatrie à la psychanalyse, trad. J. Kalmanovitch, Paris, Payot, 1969, p. 205–213.

Wollheim R. (1971), Freud, Glascow, Fontana/Collins.

Yerushalmi Y. H. (1991), Moïse de Freud. Judaïsme terminable et interminable, trad. J. Carnaud, Paris, Gallimard, 1993.

Young-Bruehl E. (1988), Anna Freud, trad. J.-P. Ricard, Paris, Payot, 1991.

Zilboorg G. (1942), "The catholic doctor", Psychoanal. Quart., 11, 419–421.

Научное издание

Серия «Библиотека психоанализа»

Жан-Мишель Конодо

ЧИТАЯ ФРЕЙДА
Изучение трудов Фрейда
в хронологической перспективе

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*
Корректор – *Л. В. Бармина*

ИД № 05006 от 07.06.01
Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Сдано в набор 09.09.11. Подписано в печать 03.10.11
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ITC Charter. Печ. л. 26,0. Усл. печ. л. 33,8. Уч.-изд. л. 32,9
Тираж 1000 экз. Заказ 6812.
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Жан-Мишель Кинодо – психиатр, обучающий и супервизирующий психоаналитик Швейцарского психоаналитического общества, имеет частную практику в Женеве. Почетный член Британского психоаналитического общества. В течение 10 лет являлся редактором европейского отделения *Международного журнала психоанализа,* в настоящее время главный редактор *Психоаналитических ежегодников,* публикующих материалы этого журнала на разных языках. Автор многих статей и книг, в частности, вышедшей на русском языке монографии «Приручение одиночества».

В основу данной книги положен опыт проведения семинара по изучению трудов Зигмунда Фрейда, организованного Жан-Мишелем Кинодо в 1998 году в рамках подготовки специалистов в Психоаналитическом центре им. Раймона де Соссюра (Женева). Каждая глава книги посвящена отдельному произведению Фрейда, причем хронологический принцип изложения позволяет читателю представить ход мысли основателя психоанализа, а системность подачи материала формирует целостное впечатление об изучаемой работе. Помимо обсуждения изучаемого произведения, дается краткая информация о социально-исторических условиях его написания, излагаются соответствующие по времени факты жизни самого Фрейда, значимых для психоанализа фигур и наиболее известных пациентов, выделяются основные понятия, введенные Фрейдом в данной работе, а также прослеживается судьба этих понятий в хронологической перспективе и в трудах постфрейдистов. Отдельное место в книге уделено изложению принципов активного изучения творчества Фрейда.

9 785893 533521 >